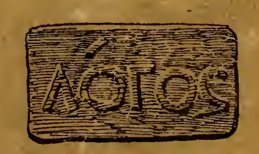
Книгоиздательство „ЛОГОСЪ“

ДЖ. КЕННАНЪ.

СИБИРЬ И ССЫЛКА.







Книгоиздательство „ЛОГОСЪ“.

ДЖ. КЕННАНЪ.

СИБИРЬ
и
ССЫЛКА.

МОСКВА. 1906.



Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер , д. Лисснера.

Джорджъ Кеннанъ родился въ 1845 г. въ гор. Норвалькѣ штата Огіо Сѣверной Америки. Въ 1864 г., по порученію Western Union Telegraphe Company, на службѣ котораго Кеннанъ состоялъ въ качествѣ телеграфиста, онъ совершилъ свое первое путешествіе черезъ Никарагуа и Калифорнію въ Камчатку для выясненія вопроса о возможности проведенія телеграфнаго кабеля въ Европу черезъ Аляску, Беринговъ проливъ и Сибирь.

Возвратившись изъ путешествія, Кеннанъ въ 1870 г. издалъ рядъ очерковъ подъ заглавіемъ „Tent life in Siberia and aventures amongtie Koraks in Northern Kamtschatka and other Tribes in Northern Asia". На русскомъ языкѣ эти очерки появились въ 1872 г. подъ заглавіемъ „Кочевая жизнь въ Сибири. Приключенія среди коряковъ и другихъ племенъ Камчатки и сѣверной Азіи".

Въ 1870—1871 гг., по порученію журнала „Century Magazine", Кеннанъ совершилъ путешествіе по юго-восточной Россіи, объѣхавъ нижнюю часть Волги, Каспійское море и Кавказъ, при чемъ особое вниманіе было имъ отдано Дагестану. Впечатлѣнія отъ этой поѣздки Кеннанъ опубликовалъ въ видѣ корреспонденцій въ названномъ журналѣ.

Въ 1885—1886 гг. Кеннанъ, въ сопровожденіи бостонскаго художника Георгія Фроста, совершилъ, по порученію того же журнала, большое путешествіе по сѣверо-восточной Россіи и Сибири со спеціальной цѣлью изучить систему русской ссылки. Описаніе этого путешествія, появившееся первоначально (въ 1889—1890 гг.) въ „Century Magazine", вышло въ 1891 г.

отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: „Siberia and the Exile System“ и вскорѣ было переведено на многіе европейскіе языки.

Рядъ прекрасныхъ описаній природы, часто образныхъ и художественныхъ, цѣлая портретная галлерея славныхъ русскихъ борцовъ за свободу, томившихся на огромномъ протяженіи отъ Урала до Нерчинскихъ рудниковъ, яркое и подробное изображеніе сибирскихъ этаповъ и тюремъ, глубокое сочувствіе автора къ жертвамъ русской полицейской бюрократіи — все это, несмотря даже на нѣкоторые, неизбѣжные для иностранца, недочеты и почти двадцатилѣтнюю давность, дѣлаетъ книгу Кеннана интересною, въ особенности для русскаго общества, и теперь.

Начиная съ 1886 г., Кеннанъ прочелъ въ Америкѣ и Англіи нѣсколько лекцій о Сибири и русской ссылкѣ, а во время послѣдней испанско-американской войны посѣтилъ, въ качествѣ корреспондента, театръ военныхъ дѣйствій и въ 1899 г. издалъ книгу „Campaigning in Cuba“. Спутникъ Кеннана Г. Фростъ вскорѣ по возвращеніи изъ сибирскаго, тягостнаго по впечатлѣніямъ, путешествія сошелъ съ ума.

Въ русскомъ переводѣ предлагаемая книга Кеннана впервые вышла въ 1891 г. въ Лондонѣ подъ заглавіемъ „Сибирь и ссылка“. Въ Россіи она впервые была издана подъ тѣмъ же заглавіемъ въ текущемъ году, но въ весьма сокращенномъ видѣ. Настоящее изданіе является полнымъ переводомъ лучшаго произведенія Кеннана.

Ред.

Предисловіе автора.

Главамъ о Сибири и о системѣ ссылки я долженъ предпослать нѣсколько словъ объ условіяхъ, при которыхъ мнѣ пришлось путешествовать, и изложить мое тогдашнее мнѣніе о русскихъ дѣлахъ. Мысль изслѣдовать менѣе извѣстныя части Сибири и тщательно изучить систему ссылки впервые болѣе или менѣе опредѣлилась у меня въ 1879 году. Послѣ наблюденій, которыя мнѣ удалось сдѣлать въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ моего перваго посѣщенія Сибири и во время предпринятаго затѣмъ путешествія на лошадяхъ въ 5000 англійскихъ миль, Сибирь показалась чрезвычайно интересной и многообѣщающей областью для изслѣдователя. Она была, конечно, сравнительно хорошо извѣстна русскимъ, отчасти или вполнѣ владѣющимъ ею въ теченіе 300 лѣтъ, но для американца она въ то время была такою же terra incognita, какъ центральная Африка или Тибетъ. Убійство Александра II въ 1881 году и ссылка большого количества русскихъ революціонеровъ въ рудники Забайкалья усилили мой интересъ къ Сибири и дали новую опору моему желанію не только изучить на мѣстѣ систему ссылки, но изслѣдовать также революціонное движеніе Россіи въ той части имперіи, гдѣ подобное изслѣдованіе только и могло разсчитывать на успѣхъ, именно — въ мѣстахъ ссылки революціонеровъ. Мнѣ казалось безнадежнымъ предпріятіемъ искать нигилистовъ или добиваться объясненія политическихъ событій и интересующаго меня соціальнаго явленія въ Петербургѣ или Москвѣ. Самые выдающіеся активные дѣятели революціонной драмы 1878—1879 годовъ уже находились въ Сибири; если полиція русскаго правительства и не могла разыскать немногихъ остававшихся еще въ Европейской Россіи, то мнѣ, конечно, никоимъ обра-

зомъ нельзя было разсчитывать на это. Въ Сибири, пожалуй, было возможно войти въ сношенія съ сосланными нигилистами и именно тамъ надо было попытаться получить желаемое разрѣшеніе.

Разныя обстоятельства, недостатокъ времени и средствъ для столь значительнаго путешествія не дали мнѣ возможности осуществить свое намѣреніе до лѣта 1884 года, когда издатель „Century Magazine", заинтересовавшійся моими планами, предложилъ мнѣ отправиться въ Сибирь и опубликовать затѣмъ результаты путешествія въ его журналѣ. Мною была предпринята предварительная поѣздка въ Петербургъ и Москву, чтобы собрать необходимый матеріалъ и удостовѣриться, не окажетъ ли русское правительство какого-либо противодѣйствія моему предпріятію. Въ октябрѣ я вернулся съ увѣренностью, что мой планъ выполнимъ, что въ Сибири нѣтъ ничего, что́ бы желали скрыть, и что, наконецъ, мое имя въ литературѣ — если только я имѣлъ его — склонило русское правительство въ мою пользу и обезпечило мнѣ всѣ облегченія, на которыя могъ разсчитывать благоразумный изслѣдователь. Мое тогдашнее мнѣніе о сибирской системѣ ссылки и объ отношеніи къ политическимъ преступникамъ со стороны русскаго правительства вполнѣ и открыто высказано въ докладѣ, который я читалъ въ 1882 году въ Географическомъ Обществѣ въ Нью-Йоркѣ, а также въ послѣдовавшей за нимъ газетной полемикѣ. Я полагалъ, что писатели, какъ, напр., Степнякъ и князь Кропоткинъ, зло оклеветали русское правительство и систему ссылки, что Сибирь — вовсе уже не такая ужасная страна, какою воображаютъ ее себѣ американцы, что болѣе соотвѣтствуютъ истинѣ описанія сибирскихъ рудниковъ и тюремъ въ только что появившейся книгѣ священника Henry Lansdell. Нигилистовъ, террористовъ и вообще политическихъ недовольныхъ, державшихъ столько времени Россію въ страхѣ и ужасѣ, я считалъ, хотя и не высказывалъ этого, неблагоразумными и упрямыми фанатиками того анархическаго типа, съ которымъ намъ за послѣднее время въ Соединенныхъ Штатахъ пришлось свести столь непріятное знакомство. Однимъ словомъ, я былъ настроенъ въ пользу русскаго правительства и противъ русскихъ революціонеровъ. Я вижу особую важность въ этомъ обстоятельствѣ не потому, чтобы мое мнѣніе тогда само по себѣ имѣло какую-либо особенную

цѣнность, но потому, что правильно оцѣнить результаты какого-либо изслѣдованія можно только въ томъ случаѣ, когда извѣстны предубѣжденіе и личныя симпатіи изслѣдователя. Далѣе, этому обстоятельству я приписываю значеніе еще и потому, что оно отчасти объясняетъ то дружеское расположеніе, которое проявляло по отношенію ко мнѣ русское правительство; именно этимъ объясняется и полученіе мною разрѣшенія посѣщать тюрьмы и рудники, и тѣ сравнительно незначительныя препятствія, которыя ставились мнѣ на моемъ пути, въ видѣ ареста и содержанія подъ стражей, даже послѣ того, какъ мои поступки и связи вполнѣ основательно навлекли на себя подозрѣніе мѣстныхъ сибирскихъ властей. Весьма сомнительно, чтобы путешественнику, не раздѣлявшему заранѣе видовъ правительства, была разрѣшена поѣздка по Сибири съ ясно выраженнымъ намѣреніемъ изучить систему ссылки или чтобы онъ могъ избѣгнуть серіозныхъ непріятностей послѣ того, какъ открылась, что онъ вступилъ въ сношенія съ опасными политическими преступниками самаго дурного сорта и жилъ съ ними по-дружески. Только письмо русскаго министра внутреннихъ дѣлъ спасало меня при моихъ частыхъ столкновеніяхъ съ полиціей и подозрительными мѣстными чиновниками въ отдаленныхъ сибирскихъ деревняхъ отъ постоянныхъ арестовъ, тюремнаго заключенія или обыска и меня лично, и моего багажа,— отъ всего того, что въ совокупности должно было повлечь за собою высылку меня по этапу изъ предѣловъ имперіи и утрату моихъ замѣтокъ и документовъ. Это письмо, мой якорь спасенія въ трудныя минуты, никогда не попало бы въ мои руки, если бы я не былъ извѣстенъ, какъ защитникъ русскаго правительства противъ нападокъ нѣкоторыхъ изъ его многочисленныхъ враговъ, или если бы не предполагали, что гордость и желаніе казаться послѣдовательнымъ, вѣроятно, не позволятъ мнѣ сознаться въ своемъ заблужденіи даже и въ томъ случаѣ, когда тюрьмы и ссылка окажутся хуже, чѣмъ я ожидалъ. Эта книга должна выяснить, насколько мое мнѣніе было основательно и насколько мои предубѣжденія совпадали съ фактами.

Заканчивая это введеніе, я хотѣлъ бы еще высказать свою искреннѣйшую, сердечнѣйшую благодарность всѣмъ моимъ многочисленнымъ друзьямъ, знакомымъ и доброжелателямъ въ Россіи и Сибири, которые поощряли меня, содѣйствовали

моимъ изслѣдованіямъ и доставляли мнѣ весьма цѣнные матеріалы. Одни изъ нихъ — политическіе ссыльные, разсказывая мнѣ свою жизнь, рисковали тою жалкою будущностью, которая у нихъ еще оставалась впереди; другіе — офицеры конвойной команды, повѣрившіе, что я не сообщу ихъ именъ, безъ утайки сообщили мнѣ результаты своего многолѣтняго опыта; третьи, наконецъ, — честные, гуманные тюремные чиновники, тщетно докладывавшіе по начальству о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ тюремной системы, разсказали, наконецъ, о нихъ мнѣ, дѣлая послѣднюю попытку обратить вниманіе правительства и общества. Большинства этихъ людей я не могу назвать по имени. Хотя заслуги и характеры этихъ лицъ таковы, что ихъ имена заслуживаютъ памяти, они имѣютъ, однако, несчастіе жить въ странѣ, гдѣ откровенно высказанное мнѣніе служитъ для правительства доказательствомъ „неблагонадежности“, а стремленіе къ улучшеніямъ наказуется какъ преступленіе. Упоминаніе именъ навлекло бы на этихъ людей подозрѣніе и надзоръ со стороны правительства и лишило бы ихъ и безъ того ограниченной возможности дѣлать добро. Свою благодарность за ихъ довѣріе, радушіе и помощь я могу высказать только тѣмъ, что полученныя мною свѣдѣнія использую въ ихъ духѣ, — въ интересахъ гуманности, свободы лучшаго правленія. Къ Россіи и русскому народу я питаю искреннѣйшее расположеніе и симпатію; если бы мнѣ удалось искреннимъ сообщеніемъ результатовъ своихъ изслѣдованій ближе познакомить общество съ Россіей и ея народомъ и хоть немного облегчить судьбу тѣхъ несчастныхъ, для которыхъ „до Бога высоко, до царя далеко“, то это было бы для меня лучшей наградой за тягостное путешествіе и горькія испытанія въ моей жизни.

Георгій Кеннанъ.

I.

Черезъ русскую границу.

Сибирская экспедиція, снаряженная издателемъ журнала „Century Magazine", выѣхала изъ Нью-Йорка въ Ливерпуль 2 мая 1885 года. Она состояла изъ Георгія А. Фроста, бостонскаго художника, и автора этой книги. Мы оба говорили по-русски и оба бывали уже въ Сибири; я лично посѣщалъ русское царство четвертый разъ. Мы познакомились другъ съ другомъ на службѣ русско-американскаго телеграфнаго общества, а тягости и лишенія путешествія по Сибири стали намъ извѣстны благодаря болѣе или менѣе продолжительному пребыванію въ сѣверной Азіи. Нашъ планъ дѣйствій былъ одобренъ организаторомъ нашей экспедиціи; мы получили отъ него самыя широкія полномочія относительно средствъ и путей для достиженія нашей цѣли и, хотя вполнѣ сознавали всю серьезность нашего предпріятія, все же надѣялись на успѣхъ. Въ воскресенье 10-го мая мы были въ Лондонѣ и 13-го въ среду начали свое путешествіе въ Петербургъ черезъ Дувръ, Остенде, Кельнъ, Ганноверъ, Берлинъ и Эйдкуненъ. Такъ какъ весна подходила уже къ концу и для насъ имѣло большое значеніе попасть въ Сибирь какъ можно скорѣе для того, чтобы можно было воспользоваться лѣтнимъ временемъ и хорошими дорогами, то я рѣшилъ пробыть въ русской столицѣ только пять дней; но мы имѣли несчастье прибыть въ Петербургъ какъ разъ къ началу длиннаго ряда церковныхъ праздниковъ, и изъ десяти дней только четыре могли использовать на свои дѣла.

Добившись аудіенціи у г. Влангалли, секретаря министерства иностранныхъ дѣлъ, я вручилъ ему рекомендательныя письма и откровенно сообщилъ о нашихъ намѣреніяхъ. Я сказалъ, что, по моему мнѣнію, нѣкоторые писатели отнеслись съ пристрастіемъ къ Сибири и къ системѣ ссылки, зло оклеветавъ ихъ; что отвѣчающее дѣйствительности описаніе страны, тюремъ и рудниковъ скорѣе могло бы послужить на пользу русскому правительству, чѣмъ во вредъ, и что, наконецъ, врядъ ли кто нибудь можетъ заподозрить меня въ томъ, что я, ранѣе публично выступавшій съ защитой русскаго правительства, стану теперь разыскивать въ Сибири факты, которые уличили бы меня во лжи. Мои разъясненія, которыя отвѣчали моему искреннему убѣжденію, расположили, казалось, г. Влангалли въ мою пользу; въ концѣ аудіенціи, длившейся минутъ 20, онъ сообщилъ мнѣ, что разрѣшеніе на поѣздку въ Сибирь мы получимъ во всякомъ случаѣ;

со своей стороны онъ окажетъ всевозможное содѣйствіе нашему предпріятію открытымъ листомъ ко всѣмъ губернаторамъ Сибири и, сверхъ того, постарается снабдить насъ рекомендательнымъ письмомъ министра внутреннихъ дѣлъ. На вопросъ, откроютъ ли намъ эти письма доступъ въ сибирскія тюрьмы, мы получили отрицательный отвѣтъ, такъ какъ такое разрѣшеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должно быть исходатайствовано у губернаторовъ соотвѣтственныхъ областей. Онъ не пожелалъ высказаться относительно шансовъ на полученіе подобнаго разрѣшенія. Я заключилъ отсюда, что правительство не намѣрено снабдить насъ неограниченными полномочіями, но сохранитъ надъ нами дружественный контроль и, смотря по обстоятельствамъ, будетъ то допускать насъ въ тюрьмы, то отказывать въ этомъ. Мнѣ казалось болѣе благоразумнымъ не настаивать на дальнѣйшихъ разрѣшеніяхъ, хотя я и предвидѣлъ много трудностей; поблагодаривъ за предупредительный и благосклонный пріемъ, я удалился.

Нѣсколько дней спустя, на второй аудіенціи, г. Влангалли вручилъ мнѣ обѣщанныя письма, пожелавъ при этомъ, чтобы я, по пути въ Сибирь, въ Москвѣ представился г. Каткову, извѣстному издателю „Московскихъ Вѣдомостей". Я получилъ запечатанное рекомендательное письмо къ хранителю правительственнаго архива въ Москвѣ барону Булеру, который долженъ былъ отрекомендовать меня г. Каткову. Характеръ и карьера великаго русскаго поборника автократіи мнѣ были не безызвѣстны, и я былъ радъ познакомиться съ нимъ, хотя, казалось, я угадывалъ истинную причину желанія г. Влангалли: талантливый и убѣжденный публицистъ долженъ былъ укрѣпить во мнѣ благопріятное мнѣніе о русскомъ правительствѣ; его взгляды на русскую политику должны были оказать на меня свое дѣйствіе и этимъ предохранить меня отъ опасности подпасть подъ вліяніе сосланныхъ нигилистовъ, съ которыми я могъ бы встрѣтиться во время путешествія по Сибири. Эта предусмотрительность казалась мнѣ совершенно излишней, такъ какъ мое мнѣніе о нигилистахъ было уже настолько не въ ихъ пользу, насколько этого могло желать правительство. Что касается мнѣній, высказанныхъ мною высокопоставленнымъ русскимъ чиновникамъ, то я не могу упрекнуть себя ни въ недостаткѣ откровенности, ни въ лицемѣріи. Я получилъ разрѣшеніе на поѣздку въ Сибирь отнюдь не благодаря обману или притворству. Не вслѣдствіе неискренности мое теперешнее мнѣніе не сходится съ тѣмъ, которое я въ 1885 году высказывалъ г. Влангалли, но потому, что, на основаніи поразительныхъ фактовъ, мои взгляды измѣнились.

Послѣ того, какъ мы пріобрѣли фотографическій аппаратъ, необходимыя книги и карты и получили около 50 рекомендательныхъ писемъ къ учителямъ, горнымъ инженерамъ и правительственнымъ чиновникамъ во всѣхъ частяхъ Сибири. мы 31-го мая послѣ обѣда выѣхали изъ Петербурга въ Москву. Разстояніе отъ русской столицы до сибирской границы равняется приблизительно 1600 англ. милямъ (2410 верстъ) и путь, которымъ преимущественно пользуются путешественники и ссыльные, проходитъ черезъ Москву, Нижній, Казань, Пермь и Екатеринбургъ. Русская желѣзнодорожная сѣть кончается на востокѣ въ

Нижнемъ, но лѣтомъ пароходы по Волгѣ и Камѣ поддерживаютъ сообщеніе этого города съ Пермью. Отдѣльная желѣзная дорога, въ 467 верстъ длиною, которая прорѣзываетъ Уралъ и соединяетъ водные пути Волги и Оби, ведетъ изъ Перми въ Екатеринбургъ[1]).

По прибытіи въ Москву, я передалъ барону Булеру запечатанное рекомендательное письмо и отправился вмѣстѣ съ нимъ въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей", гдѣ мы, къ сожалѣнію, узнали, что г. Катковъ уѣхалъ изъ Москвы и его отсутствіе продолжится 2—3 недѣли. Такъ какъ мы не могли ждать его возвращенія, а больше въ Москвѣ насъ ничто не удерживало, то мы выѣхали по желѣзной дорогѣ въ Нижній, куда и прибыли въ четвергъ утромъ 4-го іюня. Путешественника, посѣщающаго впервые Нижній, при видѣ города охватываетъ удивленіе, даже ужасъ, когда онъ съ вокзала на низкомъ берегу Оки направляется къ Волгѣ. Чистыя, хорошо вымощенныя улицы, длинные ряды массивныхъ зданій, бульваръ, засаженный вѣтвистыми березами и тополями, каналъ съ перекинутыми черезъ него граціозными мостами, живописная водокачка, величественный соборъ Александра Невскаго, биржа, театры, гостиницы, площади — все это, повидимому, указываетъ на жизнь многолюднаго торговаго города, — но никакого признака живыхъ существъ нигдѣ нѣтъ. На вымершихъ улицахъ растетъ всюду трава. Птицы чирикаютъ въ деревьяхъ безлюднаго тѣнистаго бульвара, многочисленныя лавки и товарные склады заперты наглухо, церковные колокола безмолвствуютъ, и удивленный пріѣзжій долго можетъ бродить вдоль рядовъ, не замѣчая ни открытой двери, ни экипажа, не встрѣчая ни единой человѣческой души. Если онъ вспомнитъ, что Нижній-Новгородъ извѣстенъ своей ярмаркой, то онъ выведетъ заключеніе, что эта опустѣвшая часть города и есть мѣсто знаменитой ярмарки, хотя его и поразитъ мысль, что этотъ городъ, кажущійся въ теченіе девяти мѣсяцевъ какъ бы вымершимъ, предназначенъ исключительно для этой временной цѣли. Ярмарочная часть Нижняго лежитъ на низменномъ полуостровѣ между Окой и Волгой, нѣсколько выше ихъ сліянія; старый городъ расположенъ на крутой террасѣ въ 400 футовъ высотою на правомъ берегу Оки. Ярмарочный городъ въ то же время представляетъ собою огромный торговый „караван-сарай", куда ежегодно съѣзжается до 500.000 человѣкъ для купли и продажи товаровъ. Въ сентябрѣ число его жителей часто простирается до 100.000 чел., а цѣнность сложеннаго здѣсь добра доходитъ до 75.000.000 долларовъ (150.000.000 руб.). Въ январѣ же, февралѣ и мартѣ всѣ его жители могли бы помѣститься въ самой незначительной изъ тамошнихъ гостиницъ и всѣ запасы товаровъ можно было бы сложить въ одномъ изъ многочисленныхъ складовъ. Здѣсь господствуетъ нѣчто въ родѣ перемежающейся торговой лихорадки: за ежегоднымъ парок-

[1]) Во время нашего пребыванія въ Сибири была закончена желѣзная дорога до Тюмени, расположенной на одномъ изъ притоковъ Оби, такъ что въ настоящее время Петербургъ соединенъ съ Семипалатинскомъ и Томскомъ при помощи пароходства и желѣзной дороги.

сизмомъ напряженной, неестественной дѣятельности слѣдуетъ долгій промежутокъ бездѣйствія и оцѣпененія.

Съ перваго взгляда кажется прямо-таки невѣроятнымъ, чтобы такой большой городъ, съ церквями, мечетями, театрами, площадями, банками, гостиницами, биржей, почт съ 7.000 лавокъ и столькими же жилыми домами, служилъ своимъ цѣлямъ столь недолгое время, а затѣмъ совершенно покидался. Когда я впервые увидѣлъ этотъ единственный въ своемъ родѣ городъ въ январѣ 1868 года въ ясную зимнюю ночь, онъ представлялъ собою необычайную картину безжизненности и унынія. Луна освѣщала длинныя, тихія, покрытыя снѣгомъ улицы и изливала свое серебристое сіяніе на бѣлыя стѣны и куполы стараго собора; въ ея нѣжномъ свѣтѣ сверкали навѣянныя къ закрытымъ дверямъ снѣжныя массы и покрытыя бѣлой пеленой крыши. Городъ казался не только безлюднымъ, но и покореннымъ сѣверными стихіями безжизненности и льда.

Осенью 1870 г. во время ежегодной ярмарки я съ трудомъ узналъ городъ: онъ былъ окруженъ лѣсомъ мачтъ, безпрестанно въ пыльной, душной атмосферѣ раздавался рѣзкій пароходный свистокъ; на берегу и въ лавкахъ были сложены товары цѣнностью до 125.000.000 руб.; всѣ зданія были переполнены; 60.000 человѣкъ ежедневно направлялись чрезъ понтонный мостъ въ старый городъ; на большомъ бульварѣ, передъ домомъ губернатора, военный оркестръ исполнялъ увертюры Оффенбаховскихъ оперетокъ и на всѣхъ улицахъ проснувшагося послѣ долгаго сна города двигались поглощенныя дѣлами, жизнерадостныя толпы людей.

И вотъ опять увидѣлъ я ярмарочный городъ въ іюнѣ 1885 г.: онъ былъ такъ же покинутъ, какъ и при первомъ моемъ посѣщеніи, но во многихъ отношеніяхъ измѣнился къ лучшему. Массивныя кирпичныя зданія замѣнили собою длинные ряды деревянныхъ лавокъ и сараевъ; многія улицы были вымощены заново; число товарныхъ складовъ значительно увеличилось, и на низкомъ концѣ полуострова возвышался большой соборъ Александра Невскаго — самое выдающееся зданіе ярмарочнаго города.

Не оправдалось предположеніе, что нижегородская ярмарка съ постепеннымъ развитіемъ русской желѣзнодорожной сѣти и облегченіемъ сообщенія потеряетъ свое значеніе. Съ 1868 г. до 1881 г. стоимость ежегодно привозимыхъ на ярмарку товаровъ повысилась съ 120.000.000 руб. до 246.000.000, а число лавокъ и товарныхъ складовъ возросло съ 5.738 до 6.298. Въ настоящее время въ теченіе двухъ ярмарочныхъ мѣсяцевъ происходитъ товарообмѣнъ на сумму 225.000.000 руб. и число лавокъ и товарныхъ складовъ превышаетъ 7.000. Станція Московско-Нижегородской желѣзной дороги находится въ предѣлахъ ярмарочнаго города на лѣвомъ берегу Оки и лѣтомъ сообщеніе поддерживается со старымъ городомъ, расположеннымъ на другомъ берегу, посредствомъ парового парома и разводнаго моста. Видъ на укрѣпленный старый городъ со стороны рѣки чрезвычайно живописенъ. Высокій крутой берегъ, на которомъ онъ расположенъ, почти непосредственно изъ воды поднимается до высоты 400 футовъ; идущія вверхъ,

глубоко врѣзавшіяся улицы, то тутъ, то тамъ прерываются неширокими площадками, на которыхъ изъ-за зелени деревьевъ выступаютъ бѣлыя стѣны и позолоченные куполы церквей и монастырей. Разбросанныя по верхнему плато византійскаго стиля церкви, безчисленные куполы, рѣзко отличающіеся отъ темной зелени террасъ благодаря своей зеленой или голубой окраскѣ или покрывающему ихъ золоту и серебру, дерновые откосы съ сочной травой, здѣсь и тамъ простирающіеся до самаго края воды, щедро разукрашенныя суда на рѣкѣ,— все это въ теплое, ясное, солнечное, іюньское утро представляетъ собою картину, равную которой врядъ ли можно найти въ сѣверной Россіи. Обращенный къ Волгѣ, повидимому, въ восточной части плато, расположенъ, кремль крѣпость города; его высокія зубчатыя стѣны спускаются въ видѣ огромныхъ ступеней къ рѣкѣ, а сводчатыя главныя ворота и круглыя башни переносятъ зрителя въ средніе вѣка. 350 лѣтъ тому назадъ кремль считался неприступнымъ и въ теченіе столѣтія служилъ для городскихъ жителей вѣрнымъ убѣжищемъ при набѣгахъ дикихъ казанскихъ татаръ. Послѣ окончательнаго покоренія въ XVI вѣкѣ татарскаго ханства, кремль потерялъ свое значеніе и постепенно началъ подвергаться разрушенію. Его башни, имѣвшія первоначально высоту въ 100 футовъ, въ настоящее время представляютъ собою развалины съ наибольшей высотой въ 13 футовъ, и отъ объемистыхъ стѣнъ врядъ ли остался бы какой-либо слѣдъ, если бы онѣ не были такъ толсты и массивны и не были бы воздвигнуты на столь прочномъ фундаментѣ. Онѣ производятъ впечатлѣніе большей крѣпости и долговѣчности, чѣмъ стѣны знаменитаго московскаго кремля.

Сойдя съ парохода, мы отправились въ верхнюю часть стараго города, заняли номеръ въ гостиницѣ, отдали паспорта въ полицію и направились опять вдоль кремлевской стѣны къ берегу рѣки. Между крутымъ возвышеніемъ, на которомъ расположены городъ и кремль, и рѣкою находится узкая ровная полоса, которая зовется „Нижнимъ базаромъ“. Въ живописномъ хаотическомъ безпорядкѣ возвышаются здѣсь зданія самаго разнообразнаго вида. Рядомъ съ фешенебельными модными магазинами съ позолоченными вывѣсками и громадными витринами стоятъ простыя деревянныя будки; банки, гостиницы, пароходныя агентства чередуются съ мелочными и торгующими старьемъ лавками; совершенно неожиданно на мѣстахъ съ самымъ неподходящимъ сосѣдствомъ наталкиваешься на фантастически разукрашенныя старинныя церкви. Все пространство между рѣкой и возвышенностью заполнено лавками всѣхъ ранговъ, въ которыхъ можно пріобрѣсти все, что только угодно: булавки, деревянные гребни, сушеные грибы, корабельные якоря, церковные колокола, паровыя машины... Въ одной лавкѣ на „Нижнемъ базарѣ“ я видѣлъ выставленными для продажи слѣдующія вещи: полную салонную обстановку, двѣ плетеныя дѣтскія коляски, дѣтскій стулъ, 2 пилы, полдюжины старыхъ самоваровъ, дѣтскую колыбель, паровую машину, рога лося, 3 старыхъ водяныхъ котла, собраніе телескоповъ, церковный желѣзный 4-футовый крестъ, 6—8 часовъ; кузовъ экипажа, вѣники изъ перьевъ отъ пыли, би-

нокли, деревянные цѣпи, брелоки, наковальни, старые сапоги, кавказскій кинжалъ, верстаки, бубенчики, подъемные краны, корабельные канаты, пожарные рукава, сбруя, шпага, топорища, экипажныя подушки, позолоченые браслеты, желѣзные обручи, чемоданы, аккордіоны, 3—4 суповыхъ миски, наполненныхъ старыми гвоздями и винтами, большіе ножи (для мясниковъ), тиски съ винтами, удочки, револьверы, старыя сѣдла, старыя печныя трубы, ящикъ съ англійскими бисквитами и большая ванна. Этотъ составленный на мѣстѣ списокъ едва ли охватываетъ даже третью часть сложеннаго въ лавкѣ разнообразнаго товара, но у меня, къ сожалѣнію, не было времени для болѣе тщательной описи. Эта лавка въ нѣкоторомъ родѣ типична для всего „Нижняго базара", такъ какъ въ этой части города несомнѣнно больше всего бросается въ глаза разнородность зданій, жителей, торговли. Вдоль всего берега рѣки расположены пристани и стоятъ пароходы. Здѣсь въ живомъ торговомъ потокѣ тѣснятся люди изъ всѣхъ частей государства. Почти каждый часъ отходятъ пароходы внизъ по Волгѣ къ Сибирской границѣ и къ отдаленному Каспійскому морю; тысячи татаръ-крючниковъ нагружаютъ и выгружаютъ большія черныя баржи; небольшія одноконныя телѣги изъ грубаго неотесаннаго дерева, имѣющія видъ срѣзанныхъ по длинѣ бочекъ, на четырехъ колесахъ, вывозятъ длинными вереницами мѣшки, ящики, корзины съ берега, заваленнаго грудами товаровъ; широкая пыльная улица весь день кишитъ людьми: купцами, разносчиками, крестьянами, богомольцами, нищими и бродягами.

Духъ торговли, покорившій городъ, завладѣлъ даже дѣтьми. Когда я на берегу наблюдалъ за суетой, сквозь толпу протѣснился оборванный мальчуганъ лѣтъ 9, весь запасъ товаровъ котораго состоялъ изъ нѣсколькихъ связокъ сушеныхъ грибовъ, и съ увѣренностью опытнаго разносчика тонкимъ дѣтскимъ голосомъ сталъ кричать: „грибы! прекрасные грибы! поддержите коммерцію, господа! купите грибовъ! поддержите коммерцію!"

Разнообразіе народныхъ типовъ на „Нижнемъ базарѣ" въ іюнѣ мѣсяцѣ должно быть не такъ велико, какъ во время ярмарки, въ сентябрѣ; но своеобразіе одѣяній столь велико, что почти каждая отдѣльная фигура въ толпѣ кажется пріѣзжему наблюдателю интересной и достойной вниманія. Здѣсь глазъ останавливается на темно-коричневыхъ татарахъ въ круглыхъ шапкахъ и длинныхъ просторныхъ халатахъ; тамъ — на русскихъ крестьянахъ въ грязныхъ овчинахъ и большихъ лаптяхъ; ихъ ноги обмотаны грубыми онучами, поддерживаемыми перевязанными на крестъ веревками. Подозрительнаго вида монахи съ длинными волосами и бородой обращаютъ на себя вниманіе. Они вымаливаютъ въ пользу больницъ и церквей, подставляя для подаяній маленькія обитыя чернымъ бархатомъ дощечки, чтобы перемѣстить ихъ затѣмъ въ большія снабженныя желѣзными висячими замками цинковыя кружки, висящія у нихъ на шеѣ. Здѣсь разносчикъ превозноситъ свой „квасъ", медъ, „сорбетъ" и другіе соблазнительные, ярко окрашенные напитки; тамъ — другой разносчикъ расхваливаетъ громкимъ голосомъ качества поддѣльныхъ драго-

цѣнностей, соленыхъ огурцовъ, сушеныхъ грибовъ, бумажныхъ платковъ съ вытисненной желѣзнодорожной картой Россіи; къ этому присоединяется еще волнующаяся масса крупныхъ и мелкихъ торговцевъ изъ всѣхъ частей обширнаго Волжскаго бассейна.

Что больше всего поражаетъ путешественника на порогѣ юго-восточной Россіи, — это производительность страны, огромная масса самыхъ разнообразныхъ матеріальныхъ вспомогательныхъ средствъ и господствующая на всѣхъ главныхъ путяхъ сообщенія лихорадочная торговая дѣятельность. Обыкновенно американецъ представляетъ себѣ юго-восточную Россію страной, занятой отчасти пастбищами, отчасти пашнями, которая сама вполнѣ удовлетворяетъ всѣ потребности полуцивилизованнаго немногочисленнаго населенія; по отношенію же къ торговлѣ, страна, по его мнѣнію, не можетъ быть сравниваема даже съ самымъ отсталымъ изъ всѣхъ американскихъ штатовъ. Поэтому онъ не мало удивленъ, видя въ Нижнемъ Новгородѣ линію судовъ, растянувшуюся на 9—12 верстъ вдоль берега рѣки. Его поражаетъ, что для регулированія судоходства имѣется самостоятельный судъ съ отдѣльной юрисдикціей: что пристань или гавань подчинена контролю чиновника, который назначается министерствомъ торговли и имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣлый штатъ низшихъ служащихъ; что пароходы, рейсирующіе по Волгѣ и ея притокамъ, превышаютъ число пароходовъ на Миссисипи; что цѣнность продуктовъ, проходящихъ ежегодно по Камѣ, одному изъ притоковъ Волги, достигаетъ суммы 30.000.000 рублей; что, наконецъ, воды Волжскаго бассейна ежегодно несутъ на себѣ 300.000.000 пуд. товара, транспортъ которыхъ требуетъ 7.000 судовъ и занимаетъ почти 200.000 матросовъ. Образованный американецъ долженъ былъ бы это знать, но я этого не зналъ, и это открытіе меня поразило.

Въ воскресенье утромъ, 6-го іюня, мы сѣли на пароходъ бр. Каменскихъ, чтобы проѣхать 1000 миль (1500 верстъ) въ Пермь, сначала внизъ по Волгѣ, затѣмъ вверхъ по Камѣ. Говорятъ, что Египетъ — созданіе Нила. Съ такимъ же правомъ, подобно этому, можно сказать, что восточная Россія есть созданіе Волги. Этнологическій составъ населенія главнымъ образомъ былъ вызванъ этой рѣкой; вся исторія страны уже болѣе 1000 лѣтъ стоитъ въ тѣсной связи съ ней; она оказала свое вліяніе на характеръ и занятія всѣхъ восточно-русскихъ племенъ и до сихъ поръ еще отъ нея зависятъ въ той или иной мѣрѣ благосостояніе и благоденствіе болѣе чѣмъ 10.000.000 людей. Во всѣхъ отношеніяхъ Волгу надо считать одной изъ самыхъ значительныхъ рѣкъ. Ея длина отъ Валдайской возвышенности до Каспійскаго моря составляетъ 2.300 миль (3.475 верстъ); ея ширина ниже Царицына въ половодье превышаетъ 30 миль (45 верстъ), такъ что переѣзжающій съ одного берега на другой теряетъ ихъ совершенно изъ виду и забываетъ, что онъ на рѣкѣ, а не на морѣ; она орошаетъ 9 губерній и на ея берегахъ расположено 39 городовъ и болѣе 1000 деревень и поселковъ. Самая важная часть Волги находится между Нижнимъ-Новгородомъ и устьемъ Камы; на ней во время навигаціи поддерживаютъ сообщеніе 450 пароходовъ. Вплоть

до самарской луки Волга представляетъ вездѣ картину оживленной торговой дѣятельности и покрыта пароходами, баржами и большими лодками, нагруженными товарами изъ восточной Россіи, Сибири и центральной Азіи. Даже продукты только тѣхъ мѣстностей, которыя омываются Волгой, сами по себѣ имѣютъ огромное значеніе. Многія села, какъ напримѣръ, Лысково, мимо котораго нашъ пароходъ проѣхалъ въ промежуткѣ между Нижнимъ и Казанью, и которыя издали производятъ впечатлѣніе незначительныхъ группъ деревянныхъ домовъ, ежегодно нагружаютъ хлѣбомъ 700 судовъ. Ландшафтъ верхней Волги гораздо живописнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ рѣки, текущей по ровной однообразной мѣстности. Лѣвый берегъ, правда, большею частью низокъ и неинтересенъ; зато правый поднимается почти непосредственно изъ воды на 400—500 футовъ, и въ промежуткахъ отъ 3 до 5 верстъ онъ, въ видѣ отроговъ горъ, далеко врѣзывается въ рѣку, образуя маленькія соединенныя другъ съ другомъ озера, на неподвижной поверхности которыхъ отражается темная зелень дѣвственнаго лѣса съ одной стороны и смѣлые контуры гористаго берега съ другой. То здѣсь, то тамъ на холмахъ показываются бѣлыя стѣны и серебряные куполы церкви, окруженной маленькой деревней изъ группы простыхъ бревенчатыхъ зданій, съ искусно вырѣзанными и раскрашенными коньками; глубоко вдающіяся въ берегъ выемки даютъ возможность заглянуть внутрь и разглядѣть вдали плодородныя равнины; время отъ времени съ крутого берега изъ-за густо покрытыхъ зеленью деревьевъ смотрится въ рѣку одинокій монастырь съ позолоченными куполами, который жмется къ горѣ на половинѣ ея высоты. Иногда пароходъ ѣдетъ въ теченіе часа по срединѣ русла, и живописный правый берегъ проходитъ мимо, какъ великолѣпная панорама съ кругозоромъ радіуса въ 15 верстъ; затѣмъ пароходъ внезапно, избѣгая мели, поворачиваетъ къ берегу и окружающая васъ панорама суживается до ограниченной картины своеобразной русской деревеньки, производящей впечатлѣніе театральной декораціи. Берегъ такъ близокъ, что можно разобрать черты лица смѣющихся крестьянскихъ дѣвушекъ, привѣтствующихъ маханіемъ платковъ проѣзжающій пароходъ; можно даже заговорить, вовсе не возвышая голоса, съ „мужиками“ въ красныхъ рубахахъ и черныхъ плисовыхъ штанахъ, безпечно растянувшихся на травѣ передъ церковью. Прежде чѣмъ успѣешь запечатлѣть въ себѣ детали своеобразнаго русскаго пейзажа, какъ онъ исчезъ; пароходъ скользитъ уже по новой излучинѣ рѣки, гдѣ уже нѣтъ слѣдовъ человѣческаго жилья, и кажется, что утесы одного берега и лѣсъ другого полны первобытной дѣвственной дикости.

Очарованные живописной красотой величественной рѣки и постоянно мѣняющейся панорамой, мы лишь долго спустя по наступленіи сумерекъ покинули палубу. Свѣжій воздухъ былъ пропитанъ благоуханіемъ усѣянныхъ цвѣтами луговъ и сырыхъ лѣсныхъ долинъ; рѣка простерлась блистающей сталью между берегами; непроницаемая темень послѣднихъ еще болѣе выступала благодаря одинокимъ лучамъ свѣта; издалека доносилась столь дорогая для всякаго русскаго пѣснь о

матушкѣ Волгѣ („Внизъ по матушкѣ“...). За столомъ среди маленькой, но уютной пароходной каюты мы выпили нѣсколько стакановъ душистаго чаю, распаковали свои одѣяла и подушки, предусмотрительно запасенныя нами, и растянулись по обычаю русскихъ путешественниковъ на длинныхъ обитыхъ кожею лавкахъ, которыя на русскомъ пароходѣ занимаютъ бо́льшую часть каюты.

Около пяти часовъ утра меня разбудилъ рѣзкій звукъ пароходнаго свистка; машина остановилась, съ большимъ шумомъ выброшены сходни и надъ моей головой установился непрерывный топотъ. Я догадался, что мы прибыли въ Казань, и поднялся на палубу. Солнце взошло часъ тому назадъ, и воды рѣки, какъ жидкое серебро, плавно катились мимо насъ между пароходомъ и сочно-зелеными поросшими травой откосами высокаго западнаго берега. На восточной сторонѣ находилось нѣсколько пристаней, со стороны которыхъ насъ привѣтствовали развѣвающіеся по вѣтру флаги различныхъ пассажирскихъ пароходовъ. Какъ разъ надъ ними, на безплодномъ песчаномъ берегу расположенъ рядъ деревянныхъ лавокъ и гостиницъ съ пестро раскрашенными стѣнами и такими же крышами. Въ непосредственной близости не было видно никакихъ другихъ строеній, но вдали на незначительномъ возвышеніи я замѣтилъ стѣны, башни, минареты и сверкающіе купола, которые воскресили въ моей памяти видѣнную мною въ дѣтствѣ картину „городъ суеты“, въ книгѣ Буніана „Паломничество“. Это былъ знаменитый старый татарскій городъ Казань. Встарину, нѣсколько столѣтій тому назадъ, возвышенность, на которой построенъ казанскій кремль, омывалась Волгой, а теперь, благодаря отступленію русла рѣки, она находится на разстояніи 5 – 6 верстъ отъ берега. Бѣглый взглядъ на городъ со стороны рѣки возбуждаетъ воображеніе и любопытство, не удовлетворяя ихъ. Пока нашъ пароходъ стоялъ у пристани, я разсматривалъ дома, раскрашенные въ самые разнообразные цвѣта. Я не могу объяснить, какое впечатлѣніе оказываетъ на зрительные нервы постоянныхъ жителей эта пестрая картина; но я теперь больше не удивляюсь, что русское слово „прекрасный“ въ точной передачѣ означаетъ „весьма красный“, а также и тому, что русскій поэтъ красивую дѣвушку воспѣваетъ, какъ „красную дѣвицу“, воображая себѣ при этомъ, что онъ исчерпалъ всѣ слова похвалы. Когда я думаю о казанской пристани, я искренне удивляюсь, почему русскій человѣкъ не говоритъ о „красно-зеленой“ дѣвицѣ, о „пурпурно-голубой мелодіи“, о „темно-красно-желтомъ-шеколадно-коричневомъ“ стихотвореніи. Было бы, такъ сказать, „красно-бѣло-синимъ“ удовольствіемъ, если бы можно было выразить свое удивленіе въ краскахъ и воспользоваться цѣлой шкалой красокъ для приданія превосходной степени особой силы.

Начиная съ 7 часовъ, экипажи и извозчики привозили изъ Казани пассажировъ; около 8 часовъ всѣ были уже на пароходѣ, былъ данъ сигналъ къ отъѣзду, чалки были отданы, и мы опять тронулись въ путь. Было воскресное утро; благодаря теплой ясной погодѣ, мы почти цѣлый день провели на палубѣ, радуясь солнцу и бодрящему чувству, вызываемому въ насъ быстрымъ движеніемъ паро-

хода; мы вдыхали полною грудью душистый воздухъ, который несся намъ навстрѣчу со стороны лѣсистыхъ холмовъ лѣваго берега, дѣлали въ своихъ записныхъ дорожныхъ книжкахъ замѣтки и эскизы появлявшихся время отъ времени барокъ, лодокъ и плотовъ; уже одинъ своеобразный видъ ихъ давалъ Волгѣ достаточное основаніе называться русской рѣкой, даже если бы мы не видали береговъ. Сначала появился огромный буксирный пароходъ, медленно тащившій за собою вверхъ по теченію длинный рядъ большихъ черныхъ барокъ, которыя имѣли видъ разснащенныхъ морскихъ пароходовъ; затѣмъ слѣдовала странная буксирная баржа съ высокимъ носомъ, съ рулемъ и якорнымъ воротомъ среди судна, которая медленно подвигалась вверхъ по теченію такимъ образомъ: на суднѣ наворачивали на воротъ канаты, къ которымъ были прикрѣплены буксирные якоря, относимые матросами впередъ и забрасываемые. Наконецъ, мы проѣхали мимо плота шириною въ 100 футовъ и длиною въ 500, который везъ на себѣ цѣлую маленькую русскую деревню, а именно, готовые деревянные дома съ искусно вырѣзанными коньками, предназначенные для продажи въ безлѣсномъ районѣ нижней Волги и Каспійскаго моря. Населеніе этой плавающей колоніи, съ обнаженными головами, въ красныхъ рубахахъ и голубыхъ платьяхъ, сидѣло вокругъ веселаго костра на концѣ плота и было занято чаепитіемъ. Какъ будто вслѣдствіе наводненія маленькая деревня двинулась съ мѣста и теперь плыветъ внизъ по теченію, въ полномъ порядкѣ, со всѣмъ своимъ населеніемъ. Съ праваго берега доносился до насъ гармоническій колокольный звонъ изъ церквей съ золотыми куполами и мимо насъ въ многочисленныхъ шестивесельныхъ лодкахъ ѣхали въ церковь мужчины и женщины въ пестрыхъ праздничныхъ нарядахъ.

Около 11 часовъ утра того же дня мы покинули широкую величественную Волгу и вошли въ быструю, мутную Каму, которая беретъ начало на Уралѣ у сибирской границы и до своего впаденія въ Волгу ниже Казани на 75—90 верстъ сохраняетъ юго-западное направленіе. Теперь не только люди, деревни, села, лодки и пристани имѣли другой видъ, но и мѣстность носила совершенно иной характеръ. Все казалось болѣе чужимъ, болѣе первобытнымъ, такъ сказать, болѣе дикимъ. Берега были не такъ густо населены и меньше покрыты лѣсомъ, чѣмъ на Волгѣ; уже не было видно бѣлыхъ монастырскихъ стѣнъ, которыя многимъ ландшафтамъ между Нижнимъ Новгородомъ и Казанью придавали живописный видъ и характеръ обитаемости; лодки съ деревянными перилами и съ мачтами, выкрашенными въ голубые и красные цвѣта, имѣли болѣе безыскусственную форму; платья толпившихся на пристани крестьянъ были столь оригинальнаго покроя и такихъ кричащихъ цвѣтовъ, что каждый иностранецъ невольно поддается убѣжденію, что нивеллирующее и отрезвляющее вліяніе западной цивилизаціи здѣсь еще не проявилось. Правда, всѣ люди были въ своихъ праздничныхъ нарядахъ, что въ нѣкоторой степени могло бы объяснить чрезвычайную пестроту цвѣтовъ; но во всякомъ случаѣ мы нигдѣ еще въ Россіи не видали молодыхъ людей въ синихъ, темнокрасныхъ, пурпурныхъ, розовыхъ или голубыхъ рубахахъ и молодыхъ

дѣвушекъ въ платьяхъ лимоннаго цвѣта, въ ярко-красныхъ передникахъ, въ розовыхъ кофточкахъ и лиловыхъ платкахъ.

Во время нашего четырехдневнаго путешествія по Камѣ не случилось ничего особеннаго, но въ общемъ оно было необыкновенно восхитительно. Погода была прекрасна; врядъ ли она гдѣ-нибудь бываетъ лучше, чѣмъ въ этомъ мѣстѣ; ландшафтъ всегда привлекателенъ, иногда дикъ и живописенъ; тополи, осины и березы, покрывавшіе высокіе берега и простершіе мѣстами свои вѣтви такъ далеко, что онѣ почти касались нашей палубы, красовались въ свѣжемъ лиственномъ уборѣ ранняго лѣта; прогалины и луга, мимо которыхъ пароходъ проѣзжалъ на разстояніи 15—20 футовъ, были какъ бы усѣяны незабудками и желтыми тролліусами. На каждой стоянкѣ крестьянскіе дѣти предлагали купить большіе букеты ландышей, а наша маленькая столовая была постоянно наполнена нѣжнымъ запахомъ этого благоухающаго вѣстника весны. Ни погода, ни ландшафтъ, ни растительность не давали намъ чувствовать близость Сибири. Климатъ своею теплотою и яснымъ воздухомъ напоминалъ Калифорнію; вездѣ цвѣли цвѣты — роскошные и во множествѣ; каждый вечеръ прислушивались мы къ пѣнію соловьевъ, разносившемуся изъ прибрежныхъ лѣсовъ, и многіе наши попутчики послѣ захода солнца, если не мѣшалъ вѣтеръ, проводили вечера на палубѣ въ благоухающемъ ночномъ воздухѣ, пили чай и курили до тѣхъ поръ, пока не потухалъ своеобразный бѣлый свѣтъ на холмахъ. Наше путешествіе по Камѣ было такъ прекрасно, спокойно и беззаботно, что мы въ среду 10-го іюня съ искреннимъ сожалѣніемъ разстались въ Перми съ маленькимъ пароходомъ „Александръ“.

Пермь, главный городъ губерніи того же наименованія, имѣетъ 32.000 жителей и лежитъ приблизительно на разстояніи 190 верстъ отъ азіатской границы на лѣвомъ берегу Камы. Здѣсь западная конечная станція Уральской желѣзной дороги и транзитный пунктъ для всей весьма значительной сибирской торговли. По своему внѣшнему виду онъ значительно не отличается отъ такихъ же другихъ русскихъ провинціальныхъ городовъ, и, хотя онъ чище и богаче Нижняго Новгорода, онъ все-таки по своимъ постройкамъ и расположенію много уступаетъ ему въ живописности.

Въ Перми, гдѣ мы провели только одну ночь, мы имѣли первое столкновеніе съ русской полиціей, и хотя приключеніе само по себѣ было малозначительно, я все-таки разскажу его, такъ какъ оно доказываетъ, какому подозрѣнію подвергаются на своемъ пути ѣдущіе въ Сибирь и какою неограниченной властью пользуется русская полиція, имѣющая право арестовывать каждаго и при малѣйшемъ поводѣ подвергнуть его допросу. Въ день нашего прибытія г. Фростъ и я вышли послѣ обѣда на прогулку съ цѣлью подняться на расположенный къ востоку отъ города холмъ, который намъ казался подходящимъ для наброска съ него эскиза города. Случайно мы должны были пройти мимо городской тюрьмы, и такъ какъ это была первая русская тюрьма, которую мы видѣли, и, кромѣ того, она лежала на пути въ Сибирь, то мы, естественно, осматривали ее съ интересомъ

и вниманіемъ. Вскорѣ послѣ этого мы убѣдились, что нашъ холмъ гораздо дальше, чѣмъ предполагали, и, въ виду поздняго времени, рѣшили отложить свое предпріятіе до слѣдующаго дня. Мы повернули обратно и второй разъ прошли мимо тюрьмы. Рано утромъ на другой день мы, дѣйствительно, привели въ исполненіе нашъ планъ. Г. Фростъ снялъ эскизъ города и предмѣстій и чрезъ полтора часа мы направились обратно. На большомъ открытомъ лугу вблизи тюрьмы намъ попались два извозчика съ четырьмя офицерами въ полной формѣ при шашкахъ и револьверахъ. Я замѣтилъ, что первая пара удостоила насъ особеннаго вниманія, но я не могъ установить рода ихъ оружія, такъ какъ въ то время я не зналъ еще такъ хорошо, какъ сейчасъ, формы русскихъ полицейскихъ и жандармовъ. Оба другихъ офицера вышли изъ экипажа, не доѣзжая еще до насъ, отошли другъ отъ друга на 40—50 шаговъ, а затѣмъ стали приближаться къ намъ по сходящимся линіямъ. Оглянувшись, я замѣтилъ, что первая пара слѣдуетъ примѣру своихъ товарищей и такимъ же образомъ наступаетъ на насъ. У меня, какъ молнія, блеснула мысль, что это полицейскіе, которымъ мы, по какой-то неизвѣстной намъ причинѣ, показались подозрительными, и что мы сейчасъ же будемъ арестованы. Когда они насъ окружили, одинъ изъ нихъ, красивый жандармскій офицеръ лѣтъ 30, поклонился намъ и сказалъ: „Позвольте спросить васъ, кто вы такіе?“ — „Мы американцы-путешественники“ — отвѣтилъ я. — „Когда вы прибыли въ Пермь?“ — „Вчера“. — „Откуда вы пріѣхали?“ — „Изъ Нижняго Новгорода“. — „Куда вы направляетесь?“ — „Въ Сибирь“. — „Ага, въ Сибирь! Позвольте спросить, для какой цѣли?“ — „Странно,— ради путешествія“. — „Туристы (съ презрительной интонаціей) обыкновенно не ѣздятъ въ Сибирь. У васъ, должно быть, особая цѣль. Какова она?“

Отчасти соглашаясь съ нимъ относительно туристовъ, я объяснилъ ему, что американскіе путешественники ѣздятъ всюду и что цѣлью имъ служитъ изученіе страны и людей и обогащеніе своихъ познаній. Это разъясненіе, казалось, не удовлетворило его и онъ засыпалъ меня перекрестными вопросами, чтобы добиться правды. Наконецъ, онъ сказалъ: „Вы изволили вчера проходить мимо тюрьмы?“ —„Да“ — сказалъ я. — „Зачѣмъ?“ Я далъ ему требуемое объясненіе. — „Вы разсматривали ее съ особеннымъ вниманіемъ“. Я согласился съ этимъ. — „Съ какою цѣлью вы это дѣлали?“ Съ моей стороны послѣдовало еще объясненіе.—„Но, вы, вѣдь, на холмъ не поднимались, но прошли именно только мимо тюрьмы, а затѣмъ повернули обратно и всякій разъ посвящали тюрьмѣ совершенно исключительное вниманіе. Сегодня утромъ опять то же самое. Зачѣмъ вы такъ внимательно разсматривали тюрьму?“ Теперь я уже не могъ удержаться и разсмѣялся прямо въ лицо офицеру. Но такъ какъ нашимъ хранителямъ дѣло ничуть не казалось заслуживающимъ смѣха, а наоборотъ, — осматриваніе тюрьмы у нихъ, повидимому, считалось серьезнымъ проступкомъ, то я въ угоду имъ опять пустился въ объясненія. Въ концѣ концовъ жандармскій офицеръ, нисколько не убѣжденный моими словами, рѣшительно потребовалъ наши паспорта. Узнавъ, что

они находятся въ гостиницѣ, онъ объявилъ насъ арестованными до тѣхъ поръ, пока мы не удостовѣримъ наши личности и не дадимъ удовлетворительнаго объясненія нашему пребыванію въ Перми. Г. Фростъ долженъ былъ сѣсть съ жандармскимъ офицеромъ на одного извозчика, я съ сѣдобородымъ чиновникомъ, принятымъ мною за полицеймейстера, на другого, и въ такомъ порядкѣ мы направились въ гостиницу. Насъ, повидимому, принимали за политическихъ заговорщиковъ, намѣревавшихся освободить кого-либо изъ Пермской тюрьмы. Такъ какъ я вѣжливо пригласилъ нашихъ сыщиковъ въ комнату, предложилъ имъ папиросъ и чаю, пока они разсматривали наши бумаги, то подозрительный молодой жандармскій офицеръ смотрѣлъ на меня такъ, какъ будто передъ нимъ стоитъ одинъ изъ экземпляровъ звѣрей, еще не опредѣленныхъ и не попавшихъ въ классификацію, отъ которыхъ, слѣдовательно, нужно ожидать всего худшаго. Наши паспорта, по какой-то причинѣ, показались имъ неудовлетворительными, но рекомендательное письмо русскаго министра внутреннихъ дѣлъ привело эту комедію недоразумѣній къ быстрому концу. Жандармскій офицеръ покраснѣлъ при чтеніи его, сталъ шепотомъ совѣщаться съ полицеймейстеромъ, и, подойдя ко мнѣ, съ нѣкоторымъ смущеніемъ выразилъ надежду, что мы простимъ это печальное недоразумѣніе. Они, де, приняли насъ за опасныхъ нѣмецкихъ преступниковъ, которыхъ они выслѣживали, и полагали, что, арестуя насъ, они исполняли только свои обязанности. Въ знакъ забвенія этого достойнаго сожалѣнія случая онъ просилъ позволенія пожать наши руки и такимъ образомъ они ретировались съ глубокими поклонами. Это маленькое приключеніе заинтересовало меня, какъ фактическій показатель образа дѣйствій русской полиціи, но въ то же время наполнило меня заботой о будущемъ. Если мы были арестованы еще по сю сторону Сибирской границы лишь за наружный осмотръ тюрьмы, то что могло насъ ожидать, когда мы приступимъ къ серьезному изслѣдованію!

Въ четвергъ 11-го іюня, въ $9^1/_2$ часовъ вечера, мы по Уральской желѣзной дорогѣ выѣхали изъ Перми въ Екатеринбургъ. Скитанія двухъ послѣднихъ дней насъ такъ утомили, что мы проспали всю ночь богатырскимъ сномъ. Когда на слѣдующее утро я проснулся около 8 часовъ, поѣздъ стоялъ на самомъ Уралѣ, на станціи Бисеръ. Солнце уже сіяло на безоблачномъ небѣ; свѣжій утренній воздухъ былъ пропитанъ смолистымъ запахомъ горной сосны и благоуханіемъ цвѣтовъ; въ ближней березовой рощѣ раздавалось кукованье кукушки — словомъ, раннее лѣто проявляло всю свою прелесть. Г. Фростъ нашелъ вдоль желѣзнодорожнаго полотна альпійскія розы, маргаритки, дикіе анютины глазки и много другихъ мнѣ неизвѣстныхъ цвѣтовъ. Послѣ станціи Бисеръ поѣздъ въ теченіе всего предобѣденнаго времени двигался большими изгибами у подножія покрытыхъ лѣсомъ холмовъ; иногда по цѣлому часу поѣздъ шелъ сквозь густой лиственный лѣсъ, гдѣ не было видно ни слѣда человѣческаго жилья; иногда онъ мчался мимо золотыхъ розсыпей, гдѣ рабочіе промывали золотоносный песокъ; то тутъ, то тамъ мы проѣзжали мимо похожихъ на парки прогалинъ, бархатный мягкій дернъ которыхъ былъ усѣянъ

живописными группами березъ. Розы, одуванчики, фіалки, дикая земляника и ландыши въ изобиліи цвѣли повсюду вдоль пути; всѣ лѣсныя лужайки были покрыты цвѣтами.

Мы не мало удивились, найдя въ этой дикой горной странѣ на восточной границѣ Россіи такую хорошо построенную, прекрасно, прямо таки роскошно, оборудованную желѣзную дорогу. Станціонныя зданія между Пермью и Екатеринбургомъ казались мнѣ самыми лучшими изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ Россіи. Полотно само по себѣ было чрезвычайно прочно, вагоны могли соперничать съ вагонами самыхъ лучшихъ линій въ Россія; все, что принадлежало желѣзной дорогѣ, было въ полномъ порядкѣ. Мѣста вокругъ станціонныхъ зданій были приведены въ прекрасный видъ и на всемъ протяженіи полотна была видна большая заботливость. Даже верстовые камни, діаметромъ въ 3—4 фута, которые показывали разстояніе, были изъ разноцвѣтной нѣжной мозаики.

Станція Нижній Тагиль, уже на азіатской сторонѣ Урала, гдѣ во время получасовой стоянки мы успѣли пообѣдать, сдѣлала бы честь любой первоклассной линіи. Массивное зданіе, вдоль фасада котораго длиной въ 100 футовъ тянулся навѣсъ шириною въ 20 футовъ, было со вкусомъ выкрашено въ коричневый цвѣтъ и имѣло красную желѣзную крышу. Оно было окружено большимъ искусно разведеннымъ паркомъ съ бархатнымъ дерномъ и клумбами цвѣтовъ, благоуханіе которыхъ наполняло воздухъ; въ то же время до слуха гуляющаго подъ сѣнью березъ доносилось ласкающее плесканье фонтана. Въ буфетѣ полъ былъ изъ дубоваго паркета, стѣны до половины своей высоты были выложены кафельными плитками, а остальная ихъ часть была оклеена кожаными обоями подъ цвѣтъ дуба; потолокъ былъ лѣпной. Стоящій посреди зала длинный столъ, покрытый снѣжнобѣлой скатертью, былъ заставленъ изящной фарфоровой посудой, чудными столовыми украшеніями, увѣшанными кристаллами канделябрами, а для бо́льшей красоты тутъ же были разставлены растенія и цвѣты, стоялъ даже акваріумъ. Кромѣ богатой рѣзьбы стульевъ, окружавшихъ столъ, здѣсь находились еще драгоцѣнные часы и отдѣланная бронзой печь. Офиціанты были въ безупречномъ статскомъ платьѣ, повара съ головы до ногъ одѣты во все бѣлое, съ четыреугольными бѣлыми же шапками на головѣ. Я безъ преувеличенія могу утверждать, что это была самая изящная и уютная публичная столовая изъ всѣхъ, видѣнныхъ мною гдѣ-либо въ мірѣ. Съ наслажденіемъ уничтожая вкусно приготовленный и хорошо поданный обѣдъ изъ 4 блюдъ, я не могъ себѣ представить, что мы находимся въ неизвѣстномъ мнѣ до сихъ поръ горномъ округѣ Нижняго Тагиля на азіатской сторонѣ Урала. На этой станціи мы послѣдній разъ пользовались роскошью культуры, такъ какъ въ теченіе ожидавшаго насъ многомѣсячнаго тяжелаго путешествія намъ вообще не предстояло болѣе видѣть желѣзной дороги.

Въ пятницу вечеромъ, 12-го іюня, мы прибыли въ Екатеринбургъ, расположенный на восточномъ склонѣ Урала, приблизительно въ 225 верстахъ отъ сибирской границы. Желѣзная дорога отсюда до Тю-

мени еще не была закончена, и мы, начиная съ этого пункта, должны были ѣхать только на лошадяхъ, а всего въ теченіе 9 мѣсяцевъ мы проѣхали такимъ образомъ 8.000 миль (12000 верстъ). Въ то время между Екатеринбургомъ и Тюменью существовала почтовая гоньба, благодаря которой путешественники могли достигнуть своей цѣли въ сравнительно короткій срокъ—48 часовъ. Правительство передало этотъ трактъ въ аренду обществу, которое выдавало сквозные билеты, снабжало пассажировъ экипажами и доставляло его къ мѣсту назначенія на лошадяхъ, перепрягаемыхъ каждыя 27 верстъ. Лѣтомъ пассажиръ пользуется большимъ четырехколеснымъ экипажемъ, такъ называемый тарантасомъ, состоящимъ изъ похожаго на лодку кузова, кожанаго навѣса и кожанаго же передника, при помощи котораго экипажъ можетъ быть закрытъ во время бурной погоды. Главная часть тарантаса покоится на двухъ или нѣсколькихъ длинныхъ упругихъ перекладинахъ, соединяющихъ переднюю ось съ задней и представляющихъ нѣчто въ родѣ рессоръ; назначеніе этихъ перекладинъ — смягчать тряску отъ неровной дороги.

Пассажиръ помѣщаетъ свой багажъ на днѣ экипажа, накрываетъ его соломой, коврами, шерстяными одѣялами и садится, положивъ подъ спину подушки. Кучеръ сидитъ на козлахъ передъ пассажиромъ и четырьмя возжами правитъ тремя рядомъ запряженными лошадьми. При хорошей дорогѣ лошади пробѣгаютъ въ часъ 8 миль (12 верстъ). Запасшись билетами, выбравъ тарантасъ и расположивъ поудобнѣе свой багажъ, мы 16-го іюня вечеромъ взобрались на наши неудобныя мѣста, устроенныя на большомъ чемоданѣ г. Фроста, и приказали ямщику трогать. Сѣдобородый ямщикъ, собравъ старыя веревочныя возжи, крикнулъ: „Эхъ, голубчики!“ —и при однообразномъ негармоничномъ звонѣ двухъ большихъ колокольчиковъ, прикрѣпленныхъ къ дугѣ коренника, мы поѣхали по широкимъ невымощеннымъ улицамъ Екатеринбурга черезъ большой военный плацъ передъ казармами, между двухъ бѣлыхъ увѣнчанныхъ двуглавыми орлами четырехугольныхъ столбовъ и очутились въ мрачномъ меланхоличномъ елово-сосновомъ лѣсу. Теперь мы находились на большомъ сибирскомъ трактѣ, который тянется отъ Урала до Амура на 3000 миль (4500 верстъ). Если бы мы когда-либо считали Сибирь неплодородной страной, то должны были бы убѣдиться въ обратномъ при видѣ длиннаго ряда возовъ, направлявшихся изъ-за сибирской границы въ Екатеринбургъ. Эти то и дѣло попадающіеся намъ навстрѣчу обозы прямо-таки придаютъ ландшафту между Тюменью и Екатеринбургомъ своеобразный видъ. Возы представляютъ собою маленькія четырехколесныя одноконныя повозки, простой неуклюжей конструкціи, высоко нагруженныя сибирскими продуктами и покрытыя цыновками, прикрѣпленными при помощи особыхъ деревянныхъ приспособленій къ возу. Каждая лошадь привязана длинной веревкой къ предыдущей повозкѣ, такъ что обозъ изъ 50—100 повозокъ образуетъ одинъ непрерывный караванъ. Менѣе чѣмъ въ два часа мы пропустили мимо себя до 538 такихъ нагруженныхъ возовъ; въ продолженіе перваго дня нашего путешествія я насчиталъ ихъ 1445. Не надо было дальнѣйшаго доказательства,

что Сибирь не пустыня: изъ пустыни не вывозятъ въ день 95000 пудовъ торговыхъ продуктовъ.

Такъ какъ къ полуночи стало постепенно темнѣть, то эти караваны дѣлали привалъ для отдыха и ѣды. Черезъ короткіе промежутки мы наталкивались на живописные бивуаки на лѣсныхъ опушкахъ, гдѣ возчики, окруженные своими повозками, собрались около костра, а ихъ выпряженныя стреноженныя лошади паслись и неуклюже прыгали между деревьями. Мрачный, освѣщенный снизу мерцающимъ пламенемъ костра, хвойный лѣсъ, на верхушкахъ котораго еще покоился слабый свѣтъ матовой ночи, красные и черные контуры повозокъ, сидящія вокругъ костра и пьющія чай фигуры въ длинныхъ кафтанахъ или темно-красныхъ и голубыхъ рубахахъ — все это составляло своеобразную, специфически русскую картину съ рембрандовскими свѣтовыми эффектами.

Мы въ теченіе всей ночи дѣлали по 12 верстъ въ часъ по довольно сносной дорогѣ и останавливались для того, чтобы перемѣнить лошадей. Солнце зашло только въ $9^1/_2$ часовъ, а въ $2^1/_2$ уже взошло, такъ что темнота вообще не была особенно интенсивна. Поселки, черезъ которые мы проѣзжали, были иногда очень велики, но состояли почти исключительно изъ двухъ рядовъ бревенчатыхъ домовъ, обращенныхъ лицомъ на улицу и отдѣленныхъ другъ отъ друга огороженными дворами; нигдѣ не было ни одного деревца, ни слѣда растительности. Одно изъ этихъ селъ, верстъ 5 длиною, представляло собою рядъ домовъ, стоящихъ лицомъ къ улицѣ. Вокругъ каждаго поселка находился огороженный выгонъ 200—500 акровъ (75—180 десятинъ), а въ началѣ и въ концѣ его, гдѣ изгородь пересѣкаетъ улицу, находились ворота и избушка сторожа. Эти сторожа большею частью старики, разбитыя существа, а въ Сибири обыкновенно сосланные преступники. Они должны охранять скотъ и въ каждый часъ дня или ночи открывать ворота проѣзжающимъ. За свою службу они получаютъ отъ сельскаго общества 3—4 рубля ежемѣсячно и живутъ въ жалкихъ лачужкахъ, сдѣланныхъ изъ хвороста и земли, освѣщаемыхъ и отапливаемыхъ и лѣтомъ и зимой костромъ и постоянно полныхъ дымомъ.

На другой день по выѣздѣ изъ Екатеринбурга, мы впервые замѣтили этапный пунктъ или мѣсто остановки ссыльныхъ и нагнали партію арестантовъ на пути ея въ Сибиръ. Съ тѣхъ поръ, какъ сообщеніе между Нижнимъ Новгородомъ и Пермью правильно поддерживается пароходами и закончена Уральская желѣзная дорога, въ Екатеринбургъ направляются ссыльные изъ всѣхъ мѣстъ, лежащихъ на западъ отъ Урала, изъ главныхъ пересыльныхъ тюремъ Москвы, Нижняго-Новгорода и Казани частью по желѣзной дорогѣ, частью на баржахъ. За Ураломъ ссыльные дѣлятся на партіи, а затѣмъ и женщины и мужчины должны итти пѣшкомъ къ мѣсту назначенія въ западной Сибири. Для лицъ привиллегированныхъ классовъ дѣлается исключеніе; больные и слабые перевозятся въ простыхъ телѣгахъ. Такъ какъ я только по прибытіи въ Томскъ имѣлъ возможность ѣхать съ партіей ссыльныхъ, то я опишу ихъ жизнь въ пути въ дальнѣйшемъ.

Когда мы на второй день послѣ нашего отъѣзда изъ Екатеринбурга проѣзжали довольно жидкимъ лѣсомъ между деревнями Марково и Тугулинская, кучеръ внезапно остановилъ лошадей со словами: „Здѣсь граница“. Мы вышли изъ экипажа и замѣтили въ сторонѣ около дороги четырехугольный, 10—12 футовъ высотою, кирпичный столбъ, оштукатуренный снаружи; на одной сторонѣ его былъ гербъ европейской Пермской губерніи, на другой — гербъ азіатской Тобольской. Это былъ пограничный столбъ Сибири. Ни съ однимъ пунктомъ между Петербургомъ и Тихимъ океаномъ не связаны такія горестныя воспоминанія, ни одинъ не имѣетъ для путешественниковъ болѣе меланхолическаго интереса, чѣмъ эта маленькая прогалина съ освященнымъ горемъ столбомъ. Сотни тысячъ человѣческихъ существъ: мужчинъ, женщинъ и дѣтей, князей, дворянъ и крестьянъ прощались здѣсь навсегда съ друзьями и родиной.

Ни одинъ пограничный камень въ мірѣ не былъ свидѣтелемъ стольких человѣческихъ страданій; нѣтъ другого камня, мимо котораго прошло бы столько существъ съ разбитымъ сердцемъ. Съ 1878 года по этому тракту прошло 170.000 ссыльныхъ, съ начала столѣтія — свыше полумилліона. Такъ какъ этотъ пограничный камень стоитъ на половинѣ пути между послѣднимъ европейскимъ и первымъ сибирскимъ этапомъ, то вошло въ обычай разрѣшать ссыльнымъ располагаться здѣсь на отдыхъ и посылать послѣднее прости родинѣ и отечеству. Русскій крестьянинъ, даже преступникъ, одушевленъ искренней любовью къ отечеству, и у этого пограничнаго столба часто происходили душу раздирающія сцены. Одни безудержно предаются здѣсь своему горю, другіе находятъ утѣшеніе въ слезахъ, нѣкоторые становятся на колѣни и прижимаютъ свое лицо къ дорогой землѣ отчизны или цѣлуютъ холодный кирпичный столбъ, какъ будто онъ — символъ всего дорогого, что осталось позади. „Стройся!“ — раздается строгая команда унтеръ-офицера, ведущаго партію. По командѣ: „впередъ-маршъ!“ ссыльные и преступники поспѣшно осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, и подъ звонъ цѣпей шествіе медленно переходитъ черезъ границу Сибири.

До послѣдняго времени сибирскій пограничный камень былъ покрытъ короткими надписями, прощальными словами и именами ссыльныхъ, которыя были выцарапаны въ твердомъ цементѣ, покрывавшемъ первоначально столбъ. Ко времени нашего посѣщенія штукатурка уже большею частью исчезла; оставались только немногіе трогательные или многозначительные надписи и инициалы. На одномъ мѣстѣ я прочелъ: „Прощай, Марія!“ Для ссыльнаго, написавшаго это послѣднее прощальное слово на пограничномъ камнѣ, Марія была, вѣроятно, всѣмъ на свѣтѣ; переходъ его черезъ границу былъ равенъ отказу отъ отечества, родины и любви.

Мы сорвали нѣсколько цвѣтовъ у подножія столба, сѣли въ экипажъ, сказали Европѣ „прости“, какъ уже это дѣлали передъ нами сотни тысячъ, лошади тронули — и мы въ Сибири.

II.

Равнины и тюрьмы западной Сибири.

Переѣхавъ границу Пермской и Тобольской губерній, мы попали въ часть Россіи, протяженіе и значеніе которой почти повсюду недостаточно полно оцѣнивается. Сибирь простирается въ меридіональномъ направленіи отъ Семирѣченска до мыса Челюскина, при чемъ разница широтъ этихъ пунктовъ равняется 30°; въ направленіи съ запада на востокъ отъ Урала до Берингова пролива разница долготъ составляетъ 130°. На плоскости Сибири легко можно бы помѣстить соединенные штаты Сѣверной Америки отъ штата Мэна до Калифорніи и отъ Верхняго озера до Мексиканскаго залива вмѣстѣ съ Аляской и всѣ европейскія государства, кромѣ Россіи; сверхъ того, осталось бы еще мѣсто для половины германской имперіи.

Само собой разумѣется, что страна въ 12.650.000 квадратныхъ верстъ представляетъ большое разнообразіе въ климатѣ, топографіи и растительности и далеко не вездѣ она — безплодная полярная пустыня. При взглядѣ на карту мы видимъ, что значительная часть западной Сибири лежитъ южнѣе Ниццы, Венеціи и Милана и что южная граница Семирѣчья ближе къ экватору, чѣмъ Неаполь. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Якутской области въ январѣ средняя температура равняется — 36° R., между тѣмъ какъ въ Семипалатинскѣ средняя температура іюля поднимается до +20° R.; максимальныя температуры 28—30° въ тѣни не рѣдкость. —На полуостровѣ Таймуръ почва успѣваетъ за лѣто растаять лишь на нѣсколько дюймовъ, и жалкая растительность состоитъ изъ кустарниковъ и мха, въ то время, какъ въ южной части западной Сибири въ изобиліи зрѣютъ дыни, разводится на безчисленныхъ плантаціяхъ табакъ и крестьяне ежегодно собираютъ болѣе 62.500.000 пудовъ. Такимъ образомъ Сибирь отнюдь не однообразная, однородная страна.

Въ общемъ зима во всѣхъ частяхъ Сибири сурова и такъ какъ Сибирь, какъ сказано, страна крайностей, то и лѣто въ Сибири необычайно жаркое. Въ плодородномъ и болѣе густо населенномъ поясѣ южной Сибири, который при ширинѣ въ 600—750 верстъ тянется вдоль центральной Азіи и Монголіи, насчитывается рядъ городовъ со средней температурой іюня, іюля и августа болѣе высокой, чѣмъ въ Лондонѣ. Средняя лѣтняя температура Иркутска на 5° выше таковой же Дублинѣ, въ Тобольскѣ на 4° теплѣе, чѣмъ въ Лондонѣ; температура Семипалатинска точно соотвѣтствуетъ Бостонской, а лѣто въ Вѣрномъ такое же жаркое, какъ въ Чикаго.

Ничто такъ не поражаетъ путешественника, впервые переѣзжающаго въ іюнѣ черезъ Уралъ, какъ значительная теплота сибирскаго солнца и необычайная красота и изобиліе сибирскихъ цвѣтовъ. Хотя, благодаря поѣздкѣ по Камѣ, мы уже были болѣе или менѣе подготовлены къ тому, что насъ ожидало здѣсь, насъ тѣмъ не менѣе не мало поразили на порогѣ западной Сибири ландшафтъ, погода и флора.

Въ плодородной, усѣянной цвѣтами мѣстности, которую мы проѣзжали въ Тобольской губерніи, ничто не напоминало о сѣверѣ дикомъ. Если бы мы очутились здѣсь неожиданно, мы никогда бы не угадали, въ какой части свѣта мы находимся. Небо — ясное и голубое, деревья — въ полномъ лиственномъ уборѣ; пчелы жужжатъ на цвѣтущихъ лугахъ; птицы поютъ на гибкихъ вѣтвяхъ березъ вблизи дороги; нѣжный воздухъ пропитанъ благоуханіемъ цвѣтовъ и запахомъ свѣжей травы, а солнце такъ грѣетъ, такъ благотворно грѣетъ, словно въ прекрасный іюньскій день въ какомъ-нибудь особенно счастливомъ мѣстѣ умѣреннаго пояса.

Между станціями Черемишская и Сугатская мы проѣзжали по открытой, плодородной, распаханной мѣстности. Здѣсь не было болѣе или менѣе значительныхъ лѣсныхъ пространствъ, но холмистая мѣстность кое-гдѣ была покрыта маленькими лѣсами и березовыми или тополевыми рощами; иногда, насколько хваталъ глазъ, виднѣлись обработанныя поля. Обширныя пространства, засѣянныя пшеницей и рожью, перемежались со свѣже-вспаханными полосами или большими лугами, на зеленомъ коврѣ которыхъ паслись коровы, овцы и пестрѣли одуванчики, куриная слѣпота, примулы. Занятые въ полѣ мужчины и женщины часто представляли чудное дополненіе къ ландшафту. Иногда мы въѣзжали въ прохладный лѣсъ, изъ чащи котораго раздавался крикъ пугливой кукушки; затѣмъ дорога опять шла черезъ настоящее море луговъ, усѣянное незабудками, гдѣ веселыя птицы наполняли воздухъ своими сладкими мелодіями. Вездѣ цвѣты, цвѣты и опять цвѣты въ никогда не виданномъ разнообразіи и изобиліи; степь въ буквальномъ смыслѣ слова превратилась въ море цвѣтовъ. Отъ травы не осталось ничего; обширныя желтыя площади покрыты красивыми, похожими на розы, цвѣтами золотистаго тролліуса; далѣе на много верстъ, до самаго горизонта, простиралось голубое море незабудокъ, которое производило на насъ впечатлѣніе водной поверхности, отражавшей синеву неба, и этимъ не разъ вводило насъ въ заблужденіе.

На всемъ протяженіи между Екатеринбургомъ и Тюменью дорога повсюду, гдѣ только мѣстность была безлѣсна, обсажена 2—3 рядами великолѣпныхъ, въ 70—80 футовъ высотою, серебристыхъ тополей такъ густо, что ихъ переплетшіяся вѣтви образуютъ высокій лиственный сводъ, совершенно не пропускающій прямыхъ солнечныхъ лучей. На протяженіи цѣлыхъ миль мы ѣхали по этимъ окаймленнымъ цвѣтами галлереямъ, колонны которыхъ составляли бѣлые березовые стволы, а крыша была образована граціозно свисавшими березовыми вѣтвями. Я воображалъ себя въ большомъ, тщательно содержимомъ паркѣ, а не на сибирскомъ трактѣ; мнѣ казалось, что сейчасъ тутъ или тамъ появится англійскій замокъ или великолѣпная вилла. Березы эти, по преданію, были посажены по приказанію императрицы Екатерины II, и поэтому та часть тракта, которая пользуется ихъ тѣнью, называется „Екатерининской аллеей“. Мнѣ неизвѣстно, хотѣла ли Великая Императрица этими насажденіями облегчить для ссыльныхъ тягости ихъ перехода во время знойнаго лѣта, или же она разсчиты-

вала при помощи такого средства привлечь переселенцевъ въ страну, къ которой питала живой интересъ, — но во всякомъ случаѣ эти великолѣпныя аллеи въ теченіе столѣтія сохранили ея память и тысячи усталыхъ путниковъ, которымъ ея деревья доставляли защиту отъ палящихъ лучей сибирскаго солнца, благословляли ея имя.

Особенностью западной Сибири, прежде всего бросающейся въ глаза американскому путешественнику, является полное отсутствіе въ этой мѣстности изгородей и крестьянскихъ домовъ. Пашня раздѣлена на правильные участки, но не огорожена, и много миль можно проѣхать среди обработанныхъ полей, не видя ни забора, ни одиноко стоящаго зданія. Изгороди нѣтъ потому, что въ Сибири скотъ обыкновенно пасется на окружающемъ деревню общественномъ выгонѣ. Отсутствіе крестьянскихъ построекъ объясняется тѣмъ, что сибирскій крестьянинъ не является собственникомъ обрабатываемой имъ земли и поэтому не заинтересованъ житьемъ на своемъ участкѣ. Земля въ Сибири принадлежитъ почти исключительно казнѣ. Крестьянскія общества могутъ пользоваться ею, но не имѣютъ на нее никакихъ правъ; они не могутъ обратить въ собственность ни малѣйшаго клочка земли. Всѣ ихъ права состоятъ въ томъ, что они на извѣстное время распредѣляютъ всю землю между членами общества, предоставляя каждому члену семьи участокъ въ аренду, которая по произволу можетъ быть отнята. При каждомъ новомъ передѣлѣ владѣльцы участковъ могутъ мѣняться, такъ что временный владѣлецъ участка, на которомъ онъ обстроился бы, рано или поздно могъ бы быть прогнанъ со своего двора.

Другая характерная черта западной Сибири состоитъ въ бѣдности и запущенности деревень, что представляетъ рѣзкій контрастъ съ плодородной, хорошо обработанной землей, свидѣтельствующей, повидимому, о благосостояніи населенія. Западно-сибирская деревня состоитъ изъ двухъ рядовъ одноэтажныхъ деревянныхъ зданій, съ конькомъ, обращеннымъ на улицу; сторона дома, выходящая на улицу, не имѣетъ ни двери, ни двора передъ собой. Между двумя смежными домами находится огороженный дворъ съ навѣсами, амбарами и сараями, со двора же — входъ въ домъ. Ворота и конекъ иногда украшены рѣзными фигурами; ставни большею частью пестро раскрашены, но въ общемъ крестьянскія жилища представляютъ собою самыя простыя деревянныя постройки и среди нихъ много старыхъ, разваливающихся, съ рѣзкими слѣдами атмосферныхъ вліяній. На широкой улицѣ нѣтъ никакихъ настилокъ для пѣшеходовъ, и часто на всемъ протяженіи она представляетъ одно сплошное болото. Во цѣлой деревнѣ не видать ни дерева, ни кустика, ни клочка дерна. Щетинистыя грязныя свиньи валяются въ грязи или бродятъ по улицѣ въ поискахъ за пищей; вся деревня производитъ впечатлѣніе безпомощности, бѣдности и грязи. Къ счастью, это первое впечатлѣніе не всегда подтверждается; въ большинствѣ домовъ, все таки скрывается личное счастье и благоденствіе. Сибирскій крестьянинъ обращаетъ мало вниманія на свое жилище; онъ ничего не сдѣлаетъ для того, чтобы его улучшить и держать въ порядкѣ. Онъ, повидимому, лишенъ

общественнаго инстинкта и предпріимчивости. Пока еще какая-либо непріятность болѣе или менѣе выносима, никому не придетъ на умъ сдѣлать что-нибудь для ея предотвращенія и, благодаря этому, не предпринимается никакихъ общественныхъ улучшеній. Многое изъ этого видимаго равнодушія, несомнѣнно, надо приписать парализующему вліянію все опекающаго, все регламентирующаго правительства. Такъ какъ ничто не можетъ осуществиться безъ разрѣшенія официальнаго представителя власти, такъ какъ всякая попытка содѣйствовать общественному дѣлу можетъ быть задушена по бюрократическому приказу или произволу мѣстнаго полицейскаго чиновника, то было бы прямо таки несправедливымъ ожидать отъ сельскихъ жителей иниціативы, чувства общественности и предпріимчивости. Все, что могутъ дѣлать крестьяне, ограничивается слѣдующимъ: повиноваться, ожидать доброй воли высшей власти и благодарить Бога, что дѣла не хуже, чѣмъ могли бы быть.

Единственнымъ признакомъ вкуса и любви къ красотѣ въ западно-сибирской деревнѣ служатъ растенія и цвѣты на окнахъ домовъ. Во всей деревнѣ можетъ не быть ни деревца, ни травки, но зато почти на каждомъ окнѣ видны цвѣтущія фуксіи, олеандры, кактусы, герань, чайныя розы и гвоздика. Изобиліе цвѣтовъ бѣднаго сибирскаго крестьянина оказало бы честь оранжереѣ любого любителя цвѣтовъ. Оконныя стекла, вслѣдствіе особенностей отливки, переливаютъ всѣми цвѣтами; нѣкоторыя изъ нихъ соперничаютъ съ кипрскимъ стекломъ. Эти, играющія всѣми цвѣтами радуги, окна образуютъ такую же противоположность съ чернымъ обвѣтреннымъ деревомъ домовъ, какъ рѣдкое великолѣпіе цвѣтовъ съ болотистой голой улицей.

Вблизи Тюмени исчезла открытая равнина, плодородная обработанная земля, которая такъ поражала и восхищала насъ, уступивъ мѣсто болотистому, почти непроходимому лѣсу, столь же богатому цвѣтами, какъ и докучливыми оводами. Дорога, бывшая до сихъ поръ ровной и сухой, превратилась теперь въ настоящее болото черной, липкой грязи, въ которой колеса нашего тяжелаго тарантаса завязали до самыхъ осей и по которой мы такъ тихо, тихо подвигались впередъ, что въ теченіе 4-хъ часовъ сдѣлали только 27 верстъ. Повидимому, мѣстами здѣсь были сдѣланы попытки улучшить дорогу при помощи брошенныхъ въ болото, поперекъ дороги, толстыхъ древесныхъ стволовъ; но дерево не могло долго оказывать достаточнаго сопротивленія разрушительному дѣйствію множества тяжело нагруженныхъ возовъ; дорога сдѣлалась еще болѣе неровной, и мнимое улучшеніе ко всѣмъ прочимъ неудобствамъ путешественника присоединило еще почти невыносимую тряску. Когда наше долготерпѣніе истощилось, мы вышли изъ экипажа и попытались итти пѣшкомъ.

Но солнце пекло такъ невыносимо, а москиты были такъ яры и кровожадны, что мы, послѣ 20 минутъ, съ красными распухшими лицами, опять искали убѣжища въ нашемъ тарантасѣ. Единственнымъ удовлетворительнымъ результатомъ нашей прогулки оказались большіе букеты цвѣтовъ. Если бы г. Фростъ и я первыми открыли

эту страну, мы дали бы ей названіе Флориды-Кулексіи, такъ какъ именно цвѣты и москиты были, несомнѣнно, самыми характерными и обильными продуктами ея природы.

Въ одной изъ послѣднихъ деревень передъ Тюменью насъ привѣтствовалъ передъ домомъ привратника звонкій колокольчикъ, живо напомнившій намъ аукціонъ. Когда мы остановились у воротъ деревни, къ намъ приблизился человѣкъ съ колокольчикомъ, въ длинномъ черномъ одѣяніи, со свисавшими на плечи длинными, бѣлокурыми волосами, съ копилкой на шеѣ, и обратилъ наше вниманіе на темную картину въ выцвѣтшей золотой рамѣ, стоявшую на улицѣ на особомъ столикѣ. Это было, очевидно, изображеніе какого-то святого православной церкви, но зачѣмъ оно было здѣсь выставлено и что намъ съ нимъ дѣлать — мы этого не могли понять. Наконецъ, этотъ человѣкъ, дѣлая частые земные поклоны, крестясь и вымаливая для насъ благословеніе неба, во имя Христа просилъ насъ пожертвовать что-либо на церковь изображеннаго святого, находившуюся, повидимому, недалеко отсюда. Сочетаніе аукціоннаго колокольчика съ иконой, рогатки съ этимъ церковнымъ радѣтелемъ сильно развеселило г. Фроста и онъ спросилъ: не принадлежитъ ли улица святому и не въ его ли пользу поступаетъ дорожная пошлина. Привратникъ отвѣтилъ, что святой не имѣетъ ничего общаго съ улицей, но у него бѣдная церковь, и благородные господа, здѣсь проѣзжающіе, обыкновенно жертвуютъ на нее, не забывая при этомъ также бѣднаго привратника. Оба благородные господина съ искусанными лицами, съ всклокоченными волосами и забрызганными грязью платьями, возсѣдавшіе съ благородствомъ на чемоданѣ въ грязномъ тарантасѣ, не могли, конечно, устоять противъ такого призыва къ ихъ благороднымъ чувствамъ. Мы дали привратнику нѣсколько мѣдяковъ, заявивъ ему, чтобы половину онъ бросилъ въ кружку святого, и, уплативъ такимъ образомъ дань двумъ большимъ русскимъ учрежденіямъ — церкви и кабаку, — мы продолжали свое путешествіе.

Когда мы 18-го іюня, въ четвергъ, подъ вечеръ, выѣхали изъ лѣсу на обширную болотистую равнину, которой болотная трава и множество одуванчиковъ придавали зеленовато-желтую окраску, нашъ кучеръ ткнулъ впередъ кнутомъ и сказалъ: „вотъ Тюмень“. На горизонтѣ мы замѣтили лишь длинный рядъ пирамидальныхъ деревянныхъ крышъ, то тутъ, то тамъ прерванный бѣлыми стѣнами правительственнаго зданія или зелеными куполами православной церкви. Мы проѣхали мимо четырехъ-угольной мраморной колонны, воздвигнутой въ память разставанія жителей Тюмени съ великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ; далѣе мимо группы солдатъ, упражнявшихся при сигналахъ рожковъ въ стрѣльбѣ въ цѣль, мимо длиннаго ряда низкихъ сараевъ, окруженныхъ возами съ бѣлыми верхами для ссыльныхъ, и, наконецъ, въ предмѣстьѣ города — мимо знаменитой пересыльной тюрьмы.

Въ городѣ было 2—3 гостиницы, но, по рекомендаціи нашего ямщика, мы остановились у нѣкоего Ковальскаго, содержавшаго меблированныя комнаты въ двухъ-этажномъ каменномъ зданіи на берегу

рѣки, въ восточной части города. Въ 6 часовъ вечера мы, наконецъ, во дворѣ дома Ковальскаго вышли изъ грязнаго тарантаса въ теченіе двухъ дней одинадцать разъ перемѣнивъ лошадей, проѣхавъ 306 верстъ и болѣе 40 часовъ проведя безъ сна въ неудобномъ, неподвижномъ положеніи на чемоданѣ г. Фроста. Продолжительная тряска сдѣлала меня такимъ разбитымъ и окоченѣлымъ, что я не былъ бы въ состояніи сотворить поклона даже передъ лицомъ Императора всей Россіи. Съ трудомъ я поднялся на верхній этажъ дома Ковальскаго; наполнивъ наши голодные желудки, мы погрузились въ продолжительный глубокій сонъ.

Тюмень, откуда собственно только и начиналось наше сибирское путешествіе и гдѣ мы приступили къ изслѣдованію системы ссылки, представляетъ собою городъ съ населеніемъ въ 19.000 душъ, на правомъ берегу Туры, выше ея впаденія въ Тоболъ, на 2.550 верстъ къ востоку отъ Петербурга. Городъ съ окрестностями имѣетъ гораздо бо̀льшее коммерческое значеніе, чѣмъ принято думать. По моемъ возвращеніи изъ Сибири, часто случалось, что мои слова о сибирскомъ табакѣ, сибирскихъ орхидеяхъ и сибирскихъ верблюдахъ встрѣчались съ недовѣрчивыми улыбками; поэтому, даже рискуя быть скучнымъ, я попытаюсь выступить съ опроверженіемъ этихъ ложныхъ понятій и представленій о Сибири фактами и статистическими данными. Тобольская губернія, съ которой прежде всего знакомится пріѣзжій изъ Европы путешественникъ, простирается отъ береговъ Сѣвернаго Ледовитаго океана до обожженныхъ солнцемъ семипалатинскихъ и акмолинскихъ степей, отъ Урала до границъ губерній Енисейской и Томской, занимая поверхность въ 1.357.000 кв. верстъ, изъ которыхъ подъ пашни занято 243.000.000 десятинъ. Она имѣетъ 8 городовъ съ количествомъ жителей отъ 3.000 до 20.000; общее число ея населенія превышаетъ 1.200.000. По статистическимъ даннымъ за послѣдній годъ, общая сумма сбора съ полей губерніи достигла 37.556.100 пудовъ хлѣба, 4.722.787 пудовъ картофеля; головъ скота — 2.647.000. Она вывозитъ ежегодно въ Европейскую Россію огромныя массы сырыхъ продуктовъ, каковы кожи, сало, щетина, мѣха, чучела птицъ, ленъ и конопля; болѣе 2.200.000 фунтовъ масла ежегодно идутъ черезъ Ростовъ-на-Дону въ Константинополь; въ ея предѣлахъ, въ Ирбитѣ, ежегодно бываетъ ярмарка съ годовымъ оборотомъ въ 35.000.000 рублей. Фабричная промышленность, находящаяся еще въ зачаткѣ, занимаетъ 6252 рабочихъ и ежегодно выбрасываетъ на рынокъ на 8.517.000 рублей товаровъ. Кромѣ постоянно занятыхъ на фабрикахъ рабочихъ, въ числѣ городского населенія имѣется еще 27.000 механиковъ и ремесленниковъ. Домашняя промышленность также весьма развита въ губерніи и производитъ, между прочимъ, ежегодно 50.000 одѣялъ и ковровъ, 1.500.000 саж. шестифутовыхъ рыболовныхъ снастей, 2.751.429 аршинъ холста, 50.000 бочекъ, 70.000 телѣгъ и саней; кожъ вырабатывается цѣнностью на 2.500.000 рублей; кромѣ того, громадное количество замши, чулокъ, рукавицъ, поясовъ, кушаковъ, кружевъ, вышитыхъ полотенецъ и бѣлья. Обь съ притоками даютъ въ годъ 496.000 пудовъ

рыбы; на ея соленіе тратится 186.000 пудовъ соли. Тюмень, важнѣйшій городъ въ губерніи, стоитъ на судоходной Турѣ и состоитъ въ пароходномъ сообщеніи со всей рѣчной системой Оби, а слѣдовательно, съ большей частью западной Сибири отъ Семипалатинска и Томска вплоть до береговъ Сѣвернаго Ледовитаго океана. 58 пароходовъ крейсируютъ по Оби и ея притокамъ, преимущественно между Томскомъ и Тюменью; послѣдняя служитъ транзитнымъ пунктомъ для товаровъ цѣнностью на 30—40 милліоновъ руб. въ годъ.

На Нижегородскую ярмарку Сибирь отправляетъ продуктовъ на сумму 16.000.000 рублей, а вмѣсто этого Европейская Россія ввозитъ въ Сибирь 18.600.000 пудовъ мануфактурныхъ товаровъ. Мнѣ кажется, эти цифры прекрасно доказываютъ, что „полярная безлюдная пустыня“ есть ложное представленіе.

На слѣдующій день послѣ нашего прибытія погода доставила убѣдительное доказательство того, что мягкій и пріятный лѣтній климатъ измѣнчивъ и ненадеженъ. Вѣтеръ, ставшій за ночь сѣверовосточнымъ, дулъ съ сѣвернаго ледовитаго океана со страшной силой и холодные ливни превратили немощеныя улицы въ настоящія болота, такъ что фактически стало невозможно даже выйти за двери. На извозчикѣ мы ѣздили на почту и вернулись обратно; чтеніе писемъ и составленіе на нихъ отвѣтовъ заняло у насъ остатокъ дня. Въ субботу мы пользовались моментами, когда прояснялась погода, для того, чтобы побывать въ городѣ. Но оказалось, что на это мы только напрасно потратили время. Грязныя, невымощенныя улицы отличались отъ деревенскихъ улицъ, по которымъ мы проѣзжали, только тѣмъ, что имѣли нѣсколько досчатыхъ тротуаровъ, а деревянные дома нѣсколько бо́льшихъ размѣровъ и съ бо́льшими претензіями. Здѣсь, какъ и тамъ, полное отсутствіе деревьевъ и кустовъ, дворовъ со стороны улицы и входныхъ дверей въ фасадахъ; только бѣлыя церкви съ зелеными куполами были нѣсколько живописны, все прочее ординарно и неинтересно.

Единственное рекомендательное письмо, которое мы должны были отдать въ Тюмени, было адресовано однимъ господиномъ изъ Петербурга директору реальнаго училища г. Словцову. Въ субботу послѣ обѣда, когда вѣтеръ, наконецъ, немного утихъ, мы передали наше письмо г. Словцову и были имъ приняты съ большой сердечностью. Учрежденіе, во главѣ котораго стоитъ г. Словцовъ, есть общеобразовательная и техническая школа, помѣщающаяся въ самомъ большомъ и самомъ красивомъ зданіи Тюмени. Массивное двухэтажное каменное зданіе было выстроено однимъ общественнымъ дѣятелемъ, мѣстнымъ купцомъ, затратившимъ на него 170.000 рублей и, послѣ оборудованія, подарившимъ его городу. Училище имѣетъ механическое отдѣленіе съ паровой машиной, токарными станками и всякаго рода инструментами; естественно-физическій кабинетъ съ чудными аппаратами, даже телефонами Белля, Эдиссона и Дольбера, фонографомъ; химическую лабораторію, обставленную полнѣе любой изъ видѣнныхъ мною; комнату для черченія и рисованія, хорошую библіотеку и пре-

красный музей, въ которомъ, между прочимъ, хранится гербарій изъ 900 видовъ растеній, найденныхъ въ окрестностяхъ Тюмени. Словомъ, училище могло бы служить украшеніемъ любого провинціальнаго города. Г. Словцовъ далъ намъ адресъ одного шотландца, Якова Р. Вардроннера, который уже болѣе 20 лѣтъ проживалъ по торговымъ дѣламъ въ Сибири. Такъ какъ мы во всякомъ случаѣ могли предполагать, что г. Вардроннеръ обрадуется гостямъ изъ западныхъ странъ, то мы безъ замедленія разыскали его и были приняты всей его семьей съ такимъ теплымъ, сердечнымъ гостепріимствомъ, что очень скоро почувствовали себя у него, какъ дома.

Въ Тюмени находится самая значительная пересыльная тюрьма Сибири и управленіе всѣмъ пересыльнымъ дѣломъ. Всѣ преступники, присужденные къ ссылкѣ или къ каторжнымъ работамъ, временно помѣщаются въ этой тюрьмѣ на ихъ пути въ южномъ или восточномъ направленіи, а въ канцеляріи управленія составляются всѣ протоколы и статистическія данныя по дѣламъ ссылки. Послѣ того, какъ мы въ Перми были арестованы только за то, что снаружи осматривали тюрьму, мы теперь крѣпко призадумались надъ вопросомъ, какъ отнесутся здѣсь къ нашей просьбѣ разрѣшить намъ осмотрѣть тюменскую пересыльную тюрьму. Г. Вардроннеръ не раздѣлялъ нашихъ сомнѣній и на слѣдующій день, въ воскресенье, проводилъ насъ къ г. Красину, высшему полицейскому чиновнику этого округа. Я вручилъ ему открытые листы русскихъ министровъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ и былъ принятъ съ сердечностью, настолько же пріятной, какъ и неожиданной. Г. Красинъ пригласилъ насъ къ легкому завтраку, сказалъ намъ, что онъ уже и офиціально и частными письмами предупрежденъ изъ Петербурга о нашемъ намѣреніи объѣхать Сибирь и что онъ во всѣхъ отношеніяхъ предоставляетъ себя къ нашимъ услугамъ. Выразивъ опасеніе, что мы найдемъ пересыльную тюрьму переполненной, а въ санитарномъ отношеніи въ неудовлетворительномъ состояніи, онъ тѣмъ не менѣе безъ всякаго колебанія разрѣшилъ намъ осмотрѣть ее и назначилъ слѣдующій день для совмѣстнаго посѣщенія. Къ несчастью, нездоровье помѣшало г. Красину исполнить свое обѣщаніе на слѣдующій день, въ понедѣльникъ, но во вторникъ онъ прислалъ намъ рекомендательное письмо къ начальнику тюрьмы и въ этотъ день утромъ около 10 часовъ мы двое, гг. Вардроннеръ и Игнатовъ, одинъ изъ бывшихъ членовъ тюремнаго комитета, стояли передъ воротами Тюменской пересыльной тюрьмы. Послѣдняя представляетъ собою бѣлое оштукатуренное, прямоугольное, трехэтажное каменное зданіе, длиною въ 75 футовъ, шириною въ 40—50 фут., съ желѣзной крышей. Оно стоитъ среди большого двора, обнесеннаго бѣлой каменной стѣной, достигающей 12—15 футовъ въ высоту. У каждаго угла снаружи стѣны стоитъ караульная будка съ черными и бѣлыми полосами, вдоль каждой стѣны ходятъ взадъ и впередъ часовые съ заряженными берданками съ примкнутыми штыками. Съ права къ воротамъ примыкаетъ небольшое зданіе, служащее тюремной канцеляріей, а передъ нимъ стоитъ столбъ съ маленькимъ деревяннымъ навѣсомъ, подъ которымъ виситъ коло-

колъ. Передъ тюрьмой сидѣло около десяти дѣвушекъ и старухъ, продававшихъ ссыльнымъ ржаной хлѣбъ, холодное мясо, вареныя яйца, молоко и пироги съ рыбой. Тюменская тюрьма, предназначавшаяся первоначально для 500 арестантовъ, была расширена постройкой бараковъ настолько, что могла вмѣстить 800 человѣкъ. Въ день нашего посѣщенія въ тюрьмѣ было 1741 человѣкъ, какъ объ этомъ сообщала небольшая черная доска на канцелярской двери. У входа мы были остановлены часовымъ. Узнавъ, что мы хотимъ войти, онъ крикнулъ черезъ четырехугольную амбразуру въ воротахъ: „Старшій!“ (обычный крикъ для дежурнаго). Появился унтеръ-офицеръ съ шашкой на боку, при револьверѣ, и понесъ рекомендательное письмо начальнику тюрьмы. Черезъ минуту намъ было разрѣшено войти во дворъ тюрьмы. 50—60 ссыльныхъ и арестантовъ безцѣльно бродили взадъ и впередъ передъ главнымъ зданіемъ или же безъ дѣла группами сидѣли на землѣ. Всѣ съ ногъ до головы одѣты въ сѣрое. Одежда ихъ состояла изъ шлычка (шотландской шапочки безъ козырька), рубахи, брюкъ изъ грубаго холста и длиннаго сѣраго халата, на которомъ между плечъ были прикрѣплены одинъ-два четырехугольныхъ кусочка чернаго или желтаго сукна. Почти всѣ имѣли кандалы на ногахъ, и лязгъ цѣпей производилъ такое впечатлѣніе, какъ будто кто потрясалъ безчисленнымъ множествомъ связокъ ключей.

Первая камера, которую мы посѣтили, находилась налѣво отъ воротъ, у стѣны, въ одноэтажномъ деревянномъ баракѣ, построенномъ, очевидно, для того, чтобы перевести сюда излишекъ изъ главнаго зданія. Комната была приблизительно длиною въ 35 футовъ, шириною въ 25 и высотою въ 12. Бревенчатыя, когда-то выбѣленныя стѣны были грязны, полъ былъ чернаго цвѣта отъ высохшей грязи и притоптаннаго кала; свѣтъ проникалъ въ камеру черезъ 3 рѣшетчатыхъ, выходящихъ на дворъ окна. По серединѣ камеры, почти въ половину ея ширины, тянулась деревянная нара, имѣвшая ширину 12 футовъ, а въ длину 30; поддерживаемая крѣпкими столбиками, она поднималась отъ пола фута на 2; начиная со средины, нара имѣла въ обѣ стороны наклонъ, такъ что, когда тѣсно сбитые арестанты спали, то ихъ головы были на нѣсколько дюймовъ выше ихъ ногъ. Сибирская тюрьма, кромѣ наръ, изъ мебели знаетъ еще только большую деревянную парашку. Арестанты не получаютъ ни подушекъ, ни одѣялъ, ни постельнаго бѣлья; они спятъ на голыхъ нарахъ, прикрываясь своими халатами. Когда мы вошли въ камеру, арестанты внезапно вскочили, гремя цѣпями, сняли свои шлычки и стояли молчаливой, плотной толпой передъ нарами. „Какъ живете, братцы?“ — спросилъ начальникъ. „Здравія желаемъ, ваше благородіе!“ — отвѣтили хоромъ сто голосовъ. — „Тюрьма страшно переполнена“ — сказалъ начальникъ. — „Эта камера, напримѣръ, имѣетъ въ длину 35 футовъ, въ ширину 25 и воздуха въ ней на 35, самое большое на 40 человѣкъ. Сколько человѣкъ спало здѣсь въ послѣднюю ночь?“ — спросилъ онъ, обращаясь къ арестантамъ. — „160“ — отвѣтило съ полдюжины хриплыхъ голосовъ. — „Въ этой камерѣ“ — сказалъ начальникъ — „находится арестантовъ вчетверо

больше положеннаго числа и то же самое найдете вы во всей тюрьмѣ". Я осмотрѣлся вокругъ себя: нигдѣ ни признака вентилятора; воздухъ такъ испорченъ, что я еле-еле дышалъ. Послѣ этого мы обошли одно за другимъ 6 отдѣленій (или камеръ) во дворѣ и всѣ они оказались въ такомъ же состояніи, какъ и первое: въ каждой камерѣ находилось арестантовъ въ 3—4 раза больше, чѣмъ было положено и въ 5—6 разъ больше, чѣмъ то позволяло количество воздуха. Въ большинствѣ камеръ для заключенныхъ не хватало мѣстъ на нарахъ; они лежали на грязномъ полу подъ нарами и въ промежуткахъ между ними и стѣнами. Когда мы вошли въ одну изъ камеръ, изъ подъ наръ вылѣзло 3—4, повидимому, больныхъ арестанта съ блѣдными, грустными лицами. Осмотрѣвъ бараки во дворѣ, мы направились въ главное зданіе, гдѣ находились кухня, мастерская, лазаретъ, а также большое число камеръ, которыя въ санитарномъ отношеніи были гораздо хуже, чѣмъ тѣ, которыя мы уже осмотрѣли. Г. Игнатовъ, который, какъ бывшій членъ тюремнаго комитета, хорошо зналъ ужасное состояніе тюрьмы, предпочелъ не сопровождать насъ. По обѣимъ сторонамъ темнаго, сырого и грязнаго коридора были тяжелыя деревянныя двери, которыя вели въ камеры въ 80—100 кв. футовъ, вмѣщавшія 6—30 заключенныхъ. Нары были такія же, какъ ранѣе описанныя; маленькія окна были снабжены крѣпкими рѣшетками; для вентиляціи — никакихъ приспособленій. Въ одной изъ этихъ камеръ мы увидѣли 8—10 дворянъ, повидимому, образованныхъ людей; въ ихъ камерѣ начальникъ тюрьмы снялъ фуражку. Я не могу съ увѣренностью сказать, были ли это „политическіе", но въ этой части тюрьмы, какъ мнѣ извѣстно, обычно содержались политическіе преступники. Воздухъ въ коридорахъ и камерахъ, особенно во второмъ этажѣ, былъ невыразимо плохой; каждый кубическій футъ его поступалъ въ легкія, повидимому, по нѣсколько разъ, до тѣхъ поръ, пока онъ содержалъ хоть атомъ кислорода. Онъ былъ насыщенъ лихорадочными бациллами изъ невентилирующагося лазарета, зловонными выдыханіями больныхъ человѣческихъ легкихъ и испареніями грязныхъ тѣлъ, а также вонью, исходившей изъ переполненныхъ экскрементами парашъ, которыя стояли на концѣ коридора. Я старался какъ можно дольше воздерживаться отъ дыханія, ибо каждое вдыханіе было подобно яду; отъ недостатка кислорода я почувствовалъ слабость и мнѣ сдѣлалось дурно. Начальникъ замѣтилъ мою блѣдность и сказалъ: „Вы не привыкли къ тюремному воздуху, закурите папиросу, въ аптекѣ мы достанемъ немного вина — и вамъ станетъ лучше". Я послѣдовалъ его совѣту и мы продолжали нашъ обходъ. Мы осмотрѣли мастерскія — двѣ камеры во второмъ этажѣ, по 8 кв. футовъ каждая; онѣ оказались совершенно несоотвѣтствующими той цѣли, для которой предполагались. Въ одной изъ нихъ 3—4 арестанта были заняты починкой обуви, въ другой пытались столярничать, но безъ соотвѣтственныхъ инструментовъ и надлежащаго руководства. Прямо таки смѣшно называть ихъ „мастерскими". Въ тюремной кухнѣ, въ темномъ, грязномъ помѣщеніи подвала главнаго зданія, нѣсколько полуголыхъ мужчинъ пекли ржаной хлѣбъ и

варили супъ въ большихъ чугунныхъ котлахъ. Я попробовалъ супъ изъ жирной деревянной чаши, которую для меня грязной мочалкою почистилъ арестантъ, и нашелъ его питательнымъ и хорошимъ. Хлѣбъ былъ кислый и тяжелый, но не хуже того, который обыкновенно употребляютъ русскіе крестьяне. Ежедневная порція арестанта состояла изъ $2^1/_2$ фунтовъ чернаго хлѣба, приблизительно изъ 6 унцій вареннаго мяса, 2—3 унцій грубо смолотаго ячменя или овса, а по вечерамъ и утрамъ изъ кружки кваса[1]).

Послѣ посѣщенія нами мастерскихъ, кухни и большинства камеръ 1 и 2 этажа, начальникъ спросилъ насъ, желаемъ ли мы осмотрѣть и больничныя отдѣленія. Разумѣется, мы хотѣли видѣть все, что только можно. Начальникъ пожалъ плечами, какъ-будто ему было непонятно любопытство путешественниковъ, побуждающее ихъ обозрѣть даже сибирскій тюремный лазаретъ, но безъ дальнѣйшихъ замѣчаній повелъ насъ въ третій этажъ, отведенный для больныхъ. Больничныя комнаты были больше и свѣтлѣе, чѣмъ арестантскія камеры главнаго зданія, но и они были безъ всякой вентиляціи; даже дезинфекціонныя средства здѣсь, повидимому, не примѣнялись. Воздухъ здѣсь былъ прямо таки зачумленный. Здоровый человѣкъ, кажется, не могъ бы дышать имъ даже недѣлю безъ того, чтобы не сдѣлаться больнымъ; мнѣ кажется непостижимымъ, какимъ образомъ въ такой атмосферѣ могутъ выздоравливать больные. Въ каждомъ отдѣленіи по тремъ сторонамъ комнаты стояло 15—20 желѣзныхъ кроватей головой къ стѣнѣ, такимъ образомъ, что разстояніе между ними равнялось 5 футамъ. Постель состояла изъ тонкаго матраца, правильнѣе — сѣраго набитаго соломой тюфяка, единственной подушки и сѣраго шерстяного или рванаго ватнаго одѣяла. Г. Фростъ утверждаетъ, что видѣлъ на нѣкоторыхъ кроватяхъ сѣрыя, грубыя полотняныя простыни и наволочки, но я не помню ничего подобнаго. Въ головахъ каждой кровати была прикрѣплена маленькая черная дощечка, на которой по-русски и по-латыни было написано названіе болѣзни арестанта и день его поступленія въ лазаретъ. Чаще всего встрѣчаются болѣзни: цынга, тифъ, гастрическая лихорадка, острый бронхитъ, ревматизмъ и сифилисъ. Тифозные больные были въ особомъ отдѣленіи, но это было единственное исключеніе; другой попытки распредѣлить больныхъ по роду болѣзни сдѣлано не было; только женщины были отдѣлены отъ мужчинъ — вотъ и все. Нигдѣ и никогда я не видѣлъ такихъ блѣдныхъ, ввалившихся, такихъ ужасныхъ лицъ, какъ въ больничныхъ камерахъ Тюмени. Больные, и мужчины и женщины, казалось, не только были въ безнадежномъ состояніи, но и сознавали вполнѣ весь ужасъ своего положенія. И какъ же могло быть иначе, въ этой отталкивающей грязи, въ этомъ зачумленномъ воздухѣ, при видѣ этого совершенно исключительнаго человѣческаго горя? На дверяхъ госпи-

[1]) Согласно отчету инспектора по пересыльной части за 1884 годъ, расходъ правительства на дневное содержаніе одного арестанта въ Тюменской пересыльной тюрьмѣ исчисляется въ 7 коп., для заключенныхъ привилегированныхъ (включая политическихъ) въ 10 коп. При такихъ расходахъ качество пищи не можетъ быть удовлетворительнымъ.

таля слѣдовало бы сдѣлать надпись: „Вы, переступающіе сей порогъ, оставьте надежду навсегда“ [1])! Посѣтивъ еще отдѣленіе для рожениць и тяжелыхъ тифозныхъ, я рѣшилъ, что всего видѣннаго мною достаточно, и теперь былъ охваченъ однимъ только желаніемъ выйти на свѣжій воздухъ, чтобъ было чѣмъ дышать. Начальникъ повелъ насъ въ аптеку, находящуюся въ подвалѣ, подалъ намъ укрѣпляющаго напитка и попросилъ разрѣшенія опрыскать насъ разведенной карболкой съ цѣлью предупредить возможность какого-либо зараженія. Послѣ испорченнаго тюремнаго воздуха это сильно освѣжило насъ. Но только на дворѣ я полной грудью вдохнулъ чистый воздухъ съ такимъ счастливымъ чувствомъ облегченія, какое долженъ испытывать утопающій, когда ему удалось выбраться на поверхность воды.

— Сколько арестантовъ умираетъ ежегодно въ лазаретѣ? — спросилъ я начальника.

— Около 300, — отвѣтилъ онъ, — у насъ почти каждую осень тифозная эпидемія. А чего другого можно ожидать, если въ зданія, предназначенныя для 800 человѣкъ, сажаютъ 1800? Такую переполненную тюрьму нельзя содержать въ чистотѣ; вы сами убѣдились, какой въ камерахъ воздухъ. Осенью иногда еще много хуже. Лѣтомъ можно, по крайней мѣрѣ, открывать окна и хоть немного освѣжать воздухъ, но когда погода дѣлается холодной и вѣтреной, окна должны быть закрыты. Мы также страдаемъ отъ такого положенія дѣлъ наравнѣ съ арестантами. Мой помощникъ только недавно оправился отъ тифа, которымъ онъ заразился при исполненіи служебныхъ обязанностей и изъ-за котораго онъ долженъ былъ 6 недѣль пролежать въ постели. Мѣстная администрація уже нѣсколько разъ настойчиво ходатайствовала передъ центральнымъ правительствомъ о принятіи мѣръ, чтобы тюрьма не переполнялась такъ во время навигаціи. Но, кромѣ двухъ деревянныхъ бараковъ, больше ничего не сдѣлали[2]).

Начальникъ свободно и открыто говорилъ о фактахъ, которые въ Тюмени были извѣстны всѣмъ, и которые въ разговорѣ съ иностранцемъ, лично видѣвшимъ тюрьму и больницу, онъ, конечно, не могъ замалчивать.

Изъ главнаго зданія мы направились въ женскую тюрьму, которая стояла на противоположной сторонѣ улицы во дворѣ, обнесенномъ частоколомъ изъ заостренныхъ бревенъ. Съ внѣшней стороны она мало отличалась отъ осмотрѣнныхъ бараковъ. Камеры имѣли 120—135 кв. футовъ и число заключенныхъ въ нихъ варіировало отъ 3 до 40. Вездѣ въ тюрьмѣ было чисто и свѣтло, полы и нары были чисто вымыты; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ красовались даже ковры, а въ одной камерѣ я замѣтилъ цвѣты въ горшкахъ. Женщины, какъ

---

[1]) Стоимость содержанія больного въ больницѣ тюменской пересыльной тюрьмы обходилась въ 1884 году, включая сюда пропитаніе и лекарство, въ 54 коп., въ день; издержки на похороны обходились въ 3 руб., (отчетъ инспектора по пересыльной части за 1884 годъ).

[2]) Въ 1884 году тюменская пересыльная тюрьма изъ 151 дней навигаціи была переполнена въ теченіе 133 дней (отчетъ инспектора по пересыльной части за 1884 годъ).

и мужчины, должны были спать рядомъ на твердыхъ нарахъ безъ подушекъ и одѣялъ; но камеры не были переполнены и воздухъ въ нихъ былъ значительно лучше. Большая часть заключенныхъ женщинъ, изъ которыхъ только немногія имѣли грубыя или преступныя лица, принадлежала, повидимому къ крестьянскому сословію; при многихъ изъ нихъ были дѣти. Наконецъ, мы пошли еще въ тюрьму для сосланныхъ семействъ, также представляющую изъ себя деревянный въ 75 футовъ длиною, безъ особыхъ отдѣленій, баракъ, окруженный частоколомъ; въ этомъ баракѣ содержалось около 300 мужчинъ, женщинъ и дѣтей; нары здѣсь были переполнены, воздухъ дурной; десятки дѣтей кричали отъ голода и нужды; мужчины и женщины казались утомленными, невыспавшимися и подавленными. Женщины въ этомъ баракѣ были не арестантки: всѣ онѣ добровольно послѣдовали въ ссылку за своими мужьями.

За этимъ тщательнымъ осмотромъ тюремъ незамѣтно прошло время, и въ часъ дня гг. Фростъ, Вардроннеръ и я отправились на завтракъ къ г. Игнатову. Такъ какъ мнѣ было извѣстно, что нашъ любезный хозяинъ состоялъ контрагентомъ по перевозкѣ на баржахъ ссыльныхъ въ восточномъ направленіи и былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ членовъ Тюменскаго тюремнаго комитета, то я спросилъ его, освѣдомлено ли петербургское правительство о состояніи пересыльной тюрьмы въ Тюмени. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что мѣстная администрація, тюремный комитетъ и инспекторъ по пересыльной части раіона западной Сибири изъ года въ годъ даютъ отчетъ о состояніи тюменской тюрьмы, и что прочія русскія тюрьмы ничуть не лучше тюменской. Въ постройкѣ новыхъ тюремъ существуетъ потребность какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Сибири, но русское правительство не находитъ денегъ для полной тюремной реформы и для сооруженія новыхъ тюремныхъ зданій, такъ какъ на это дѣло понадобилось бы до 10 милліоновъ рублей. Онъ согласился, что состояніе тюменской тюрьмы ужасно; что касается его, то онъ вышелъ изъ тюремнаго комитета послѣ того, какъ правительство отказало въ постройкѣ госпиталя.

Все, что я узналъ отъ г. Игнатова и инспектора, было подтверждено другими жителями Тюмени и чиновниками, служащими при управленіи по пересыльной части.

Изъ отчета медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ я узналъ, что въ 1884 году 28,4% ссыльныхъ заболѣло въ Тюменской пересыльной тюрьмѣ, такъ что почти третья часть всѣхъ арестантовъ лечилась въ госпиталѣ. Если принять во вниманіе, что ежегодно въ тюменской пересыльной тюрьмѣ временно проживаетъ 17.000—19.000 ссыльныхъ и что тысячи больныхъ лечатся въ своихъ камерахъ и, слѣдовательно, совершенно не попадаютъ въ медицинскіе отчеты, то можно представить себѣ приблизительно ту массу человѣческаго горя, ареной котораго является эта тюрьма.

Чтобы составить себѣ ясное представленіе о цѣляхъ, преслѣдуемыхъ сибирской системой ссылки, и о важной роли, какую въ этой системѣ играетъ тюменская пересыльная тюрьма, надо вспомнить, что въ Россіи совершенно нѣтъ исправительныхъ тюремъ. Если преступникъ при-

сужденъ къ тюремному заключенію на срокъ, меньшій четырехъ лѣтъ, то онъ отбываетъ это наказаніе въ русской тюрьмѣ, такъ какъ на такой короткій срокъ не стоило бы отправлять его въ Сибирь; и только, если мѣра наказанія превышаетъ 4 года тюрьмы, то его ссылаютъ въ Сибирь. Съ 1823 г. по 1887 г. включительно въ Сибирь было отправлено 772.979 ссыльныхъ:

Съ 1823 по 1832 г.	98.725
„ 1833 „ 1842 „	86.550
„ 1843 „ 1852 „	69.764
„ 1853 „ 1862 „	101.238
„ 1863 „ 1872 „	146.380
„ 1873 „ 1877 „	91.257
Въ 1878 г.	17.790
„ 1879 „	18.255
„ 1880 „	17.660
„ 1881 „	17.183
„ 1882 „	16.945
„ 1883 „	19.314
„ 1884 „	17.824
„ 1885 „	18.843
„ 1886 „	17.477
„ 1887 „	17.774
Итого	772.979[1]).

Всѣ сосланные въ Сибирь могутъ быть раздѣлены на 3 большихъ группы, смотря по наказанію, къ которому они присуждены: 1) каторжники, т.-е. присужденные къ каторжнымъ работамъ, 2) поселенцы, колонисты поневолѣ; 3) ссыльные, т.-е. просто сосланные. Мы могли бы прибавить сюда еще четвертый классъ, куда входятъ женщины и дѣти, добровольно послѣдовавшія за своими сосланными мужьями и отцами. Преступники двухъ первыхъ классовъ лишены всѣхъ гражданскихъ правъ и должны всю жизнь оставаться въ Сибири, причисленные къ третьей группѣ сохраняютъ нѣкоторыя права и, по отбытіи срока ссылки, могутъ вернуться въ Европейскую Россію. Каторжники и поселенцы должны слѣдовать къ мѣсту назначенія въ 5-фунтовыхъ ножныхъ кандалахъ и съ обритой наполовину головой; ссыльные не имѣютъ цѣпей и имъ голову бритьемъ не обезображиваютъ. Къ третьей категоріи принадлежатъ:

а) бродяги (лица безъ паспорта), уклоняющіеся отъ выясненія ихъ личности;

б) лица, сосланныя по судебному приговору;

в) лица, сосланныя по приговорамъ сельскихъ обществъ, къ которымъ они принадлежатъ;

г) лица, сосланныя по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ.

---

[1]) Статистическія данныя, равно какъ и факты, сообщаемые въ этой книгѣ, почерпнуты изъ офиціальныхъ источниковъ; въ случаяхъ, когда я буду пользоваться частными свѣдѣніями, я буду это оговаривать.

Распредѣленіе сосланныхъ по классамъ и разрядамъ видно изъ слѣдующей таблицы за 1885 годъ — годъ моего сибирскаго путешествія:

КЛАССЫ.	Мужчины.	Женщины.	Всего.
1. Каторжники — преступники, присужденные къ каторжнымъ работамъ по судебнымъ приговорамъ.	1440	111	1551
2. Поселенцы, присужденные судомъ къ ссылкѣ	2526	133	2659
3. Ссыльные:			
а) бродяги.	1646	73	1719
б) сосланные по приговору суда	172	10	182
в) сосланные сельскими обществами	3535	216	3751
г) сосланные административнымъ путемъ.	300	68	368
4. Добровольцы, сопровождающіе родственниковъ.	2068	3468	5536
Итого. . .	11687	4079	15766

Изъ этой таблицы слѣдуетъ, что самый многочисленный классъ сосланныхъ (5.536 изъ 15.766) состоитъ изъ женщинъ и дѣтей, которыя добровольно слѣдуютъ въ Сибирь за главою семейства. По отчетамъ управленія по ссылкѣ, процентное отношеніе женщинъ и дѣтей, которыя въ первую половину 80-хъ годовъ добровольно прослѣдовали въ Сибирь, къ общему числу сосланныхъ выражается такъ:

Годъ.	Сосланные.	Женщины и дѣти.	%.
1882	16.945	5.276	31
1883	19.314	6.311	33
1884	17.824	6.067	34
1885	18.843	5.536	28
	72.926	23.190	31

Выше приведенная таблица показываетъ далѣе, что изъ 10.230 сосланныхъ въ Сибирь въ качествѣ преступниковъ только 4.392, т.-е.

меньше половины, были осуждены судомъ, между тѣмъ какъ 5.838 были сосланы административнымъ порядкомъ, т.-е. по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ. Отношеніе осужденныхъ судомъ къ административно сосланнымъ подвергается весьма незначительнымъ колебаніямъ. Съ 1867 года по 1876 включительно было сослано въ Сибирь 151.585 человѣкъ; 48,80% изъ нихъ были осуждены судомъ, а 51,20% были административно сосланные. Съ 1880 по 1886 включительно было временно помѣщено въ Тюменской пересыльной тюрьмѣ 120.065 сосланныхъ, изъ которыхъ 64.513, т.-е. 53,7%, были осуждены судомъ, 55.552 или 46,3% были высланы по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ. Созванная Александромъ II во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ комиссія по тюремной реформѣ установила, что въ среднемъ 45,6% всѣхъ сосланныхъ въ Сибирь были присуждены къ этому судомъ и 54,4% были сосланы административнымъ порядкомъ.

Наконецъ, изъ той же таблицы слѣдуетъ, что болѣе трети сосланныхъ (3.751 изъ 10.230) были отправлены въ Сибирь по приговорамъ сельскихъ обществъ, а не правительствомъ. Каждое сельское общество (или „міръ“) въ Россіи имѣетъ право ссылать тѣхъ членовъ своего общества, которые служатъ ему въ тягость или вслѣдствіе дурного поведенія пользуются плохой репутаціей среди односельчанъ; общество также можетъ отказаться принять обратно въ свою среду преступниковъ, срокъ наказанія которыхъ истекъ, и въ этомъ случаѣ они административнымъ порядкомъ ссылаются въ Сибирь.

„Политическіе“, ссылаемые въ Сибирь, не образуютъ особаго класса, но распредѣляются по выше указаннымъ группамъ. Ихъ число меньше, чѣмъ принято думать, и едва ли превышаетъ 150 въ годъ. Въ 1884 году временно пребывало въ Тюменской пересыльной тюрьмѣ 140 „политическихъ“ и до дня моего посѣщенія тюрьмы въ 1885 году ихъ прошло черезъ Тюмень 60 человѣкъ. Въ виду того, что только съ недавняго времени они фигурируютъ въ оффиціальныхъ и тюремныхъ вѣдомостяхъ подъ рубрикой „политическихъ“, трудно установить процентное отношеніе ихъ къ общему числу ссыльныхъ. Я думаю, что, съ извѣстной долей вѣроятности, можно принять 1%.

До моего посѣщенія Тюменской пересыльной тюрьмы я еще ни разу не видѣлъ „политическаго“ и, помня совѣты петербургскихъ друзей, съ величайшей осторожностью и предусмотрительностью наводилъ о нихъ справки.

На второй день послѣ нашего перваго посѣщенія Тюменской пересыльной тюрьмы мы имѣли случай присутствовать при отправленіи партіи ссыльныхъ въ Ялуторовскъ. Приблизившись къ тюрьмѣ съ цѣлью сдѣлать съ нея фотографическіе снимки и эскизъ, мы замѣтили на улицѣ передъ тюрьмой густую толпу; она состояла, приблизительно, изъ 100 женщинъ и дѣтей въ пестрыхъ ситцевыхъ платьяхъ и 250 мужчинъ въ сѣрыхъ арестантскихъ одеждахъ; толпу окружалъ конвой солдатъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи стояло 15—20 одноконныхъ телѣгъ,— маленькихъ четырехколесныхъ повозокъ; нѣкоторыя изъ нихъ были нагружены сѣрыми мѣшками съ имуществомъ арестантовъ, на другихъ

сидѣли мужчины, женщины и дѣти, которые, — вслѣдствіе ли преклоннаго возраста, болѣзненности или слабости, — не могли итти пѣшкомъ. Мнѣ казалось непостижимымъ, какъ люди, проведшіе недѣлю въ этой тюрьмѣ, вообще еще сохраняютъ способность къ ходьбѣ. Слышался непрерывный говоръ многихъ голосовъ; по временамъ въ въ какой-нибудь телѣгѣ раздавался плачъ больного ребенка или звонъ цѣпей, когда люди, уставъ стоять, садились на землю. Офицеръ, который долженъ былъ сопровождать партію, коренастый мужчина съ желтоватыми бакенами, свѣтло-голубыми глазами и жесткими, несимпатичными чертами лица, стоялъ у телѣгъ, въ толпѣ женщинъ и дѣтей, которыя просили его взять ихъ на телѣги.

— Сдѣлайте милость, посадите мою маленькую дѣвочку на одну изъ телѣгъ,—услыхалъ я при приближеніи къ одной группѣ. Это говорила одна блѣдная женщина.—Ей нѣтъ еще 10 лѣтъ и она хромая; она никакъ не пройдетъ 30 верстъ.

— Что у ней съ ногой?—нетерпѣливо спросилъ офицеръ, скользнувъ взглядомъ по тонкимъ голымъ ногамъ ребенка.

— Не знаю, что съ ней, но только очень ужъ больно ребенку,— отвѣтила мать.—Пожалѣйте, ради Бога.

— Нельзя, нѣтъ мѣста,—отвѣтилъ еще нетерпѣливѣе офицеръ.— Не думаю, чтобы дѣвочкѣ было такъ плохо и къ тому же она выглядитъ гораздо старше. Пойдешь пѣшкомъ,—сказалъ онъ мрачно ребенку,—ты тогда скорѣй нарвешь цвѣтовъ.

Мать и дитя не издали ни звука, а офицеръ, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ просьбъ, скомандовалъ: „Стройся!“ Водворилась тишина и раздавался только лязгъ цѣпей; солдаты взяли ружья на плечо, ссыльные перекрестились на тюремную часовню и по командѣ: „шагомъ — маршъ!“ вся колонна тронулась съ мѣста. Три или четыре казака въ темно-зеленой формѣ открывали шествіе; мужчины и женщины, сопровождаемые солдатами, слѣдовали плотными безпорядочными толпами; за ними тянулись телѣги со стариками, больными и маленькими дѣтьми, далѣе полдюжины казаковъ и, наконецъ, 4 или 5 телѣгъ съ багажомъ. Черезъ нѣсколько минутъ вся колонна исчезла изъ нашихъ глазъ. Послѣднее, что я слышалъ, были звонъ цѣпей и голоса казаковъ, приказывавшихъ дѣтямъ не выходить изъ рядовъ. Арестанты этой партіи были почти всѣ сосланные на поселеніе или высланные по приговорамъ сельскихъ обществъ; цѣлью ихъ подневольнаго путешествія были села и города южной части Тобольской губерніи.

Послѣ того, какъ мы присутствовали при отправленіи пѣшеходной колонны, мы въ субботу вечеромъ отправились на пристань, чтобы наблюдать за посадкой и отправленіемъ въ Томскъ 700 ссыльныхъ. Транспортное судно, осмотръ котораго намъ былъ разрѣшенъ, мало отличалось по внѣшнему виду отъ обыкновенныхъ морскихъ судовъ; оно имѣло только меньшую осадку и не имѣло снастей. Черный желѣзный корпусъ судна былъ длиною приблизительно въ 220 футовъ, шириною въ 30 и былъ снабженъ рядомъ лежащихъ на одной горизонтальной линіи прямоугольныхъ люковъ, освѣщавшихъ спальныя отдѣленія второй каюты. На верхней палубѣ, въ разстояніи 75 футовъ

одна отъ другой, находились двѣ большихъ желтыхъ постройки. Одна изъ нихъ содержала различныя больничныя отдѣленія, и аптеку; другая — квартиры для конвойныхъ офицеровъ и нѣсколько камеръ для привилегированныхъ ссыльныхъ дворянскаго сословія. Пространство между ними было подъ навѣсомъ, а съ боковыхъ сторонъ было обведено рѣшеткой изъ крѣпкихъ желѣзныхъ прутьевъ такъ, что въ общемъ получалась клѣтка длиною въ 75 футовъ и шириною около 30 футовъ; въ ней заключенные могли прогуливаться и дышать свѣжимъ воздухомъ. Эта клѣтка, извѣстная среди арестантовъ подъ именемъ „курятника", была раздѣлена рѣшеткой на двѣ неравныя части, изъ которыхъ меньшая была отведена для женщинъ. Отсюда лѣстницы вели въ 3 или 4 спальныхъ отдѣленія; всѣ они имѣли 30 футовъ въ ширину и около 7 футовъ въ вышину; длина ихъ колебалась между 30—60 футами. Одно изъ этихъ отдѣленій было предназначено для женщинъ и дѣтей, всѣ остальныя для мужчинъ. Въ каждомъ отдѣленіи по его длинѣ были устроены двѣ двойныхъ нары, на которыхъ въ 4 плотныхъ ряда размѣщались ссыльные. Вдоль бортовъ баржи также тянулись нары, на которыя арестанты ложились по ихъ длинѣ по 4—5 въ ряду такимъ образомъ, что головы одной группы касались ногъ другой. Судно по возвращеніи изъ послѣдней поѣздки было тщательно вычищено и продезинфецировано, такъ что воздухъ на немъ былъ чистый и свѣжій. Транспортное судно стояло у пловучей пристани, какія мы видали уже на Волгѣ и Камѣ; на пристань съ высокаго берега велъ спускающійся зигзагами деревянный помостъ, по которому, шагахъ въ 20—30 другъ отъ друга, были разставлены унтеръ-офицеры. Тѣснившихся на берегу ссыльныхъ окружалъ по обыкновенію конвой солдатъ. Полковникъ Винокуровъ, инспекторъ по пересыльной части западной Сибири, разрѣшилъ намъ снять ссыльныхъ и судно. Вскорѣ послѣ этого раздалась команда: „веди на судно!" Арестанты стали взбрасывать свои сѣрыя котомки на плечи и одинъ за другимъ спускаться по наклонному помосту къ пристани. Среди мужчинъ по крайней мѣрѣ у 3/4 были на ногахъ кандалы, и цѣлый часъ раздавался безпрерывный звонъ цѣпей отъ проходящихъ мимо арестантовъ. Всѣ арестанты были одѣты въ одинаковое сѣрое платье, но съ этнологической стороны представляли необычайное разнообразіе типовъ, такъ какъ они, повидимому, происходили изъ самыхъ разнообразныхъ частей обширнаго царства. Здѣсь можно было видѣть дикихъ дагестанскихъ горцевъ и черкесовъ, за кровавую месть присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ; загорѣлыхъ татаръ съ нижней Волги; турокъ съ крымскаго полуострова, красныя фески которыхъ рѣзко отличались отъ сѣрой арестантской одежды; лукаваго вида евреевъ съ Подолья, осужденныхъ за провозъ контрабанды, и, наконецъ, крестьянъ изъ всѣхъ частей Европейской Россіи. Лица у арестантовъ были большею частью добродушныя и самыя преступныя лица казались мнѣ скорѣе глупыми и чувственными, чѣмъ грубыми и злыми. Когда, наконецъ, всѣ были на палубѣ, двери рѣшетчатыхъ клѣтокъ были задвинуты и заперты на большіе висячіе замки, и тогда-то начался настоящій русскій базаръ. Въ одномъ мѣстѣ

полувзрослая дѣвочка просовываетъ черезъ рѣшетку свареныя вкрутую яйца; въ другомъ старуха черезъ трубку переливаетъ молоко въ чайникъ, который держитъ за рѣшеткой арестантъ; вдоль всей баржи мужчины покупаютъ ржаной хлѣбъ, соленые огурцы и рыбу. Торговцы, повидимому, вполнѣ довѣряютъ арестантамъ, такъ какъ отдаютъ имъ товаръ раньше полученія денегъ. Конвоирующіе арестантовъ солдаты, парни съ красивыми свѣжими лицами, по мѣрѣ возможности способствуютъ торговлѣ: передаютъ деньги и товары и открываютъ даже двери, чтобы пропустить то, что не проходитъ сквозь рѣшетку, напр., большой хлѣбъ.

Между тѣмъ на судно взошелъ православный священникъ въ черной рясѣ и широкополой поярковой шляпѣ; въ сопровожденіи псаломщика, несшаго ризу и молитвенникъ, онъ вошелъ въ одинъ изъ палубныхъ домиковъ. Нѣсколько мгновеній спустя, онъ въ полномъ облаченіи вошелъ въ женское отдѣленіе, держа въ одной рукѣ курящееся кадило, а въ другой раскрытую книгу. Женщины искренно молились, кланялись, крестились, становились на колѣни и клали земные поклоны. Священникъ по казенному оттараторилъ свои молитвы, покадилъ нѣсколько разъ и направился въ мужское отдѣленіе. Здѣсь къ богослуженію отнеслись съ гораздо меньшимъ вниманіемъ. Хотя арестанты и солдаты и сняли свои фуражки, но только немногіе изъ нихъ молились, а торговля не прерывалась ни на минуту. Низкій голосъ священника, звонъ цѣпей, говоръ торговцевъ, приказы, отдаваемые солдатамъ, — все это очень оригинально перемѣшивалось. Окончивъ богослуженіе, священникъ снялъ облаченіе, пожелалъ командиру баржи счастливаго пути и ушелъ обратно въ городъ, между тѣмъ какъ г. Фростъ и я бродили по пристани, изучая физіономіи арестантовъ. За немногими исключеніями, они казались веселыми и довольными; изъ всѣхъ частей клѣтки слышались смѣхъ, шутки и оживленный разговоръ. Г. Фростъ занесъ нѣсколько болѣе замѣчательныхъ типовъ въ свою записную книжку, что вскорѣ обратило на себя вниманіе арестантовъ. Шутя и смѣясь, они выводили впередъ тѣхъ арестантовъ, которыхъ считали особенно достойными быть увѣковѣченными рукой художника; они придавали моделямъ разнообразныя живописныя положенія, расчесывали имъ длинные волосы на невыбритой сторонѣ головы, надѣвали феску или татарскую тюбетейку и давали художнику руководящія указанія. Они смѣялись и шутили, какъ школьники, отправляющіеся въ вакаціонную поѣздку; съ трудомъ можно было повѣрить, что это арестанты, присужденные къ каторгѣ.

Тотчасъ послѣ захода солнца къ баржѣ подошелъ пароходъ; было приказано отдать чалки, ссыльные стѣснились у рѣшетки, чтобы кинуть прощальный взглядъ на Тюмень, — и большая, черно-желтая пловучая тюрьма медленно вышла въ открытую рѣку и начала свое далекое путешествіе въ Томскъ.

III.

Степи Иртыша.

Послѣ зрѣлаго обсужденія я рѣшилъ ѣхать въ Томскъ черезъ Иртышскія степи, Омскъ, Павлодаръ, Семипалатинскъ, Усть-Каменогорскъ и Барнаулъ. Этотъ путь пролегалъ по самымъ культурнымъ мѣстамъ Тобольской и Томской губерніи и по округамъ, гуще всего заселеннымъ ссыльными; онъ долженъ былъ познакомить насъ съ магометанскимъ городомъ Семипалатинскомъ и многочисленнымъ племенемъ кочевниковъ-киргизовъ; сверхъ того, тотъ путь давалъ намъ возможность познакомиться съ частью Алтая, этой живописной горной страной на границѣ Монголіи, которую съ такимъ энтузіазмомъ описывалъ мнѣ одинъ русскій офицеръ, называвшій ее сибирской Швейцаріей. Еще по другой причинѣ мнѣ казалось желательнымъ избѣгать обычнаго пути. Покинувъ Петербургъ, я думалъ, что мы свое путешествіе изъ Тюмени въ Томскъ должны будемъ совершить или на пароходѣ, или же по большому сибирскому тракту. Въ увѣренности, что мы изберемъ одинъ изъ этихъ путей, и министръ внутреннихъ дѣлъ извѣстилъ о нашемъ путешествіи всѣ мѣстныя власти именно по этимъ направленіямъ, приказавъ снабдить ихъ инструкціями, какъ онѣ должны вести себя по отношенію къ намъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. О характерѣ этихъ инструкцій я никогда не могъ узнать съ достовѣрностью, но онѣ прибывали на всякій важный пункт большого сибирскаго тракта, начиная отъ Тюмени и кончая главнымъ городомъ Забайкалья, всегда раньше насъ. На много мѣсяцевъ ранѣе нашего прибытія мѣстныя власти восточной Сибири были уже въ точности освѣдомлены о насъ. Въ Тюмени мнѣ впервые стало ясно, что мы имѣли честь состоять подъ офиціальнымъ надзоромъ полиціи, и такъ какъ это могло серьозно нарушить мои планы, особенно относительно политическихъ ссыльныхъ, то я рѣшилъ бросить большой трактъ и направиться въ мѣста, власти которыхъ не были оповѣщены о нашемъ прибытіи. Въ дальнѣйшемъ я имѣлъ достаточно основаній радоваться такому рѣшенію. Избранный обходный путь въ южномъ направленіи привелъ насъ не только въ часть Сибири, въ которой съ политическими легче всего свести знакомство, потому что они пользуются здѣсь наибольшей свободой, но и въ губернію, начальникомъ которой былъ либеральный и гуманный человѣкъ.

Сдѣлавъ прощальные визиты, купивъ тарантасъ и раздобывъ открытый листъ на полученіе почтовыхъ лошадей, мы покинули Тюмень, чтобы по почтовому тракту ѣхать въ Семипалатинскъ.

Нигдѣ въ мірѣ не имѣется такого обширнаго и прекрасно организованнаго почтоваго сообщенія на лошадяхъ, какъ въ Россіи. Отъ южной оконечности Камчатки до самыхъ отдаленныхъ финляндскихъ деревень, отъ бурнаго побережья сѣвернаго Ледовитаго океана до знойныхъ песчаныхъ пустынь Центральной Азіи, все государство по-

крыто сѣтью почтовыхъ трактовъ. Путешественникъ, упаковавъ свой чемоданъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и доставъ „подорожную“, чтобы за 10.000 вер. отправиться въ Петропавловскую гавань на Камчаткѣ, можетъ быть твердо увѣренъ, что на всемъ огромномъ разстояніи его вездѣ будутъ ждать лошади, сѣверные олени или, наконецъ, собаки, готовые везти его къ мѣсту назначенія и днемъ, и ночью. Почтовыхъ экипажей для пассажировъ въ Россіи почти не имѣется. Большею частью ѣздятъ въ собственномъ экипажѣ или саняхъ, въ которые запрягаютъ почтовыхъ лошадей. Путешественникъ по своему желанію можетъ проѣхать въ 38 часовъ 250 верстъ или въ 250 часовъ 38 верстъ. Онъ можетъ остановиться когда, гдѣ и на сколько времени ему угодно; если же онъ хочетъ ѣхать дальше, то онъ приказываетъ запрягать и садится въ свой экипажъ. Въ какой бы части государства онъ ни находился и куда бы ни направлялся, онъ просто посылаетъ свою подорожную на ближайшую почтовую станцію и, 20 минутъ спустя, онъ катитъ уже въ своемъ экипажѣ, проѣзжая по 30 верстъ въ часъ и, имѣя въ карманѣ почтовую квитанцію, на всѣхъ промежуточныхъ станціяхъ получаетъ свѣжихъ лошадей. Плата за проѣздъ по почтовому тракту западной Сибири чрезвычайно низка. Включая „на чай“ ямщикамъ, платятъ съ лошади и версты 2 коп. или за обычную тройку 7 коп. Такимъ образомъ, двое могутъ проѣхать въ собственномъ экипажѣ на тройкѣ 30 верстъ за 1 рубль 25 к. Мнѣ было часто неловко вручать ямщику, котораго разбудили среди ночи и который запрягъ тройку лошадей и везъ насъ въ бурную темную ночь по отвратительной и, можетъ быть, опасной дорогѣ на протяженіи 30 верстъ, за его услуги такую жалкую сумму, какъ $1^1/_4$ рубля. Но какъ бы ни было незначительно и недостаточно подобное вознагражденіе, оно для множества крестьянъ настолько велико, что они находятъ возможнымъ конкурировать съ правительственной почтой, занимаясь перевозкой путешественниковъ отъ одной деревни до другой на „вольныхъ“ лошадяхъ. Такъ такъ послѣднія находятся и въ лучшемъ состояніи и болѣе откормлены, чѣмъ работающія черезъ силу почтовыя клячи, то часто бываетъ выгодно пользоваться именно ими. Подъѣзжая къ деревнѣ, ямщикъ обыкновенно оборачивается и спрашиваетъ, везти ли на почтовую станцію или къ дому „пріятеля“. Предпочитая послѣднее, вы пріобрѣтаете между прочимъ, возможность ознакомиться съ домашней жизнью сибирскаго крестьянина гораздо лучше, чѣмъ если бы мѣняли лошадей на почтовыхъ станціяхъ.

Первая часть нашего путешествія отъ Тюмени до Омска была сравнительно мало интересна. Дорога шла по богатой топкими озерками, болотистой равнинѣ, покрытой здѣсь и тамъ ивовымъ и ольховымъ кустарникомъ, маленькими березами, уродливыми елями и соснами, которыя мѣшали кругозору и ограничивали горизонтъ. Эта часть Тобольской губерніи, повидимому, сравнительно въ недавній геологическій періодъ была еще дномъ внутренняго моря, соединявшаго Каспійское и Аральское моря съ Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ по направленію той низменности, которая въ настоящее время оро-

шается рѣками Обью и Иртышемъ. Песчаные валы, солончаки, слои глины и топкія озерки между Тюменью и Омскомъ свидѣтельствовали о томъ, что мы находимся на бывшемъ днѣ моря.

На разстояніи 100 верстъ за Тюменью, за деревней Заводо-Уковской мы провели подъ вечеръ 2 часа въ имѣніи богатаго сибирскаго фабриканта Колмакова, къ которому у меня было рекомендательное письмо отъ одного изъ моихъ русскихъ друзей. Я былъ крайне удивленъ, найдя въ этомъ захолустьѣ такія удобства, столько вкуса и роскоши. Домъ представлялъ собою двухэтажное деревянное зданіе, но былъ обширенъ и уютно обставленъ. Изъ оконъ открывался видъ на прудъ и прекрасный садъ съ извивающимися дорожками, тѣнистыми бесѣдками, длиннымъ рядомъ кустовъ смородины и малины и благоухающими клумбами цвѣтовъ. На одномъ концѣ сада находилась большая оранжерея съ геранями, вербенами, гортензіями, кактусами, апельсинными и лимонными деревьями, ананасами и разнообразными тропическими и полутропическими кустарниками; рядомъ находилась большая теплица съ огурцами и созрѣвающими мускатными дынями. Среди сада стояло четырехугольное, 60 футовъ въ длину и 40—50 въ ширину, стеклянное зданіе, представлявшее собою зимній садъ, которымъ пользовались въ вѣтреную и холодную погоду. Въ этомъ миніатюрномъ стеклянномъ дворцѣ съ дорожками, окаймленными грядками цвѣтовъ, находилась цѣлая роща изъ банановъ и молодыхъ пальмъ. Мѣстами стояли лавки и удобныя кресла. Деревья, цвѣты и кусты были посажены не въ горшкахъ, а прямо въ землю. Казалось, что мы очутились на югѣ. „Кто могъ бы предположить“ — сказалъ г. Фростъ, усаживаясь въ кресло подлѣ клумбы цвѣтущихъ вербенъ,— „что въ Сибири мы будемъ отдыхать подъ сѣнью пальмъ и банановъ“. Побывавъ еще въ большомъ прилегающемъ къ саду паркѣ, мы вернулись въ домъ, гдѣ насъ угостили холоднымъ ужиномъ, состоявшимъ изъ икры, маринованныхъ грибовъ, семги, разной дичи, бѣлаго хлѣба, пирожнаго, дикой земляники, водки, двухъ трехъ сортовъ винъ и, наконецъ, чаю.

Совсѣмъ стемнѣло, когда, около 11 часовъ, прибыли лошади, заказанныя нами въ ближайшей деревнѣ. Мы простились съ любезнымъ хозяиномъ, забрались въ тарантасъ и помчались среди темной ночи. Дорога, никогда не бывшая, вѣроятно, хорошей, теперь отъ сильныхъ ливней была прямо въ ужасномъ состояніи. Ямщикъ гналъ четверку сильныхъ лошадей съ такой стремительной быстротой, насъ такъ подбрасывало и кидало во всѣ стороны, что о снѣ мы не могли и думать, а должны были быть настороже, какъ бы не вылетѣть изъ экипажа. На разсвѣтѣ, сонные, разбитые и усталые, мы прибыли въ деревню Ново-Заимская, вошли въ маленькій деревянный домъ „пріятеля“ нашего ямщика и бросились прямо на землю, гдѣ уже растянулось до полдюжины членовъ семьи „пріятеля“ и въ трехчасовомъ глубокомъ снѣ, обычномъ при сильномъ физическомъ переутомленіи, забыли о нашихъ ноющихъ позвоночникахъ.

Затѣмъ мы въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, безъ перерыва и, конечно, безъ сна, продолжали наше путешествіе по ужасной степной дорогѣ

и утромъ, въ четвергъ, около 6 часовъ подъ проливнымъ дождемъ въѣхали въ уѣздный городъ Ишимъ. Ясное представленіе о тѣхъ физическихъ страданіяхъ, которыя вызываетъ быстрая ѣзда по сквернымъ сибирскимъ дорогамъ, можетъ себѣ составить только тотъ, кто самъ испыталъ это. Въ 35 часовъ, съ перерывомъ только въ 4 часа, мы сдѣлали отъ Тюмени до Ишима 300 верстъ, и въ дорогѣ насъ такъ трясло, что у насъ болѣла каждая кость, и на почтовыхъ станціяхъ мы только съ трудомъ могли залѣзать въ нашъ забрызганный грязью тарантасъ.

Вслѣдствіе дурной погоды мы отказались отъ нашего первоначальнаго намѣренія остановиться въ Ишимѣ, и, напившись чаю въ крестьянской избѣ на берегу Ишима, продолжали путешествіе. Когда городъ остался позади и мы проѣзжали жидкимъ березовымъ лѣсомъ, мы замѣтили, что въ одномъ съ нами направленіи шло много мужчинъ, женщинъ и дѣтей, съ трудомъ передвигавшихся по грязи. Большинство изъ нихъ были обыкновенные крестьяне въ штанахъ, заткнутыхъ въ сапоги, и загорѣлыя крестьянки въ красныхъ и голубыхъ платьяхъ и бѣлыхъ платкахъ; среди нихъ попадались пѣшеходы съ зонтиками въ обычномъ европейскомъ костюмѣ, принадлежавшіе, повидимому, къ высшему классу.

Приблизительно въ 6 верстахъ отъ города мы встрѣтили густую, шумную толпу мужчинъ и женщинъ; они несли трехконечные кресты, бѣлыя и красныя хоругви и громадные стеклянные фонари на черныхъ шестахъ. Когда они приблизились, я могъ разобрать, что гуще всего толпа была на серединѣ грязной дороги, гдѣ высоко въ воздухѣ, на длинномъ крѣпкомъ шестѣ, несли нѣчто въ родѣ картины въ золотой рамѣ. Конецъ шеста былъ воткнутъ въ деревянную четырехугольную подставку, которую за рукоятки, расположенныя по всѣмъ ея сторонамъ, несли шестеро крестьянъ съ обнаженными головами. Массивная рама изъ золота или позолоченнаго серебра была, повидимому, очень тяжела, такъ какъ несшіе ее крестьяне обливались потомъ и пыхтѣли подъ ея тяжестью. Передъ иконой шелъ священникъ съ непокрытой головой, съ книгой въ рукахъ, а по бокамъ 4—5 діаконовъ въ черныхъ одеждахъ несли вышитыя шелковыя хоругви, большіе трехконечные позолоченные кресты и оригинальные церковные фонари съ зажженными свѣчами, которые имѣли видъ переносныхъ уличныхъ газовыхъ фонарей. Священникъ, діаконы и тѣ, кто съ обнаженными головами шли по близости иконы, подпѣвали. Много бабъ мѣсило босыми ногами черную липкую грязь и никто, казалось, не обращалъ вниманія на проливной дождь, который мочилъ ихъ и хлесталъ по ихъ загорѣлымъ лицамъ. Эта толпа, въ числѣ около 400—500 человѣкъ, большинство которыхъ были женщины, постоянно увеличивалась тѣми группами пѣшеходовъ, которыхъ мы обгоняли ранѣе.

Со дня нашего въѣзда въ Сибирь я еще не видѣлъ такой своеобразной, невольно напоминающей средніе вѣка, картины. Я съ успѣхомъ могъ бы себѣ вообразить, что я перенесенъ въ одиннадцатое столѣтіе и что передо мной христіанское сельское общество,

воодушевленное проповѣдью Петра Амьенскаго, съ крестомъ и хоругвями выступаетъ въ крестовый походъ.

Когда скрылись изъ глазъ послѣдніе отставшіе участники процессіи и смолкло хриплое однообразное пѣніе, мнѣ съ большимъ трудомъ удалось выпытать у ямщика, что̀ все это значитъ. Въ одной изъ Ишимскихъ церквей находится, повидимому, старая чудотворная икона Божіей Матери, и вотъ для того, чтобы крестьяне, не имѣющіе возможности прибыть въ Ишимъ, могли молиться передъ ней и пріобщиться изливаемой ею благодати, она разъ въ годъ обносится по всѣмъ главнымъ селеніямъ уѣзда. Передъ иконой служатся особыя богослуженія и сотни людей провожаютъ ее, когда она въ торжественной обстановкѣ переносится изъ села въ село. Эта икона и находилась въ такомъ круговомъ путешествіи, когда мы встрѣтили ее на ея возвратномъ пути въ Ишимъ. Поэтому нашъ ямщикъ, сказавъ: „Божія Матерь возвращается домой“, опредѣлилъ явленіе просто и вполнѣ правильно.

Не обращая вниманіе на сильные ливни, мы въ продолженіе всего четверга продолжали наше путешествіе по направленію къ Тюкалинску, перемѣнили лошадей на станціяхъ Боровская, Тушнолобово, Абатская и Камышенка и, наконецъ, заночевали въ деревнѣ Орлово въ крестьянской избѣ. Мы были совершенно утомлены, да это и не удивительно: вѣдь, со времени нашего выѣзда изъ Тюмени мы въ 60 часовъ отмахали 360 верстъ и на сонъ удѣлили только 4 часа. За ночь погода прояснилась, и когда мы утромъ на слѣдующій день опять продолжали свое путешествіе, солнце свѣтило на почти безоблачномъ небѣ и свѣжій животворный воздухъ былъ наполненъ благоуханіемъ.

Хотя дорога оставляла желать еще многаго, но чѣмъ далѣе подвигались мы въ юго-восточномъ направленіи, тѣмъ болѣе улучшался видъ страны, и передъ полуднемъ мы уже проѣзжали по прекрасной, плодородной, частью обработанной луговой мѣстности, которая простиралась во всѣ стороны, пока хваталъ глазъ, и лишь кое-гдѣ прерывалась березами или ивовымъ и ольховымъ кустарникомъ. Степь была покрыта цвѣтами. Время отъ времени большія пространства свѣжевспаханной земли и колышащіяся хлѣбныя нивы наводили на мысль, что эта мѣстность заселена, но нигдѣ не было видно ни забора, ни сарая, ни дома, и мнѣ любопытно было увидать деревню, къ которой принадлежали эти поля. Мое любопытство скоро было удовлетворено. Нашъ ямщикъ внезапно подтянулъ грязныя вожжи, усѣлся поудобнѣе, взмахнулъ кнутовищемъ съ длинной веревкой, сильно ударилъ по лошадямъ и неестественно пронзительнымъ голосомъ крикнулъ: „Эх-я-а-а!“ Четверка сразу перешла въ такой стремительный галопъ, что у меня захватывало дыханіе. Тарантасъ попадалъ въ глубокую яму, чтобъ затѣмъ сейчасъ же съ такой силой взлетать кверху, что меня высоко подбрасывало. Не нужно было дальнѣйшихъ доказательствъ, что до деревни не далеко. Сибирскія лошади всегда за нѣсколько верстъ до своего конечнаго пункта показываютъ, на что онѣ способны. Напрасно я взывалъ къ ямщику: „Стой, потише!“ Ямщикъ и лошади

знали, что скоро достигнутъ цѣли, и напрягали всѣ свои силы. Лошади, прижавъ уши, неслись такъ, какъ будто спасались отъ пожара прерій, а ямщикъ стегалъ ихъ съ дикимъ воплемъ: „Я-а-васъ!“ „Эй, дуракъ! Ну!.. Эхъ-я-а-а“!.. Не оставалось ничего больше, какъ сидѣть смирно. Мы зажмурили глаза и помирились съ своей судьбой. Мелькающія подковы четырехъ скачущихъ лошадей обдавали тарантасъ комьями грязи, и, когда я высовывалъ изъ тарантаса голову съ тѣмъ, чтобы поспорить съ ямщикомъ, мой ротъ подвергался опасности быть набитымъ черной, липкой грязью. Наконецъ, мы замѣтили плетень, тянувшійся въ обѣ стороны на ½ версты, прерванный узкими воротами въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ пересѣкалъ дорогу. Это была изгородь выгона той деревни, къ которой мы приближались. Проѣзжая подъ громкіе крики ямщика черезъ открытыя ворота, мы замѣтили подлѣ нихъ своеобразную, наполовину въ землѣ, избушку, крытую хворостомъ и травой. Изъ нея вышелъ привратникъ этой деревни, грязный, жалкаго вида, человѣкъ съ воспаленными глазами и длинной бѣлой бородой, живо напомнившій мнѣ „Рипъ ванъ Винкеля“, вставшаго послѣ 20-лѣтняго сна. Не успѣлъ онъ поклониться и снять съ головы жалкіе остатки того, что когда-то было шапкой, какъ мы пронеслись мимо и потеряли его изъ виду, искренно жалѣя, что намъ не удалось снять этой растрепанной, неряшливой, живописной, одѣтой въ рубище фигуры — олицетворенія нищеты и горя. За воротами стоялъ столбъ, на которомъ черными буквами было написано: „деревня Крутая, разстояніе отъ Петербурга 2992 вер., отъ Москвы 2520, дворовъ 42; мужчинъ 97“. Между воротами и деревней лежалъ общественный выгонъ шириной въ ¾ версты, на которомъ паслись сотни коровъ, быковъ и овецъ. Мѣстами возвышалась вѣтряная мельница, состоящая изъ маленькаго домика съ двухскатной крышей и четырехъ большихъ крыльевъ, укрѣпленныхъ на вершинѣ четырехугольной, сложенной изъ бревенъ, пирамиды. Далѣе за мельницами показалась деревня, т.-е. нѣсколько сѣрыхъ старыхъ деревянныхъ избъ, крытыхъ соломой или досками; нѣкоторыя изъ нихъ имѣли плоскія, покрытыя землей крыши, на которыхъ произростала цѣлая степная флора. Между этой группой домовъ тянулась главная улица безъ тротуаровъ и канавъ, во всю свою длину и ширину представлявшая топкое болото, черезъ которое ямщикъ несся попрежнему полнымъ галопомъ. Его крикъ и стукъ колесъ вызывали къ окнамъ все населеніе, чтобы посмотрѣть, не въѣзжаетъ ли съ такимъ шумомъ въ ихъ селеніе генералъ-губернаторъ или особый царскій гонецъ. Передъ воротами дома одного изъ своихъ пріятелей ямщикъ осадилъ облитыхъ потомъ, тяжело дышащихъ лошадей и громко крикнулъ: „Давай лошадей!“ Теперь со всей деревни стали сходиться досужіе и старые люди, чтобы присутствовать при перепряжкѣ. Среди нихъ попадались оригинальныя, живописныя фигуры съ морщинистыми лицами, перепутанными, нерасчесанными волосами и длинными взъерошенными бородами. Нѣкоторые изъ нихъ были съ непокрытыми головами, другіе босикомъ, многіе въ „шубахъ“ изъ рваныхъ овчинъ и высокихъ сапогахъ, иные

въ длинныхъ, коричневыхъ кафтанахъ, подпоясанныхъ ремнями или шарфами. Пока это общество собиралось вокругъ нашего тарантаса, ямщикъ слѣзъ съ козелъ и началъ выпрягать лошадей. Хозяинъ дома, передъ которымъ мы остановились, вышелъ и спросилъ насъ, желаемъ ли мы пить чай или же ѣхать дальше. Узнавъ, что мы намѣрены продолжать дальнѣйшій путь, онъ крикнулъ: „Андрей! айда въ поле за лошадьми". Андрей, немного погодя, вскочилъ на неосѣдланную лошадь, которую вывелъ со двора другой мальчикъ, и поскакалъ на выгонъ. Между тѣмъ собравшаяся толпа наблюдала на всѣми нашими движеніями, критиковала нашъ новомодный тарантасъ и старалась выпытать у ямщика, кто мы и куда мы ѣдемъ. Такъ какъ изъ этого источника они не получили удовлетворительныхъ разъясненій, то одинъ сѣдой старикъ обратился ко мнѣ со словами: „Баринъ, позвольте спросить васъ, куда васъ Богъ несетъ?" Я отвѣтилъ, что мы направляемся въ Омскъ и Семипалатинскъ. „А-а-а",—пробормотала удовлетворенная въ своемъ любопытствѣ толпа. „А откуда вы изволите быть?"—допытывался дальше старикъ. „Изъ Америки",—отвѣтилъ я.—„А-а-а" раздалось опять въ толпѣ.—„Что это русскій городъ?"—упорно продолжалъ старикъ.—„Америка не городъ",—воскликнулъ красивый мальчикъ,—это страна! Вся земля,—сказалъ онъ, какъ бы повторяя заученный урокъ,—„раздѣляется на 5 частей свѣта: Европу, Азію, Африку, Америку и Австралію. Россія занимаетъ $^2/_3$ Европы и $^1/_2$ Азіи". Тутъ географическія познанія школьника истощились; изъ пожилыхъ людей, повидимому, никто никогда не слыхалъ объ Америкѣ. Однако, нашелся молодой человѣкъ, который присутствовалъ случайно въ Омскѣ, когда черезъ этотъ городъ провозили трупы погибшихъ участниковъ сѣверной полярной экспедиціи, отправившихся на „Жаннетѣ". Онъ взялся просвѣтить своихъ односельчанъ относительно американцевъ, которые, по его мнѣнію, были самымъ мудрымъ изъ народовъ, созданныхъ Богомъ, и единственными людьми, ѣздившими въ Великій ледовитый океанъ. Одинъ старикъ сталъ утверждать, что и русскіе мореплаватели проникали уже въ Ледовитый океанъ и, хотя возможно, что они не такъ умны, какъ американцы, но на морѣ они не отстаютъ отъ послѣднихъ. И вотъ возгорѣлся живой споръ о сѣверныхъ полярныхъ экспедиціяхъ, во время котораго успѣлъ вернуться посланный за лошадьми парень; онъ загналъ лошадей во дворъ, гдѣ на нихъ надѣли сбрую, а затѣмъ при помощи длинныхъ веревокъ впрягли въ тарантасъ. Новый ямщикъ влѣзъ на козлы, спросилъ, готовы ли мы, громко крикнулъ на лошадей: „Ну-у!"—затѣмъ толчокъ, комья грязи изъ-подъ копытъ лошадей, негармоничное дребезжаніе бубенчиковъ коренника—и мы оставили за собой поселокъ.

За немногими исключеніями, при такой же обстановкѣ происходили наши въѣзды и выѣзды во всѣхъ степныхъ деревняхъ между Тюменью и Омскомъ. Большинство ихъ, не имѣя тротуаровъ, деревьевъ, лужаекъ и садовъ, производили грустное, жалкое впечатлѣніе; глазъ не замѣчалъ ничего, кромѣ двухъ паралельныхъ рядовъ сѣрыхъ запущенныхъ избъ и полуразвалившихся заборовъ, поднимавшихся не-

посредственно изъ чернаго илистаго болота, сплошь занявшаго единственную улицу.

Съ чувствомъ облегченія и съ искреннимъ удовольствіемъ покидаешь такую деревню и выѣзжаешь въ обширную, чистую степь, гдѣ воздухъ полонъ благоуханіемъ цвѣтовъ, до слуха доносится пѣніе птицъ и восхищенный глазъ то отдыхаетъ на большихъ пространствахъ низкой бархатной травы, то скользитъ по волнистой степной травѣ, среди которой красуются тысячи дикихъ розъ, бѣлыхъ маргаритокъ, дикихъ гіацинтовъ и темно-красныхъ тигровыхъ лилій. Между деревнями Крутая и Колмаково мы ѣхали по степи, въ буквальномъ смыслѣ слова представлявшей море цвѣтовъ. Я вышелъ изъ тарантаса и бросился въ этотъ душистый океанъ, чтобы насладиться тишиной и одиночествомъ. Налѣво отъ меня, по ту сторону дороги, тянулась обширная низменность, которая постепенно поднималась и на горизонтѣ замыкалась темносиней линіей березоваго лѣса. Вся эта площадь, лишь кое-гдѣ прерванная маленькими озерами, была покрыта низкой бархатной травой, на которой паслось безчисленное количество коровъ, быковъ и овецъ. Окружавшая меня болѣе высокая часть степи представляла собою настоящій цвѣточный коверъ изъ чудныхъ оранжевой окраски астръ, пятнистыхъ тигровыхъ лилій съ сильно изогнутыми лепестками, бѣлаго клевера, маргаритокъ, англійскихъ гіацинтовъ, спирей, каменистаго клевера и оригинальныхъ цвѣтовъ, которые росли на длинныхъ нѣжныхъ изогнутыхъ стебляхъ и имѣли видъ маленькихъ ракетъ, выпускаемыхъ степными феями. Неподвижный теплый воздухъ былъ насыщенъ своеобразнымъ сладкимъ запахомъ, который я могу сравнить развѣ только съ благоуханіемъ дикаго меда. Ни одинъ звукъ не нарушалъ тишины обширной равнины, кромѣ жужжанія пчелъ, мѣрнаго стрекотанія стрекозъ въ травѣ, возлѣ меня, и жалобнаго крика степного сокола, летающаго надъ гнѣздомъ полевыхъ мышей. Было восхитительно, растянувшись на травѣ среди цвѣтовъ, неподвижно лежать, глядѣть, прислушиваться и глубоко дышать.

Всю пятницу ѣхали мы по цвѣтущей степи черезъ маленькія деревни, подобныя вышеописанной, по временамъ останавливались, чтобы сдѣлать небольшой эскизъ, нарвать цвѣтовъ и побесѣдовать съ крестьянами по поводу ссылки. Иногда попадался намъ одинокій путешественникъ, ѣдущій въ загрязненномъ тарантасѣ въ Тюмень; порой мы обгоняли партію ссыльныхъ въ сѣрыхъ халатахъ, окруженныхъ конвоемъ солдатъ и пробиравшихся по грязи; но чаще всего мы видѣли крестьянъ, переѣзжавшихъ на телѣгахъ изъ деревни въ деревню или направлявшихся въ свои отдаленныя поля.

Часть Тобольской губерніи, по которой мы ѣхали изъ Тюмени въ Омскъ, была на самомъ дѣлѣ гораздо плодороднѣе и богаче, чѣмъ это могъ бы думать поверхностный наблюдатель, судя по большинству деревень. Четыре уѣзда: Тюменскій, Ялуторовскій, Ишимскій и Тюкалинскій, по которымъ пролегалъ нашъ путь, имѣетъ 650.000 человѣкъ народонаселенія и 1.456.820 десятинъ обработанной земли. Крестьяне этихъ уѣздовъ владѣютъ 1.500.000 головъ

скота и на ихъ долю приходится $^{2}/_{3}$ изъ $37^{1}/_{2}$ милліоновъ пудовъ хлѣба, ежегодно собираемаго во всей Тобольской губерніи. Въ этихъ четырехъ уѣздахъ ежегодно происходитъ 220 ярмарокъ или базаровъ, гдѣ крестьяне продаютъ свои продукты. Оборотъ этихъ ярмарокъ, напр., въ Ялуторовскомъ уѣздѣ, достигаетъ ежегодно 4.000.000 рублей, въ Ишимскомъ — 7.000.000, а во всей губерніи 28.000.000. На основаніи этихъ цифръ и наведенныхъ нами справокъ и наблюденій, которыя мы имѣли случай произвести, я считаю себя въ правѣ полагать, что Тобольская губернія въ самое короткое время могла бы стать одной изъ самыхъ цвѣтущихъ и благоденствующихъ частей русской имперіи, если бы только управляли ею честно и со смысломъ и избавили бы ее отъ проклятой необходимости служить колоніей для преступниковъ.

Въ пятницу послѣ обѣда мы напились въ уѣздномъ городѣ Тюкалинскѣ чаю и, послѣ короткаго отдыха, на четверкѣ вольныхъ лошадей продолжали путешествіе. Все еще скверная и грязная дорога между Тюкалинскомъ и Бѣгичевымъ проходила по окраинѣ болотистой барабинской степи. Насъ такъ донимали большіе сѣрые комары, что мы должны были одѣть перчатки, защитить головы суконными капюшонами съ сѣтками изъ конскихъ волосъ и безпрестанно отмахиваться вѣтками. Благодаря комарамъ и тряскѣ, мы опять провели безсонную ночь, но къ счастію она была послѣдней: 4-го іюля, въ субботу, въ $9^{1}/_{2}$ час. утра нашъ тарантасъ въѣхалъ въ Омскъ. И экипажъ и мы сами были до того забрызганы черной степной грязью, что тотъ, кто видѣлъ насъ при отъѣздѣ изъ Тюмени, навѣрно не узналъ бы насъ. Мы провели въ пути четверо сутокъ, проѣхали за это время 645 вер. и спали только 11 часовъ.

Омскъ насчитываетъ приблизительно 30.000 жителей, является главнымъ городомъ Акмолинской области и служитъ мѣстомъ пребыванія степного генералъ-губернатора. Онъ больше чиновничій городъ, чѣмъ торговый или фабричный; бо́льшая часть населенія состоитъ изъ служащихъ и писцовъ различныхъ правительственныхъ учрежденій. Къ немногимъ достопримѣчательнымъ публичнымъ зданіямъ относятся: кадетскій корпусъ, домъ генералъ-губернатора, зданіе полицейскаго управленія — живописный деревянный домъ съ возвышающейся надъ нимъ каланчей, — и, наконецъ, цитадель. Улицы въ городѣ широкія, но не мощеныя; жилые дома почти всѣ деревянные; конечно, нѣтъ недостатка въ обычномъ числѣ церквей съ зелеными, синими и позолочеными куполами. Если бы я пожелалъ нѣсколькими словами охарактеризовать Омскъ, то я сказалъ бы: „это городъ съ 30.000 жителей, въ которомъ самое большое зданіе — военная школа, самое живописное — полицейское управленіе, который не имѣетъ ни собственной газеты, ни общественной библіотеки, въ которомъ одна половина населенія носитъ царскую форму и считаетъ своей задачей править другой половиной“. На отношенія, существующія между половиной, одѣтой въ форму, и другой, лишенной ея, бросаютъ яркій свѣтъ прощальныя слова, съ которыми обратился ко мнѣ почтенный интеллигентный господинъ, оказавшій намъ во многихъ отношеніяхъ большую

пользу: „Г. Кеннанъ, если вы найдете необходимымъ упомянуть мое имя въ вашей книгѣ, то ни въ коемъ случаѣ не говорите обо мнѣ чего-либо благопріятнаго“. — „Почему же? объясните ради Бога!“— „Ваша книга — сказалъ онъ — врядъ ли очень понравится русскому правительству, и если вы отзоветесь обо мнѣ хорошо, то чиновники будутъ мучить меня еще больше, чѣмъ до сихъ поръ. Моя просьба, пожалуй, покажется вамъ нелѣпой, но это единственное одолженіе, о которомъ я васъ прошу“[1]).

Въ Омскѣ мы нашли для себя мало интереснаго, кромѣ маленькаго музея въ помѣщеніи Географическаго общества, доступъ въ который открылъ намъ полковникъ Пѣвцовъ, и жалкой загородной колоніи бѣдныхъ ссыльныхъ арестантовъ, жившихъ въ хижинахъ почти подъ землей на крутомъ холмѣ къ сѣверу отъ Оми. Я всячески разыскивалъ тюрьму, въ которой столько лѣтъ томился талантливый русскій писатель Достоевскій, и даже два раза испытывалъ на себѣ удары нагаекъ, — но она была давно уже снесена. Меня не удивляетъ, что правительство уничтожило стѣны, бывшія свидѣтелями тѣхъ ужасовъ, которые описалъ Достоевскій въ своихъ „Запискахъ изъ мертваго дома“. Правда, было еще зданіе въ Омскѣ, которое мы желали бы осмотрѣть, именно тюрьма, – но мѣстный губернаторъ, къ которому мы обратились съ этой просьбой во время аудіенціи, отнесся къ намъ съ такою невѣжественною презрительностью, что мы, не успѣвъ даже присѣсть, удалились изъ кабинета его превосходительства.

Оправившись совершенно отъ усталости, вызванной путешествіемъ изъ Тюмени, мы 8-го іюля, въ среду, на тройкѣ почтовыхъ лошадей и съ казакомъ въ качествѣ ямщика, оставили Омскъ. Нашею ближайшей цѣлью былъ Семипалатинскъ. Дорога между этими городами проходитъ все время по правому берегу Иртыша черезъ рядъ деревень, которыя не отличаются существенно отъ деревень къ сѣверу отъ Омска, съ тою только разницей, что населены онѣ казаками. Гдѣ русское правительство хочетъ защитить свою границу отъ непріятельскихъ вторженій или разбойничьихъ нападеній туземцевъ, тамъ оно поселяетъ тысячи вооруженныхъ казацкихъ семействъ. Такимъ образомъ оно въ XVIII столѣтіи основало военныя поселенія по берегамъ Терека, съ цѣлью защитить юго-восточную часть Россіи отъ набѣговъ кавказскихъ горцевъ, и казацкіе поселки вдоль Иртыша, чтобы держать въ повиновеніи киргизовъ. Давно уже миновала опасность, которой ожидали отъ этихъ полудикихъ племенъ, но потомки казаковъ-колонистовъ все еще живутъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны были поселиться ихъ отцы и праотцы. Они обладаютъ всѣми качествами піонеровъ и пограничныхъ жителей: они остроумны, ловки, изворотливы и легко приспособляются ко всему окружающему. Между Омскомъ и Семипалатинскомъ находится 30—40 также казацкихъ

---

[1]) Это пожеланіе было высказано въ слѣдующую по нашемъ возвращеніи изъ восточной Сибири зиму, послѣ того, какъ я разсказалъ г. Х. обо всемъ, что мы узнали и наблюдали. Я охотно привелъ бы нѣсколько примѣровъ тѣхъ „мученій“, о которыхъ говоритъ г. Х., если бы это было возможно, не выдавая его.

поселковъ и столько же между Семипалатинскомъ и Алтаемъ. Вскорѣ послѣ Омска видъ степи измѣнился. Пышный цвѣточный покровъ виднѣлся уже только въ низинахъ вблизи рѣки; иногда мы проѣзжали еще по зеленымъ лугамъ, но господствующимъ впечатлѣнiемъ было такое, что растительность выгораетъ подъ палящими лучами лѣтняго солнца, и обычная здѣсь окраска степи была подобна цвѣту созрѣвшей пшеницы или стараго золота. Группы березъ, придававшiя ландшафту къ сѣверу отъ Омска характеръ парка, появлялись все рѣже и рѣже, обработанныя поля исчезли совершенно, а степь все болѣе и болѣе переходила въ пустыню Центральной Азiи.

Проѣхавъ нѣсколько станцiй отъ Омска, мы впервые увидали и посѣтили аулъ, лѣтнюю стоянку кочующиховъ киргизовъ. Киргизы—прирожденные номады, кочующiе со своими стадами по равнинамъ западной Сибири отъ Каспiйскаго моря до Алтая и образующiе болѣе $^{3}/_{4}$ населенiя степныхъ областей. Аулъ состоялъ изъ 3-4 юртъ — маленькихъ круглыхъ палатокъ изъ сѣраго войлока, которыя были разставлены другъ подлѣ друга въ сторонѣ отъ дороги, посреди безконечной, покрытой засохшей желтой травой, степи, растянувшейся во всѣ стороны до самаго горизонта. Ни одна тропинка не вела къ аулу, и маленькiя сѣрыя юрты казались такими же изолированными, такими же отрѣзанными отъ культурныхъ человѣческихъ интересовъ, какъ хрупкая ладья, которая несется по спокойной глади океана. По волненiю, вызванному нашимъ появленiемъ, я заключилъ, что этотъ аулъ не часто посѣщаемъ. Темнокоричневыя, полунагiя дѣти, игравшiя на травѣ, испугавшись, убѣжали въ юрты, когда увидали, что нашъ тарантасъ направляется черезъ степь къ аулу; выскочили женщины, бѣгло осмотрѣли насъ и опять исчезли; даже мужчины, тѣсной группой шедшiе намъ навстрѣчу, казались сильно удивленными и немного перепуганными нашимъ прибытiемъ. Нѣсколько киргизскихъ словъ нашего казака, однако, успокоили ихъ и, слѣдуя приглашенiю старика въ красной съ желтыми полосами тюбетейкѣ, — повидимому, старшаго въ этой компанiи, — мы вошли въ одну изъ юртъ. Она была круглой формы, высотою въ 8 футовъ и дiаметромъ въ 15 футовъ и состояла изъ закопченнаго куполообразнаго деревяннаго остова, который былъ обложенъ большими положенными другъ на друга тяжелыми кошмами. Слегка изогнутыя брусья, поддерживавшiя крышу, подобно спицамъ колеса, исходили изъ находящагося въ серединѣ купола деревяннаго кольца и опирались на деревянную рѣшетку; послѣдняя образовывала круглую стѣну юрты, въ которой находилась обыкновенная дверь. Кольцо въ вершинѣ купола окружало отверстiе, предназначенное для отвода дыма и для доступа свѣжаго воздуха, а подъ отверстiемъ на землѣ среди юрты дымился окруженный плоскими камнями костеръ, на которомъ стояло нѣсколько горшковъ и котловъ. Скудно меблированная юрта содержала узкую кровать простого дерева, 2—3 дешевыхъ русскихъ, въ синiй цвѣтъ выкрашенныхъ деревянныхъ сундука и низкiй столъ, которымъ, повидимому, пользуются сидя на землѣ. На столѣ стояли и лежали деревянныя чашки, ложки и старинный металлическiй кувшинъ; по

стѣнѣ были развѣшаны сосуды изъ березовой коры, конская упряжь, кремневое ружье, выкрашенное въ красный и бѣлый цвѣтъ деревянное сѣдло, выложенныя серебромъ стремена и ковровый чепракъ.

Гостепріимство киргизовъ обязываетъ ихъ первымъ долгомъ поднести гостю кумысъ. Едва мы помѣстились на сѣромъ войлокѣ у огня, какъ одна изъ женщинъ, подойдя къ „сабѣ",—большому черному грязному мѣшку изъ лошадиной кожи, подвязанному къ рѣшетчатой стѣнѣ,—налила мнѣ цѣлую кварту національнаго киргизскаго напитка въ грязную деревянную чашку. Вопреки моему ожиданію, онъ вовсе не такъ сильно напоминалъ кислое молоко и содовую воду; напротивъ, онъ имѣлъ очень пріятный вкусъ и былъ бы настоящимъ освѣжающимъ напиткомъ, если бы былъ чище и прохладнѣе. Чтобы расположить къ себѣ стараго киргиза и показать, какъ я цѣню киргизское гостепріимство, я выпилъ всю чашку, но не имѣлъ никакого представленія, какое количество кумысу надо уничтожить, чтобы достигнуть указанной цѣли. Едва я выпилъ первую чашку, какъ старикъ поднесъ мнѣ вторую, и когда я сталъ его увѣрять, что больше одной кварты я сразу никогда не пью, и предложилъ сохранить вторую чашку для моего товарища, г. Фроста, онъ, судя по лицу, такъ разобидѣлся, что я, желая возстановить его хорошее расположеніе духа, извлекъ изъ тарантаса гитару и пропѣлъ ему: „Въ городѣ есть кабачекъ". Г. Фростъ попытался между тѣмъ избавиться отъ обязанности пить кумысъ, увѣряя, что онъ не можетъ одновременно рисовать и пить, и что онъ имѣетъ намѣреніе снять портретъ съ шестилѣтняго сына старика. Этотъ маневръ былъ очень ловко задуманъ, но не удался. Лишь только онъ началъ эскизъ, какъ мать ребенка, перепуганная вниманіемъ, съ которымъ художникъ разсматривалъ свою модель, бросилась къ своему ободранному мальчугану, стала страстно цѣловать его, какъ будто ей угрожала опасность потерять его навсегда, и быстро скрыла его отъ взоровъ предполагаемаго колдуна. Это происшествіе настолько всѣхъ разстроило, что даже новая пропѣтая мною пѣсня не произвела впечатлѣнія, и мы сочли за лучшее распрощаться. Хотѣлось бы мнѣ знать, какія росказни ходятъ теперь въ этой части киргизской степи про двухъ, по внѣшности дружескихъ, но въ дѣйствительности лукавыхъ гяуровъ, посѣтившихъ юрту вѣрующихъ, при чемъ одинъ пѣлъ подъ акомпаниментъ необыкновеннаго струннаго инструмента безбожныя пѣсни, а другой бросалъ дурные взгляды на дѣтей и пытался завладѣть ихъ душами, срисовывая ихъ тѣла.

Въ теченіе четырехъ сутокъ мы ѣхали по безконечнымъ степямъ Иртыша въ южномъ направленіи; иногда мы срывали въ окаймленномъ камышомъ прудѣ снѣжно-бѣлыя водяныя лиліи, поспѣшно набрасывали эскизъ одинокой киргизской могилы или пили кумысъ въ кругу гостепріимныхъ кочевниковъ. Въ одномъ мѣстѣ дорога проходила вдоль низкой равнины Иртыша, покрытой чудною зологисто-зеленою высокой травою; казалось, что ея гонимыя вѣтромъ волны мѣстами разрываются, давая мѣсто пѣнистымъ гребешкамъ снѣжно-бѣлыхъ цвѣтовъ спирея. Въ другомъ мѣстѣ дорога далеко уходила

отъ рѣки въ выше лежащую пустынную степь, гдѣ растительность была выжжена знойными лучами солнца, а немного спустя она внезапно уже прихотливо извивалась по низкому влажному оазису вдоль степного озера; здѣсь мы чувствовали себя перенесенными въ восхитительный природный садъ, въ которомъ цвѣло множество розъ, астръ, маргаритокъ, гвоздикъ, журавлинаго горошка и великолѣпныхъ темно-голубыхъ колокольчиковъ.

Послѣ того, какъ мы въ пятницу проѣхали мимо маленькаго казацкаго городка Павлодара, жара дошла до того, что термометръ въ 1 часъ дня показывалъ 28° Р. Когда мы безъ сюртуковъ и жилетовъ сидѣли подъ трещавшимъ кожанымъ верхомъ тарантаса, обмахивались, тяжело дыша, шляпами, отгоняли большихъ, съ зелеными глазами оводовъ и ѣхали по безконечному пространству выжженной травы, дрожавшей подъ палящими лучами тропическаго солнца, мы имѣли всѣ основанія считать невозможнымъ, что мы въ Сибири.

На этомъ участкѣ нашего пути много казацкихъ поселковъ лежало совсѣмъ близко отъ Иртыша; здѣсь почва была достаточно влажной для того, чтобы питать роскошную растительность, благодаря чему эти поселки обыкновенно имѣли возможность пользоваться тѣнью деревьевъ и были окружены огородами и садами. Проѣхавъ 30 верстъ по безплодной степи въ жаркомъ ослѣпительномъ сіяніи іюльскаго дня, мы съ невыразимымъ чувствомъ облегченія и освѣженія въѣзжали въ эти маленькіе оазисы, гдѣ въ укромной тѣни деревьевъ спокойно протекалъ узкій рукавъ Иртыша; здѣсь въ огородахъ казачекъ въ изобиліи росли огурцы и картофель, а свѣжая сочная зелень извивающихся стеблей дынь рѣзко отличалась отъ темнокрасныхъ грядокъ мака; здѣсь женщины и дѣвушки съ заткнутыми подолами полоскали въ рѣкѣ бѣлье, а кругомъ полунагія дѣти рѣзвились въ чистой прохладной водѣ.

Послѣднюю часть пути передъ Семипалатинскомъ мы проѣхали ночью. Степь, по которой мы подъѣзжали къ городу, была еще болѣе обнажена и безплодна, чѣмъ до сихъ поръ. Въ блѣдномъ полумракѣ она производила впечатлѣніе пустыни съ высохшей почвой и короткой выжженной травой и только кое-гдѣ виднѣлись жалкіе кустики и длинныя бороздчатыя дюны летучаго песку.

Вскорѣ послѣ полуночи я заснулъ, и когда проснулся въ воскресенье утромъ, въ половинѣ третьяго, начинало уже свѣтать и мы проѣзжали около большого бѣлаго зданія съ горящими фонарями возлѣ него, въ которомъ я призналъ тюрьму. Дѣйствительно, это было тюремное зданіе Семипалатинска. Нѣсколько минутъ спустя, мы проѣзжали по длинной, широкой, безлюдной улицѣ между рядами деревянныхъ домовъ, ставни которыхъ были закрыты, а крутыя крыши высоко и мрачно поднимались на сѣромъ фонѣ занимающагося дня. Дорога шла по мягкому переносному песку, по которому лошади бѣжали почти безъ стука копытъ, а тарантасъ скользилъ такъ безшумно, какъ гондола по лагунѣ Венеціи. Было нѣчто торжественное, таинственное въ этой тихой ночной ѣздѣ, черезъ, повидимому, покинутый,

словно населенный духами городъ, на улицахъ котораго не было никакихъ признаковъ жизни. Только издалека доносился стукъ колотушки ночного сторожа, производившій впечатлѣніе частыхъ ударовъ по деревянному барабану. Наконецъ, мы остановились передъ двухэтажнымъ выбѣленнымъ каменнымъ зданіемъ, которое нашъ ямщикъ назвалъ: „Сибирской гостиницей". Послѣ пяти минутъ сильнаго стука въ парадную дверь, насъ впустилъ заспанный корридорный и отвелъ намъ душную комнату въ второмъ этажѣ, на полу которой мы продолжали прерванный сонъ.

Городъ Семипалатинскъ, на правомъ берегу Иртыша, имѣетъ приблизительно 15.000 населенія русскихъ, киргизовъ и татаръ и отстоитъ на 720 верстъ отъ Омска и приблизительно на 1350 верстъ, отъ Тюмени. Онъ служитъ мѣстомъ пребыванія областного управленія, имѣетъ также торговое значеніе, такъ какъ лежитъ на караванномъ пути изъ Ташкента и Центральной Азіи, и ведетъ большую торговлю съ киргизской степью. Эта область является болѣе скотоводческой, чѣмъ земледѣльческой, и изъ 547.000 жителей ея — 497.000 кочевниковъ, живущихъ въ 111.000 юртъ и владѣющихъ 3.000.000 головъ скота, включая сюда 70.000 верблюдовъ. Область производитъ ежегодно, между прочимъ, 1237 пудовъ меду, 10.175 пудовъ табаку, 125.000 пудовъ картофеля и болѣе 15.000.000 пудовъ хлѣба. Въ ней ежегодно происходитъ 11 большихъ ярмарокъ съ оборотомъ въ 2.000.000 рублей. Изъ Семипалатинска ежегодно выходитъ 40 — 50 каравановъ въ разныя мѣста Монголіи и Центральной Азіи съ русскими товарами на сумму 300.000—400.000 рублей.

Семипалатинскъ вполнѣ заслуживаетъ клички „Чертова песочница", которую дали ему живущіе здѣсь русскіе офицеры. Своимъ сѣрымъ мрачнымъ видомъ городъ обязанъ частью полному отсутствію травы и деревьевъ, частью своимъ старымъ домамъ и летучимъ пескамъ, покрывающимъ улицы. Во время полуторачасовой прогулки мы не замѣтили ни единаго кусочка дерна, ни одного дерева, куста и большею частью увязали по самую щиколку въ сухомъ пескѣ, который мѣстами, подобно снѣгу, былъ навѣянъ къ сѣрымъ деревяннымъ домамъ. Мнѣ казалось, что я перенесенъ въ магометанскій городъ сѣверо-африканской пустыни. Это впечатлѣніе еще усиливалось благодаря татарскимъ мечетямъ съ коричневыми минаретами, мулламъ въ бѣлыхъ чалмахъ, стоявшимъ группами въ разныхъ мѣстахъ, и двугорбымъ верблюдамъ, на которыхъ пріѣзжали въ городъ изъ степи киргизы.

Въ понедѣльникъ утромъ я посѣтилъ областного губернатора, генерала Цеклинскаго, предъявилъ ему открытые листы министровъ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ и былъ радъ узнать, что онъ, повидимому, не получалъ никакихъ инструкцій и ничего о насъ не зналъ. Онъ принялъ меня очень вѣжливо, разрѣшилъ мнѣ посѣтить тюрьму, обѣщалъ прислать высшаго полицейскаго чиновника, въ сопровожденіи котораго мы могли бы осмотрѣть мечети и городъ, и, наконецъ, посулилъ мнѣ открытые листы ко всѣмъ своимъ подчиненнымъ въ Семипалатинской области.

Изъ дома губернатора я, по его совѣту, направился въ общественную библіотеку, помѣщавшуюся въ невзрачномъ деревянномъ домѣ въ центрѣ города; въ немъ я нашелъ антропологическій музей, уютную комнату для чтенія со всевозможными русскими газетами и журналами и превосходный подборъ книгъ приблизительно въ 1000 томовъ. Съ удивленіемъ я замѣтилъ среди нихъ сочиненія Спенсера, Бокля, Льюиса, Милля, Тэна, Леббока, Тейлора, Гексли, Дарвина, Ляйелля, Тиндаля, Альфреда Р. Уоллеса, Меккензи Уоллеса, Генри Мэна; романы и повѣсти Скотта, Диккенса, Маріотта, Георга Элліота, Георга Макъ-Дональда, Антонія Троллопа, Юстина Ме-Карти, Эркмана Шатріана, Эдгара По и Бретъ Гарта. Научныя книги, преимущественно по политической экономіи, были представлены особенно подробно. Подборъ книгъ дѣлалъ честь интеллигентности и вкусу какъ составителей библіотеки, такъ и ея читателей. Она внушила мнѣ высокое мнѣніе о Семипалатинскѣ въ гораздо большей степени, чѣмъ все, что я до сихъ поръ видѣлъ и слышалъ*).

Выйдя изъ библіотеки, я направился въ восточномъ направленіи по берегу Иртыша и дошелъ до парома, который поддерживаетъ сообщеніе между городомъ и киргизскимъ предмѣстьемъ, расположеннымъ на противоположномъ берегу. Паромъ отходитъ съ острова, лежащаго по срединѣ рѣки, и, чтобы попасть на него, приходится итти или по мосткамъ, или прямо черезъ неглубокій рукавъ на сторонѣ Семипалатинска. Какъ разъ передъ собой я увидѣлъ нѣсколько киргизовъ съ тремя или четырьмя двугорбыми верблюдами, изъ которыхъ одинъ тащилъ русскую телѣгу. Подойдя къ водѣ, киргизъ выпрягъ животное, положилъ ему на спину пустую телѣгу вверхъ колесами и такимъ образомъ заставилъ его пройти черезъ воду. Бактрійскій верблюдъ со своими дряблыми, колеблющимися горбами, со своей длинной шеей и презрительнымъ выраженіемъ лица всегда имѣетъ чрезвычайно смѣшной видъ, но никогда ни одинъ верблюдъ не казался мнѣ такъ ужасно смѣшнымъ, какъ этотъ шагающій по водѣ съ четырехколесной телѣгой на спинѣ. Противоположный берегъ Иртыша противъ города есть ничто иное, какъ начало безграничной, похожей на пустыню степи, тянущейся въ южномъ направленіи до безконечности. Я прибылъ какъ разъ во время, чтобы присутствовать при разгрузкѣ каравана верблюдовъ, доставившаго шелковыя матеріи, ковры и другіе товары Центральной Азіи изъ Ташкента на Семипалатинскую ярмарку. Подъ вечеръ я вернулся въ гостиницу, гдѣ уже нашелъ г. Фроста, который въ теченіе цѣлаго

---

*) Бо̀льшая часть упомянутыхъ выше научныхъ сочиненій состояла изъ сокращенныхъ процензурованныхъ русскихъ изданій. Почти каждая глава Локковской „Исторіи раціонализма“ была изуродована русскимъ цензоромъ; при бѣгломъ просмотрѣ я нашелъ пропуски въ 10—60 стран., но даже въ такомъ изуродованномъ видѣ и въ такомъ удаленномъ сибирскомъ городѣ, книга въ глазахъ трусливаго правительства представляла нѣчто столь ужасное, что ее никому не выдавали безъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Сочиненія Спенсера, Милля, Льюиса, Леббока, Гексли и Ляйелля были въ такомъ же положеніи, хотя цензоръ вырѣзалъ все, что, по его мнѣнію, имѣло „опасную“ или „деморализующую“ тенденцію.

дня снималъ эскизы въ восточной или татарской части города. Вечеромъ было такъ жарко и душно, что еще въ одиннадцатомъ часу мы сидѣли безъ сюртуковъ и жилетовъ у открытаго окна, чтобы отъ насъ не ускользнуло ни малѣйшее движенie воздуха, и прислушивались къ своеобразнымъ звукамъ татарскаго города. Была послѣдняя ночь татарскаго мѣсячнаго поста, Рамазана, и казалось, что долго послѣ полуночи жители еще въ движенiи. Сквозь тихiй ночной воздухъ доносились сигналы ночныхъ сторожей и протяжные жалобные возгласы муллъ съ минаретовъ татарскихъ мечетей.

Проснувшись во вторникъ утромъ, мы увидѣли на улицахъ множество татаръ и киргизовъ въ праздничныхъ костюмахъ, такъ какъ этотъ день былъ первымъ изъ трехъ праздниковъ, слѣдующихъ за Рамазаномъ. Въ полдень появился полицеймейстеръ, чтобы, по приказанiю губернатора, представиться намъ и сопровождать по городу. Въ компанiи съ нимъ мы осмотрѣли большую татарскую мечеть и сдѣлали офицiальные визиты мулламъ и татарскимъ чиновникамъ. Мы охотно пошли, по его приглашенiю, посмотрѣть борьбу между киргизами и татарами. Въ его экипажѣ мы быстро доѣхали до открытой песчаной площади въ восточномъ концѣ города, гдѣ собралась большая толпа и уже приступили къ борьбѣ. Густая толпа зрителей, большею частью киргизовъ и татаръ, окружала концентрическими кольцами свободное мѣсто съ дiаметромъ въ 20—30 футовъ. Внутреннiй кругъ образовывался изъ людей, сидѣвшихъ въ 2—3 ряда съ подогнутыми подъ себя ногами; слѣдующiй кругъ составляли 3—4 ряда стоявшихъ, а за ними помѣщались верховые, занимавшiе какъ будто мѣста галлереи. Предшествуемые полицеймейстеромъ, мы прошли въ переднiе ряды и опустились на песокъ подъ знойнымъ солнцемъ, въ тучѣ мелкой пыли, поднимаемой борцами. Какъ намъ вскорѣ стало ясно, толпа была раздѣлена на два враждебныхъ лагеря. Мы сидѣли на киргизской сторонѣ, противъ насъ были татары. Четыре распорядителя въ длинныхъ зеленыхъ халатахъ держали въ рукахъ камышевыя палки. Оба распорядителя татарина избрали изъ татарской среды борца, опоясали его, вывели его на арену и пригласили распорядителей киргизовъ выставить ему противника. Когда противникъ нашелся, начались приготовленiя къ борьбѣ. Первая пара борцовъ состояла изъ молодого привѣтливаго вида киргиза въ синей тюбетейкѣ, подпоясаннаго краснымъ поясомъ, и атлетически сложеннаго, стройнаго татарина въ желтой тюбетейкѣ и съ зеленымъ поясомъ. Одно мгновенie они осторожно оглядывали другъ друга, а затѣмъ бѣшено сцѣпились, взявши одной рукой другъ друга за пояса, а другой стараясь схватить сгибъ руки, плечо или предплечье. Ихъ головы тѣсно прижались одна къ другой, тѣла въ талiи согнулись почти подъ прямымъ угломъ въ то время, какъ ноги были отставлены назадъ, чтобъ не споткнуться. Скоро они уже крѣпко держали другъ друга за пояса и плечи и въ согнутомъ положенiи двигались по аренѣ, стараясь улучить возможность повалить противника на землю, но ни одинъ изъ нихъ, казалось, не занялъ болѣе выгоднаго положенiя. Наконецъ, татаринъ

внезапно откинулся назадъ и съ силой потянулъ киргиза за собой и когда тотъ, казалось, уже сталъ терять равновѣсіе, татаринъ нанесъ ему ударъ ногой; хотя отъ него киргизъ и не повалился, но все таки растерялся и не успѣлъ еще опомниться, какъ татаринъ вырвался, бросился на него, обхватилъ и съ размахомъ перекинулъ его черезъ свою голову. Бѣдный киргизъ упалъ съ такой силой, что у него изо рта и носа брызнула кровь; но все таки онъ поднялся безъ посторонней помощи и въ сильномъ смущеніи, при громкихъ торжествующихъ кликахъ съ татарской стороны, удалился на свое мѣсто.

Возбужденіе все росло, на арену выступали все новые борцы. Жгучій, наполненный мелкимъ пескомъ воздухъ былъ особенно непріятенъ для глазъ; наши лица и руки горѣли въ солнечномъ знoѣ, какъ будто подъ нарывнымъ пластыремъ; запахъ лошадей, пота, старыхъ грязныхъ овчинъ, тѣсно столпившихся людей и животныхъ былъ такъ силенъ, что едва позволялъ дышать; но сцены были все такія новыя и притягательныя, что мы все-таки оставались при 15 единоборствахъ. Двое полицейскихъ должны были наблюдать за порядкомъ, но, собственно говоря, они были тутъ совершенно излишни. Борьба происходила все время при самой мирной обстановкѣ; побѣжденные покидали мѣсто борьбы безъ всякой злобы и часто сами добродушно смѣялись надъ своимъ пораженіемъ. Киргизы, въ общемъ, были побѣждены; татары оказались если не сильнѣе, то все же болѣе проворными и ловкими, чѣмъ ихъ противники-кочевники, и изъ трехъ случаевъ, навѣрно, побѣждали въ двухъ. Борьба еще далеко не была закончена, когда мы около 5 часовъ проложили себѣ обратный путь черезъ толпу и вернулись въ гостиницу, чтобы холодной водой освѣжить пылающія лица и хоть немного остынуть.

IV.

Встрѣча съ политическими ссыльными.

Наше первое знакомство съ политическими ссыльными въ Сибири состоялось, страннымъ образомъ, при содѣйствіи самого правительства. Въ числѣ многихъ чиновниковъ, съ которыми мы познакомились въ Семипалатинскѣ, былъ образованный, интеллигентный человѣкъ г. Павловскій[1]; онъ въ теченіе долгаго времени занималъ видное мѣсто на русской государственной службѣ, и намъ особенно рекомендовали его въ качествѣ совѣтника и источника достовѣрныхъ извѣстій изъ-за его исключительнаго и точнаго знанія Сибири, а въ особенности степныхъ областей. Хотя г. Павловскій съ самаго начала произвелъ на меня впечатлѣніе образованнаго, гуманнаго и либе-

[1]) Я вынужденъ скрыть личность этого человѣка подъ вымышленнымъ именемъ.

ральнаго человѣка, я все-таки колебался разспрашивать его о политическихъ ссыльныхъ. Данный мнѣ въ Петербургѣ совѣтъ заставлялъ меня думать, что правительство не склонно одобрить какую бы то ни было попытку со стороны пріѣзжаго иностранца разобраться въ извѣстныхъ политическихъ вопросахъ или свести знакомство съ нѣкоторыми политическими преступниками; поэтому я думалъ, что приступать къ дѣлу мнѣ слѣдуетъ скрытно и тайкомъ. Мнѣ не могло бы даже грезиться, что русскихъ чиновниковъ и политическихъ ссыльныхъ часто связываютъ тайныя симпатіи и никогда мнѣ не могла прійти въ голову мысль, что при помощи первыхъ можно познакомиться со вторыми. Поэтому въ своихъ разговорахъ съ г. Павловскимъ я тщательно избѣгалъ этой роковой темы и не давалъ ему никакого повода предполагать, что я освѣдомленъ о революціонномъ движеніи въ Россіи и особенно интересуюсь сосланными революціонерами.

Когда мы однажды, послѣ обѣда, бесѣдовали объ Америкѣ, г. Павловскій вдругъ совершенно неожиданно сказалъ:

— Г. Кеннанъ, обратили ли вы вниманіе на прибытіе въ Сибирь молодежи?

Я не сразу понялъ, куда онъ мѣтитъ. Поэтому, сказавъ, что для меня этотъ вопросъ не совсѣмъ ясенъ, я далъ на него отрицательный отвѣтъ.

— Я говорю о томъ, — сказалъ онъ, — что въ настоящее время прибываетъ въ Сибирь изъ Европейской Россіи значительное число образованныхъ молодыхъ людей и женщинъ; я думалъ, что это, можетъ быть, заинтересовало васъ.

Его серьозный, многозначительный взглядъ, покоившійся на мнѣ при этихъ словахъ, какъ будто онъ хотѣлъ прочесть мои мысли, вызвалъ во мнѣ предположеніе, что онъ намекаетъ на политическихъ ссыльныхъ.

Но я не забылъ, что предо мною русскій чиновникъ, и уклончиво отвѣтилъ, что я, хотя и слыхалъ о движеніи, но личныхъ наблюденій въ этомъ направленіи не производилъ.

— Мнѣ кажется,—возразилъ онъ, глядя на меня тѣмъ же проницательнымъ взоромъ, — что это движеніе — въ высшей степени знаменательное соціальное явленіе, вполнѣ заслуживающее вниманія иностраннаго путешественника.

Я сказалъ, что, конечно, интересуюсь всѣми соціальными явленіями въ Россіи и удѣлилъ бы еще больше вниманія для упомянутаго имъ движенія, если бы только больше зналъ о немъ.

— Нѣкоторые изъ молодыхъ людей, которые въ наши дни прибываютъ въ Сибирь, — люди выдающіеся: мужчины съ университетскимъ образованіемъ, женщины рѣдкой силы воли.

— Да, я слыхалъ; несомнѣнно, было бы интересно познакомиться съ такими людьми.

Онъ согласился со мной.

— Дѣйствительно, это — люди, которые при другихъ обстоятельствахъ могли бы оказать отечеству драгоцѣнныя услуги.

Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, г. Павловскій и я старались вывѣдать другъ у друга взгляды на политическихъ ссыльныхъ, не открывая своихъ собственныхъ. На основаніи его словъ, я, повидимому, могъ заключить, что „молодые люди, въ наши дни прибывающіе въ Сибирь“ въ немъ самомъ вызываютъ большой интересъ, но онъ не хочетъ сознаться въ этомъ прежде, чѣмъ не будетъ увѣренъ въ моихъ симпатіяхъ и не убѣдится, что я заслуживаю довѣрія и что на меня можно положиться. Я, съ своей стороны, былъ настороже, опасаясь, какъ бы вовлеченіе меня въ разговоръ на такую тему со стороны русскаго чиновника не оказалось ловушкой съ цѣлью выманить у меня признаніе въ истинныхъ причинахъ нашего путешествія. Выраженіе столь дружескихъ чувствъ по адресу сосланныхъ враговъ правительства со стороны правительственнаго чиновника казалось мнѣ столь безподобнымъ и необычайнымъ, что оно, естественно, заставило меня заподозрѣть ихъ искренность.

Когда эта игра въ прятки мнѣ надоѣла, я, наконецъ, открыто сказалъ:

— Г. Павловскій, вы говорите о политическихъ ссыльныхъ? это они тѣ молодые люди, на которыхъ вы намекаете?

— Да, — отвѣтилъ онъ, — я думалъ, что вы меня понимаете. Ссылка значительной части русской молодежи въ Сибирь несомнѣнно, вѣдь, явленіе, достойное вниманія.

— Безусловно, — поддержалъ я, — но какъ же мнѣ разузнать что либо объ этомъ? Я не знаю, гдѣ находятся политическіе ссыльные; какъ же я могу съ ними познакомиться? Къ тому же меня увѣряли, что правительство не одобритъ общенія пріѣзжихъ иностранцевъ съ политическими ссыльными.

— Политическихъ достаточно легко найти, — возразилъ г. Павловскій. — Ихъ въ Сибири такъ много, и что можетъ вамъ помѣшать съ ними познакомиться, если бы вы только этого пожелали? Здѣсь, въ Семипалатинскѣ, ихъ отъ 30 до 40; они ходятъ по улицамъ наравнѣ съ другими. Почему бы вамъ случайно съ ними не встрѣтиться?

Разъ было положено начало, мы, быстро пріобрѣли взаимное довѣріе. Я убѣдился, что его симпатіи къ политическимъ не напускныя, чтобы ставить мнѣ ловушку, а онъ счелъ возможнымъ предположить во мнѣ достаточно ума и такта для того, чтобы не открывать другимъ его взглядовъ и дѣлъ. Въ дальнѣйшемъ онъ узналъ отъ меня, что я считаю нигилистовъ за упрямыхъ фанатиковъ, мечтательныхъ соціалистовъ-теоретиковъ, которые, по моему мнѣнію, всякое правительство могли бы поставить въ затруднительное положеніе, а онъ доказывалъ мнѣ, что это спокойные, разсудительные люди, которые здѣсь никому не причиняютъ никакихъ непріятностей и даже со стороны губернатора Цеклинскаго пользуются большимъ расположеніемъ и высокимъ уваженіемъ. Далѣе, я узналъ, что всѣ живущіе въ Семипалатинскѣ политическіе (ихъ было 22 человѣка) были сосланы безъ судебнаго слѣдствія, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ съ высочайшаго утвержденія. Ссылка ихъ продолжается отъ 2 до 5 лѣтъ, и если поведеніе ихъ не даетъ поводовъ для жалобъ со стороны мѣстной администраціи, то по истеченіи срока

ссылки они получаютъ разрѣшеніе на свой счетъ вернуться на родину. Одни изъ нихъ нашли въ Семипалатинскѣ занятія и сами добываютъ себѣ средства къ существованію, другихъ поддерживаютъ друзья и родственники, а остальные получаютъ отъ правительства 6 рублей въ мѣсяцъ, если они дворяне, и 2 р. 70 к., если не принадлежатъ къ привилегированному сословію; а эта сумма, конечно, едва ли достаточна для того, чтобы сохранить ихъ отъ голодной смерти.

— Разумѣется,— сказалъ Павловскій,— на эти деньги жить никто не можетъ. Девяти коп. на день едва хватаетъ на хлѣбъ, не говоря уже о жилищѣ. Если бы ссыльные, поставленные въ лучшія условія, не поддерживали своихъ товарищей, то нужда ихъ была бы очень велика. Большинство изъ нихъ образованные люди, и губернаторъ Цеклинскій, близко знакомый съ ихъ лишеніями, разрѣшаетъ имъ давать частные уроки, хотя по буквѣ закона „преподаваніе“ значится въ числѣ занятій, воспрещенныхъ политическимъ. Женщины, сверхъ того, стараются поддерживать свое существованіе шитьемъ и вышиваніемъ. Они могутъ писать письма, получать ихъ, читать книги и журналы, за исключеніемъ „вредныхъ“, и пользуются большой личной свободой, хотя номинально состоятъ подъ надзоромъ полиціи.

— За какія преступленія были сосланы эти молодые люди?— спросилъ я.— Были ли они заговорщиками или были замѣшаны въ заговорѣ противъ царя?

— О нѣтъ — возразилъ г. Павловскій, улыбаясь: — они были только „неблагонадежные“. Одни изъ нихъ принадлежали къ запрещеннымъ организаціямъ, другіе владѣли запрещенными книгами, или были виновны въ ввозѣ ихъ изъ-за границы, или имѣли дружескія связи съ болѣе опасными бунтарями, или же принимали участіе въ волненіяхъ высшихъ учебныхъ заведеній и университетовъ. Большинство изъ нихъ административно высланные, т.-е. лица, которыхъ по разнымъ поводамъ удаляютъ съ родины, потому что правительство считаетъ это необходимымъ, и отдаютъ подъ полицейскій надзоръ въ какой либо части имперіи, гдѣ они не могутъ вредить. Настоящихъ заговорщиковъ и революціонеровъ — мужчинъ и женщинъ, принимавшихъ участіе въ какомъ нибудь преступномъ дѣяніи — ссылаютъ въ болѣе отдаленныя мѣста Сибири и присуждаютъ ихъ къ каторжнымъ работамъ. Ссылка въ степныя области считается очень легкимъ наказаніемъ и обыкновенно сюда направляются только административно сосланные.

Въ отвѣтъ на дальнѣйшіе разспросы съ моей стороны о политическихъ ссыльныхъ, г. Павловскій увѣрялъ меня, что онъ не можетъ сообщить о нихъ ничего предосудительнаго; впрочемъ, онъ готовъ познакомить меня съ нѣкоторыми изъ нихъ, чтобы я могъ составить себѣ о нихъ самостоятельное мнѣніе. Онъ предложилъ мнѣ посѣтить молодого политическаго, Лобановскаго, занятаго въ настоящее время раскрашиваніемъ занавѣса для маленькаго городского театра.

— Онъ художникъ-любитель и у него имѣется много сибирскихъ эскизовъ. Вы сами дѣлаете эскизы и собираете коллекціи, поэтому вполнѣ естественно, что вы желаете посмотрѣть его эскизы.

— Безусловно, — согласился я, — эскизы — мой конекъ, къ тому же я знатокъ театральныхъ занавѣсей; поэтому, несмотря на то, что художникъ — нигилистъ и ссыльный, я долженъ видѣть его произведенія.

Экипажъ г. Павловскаго стоялъ у крыльца, и мы поѣхали прямо въ домъ, гдѣ работалъ Лобановскій.

Послѣ того, какъ я провелъ цѣлый годъ въ интимной близости съ политическими ссыльными, для меня не легко возстановить то представленіе, которое я о нихъ имѣлъ до моего знакомства съ колоніей ссыльныхъ въ Семипалатинскѣ. Я помню, что былъ предубѣжденъ противъ нихъ, что я представлялъ ихъ себѣ людьми, сильно отличающимися отъ тѣхъ разсудительныхъ людей, которыхъ можно встрѣтить въ хорошемъ обществѣ.

Нигилистовъ я воображалъ себѣ, насколько припоминаю, угрюмыми, болѣе или менѣе загадочными существами съ нѣкоторымъ образованіемъ, избыткомъ фанатическаго мужества, съ безграничною способностью къ самопожертвованію, но съ самыми сумасбродными понятіями о правительствѣ и соціальномъ порядкѣ и съ самой незначительной дозой здраваго человѣческаго смысла. Я думалъ, что общихъ съ ними идей у меня найдется не больше, чѣмъ, напр., съ анархистомъ Луи Лингомъ, и, хотя я намѣревался безпристрастно выслушивать ихъ жалобы на правительство, я все же предполагалъ, что конечнымъ результатомъ явится подтвержденіе ранѣе мною составленнаго мнѣнія. Даже послѣ всего слышаннаго мною отъ г. Павловскаго, я представлялъ себѣ господина съ палитрой въ видѣ юноши съ длинными волосами, съ грозными глазами, который будетъ засыпать насъ декламаціями противъ насилія правительства, всякое правительственное вмѣшательство будетъ выставлять, какъ звѣрскій деспотизмъ, и будетъ требовать отъ меня, чтобы я одобрилъ убійство Александра II.

Деревянный домъ, служившій мастерской Лобановскаго, не имѣлъ жильцовъ и мы, поэтому, вошли безъ доклада. Когда Павловскій открылъ дверь, я увидѣлъ передъ большимъ четыреугольнымъ полотнищемъ, покрывавшимъ цѣлую стѣну комнаты, бѣлокураго молодого человѣка, лѣтъ 30, одѣтаго въ коричневую парусину, съ кистью въ одной рукѣ и съ палитрой со свѣже растертыми красками въ другой. Его коренастая фигура была стройна и пропорціонально сложена, его манера держаться изобличала въ немъ образованнаго человѣка; онъ съ самаго начала произвелъ на меня благопріятное впечатлѣніе. У него были свѣтлые голубые глаза; густые русые, плохо остриженные волосы ниспадали на высокій лобъ; бѣлокурая густая борода придавала его красивой головѣ мужественный и почтенный видъ; своимъ открытымъ добродушнымъ лицомъ онъ произвелъ на меня впечатлѣніе мягкосердечной, привлекательной, но въ то же время сильной и гармоничной личности. Во всякомъ случаѣ это лицо совершенно не соотвѣтствовало моему прежнему представленію о нигилистѣ.

Г. Павловскій представилъ меня въ качествѣ американскаго путешественника, который интересуется сибирскими ландшафтами, слышалъ объ его эскизахъ и желалъ бы видѣть нѣкоторые изъ нихъ. Лобановскій спокойно, но привѣтливо поздоровался со мной, тотчасъ же

досталъ свои рисунки, прося извинить за ихъ неотдѣланность, такъ какъ они большею частью были набросаны въ тюрьмѣ, на грубой писчей бумагѣ, и изображаютъ виды только изъ тюремныхъ оконъ. Эскизы были сдѣланы неопытной рукой, но не были лишены своеобразной естественной силы. Они большею частью представляли внутренніе виды тюремъ и этапныхъ пунктовъ, портреты политическихъ ссыльныхъ и ландшафты, которые художникъ видѣлъ во время своего путешествія въ Сибирь изъ оконъ разныхъ камеръ. Во время разговора съ Лобановскимъ политическія темы не были затронуты. Онъ описывалъ мнѣ свое путешествіе такъ, какъ будто совершилъ его добровольно; ничто въ его разсказѣ не напоминало о томъ, что онъ нигилистъ и ссыльный, развѣ только вскользь бросаемыя упоминанія о тюрьмахъ или этапахъ. Онъ держалъ себя спокойно, скромно и открыто. Онъ со вниманіемъ слѣдилъ за нитью разговора и, хотя я тщательно наблюдалъ за нимъ, я не могъ открыть въ пемъ ни слѣда эксцентричности. Онъ долженъ былъ чувствовать, что я тайкомъ отъ него смотрю на него съ критическимъ любопытствомъ,— какъ новый для меня видъ преступника, — но онъ не казался ни слишкомъ развязнымъ и смущеннымъ, ни самонадѣяннымъ, а велъ себя съ самообладаніемъ и уравновѣшенностью настоящаго благовоспитаннаго джентльмена.

При прощаніи, послѣ получасовой бесѣды, Лобановскій сердечно пригласилъ меня зайти вечеромъ съ г. Фростомъ къ нему на домъ, гдѣ мы застанемъ нѣсколькихъ его друзей. Я поблагодарилъ и обѣщалъ прійти.

— Ну, какого вы мнѣнія объ этомъ политическомъ ссыльномъ?— спросилъ меня г. Павловскій, когда мы вышли на улицу.

— Онъ производитъ очень благопріятное впечатлѣніе, — отвѣтилъ я. — Всѣ ли они таковы?

— Можетъ быть, нѣтъ, но во всякомъ случаѣ они не дурные люди. Вамъ слѣдуетъ познакомиться еще съ интереснымъ политическимъ, живущимъ здѣсь, Леонтьевымъ. Онъ работаетъ въ камерѣ мирового судьи Маковецкаго; оба заняты этнологическимъ изслѣдованіемъ киргизовъ; насколько мнѣ извѣстно, они собираютъ матеріалъ для монографіи по киргизскому обычному праву [1]). Посѣтите Маковецкаго: онъ, навѣрно, познакомитъ васъ съ Леонтьевымъ. Въ лицѣ ихъ вы найдете образованныхъ, интеллигентныхъ людей.

Я посѣтилъ Маковецкаго подъ предлогомъ попросить у него разрѣщенія срисовать въ городской библіотекѣ, въ завѣдываніи которой онъ принималъ участіе, киргизскія принадлежности быта. Маковецкій обрадовался моему интересу къ киргизамъ, далъ мнѣ просимое разрѣшеніе и представилъ мнѣ, наконецъ, своего секретаря, Леонтьева, который, по его словамъ, спеціально занимается киргизами и можетъ дать мнѣ всѣ возможныя указанія, касающіяся этого племени.

Леонтьевъ былъ красивый молодой человѣкъ, приблизительно 25 лѣтъ, немного ниже средняго роста, шатенъ, съ интеллигентными сѣрыми

---

[1]) Эта монографія уже появилась въ „Запискахъ Западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества“.

глазами, слегка изогнутымъ носомъ и энергичными чертами лица. Голова и лицо обнаруживали въ немъ мыслителя и человѣка, ушедшаго въ научныя занятія. Какъ я узналъ послѣ, Леонтьевъ — сынъ офицера, командовавшаго ранѣе казачьимъ гарнизономъ въ Семипалатинскѣ. Мальчикъ получилъ первоначальное образованіе въ императорскомъ пажескомъ корпусѣ въ Петербургѣ; 18—19 лѣтъ онъ поступилъ въ Петербургскій университетъ и на четвертомъ году своего пребыванія тамъ былъ арестованъ и административнымъ путемъ сосланъ въ Сибирь на 5 лѣтъ, по подозрѣнію въ тайныхъ сношеніяхъ съ заключенными въ Петропавловской крѣпости политическими.

Леонтьевъ также произвелъ на меня очень выгодное впечатлѣніе, хотя онъ былъ болѣе сухъ и сдержанъ, чѣмъ Лобановскій. Когда я, послѣ получасовой бѣсѣды, вернулся въ гостиницу, я долженъ былъ сознаться, что если всѣ нигилисты подобны тѣмъ двумъ, съ которыми я познакомился въ Семипалатинскѣ, то мнѣ слѣдовало бы совершенно измѣнить свои взгляды на нихъ. По своей интеллигентности и воспитанію они могли соперничать со всѣми молодыми людьми моего круга.

Ровно въ 8 часовъ вечера Фростъ и я постучались въ дверь Лобановскаго и тотчасъ же были впущены и сердечно привѣтствованы. Онъ жилъ недалеко отъ нашей гостиницы въ маленькомъ деревянномъ домикѣ. Комната, въ которую мы вошли, служила одновременно кабинетомъ и спальней; она была очень мала, едва 10 футовъ шириною и 14 футовъ длиною. Стѣны и потолокъ были выбѣлены, а полъ изъ простыхъ досокъ, безъ ковра. Направо отъ двери стояла деревянная окрашенная кровать со скудными постельными принадлежностями. На трехугольномъ угловомъ столѣ лежали, между прочимъ, сочиненія Герберта Спенсера „Моральные, политическіе и эстетическіе трактаты“ и „Принципы психологіи“. Противоположный уголъ былъ занятъ простой этажеркой, на которой лежало нѣсколько книгъ, гербарій въ грубой темносѣрой оберточной бумагѣ, бинокль и англійскій новый завѣтъ. Между двумя выходящими на дворъ маленькими окнами стоялъ большой столъ простого дерева, ничѣмъ непокрытый; на немъ лежала книга, которую Лобановскій читалъ до нашего прихода; это былъ французскій переводъ книги Бальфура: „Сохраненіе энергіи“. Остальная мебель состояла изъ нѣсколькихъ деревянныхъ стульевъ. Все содержалось въ большой чистотѣ, но комната производила такое впечатлѣніе, какъ будто ея хозяинъ былъ слишкомъ бѣденъ для того, чтобы пріобрѣсти что-нибудь сверхъ абсолютно необходимаго.

Лобановскій задавалъ намъ различные вопросы относительно нашего путешествія, выразилъ удовольствіе видѣть въ своемъ домѣ американцевъ и затѣмъ съ улыбкой сказалъ:

— Должно быть, въ Америкѣ вы наслышались ужасныхъ вещей про русскихъ нигилистовъ?

— Да, — отвѣтилъ я, — мы слышали о нихъ только въ связи съ бросаніемъ бомбъ и покушеніями на убійство; я сознаюсь, что былъ о нихъ очень плохого мнѣнія. Въ Америкѣ нигилистами называютъ

тѣхъ, кто ни во что не вѣритъ и поклялся уничтожить весь существующій порядокъ.

— Нигилистъ — это старое опредѣленіе, которое въ наши дни уже не подходитъ для революціонной партіи въ Россіи; сомнительно вообще, чтобы это слово когда-нибудь было умѣстно. Я не думаю, чтобы вы среди политическихъ ссыльныхъ въ Сибири нашли нигилистовъ въ томъ смыслѣ, какъ вы это понимаете. Къ антиправительственной партіи принадлежатъ люди всевозможныхъ политическихъ направленій, но среди нихъ мало вѣрующихъ въ „политику террора“ и считающихъ себя въ правѣ прибѣгать къ политическому убійству ради сверженія правительства, да и сами террористы вовсе не хотятъ уничтожить весь существующій порядокъ. Каждый изъ нихъ сложилъ бы оружіе, если бы царь согласился дать конституцію, свободу слова и печати, освобожденіе отъ произвольныхъ арестовъ, заключенія и ссылки. Не читали ли вы письма, которое русскіе революціонеры предназначали для Александра III, при его вступленіи на престолъ?

— Нѣтъ, — сказалъ я, — я только слыхалъ о немъ.

— Оно излагаетъ программу и цѣли революціонной партіи и заключаетъ опредѣленное обѣщаніе, что если правительство согласится дать свободу слова и созвать учредительное собраніе, революціонеры воздержатся отъ всѣхъ дальнѣйшихъ насилій и признаютъ форму правленія, которая будетъ выработана учредительнымъ собраніемъ. Нельзя утверждать, что люди, желающіе подчиниться такимъ условіямъ, стремятся къ уничтоженію всего существующаго строя. Вамъ должно быть извѣстно, что послѣ убійства президента Гарфильда „Вѣстникъ Народной Воли“, органъ русскихъ революціонеровъ въ Женевѣ, вышелъ въ знакъ траура и симпатіи съ черной каймой и въ горячей передовой статьѣ осуждалъ политическое убійство въ такомъ государствѣ, въ которомъ существуетъ гласный судъ и свобода печати, а правительственные чиновники свободно избираются народомъ.

— Этого я не зналъ, — отвѣтилъ я.

— Да, да — продолжалъ онъ, — тогда убійство Гарфильда считалось политическимъ преступленіемъ и осуждалось даже самыми ярыми русскими террористами.

Здѣсь разговоръ былъ прерванъ появленіемъ трехъ молодыхъ людей и одной дамы, которые были представлены намъ въ качествѣ ссыльныхъ друзей Лобановскаго. Въ наружности молодыхъ людей не было ничего бросающагося въ глаза, замѣчательнаго. Одинъ изъ нихъ былъ, повидимому, жизнерадостный студентъ, лѣтъ 24, а два другихъ производили впечатлѣніе образованныхъ крестьянъ или ремесленниковъ съ ясно выраженнымъ русскимъ типомъ, и меланхолическими лицами. Жизнь и ссылка, казалось, наложили на нихъ глубокую печать и у нихъ былъ подавленный и ожесточенный видъ. Дама, г-жа Дическуло, занимала, повидимому, другое общественное положеніе и обладала живымъ, яркимъ темпераментомъ. Ей могло быть лѣтъ 30, она имѣла высокую, хорошо сложенную стройную фигуру; ея короткіе густые каштановые волосы падали на затылокъ мягкими локонами; ея интел-

лигентныя подвижныя черты лица, бывшія недавно, вѣроятно, очень красивыми, теперь казались слишкомъ утомленными и худыми; вѣтеръ, непогода и тягости тюремной и этапной жизни оставили на немъ глубокіе слѣды. Ея платье изъ мягкой темной шерстяной матеріи съ бѣлыми кружевами на воротѣ и рукавахъ очень шло къ ней, и когда во время разговора лицо ея оживлялось, она казалась мнѣ чрезвычайно привлекательной и интересной. Въ ея поведеніи я не могъ найти признаковъ смѣлости, твердости и эксцентричности, которыя я считалъ присущими женщинѣ, сосланной въ Сибирь за политическое преступленіе. Она говорила плавно и красиво, иногда весело смѣялась, вспоминая свою поѣздку въ Сибирь; она извинялась за свой несвойственный женщинѣ головной уборъ — въ тюрьмѣ ей обрѣзали волосы — и съ большимъ юморомъ разсказывала о своихъ приключеніяхъ въ киргизской степи, между Акмолинскомъ и Семипалатинскомъ. Нѣкоторые ея разсказы о сибирскихъ приключеніяхъ обнаруживали въ ней, на ряду съ живымъ умомъ, глубокое чувство. Такъ она, сильно растроганная, разсказывала, какъ крестьяне поселка Камышлова, въ знакъ своей симпатіи къ политическимъ ссыльнымъ, тщательно вычистили старый этапъ въ своей деревнѣ и разукрасили камеры свѣжими вѣтвями и цвѣтами.

Около 9 часовъ Лобановскій принесъ кипящій самоваръ; г-жа Дическуло стала хозяйничать около него и мы просидѣли весь вечеръ у большого стола и разговаривали о революціонномъ движеніи въ Россіи, о системѣ ссылки, литературѣ, искусствѣ, наукѣ и американской политикѣ такъ, какъ будто бы мы знали другъ друга уже въ теченіе мѣсяцевъ, а не нѣсколькихъ часовъ.

Корректный, разсудительный, безъ всякаго озлобленія и утрировки, тонъ, которымъ эти ссыльные обсуждали общественныя нужды, государственные вопросы и свои личныя невзгоды, произвелъ на меня самое благопріятное впечатлѣніе. Ни одинъ изъ нихъ не останавливался на своихъ личныхъ страданіяхъ съ цѣлью вызвать наши симпатіи. Такъ, напр., г-жу Дическуло полиція при ея арестѣ лишила большей части платья и имущества; годъ она провела въ одиночномъ заключеніи въ московской пересыльной тюрьмѣ, затѣмъ безъ суда была выслана въ ужасный сибирскій поселокъ Акмолинской области и, наконецъ, въ серединѣ зимы ее перевели черезъ киргизскую степь въ Семипалатинскъ; и все-таки она въ разговорѣ только вскользь касалась тѣхъ огромныхъ страданій, которыя она перенесла, предпочитая дольше останавливаться на вышеупомянутомъ благожелательномъ поступкѣ камышловскихъ крестьянъ. Проведя очень пріятный и интересный вечеръ, мы простились часовъ въ 11 и вернулись въ гостиницу.

На слѣдующее утро Лобановскій, г-жа Дическуло, Фростъ и я поѣхали за нѣсколько миль по правому берегу Иртыша, въ направленіи его теченія, къ рощѣ изъ тополей и ольхи, гдѣ близъ самой воды въ палаткахъ проводили лѣто 6—8 политическихъ ссыльныхъ. На травѣ подъ деревьями были разбиты большая войлочная киргизская юрта и нѣсколько холщевыхъ палатокъ меньшаго размѣра; въ нихъ

жило нѣсколько молодыхъ женщинъ и мужчинъ съ цѣлью избѣжать городской жары и пыли. Среди нихъ были двѣ молодыя дѣвушки лѣтъ 17—18, мѣсто которыхъ должно было бы быть въ школѣ, чтобы закончить свое образованіе; я совершенно не могъ себѣ представить, почему ихъ сослали въ Сибирь. Онѣ, вѣдь, во всякомъ случаѣ, въ любой странѣ и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, не могли представлять опасности для общественнаго порядка и существующаго правительства. Когда я протянулъ имъ руку и замѣтилъ ихъ робость, застѣнчивость и краску, залившую ихъ щеки, мною впервые овладѣло чувство презрѣнія къ русскому правительству.

— Будь у меня, — сказалъ я, обращаясь къ Фросту, — въ распоряженіи цѣлая армія солдатъ и полицейскихъ, и если бы тѣмъ не менѣе я дрожалъ передъ застѣнчивыми, полувзрослыми школьницами и доходилъ бы до того, что не могъ спокойно спать до тѣхъ поръ, пока онѣ не сосланы въ Сибирь, то я предпочелъ бы отказаться отъ власти.

Мысль о томъ, что могущественное правительство, въ родѣ русскаго, не можетъ защититься отъ этихъ школьницъ иначе, какъ вырвавъ ихъ изъ семьи и сославъ въ большую азіатскую пустыню, — эта мысль казалась мнѣ не только смѣшной, но прямо-таки нелѣпой. Мы провели весь долгій жаркій лѣтній день въ этомъ тѣнистомъ лагерѣ. Фростъ набрасывалъ эскизы одиноко разбросанныхъ палатокъ, а я бесѣдовалъ съ молодыми людьми; одному изъ нихъ, изучавшему англійскій языкъ, я прочелъ Ирвинга, отвѣчалъ на разспросы объ Америкѣ и выслушивалъ разсказы о Сибири и Россіи. Подъ вечеръ мы вернулись въ городъ и направились къ Леонтьеву, куда пригласили бо̀льшую часть изъ тѣхъ политическихъ, которыхъ мы еще не видали. Комната, въ которой насъ приняли, была гораздо больше и лучше обставлена, чѣмъ комната Лобановскаго; особенно бросился мнѣ въ глаза портретъ Спенсера надъ письменнымъ столомъ хозяина. Общество состояло приблизительно изъ 15 ссыльныхъ, включая Лобановскаго, г-жу Дическуло, доктора Богомольца — молодого врача, жена котораго была присуждена къ каторжнымъ работамъ въ карскихъ рудникахъ, и сестеръ Присецкихъ. Общій разговоръ, послѣдовавшій за предварительнымъ знакомствомъ, отличался живостью и непринужденностью. Леонтьевъ давалъ мнѣ разъясненія относительно семипалатинской библіотеки, которая не только доставляетъ большое удовольствіе ссыльнымъ, но и весьма расширила умственный горизонтъ обывателей.

— Даже киргизы, — сказалъ онъ, — охотно ею пользуются. Я знаю здѣсь одного стараго ученаго киргиза, который читаетъ Бокля, Милля и Дрэпера.

— Старый киргизъ въ Семипалатинскѣ читаетъ Милля и Дрэпера! — воскликнулъ молодой студентъ.

— Да, да! — отвѣтилъ Леонтьевъ. — Когда я въ первый разъ встрѣтился съ нимъ, онъ удивилъ меня просьбой объяснить ему разницу между индукціей и дедукціей. Позже я узналъ, что онъ изучалъ англійскую философію и читалъ русскіе переводы всѣхъ названныхъ мною авторовъ.

— Думаете ли вы, однако, что онъ понялъ все, что прочелъ? спросилъ студентъ.

— Я въ теченіе двухъ вечеровъ экзаменовалъ его по „Умственному развитію Европы“ Дрэпера, — отвѣтилъ Леонтьевъ, — и долженъ констатировать, что онъ обнаружилъ глубокое пониманіе.

Я сказалъ, что мнѣ бросилось въ глаза большое число книгъ въ библіотекѣ, особенно научныхъ англійскихъ произведеній, находящееся въ настоящее время подъ запретомъ, несмотря на то, что всѣ онѣ прошли раньше черезъ цензурное чистилище.

— Чѣмъ объяснить, что книги сначала были разрѣшены, затѣмъ запрещены?

— Наша цензура, — сказалъ одинъ изъ ссыльныхъ, — очень капризна. Какъ понять, напр., что „Богатство народовъ“ Адама Смита запрещено, въ то время какъ „Происхожденіе видовъ“ и „Происхожденіе человѣка“ Дарвина разрѣшено? Послѣднее сочиненіе ужъ во всякомъ случаѣ опаснѣе перваго.

— Утверждаютъ — добавилъ другой, — что въ списокъ запрещенныхъ книгъ заносятся заглавія всѣхъ сочиненій, которыя полиція находила у политическихъ преступниковъ. „Богатство народовъ“ было случайно найдено въ домѣ революціонеровъ, — слѣдовательно, это опасная книга.

— Когда я былъ арестованъ, — сказалъ Лобановскій, — полиція конфисковала у меня даже исторію Франціи, взятую мною изъ общественной библіотеки. При бѣгломъ просмотрѣ книги полицейскіе находили мѣстами слово „революція“: этого было достаточно. Напрасно пытался я растолковать имъ, что въ исторіи Франціи неизбѣжно должна быть упомянута французская революція. Они унесли также грубую модель паровой машины, которую смастерилъ мой младшій братъ, въ убѣжденіи, что это адская машина, а также старую подзорную трубу.

При всеобщемъ смѣхѣ разсказывали еще нѣсколько анекдотовъ о поведеніи русской полиціи, а затѣмъ разговоръ перешелъ на другія темы. Всѣ ссыльные обладали не совсѣмъ поверхностными знаніями въ области англійской и американской литературъ, основательно были освѣдомлены объ американскихъ порядкахъ и американской исторіи. Въ этотъ вечеръ упоминались и цитировались Шекспиръ, Милль, Спенсеръ, Бокль, Бальфуръ, Стевортъ, Гейне, Гегель, Ланге, Ирвингъ, Куперъ, Лонгфелло, Бретъ-Гартъ и Гарріетъ Бичеръ-Стоу. Всѣ знали по имени вновь избраннаго президента, обсуждали его реформу гражданской службы, задавали мѣткіе вопросы объ ея успѣхѣ, — вообще обнаруживали такое разностороннее знаніе американскихъ порядковъ, какое едва ли можно было ожидать по ту сторону Атлантическаго океана, а меньше всего въ Сибири.

Послѣ простого, но вкуснаго ужина съ замѣчательнымъ чаемъ, ссыльные хоромъ пропѣли нѣсколько меланхолическихъ народныхъ пѣсенъ, а Фростъ и я, въ свою очередь, спѣли американскія студенческія боевыя пѣсни и даже нѣсколько негрскихъ мелодій. Только въ полночь мы могли оторваться отъ этого общества и вернуться въ Сибирскую гостиницу.

Разумѣется, я даже въ главныхъ чертахъ не могу повторить длинные разговоры, которые я велъ съ политическими въ Семипалатинскѣ о русскомъ правительствѣ и революціонномъ движеніи въ Россіи. Выше я старался ярко оттѣнить то впечатлѣніе, которое произвели на меня эти опороченные нигилисты, о которыхъ Павловскій справедливо выразился, что „при другихъ обстоятельствахъ они могли бы принести отечеству большую пользу". Если же вмѣсто этого они живутъ въ изгнаніи, то это происходитъ не изъ-за недостатка у нихъ любви къ родинѣ и гражданской доблести, а потому, что правительство, присвоивающее себѣ право заботиться и дѣйствовать отъ имени русскаго народа, стоитъ въ противорѣчіи съ духомъ времени.

Въ субботу 18-го іюля, по осмотрѣ городской тюрьмы, простившись съ друзьями и запасшись новой подорожной, мы покинули Семипалатинскъ на тройкѣ лошадей съ тѣмъ, чтобы предпринять экскурсію на Алтай. Дикія альпійскія горы, которыя мы предполагали изслѣдовать, тянутся на разстояніи почти 470 верстъ къ востоку отъ Семипалатинска и 900 верстъ къ югу отъ Томска вдоль границы Монголіи. Нѣмецкіе путешественники, Финшъ и Бремъ, въ 1876 году изслѣдовали предгорья Алтая, но снѣжныя вершины Катунскихъ и Чунскихъ горъ не были еще никогда посѣщены иностранцами, а только нѣсколькими русскими.

200 верстъ мы ѣхали правымъ берегомъ Иртыша противъ его теченія по холмистымъ степямъ съ высохшей желтоватой травой. То здѣсь, то тамъ, гдѣ степь орошалась маленькими рѣчками, впадающими въ Иртышъ, въ долинахъ была богатая растительность: дикія розы, золотушникъ, кустарники дикой смородины и крыжовника и роскошные колосья желѣзобурношляпки; преимущественно преобладала выжженная сухая степь. Казацкіе поселки, черезъ которые мы проѣзжали, не особенно отличались отъ видѣнныхъ нами ранѣе до Семипалатинска, кромѣ развѣ того, что они были новѣе и чище содержались; населеніе здѣсь было, повидимому, болѣе зажиточнымъ. Предпочтеніе русскими кричащихъ цвѣтовъ опять проявилось въ платьяхъ женщинъ и дѣвушекъ, и въ воскресенье, когда всѣ были въ праздничномъ одѣяніи, улицы пестрѣли красными, голубыми и желтыми одеждами молодыхъ мужчинъ и женщинъ, которые сидѣли на скамейкахъ въ тѣни домовъ, бесѣдовали, кокетничали, а послѣ захода солнца плясали подъ звуки скрипокъ и гитаръ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ жарче становилась погода и суше степь, такъ что мы могли вообразить себя въ аравійской или сѣверо-африканской пустынѣ. Изо дня въ день термометръ показывалъ 26°—32° R въ тѣни. Атмосфера была удушлива; насколько хваталъ глазъ, не было видно ни зеленаго листа, ни свѣжей травки; большіе песчаные столбы въ 100—150 футовъ высотою медленно и величественно двигались по обожженной солнцемъ равнинѣ; на растояніи еще 7$^1/_2$ верстъ мы не теряли изъ виду проѣхавшаго верхомъ мимо насъ киргиза благодаря той тучѣ пыли, которая поднималась изъ-подъ копытъ лошади. Я сильно страдалъ отъ жары и жажды. Чтобы защититься отъ палящихъ лучей солнца, я прикрылся вчетверо сложеннымъ шерстянымъ одѣяломъ, а на ноги

положилъ большую пуховую подушку — и это вскорѣ доставило мнѣ прохладу. Я сидѣлъ на солнечной сторонѣ тарантаса и, наконецъ, такъ истомился, почувствовалъ такую слабость и тошноту, что принужденъ былъ просить Фроста помѣняться со мной мѣстами. Теперь онъ укутался въ шерсть и пухъ и, къ счастью, выдержалъ жару до вечера.

Одинъ русскій офицеръ въ Омскѣ разсказывалъ мнѣ, что зной въ долинѣ Иртыша бываетъ часто такъ великъ, что вызываетъ обмороки и тошноту; онъ же совѣтовалъ мнѣ въ жаркіе безоблачные дни избѣгать ѣзды въ промежуткѣ отъ 11 до 3 часовъ дня. Мысль, что въ Сибири можно получить солнечный ударъ, показалась мнѣ абсурдомъ, и я за дружескій совѣтъ, какъ потомъ оказалось, несправедливо поднялъ офицера на смѣхъ.

Среди этой обожженной пустыни насъ за станціей Веронинской настигъ, при температурѣ 32° (R) въ тѣни, сильный песчаный юго-западный ураганъ. Песокъ и мелкая горячая пыль вздымались до высоты 100 футовъ и неслись мимо насъ въ видѣ густой, все окутавшей и не дававшей дышать тучи. Хотя мы ѣхали по направленію вѣтра, онъ все-таки въ теченіи двухъ часовъ мѣшалъ дышать, и по прибытіи на станцію Черемшанская по нашимъ лицамъ трудно было бы заключить, киргизы мы или американцы, черные люди или бѣлые. Я выпилъ почти литръ холоднаго молока, но даже и тогда невыносимая жажда не была утолена. Послѣ того, какъ Фростъ смылъ пыль съ глазъ и осушилъ семь полныхъ кружекъ молока, онъ разрѣшился замѣчаніемъ: „ну, если кто-нибудь не повѣритъ, что въ Сибири бываетъ жарко, то пришлите его ко мнѣ“.

Вблизи станціи Мало-Красноярская мы оставили Иртышъ по правую руку и больше его не видѣли. Послѣ полудня мы замѣтили первыя предгорья Алтая и начали медленный постепенный подъемъ къ Алтайской станціи. На слѣдующій день подъ вечеръ мы проѣзжали по прохладнымъ возвышеннымъ горнымъ лугамъ, изъ сочной травы которыхъ выглядывали колокольчики, горчанки и гвоздика, въ то время, какъ надъ нашими головами горныя вершины, высотою до 1000 футовъ, были покрыты свѣже-выпавшимъ снѣгомъ. Внезапный переходъ изъ жаркой африканской пустыни Иртыша въ этотъ восхитительный швейцарскій ландшафтъ Сибири дѣйствовалъ прямо таки ошеломляюще. Я задавалъ себѣ вопросъ, возможна ли такая перемѣна обстановки въ 24 часа, или я видѣлъ только во снѣ обожженную солнцемъ голую степь съ ея изнуряющимъ зноемъ, песчаными вихрями и бѣлѣющимися костями. Эта красота ландшафта на пути къ алтайской станціи казалась моимъ, утомленнымъ однообразіемъ степи, глазамъ въ высшей степени восхитительной. По лѣвую руку тянулся рядъ холмовъ, на пологихъ скатахъ которыхъ росли во множествѣ цвѣты, и тѣни отъ движущихся облаковъ вызывали чудные свѣтовые эффекты; направо, прямо у дороги, поднималась горная цѣпь со смѣлыми величественными очертаніями, вершины которой, высотою въ 7000—9000 футовъ, были покрыты свѣже-выпавшимъ снѣгомъ и окаймлены широкимъ поясомъ вѣчно-зеленаго лѣса. По прекрасной, напоминающей паркъ

долинѣ, у подножія горъ, въ тѣни лиственницъ тянулась дорога; мы то переѣзжали чистые горные ручьи, каскадами спадавшие съ крутыхъ обрывовъ, то ѣхали по зеленымъ лугамъ, гдѣ росли горчанка, фіалки, гвоздика и земляника. На меня, проѣхавшаго 4500 в. по почти непрерывной равнинѣ или степи, этотъ ландшафтъ произвелъ ошеломляющее впечатлѣніе. Около 6 часовъ прекраснаго прохладнаго спокойнаго лѣтняго дня мы достигли Алтайской станціи или, какъ говорятъ киргизы, Котан-карагай. Чудный видъ, открывшійся передъ нашими пораженными глазами, когда мы, поднявшись по лѣсистой благоухающей долинѣ мимо живописной группы пестрыхъ юртъ, остановились у околицы поселка и оглянулись назадъ, навсегда останется въ памяти. Я никогда не видалъ альпійской панорамы, которая могла бы по красотѣ сравниться съ этой, хотя вдоль и поперекъ исходилъ Сіерру Неваду, горы Никарагуа, Камчатки и Кавказа.

Сама станція представляла собою казацкій форпостъ съ деревянною церковью и 70—80 деревянными домами, между которыми тянутся широкія чистыя улицы; но для путешественника, только что разставшагося съ знойной, сухой степью, даже этотъ незначительный казацкій поселокъ имѣетъ своеобразную прелесть. Передъ каждымъ домомъ этого поселка находится маленькій дворъ, засаженный березами, тополями и цвѣтущими кустами, и черезъ всѣ эти дворы по обѣимъ сторонамъ улицы бѣжитъ журчащій ручеекъ съ холодной, какъ ледъ, горной водой. Повсюду слышится журчаніе и шумъ воды; вполнѣ оцѣнить эту пріятную музыку можетъ только тотъ, кто въ теченіе мѣсяца ѣхалъ по обожженной солнцемъ, пыльной пустынѣ Иртыша. Маленькія бурливыя рѣчушки, казалось, приносятъ съ собою свѣжій прохладный воздухъ высокихъ горныхъ вершинъ, откуда онѣ берутъ свое начало; сколько бы ни показывалъ термометръ, что день жаркій и воздухъ душный, но плескъ воды, говорящій о снѣгѣ и ледникахъ, опровергаетъ это съ такой настойчивостью и убѣдительностью, что разсудокъ усыпляется, и воображеніе начинаетъ вѣрить разсказамъ рожденнаго снѣгомъ говорливаго ручья.

Во время нашего многодневнаго пребыванія на Алтайской станціи мы съ комендантомъ и его женой предпринимали экскурсіи въ ближайшія горы, навѣщали и фотографировали остановившихся вблизи поселка киргизовъ и наводили справки о восточной части хребта, которую мы намѣревались изслѣдовать.

Въ понедѣльникъ, 27-го іюля, мы собирались предпринять экскурсію верхомъ въ Катунскія Альпы или „Бѣлки“, самыя высокія и дикія вершины русскаго Алтая. Этотъ день, случайно, былъ днемъ именинъ коменданта, капитана Маевскаго и поэтому онъ, желая отпраздновать его и въ то же время проводить насъ часть дороги, пригласилъ цѣлое общество на пикникъ къ водопадамъ Бухтармы, отстоявшимъ отъ станціи приблизительно въ 15 верстахъ. Мы выѣхали въ сопровожденіи Маевскаго, его супруги и дочери, казацкаго атамана съ женой, политическаго ссыльнаго Завалишина также съ женой и еще нѣсколькихъ дамъ и офицеровъ. Кавалькада, состоявшая изъ разодѣтыхъ дамъ, офицеровъ въ формѣ, сопровождаемая пятнадцатью

киргизами въ цвѣтныхъ бешметахъ съ серебряными поясами, представляла для меня совершенно новый и чрезвычайно живописный видъ, когда она спускалась съ травянистой площадки Алтайской станціи въ цвѣтущую долину Буктармы. Капитанъ Маевскій рано утромъ послалъ къ водопадамъ двѣ киргизскія юрты, ковры, подушки, посуду и провіантъ, и когда мы прибыли, то нашли юрты уже разставленными въ тѣнистомъ мѣстечкѣ у Буктармы; костры уже пылали, ковры и подушки были разосланы для дамъ и для освѣженія былъ поданъ душистый чай. Послѣ прекрасно приготовленнаго обѣда, состоявшаго изъ супа, свѣжей рыбы, жареной баранины, холодной дичи, рисоваго пуддинга, земляники и засахаренныхъ плодовъ, мы чудно провели время: собирали растенія, удили рыбу, для разнообразія ловили бабочекъ и пѣли. Этотъ пикникъ былъ безусловно самымъ удачнымъ и оживленнымъ изъ всѣхъ, въ которыхъ я раньше принималъ участіе, и, когда подъ вечеръ Фростъ и я распростились съ веселымъ обществомъ, у насъ обоихъ несомнѣнно было тайное желаніе лучше провести здѣсь въ юртахъ еще недѣлю, чѣмъ отправиться въ Катунскія горы.

Ночь мы провели въ казацкомъ пикетѣ Джингизтаѣ, состоявшемъ изъ двухъ вновь выстроенныхъ деревянныхъ домовъ въ долинѣ Буктармы; во вторникъ мы проѣхали черезъ живописную деревню Арулъ и прибыли затѣмъ въ казацкую станицу Берель, откуда должны были двинуться въ горы. Въ среду утромъ мы, въ сопровожденіи двухъ казаковъ-проводниковъ, имѣя 5 лошадей и запасшись провіантомъ на недѣлю, проѣхали Берель и въ теченіи двухъ часовъ поднимались по крутой киргизской тропинкѣ, зигзагомъ ведшей къ гребню горы, расположенной за поселкомъ. Послѣ короткой остановки въ киргизскомъ аулѣ, на вершинѣ горы, на высотѣ 3000 футовъ надъ долиной Буктармы, мы подтянули сѣдельныя подпруги и двинулись въ сѣверномъ направленіи въ самую глубь горъ. Подъ вечеръ, послѣ тяжелой и утомительной верховой ѣзды около 30 верстъ и крутого, скользкаго, весьма опаснаго спуска съ высоты въ 3000 футовъ, мы прибыли въ долину горячихъ ключей Рахмановскаго. Здѣсь мы нашли окруженное высокими горами, прозрачное маленькое горное озеро и два необитаемыхъ деревянныхъ домика, въ которыхъ и расположились на ночь. На другой день шелъ такой сильный дождь, что о продолженіи путешествія не могло быть и рѣчи. Непогода продолжалась съ незначительнымъ перерывомъ два дня, и только на третій день прояснилось, и мы тотчасъ же осѣдлали лошадей и тронулись въ путь.

Послѣднія 60 верстъ нашего путешествія представляли большія трудности и опасности, такъ какъ иногда мы переходили черезъ ужасные горные гребни, иногда двигались по глубоко врѣзавшимся долинамъ; спускаться въ нихъ мы должны были, пользуясь русломъ пѣнящихся горныхъ ручейковъ. Мы перелѣзали черезъ ледниковыя морены, проходили черезъ болота и почти непроходимую чащу кустовъ и валежника; иногда мы спускались по такимъ крутымъ обрывамъ, что съ трудомъ держались на сѣдлахъ. Часто лошади скользили всѣми ногами, и камни, отрывавшіеся изъ-подъ ихъ копытъ, раз-

бивались на днѣ пропасти. Я въ горныхъ восхожденіяхъ былъ несовсѣмъ не опытенъ, такъ какъ изъѣздилъ верхомъ гористый полуостровъ Камчатки во всю длину и трижды пересѣкъ Кавказъ, одинъ разъ даже на высотѣ 12.000 футовъ; но я долженъ сознаться, что во время спуска въ долины Рахмановскаго, Черной Берели, Бѣлой Берели и Катуни, мнѣ было не по себѣ. Только на киргизскихъ лошадяхъ можно совершать такіе переходы; на другихъ лошадяхъ это было бы абсолютно невозможно. Одинъ разъ моя лошадь упала вмѣстѣ со мной, но я остался невредимъ. Мѣстность, по которой мы проходили, была еще дѣвственная глушь, куда проникаютъ только „киргизы дикихъ скалъ“. Она очень богата дичью; мы видѣли сибирскихъ лосей, волковъ, дикихъ козъ и не одинъ свѣжій слѣдъ медвѣдя въ высокой травѣ долинъ. Намъ случалось спугивать дикихъ козъ и мы могли бы настрѣлять сотни куропатокъ, тетеревовъ, утокъ, гусей, орловъ и журавлей. Флора болѣе низко расположенныхъ горныхъ долинъ была чрезвычайно богата, разнообразна и пышна. Здѣсь попадались прекрасные дикіе анютины глазки разнообразныхъ цвѣтовъ и видовъ, гвоздика, спирея, два вида горчанки, осеннія розы, маргаритки, незабудки, альпійскія розы, тролліусъ, дикій макъ и множество другихъ никогда не видѣнныхъ мною цвѣтовъ выдающейся величины и яркихъ красокъ. Много растеній, которыя у насъ растутъ, какъ культурныя, здѣсь, на Алтаѣ, встрѣчаются въ дикомъ состояніи, напр., ревень, сельдерей, красная и черная смородина, крыжовникъ, малина, земляника, черника, вишни и абрикосы. Большинство ягодъ уже созрѣло, смородина была въ такомъ изобиліи и такой величины, какъ въ хорошо содержимомъ саду. Ландшафтъ своею дикостью и грандіозностью превосходилъ кавказскіе виды.

Въ субботу, 1-го августа, мы достигли подножія послѣдняго высокаго гребня, служившаго водораздѣломъ и отдѣлявшаго насъ отъ главной цѣпи Катунскихъ горъ; мы расположились на ночь въ высоко лежащей горной долинѣ у Бѣлой Берели, которая вытекаетъ изъ большого ледника. Воздухъ былъ чистъ и прохладенъ; мы развели костеръ и, пользуясь его тепломъ, сносно провели ночь.

Въ воскресенье утромъ мы поднялись на вершину послѣдняго хребта, высотою въ 2000 футовъ; отсюда намъ открывался видъ на дикую долину Катуни, со дна которой поднимаются „Катунскіе столбы“, высочайшія вершины русскаго Алтая. Я нѣкоторымъ образомъ былъ подготовленъ къ грандіозности ландшафта, такъ какъ уже два или три раза издалека бѣгло видѣлъ эти вершины; но видъ съ противолежащихъ высотъ настолько превзошелъ всѣ мои ожиданія, что я былъ прямо-таки ошеломленъ. Когда я думаю объ этомъ впечатлѣніи, то еще и сегодня у меня вырывается слово „ужасно“. Видъ не былъ ни красивъ, ни живописенъ: по своей грандіозности онъ былъ именно ошеломляющимъ и ужасающимъ. Узкая долина Катуни, лежавшая подъ нашими ногами, имѣла глубину между двумя и тремя тысячами футовъ На той сторонѣ ея, высоко надъ нашими головами, подымалась дикая могучая цѣпь Катунскихъ горъ, самыя высокія,

покрытыя снѣгомъ вершины которыхъ, прямо противъ насъ, поднимались къ небу*).

Снѣжный покровъ, лежавшій на нихъ отъ подошвы до самой вершины, только кое-гдѣ прерывался черною пропастью или крутыми острыми утесами и пиками. По сторонамъ этихъ вершинъ ползло семь громадныхъ ледниковъ; самый большой изъ нихъ въ общей сложности, начиная отъ котловины между двойной вершиной, имѣлъ длину по крайней мѣрѣ 4.000 футовъ. Самый крайній правый ледникъ на протяженіи не менѣе 1.500 футовъ состоялъ изъ почти вертикально падавшей ледяной массы, а изъ-подъ крайняго лѣваго начинался водопадъ, который съ высоты 800 футовъ низвергался съ дикимъ шумомъ въ узкую долину. По длинѣ этого ледника тянулись три морены, которыя съ мѣста нашего наблюденія производили впечатлѣніе узкихъ полосъ шлака и угольной пыли, а въ дѣйствительности состояли изъ черныхъ обломковъ величиною отъ человѣческой головы до нагруженнаго воза; морены, шириною въ 300 футовъ, поднимаясь на 50 — 75 футовъ выше уровня ледника, тянулись на протяженіи 6 — 8 километровъ. Крайнія верхушки обоихъ самыхъ высокихъ вершинъ были большею частью окутаны облаками, что еще болѣе усиливало дикую грандіозность панорамы, такъ какъ ледники, казалось, падали съ невѣдомой высоты сквозь скучившіяся облака. Доносившійся къ намъ изъ ущелья шумъ водопада смѣшивался съ громовымъ шумомъ отрывающихся отъ ледника ледяныхъ массъ. Глазъ не замѣчалъ ни малѣйшаго движенія ледниковъ, но постоянный грохотъ и трескъ свидѣтельствовали о томъ, какія могущественныя природныя силы здѣсь проявляются.

Долго мы любовались этой величественной горной панорамой. Затѣмъ мы перенесли свое вниманіе на долину, чтобы выяснить, нельзя ли добраться къ подножію главнаго ледника, изъ-подъ котораго вырывалась Катунь. Г. Фростъ заявилъ, что спускъ невозможенъ, и сталъ проявлять нетерпѣніе, когда я настаивалъ на томъ, чтобъ проводникъ попробовалъ спуститься. Всякому ясно, что откосъ переходитъ далѣе въ крутой обрывъ, и даже если бы нашимъ лошадямъ удалось благополучно спуститься внизъ, то вверхъ онѣ ни за что не поднимутся. Сумасбродно даже думать объ этомъ.

Я такъ довѣрялъ способности киргизскихъ лошадей къ горнымъ переходамъ послѣ того, какъ видѣлъ ихъ въ дѣлѣ, что ничего не хотѣлъ слушать о невозможности спуска, несмотря на всю его опасность. Пока мы обсуждали этотъ вопросъ, нашъ проводникъ пытался разрѣшить его на практикѣ. Онъ исчезъ изъ нашихъ глазъ, но время отъ времени мы слышали, какъ камень изъ-подъ копытъ его лошади съ громкимъ гуломъ разбивался въ ущельѣ. Внезапно нашъ проводникъ появился на выступѣ скалы на 600 футовъ ниже насъ и какъ ни въ чемъ не бывало крикнулъ: „Спускайтесь, здѣсь нѣтъ ничего страшнаго, тутъ можно съѣхать на телѣгѣ“. Такъ какъ при

*) Я опредѣляю ихъ высоту въ 15.000 футовъ, капитанъ Маевскій — въ 18.000 футовъ надъ уровнемъ моря. На нихъ никто не поднимался и никто ихъ не измѣрилъ; даже высота долины у ихъ подножья мнѣ неизвѣстна.

взглядѣ въ глубину кружилась голова, то слова проводника, несомнѣнно, были съ сильной дозой гиперболы, но имѣли, по крайней мѣрѣ, тотъ результатъ, что г. Фростъ взялъ свою лошадь подъ уздцы и послѣдовалъ за мной; мы спускались осторожными зигзагами, при чемъ я старался идти по слѣдамъ проводника. На скалистомъ выступѣ проводникъ подтянулъ у моей лошади подпруги такъ сильно, что она застонала. Мнѣ казалось болѣе безопаснымъ спускаться верхомъ на лошади, чѣмъ сходить, держа ее на поводу, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ она постоянно угрожала упасть па меня или камнями, вырывающимися изъ-подъ ея ногъ, опрокинуть и сбросить меня въ пропасть. Первые 400 футовъ спуска были очень тяжелы. Съ трудомъ можно было держаться въ сѣдлѣ; однажды я едва не перекувырнулся черезъ голову лошади. Наконецъ, мы достигли крутого лѣсистаго откоса, похожаго на титаническій валъ, по которому мы спускались съ замираніемъ сердца, но безъ всякаго риска, до тѣхъ поръ, пока не очутились въ Катунской долинѣ. Чѣмъ больше мы приближались къ высокимъ горнымъ вершинамъ (мы сошли съ лошадей и стали взбираться по главному глетчеру), тѣмъ больше я убѣждался, какъ неточно мы опредѣляли разстояніе, высоты и величины съ нашего прежняго возвышеннаго пункта. Катунь, производившая съ высоты впечатлѣніе узкой, грязно-бѣлой ленты, черезъ которую могъ бы перепрыгнуть ребенокъ, оказалась широкой, въ 30—40 футовъ, рѣкой, которая была достаточно широка и бурна, чтобы унести лошадь съ всадникомъ. Главный глетчеръ, ширину котораго я опредѣлилъ въ 300 футовъ, имѣлъ ширину болѣе 800 метровъ; срединная морена, имѣвшая сверху видъ полосы чернаго песку, въ дѣйствительности оказалась состоящей изъ гигантскихъ обломковъ скалъ и имѣла въ ширину 300—400 футовъ, а въ длину 6 километровъ. Г. Фростъ опредѣлилъ ширину этого ледника въ 100 метровъ, а высоту морены свыше 100 футовъ. Съ фотографическимъ аппаратомъ я въ теченіе $1^1/_2$ часа карабкался по срединной моренѣ и такимъ образомъ приблизился къ большому ледяному полю приблизительно на 3 кил. Я долженъ былъ перепрыгивать черезъ множество широкихъ расщелинъ, въ которыя низвергались потоки ледниковой воды; въ нѣкоторыя изъ нихъ я бросалъ камни и по звуку паденія опредѣлялъ глубину ихъ въ 100 футовъ и больше. Это былъ одинъ изъ 11 ледниковъ, которые я насчиталъ съ вершины горнаго хребта, образующаго водораздѣла между Иртышемъ и Обью. Изъ сѣдловины между двумя главными вершинами сползало 7 ледниковъ. Мы снимали эскизы, фотографировали, взбирались на горы и подъ вечеръ вернулись къ нашей палаткѣ въ долинѣ Бѣлой Берели. Ночь на 3-е августа была еще холоднѣе, чѣмъ предыдущая. Въ нашемъ чайникѣ замерзла вода, а мои шерстяныя одѣяла и подушки были при моемъ пробужденіи покрыты инеемъ.

Въ понедѣльникъ мы еще разъ предприняли восхожденіе на вершину хребта, съ котораго видна Катунская долина; намъ удалось получить хорошій снимокъ съ обѣихъ самыхъ высокихъ вершинъ на фонѣ безоблачнаго неба. Нашъ аппаратъ могъ уловить только ма-

леньую часть этой грандіозной картины и при томъ въ такомъ уменьшенномъ масштабѣ, что всѣ выступы, все величіе этихъ горныхъ колоссовъ пропадали. Но мы все-таки были рады хоть какому-нибудь снимку, который впослѣдствіи могъ бы напоминать о грандіозности этой дивной альпійской панорамы. Въ понедѣльникъ мы вернулись къ горячимъ источникамъ Рахмановскаго и 5-го августа, послѣ 10-ти дневнаго отсутствія, опять прибыли на Алтайскую станцію.

V.

Ссылка административнымъ порядкомъ.

Мало найдется страницъ въ моихъ сибирскихъ записныхъ книжкахъ, которыя напоминали бы о болѣе пріятныхъ дняхъ и ощущеніяхъ, чѣмъ тѣ, которыя посвящены пережитому нами на Алтаѣ. Когда я перелистываю страницы съ датой „Алтайская станція 2 августа 1885 г.", эта живописная казацкая деревня воскресаетъ передо мной до малѣйшихъ подробностей и съ такой отчетливостью, что, закрывая на минуту глаза, я какъ будто слышу журчаніе и плескъ прозрачной холодной воды, текущей по улицѣ поселка, и вижу усѣянные цвѣтами откосы, а дальше снѣжныя горы, обступившія поселокъ, и вдыхаю свѣжій благоухающій воздухъ зеленыхъ луговъ, среди которыхъ онъ лежитъ. Если бы мы пріѣхали въ Сибирь только для удовольствій, то, навѣрно, провели бы все лѣто на Алтайской станціи: ни въ Сибири, ни въ какой-либо другой странѣ мы не могли бы найти болѣе чудный уголокъ для лѣтняго отдыха. Чистый, горный воздухъ былъ такъ животворенъ и пропитанъ благоуханіями, что, казалось, весь состоялъ изъ запаха цвѣтовъ и озона; красота и пышность флоры[1]) служили источникомъ неизсякаемаго удовольствія; прозрачные холодные потоки кишѣли рыбой; предпріимчивый охотникъ, въ лѣсистыхъ ущельяхъ и горныхъ долинахъ къ югу отъ станціи, могъ охотиться на дикихъ козъ, медвѣдей, лисицъ, волковъ и лосей; къ нашимъ услугамъ всегда былъ эскортъ изъ киргизъ, готовыхъ сопровождать до монгольской границы къ чудному горному озеру Марка-куль или въ дикія, неизслѣдованныя горныя ущелья китайскаго Алтая,— а капитанъ Маевскій, гостепріимный хозяинъ Алтайской станціи, заманчивыми обѣщаніями новыхъ экскурсій старался склонить насъ остаться здѣсь еще на нѣкоторое время. Но періодъ хорошей погоды и сносныхъ дорогъ проходилъ такъ быстро, что мы не могли медлить ни дня, если только хотѣли до зимы добраться до Карскихъ рудниковъ. Была уже первая половина августа, а отъ источниковъ Амура насъ отдѣляло разстояніе около 400 верстъ.

Нашей ближайшей цѣлью былъ Томскъ, отстоявшій на 1128 в.

---

[1]) Гербарій, вывезенный мною съ Алтая, содержитъ около 1000 разныхъ видовъ цвѣтковыхъ растеній.

отъ Алтайской станціи. Для того, чтобы достигнуть этого города, мы должны были еще разъ проѣхать по дорогѣ, по которой мы прибыли, а именно по долинѣ Иртыша до станціи Пьяно-Яровская. Здѣсь дорога изъ Семипалатинска развѣтвляется, при чемъ дорога, ведущая въ Томскъ, направляется на сѣверъ черезъ Алтайскій горный округъ и городъ Барнаулъ. На нашемъ пути находились двѣ колоніи политическихъ ссыльныхъ, одна въ казацкой станицѣ Ульбинской, въ 245 в. отъ Алтайской станціи, а другая въ Усть-Каменогорскѣ; мы, разумѣется, рѣшили остановиться въ обѣихъ.

Въ четвергъ утромъ, 6-го августа, мы уложили въ тарантасъ свой багажъ, заказали почтовыхъ лошадей, позавтракали въ послѣдній разъ съ капитаномъ Маевскимъ и его женой, привѣтливость и сердечное гостепріимство которыхъ сдѣлали ихъ домъ нашей второй родиной, и, наконецъ, выпивъ за здоровье всѣхъ нашихъ алтайскихъ друзей и простившись съ ними, покинули этотъ прекрасный горный поселокъ и стали спускаться въ долину Иртыша. Наше путешествіе по долинѣ Буктармы и черезъ сѣрую голую степь Иртыша было то же, что и три недѣли тому назадъ, только въ обратномъ порядкѣ; въ первый разъ мы поднимались изъ пустыни въ горы, а теперь спускались съ горъ въ пустыню. Въ пятницу около 6 часовъ утра мы прибыли въ поселокъ Буктармы, гдѣ Иртышъ прорѣзываетъ отрогъ Алтайской цѣпи, а дорога въ Усть-Каменогорскъ покидаетъ рѣку и отходитъ въ горы. Почтовыхъ лошадей не оказалось, погода угрожала испортиться; намъ говорили, что дорога на Александровскую вслѣдствіе ливней была въ дурномъ состояніи, и намъ стоило большого труда разыскать крестьянина, который согласился измучить лошадей, чтобы втащить до слѣдующей станціи нашъ тяжелый тарантасъ по крутой, грязной гористой дорогѣ, особенно, когда надо было ожидать темную бурную ночь. Наконецъ, при содѣйствіи хозяина почтовой станціи, намъ это удалось, и за часъ до наступленія темноты мы выѣхали изъ Буктармы на вольныхъ лошадяхъ въ направленіи на Александровскую. Вскорѣ оказалось достаточно поводовъ жалѣть, что мы не послушались совѣта ямщика и не заночевали въ Буктармѣ съ тѣмъ, чтобы засвѣтло перевалить черезъ горы. Дорога была въ ужасномъ состояніи и, прежде чѣмъ мы проѣхали половину пути, наступила ночь, и разразилась ужасная гроза съ молніей, громомъ и проливнымъ дождемъ. Въ темнотѣ мы нѣсколько разъ сбивались съ дороги, завязали въ болотѣ и лужахъ липкой грязи, а въ концѣ концовъ тарантасъ очутился въ глубокомъ рвѣ, прорытомъ стекающей съ горъ водой. Ямщикъ оралъ, проклиналъ и билъ своихъ измученныхъ лошадей въ то время, какъ г. Фростъ и я зажигали связки сѣна, чтобы осмотрѣть мѣсто катастрофы, приподнимали, толкали и тащили тяжелый экипажъ до тѣхъ поръ, пока не выбились изъ силъ, промокли и съ ногъ до головы покрылись грязью. Всѣ наши старанія были тщетны: тарантасъ мы не могли сдвинуть съ мѣста. Ямщики, выѣхавшіе съ почтой изъ Буктармы немного позже насъ, теперь явились нашими спасителями и освободили насъ отъ непріятнаго положенія. Легко нагруженныя почтовыя по-

возки вскорѣ оставили насъ далеко позади, и, опасаясь, какъ бы новая катастрофа не заставила насъ провести ночь среди дороги, я въ теченіе ³/₄ часа шелъ впереди тарантаса, держа надъ головой для ямщика бѣлый платокъ и дѣлая ему указанія. Въ концѣ концовъ мнѣ надоѣло въ этой непроглядной темени шагать впереди тарантаса, чтобы дѣлать открытія грязи, лужъ, ямъ и выступовъ скалъ, обнаруживать которыя мнѣ удавалось, только внезапно погружаясь въ нихъ или на нихъ натыкаясь; я влѣзъ опять въ тарантасъ, завернулся въ мокрое одѣяло и рѣшилъ предоставить все судьбѣ. Не прошло и четверти часа, какъ нашъ тарантасъ опять лежалъ на боку въ глубокой канавѣ. При помощи одного только осязанія выяснивъ наше положеніе и признавъ его безнадежнымъ, мы рѣшили послать ямщика верхомъ за подмогой и провести ночь тамъ, гдѣ это оказалось угоднымъ судьбѣ. Было около 11 часовъ. Вѣтеръ утихъ, но дождь лилъ попрежнему, и непроглядная тьма только по временамъ освѣщалась молніей. Озябшіе, усталые и голодные, мы забрались въ опрокинутый тарантасъ, который могъ защитить насъ, по крайней мѣрѣ, отъ дождя, и въ такомъ непріятномъ положеніи просидѣли безъ сна до самаго разсвѣта,—когда прибылъ нашъ ямщикъ съ казакомъ изъ Александровской съ фонарями, веревками, вагами и свѣжими лошадьми; при помощи всѣхъ этихъ вспомогательныхъ средствъ мы высвободили, наконецъ, тарантасъ. Въ Александровской мы напились чаю и въ теченіе двухъ часовъ спали на полу почтовой станціи, а затѣмъ продолжали свое путешествіе на 8 лошадяхъ съ 3 ямщиками. Дорога изъ Александровской въ Сѣверную поднимается сначала на протяженіи 8—9 в. по дикому ущелью, затѣмъ переваливаетъ черезъ рядъ высокихъ голыхъ хребтовъ и, наконецъ, по дну крутого глубокаго оврага, спускается въ Ульбинскую долину, по которой тянется до самаго Усть-Каменогорска. Эти предгорья Алтая не высоки, но живописно сгруппированы и отдѣлены другъ отъ друга чрезвычайно красивыми долинами и ущельями.

Вслѣдствіе дурного состоянія дорогъ и гористаго характера мѣстности мы употребили 10 часовъ на переѣздъ 28 в. отъ станціи Сѣверной до станціи Ульбинской, хотя сначала ѣхали на 8 лошадяхъ, а потомъ на 5; когда дорога шла въ гору, мы выходили, собирали растенія и украшали тарантасъ золотушникомъ, осенними розами и вѣтками стелющейся по землѣ козьей жимолости. Въ субботу вечеромъ, когда солнце уже скрылось за западными холмами, мы скорой рысью спустились по длинному красивому оврагу въ долину Ульбы и до наступленія темноты уже сидѣли въ уютной комнатѣ для проѣзжихъ на Ульбинской почтовой станціи, подкрѣпляясь хлѣбомъ, молокомъ и малиной.

Среди политическихъ ссыльныхъ, жившихъ въ то время въ Ульбинскѣ, былъ молодой Александръ Блокъ, бывшій студентъ юридическаго факультета, уроженецъ Саратова; Аполлонъ Карелинъ, сынъ извѣстнаго нижегородскаго фотографа; Северинъ Гроссъ, бывшій студентъ-юристъ, родомъ изъ Ковенской губерніи, и докторъ Витертъ, врачъ изъ Варшавы. За Карелинымъ послѣдовала въ Сибирь его

жена; остальные, насколько мнѣ извѣстно, были холостые. Еще въ Семипалатинскѣ политическіе сообщили мнѣ имена и нѣкоторыя другія свѣдѣнія объ этихъ ульбинскихъ ссыльныхъ, и я, по многимъ причинамъ, хотѣлъ повидаться и познакомиться съ ними. Дѣло въ томъ, что я воображалъ, что семипалатинскіе политическіе въ отношеніи интеллигентности и образованности были выше средняго уровня административно сосланныхъ, что они — особо выдающіеся представители среди политическихъ; мнѣ казалось возможнымъ въ болѣе захолустныхъ частяхъ западной Сибири наткнуться на типы, которые болѣе соотвѣтствовали бы моему американскому представленію о „нигилистахъ“.

Мы не пробыли въ деревнѣ еще и часа, какъ къ намъ явились двое изъ ссыльныхъ — Блокъ и Гроссъ. Блокъ сразу завоевалъ мое расположеніе. Это былъ человѣкъ лѣтъ 26—28 средняго роста, атлетическаго сложенія, темноволосый, съ карими глазами на безбородомъ лицѣ, черты котораго носили отпечатокъ ума, серьезности и энергіи. У него было, въ лучшемъ смыслѣ слова, доброе лицо, которое притягиваетъ, къ которому чувствуешь довѣріе. Маркъ Аврелій говоритъ гдѣ-то: „Честный и добрый человѣкъ долженъ быть подобенъ человѣку съ сильнымъ запахомъ, такъ что всякій, кто къ нему приближается, ощущаетъ его запахъ, желаетъ онъ этого или нѣтъ“. Честность и доброта Блока были именно таковы. Я почувствовалъ дружескую симпатію и расположеніе къ нему прежде, чѣмъ могъ найти къ тому побудительныя причины. Г-нъ Гроссъ былъ красивый мужчина, лѣтъ 30, съ каштановыми волосами, бородой и усами, съ голубыми глазами и правильными чертами лица. Онъ говорилъ очень оживленно, съ нѣкоторою вкрадчивостью въ голосѣ и имѣлъ обыкновеніе широко раскрывать глаза, когда разговоръ его сильно интересовалъ или возбуждалъ. Оба уже обладали учеными степенями и говорили по-французски и по-нѣмецки; кромѣ того, Блокъ читалъ по-англійски; оба особенно интересовались политической экономіей, а по своей наружности могли сойти за профессоровъ. Я говорилъ съ ними не болѣе получаса, но вполнѣ убѣдился, что они смѣло могутъ соперничать съ семипалатинскими ссыльными, и что рисующихся въ моемъ воображеніи дикихъ фанатиковъ-„нигилистовъ“ мнѣ придется искать въ еще болѣе отдаленной части Сибири, чѣмъ Ульбинская.

До девяти часовъ мы бесѣдовали на почтовой станціи, а затѣмъ, по приглашенію Блока, навѣстили другихъ политическихъ, жившихъ въ этой же деревнѣ. Они жили въ чрезвычайно скудно обставленныхъ казачьихъ избахъ; вся обстановка ихъ свидѣтельствовала о лишеніяхъ и ограниченности средствъ къ существованію, но они, повидимому, мирились съ этимъ самымъ удивительнымъ образомъ, и я не могу припомнить ни единой жалобы, которая вырвалась бы у нихъ съ цѣлью вызвать мою симпатію. Если они страдали, то переносили свои страданія съ достоинствомъ и самообладаніемъ. Всѣ, казалось, были крѣпкаго здоровья, кромѣ г-жи Карелиной, худой, блѣдной и изможденной женщины, и доктора Витерта, который уже три раза былъ въ ссылкѣ и десять лѣтъ провелъ въ тюрьмѣ или въ Сибири;

онъ, на мой взглядъ, уже недолго будетъ причинять хлопоты правительству, лишившему его жизни и счастья. Хотя ему было только 45 лѣтъ, онъ производилъ впечатлѣніе совершенно надломленнаго человѣка, ходилъ съ палкой и постоянно страдалъ ревматизмомъ, который онъ нажилъ въ сырыхъ тюремныхъ камерахъ. Онъ былъ наиболѣе освѣдомленнымъ изъ всѣхъ ссыльныхъ, которыхъ мнѣ удалось встрѣтить въ западной Сибири, и первымъ сообщилъ мнѣ о смерти генерала Гранта. Мы долго бесѣдовали объ Американскихъ Штатахъ; онъ говорилъ о гражданской войнѣ, объ усовершенствованіяхъ конституціи, принятыхъ послѣ войны, о предпринятой президентомъ Кливлендомъ реформѣ гражданской службы. Все это доказывало, что онъ обладалъ не поверхностными знаніями въ области общественной жизни нашего государственнаго строя. У всѣхъ ссыльныхъ, въ какой бы жалкой обстановкѣ они ни жили, я всегда находилъ письменный столъ, книги и журналы, напримѣръ „Revue des deux Mondes“ и „Русскій Вѣстникъ“. У Блока была хотя и маленькая, но тщательно подобранная библіотека, которая, кромѣ русскихъ книгъ, заключала въ себѣ стихотворенія Лонгфелло, „Древнее право“ и „Сельскія общины“ Мэна, „Логику“ Бэна, „Политическую экономію“ Милля, „Исторію раціонализма“ Локка (изуродованное цензурой русское изданіе), „Essays“ и „Принципы соціологіи“ Спенсера, „Исторію англійской литературы“ Тэна, „Исторію Соединенныхъ Штатовъ“ Лабулэ и нѣсколько французскихъ и нѣмецкихъ сочиненій по юриспруденціи и политической экономіи. Мнѣ кажется совершенно излишнимъ указывать на то, что люди, читающіе такія книги и притащившіе ихъ съ собою въ Сибирь, не могутъ быть ни необузданными фанатиками, ни „невѣждами сапожниками-ремесленниками“, какъ ихъ описывалъ мнѣ одинъ русскій офицеръ, а что они, напротивъ, серьезные, образованные, мыслящіе люди. Если такіе люди ссылаются въ отрѣзанную отъ всего міра сибирскую деревню на границѣ Монголіи вмѣсто того, чтобы на службѣ приносить пользу отечеству, — тѣмъ хуже для такого государства.

Мы провели почти сутки съ политическими въ Ульбинскѣ. Они внушили мнѣ такой сильный интересъ къ себѣ, что я охотно провелъ бы въ ихъ обществѣ цѣлую недѣлю; но на экскурсію въ Катунскія горы ушло больше времени, чѣмъ мы предполагали, а между тѣмъ мы должны были достигнуть рудниковъ восточной Сибири до начала зимы. Въ воскресенье, послѣ обѣда, около 4 часовъ, мы тронулись въ путь по направленію къ Усть-Каменогорску. Блокъ и Карелинъ провожали насъ верхами до порома черезъ Ульбу. Послѣ сердечнаго прощанія и просьбы съ ихъ стороны не забыть ихъ по возвращеніи въ „болѣе свободную и счастливую страну“, они сѣли опять на лошадей и ждали, пока мы переправлялись на другой берегъ. Затѣмъ они еще долго махали платками и шляпами, посылая намъ послѣднее прости, пока, наконецъ, лѣсъ не скрылъ насъ. Если эти строки попадутъ когда-нибудь въ одну изъ уединенныхъ избушекъ политическихъ въ Ульбинскѣ, то пусть читатели будутъ увѣрены, что мы не забыли ихъ въ „болѣе свободной и счастливой

странѣ“, но часто вспоминали о нихъ съ чувствомъ самаго глубокаго уваженія и искреннѣйшей симпатіи.

Съ наступленіемъ сумерекъ, въ воскресенье, мы прибыли въ Усть-Каменогорскъ и остановились на почтовой станціи. Городъ, имѣющій почти 5000 жителей и 600—800 деревянныхъ домовъ, лежитъ въ безлѣсной равнинѣ, на правомъ берегу Иртыша, при впаденіи въ него Ульбы. Кромѣ двухъ татарскихъ мечетей, 2—3 православныхъ церквей съ разноцвѣтными куполами, въ городѣ есть острогъ или цитадель, въ составъ котораго входитъ тюрьма, церковь и нѣсколько казенныхъ зданій, окруженныхъ въ видѣ четырехугольника землянымъ валомъ и сухимъ рвомъ. Мечети, муллы въ бѣлыхъ чалмахъ, киргизы верхомъ на лошадяхъ на улицахъ, муэззины, призывающіе утромъ и вечеромъ на молитву, верблюды, шествующіе большими шагами — все это придаетъ городу восточный характеръ, бросившійся намъ въ глаза уже въ Семипалатинскѣ; вслѣдствіе этого и здѣсь чувствуешь себя какъ бы въ сѣверной Африкѣ или центральной Азіи.

Когда мы сидѣли за чаемъ, внезапно появился Гроссъ, который еще утромъ прибылъ въ Усть-Каменогорскъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ нашего пріѣзда. Едва онъ сѣлъ, какъ хозяйка квартиры сообщила намъ, что насъ хочетъ видѣть русскій офицеръ, и не успѣлъ я спросить Гросса, какого рода отношенія установились между нимъ и администраціей, какъ офицеръ уже вошелъ въ комнату. Я очутился въ весьма неловкомъ положеніи. Я зналъ только фамилію этого офицера, и было возможно предположить, что онъ будетъ держать себя по отношенію къ политическому ссыльному,— который въ его глазахъ могъ быть только преступникомъ и „нигилистомъ“,—такъ, какъ я не могъ бы позволить по отношенію къ своему гостю. Но мои опасенія оказались напрасными. Г-нъ Шайтановъ былъ благовоспитанный, тактичный человѣкъ, и что бы онъ ни думалъ, найдя насъ въ обществѣ политическаго вскорѣ по нашемъ прибытіи, онъ не высказалъ ни удивленія, ни неудовольствія. Когда я представилъ ему Гросса, онъ вѣжливо поклонился и, спустя пять минутъ, между ними завязался живой разговоръ о пчеловодствѣ, шелководствѣ и табаководствѣ. Г-нъ Шайтановъ разсказывалъ, что онъ дѣлалъ вблизи Усть-Каменогорска опыты акклиматизаціи тутовыхъ деревьевъ и табаку изъ Виргиніи и съ острова Кубы; по его словамъ, опыты были очень удачны, что въ слѣдующемъ году онъ намѣренъ заняться шелководствомъ и надѣется замѣнить плохой мѣстный табакъ лучшими остъ-индскими и сѣверо-американскими сортами. Когда г. Шайтановъ распрощался, Гроссъ, Фростъ и я направились къ политическимъ; послѣдніе, около 15 человѣкъ, уже были извѣщены о нашемъ пріѣздѣ и собрались у одного изъ товарищей, въ центрѣ города. Было бы излишнимъ описывать и давать характеристики всѣхъ тѣхъ политическихъ, съ которыми мы познакомились во время нашего путешествія въ сибирскихъ деревняхъ и городахъ. Я передаю только общія свѣдѣнія о нихъ и то впечатлѣніе, которое они производили на меня. Ссыльные въ Усть-Каменогорскѣ отличались отъ ульбинскихъ большимъ разнообразіемъ типовъ и соціальнаго положенія. Низшую сту-

пень общественной лѣстницы занималъ здѣсь крестьянинъ-сапожникъ, высшую — кавказская княгиня, а между ними — врачи, аптекаря, писатели, журналисты, студенты и землевладѣльцы. Большинство были изъ дворянъ или занимали до ссылки привилегированное общественное положеніе; нѣкоторые изъ мужчинъ и женщинъ отличались выдающейся образованностью. Среди лицъ, съ которыми я ближе познакомился, былъ г. Коноваловъ[1]), свободно читавшій, но только посредственно говорившій по-англійски; затѣмъ г. Милинчукъ, смуглый грузинъ изъ Тифлиса, и Адамъ Бяловецкій, писатель и публицистъ. Послѣдній произвелъ на меня впечатлѣніе особенно одареннаго человѣка гуманныхъ безпартійныхъ взглядовъ. Онъ былъ большой знатокъ въ русской исторіи и юриспруденціи, въ исторіи и литературѣ западныхъ народовъ и съ мужествомъ и покорностью переносилъ ссылку, хотя былъ пессимистически настроенъ и причислялъ себя къ послѣдователямъ Шопенгауера. Мы обстоятельно обсуждали съ нимъ русскія дѣла, и его безстрастный, спокойный разборъ революціоннаго движенія и мѣръ, предпринятыхъ правительствомъ къ его подавленію, произвелъ на меня самое благопріятное впечатлѣніе. Его изложеніе было свободно отъ преувеличенія и предубѣжденія, а справедливый, безпристрастный приговоръ оказалъ бы честь любому судьѣ. Заклеймить такого человѣка „нигилистомъ“ было глупо, а выслать его, какъ опаснаго члена общества, въ Сибирь являлось абсурдомъ. Во всякой цивилизованной странѣ на земномъ шарѣ онъ считался бы очень умѣреннымъ либераломъ.

Колонія политическихъ въ Усть-Каменогорскѣ была послѣдней, которую мы встрѣтили въ степныхъ областяхъ, и, прежде чѣмъ описывать наше дальнѣйшее путешествіе, я въ главныхъ чертахъ дамъ общую картину того, что изображаетъ собою въ Россіи „ссылка административнымъ путемъ“. Подъ этимъ именемъ понимается высылка подозрительныхъ лицъ изъ одной части имперіи въ другую, безъ соблюденія какихъ бы то ни было судебныхъ формальностей, которыя въ большинствѣ цивилизованныхъ государствъ обыкновенно предшествуютъ лишенію правъ или наказанію. Вовсе не необходимо, чтобы сосланное такимъ образомъ лицо совершило передъ тѣмъ преступленіе или было виновно въ нарушеніи закона: достаточно, чтобы мѣстная администрація, въ лицѣ какого-нибудь своего представителя, нашла присутствіе даннаго лица въ извѣстномъ пунктѣ „вреднымъ для общественнаго порядка и спокойствія“, и его прямо арестуютъ и, съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ, ссылаютъ въ какую-нибудь мѣстность въ предѣлахъ имперіи и тамъ отдаютъ на 5 лѣтъ подъ надзоръ полиціи. Часто сосланный такимъ образомъ не знаетъ даже повода къ такому полицейскому „судопроизводству“, но если бы онъ даже и узналъ его, то онъ все-таки совершенно безпомощенъ. Онъ не можетъ провѣрить показаній свидѣтелей, объявившихъ его вреднымъ для общественнаго порядка, не можетъ пригла-

---

[1]) Г-нъ Коноваловъ лишилъ себя жизни 6 мѣсяцевъ спустя послѣ нашего выѣзда изъ Усть-Каменогорска.

сить своихъ друзей доставить доказательства его невиновности, не навлекая на нихъ ту же бѣду, которая постигла его. Онъ не имѣетъ права требовать слѣдствія или хотя бы допроса. Печать для него закрыта. Его связи съ міромъ такъ внезапно обрываются, что часто даже его родные и родственники не знаютъ, что съ нимъ сталось. Въ буквальномъ смыслѣ слова, онъ лишенъ всѣхъ средствъ для своей защиты.

Вотъ наудачу два типичныхъ случая изъ многихъ мнѣ извѣстныхъ; я привожу ихъ для того, чтобы показать, по какимъ поводамъ въ Россіи люди попадаютъ въ категорію „вредныхъ для общественнаго порядка“.

Г. Константинъ Станюковичъ, сынъ русскаго адмирала, сопровождавшій въ свое время великаго князя Алексѣя во время его путешествія въ Соединенные Штаты, въ качествѣ русскаго морского офицера, имѣлъ всѣ шансы на блестящую карьеру. Но, придерживаясь либеральныхъ взглядовъ, онъ покинулъ службу и посвятилъ себя литературной дѣятельности. Онъ написалъ рядъ повѣстей и драмъ, имѣвшихъ большой успѣхъ у публики, но не соотвѣтствовавшихъ видамъ правительства. Въ началѣ 80-хъ годовъ г. Станюковичъ сдѣлался собственникомъ и издателемъ извѣстнаго ежемѣсячнаго журнала „Дѣло“. Лѣто 1884 года онъ провелъ за границей и въ концѣ года возвращался въ Петербургъ, оставивъ жену и дѣтей въ Баденъ-Баденѣ. На русской границѣ, на станціи Вержболово, его арестовываютъ, подъ конвоемъ отправляютъ въ Петербургъ и заключаютъ въ Петропавловскую крѣпость. Не получая отъ мужа отвѣтовъ на письма, жена его, предчувствуя недоброе, телеграфируетъ въ редакцію „Дѣла“ и получаетъ извѣстіе, что ея мужа въ Петербургѣ не видѣли и полагаютъ, что онъ находится еще въ Баденъ-Баденѣ. Жена въ отчаяніи спѣшитъ съ дѣтьми въ Петербургъ, но нигдѣ не можетъ ничего узнать о мужѣ. Никто изъ его друзей ничего не слыхалъ о немъ въ теченіе послѣднихъ 14 дней; онъ словно провалился сквозь землю. Наконецъ, по совѣту друзей, г-жа Станюковичъ обращается къ жандармскому генералу Оржевскому и, къ ужасу своему, узнаетъ, что ея мужъ заключенъ въ Петропавловской крѣпости. Полиція нѣкоторое время перехватывала его письма и узнала изъ нихъ, что онъ состоитъ въ перепискѣ съ однимъ хорошо извѣстнымъ русскимъ революціонеромъ, проживавшимъ въ Швейцаріи. Корреспонденція была самаго невиннаго характера и касалась статей послѣдняго, предназначавшихся для „Дѣла“, но то обстоятельство, что человѣкъ съ ясно выраженными либеральными взглядами находится въ сношеніяхъ съ политическимъ эмигрантомъ, оказалось достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ опасности для общества, если онъ будетъ жить въ Петербургѣ, — и онъ былъ арестованъ. Въ маѣ 1885 года г. Станюковичъ административнымъ порядкомъ былъ высланъ на 3 года въ Томскъ. Вслѣдствіе ареста и высылки издателя, „Дѣло“ было, конечно, прекращено, и г. Станюковичъ понесъ крупныя финансовыя потери. Если русское правительство такимъ незаконнымъ образомъ поступаетъ съ людьми, обладающими чиномъ, состояніемъ и общественнымъ положеніемъ,

въ столицѣ русскаго государства, то легко можно себѣ представить, какъ обращаются съ врачами, студентами и мелкими землевладѣльцами, присутствіе которыхъ въ провинціи признано вреднымъ для общественнаго порядка!

Въ 1879 году въ городѣ Ивангородѣ, Черниговской губерніи, проживалъ опытный и популярный молодой врачъ, докторъ Бѣлый, человѣкъ либеральныхъ взглядовъ, но отнюдь не агитаторъ или революціонеръ, не принимавшій никакого активнаго участія въ политикѣ. Однажды къ нему пришли двѣ курсистки-медички, высланныя якобы за политическую неблагонадежность изъ Петербурга на родину, въ центральную Россію. Страстно желая закончить свое образованіе, чтобы быть въ состояніи приносить народу пользу, онѣ, представляя рекомендательныя письма, просили доктора Бѣлаго оказать имъ содѣйствіе. Такъ какъ онѣ обѣ были внѣ закона, т.-е. жили въ такомъ мѣстѣ, гдѣ безъ разрѣшенія администраціи онѣ не имѣли права жить, то докторъ Бѣлый, какъ вѣрноподданный, долженъ былъ бы выдать ихъ полиціи, несмотря на то, что онѣ явились къ нему просить о помощи. Онъ былъ, однако, великодушный, честный человѣкъ и, вмѣсто того, чтобы ихъ выдать, познакомилъ ихъ съ своей женой и сталъ заниматься съ ними медицинскими науками. Въ 1879 году въ Россіи развивалась лихорадочная революціонная дѣятельность. Вездѣ дѣлались покушенія на высшихъ чиновниковъ, и потому полиція повсюду въ государствѣ сдѣлалась еще болѣе подозрительной и бдительной, чѣмъ обыкновенно. Частыя посѣщенія молодыми дѣвушками дома доктора Бѣлаго привлекли вниманіе мѣстной ивангородской администраціи; стали наводить о нихъ справки, и оказалось, что одна изъ дѣвушекъ имѣетъ фальшивый паспортъ, другая — не имѣетъ никакого, и что онѣ въ качествѣ неблагонадежныхъ высланы изъ Петербурга. Ихъ неразрѣшенное пребываніе въ Ивангородѣ, ихъ частыя посѣщенія дома доктора Бѣлаго являлись доказательствами политическаго заговора, и въ виду этого 10 мая 1879 года обѣ дѣвушки и молодой врачъ были сосланы административнымъ порядкомъ въ Сибирь.

Мѣстомъ пребыванія доктора Бѣлаго было назначено село Верхоянскъ, на 76°20′ сѣверной широты, въ Якутской области, гдѣ его видѣли въ 1882 году оставшіеся въ живыхъ члены экспедиціи къ сѣверному полюсу на „Жанеттѣ“ — инженеръ Мельвилль, лейтенантъ Даненговеръ и В. Г. Гильдеръ. Молодая, красивая жена доктора Бѣлаго готовилась стать матерью, когда ея мужа ссылали, и поэтому не могла за нимъ слѣдовать. Вскорѣ послѣ рожденія ребенка, она, отдавъ его на попеченіе родственниковъ, предприняла путешествіе почти въ 10.000 в. къ мужу за сѣверный полярный кругъ. Такъ какъ у нея не было средствъ на путевые расходы, то она должна была просить министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшить ей присоединиться къ транспорту ссыльныхъ. До Томска, въ западной Сибири, политическихъ ссыльныхъ, какъ и обыкновенныхъ преступниковъ, перевозятъ въ особыхъ поѣздахъ и на особыхъ судахъ. Начиная съ этого пункта, обыкновенные арестанты должны итти дальше пѣшкомъ, политическіе же ѣдутъ на телѣгахъ и проѣзжаютъ въ недѣлю едва 90 в., останавливаясь каждый третій

день для отдыха на этапѣ. Такимъ образомъ, г-жа Бѣлая достигла бы мѣста ссылки мужа только черезъ 16 мѣсяцевъ. Но она не достигла своей цѣли. Въ теченіе долгихъ недѣль надежда, мужество и любовь поддерживали ее и придавали ей силы переносить безъ жалобъ тряску телѣги, удушливую пыль, палящій зной и холодныя осеннія бури на открытой дорогѣ, плохое питаніе, несмѣтное количество насѣкомыхъ и зачумленный воздухъ пересыльныхъ тюремъ. Но человѣческимъ силамъ положенъ предѣлъ. Тяжелыя лишенія въ теченіе мѣсяцевъ, вѣчный страхъ за мужа и ребенка, ради отца оставленнаго ею въ Россіи, въ концѣ концовъ, пошатнули ея здоровье и разсудокъ. Вблизи Иркутска ея энергія, казалось, снова поднялась, такъ какъ несчастная полагала, что черезъ нѣсколько недѣль она достигнетъ желанной цѣли. Она постоянно говорила о своемъ мужѣ и жила только ожиданіемъ скораго свиданія. Но, не доѣзжая нѣсколькихъ станцій до Иркутска, она узнаетъ, что ея мужъ находится не въ Верхоленскѣ, а въ Верхоянскѣ, что ее отдѣляютъ отъ мужа степи, лѣса и горы на протяженіи цѣлыхъ 5000 в. и что ей предстоитъ еще четыре недѣли ѣхать на собакахъ и оленяхъ при ужасныхъ морозахъ черезъ полярную пустыню сѣверо-восточной Азіи. Это открытіе переполнило чашу страданій несчастной женщины: она впала въ буйное помѣшательство и умерла нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ тюремномъ лазаретѣ въ Иркутскѣ, такъ и не увидѣвъ мужа, изъ-за любви къ которому она подвергла себя такимъ ужаснымъ страданіямъ.

Я ограничился только краткимъ описаніемъ этой ужасной трагедіи; но если бы читатель слышалъ эту исторію непосредственно изъ устъ тѣхъ ссыльныхъ, которымъ пришлось ѣхать вмѣстѣ съ г-жой Бѣлой которые видѣли, какъ потухали послѣдніе проблески ея разсудка, а затѣмъ посвятили себя ухаживанью за больной, то онъ удивился бы не тому, что ссылка административнымъ порядкомъ создаетъ террористовъ, а тому, что она до сихъ поръ не превратила въ террористовъ всего народа[1]).

Я могъ бы наполнить цѣлыя страницы данными о русскихъ, высланныхъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ административнымъ порядкомъ въ Сибирь безъ тѣни какой бы то ни было вины съ ихъ стороны. Извѣстный русскій писатель Владимиръ Короленко былъ въ 1879 году „по недоразумѣнію“, какъ въ этомъ послѣ должно было сознаться русское правительство, высланъ въ восточную Сибирь. При содѣйствіи вліятельныхъ друзей ему удалось убѣдить правительство въ его ошибкѣ прежде, чѣмъ онъ достигъ мѣста ссылки, и онъ получилъ разрѣшеніе вернуться обратно изъ Томска. Негодуя на эту несправедливость и на тѣ ужасы, которые ему пришлось перенести въ тюрьмахъ и въ пути, писатель отказался присягнуть Александру III

[1]) Вышеуказанныя свѣдѣнія сообщили мнѣ: 1) извѣстный земскій дѣятель, пользующійся общимъ уваженіемъ, которому лично были извѣстны обстоятельства ареста и ссылки доктора Бѣлаго; 2) ссыльные, бывшіе въ одной арестантской партіи съ докторомъ Бѣлымъ, и 3) ссыльные (среди нихъ одна дама), которые были въ одной партіи съ г-жой Бѣлой.

при его вступленіи на престолъ и за этотъ отказъ былъ сосланъ въ Якутскую область[1]).

Г. Бородинъ, извѣстный сотрудникъ журнала „Отечественныя Записки", былъ сосланъ въ Якутскую область въ виду „опаснаго и вреднаго" содержанія рукописи, найденной у него во время обыска. Эта рукопись представляла собою копію статьи, уже сданной авторомъ въ редакцію, но еще не напечатанной. И вотъ, г. Бородинъ, въ обычномъ сѣромъ арестантскомъ костюмѣ съ пресловутымъ четырехугольнымъ желтымъ лоскутомъ на спинѣ, идетъ въ Якутскъ. Четыре мѣсяца спустя по прибытіи туда, онъ имѣетъ удовольствіе читать ту самую роковую статью напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ". Итакъ, министръ внутреннихъ дѣлъ сослалъ автора „опасной и вредной" статьи въ ледяную пустыню, а петербургскій цензоръ разрѣшилъ эту статью, какъ „вполнѣ невинную", къ напечатанію въ одномъ изъ самыхъ распространенныхъ русскихъ журналовъ[2]).

Г-нъ Очкинъ былъ высланъ изъ Москвы въ 1885 году административнымъ порядкомъ въ Сибирь за то, что онъ, по словамъ предъявленнаго ему приговора, о ссылкѣ, намѣревался присвоить себѣ другую фамилію. На основаніи какихъ данныхъ составилось подозрѣніе о столь ужасномъ намѣреніи, онъ никогда не узналъ.

Хорошо мнѣ извѣстный нѣкій И. былъ сосланъ за дружбу съ Z., который, будучи обвиненъ въ политическомъ заговорѣ, выжидалъ въ тюрьмѣ исхода своего дѣла. Судъ оправдалъ г. Z., но И., другъ невиннаго человѣка, сосланный административнымъ порядкомъ, оставался въ Сибири.

Въ другомъ случаѣ, студентъ Владимиръ Сидорскій (я умышленно не сообщаю его настоящаго имени) былъ арестованъ по недоразумѣнію: нѣкто Викторъ Сидорскій былъ кѣмъ-то въ Москвѣ признанъ „опаснымъ для общества". Владимиръ увѣрялъ, что онъ не Викторъ, что онъ никакого Виктора не знаетъ и что его арестъ основанъ на ошибкѣ, но всѣ протесты были тщетны. Полиція должна была открывать заговоры и выслѣживать неблагонадежныхъ и потому не имѣла свободнаго времени для выясненія личности какого-то ничтожнаго студента. Разъ онъ арестованъ, значитъ, къ тому были поводы, и во всякомъ случаѣ вѣрнѣе сослать его въ Сибирь. Когда сопровождавшій партію офицеръ дѣлалъ перекличку арестантовъ, Владимиръ Сидорскій опять заявилъ, что онъ не Викторъ и что не онъ, а кто-то другой долженъ былъ бы итти въ Сибирь.

— Какъ твое имя? спросилъ офицеръ.

---

[1]) Описаніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ первую ссылку въ Сибирь г. Короленки, было опубликовано въ русской печати: см. „Земство" за 1881 г., № 10, стран. 19).

[2]) „Земство" 1881 г., № 10, стран. 19. Факты такого рода, освѣщающіе дѣятельность правительства со столь некрасивой стороны, конечно, чрезвычайно рѣдко печатаются въ русскихъ изданіяхъ. Сообщенія о случаѣ съ г. Бородинымъ и о ссылкѣ В. Короленки появились въ концѣ царствованія Александра III при либеральномъ министрѣ Лорисъ-Меликовѣ, когда цензурные тиски нѣсколько разжались.

— Владиміръ.

— Значитъ, Владиміръ, — сказалъ первый хладнокровно, — это все равно, и просто перемѣнилъ имя въ спискѣ.

Въ 1874 году студентъ Егоръ Лазаревъ былъ арестованъ въ одной изъ юго-восточныхъ губерній Россіи яко бы за тайную революціонную пропаганду; 4 года продержали его въ предварительномъ заключеніи и въ крѣпости въ одиночной камерѣ; наконецъ, въ большомъ политическомъ процессѣ „193“ онъ былъ оправданъ. Слѣдовало думать, что подобное отношеніе со стороны правительства способно обратить самаго мирнаго обывателя если не въ террориста, то, по крайней мѣрѣ, въ революціонера. Г-нъ Лазаревъ, однако, спокойно возобновилъ свои университетскія занятія и затѣмъ, въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго, болѣе не тревожимый полиціей, поселился въ Саратовѣ. Однажды лѣтомъ 1884 года къ нему является полицейскій чиновникъ и заявляетъ, что губернаторъ хочетъ его видѣть. Г-нъ Лазаревъ, лично знакомый съ губернаторомъ, отправляется къ нему и узнаетъ, что онъ ссылается административнымъ порядкомъ въ восточную Сибирь на 3 года. Г-нъ Лазаревъ былъ пораженъ, какъ молніей. Наконецъ, придя въ себя, онъ спрашиваетъ:

— Не можете ли вы, ваше превосходительство, сообщить мнѣ, за что?

Губернаторъ не зналъ этого: ему просто былъ переданъ приказъ объ арестѣ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Вліятельные друзья выхлопотали для г. Лазарева двухнедѣльную отсрочку, чтобы дать ему возможность ликвидировать дѣла, а затѣмъ, въ качествѣ арестованнаго, онъ былъ отправленъ въ Москву. Такъ какъ послѣдняя партія ссыльныхъ въ этомъ году уже отбыла изъ Москвы, то г. Лазаревъ долженъ былъ оставаться въ московской пересыльной тюрьмѣ до слѣдующей весны. Отсюда онъ почтительнымъ образомъ справлялся у царской полиціи, за какое преступленіе онъ ссылается въ Сибирь. Отвѣтъ былъ коротокъ и ясенъ: „Вы ссылаетесь въ восточную Сибирь подъ надзоръ полиціи, такъ какъ не отказались отъ своей прежней преступной дѣятельности“. Итакъ, онъ былъ сосланъ въ Забайкалье за то, что не отказался отъ „прежней преступной дѣятельности“, обвиненіе въ которой было съ него снято судомъ.

Однажды нѣсколько политическихъ заключенныхъ въ московской пересыльной тюрьмѣ бесѣдовали о своихъ злоключеніяхъ и разсказывали другъ другу, за какія „преступленія“ ихъ подвергаютъ ссылкѣ. У одного изъ нихъ нашли запрещенныя книги, другой обвинялся въ революціонной пропагандѣ, третій сознавался въ принадлежности къ тайной организаціи. Г-нъ Лазаревъ въ свою очередь сообщилъ, что ему неизвѣстно, за что его отправляютъ въ Сибирь.

— Какъ, вы этого не знаете? — воскликнулъ одинъ изъ товарищей по несчастью: — а не имѣлъ ли вашъ отецъ черно-бѣлую корову? —

— Весьма возможно, — отвѣтилъ г. Лазаревъ, — такъ какъ у него было много коровъ“.

— Ну, вотъ! — обрадовался товарищъ: — чего же вамъ еще нужно? Развѣ этого недостаточно, чтобы сослать 20 человѣкъ?

10 мая 1885 года г. Лазаревъ съ партіей ссыльныхъ покинулъ Москву и 10 октября того же года, 22 недѣли спустя прибылъ въ Читу, въ Забайкальи, гдѣ я и имѣлъ удовольствіе съ нимъ познакомиться.

Невѣроятная, обусловливаемая небрежностью, несправедливость, жестокость, противныя всякому здравому смыслу „ошибки“ и „недоразумѣнія“ заполняютъ всю исторію административной ссылки, надѣляя ее чертами, похожими на плоды адской фантазіи; причину этого слѣдуетъ искать въ русской бюрократической системѣ правленія, не знающей никакихъ ограниченій исполнительной власти, не признающей отвѣтственности офиціальныхъ лицъ за несправедливый или незаконный поступокъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ въ отношеніи къ политическимъ едва ли связанъ какимъ-либо закономъ и, такъ какъ онъ лично никоимъ образомъ не можетъ разслѣдовать огромное число политическихъ дѣлъ, поступающихъ къ нему на окончательное разрѣшеніе, онъ принужденъ часть своей безотвѣтственной власти передать начальникамъ полиціи, жандармскимъ офицерамъ, губернаторамъ и непосредственно чиновникамъ министерства. Эти, въ силу тѣхъ же побужденій, видятъ себя вынужденными уступить часть полученныхъ свыше полномочій своимъ подчиненнымъ, — и вотъ, эти послѣдніе, часто невѣжественные, безсовѣстные и глупые люди, ведутъ слѣдствіе, отъ результатовъ котораго зависитъ жизнь и свобода гражданина. По закону министръ внутреннихъ дѣлъ обязанъ провѣрять и разбирать дѣла всѣхъ политическихъ, предназначенныхъ къ высылкѣ, при содѣйствіи особаго совѣта, состоящаго изъ 3 его подчиненныхъ и 2 чиновниковъ министерства юстиціи[1]).

Но на практикѣ ничего подобнаго нѣтъ, да фактически это для министра и невозможно по той простой причинѣ, что у него на это нехватило бы времени. Какъ видно изъ русской газеты „Страна“, на разсмотрѣніе департамента полиціи въ одномъ 1881 г. поступило болѣе 1.500 политическихъ дѣлъ[2]).

Большая часть вышеуказанныхъ дѣлъ была разрѣшена административнымъ порядкомъ, и если бы министръ внутреннихъ дѣлъ посвятилъ каждому изъ нихъ половину или даже только четвертую часть времени, необходимаго для того, чтобы составить себѣ ясное о немъ представленіе, то у него не осталось бы свободнаго времени для чего-либо иного. Въ дѣствительности, онъ и не разсматривалъ отдѣльныхъ случаевъ, а просто подписывалъ бумаги, представляемыя ему подчиненными. Разумѣется, онъ не подписалъ бы указа о ссылкѣ г. Короленко въ Якутскъ, если бы зналъ, что обвиненіе противъ писателя основано на ошибкѣ; равнымъ образомъ и приказъ о ссылкѣ г. Бородина, остался бы безъ подписи министра, если бы ему было извѣстно, что инкриминируемая статья была напечатана съ разрѣшенія петербургской цензуры. Длинный рядъ его подчиненныхъ уста-

---

[1]) См. „Мѣры для поддержанія общественнаго порядка и общественнаго спокойствія“, утвержденныя Высочайше 14 августа 1881 г., глава V, отдѣлъ 34.

[2]) Цитировано въ газетѣ „Сибирь“ 31 января 1882 года, стран. 5.

новилъ, что, подписывая эти дѣла, министръ исполнялъ только пустую формальность. А какъ легко въ Россіи получить подпись высокопоставленнаго чиновника на любомъ документѣ, доказываетъ слѣдующій анекдотъ, который я, на основаніи заслуживающихъ въ моихъ глазахъ довѣрія данныхъ, считаю вполнѣ достовѣрнымъ. Одинъ правитель канцеляріи Тобольскаго губернскаго правленія, хвастаясь однажды своимъ вліяніемъ, бился объ закладъ, что губернаторъ (покойный Лисогорскій) подпишетъ любую представленную имъ бумагу,— и написалъ „Отче нашъ" на гербовой бумагѣ въ формѣ офиціальнаго документа. Онъ выигралъ пари: губернаторъ подписалъ „Отче нашъ", какъ казенную бумагу.

Слѣдующій фактъ можетъ служить иллюстраціей того, какъ часто грѣшили именно по отношенію къ политическимъ вслѣдствіе поверхностнаго отношенія къ подписыванію бумагъ. Либеральный Лорисъ-Меликовъ, сдѣлавшись въ 1880 году министромъ, счелъ необходимымъ учредить подъ предсѣдательствомъ генерала Черевина спеціальную комиссію для пересмотра дѣлъ, касающихся лицъ, административно сосланныхъ или отданныхъ подъ надзоръ полиціи. Комиссія должна была исправить ошибки, недоразумѣнія и неправильности, заявленія о которыхъ поступали со стороны жертвъ ихъ изо всѣхъ частей имперіи, какъ только назначеніе новаго министра внутреннихъ дѣлъ подало имъ надежду, что ихъ жалобы будутъ услышаны. Въ это время въ Сибири и въ разныхъ отдаленныхъ мѣстахъ Европейской Россіи насчитывалось около 2000 человѣкъ административно сосланныхъ или поднадзорныхъ. До 23 января 1881 года комиссія генерала Черевина пересмотрѣла дѣла 650 лицъ и постановила немедленно освободить и отпустить на родину 328 человѣкъ, т.-е. больше половины[1]).

Единственнымъ правильнымъ средствомъ положить конецъ такому положенію дѣлъ было бы лишить безотвѣтственную полицію права производить разслѣдованіе политическихъ проступковъ и передать эти дѣла суду, предоставивъ обвиняемымъ возможность свободно избирать себѣ защитника. Но объ этомъ правительство и знать ничего не хочетъ. Московское дворянское собраніе, по предложенію одного изъ своихъ членовъ, Ю. Ф. Самарина, почтительнѣйше, но настойчиво ходатайствовало передъ высшею властью о томъ, чтобы каждому ссыльному административнымъ порядкомъ политическому было предоставлено право требовать судебнаго разбирательства своего дѣла. Ходатайство осталось безъ результата и, надо полагать, даже безъ отвѣта[2]).

До 1882 года права, привилегіи и обязанности административно сосланныхъ политическихъ опредѣлялись только тайными циркулярами, которые министръ внутреннихъ дѣлъ разсылалъ время отъ времени губернаторамъ разныхъ сибирскихъ областей. Вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ министровъ, министерской политики и вообще измѣняв-

---

[1]) Правительственное сообщеніе. См. „Сибирь" отъ 31 января 1881 г., стран. 1.
[2]) „Земство" 1881 г., № 10, стран. 21.

шихся обстоятельствъ, эти руководящіе приказы, въ концѣ концовъ, стали сильно противорѣчить другъ другу и привели къ цѣлому ряду „недоразумѣній“, „неправильностей“ и столкновеній въ отношеніяхъ между ссыльными и мѣстной администраціей сибирскихъ городовъ и деревень; въ виду этого 12 марта 1882 г. министръ внутреннихъ дѣлъ издалъ „Правила о полицейскомъ надзорѣ, учреждаемомъ по распоряженію административныхъ властей“, которыя и были утверждены высочайшей властью. Передо мною лежитъ привезенная изъ Сибири офиціальная копія этого документа.

Читателя этого документа, прежде всего, поражаетъ то обстоятельство, что ссылка и полицейскій надзоръ представляютъ собою не наказаніе за совершенное преступленіе, но мѣру предосторожности для предупрежденія возможныхъ политическихъ проступковъ. Первый параграфъ гласитъ: полицейскій „надзоръ(сюда относится также и ссылка административнымъ путемъ) есть средство предупрежденія преступленій противъ существующаго строя (противъ стоящаго у власти правительства) и можетъ быть распространенъ на всѣхъ лицъ, вредныхъ для общественнаго порядка“. Генералъ-губернаторы, губернаторы и полиція опредѣляютъ, кто вреденъ для общественнаго порядка, и исповѣдуемыя гражданиномъ убѣжденія играютъ въ ихъ глазахъ такую же роль, какъ и дѣла, имъ совершенныя. Такимъ образомъ административная ссылка направлена противъ идей и убѣжденій, послѣдствіемъ которыхъ могутъ оказаться преступныя дѣянія. Ссылка должна предупреждать преступленія, производя давленіе на убѣжденія и лишая ихъ силы, поэтому было бы болѣе подходящимъ озаглавить документъ: „Правила о личныхъ убѣжденіяхъ“, — и русская полиція именно въ такомъ смыслѣ и пользуется этимъ документомъ.

Утвержденіе, что ссылка административнымъ порядкомъ — не наказаніе, а мѣра предосторожности, является простой игрой словъ. Если ссылка мужчины въ Якутскую область на 5 лѣтъ — не „наказаніе“, то слово „наказаніе“ должно имѣть въ русской юриспруденціи совершенно своеобразное ограничительное толкованіе. Для женщинъ же и молодыхъ дѣвушекъ ссылка въ восточную Сибирь равнозначаща смертному приговору вслѣдствіе ужасныхъ лишеній въ пути и жизни въ зачумленныхъ пересыльныхъ тюрьмахъ — и послѣ этого правительство еще утверждаетъ, что ссылка административнымъ порядкомъ не наказаніе!

Въ 1884 году административнымъ порядкомъ была выслана въ одну изъ отдаленныхъ областей восточной Сибири молодая, красивая дѣвушка кіевская курсистка Софья Никитина. Зимой 1884—1885 гг. она, совершивъ около 5000 в. своего ужаснаго путешествія, между Томскомъ и Ачинскомъ заразилась тифомъ въ одномъ изъ зачумленныхъ этаповъ. Партіи ссыльныхъ въ Сибири не сопровождаются врачами, и политическихъ, заболѣвающихъ въ пути, везутъ дальше, не обращая вниманія на ихъ положеніе и погоду, до ближайшей тюремной больницы. Между Томскомъ и Иркутскомъ, на протяженіи болѣе чѣмъ 1500 в., имѣется только 4 лазарета, и такимъ образомъ больныхъ трясутъ въ саняхъ или телѣгахъ часто въ продолже-

ніе 8 — 14 дней, если только они не умрутъ раньше, — пока они, наконецъ, находятъ покой, кровать и врача. Сколько дней измученная г-жа Никитина провела на трескучемъ морозѣ въ дорогѣ, пока не достигла, наконецъ, Ачинска и не была въ состояніи пользоваться врачебной помощью, мнѣ неизвѣстно, но въ Ачинскомъ лазаретѣ прервалась ея молодая жизнь. Какое удовлетвореніе бѣдной больной, лежащей на смертномъ одрѣ, въ грязной тюремной больницѣ, на разстояніи тысячъ верстъ отъ родины, должна была доставить мысль, что она не несетъ наказанія за какое-нибудь преступленіе, а что ея страданія невольно вызваны единственно только отеческой заботой о ней правительства, желавшаго оградить ее отъ искушенія совершить что-либо такое, что сдѣлало бы ея присутствіе въ Кіевѣ, дѣйствительно, „болѣе или менѣе вреднымъ для общественнаго порядка"!

Князь Александръ Кропоткинъ, высоко образованный свѣтскій человѣкъ, математикъ и астрономъ, былъ административнымъ порядкомъ высланъ въ Сибирь за то, что князь Петръ Кропоткинъ, извѣстный революціонеръ, проживающій въ Лондонѣ, былъ его братомъ. Перенеся 10 лѣтъ ссылки, Александръ Кропоткинъ, наконецъ, лишилъ себя жизни въ Томскѣ въ 1886 году.

Викторія Гуковская, 14-лѣтняя гимназистка, въ 1878 году была выслана изъ Одессы въ восточную Сибирь, а въ 1881 году повѣсилась въ Красноярскѣ.

Административно сосланный Бачинъ въ 1883 году, въ деревнѣ Амга, Якутской области, въ припадкѣ бѣшенства убилъ жену, ребенка, а затѣмъ и себя.

При наличности такихъ ужасныхъ и еще многихъ другихъ трагедій, о которыхъ я не могу говорить, русское правительство утверждаетъ, что ссылка административнымъ порядкомъ не есть наказаніе, а только мѣра, предохраняющая людей отъ совершенія преступленій!

Если бы эта мѣра, по крайней мѣрѣ, достигала цѣли, то ее, пожалуй, можно было бы оправдать съ точки зрѣнія деспотическаго правительства; но она своей цѣли не достигаетъ. Въ офиціальномъ докладѣ министру внутреннихъ дѣлъ генералъ-майоръ Николай Барановъ говоритъ относительно ссылки административнымъ порядкомъ: „опытъ предшествовавшихъ лѣтъ и собственныя наблюденія привели меня къ убѣжденію, что ссылка административнымъ порядкомъ по политическимъ соображеніямъ скорѣе портитъ характеръ сосланныхъ, чѣмъ исправляетъ его. Переходъ отъ обычной жизни къ жизни полной лишеній, отъ общества къ уединенію, отъ дѣятельности къ вынужденному бездѣйствію влечетъ за собой такія пагубныя послѣдствія, что политическіе ссыльные часто сходятъ съ ума или накладываютъ на себя руки. Все это — прямое слѣдствіе ненормальныхъ условій, въ которыхъ ссылка заставляетъ жить образованныхъ людей. Никогда еще не случалось, чтобы заподозрѣнный въ политической неблагонадежности административно сосланный убѣдился въ своемъ заблужденіи, помирился съ правительствомъ и вернулся изъ ссылки, какъ полезный членъ общества и вѣрный слуга престола. Напротивъ, чаще случается, что сосланный по недо-

разумѣнію или по ошибкѣ администраціи дѣлается политически неблагонадежнымъ только на мѣстѣ своей ссылки, отчасти по той причинѣ, что онъ встрѣчается здѣсь съ настоящими врагами правительства, отчасти отъ озлобленія. Далѣе, если кто-либо зараженъ противоправительственными идеями, то ссылка только еще усиливаетъ заразу и дѣлаетъ изъ теоретика — практика, т.-е. дѣйствительно опаснаго человѣка. Если этотъ человѣкъ, дѣйствительно, былъ замѣшанъ въ революціонномъ движеніи, то ссылка силою обстоятельствъ еще болѣе развиваетъ въ немъ революціонный духъ; другими словами, результатъ ссылки какъ разъ противоположенъ ожидаемому. Какъ бы ни регулировалась и ни ограничивалась ссылка административнымъ порядкомъ, въ душѣ ссыльнаго она всегда будетъ вызывать мысль о неограниченномъ бюрократическомъ произволѣ, — а этого вполнѣ достаточно, чтобы помѣшать даже малѣйшему его исправленію“[1]).

Никогда еще высокопоставленнымъ русскимъ чиновникомъ не были написаны слова, болѣе близкія къ истинѣ, и если бы я былъ заинтересованъ только въ томъ, чтобы доказать нецѣлесообразность системы ссылки, то мнѣ слѣдовало бы сослаться па проникнутый искренностью отзывъ архангельскаго губернатора. Но эта система можетъ быть также разсматриваема съ точки зрѣнія нравственности, справедливости и гуманности, и эту сторону вопроса я намѣренъ освѣтить въ дальнѣйшемъ. Здѣсь же я пытался показать, съ какимъ легкомысліемъ, небрежностью и несправедливостью сопряжена практикующаяся въ Россіи система ссылки административнымъ порядкомъ въ Сибирь. Въ слѣдующихъ главахъ я, какъ можно болѣе объективно и точно, опишу образъ жизни, который принуждены вести политическіе ссыльные въ Сибири.

VI.

Пересыльная тюрьма въ Томскѣ.

Время года, когда можно было разсчитывать на хорошую погоду и хорошія дороги, проходило такъ скоро, что, мы, въ виду предстоящаго намъ продолжительнаго и тягостнаго путешествія, должны были какъ можно больше сократить наше пребываніе въ Усть-Каменогорскѣ. А между тѣмъ именно въ этомъ городѣ намъ удалось завязать связи, которыя были весьма цѣнны для успѣха нашего изслѣдованія въ области политической ссылки и дѣлали этотъ успѣхъ несомнѣннымъ.

Гдѣ живутъ политическіе ссыльные? Какъ можно подойти къ нимъ, не возбуждая подозрѣній? Эти вопросы я уже часто взвѣшивалъ. Мы не могли ожидать, чтобы въ каждомъ городѣ судьба посылала намъ гуманнаго, сочувствующаго нашему предпріятію чиновника, а между тѣмъ собственный опытъ уже научилъ насъ, что чрезвычайно важно

---

[1]) „Юридическій Вѣстникъ“ (органъ Московскаго юридическаго общества), октябрь 1883 года, стран. 332.

знать, куда именно направить свои шаги и къ кому обратиться. Мы уже проѣхали до полдюжины такихъ городовъ и поселковъ, въ которыхъ остановились бы, если бы знали, что въ нихъ живутъ интересные политическіе ссыльные. Въ Усть-Каменогорскѣ мы освободились отъ всѣхъ опасеній и сомнѣній. Здѣсь мы получили не только чрезвычайно полезныя свѣдѣнія, безчисленные цѣнные совѣты, но и рекомендаціи къ лицамъ, которыя могли намъ быть полезными, письма къ чиновникамъ въ городахъ, которые мы должны были проѣхать на своемъ пути, и офиціальный списокъ, въ который были занесены имена, возрастъ, званіе и мѣсто ссылки почти 700 „политическихъ“ во всѣхъ частяхъ Сибири. Разъ мы владѣли этими документами, правительство, только выславъ насъ изъ Сибири, могло помѣшать нашему изслѣдованію. Теперь мы больше не блуждали въ темнотѣ, не рисковали болѣе надѣлать опасныхъ ошибокъ, но въ каждомъ поселкѣ могли тотчасъ же разыскать лицъ, съ которыми желали познакомиться.

Въ понедѣльникъ, 10-го августа, мы въ послѣдній разъ пообѣдали съ политическими въ Усть-Каменогорскѣ, пропѣли по ихъ просьбѣ еще разъ „Звѣздное знамя“ и около 6 часовъ вечера выѣхали на почтовыхъ въ направленіи къ Барнаулу и Томску. Дорога до почтовой станціи Пьяно-Яровская была та же, по которой мы ѣхали отъ Семипалатинска до Алтайской станціи. Мѣстность, гдѣ она проходила, казалась намъ еще болѣе обожженной, чѣмъ раньше; только иногда, въ сырыхъ мѣстахъ, мы проѣзжали мимо большихъ стадъ овецъ съ жирными курдюками, охраняемыхъ киргизами на лошадяхъ; ихъ укутанныя головы и загорѣлыя лица съ большими сплетенными изъ конскаго волоса сѣтками на глазахъ для защиты отъ ослѣпительныхъ солнечныхъ лучей придавали имъ прямо-таки демоническій видъ. Вблизи деревень виднѣлись поля подсолнечника и полусозрѣвшихъ дынь и арбузовъ. Но степь, большею частью, была необработана, да и не могла быть засѣяна безъ искусственнаго орошенія. Погода была еще очень теплая, и почти во всякомъ поселкѣ на улицѣ играли голыя дѣти.

Близъ станціи Пьяно-Яровской мы покинули Семипалатинскую дорогу и долину Иртыша, пересѣкли въ сѣверномъ направленіи низкій водораздѣлъ между Иртышомъ и Обью и очутились въ Томской губерніи. Вслѣдствіе обильныхъ дождей воздухъ пріятно охладился, но по грязнымъ дорогамъ было тяжело подвигаться впередъ, а почтовыя станціи, гдѣ мало можно было получить съѣдобнаго, отличались грязью и кишѣли клопами. На станціяхъ Семеновской и Заушкиной я тщетно пробовалъ заснуть. Поэтому я эти обѣ ночи писалъ, но все-таки дѣло не обошлось безъ охоты на клоповъ, и я ихъ убивалъ на столѣ, за которымъ сидѣлъ, отъ 15 до 20 штукъ въ ночь. Недостатокъ соотвѣтственнаго питанія, постоянная тряска во время ѣзды и безсонныя ночи довели насъ до такого утомленія, что, прибывъ въ Барнаулъ въ пятницу, вечеромъ, 14-го августа, послѣ 96-часовой ѣзды, мы съ трудомъ держались на ногахъ.

Въ Барнаулѣ, городѣ съ 17.000 жителей, центрѣ богатаго и важнаго Алтайскаго округа, бросается въ глаза необычайное число претенціоз-

ныхъ зданій съ колоннами и величественными фасадами; большинство изъ нихъ пришло, однако, въ запустѣніе. Они были построены еще въ то время, когда чиновникъ горнаго вѣдомства, получая ежегодно 2000—3000 рублей жалованья, обворовывалъ казну при помощи своей хитроумной бухгалтеріи на 100.000 и, по достовѣрнымъ слухамъ, платилъ француженкѣ гувернанткѣ своихъ дѣтей и французу повару сумму, въ два раза превышавшую его казенное вознагражденіе.

Горныя копи на Алтаѣ представляютъ, большею частью, частную собственность царя. Въ теченіе 9 лѣтъ, съ 1870 по 1879 годъ, здѣсь было добыто 6984 фунта золота, 206.964 фунта серебра, 9.639.620 фунтовъ мѣди и 13.221.396 фунтовъ свинца. Большая часть золотыхъ и серебряныхъ рудъ плавится въ Барнаулѣ.

Г-нъ Фростъ съ большимъ рвеніемъ обѣгалъ городъ, сфотографировалъ базаръ, нѣсколькихъ женщинъ, возившихъ на тачкахъ камень, и оригинальное зданіе недалеко отъ нашей гостиницы, предназначавшееся сначала, повидимому, для храма русско-дорійскаго стиля, а впослѣдствіи—что болѣе соотвѣтствовало потребностямъ города—превращенное въ тюрьму. Я бы охотно принялъ участіе въ его экспедиціи по городу, но, благодаря безсоннымъ ночамъ, чувствовалъ себя почти больнымъ. Грязная гостиница была настоящимъ клоповникомъ, и я устроилъ себѣ постель на столѣ длиною только въ 4 фута, а шириною въ 3, выдвинувъ его на средину комнаты. Такъ какъ при малѣйшемъ движеніи мой столъ приходилъ въ движеніе и я скатывался, то сонъ меня пичуть не освѣжилъ, такъ что, по выѣздѣ изъ Барнаула, я впалъ въ состояніе, близкое къ сумасшествію. Единственнымъ пріятнымъ воспоминаніемъ, сохранившимся у меня отъ этого города, были 18 писемъ изъ родины, первыя, полученныя мною послѣ Тюмени.

Во вторникъ, послѣ обѣда, 18-го августа, мы отбыли въ Томскъ. Эта часть западной Сибири представляетъ собою волнообразную плодородную страну, напоминающую югъ Новой Англіи. Ландшафтъ хотя не дикій, но вездѣ живописный; даже въ августѣ луга покрыты цвѣтами, и свѣжая зеленая растительность поражаетъ и восхищаетъ всякаго путешественника, пріѣзжающаго сюда изъ пустынныхъ степей верхняго Иртыша. Недалеко отъ первой станціи мы миновали маленькое Колыванское озеро, извѣстное въ этой части Сибири своими романтическими окрестностями и служащее дачною мѣстностью для богатыхъ жителей Барнаула и Томска. Своеобразный паромъ, на которомъ мы переправлялись черезъ Обь, состоялъ изъ большого досчатаго помоста, положеннаго на 2 открытыхъ лодки, и приводился въ движеніе колесомъ на одномъ концѣ его, которое вертѣли за рукоятку двое старыхъ бородатыхъ мужиковъ. Дорога изъ Барнаула въ Томскъ представляла, насколько припоминаю, мало привлекательнаго; къ тому же я былъ такъ утомленъ, что обладалъ не вполнѣ яснымъ сознаніемъ.

20-го августа, въ четвергъ, около 4 часовъ пополудни, мы прибыли въ Томскъ. Въ теченіе 51 дня со времени нашего отъѣзда изъ Тюмени мы на лошадяхъ сдѣлали болѣе 2250 верстъ, посѣтили

2 большихъ тюрьмы, ознакомились съ тремя колоніями политическихъ ссыльныхъ и, наконецъ, посѣтили самую дикую часть русскаго Алтая. Мы остановились въ „Европейскомъ дворѣ“ и вскорѣ послѣ ужина, впервые послѣ двухъ мѣсяцевъ, въ красивой, уютной комнатѣ протянули свои усталые члены на культурныхъ постеляхъ.

Томскъ, главный городъ Томской губерніи, имѣетъ 31.000 жителей и лежитъ отчасти на возвышеніи, отчасти на низкомъ берегу Томи, немного выше впаденія ея въ Обь. По величинѣ и значенію это второй городъ Сибири, а по предпріимчивости, интеллигентности и зажиточности населенія онъ казался мнѣ первымъ. Онъ состоитъ изъ 8000 жилыхъ домовъ и другихъ зданій, изъ которыхъ 250 каменныхъ; сюда присоединяется 33 церкви, (въ томъ числѣ одинъ римско-католическій костелъ, мечеть и 3 синагоги); въ городѣ насчитывается 26 школъ съ 2500 учениками, имѣется очень хорошая общественная библіотека и великолѣпное новое университетское зданіе, вполнѣ законченное уже 3 года тому назадъ, но еще не исполняющее своего назначенія, такъ какъ правительство опасается, какъ бы оно не сдѣлалось центромъ „вредныхъ тенденцій“ и разсадникомъ либеральныхъ идей. Также вслѣдствіе „вреднаго направленія“ обѣ выходящія здѣсь 3 раза въ недѣлю газеты на бо́льшую часть года пріостанавливаются министромъ внутреннихъ дѣлъ. Немощеныя улицы города скупо освѣщаются, но во время нашего пребыванія онѣ казались намъ чистыми и хорошо содержимыми; въ общемъ, городъ произвелъ на меня лучшее впечатлѣніе, чѣмъ многіе города съ такимъ же значеніемъ въ Европейской Россіи.

Томская губернія обнимаетъ пространство въ 36.082 кв. верстъ съ 8 городами съ населеніемъ, въ среднемъ, по 14.000 человѣкъ и 2719 поселками, въ среднемъ, съ 366 душъ каждый; такимъ образомъ населеніе губерніи простирается до 1.100.000 жителей. Изъ нихъ 900.000 аборигены, а около 300.000 — обыкновенные высланные изъ Россіи преступники. Южная часть губерніи очень плодородна, хорошо орошена и покрыта лѣсомъ и отличается довольно благопріятнымъ климатомъ. 3.600.000 морговъ пашни даютъ въ годъ около 37.500.000 пудовъ хлѣба, 5.625.000 пудовъ картофеля, немного меньшее количество льна, конопли и табаку, а на лугахъ находится достаточно корма для 2.500.000 головъ скота.

Эти цифры достаточно убѣдительно доказываютъ, что Томская губернія, несмотря на дурное управленіе, ограниченный притокъ переселенцевъ и деморализующее вліяніе сосланныхъ преступниковъ, не можетъ считаться безплодной и совершенно некультурной. Ея природныя богатства почти неисчерпаемы, но губернія нуждается въ хорошемъ управленіи и въ свободѣ, необходимыхъ для безпрепятственнаго развитія торговли и промышленности. Пока же деспотическое петербургское правительство будетъ имѣть возможность давить печать, не открывать университета, назначать учителей, навязывать училищамъ свои программы, запрещать въ библіотекѣ лучшія книги, связывать населеніе по рукамъ и ногамъ строгой паспортной системой, управлять черезъ плохо оплачиваемыхъ чиновниковъ-взяточниковъ,

наводнять ежегодно губернію потокомъ обыкновенныхъ преступниковъ изъ Россіи, — до тѣхъ поръ эта губернія останется тѣмъ, чѣмъ она есть въ настоящую минуту: многообѣщающей колоніей, которой гнетущая, излишняя опека не даетъ развиваться. Какъ разъ теперь правительство занято планомъ сооруженія желѣзной дороги для усиленія эксплуатаціи природныхъ богатствъ края. Было бы гораздо лучше предоставить народу больше свободы, дать ему возможность самому разбираться въ своихъ дѣлахъ, разрѣшить свободное обсужденіе своихъ нуждъ и плановъ въ печати, отмѣнить ограниченія въ свободѣ передвиженія, не направлять больше въ губернію преступниковъ, — словомъ, предоставить край его собственному развитію.

Въ Томскѣ мы прежде всего разыскали политическихъ ссыльныхъ и нѣсколькихъ офицеровъ, къ которымъ имѣли рекомендательныя письма, для того, чтобы собрать необходимыя справки. Мы узнали, что губернаторъ г. Красовскій — въ отсутствіи, и его замѣщаетъ статскій совѣтникъ Нафанаилъ Пѣтуховъ, рекомендованный намъ, какъ человѣкъ интеллигентный, образованный и довольно либеральный. При первой возможности я посѣтилъ г. Пѣтухова; онъ принялъ меня съ большою сердечностью. Онъ читалъ, какъ я вскорѣ узналъ, мою книгу о сѣверо-восточной Сибири, и такъ какъ она ему понравилась, то онъ относился ко мнѣ внимательно и чрезвычайно вѣжливо. Я съ своей стороны слыхалъ о немъ много хорошаго, — и такимъ образомъ, между нами вскорѣ установился дружелюбный и откровенный обмѣнъ мыслей о Сибири и сибирскихъ дѣлахъ. Послѣ получасовой бесѣды онъ спросилъ меня, не можетъ ли онъ оказаться чѣмъ-либо полезнымъ для меня. Я отвѣтилъ, что былъ бы ему очень обязанъ, если бы онъ разрѣшилъ мнѣ посѣтить пересыльную тюрьму. Мнѣ показалось, что моя просьба на минуту смутила его. Но такъ какъ я, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ описывать свои посѣщенія тюремъ въ двухъ другихъ губерніяхъ, то онъ, повидимому, сталъ склоняться къ опредѣленному рѣшенію и, не стараясь вывѣдать побудительныя причины моей просьбы, удовлетворилъ мое ходатайство и даже вызвался сопровождать меня. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ сказалъ серьезнымъ тономъ: „Я опасаюсь, что здѣшняя тюрьма покажется вамъ хуже всѣхъ во всей Сибири“. Я выразилъ надежду, что его опасенія не оправдаются и что томская тюрьма едва ли хуже тюменской. Г-нъ Пѣтуховъ слегка пожалъ плечами, какъ бы желая сказать: „Вы еще не знаете, что такое сибирская тюрьма“, и спросилъ меня, чего слѣдуетъ ожидать, если въ зданіе сажаютъ арестантовъ вдвое больше, чѣмъ первоначально предполагалось.

— Томская пересыльная тюрьма, — продолжалъ онъ, — была выстроена на 1400 арестантовъ. Теперь въ ней находится 3000, и транспортныя суда привозятъ изъ Тюмени еженедѣльно новыя партіи, въ 500—800 человѣкъ каждая, въ то время, какъ мы отправляемъ еженедѣльно далѣе на востокъ только 400. Такимъ образомъ, чѣмъ ближе къ концу лѣта, тѣмъ положеніе все болѣе и болѣе ухудшается. Помѣщенія невѣроятно переполнены, и нѣтъ никакой возможности держать ихъ въ чистотѣ; скверный воздухъ вызываетъ много заболѣ-

ваній, и въ тюремной больницѣ больше больныхъ, чѣмъ она можетъ вмѣстить.

— Почему же — сказалъ я, — вы не отправляете ссыльныхъ на востокъ болѣе быстрымъ темпомъ, чтобы избѣжать ихъ накопленія здѣсь? Почему вы не пересылаете одновременно бо́льшаго числа арестантовъ, или вмѣсто одной партіи въ недѣлю не отправляете двухъ?

— Это невыполнимо, — возразилъ Пѣтуховъ. — Администрація, завѣдующая ссылкой въ восточной Сибири, увѣряетъ, что не можетъ быстрѣе размѣстить ссыльныхъ. Тамошніе этапы слишкомъ малы, чтобы принимать бо́льшія партіи. Къ этому необходимо прибавить, что нехватаетъ войскъ для конвоя въ недѣлю двухъ транспортовъ. Мы было сдѣлали такую попытку, но она оказалась неудачной.

— Знаетъ ли петербургское правительство обо всемъ этомъ, — спросилъ я.

— Разумѣется, — отвѣтилъ онъ — каждый годъ объ этомъ посылались доклады, а сверхъ того этимъ лѣтомъ я уже отправилъ 4 срочныхъ телеграммы, ходатайствуя о мѣрахъ къ устраненію безвыходнаго положенія.

— Ну, и результата никакого?

— Рѣшительно никакого! Число заключенныхъ здѣсь будетъ увеличиваться вплоть до конца навигаціи, и только въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ мы постепенно будемъ освобождать тюрьму. Между тѣмъ тифу не будетъ конца, и много больныхъ будетъ безъ всякаго ухода лежать въ своихъ камерахъ, такъ какъ въ госпиталѣ больше нѣтъ мѣста. Я вамъ совѣтую передъ посѣщеніемъ тюрьмы предварительно плотно позавтракать, и при осмотрѣ отнюдь не заходить въ больницу.

Я поблагодарилъ г. Пѣтухова, заявилъ ему, что не боюсь зараженія, и, когда имъ былъ назначенъ день совмѣстнаго посѣщенія тюрьмы, я простился.

Возвращаясь отъ него домой, я встрѣтился съ мѣстнымъ исправникомъ, полковникомъ Ягодкинымъ, который уже принималъ меня у себя въ домѣ съ большою любезностью и гостепріимствомъ и проявилъ большой интересъ къ нашему изслѣдованію. Какъ оказалось, онъ заходилъ въ гостиницу съ цѣлью сообщить намъ, что утромъ прибыла баржа изъ Тюмени и стала у пристани въ 2—3 миляхъ отъ города; онъ предложилъ проводить насъ туда и представить насъ начальнику мѣстнаго пересыльнаго управленія, если мы имѣемъ желаніе присутствовать при пріемѣ этой партіи ссыльныхъ. Я поблагодарилъ его за предупредительность, и, спустя 10 минутъ, г. Фростъ, полковникъ Ягодкинъ и я катили по грязной улицѣ къ пристани. Несмотря на то, что мы спѣшили, арестанты были уже высажены до нашего прибытія. Они были собраны въ двухъ тѣсныхъ группахъ у обоихъ концовъ длиннаго деревяннаго навѣса, обнесеннаго высокой досчатой стѣной и имѣвшаго видъ загона для скота. Здѣсь устанавливалась личность ссыльныхъ, производился подсчетъ ихъ, и затѣмъ они передавались конвойнымъ офицеромъ начальнику томской пересыльной тюрьмы. Навѣсъ по рединѣ былъ раздѣленъ поперекъ; у одного конца было отгорожено мѣсто въ 10 кв. футовъ

для офицеровъ, которые должны были присутствовать при прiемѣ. Почти половина ссыльныхъ, уже офицiально „принятыхъ“, находилась въ одной части навѣса; остальные ссыльные толпились въ западной части навѣса и ждали, когда ихъ вызовутъ. Женщины, образовавшiя особую группу, были, большею частью, одѣты какъ крестьянки, съ цвѣтными платками на головѣ; лица ихъ выражали страхъ и заботу. Мужчины имѣли поверхъ грубыхъ холщевыхъ рубахъ и брюкъ сѣрые халаты; большинство ихъ было заковано въ цѣпи, а непокрытыя головы преступниковъ и „поселенцевъ“ были острижены такъ, что одна половина головы была гладкая и синяя, а другая была покрыта длинными всклоченными волосами. Солдаты, при винтовкахъ съ примкнутыми штыками, были разставлены повсюду, а въ отгороженномъ пространствѣ находились: конвойный офицеръ, начальникъ и врачъ томской пересыльной тюрьмы, начальникъ пересыльнаго управленiя и два или три офицера въ полной формѣ. Полковникъ Ягодкинъ представилъ насъ въ качествѣ американскихъ путешественниковъ, желающихъ присутствовать при прiемѣ транспорта ссыльныхъ, и насъ пригласили войти въ отгороженное пространство.

Офицеръ, руководившiй передачей арестантовъ, развернулъ одну изъ многихъ бумагъ, которыя онъ держалъ въ рукѣ, и крикнулъ:

— Николай Кольцовъ!

Изможденный блѣдный человѣкъ, съ застывшими, усталыми глазами и безнадежнымъ выраженiемъ лица, поднялъ сѣрый холщевый мѣшокъ, лежавшiй подлѣ него на землѣ, и медленно подошелъ, бряцая цѣпями. Офицеръ тщательно сравнивалъ его черты лица съ фотографiей, прикрѣпленной къ бумагѣ, удостовѣряющей его личность, чтобы убѣдиться въ томъ, что этотъ блѣдный человѣкъ не обмѣнялся фамилiей съ другимъ, а въ это время казакъ обыскивалъ его съ головы до ногъ и рылся въ его мѣшкѣ, чтобы узнать, не продалъ ли онъ чего-либо изъ одежды, полученной имъ въ Москвѣ или Тюмени и перечисленной въ его документѣ.

— Все? — спросилъ офицеръ.

— Такъ точно, — отвѣтилъ казакъ.

— Впередъ! — сказалъ офицеръ.

Блѣдный арестантъ, взявъ свой мѣшокъ, отошелъ къ остальнымъ „принятымъ“

— Фотографiи — нововведенiе, — шопотомъ сталъ объяснять мнѣ полковникъ Ягодкинъ: — не всѣ ссыльные имѣютъ ихъ. Этимъ путемъ хотятъ препятствовать арестантамъ обмѣниваться фамилiями.

— Но зачѣмъ же они это дѣлаютъ? — спросилъ я.

— Если присужденный къ каторжнымъ работамъ въ рудникахъ, — отвѣчалъ полковникъ, — имѣетъ небольшую сумму денегъ, то онъ пытается купить фамилiю у какого-нибудь бѣдняка-поселенца, готоваго на такую сдѣлку изъ-за глотка водки или изъ-за денегъ для азартной игры. Конвойный офицеръ не въ силахъ предупредить подобныхъ операцiй, такъ какъ ему невозможно запомнить 400—500 именъ и лицъ арестантовъ своей партiи. Когда арестанту посчастливилось найти поселенца, согласнаго продать свою фамилiю, онъ прiобрѣ-

таетъ его права, и ему отводится участокъ въ поселкѣ, въ то время какъ послѣдній вмѣсто преступника идетъ въ рудники. Сотни присужденныхъ къ каторгѣ такимъ образомъ избавляются отъ нея.

— Гассанъ Абдалимовъ! — крикнулъ офицеръ.

Никто не шевелится.

— Гассанъ Абдалимовъ, — громче повторяетъ казакъ.

— Иди, дурачекъ, это ты! — произнесло вполголоса нѣсколько ссыльныхъ, подталкивая маленькаго приземистаго кривоногаго татарина, гладкое смуглое лицо котораго выражало полную растерянность и смущеніе.

— Онъ не понимаетъ по-русски, ваше благородіе, — почтительно произнесъ одинъ изъ ссыльныхъ, — и онъ слабоумный.

— Давай его сюда!

Когда Гассана обыскали, онъ не взялъ своего мѣшка, чтобы итти на свое мѣсто, но сталъ раскланиваться, жестикулировать, заговорилъ по-татарски и становился все возбужденнѣе.

— Что онъ говоритъ? — спросилъ офицеръ: — Приведи солдата, понимающаго по-татарски.

Скоро нашелся переводчикъ, и Гассанъ повторилъ свои слова.

Переводчикъ доложилъ, что у Гассана во время ареста отняли 8 рублей и обѣщали вернуть ихъ въ Сибири. Онъ хочетъ получить хоть немного для того, чтобы купить чаю.

— Нѣтъ чаю! — повторялъ татаринъ съ безутѣшной миной.

— Убирайся къ чорту! — яростно заоралъ офицеръ, — что этотъ дуракъ вздумалъ безпокоить насъ такими пустяками? По прибытіи къ мѣсту назначенія онъ получитъ свои деньги. Маршъ!

И бѣдный татаринъ былъ препровожденъ на мѣсто.

— Иванъ непомнящій, рыжій! — вызвалъ офицеръ.

— Это бродяга, — шепнулъ мнѣ полковникъ Ягодкинъ, когда къ отгороженному мѣсту подошелъ загорѣлый рыжій въ кандалахъ мужикъ съ чайникомъ у пояса.

— Онъ задержанъ за бродяжничество въ западной Сибири, и такъ какъ въ его прошломъ есть что-нибудь такое, что ему выгодно скрыть, то онъ отказывается назвать свое настоящее имя и на всѣ вопросы отвѣчаетъ: „не помню“. Всѣ бродяги называютъ себя Иванами непомнящими; въ общемъ — это люди дурного сорта. За принадлежность къ семейству „непомнящихъ“ полагается пять лѣтъ въ рудникахъ.

У офицера не оказалось фотографіи Ивана рыжаго, и его личность была установлена по числу выпавшихъ зубовъ и по рубцу надъ правымъ ухомъ.

Такимъ же образомъ по очереди прошли мимо офицера и остальные ссыльные; личность всѣхъ ихъ была установлена, они были пересчитаны и сданы начальнику томской пересыльной тюрьмы, который выдалъ конвойному офицеру баржи квитанцію въ пріемѣ 551 арестанта, включая сюда 71 малолѣтнихъ (моложе 15 лѣтъ), послѣдовавшихъ въ ссылку за своими отцами и матерями.

Когда пріемка закончилась, нѣсколько офицеровъ вернулись въ городъ; полковникъ Ягодкинъ, г. Фростъ и я остались, чтобы присутство-

вать при врачебномъ осмотрѣ больныхъ и инвалидовъ и чтобы побывать па транспортномъ суднѣ. Тюремный врачъ, докторъ Оржешко, занялъ теперь мѣсто офицера и приступилъ къ быстрому осмотру длиннаго ряда мужчинъ, изъ которыхъ одни были дѣйствительно больны, а другіе только притворялись. Врачъ долженъ былъ установить, сколько арестантовъ не могутъ итти пѣшкомъ, для того, чтобы вызвать нужное число телѣгъ для ихъ перевозки въ городъ. Первый въ очереди былъ блѣдный, худой арестантъ; на вопросъ врача, онъ сильно закашлявшись, съ трудомъ отвѣтилъ, что у него болитъ грудь и что ему тяжело дышать. Докторъ Оржешко пощупалъ ему пульсъ, выслушалъ его стетоскопомъ и коротко сказалъ: „Ты можешь итти пѣшкомъ“. У второго была сильно опухшая щиколка, на которую, повидимому, давили кандалы, причиняя ему сильную боль. Пока врачъ осматривалъ припухшее мѣсто, арестантъ смотрѣлъ на него умоляющимъ взоромъ, какъ бы прося о состраданіи, но не издалъ ни звука. Когда его просьба была признана заслуживающей удовлетворенія, и ему было разрѣшено ѣхать, онъ трижды перекрестился, и губы его шевелились, какъ будто онъ шепталъ молитву.

Врачъ посвящалъ каждому изъ 40—50 арестантовъ по 1 минутѣ. У однихъ была лихорадка, другіе страдали ревматизмомъ, нѣкоторые были въ послѣдней стадіи нажитой въ тюрьмѣ чахотки; всѣ они показались мнѣ достаточно больными, жалкими и слабыми для того, чтобы ихъ довезли до тюрьмы; но опытный глазъ врача сразу отличалъ мнимо-больныхъ и легко больныхъ и лишалъ ихъ права ѣхать въ телѣгѣ. Наконецъ докторъ доложилъ начальнику тюрьмы, что 25 человѣкъ не могутъ дойти пѣшкомъ до города. Телѣги были поданы, больныхъ и женщинъ съ грудными младенцами разсадили въ нихъ, и при командѣ „Стройся!“ арестанты, гремя цѣпями, выстроились передъ навѣсомъ; солдаты, взявъ ружья на плечо, со всѣхъ сторонъ окружили арестантовъ; г. Папеляевъ, начальникъ пересыльнаго управленія, сталъ на стулъ и крикнулъ:

— Ну, ребята, имѣете ли вы что-либо сказать или на что-нибудь пожаловаться?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе — гаркнула сотня голосовъ.

— Ну, тогда съ Богомъ!

Солдаты раскрыли деревянныя ворота двора, унтеръ-офицеръ крикнулъ: „Шагомъ маршъ!“, и, подъ звонъ цѣпей, вся колонна тихо двинулась по грязной дорогѣ.

Какъ только представился случай, полковникъ Ягодкинъ познакомилъ насъ съ г. Папеляевымъ, который до сихъ поръ былъ занятъ, такъ какъ на его обязанности лежалъ пріемъ и отправленіе ссыльныхъ, забота объ арестантской одеждѣ, а также провѣрка и удостовѣреніе ихъ документовъ. Г. Папеляевъ, худой высокій господинъ, съ жесткимъ, холоднымъ выраженіемъ лица, вѣжливо поклонился намъ, но, повидимому, не особенно былъ радъ нашему присутствію и не былъ склоненъ дать намъ разрѣшеніе на осмотръ судна.

— Съ какой цѣлью эти господа хотятъ осматривать баржу? — спросилъ онъ полковника Ягодкина довольно грубо.

— Тамъ нечего смотрѣть, да къ тому же это не во́-время, такъ какъ сейчасъ женщины купаются.

Полковникъ Ягодкинъ зналъ, однако, что у меня было сильное желаніе посмотрѣть, въ какомъ состояніи находилась плавучая тюрьма послѣ того, какъ ее оставили арестанты; поэтому, онъ представилъ насъ конвойному офицеру и еще разъ попросилъ разрѣшить намъ осмотрѣть баржу. На этотъ разъ просьба увѣнчалась успѣхомъ, и конвойный офицеръ вызвался даже провожать насъ. Баржа была, повидимому, та же, которую я два мѣсяца тому назадъ осматривалъ въ Тюмени. Тогда она блистала чистотой и воздухъ въ камерахъ былъ чистый и свѣжій; теперь же она напоминала огромную клѣтку звѣринца, только что покинутую дикими звѣрями. Баржа, пожалуй, не была грязнѣе, чѣмъ слѣдовало ожидать. Полъ былъ покрытъ высохшими испражненіями и притоптанными остатками ѣды; нары, черныя и грязныя, были засыпаны грязными бумажками; при мрачномъ освѣщеніи пасмурнаго дня эти темныя камеры съ маленькими рѣшетчатыми люками, загрязненными каломъ полами и зачумленной атмосферой, разсказывали ужасающую исторію человѣческаго горя.

По офиціальному отчету пересыльнаго управленія въ 1882 году число перевезенныхъ на тюремныхъ баржахъ простиралось до 10.245 человѣкъ; изъ нихъ въ пути заболѣло 279, умерло 22, а 80 опасно больныхъ были оставлены на разныхъ пристаняхъ или сданы въ Томскѣ. Не слѣдуетъ забывать, что эти случаи заболѣванія и смерти имѣли мѣсто въ теченіе приблизительно десятидневнаго путешествія. Если изъ населенія въ 10.245 душъ каждые десять дней заболѣвало бы 279 и 22 умирало, то за годъ это составило бы въ процентахъ 99 больныхъ и 8 умершихъ. Но болѣзни на тюремныхъ баржахъ часто вызывали гораздо больше опустошеній. Въ 1879 году между Тюменью и Томскомъ 724 арестанта, изъ которыхъ 51 умеръ; въ 1871 году изъ 9.416 перевезенныхъ заболѣло 1.140 и умерло 111. При такой цифрѣ смертности селеніе въ 4.000 жителей вымерло бы въ теченіе года. Ниже я привожу таблицу заболѣваній и смертности на тюремныхъ баржахъ между Тюменью и Томскомъ въ теченіе 1870—1884 годовъ. Цифры я выписалъ изъ офиціальныхъ отчетовъ и за точность выписки ручаюсь.

Годъ.	Количество перевезенныхъ.		Больные.		Умершіе.		Сданные больн.	
	Взрослые.	Дѣти.	Взросл.	Дѣти.	Взросл.	Дѣти.	Взросл.	Дѣти.
1870	7444	1492	—		85		—	
1871	8202	1214	1140		111		801	
1872	7246	1098	486		30		70	
1873	7923	1090	673		23		190	
1874	8068	1269	574		21		196	
1875	7771	1301	579		16		115	

Годъ.	Количество. перевезенныхъ.		Больные.		Умершіе.		Сданные больн.	
	Взрослые.	Дѣти.	Взросл.	Дѣти.	Взросл.	Дѣти.	Взросл.	Дѣти.
1876	8878	1455	492	121	2	19	119	24
1877	9065	1499	300	133	2	35	143	44
1878	8749	1688	193	151	2	27	216	38
1879	8977	1342	570	154	4	47	182	39
1880	8844	1425	391	138	2	23	85	21
1881	9011	1452	197	22	4	23	71	23
1882	8832	1413	202	77	4	18	62	18
1883	9506	1543	150	107	4	38	66	37
1884	9004	1688	103	113	1	28	67	55
	127520	20969	2598 3452 1016		25 286 258		1011 872 299	
	148489		7066		569		2182	

Какъ видно изъ этихъ статистическихъ данныхъ, общее состояніе здоровья арестантовъ на баржахъ съ теченіемъ времени улучшилось: число заболѣваній и смертей убавилось. Цифра смертности падаетъ преимущественно на дѣтей, обладающихъ меньшею способностью противодѣйствія лишеніямъ и невзгодамъ жизни на транспортныхъ судахъ. Я съ охотою удостовѣряю, что инспекторъ пересыльнаго управленія и сибирская мѣстная администрація дѣлаютъ все, отъ нихъ зависящее, чтобы какъ можно болѣе облегчить для ссыльныхъ путешествіе между Тюменью и Томскомъ. Баржи послѣ каждой поѣздки тщательно чистятся и выкуриваются и арестованныхъ стараются кормить какъ можно лучше на тѣ скудныя средства, которыя отпускаются правительствомъ для этой цѣли. Тѣ же страданія и болѣзни, которыя еще имѣютъ мѣсто на баржахъ, являются слѣдствіемъ ихъ переполненія, а противъ этого сибирскія власти безсильны. Каждое лѣто прибываетъ въ Тюмень 10.000—12.000 ссыльныхъ, и чиновники должны, пока открыта навигація, отправлять ихъ дальше въ восточномъ направленіи, какъ только умѣютъ. Въ ихъ распоряженіи имѣются только 3 баржи, которыя, пока рѣки свободны ото льда, могутъ совершить не болѣе 18 рейсовъ, — и такимъ образомъ чиновники вынуждены каждый разъ помѣщать на баржу 600—800 ссыльныхъ.

Въ среду, 18 го августа, было назначено посѣщеніе томской пересыльной тюрьмы. Исполнявшій обязанности губернатора въ послѣдній моментъ сообщилъ мнѣ, что не можетъ сопровождать меня. Наша компанія состояла изъ полковника Ягодкина, г. Папеляева, конвойнаго офицера баржи, г. Фроста и меня. Былъ одинъ изъ тѣхъ холодныхъ, сѣрыхъ, сумрачныхъ дней, столь частыхъ позднимъ лѣтомъ въ западной Сибири, когда небо со своими свинцовыми неподвижными тучами, какъ балдахинъ, виситъ надъ землей и черезъ

тундры съ полярнаго моря дуетъ рѣзкій вѣтеръ. Было такъ холодно и сыро, что мы во время поѣздки въ восточную часть города должны были одѣться въ пальто.

При первомъ взглядѣ на томскую пересыльную тюрьму стало ясно, что она существенно отличается отъ всѣхъ сибирскихъ до сихъ поръ осмотрѣнныхъ нами тюремъ. Вмѣсто большого бѣлаго трехэтажнаго зданія съ узкими сводчатыми окнами и красной крыши, какъ мы ожидали, мы увидѣли передъ собой нѣчто, имѣвшее видъ укрѣпленнаго лагеря, предназначеннаго для полка солдатъ, или незначительнаго поселка въ преріяхъ, который для защиты отъ враждебныхъ индѣйцевъ окруженъ высокимъ частоколомъ изъ заостренныхъ бревенъ. Кромѣ будокъ для часовыхъ на углахъ и медленно ходившихъ взадъ и впередъ часовыхъ, ничто не напоминало о тюрьмѣ. Это была просто площадь въ 3 морга, расположенная на открытомъ лугу за городомъ и обнесенная частоколомъ, изъ-за заостренныхъ верхушекъ котораго виднѣлись пирамидальная колокольня и 15 — 20 крышъ деревянныхъ домовъ. Звонъ цѣпей, который доносился до насъ, когда мы подошли къ деревяннымъ воротамъ тюрьмы, разсѣялъ бы всѣ сомнѣнія относительно назначенія этого мѣста, если бы мы вообще имѣли подобныя сомнѣнія.

После того, какъ г. Папеляевъ черезъ дежурнаго офицера доложилъ о насъ, появился начальникъ тюрьмы, молодой офицеръ небольшого роста съ приземистой фигурой, по фамиліи Иваненко, и попросилъ насъ войти въ обширный дворъ тюрьмы. На немъ, вокругъ церкви, безъ особенной правильности, были расположены 12 — 15 одноэтажныхъ деревянныхъ домовъ. У дверей большинства зданій стояли вооруженные часовые; по немощенымъ промежуткамъ между зданіями сотни арестантовъ и „поселенцевъ“ совершали свою обычную ежедневную прогулку или сидѣли на голой землѣ. Самыя тюремныя зданія представляли собою длинные одноэтажные, похожіе на бараки деревянные дома; окна ихъ были снабжены сильными рѣшетками, а массивныя деревянныя двери запирались желѣзными висячими замками. Каждое зданіе образуетъ „казарму“, т.-е. отдѣленіе тюрьмы; каждая казарма раздѣлена поперечнымъ коридоромъ на двѣ камеры. Вся тюрьма состояла изъ 8 такихъ казармъ, или деревянныхъ зданій, и каждая была предназначена для 190 заключенныхъ съ 4⁴/₅ кубическихъ футовъ воздуха на человѣка. Всѣ онѣ были одинаковы и казались мнѣ имѣющими въ длину 75 футовъ, въ ширину 40 футовъ и въ высоту 12. Первая камера, въ которую мы вошли, была, вѣроятно, около 40 кв. футовъ и содержала 150 заключенныхъ. Въ ней было довольно свѣта, но воздухъ былъ до невозможности испорченъ, и жара на 15—20° превышала температуру наружнаго воздуха. Два двойныхъ ряда наръ тянулись вдоль стѣнъ, но на нихъ было мѣсто едва ли для половины, занимавшихъ камеру, а остальные должны были спать подъ нарами или въ промежуткѣ между нарами, прямо на полу, безъ подушекъ, одѣялъ или какихъ бы то ни было постельныхъ принадлежностей. Полъ въ ожиданіи нашего посѣщенія былъ вычищенъ, но начальникъ разсказывалъ, что обыкновенно, особенно

въ дождливую погоду полъ покрытъ грязью, приносимою арестантами со двора на ногахъ, и что они массами должны ложиться въ эту грязь для сна. Многіе арестанты принимали насъ за офицеровъ или инспекторовъ изъ Петербурга и нарушали, несмотря на присутствіе начальника, первое правило тюремной дисциплины, жалуясь намъ на жару, плохой воздухъ и ужасное переполненіе камеръ, которое дѣлало абсолютно невозможнымъ движеніе днемъ и покой ночью. Я жалѣлъ эти несчастныя существа, но могъ имъ только сказать, что мы не чиновники и что не въ нашей власти что либо для нихъ сдѣлать.

Около часа ходили мы изъ одной казармы и камеры въ другую, и вездѣ находили то же переполненіе, тотъ же неописуемо скверный воздухъ, ту же отвратительную вонь, тѣ же сбившіяся толпы арестантовъ въ сѣрыхъ халатахъ. Послѣ этого г. Папеляевъ, вообще, повидимому, желавшій, какъ можно, скорѣе покончить съ осмотромъ, заявилъ, что больше смотрѣть нечего, развѣ только кухню и госпиталь; относительно послѣдняго онъ высказалъ увѣренность, что мы откажемся итти туда, такъ какъ тамъ лежитъ 70—80 тяжело больныхъ тифомъ. Молодой конвойный офицеръ съ баржи, ревностно поддерживавшій полковника Ягодкина въ его стараніяхъ основательно познакомить насъ съ тюрьмой, спросилъ начальника тюрьмы, не покажетъ ли онъ намъ семейныя камеры и „балаганы“.

— Охотно,—сказалъ начальникъ тюрьмы,—я покажу вамъ, господа, все, что вы только захотите видѣть.

О „балаганахъ“ я еще ничего не слыхалъ, и г. Папеляевъ, который объявилъ себя въ нѣкоторомъ родѣ нашимъ проводникомъ, такъ же охотно удержалъ бы насъ отъ ихъ осмотра, какъ ранѣе отъ посѣщенія баржи.

Три „балагана“ представляли собою длинныя низкія палатки, на скорую руку сколоченныя изъ неотдѣланныхъ сосновыхъ досокъ и по бокамъ обтянутыя тонкимъ бѣлымъ холстомъ. Въ нихъ помѣщались исключительно семьи и женщины съ дѣтьми. Первая палатка была окружена рвомъ, наполовину наполненнымъ испражненіями, въ который изъ-подъ полотнища стекала какая-то зловонная жидкость. Оконъ въ ней не было, и свѣтъ проникалъ внутрь только сквозь полотнища. Едва ли можно себѣ представить картину человѣческаго горя, болѣе заслуживающую сожалѣнія, чѣмъ та, которая развернулась передъ нашими глазами, когда мы вошли въ палатку! Она была буквально набита сотнями мужчинъ съ ввалившимися глазами, изможденныхъ женщинъ и плачущихъ дѣтей; во всевозможныхъ положеніяхъ лежали и стояли они на длинныхъ деревянныхъ нарахъ. Чрезъ щели въ крышѣ можно было видѣть небо; доски пола были съ изъянами; заключенные наполнили ямы въ полу помоями и экскрементами; вонь увеличивалась еще отъ присутствія большого числа грудныхъ младенцевъ, которые не могли здѣсь пользоваться необходимымъ уходомъ. Вдобавокъ здѣсь на всѣхъ поперечныхъ балкахъ было развѣшено мокрое бѣлье, выстиранное въ походныхъ котлахъ. Въ узкихъ проходахъ были наброшены кучи сѣрыхъ мѣшковъ, связокъ, постельныхъ принадлежностей и всевозможнаго домашняго скарба,

и въ этомъ хаосѣ безпорядка и нужды сотни человѣческихъ существъ, сбитыхъ въ такую кучу, что не могли сдѣлать ни одного движенія, не толкая другъ друга, пытались запиматься повседневными дѣлами. Въ трепетъ приводила мысль, что въ такой обстановкѣ, среди такого горя, заставляютъ жить множество женщинъ и дѣтей, которыя не совершили никакого преступленія, а только изъ любви и привязанности сопровождаютъ въ ссылку мужей, отцовъ или братьевъ.

Многіе изъ этихъ несчастныхъ осадили насъ жалобами и просьбами.

— Ваше благородіе,— обратился къ начальнику тюрьмы изможденный человѣкъ съ впалыми глазами, — здѣсь ночью изъ-за холода, тѣсноты и дѣтскаго крика нельзя сомкнуть глазъ; развѣ этого нельзя измѣнить?

— Нѣтъ, братецъ,— отвѣтилъ ласково начальникъ,— я ничего не могу сдѣлать. Скоро ты поѣдешь дальше, и тогда будетъ лучше.

— Дай Богъ!— вздохнулъ несчастный, бросивъ грустный взглядъ на жену и дочь, сидѣвшихъ рядомъ съ нимъ на нарѣ.

— Батюшка, благодѣтель! — взывала бѣдная женщина съ ребенкомъ на рукахъ,— разрѣшите же мнѣ, ради Бога, спать съ ребенкомъ въ банѣ.

— Нельзя, матушка, — отозвался начальникъ, — здѣсь тебѣ лучше.

Нѣсколько другихъ женщинъ повторили ту же просьбу и получили такой же отказъ. Не удержавшись, я, наконецъ, спросилъ начальника тюрьмы, добродушнаго по виду человѣка, почему онъ не можетъ разрѣшить нѣсколькимъ женщинамъ съ грудными дѣтьми ночевать въ банѣ въ виду того, что здѣсь и днемъ уже холодно, а ночью, должно-быть, еще холоднѣе, такъ какъ холстъ пропускалъ холодный ночной воздухъ.

— Это невозможно,— возразилъ начальникъ:— въ банѣ черезчуръ жарко и сыро. Я уже дѣлалъ такія попытки, но за ночь умирали одинъ-два ребенка, и я долженъ былъ это прекратить.

Выйдя изъ балагана, мы натолкнулись на г. Папеляева, который велъ серьезный разговоръ съ ссыльнымъ лѣтъ 35, красивымъ мужчиной съ бѣлокурой бородой, съ чертами лица, выражавшими упорство и отчаяніе.

— Я за нѣсколько мѣсяцевъ получилъ только одну рубаху, — говорилъ ссыльный съ дрожаніемъ въ голосѣ, — она загрязнилась, вся въ лохмотьяхъ и кишитъ насѣкомыми.

— Когда тебя отправятъ дальше,— хладнокровно отвѣтилъ г. Папеляевъ, — ты получишь другую.

— Но когда же это будетъ? — спросилъ ссыльный еще болѣе возбужденно,— можетъ-быть черезъ 3 мѣсяца?

— Весьма возможно,—отозвался г. Папеляевъ холодно, но съ затаеннымъ гнѣвомъ, замѣтивъ, что мы слышимъ ихъ разговоръ.

— Итакъ, вы требуете, чтобы мы носили рубахи, до тѣхъ поръ, пока онѣ не свалятся!— воскликнулъ ссыльный со злобой и отчаяніемъ.

— Молчать! — крикнулъ г. Папеляевъ, потерявъ все самообладаніе. — Какъ ты смѣешь такъ со мной разговаривать! Я велю тебя выпороть. Рубаху ты получишь только тогда, когда уйдешь отсюда, но не раньше. Пошелъ вонъ!

Краска гнѣва залила лицо ссыльнаго, но онъ овладѣлъ собой, молча отвернулся и ушелъ въ балаганъ.

— До какихъ поръ женщины и дѣти должны будутъ оставаться въ этихъ палаткахъ?— спросилъ я начальника.

— До второго октября, отвѣтилъ онъ.

— Куда же ихъ переводятъ затѣмъ?

Начальникъ только пожалъ плечами и молчалъ[1]).

Мы направились въ семейную казарму въ одномъ изъ деревянныхъ зданій. И здѣсь были тотъ же самый безпорядокъ и та же нужда, что и въ балаганахъ, съ той только разницей, что стѣны были изъ дерева и такой же скверный воздухъ былъ теплѣе. Повсюду лежали, сидѣли, стояли мужчины, женщины и дѣти, занимая каждый квадратный футъ камеры. Такъ какъ я уже довольно насмотрѣлся этихъ ужасовъ, то я попросилъ начальника провести насъ въ госпиталь, двухъэтажное деревянное зданіе возлѣ церкви. Въ дверяхъ мы встрѣтились съ тюремнымъ врачомъ, докторомъ Оржешко; родомъ онъ былъ полякъ, съ широкими плечами и добродушнымъ лицомъ.

Больница ни въ чемъ существенномъ не отличалась отъ тюменской тюремной больницы; она находилась въ особомъ зданіи и, повидимому, содержалась въ лучшемъ порядкѣ. Первоначально она предназначалась на 50 кроватей, но вслѣдствіе переполненія тюрьмы пришлось поставить 150 кроватей, и все-таки еще около 50 больныхъ лежали на скамьяхъ или на полу. Въ день нашего посѣщенія въ лазаретѣ находилось 193 больныхъ, изъ которыхъ 71 было тифозныхъ. Въ отдѣленіяхъ больницы, несмотря на переполненіе, поддерживалась сравнительная чистота; постельное бѣлье было свѣжее, и воздухъ былъ не такъ дуренъ, какъ въ больницѣ. Изъ дощечекъ, прикрѣпленныхъ надъ узкими кроватями, было видно, что среди заключенныхъ, преимущественно, распространены тифъ, цынга, дизентерія, ревматизмъ, малокровіе и бронхитъ. Нѣсколько женщинъ, въ возрастѣ 25—35 лѣтъ, ухаживали за больными; у многихъ изъ нихъ были интеллигентныя лица; онѣ принадлежали, повидимому, къ образованному классу и были, вѣроятно, студентки-медички.

Осмотрѣвъ всю тюрьму такъ подробно, какъ только позволяли обстоятельства, мы поблагодарили начальника, г. Иваненко, за дружеское къ намъ отношеніе и за оказанное имъ довѣріе и вернулись въ гостиницу. Сонъ въ эту ночь долго не смыкалъ моихъ глазъ, а когда я, наконецъ, задремалъ, мнѣ снились переполненные балаганы, мертвые младенцы въ банѣ и напоминающія привидѣнія лица въ больницѣ томской пересыльной тюрьмы.

Такъ какъ для меня важно дать читателю, по возможности, ясное представленіе о томъ невыразимомъ, адскомъ ужасѣ, который возбуждаетъ система ссылки въ массѣ людей, то мнѣ кажется необходи-

---

[1]) На обратномъ пути я узналъ, что въ концѣ октября 200 женщинъ и дѣтей были помѣщены въ самомъ городѣ въ домѣ, нанятомъ для этой цѣли, а 1000 или 1500 другихъ ссыльныхъ были переведены изъ пересыльной тюрьмы въ двѣ городскія тюрьмы. Эти мѣры необходимо было принять въ виду опустошительной эпидеміи тифа въ пересыльной тюрьмѣ.

мымъ прибавить еще нѣсколько словъ о состояніи томской пересыльной тюрьмы спустя два мѣсяца послѣ только что описаннаго мною посѣщенія

По возвращеніи изъ восточной Сибири, въ февралѣ, тюремный врачъ, докторъ Оржешко, подробно разсказывалъ мнѣ, что послѣ нашего отъѣзда число арестантовъ все увеличивалось, и это еще болѣе ухудшило состояніе тюрьмы.

— Вы, — сказалъ онъ, — не въ состояніи себѣ представить, что тутъ дѣлалось въ ноябрѣ. Въ теченіе года насчитывалось 2400 больныхъ; одновременно бывало по 450 больныхъ — и это при 150 кроватяхъ! 300 тяжело больныхъ мужчинъ и женщинъ лежали рядами на полу, и даже для того, чтобы ихъ помѣстить такимъ образомъ, мы должны были класть ихъ такъ близко другъ къ другу, что я не могъ проходить между ними. Никто изъ нихъ не могъ кашлянуть, никого не могло вырвать безъ того, чтобы не запачкать сосѣда. Воздухъ въ больничныхъ палатахъ былъ до того испорченъ, что я во время утренняго осмотра больныхъ по нѣсколько разъ падалъ въ обморокъ. Чтобы хоть немного освѣжать воздухъ, мы должны были оставлять окна открытыми, а такъ какъ зима уже началась, то на полу, гдѣ лежали больные, мы никогда не могли поднять температуры выше 5°—6° R. Болѣе 25% арестантовъ были постоянно больны, и болѣе 10% больныхъ умерло[1]).

— Какъ долго тянется это ужасное положеніе? — спросилъ я.

— Уже 15 лѣтъ, какъ я здѣсь, — отвѣчалъ докторъ Оржешко, — и за все это время почти всегда было такъ же[2]).

— Знаетъ объ этомъ петербургское правительство?

---

[1]) Отчетъ инспектора пересыльнаго управленія показываетъ, какъ быстро увеличивалось число больныхъ по мѣрѣ возрастанія переполненія тюрьмы:

1885 г.	Среднее число ежедневныхъ заболѣваній.	Процентное отношеніе числа больныхъ къ общему числу заключенныхъ.
Іюнь	108	5,6
Іюль	170	6,9
Августъ	189	7,1
Сентябрь	242	9,6
Октябрь	356	15,4
Ноябрь	408	23,2

Число больныхъ возрастало въ теченіе зимы, пока въ мартѣ-мѣсяцѣ не достигло высшей цифры — 40,7%; такимъ образомъ, половина всѣхъ заключенныхъ была больна. (Отчетъ инспектора пересыльнаго управленія за 1885 годъ, стран. 30).

[2]) Изъ отчета медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ видно, что въ 1882 г. въ томской пересыльной тюрьмѣ лечилось больныхъ тифомъ 1268 человѣкъ, дифтеритомъ, корью и оспой—1311 чел.

— Каждый годъ ему объ этомъ сообщалось: я совѣтовалъ сжечь госпиталь томской пересыльной тюрьмы, такъ какъ онъ до того пропитался заразой, что имъ не слѣдовало бы больше пользоваться. Мы должны были представить въ тюремный отдѣлъ планы новой больницы; они вернулись для кое-какихъ передѣлокъ: мы ихъ выполнили, опять отправили, — а затѣмъ все осталось постарому.

Это откровенное сообщеніе не нуждается въ комментаріяхъ. Смѣло опираясь на все это, цивилизація и гуманность могутъ возвысить свой обличительный голосъ противъ томской пересыльной тюрьмы.

VII.

Политическіе ссыльные и уголовные преступники въ Томскѣ.

— Какимъ образомъ вы получали доступъ въ сибирскіе тюрьмы и этапы? Какъ вамъ удавалось повсюду завязывать знакомства съ политическими ссыльными и пользоваться столькими офиціальными документами и отчетами? Знала ли мѣстная администрація, какую цѣль вы преслѣдовали, и если знала, то почему она не воспрещала вамъ заниматься своими изслѣдованіями или, по крайней мѣрѣ, не ставила вамъ больше препятствій въ вашемъ дѣлѣ?

На эти и подобные вопросы, которые часто предлагались мнѣ по возвращеніи изъ Россіи, я не могу дать вполнѣ удовлетворительныхъ отвѣтовъ, такъ какъ не знаю, какія инструкціи относительно насъ получали мѣстныя власти свыше и какъ сибирская полиція смотрѣла на наше поведеніе. Однако, я могу ознакомить читателей съ нашей тактикой и съ тѣми мѣрами, которыя мы принимали съ цѣлью отвлечь отъ себя всякое подозрѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ укажу на тѣ соображенія, по которымъ сибирскіе чиновники не выказывали къ намъ враждебности.

Во-первыхъ, я думаю, что высокопоставленныя лица, у которыхъ я на аудіенціяхъ просилъ разрѣшенія осматривать тюрьмы и изучать систему ссылки, размышляли, приблизительно, такъ: „Не умно, да и невозможно не давать иностранцамъ знакомиться съ Сибирью: американцы, какъ и европейцы, не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не освѣтятъ ссылку со всѣхъ сторонъ; если мы будемъ препятствовать имъ въ этомъ, то они станутъ утверждать, что это дѣлается изъ страха передъ разоблаченіями. Г-нъ Кеннанъ — расположенный къ намъ изслѣдователь; въ докладѣ Американскому географическому обществу онъ защищалъ насъ и нашу систему ссылки и открыто принялъ нашу сторону противъ нигилистовъ. Главная цѣль его путешествія по Сибири состоитъ, повидимому, въ томъ, чтобы отыскать факты, которые могли бы усилить его хорошее мнѣніе о насъ. При такихъ условіяхъ онъ не будетъ смотрѣть на все пессимистически; поэтому,

если ужъ кому-нибудь ѣхать въ Сибирь и осматривать наши тюрьмы, то пусть лучше ѣдетъ именно г. Кеннанъ, чѣмъ кто-либо другой[1]).

Г-нъ Ландсдель далъ въ общемъ благопріятный отзывъ о русской системѣ наказаній, и мы имѣемъ полныя основанія предполагать, что г. Кеннанъ, питающій къ намъ дружеское расположеніе, послѣдуетъ его примѣру. Сообщенія этихъ обоихъ путешественниковъ удовлетворятъ любопытство западнаго міра, положатъ конецъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ и заставятъ умолкнуть заграничную критику. Разъ англійскій священникъ и американскій публицистъ послѣ личнаго ознакомленія съ ссылкой на мѣстѣ объявятъ, что она не представляетъ ничего ужаснаго, то весь міръ встрѣтитъ этотъ приговоръ спокойно. Въ виду всего этого, мы можемъ позволить гг. Кеннану и Фросту отправиться въ Сибирь и дадимъ имъ рекомендательныя письма; но разрѣшеніе на осмотръ тюремъ они всякій разъ должны будутъ получать отъ мѣстной администраціи. Далѣе, если намъ покажется необходимымъ и желательнымъ, мы всегда можемъ тайно лишить ихъ этого права. Конечно, можно опасаться, что они встрѣтятся съ политическими ссыльными, но, повидимому, и г. Кеннанъ и г. Фростъ уже предубѣждены противъ нихъ, при чемъ мы можемъ еще болѣе укрѣпить ихъ въ этомъ мнѣніи, познакомивъ ихъ съ г. Катковымъ и поручивъ послѣднему внушить имъ правильное представленіе о политическихъ преступникахъ. Если же тѣмъ не менѣе ихъ сношенія съ политическими преступниками сдѣлаются слишкомъ интимными, то мы можемъ ихъ предостеречь, а если понадобится, то и установить надъ ними полицейскій надзоръ".

Правда, вѣроятность изложеннаго хода мыслей высшихъ петербургскихъ властей основана только на моемъ предположеніи, но она вполнѣ подтверждается нашими сибирскими наблюденіями. Вездѣ ясно обнаруживалось, что усмотрѣнію мѣстной администраціи было предоставлено право дать или не дать намъ разрѣшеніе на осмотръ тюремъ, и что она руководилась при этомъ личными взглядами и впечатлѣніями. Поэтому для насъ было чрезвычайно важно пріобрѣсти довѣріе сибирскихъ чиновниковъ и избѣгать во время нашихъ изслѣдованій политической ссылки всего, что только могло привлечь ихъ вниманіе и вызвать подозрѣніе. Девять десятыхъ городовъ и поселковъ, черезъ которые пролегалъ нашъ путь, были соединены съ Петербургомъ телеграфомъ. Если бы полиція открыла, что мы систематически отыскиваемъ политическихъ ссыльныхъ и что одна колонія ссыль-

---

[1]) Г-нъ Влангалли, секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ, читалъ докладъ, который я дѣлалъ въ Американскомъ географическомъ обществѣ о Сибири и ссылкѣ, — и тѣ разсужденія, которыя я ему здѣсь приписываю, онъ вполнѣ могъ почерпнуть изъ открыто и ясно высказаннаго мною мнѣнія. Я ему не обѣщалъ выступать защитникомъ русскаго правительства, но увѣрилъ его, что не имѣю намѣренія писать впослѣдствіи сенсаціонные разсказы, что ссылка, на мой взглядъ, описана слишкомъ черными красками и что безпристрастное описаніе дѣйствительнаго положенія дѣлъ было бы въ интересахъ какъ всего цивилизованнаго міра, такъ и самого русскаго правительства. Эти слова точно выражали мое тогдашнее мнѣніе, и я не могу уличить себя ни въ малѣйшей дозѣ лицемѣрія.

ныхъ снабжаетъ насъ рекомендательными письмами къ другой, то она могла телеграфировать министру внутреннихъ дѣлъ: „Кеннанъ и Фростъ вездѣ завязываютъ сношенія съ административно сосланными и съ государственными преступниками; соотвѣтствуетъ ли видамъ правительства допускать это?“—и такая телеграмма, по всей вѣроятности, повлекла бы за собой официальное предостереженіе или болѣе строгій надзоръ за нами и во всякомъ случаѣ сильно помѣшала бы выполненію нашего плана. Наши открытые листы могли насъ предохранить лишь отъ вмѣшательства по собственной инициативѣ со стороны мѣстной администраціи, но никоимъ образомъ не отъ ареста или обыска, предписаннаго по телеграфу изъ Петербурга. Эта телеграфная линія почти круглый годъ висѣла надъ нашими головами, какъ электрическій дамокловъ мечъ, угрожавшій каждую минуту сорваться и положить конецъ нашему предпріятію.

До нашего прибытія въ Усть-Каменогорскъ мы не имѣли никакихъ столкновеній съ полиціей, и наши сношенія съ политическими ссыльными не подвергались никакому ограниченію, но такъ какъ у насъ постепенно накоплялось все больше и больше писемъ и документовъ, которые, при обыскѣ у насъ, могли бы выдать ихъ авторовъ и посредниковъ по передачѣ, то мы сочли необходимымъ всячески маскировать нашъ интересъ къ политическимъ и одновременно поддерживать самыя лучшія отношенія съ мѣстной администраціей. Избѣгать полиціи, какъ будто мы ея боимся или желаемъ что-либо скрыть отъ нея, — казалось мнѣ опасной ошибкой. По-моему, было болѣе безопаснымъ дѣйствовать открыто и смѣло, и потому я рѣшилъ въ каждомъ селеніи первымъ дѣломъ дѣлать визитъ исправнику или высшему мѣстному полицейскому чиновнику и, не дожидаясь его разспросовъ, сообщать ему всѣ данныя о нашихъ планахъ, намѣреніяхъ и знакомить его съ исторіей нашего путешествія прежде, чѣмъ онъ успѣетъ заподозрить насъ въ чемъ-либо или даже узнаетъ о нашемъ прибытіи. Когда мы познакомились съ политическими, для насъ стало весьма легко получать полныя характеристики того чиновника, котораго мы намѣревались посѣтить, а это давало намъ въ руки большой козырь. Нашъ чиновникъ не зналъ о насъ ничего и могъ ближе ознакомиться съ нами только послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго общенія, въ то время какъ мы, будучи о немъ уже вполнѣ освѣдомлены, могли принимать въ расчетъ всѣ особенности его характера, поддѣлываться подъ его вкусъ, избѣгать опасныхъ темъ для разговора и направлять бесѣду на такіе предметы, относительно которыхъ у насъ не могло возникнуть разногласій; такимъ образомъ онъ пріобрѣталъ убѣжденіе, что мы не только славные парни, но и люди, на рѣдкость проницательные, — да такъ было и на самомъ дѣлѣ. Мы взяли себѣ за правило посѣщать всѣхъ чиновниковъ, въ знакъ высокаго уваженія къ ихъ чину и положенію, не иначе, какъ въ сюртукѣ; при случаѣ мы пили съ ними водку до тѣхъ поръ, пока все уже двоилось въ нашихъ глазахъ, ухаживали за ихъ супругой; г. Фростъ рисовалъ ихъ дѣтей, — и въ девяти случаяхъ изъ десяти, по прошествіи 48 часовъ, довѣріе и дружба начальства были пріобрѣтены.

Дальнѣйшіе шаги наши въ этомъ направленіи состояли, во-первыхъ, въ томъ, чтобы уничтожить всякое подозрѣніе въ умахъ низшихъ полицейскихъ чиновъ, для чего мы какъ можно чаще публично показывались въ обществѣ ихъ начальства; во-вторыхъ, въ томъ, чтобы въ глазахъ сельскихъ обывателей какъ можно чаще подтверждать мнимую цѣль нашего путешествія, и съ этой цѣлью мы посѣщали школу, гдѣ въ присутствіи учениковъ дѣлали замѣтки въ своихъ записныхъ книжкахъ и просили учителей дать намъ статистическій матеріалъ о народномъ образованіи. Выполненіе этой военной хитрости, большею частью, выпадало на мою долю, въ то время, какъ г. Фростъ привлекалъ на себя общественное вниманіе тѣмъ, что дѣлалъ на улицахъ эскизы, собиралъ растенія, ловилъ бабочекъ или читалъ содержателямъ почтовыхъ дворовъ и крестьянамъ цѣлыя лекціи по географіи, космографіи и астрономіи. Послѣднее занятіе не только доставляло ему большое удовольствіе, но и оказалось прекраснымъ средствомъ удовлетворить любопытствующихъ и направить ихъ любознательность по вѣрному пути: въ общемъ, о насъ думали, что мы пріѣхали въ Сибирь съ научными цѣлями и интересуемся преимущественно народнымъ образованіемъ, искусствомъ, ботаникой, географіей и археологіей. Оградивъ себя такимъ образомъ со стороны полиціи и уплативъ дань любопытству народа, мы могли, безъ опасенія обратить на себя вниманіе, ходить туда, куда хотѣли, и каждый вечеръ 4—5 часовъ посвящать политическимъ ссыльнымъ. Если иногда кто-либо и видѣлъ, какъ мы входили въ домъ ссыльнаго, то онъ могъ объяснить это тѣмъ, что многіе изъ ссыльныхъ — люди науки, а мы путешествовали съ научною цѣлью. Когда мы подвинулись далѣе на востокъ, гдѣ за политическими слѣдили строже, мы приспособили нашу тактику къ измѣнившимся обстоятельствамъ, но вездѣ выступали смѣло и самоувѣренно, старались быть пріятными въ обществѣ мѣстныхъ чиновниковъ, выставляли какъ можно больше на показъ ту сторону нашей жизни, которая не боялась надзора, и оставляли въ тѣни другую сторону. Конечно, совершенно скрыть отъ глазъ полиціи наши сношенія съ политическими ссыльными мы не могли, но, думаю, никто не зналъ, насколько эти сношенія были обширны и важны для насъ. Во всякомъ случаѣ, дамокловъ мечъ въ видѣ телеграммы пощадилъ насъ и даже первое „предостереженіе“ настигло насъ только въ Забайкальи.

Нашъ трудъ облегчали намъ во всѣхъ частяхъ Сибири интеллигентные честные чиновники, которые почти всѣ безъ исключенія осуждали ссылку или принципіально, или, по крайней мѣрѣ, въ ея современномъ видѣ. Часто они, повидимому, прямо-таки радовались случаю выяснить иностранному изслѣдователю всю негодность ссылки, какъ мѣры наказанія, и раскрыть передъ нимъ обманы, злоупотребленія и жестокости, которые она влечетъ за собой. Этого я не ожидалъ, и меня часто поражала смѣлость и откровенность такихъ чиновниковъ, какъ только они убѣждались, что могутъ мнѣ довѣриться.

— Ссылка доставляетъ мнѣ средства къ жизни, — сказалъ мнѣ одинъ высшій чиновникъ тюремнаго вѣдомства, — и мнѣ нечего жало-

ваться ни на свое положеніе, ни на доходы, но я охотно немедленно отказался бы отъ того и другого, если бы ссылка была отмѣнена; это несчастье для Сибири, гибель для арестантовъ и источникъ невыразимаго горя для всѣхъ. Но что же дѣлать? Если мы высказываемъ такое мнѣніе своему начальству въ Петербургѣ, то оно строго насъ преслѣдуетъ. Я научился дѣлать все, что въ моихъ силахъ, — и молчать.

— Я упорно посылалъ доклады о недостаткахъ и ужасномъ положеніи моего учрежденія, — говорилъ мнѣ другой чиновникъ, — и достигъ этимъ или очень немногаго, или не достигъ ровно ничего. Можетъ-быть, какія-либо мѣропріятія послѣдуютъ послѣ того, какъ вы опишете положеніе тюремнаго дѣла въ Сибири — мѣстная тюрьма не годится даже для содержанія собакъ, не говоря уже о людяхъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ я настаивалъ на постройкѣ новой, — и только безконечная переписка была результатомъ моихъ усилій.

По крайней мѣрѣ, двадцать чиновниковъ, занимавшихъ отвѣтственные посты на гражданской или военной службѣ, дѣлали мнѣ подобныя признанія; многіе изъ нихъ давали мнѣ статистическія и документальныя доказательства. Въ своемъ изслѣдованіи политической ссылки мы находили поддержку у лицъ, симпатизировавшихъ политическому и либеральному движенію. Правительство, вѣроятно, и не предполагаетъ, какъ распространена эта симпатія въ Сибири. Въ одномъ изъ сибирскихъ городовъ, въ частномъ домѣ я провелъ вечеръ на соціалистическомъ собраніи, гдѣ принимали участіе нѣсколько гласныхъ городской думы, 6—8 офицеровъ и всѣ мѣстные политическіе. Отношенія между офицерами и ссыльными были самыя дружественныя; тѣ и другіе говорили въ самомъ непринужденномъ либеральномъ тонѣ и хоромъ пѣли революціонныя пѣсни. Во многихъ мѣстахъ Сибири я наталкивался на подобныя проявленія „неблагонадежности“ и, по возвращеніи изъ азіатской Россіи, даже въ Петербургѣ находилъ чиновниковъ, которые симпатизировали политическимъ преступникамъ и добывали мнѣ копіи важныхъ бумагъ и документовъ.

Такимъ образомъ, изученіе системы ссылки вовсе не такъ уже трудно, какъ это можетъ казаться, въ особенности когда встрѣчаешь поддержку со стороны чиновниковъ, заинтересованныхъ въ наибольшемъ распространеніи правды, гражданъ втайнѣ сочувствующихъ борьбѣ за болѣе свободное будущее, и, наконецъ, политическихъ, которые сами собираютъ матеріалъ по ссылкѣ.

Въ Томскѣ я впервые встрѣтился съ политическими, которые принимали участіе въ такъ называемой пропагандѣ 1872—1875 годовъ, были сосланы по судебному приговору и могутъ быть названы революціонерами. Они отличались отъ административно сосланныхъ въ Семипалатинскѣ, Ульбинскѣ и Усть-Каменогорскѣ развѣ только тѣмъ, что дольше пробыли въ ссылкѣ и больше испытали въ своей жизни. Одинъ изъ нихъ, талантливый публицистъ, лѣтъ 35, Чудновскій, разсказывалъ мнѣ, что онъ первый разъ былъ арестованъ студентомъ въ возрастѣ 19 лѣтъ и почти всю свою жизнь провелъ подъ полицейскимъ надзоромъ, въ тюрьмѣ или въ ссылкѣ. До судебнаго разбирательства онъ просидѣлъ въ одиночномъ заключеніи 4 года и

3 мѣсяца, изъ нихъ 20 мѣсяцевъ — въ казематѣ Петропавловской крѣпости. Такъ какъ онъ протестовалъ противъ противозаконнаго обращенія въ этой тюрьмѣ и упорно настаивалъ на своемъ правѣ имѣть чернила, перо и бумагу для подачи жалобы министру внутреннихъ дѣлъ, то его сковали по рукамъ и по ногамъ и одѣли даже въ смирительную рубаху. Послѣ этого онъ отказывался отъ пищи до тѣхъ поръ, пока тюремный врачъ не объявилъ, наконецъ, его состояніе критическимъ. Тогда комендантъ, полковникъ Богородскій, уступилъ и приказалъ выдать ему письменныя принадлежности; жалоба, имъ поданная, осталась безъ отвѣта. Въ концѣ концовъ въ 1878 году Чудновскій, въ числѣ „193“, былъ обвиненъ во „ввозѣ вредныхъ книгъ“ и осужденъ на 5 лѣтъ каторги съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Въ виду продолжительности пребыванія подъ арестомъ до суда, судъ ходатайствовалъ передъ императоромъ о замѣнѣ этого наказанія безсрочной ссылкой въ западную Сибирь [1]).

Большинство людей было бы надломлено почти пятилѣтнимъ одиночнымъ заключеніемъ, но энергіи и мужества г. Чудновскаго нельзя было сломить. Несмотря на всѣ препятствія, онъ кончилъ университетъ и ему удалось даже въ Сибири найти себѣ занятія и пріобрѣсти извѣстность. Онъ написалъ прекрасную и тщательно обработанную исторію развитія школьнаго дѣла въ Сибири, которая появилась въ офиціальномъ „Ежегодникѣ“ Томской губерніи за 1885 годъ. По порученію западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Чудновскій совершилъ двѣ научныя экспедиціи на Алтай и былъ дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ русскихъ журналовъ, а его книга объ Енисейской губерніи была удостоена преміи Красноярской городской думы за лучшее описаніе этой губерніи [2]).

Во всякомъ свободномъ государствѣ г. Чудновскій сдѣлалъ бы полезную карьеру и оказалъ бы честь своему отечеству; къ сожалѣнію, онъ имѣлъ несчастіе родиться въ Россіи — и жизнь его прошла въ заключеніи и ссылкѣ.

Къ самымъ интереснымъ политическимъ ссыльнымъ, недавно прибывшимъ въ Томскъ, принадлежалъ г. К. Станюковичъ, издатель журнала „Дѣло“, исторію котораго я вкратцѣ уже разсказалъ, — глубокій и серьезный наблюдатель соціальной жизни Россіи, талантливый писатель-беллетристъ, пользующійся успѣхомъ драматургъ, словомъ, человѣкъ выдающихся способностей и весьма энергичный. Его жена, послѣдовавшая за нимъ въ Сибирь, говорила великолѣпно по-англійски и произвела на меня впечатлѣніе чрезвычайно образованной и одаренной женщины. Кромѣ взрослой дочери, красивой семнадцатилѣтней интеллигентной дѣвушки, у нихъ были еще дѣти помоложе. Въ ихъ уютной маленькой квартирѣ мы проводили самые лучшіе вечера въ Томскѣ. Часто мы далеко за полночь наслаждались дуэ-

---

[1]) Приговоръ суда по дѣлу „193“, стран. 5, 11 и 16. Офиціальная копія этого документа находится въ моемъ распоряженіи.

[2]) „Енисейская губернія“, — статистическій и политико-экономическій очеркъ С. Чудновскаго, стран. 195. Типографія „Сибирской Газеты“, Томскъ 1885 г.

тами, которые пѣли m-elle Станюковичъ и князь Кропоткинъ, обсуждали систему ссылки или дѣлились воспоминаніями о Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Нью-Йоркѣ и Санъ-Франциско. Супруги Станюковичъ были въ Соединенныхъ Штатахъ, и у насъ оказалось нѣсколько общихъ знакомыхъ и много общихъ воспоминаній. Г-нъ Станюковичъ добывалъ средства литературной работой, а жена облегчала ему борьбу за существованіе уроками музыки. Они были сосланы на 3 года, и если правительство не продолжило этого срока, они должны быть на свободѣ, когда появятся эти строки.

Самымъ привлекательнымъ и симпатичнымъ изъ томскихъ ссыльныхъ былъ для меня русскій писатель Феликсъ Волховской, который въ 1878 году былъ сосланъ на вѣчное поселеніе въ Сибирь за „принадлежность къ сообществу, поставившему своей цѣлью въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ свергнуть существующее правительство“. Когда я съ нимъ познакомился, ему было 38 лѣтъ; это былъ умный, гуманный, энергичный человѣкъ, хорошо владѣвшій англійскимъ языкомъ, прекрасно знакомый съ американской исторіей и литературой и большой поклонникъ Лонгфелло, стихотворенія котораго онъ перевелъ на русскій языкъ. Жизнь этого человѣка, заслуживающаго изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ людей наибольшей любви, представляла собой ужасную трагедію. Долгое заключеніе въ Петропавловской крѣпости разстроило его здоровье, преждевременно посеребрило его волосы; глубокая меланхолія свѣтилась въ его карихъ глазахъ. Я близко сошелся съ нимъ и полюбилъ его и, когда, по возвращеніи изъ восточной Сибири, послѣдній разъ прощался съ нимъ, онъ обнялъ меня, поцѣловалъ и сказалъ: „Георгій Ивановичъ, не забывай насъ! Ты съ собой уносишь часть моей жизни!“

Со времени моего возвращенія въ Америку я только одинъ разъ получилъ о немъ извѣстіе. Въ послѣднюю зиму онъ прислалъ мнѣ невыразимо грустное и трогательное письмо, въ которомъ извѣщалъ меня о самоубійствѣ своей жены. Онъ потерялъ свой заработокъ вслѣдствіе запрещенія либеральной томской „Сибирской Газеты“, и жена его, — хрупкая фигура и блѣдное печальное лицо которой въ эту минуту стоитъ передъ мною, — пыталась частными уроками и шитьемъ облегчить мужу заботу о маленькихъ дѣтяхъ. Нужда и переутомленіе надломили ея здоровье; больная тѣломъ и душой, она стала считать себя скорѣе обузой для мужа и дѣтей, чѣмъ опорой, и выстрѣломъ изъ револьвера покончила съ собой. Г-нъ Волховской горячо любилъ свою жену, и ея смерть была для него ужаснымъ ударомъ. Въ своемъ письмѣ онъ говорилъ о стихотвореніяхъ Джемса Русселя Ловельса, которыя я послалъ ему; одно изъ нихъ „After the burial“ („Послѣ похоронъ“), по его мнѣнію, ясно показываетъ что горе и тоска повсюду выражаются одинаково и что американскій поэтъ, покинутый своею женой, выразилъ сокровеннѣйшія мысли и чувства своего товарища по несчастію. Въ его письмо былъ вложенъ маленькій старый кожаный мѣшечекъ для спичекъ, нѣкогда подаренный княземъ Петромъ Кропоткинымъ его сосланному брату Александру, а по смерти послѣдняго доставшійся женѣ Волховского. На-

дѣюсь,—писалъ онъ,—что эта вещица имѣетъ нѣкоторую цѣнность для меня, такъ какъ была собственностью четырехъ политическихъ преступниковъ, которыхъ всѣхъ я зналъ лично. Одинъ изъ нихъ эмигрировалъ въ Лондонъ, другой былъ сосланъ въ Томскъ, а двое остальныхъ самоубійствомъ избѣгли русскаго правосудія.

Я хотѣлъ прочитать женѣ это письмо, но слезы душили меня при одномъ воспоминаніи объ этомъ благородномъ, достойномъ любви человѣкѣ, здоровье котораго расшаталось пребываніемъ въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ и на котораго, вмѣстѣ съ его малолѣтними дѣтьми обрушился еще и этотъ послѣдній тяжелый ударъ судьбы.

Русское правительство можетъ бросать такихъ людей, какъ Волховской, въ уединенные прочные казематы своихъ крѣпостей, гдѣ у нихъ сѣдѣютъ волосы, оно можетъ ссылать ихъ въ сѣрыхъ арестантскихъ халатахъ въ Сибирь, — но настанетъ время, когда въ анналахъ исторіи ихъ имена будутъ окружены ореоломъ великой славы, а повѣствованіе объ ихъ жизни и страданіяхъ послужитъ неизсякаемымъ источникомъ геройскаго воодушевленія для всѣхъ русскихъ, любящихъ свободу и отечество.

Въ Томскѣ мы впервые пережили нервное потрясеніе при видѣ безысходнаго человѣческаго горя. Нашъ путь въ западной Сибири и по Алтаю все время проходилъ въ сторонѣ отъ главнаго сибирскаго тракта; политическіе, съ которыми мы познакомились въ Семипалатинскѣ, Ульбинскѣ и Усть-Каменогорскѣ, пользовались хорошимъ обращеніемъ со стороны администраціи и, казалось, не страдали особенно, — и только въ Томскѣ мы узнали весь ужасъ жизни ссыльныхъ. Душевное волненіе, которое овладѣло нами съ этого момента и уже не покидало до той поры, пока мы на обратномъ пути не переѣхали сибирской границы, часто было труднѣе переносить, чѣмъ холодъ, голодъ и усталость. Кто могъ бы оставаться равнодушнымъ передъ лицомъ того ужаса, который мы видѣли въ „балаганахъ“ и въ больницѣ томской пересыльной тюрьмы? Кто могъ бы безъ глубочайшаго потрясенія выслушивать разсказы, которые пришлось намъ слышать отъ политическихъ въ Томскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ и Забайкальи? Я вспоминаю блѣдную, печальную, нѣжную женщину, сосланную въ восточную Сибирь, которую я видѣлъ при смерти. Она настояла на томъ, чтобы разсказать мнѣ о своихъ жизненныхъ страданіяхъ, хотя я охотно избавилъ бы ее отъ пытки еще разъ пережить свое ужасное прошлое; но міръ долженъ былъ черезъ мое посредство узнать, что переносятъ русскіе прежде, чѣмъ становятся террористами, и я выслушалъ самую печальную повѣсть изъ всѣхъ когда-либо мною слышанныхъ, грустный, тяжелый разсказъ, прерываемый слезами и рыданіями. Послѣ такихъ встрѣчъ, — а ихъ у меня было много, — я не могъ найти ни покоя, ни сна, — и душевныя волненія не меньше, чѣмъ лишенія и тягости путешествія, довели меня въ концѣ концовъ въ Забайкальи до серьезной болѣзни.

Прежде чѣмъ я оставилъ Томскъ, чтобы ѣхать въ восточную Сибирь, мое прежнее мнѣніе о нигилистахъ и ссылкѣ было въ корнѣ уничтожено.

Въ Томскѣ и во время нашего переѣзда изъ Томска въ Иркутскъ мы впервые имѣли благопріятный случай изучить жизнь сибирскихъ ссыльныхъ на ихъ переходахъ. Въ теченіе цѣлаго года партія ссыльныхъ въ 300—400 человѣкъ еженедѣльно отправляется изъ Томска въ Иркутскъ и приблизительно въ 3 мѣсяца проходитъ разстояніе въ 1580 верстъ Черезъ каждые 38—56 верстъ находится этапъ съ конвойной командой, состоящей изъ одного офицера, 2—3 унтеръ-офицеровъ, и, приблизительно, 40 солдатъ. Такъ какъ разстояніе отъ одного этапа до другого слишкомъ велико для того, чтобы скованные по ногамъ арестанты могли пройти его въ теченіе одного дня, то между этапами устроены еще полуэтапы, гдѣ ссыльные останавливаются на ночь. Партія ссыльныхъ въ мѣсяцъ проходитъ 500 верстъ и отдыхаетъ каждыя третьи сутки. На главномъ этапѣ конвой всегда смѣняется. Каждый арестантъ получаетъ въ день 10 коп. на свое содержаніе; онъ пріобрѣтаетъ на эти деньги все необходимое у крестьянъ, сдѣлавшихъ себѣ изъ этого промыселъ. Одежда ссыльнаго лѣтомъ состоитъ изъ рубахи и брюкъ грубаго сѣраго холста, холщевыхъ же онучей вмѣсто носковъ, низкихъ башмаковъ или туфель, такъ называемыхъ „котовъ" съ предохранительной кожей на щиколкахъ для того, чтобы избѣжать тренія цѣпей, шапки безъ козырька и длиннаго сѣраго халата. Платье арестантокъ во всемъ подобно мужскому, только вмѣсто брюкъ онѣ носятъ юбки, а вмѣсто шапки — платокъ. Женщины и дѣти, провожающія своихъ родственниковъ, могутъ носить собственное платье и брать съ собою столько багажа, сколько входитъ въ обыкновенный мѣшокъ. Между уголовными и политическими ссыльными дѣлается только то различіе, что послѣдніе, если они принадлежатъ къ привилегированному классу, получаютъ вмѣсто десяти — 15 коп. въ день и совершаютъ путь не пѣшкомъ, а на телѣгахъ[1]).

До 1883 года, во время слѣдованія партіи, женщины и мужчины не раздѣлялись; только съ этого года сдѣлали попытку отдѣлить холостыхъ арестантовъ отъ семейныхъ, присоединяя къ послѣднимъ дѣтей и незамужнихъ женщинъ. Эта реформа немного ослабила деморализацію, являющуюся слѣдствіемъ совмѣстной жизни мужчинъ, женщинъ и дѣтей въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ въ переполненныхъ пересыльныхъ тюрьмахъ, но безнравственность еще достаточно развита, такъ какъ и среди семейныхъ не мало распутныхъ людей.

По приглашенію офицера конвойной команды, г. Фростъ и я 24-го августа, въ понедѣльникъ, въ 7 часовъ утра, поѣхали въ пересыльную тюрьму, чтобы присутствовать при отправкѣ партіи арестантовъ. Было очень свѣжо, но ясное небо обѣщало теплый сол-

[1]) Одно время политическихъ отправляли въ Сибирь на почтовыхъ въ сопровожденіи жандармовъ, и тогда они прибывали къ мѣсту назначенія такъ же скоро, какъ и частные путешественники. Значительные расходы, вызывавшіеся такимъ способомъ, заставили отмѣнить его, и теперь политическіе отправляются вмѣстѣ съ уголовными преступниками. Слѣдствіемъ этого явилось удлиненіе срока пребыванія среди ужасовъ этапной жизни и возрастаніе случаевъ заболѣванія и смерти.

нечный день. Приготовленія къ выступленію, казалось, не были еще закончены, поэтому мы рѣшили подождать передъ тюрьмой и не мѣшать конвойному офицеру.

Около 8 часовъ передъ тюремными воротами появились телѣги, предназначенныя для больныхъ и слабыхъ. Унтеръ-офицеръ, сидѣвшій безъ дѣла съ нѣсколькими солдатами на скамейкахъ передъ тюрьмой — поднялся, зѣвнулъ и съ недовольнымъ видомъ отправился на тюремный дворъ; солдаты надѣли на себя амуницію и взяли въ руки берданки; громкій звонъ цѣпей указывалъ, что по ту сторону частокола уже составляется партія-колонна. Появился тюремный кузнецъ съ маленькой жаровней, небольшой наковальней, нѣсколькими молотками и цѣпями, которыя онъ равнодушно бросилъ на землю. Солдаты взяли ружья на плечо и стали полукругомъ; одинъ унтеръ-офицеръ съ контрольнымъ листомъ, другой съ повѣшенной черезъ плечо кожаной сумой, набитой мѣдными монетами, стали по бокамъ воротъ, и по командѣ „готово!“ стали появляться одинъ за другимъ арестанты. Офицеръ произносилъ фамиліи арестантовъ; кузнецъ съ помощью солдата осматривалъ, въ порядкѣ ли кандалы; унтеръ-офицеръ съ сумой давалъ каждому по 20 коп. мѣдной монетой на прокормленіе въ теченіе двухъ дней до ближайшаго главнаго этапа. Когда собрались всѣ присужденные къ каторжнымъ работамъ, они выстроились въ два параллельныхъ ряда для облегченія счета и сняли свои шапки, чтобы унтеръ-офицеръ могъ убѣдиться, что головы ихъ, какъ полагается, наполовину обриты. Затѣмъ той же процедурѣ должны были подвергнуться поселенцы; по мѣрѣ возрастанія числа арестантовъ, конвойные солдаты расширяли полукругъ. Наконецъ, вышли всѣ 350—400. Каждый арестантъ несъ въ сѣромъ холщевомъ мѣшкѣ свои пожитки. Многіе изъ нихъ имѣли мѣдные котелки у кожанаго пояса, а одинъ изъ ссыльныхъ держалъ на рукахъ коричневую собачку.

Послѣ вторичнаго пересчитыванія арестантовъ, сѣрые мѣшки стали укладывать на телѣги, а я воспользовался случаемъ, чтобы поговорить съ арестантами. Одинъ изъ нихъ обратился ко мнѣ, къ большому моему удивленію, по-англійски.

— Кто вы? — спросилъ я.

— Бродяга,— отвѣтилъ онъ серьезно и спокойно.

— Какъ ваша фамилія?

— Иванъ Непомнящій,— отвѣтилъ онъ и тихо прибавилъ, когда убѣдился, что по близости нѣтъ конвойнаго офицера:— въ дѣйствительности — я Іоганнъ Андерсенъ, родомъ изъ Риги

— Чѣмъ объясняется ваше знаніе англійскаго языка? — спросилъ я.

— Я по происхожденію англичанинъ, а кромѣ того, въ качествѣ матроса, я часто бывалъ въ англійскихъ гаваняхъ.

Приближеніе конвойнаго офицера положило конецъ нашему разговору. Въ этой партіи было много бродягъ изъ семьи Непомнящихъ, которые или были задержаны въ западной Сибири, или сами вернулись къ зимѣ, чтобы избѣжать голодной смерти.

По словамъ конвойнаго офицера, въ партіи было много такихъ,

которые уже шесть разъ были въ бѣгахъ и всякій разъ вновь отправлялись въ рудники обратно.

— Ребята! — крикнулъ онъ неожиданно — сколько среди васъ идетъ шестой разъ въ рудники?

— Очень много, — отвѣтило нѣсколько голосовъ.

Сѣдобородый закованный арестантъ выступилъ впередъ и заявилъ, что онъ 4 раза бѣгалъ изъ рудниковъ, и теперь пятый разъ идетъ въ каторгу. Такимъ образомъ этотъ человѣкъ 8 разъ прошелъ разстояніе въ 3030 верстъ отъ Томска до Карійскихъ рудниковъ.

— Я знаю бродягъ, — сказалъ офицеръ, — которые 16 разъ прошли по этой дорогѣ въ кандалахъ и столько же разъ опять возвращались черезъ степи и лѣса. Какъ они ухитряются, — Богъ ихъ знаетъ!

Если принять во вниманіе, что совершонный бродягой въ 32 раза путь равенъ двойной длинѣ экватора, то можно составить себѣ приблизительное понятіе о неукротимой рѣшительности этихъ людей и о силѣ, которая влечетъ ихъ на родину. Въ 1884 году въ западной Сибири было поймано и отправлено обратно 1360 бѣглецовъ; кромѣ того, много ихъ погибло отъ голода и холода въ лѣсахъ. М. С. Орфановъ русскій чиновикъ, много лѣтъ прослужившій въ восточной Сибири, разсказываетъ, что онъ однажды насчиталъ въ Кайдаловской тюрьмѣ (между Читою и Нерчинскомъ) 200 „Ивановъ Непомнящихъ“ [1]).

Нѣкоторые изъ бродягъ, съ которыми я разговаривалъ, были умные и развитые люди. Одинъ, очень интересовавшійся нашимъ фотографическимъ аппаратомъ и знавшій, повидимому, толкъ въ фотографіи, спросилъ меня, какъ обращаются въ Соединенныхъ Штатахъ съ арестантами, и могутъ ли они сверхурочной работой кое-что заработать, чтобы выходить изъ тюрьмы не совсѣмъ нищими. Я отвѣтилъ ему, что это возможно въ американскихъ смирительныхъ домахъ.

— У насъ это не такъ, — сказалъ онъ. — Мы голыми входили въ рудники, и голыми же разстаемся съ ними по отбытіи срока наказанія. А пока мы тамъ, насъ сѣкутъ по одному капризу надзирателя.

— Ну, нѣтъ, — возразилъ добродушно конвойный офицеръ, — этого теперь уже не бываетъ.

— Напротивъ, это еще и теперь случается, — сказалъ бродяга почтительно, но увѣренно. — Кто боленъ или слабосиленъ и не въ состояніи выполнить своей задачи, тотъ получаетъ 20 ударовъ кнутомъ.

Къ сожалѣнію, на этомъ мѣстѣ разговоръ былъ прерванъ офицеромъ, который спросилъ меня, не желаю ли я присутствовать при посадкѣ больныхъ и слабосильныхъ.

Предназначенныя для перевозки этихъ арестантовъ телѣги, — одноконныя маленькія повозки на четырехъ низкихъ колесахъ, безъ рессоръ, съ сидѣньями для возницы и конвойнаго, имѣли видъ разрѣзанныхъ по длинѣ бочекъ, вогнутая сторона которыхъ была обращена кверху. Едва ли можно представить себѣ болѣе жалкую, болѣе неудобную повозку. Въ каждой телѣгѣ было набросано немного свѣ-

---

[1]) „Въ дали“ М. С. Орфанова, стран. 226, Петербургъ, 1883 г.

жей травы, чтобы ослабить тряску. Каждая телѣга предназначалась для 4 арестантовъ.

— Арестанты со свидѣтельствами отъ врача впередъ!—крикнулъ конвойный офицеръ, и около 25—30 больныхъ выступило изъ рядовъ арестантовъ. Одни изъ нихъ были старики и разслабленные, другіе были блѣдны и изнурены болѣзнями. Унтеръ-офицеръ собралъ и сталъ провѣрять ихъ свидѣтельства; по мѣрѣ провѣрки, арестанты садились на телѣги. Одинъ изъ нихъ, несмотря на свой болѣзненный видъ, повидимому, симулировалъ, такъ какъ, едва онъ сѣлъ въ телѣгу, всѣ арестанты встрѣтили его бранью[1]).

Число арестантовъ, которые при выступленіи партій изъ Томска не могутъ итти пѣшкомъ, иногда очень велико. Въ 1884 году для перевозки больныхъ потребовалось 658 телѣгъ; если на каждой телѣгѣ помѣщалось по 4 человѣка, то число инвалидовъ превышало такимъ образомъ 2500 человѣкъ[2]), что было вполнѣ естественнымъ слѣдствіемъ переполненія томской пересыльной тюрьмы.

Когда всѣ арестанты были размѣщены по телѣгамъ, конвойный офицеръ снялъ фуражку, перекрестился на тюремную часовню и крикнулъ арестантамъ:

— Ребята, впередъ! Счастливаго пути!

— Направо! Шагомъ маршъ!—скомандовалъ унтеръ-офицеръ—и съ громкимъ звономъ цѣпей колонна арестантовъ, окруженная конвоемъ, двинулась въ путь къ рудникамъ Забайкалья. За пѣшими арестантами слѣдовали телѣги съ больными, затѣмъ 3—4 повозки съ багажомъ и, наконецъ, за арьергардомъ конвоя ѣхалъ тарантасъ конвойнаго офицера партіи. Колонна проходила около 3 верстъ въ часъ; еще задолго до полудня она уже была вся окутана густой тучей пыли, поднимавшейся благодаря тому, что кандалы на ногахъ арестантовъ заставляли ихъ волочить ноги по землѣ. При теплой сухой безвѣтренной погодѣ пыль причиняетъ тяжелыя мученія арестантамъ, особенно больнымъ женщинамъ и дѣтямъ. Для арестантовъ, страдающихъ болѣзнями дыхательныхъ органовъ (чему такъ способствуетъ тюремная жизнь), является настоящей пыткой просидѣть въ неудобномъ положеніи на открытой телѣгѣ 6—8 часовъ и дышать пылью, поднимаемой 350 парами ногъ. Мнѣ, по облаку пыли, случалось не терять слѣда партіи арестантовъ на разстояніи, большемъ $1^1/_2$ верстъ.

На разстояніи 8—9 верстъ отъ Томска арестанты проходили мимо стоящей при дорогѣ часовни, въ которой находилось похожее на привидѣніе деревянное распятіе. Какъ и при отправленіи изъ Томска, большинство арестантовъ обнажило головы, набожно перекрестилось и пробормотало короткія молитвы: русскій крестьянинъ, будь онъ даже грабителемъ и убійцей, все же крестится и молится.

---

[1]) Нѣкоторые арестанты обладаютъ большимъ искусствомъ симулировать болѣзни и имъ иногда удается ввести въ обманъ даже опытнаго тюремнаго врача.

[2]) Отчетъ инспектора по пересыльной части за 1884 г., стран. 31.

Первый привалъ былъ сдѣланъ въ 15 верстахъ отъ Томска, при входѣ въ маленькую деревню. На лугу при дорогѣ собралось около 12 дѣвушекъ и старухъ съ разными съѣдобными припасами, молокомъ и квасомъ для продажи арестантамъ. Увидѣвъ торговокъ, шедшіе впереди опытные бродяги закричали: „Привалъ! Привалъ!“ Этотъ крикъ подхватывали остальные, пока онъ не дошелъ до телѣгъ съ больными. Всѣ ускорили шагъ. Пройти 15 верстъ для здороваго человѣка не представляетъ особаго труда, но другое дѣло для арестантовъ, въ теченіе мѣсяцевъ просидѣвшихъ въ тюрьмѣ, отвыкшихъ отъ ходьбы, съ пятифунтовыми кандалами, которыя постоянно бьютъ при ходьбѣ по ногамъ. Едва данъ былъ приказъ остановиться, какъ всѣ уже сидѣли или лежали на землѣ. Послѣ короткаго отдыха, арестанты закупили себѣ провизію и подкрѣпили свои силы черным хлѣбомъ, пирогами съ рыбой, вареными яйцами, молокомъ или квасомъ. Около 2 часовъ дня арестанты двинулись дальше.

Послѣобѣденный путь прошелъ безъ всякихъ приключеній. Бродяги говорили громко, чтобы заглушить звонъ цѣпей; новички внимательно слушали и по временамъ задавали вопросы. Бродяга во всѣхъ подробностяхъ знаетъ дорогу; онъ основательно знакомъ съ темпераментомъ и характеромъ всѣхъ конвойныхъ офицеровъ между Томскомъ и Карой. Опасности, пережитыя имъ въ сибирской тайгѣ, развили въ немъ самоувѣренность и силу воли, создающія изъ него настоящаго вожака партіи. Бродяга называетъ острогъ своимъ отцомъ, тайгу своей матерью, и часто жизнь его проходитъ только въ томъ, что онъ переходитъ отъ одного родственника къ другому. Ему рѣдко удается убѣжать изъ Сибири, хотя, можетъ-быть, онъ разъ шесть добирался до долины Оби. Рано или поздно, онъ все же неизбѣжно попадается или, вынужденный голодомъ и холодомъ, является самъ съ повинной; одинъ конвойный офицеръ, говоря съ пойманнымъ въ западной Сибири бродягой, выразился такъ: „Сибирь-матушка велика, и тебѣ не перейти ея границъ: если и останешься въ живыхъ, тебя въ концѣ концовъ все-таки непремѣнно поймаютъ“.

Бродяги говорили преимущественно о своихъ подвигахъ и приключеніяхъ въ рудникахъ и въ тайгѣ; присутствіе конвоя ничуть не стѣсняло ихъ.

Разстояніе отъ Томска до перваго полуэтапа составляетъ около 30 верстъ. Было уже темно, когда усталые арестанты издали увидѣли заостренный частоколъ, за которымъ они должны были провести первую ночь своего путешествія.

Сибирскій полуэтапъ занимаетъ пространство въ 100 футовъ длины и 50—75 футовъ ширины, обнесенное заборомъ, на которомъ построены 2—3 деревянныхъ барака. Одинъ изъ нихъ предназначенъ для конвойнаго офицера, другой—для солдатъ и третій, самый большой—для арестантовъ. Послѣдній обыкновенно грязно-желтаго цвѣта, какъ всѣ сибирскіе этапы; внутри барака находится русская печь и двойной рядъ наръ. Какъ видно изъ послѣдняго офиціальнаго отчета инспектора по пересыльной части (то же подтверждается и моими наблюденіями), „всѣ главные и промежуточные этапы между Томскомъ

и Ачинскомъ, за весьма рѣдкими исключеніями, не только слишкомъ малы, но и ветхи, полуразрушены и нуждаются въ основательномъ ремонтѣ“. Главнымъ недостаткомъ ихъ, какъ и всѣхъ вообще сибирскихъ тюремъ, является крайняя тѣснота. Построенные лѣтъ 30—50 тому назадъ, когда партіи ссыльныхъ состояли въ среднемъ изъ 150 человѣкъ, они теперь должны вмѣщать 350—450 человѣкъ. Въ результатѣ, какъ сообщаетъ упомянутый отчетъ, бываетъ то, что въ хорошую погоду половина арестантовъ проводитъ ночь на голой землѣ на дворѣ, а въ дурную погоду камеры, коридоры и даже сараи биткомъ набиты. Камеры при нѣкоторомъ желаніи и при большей внимательности можно было бы приспособить для жилья. Онѣ почти всѣ безъ исключенія загрязнены; окна не открываются, и, хотя въ нѣкоторыя времена года переполненіе достигаетъ невѣроятныхъ размѣровъ, никакихъ приспособленій для вентиляціи нѣтъ[1]).

Когда арестанты, послѣ утомительнаго перехода въ 30 вер., дошли, наконецъ, до полуэтапа „Семилучный“, они должны были выстроиться въ ряды передъ частоколомъ. Унтеръ-офицеръ произвелъ тщательный подсчетъ, чтобы убѣдиться, что никто изъ арестантовъ не убѣжалъ. Затѣмъ были открыты деревянныя ворота, и 300 закованныхъ въ кандалы человѣкъ сразу ринулись къ проходу; произошла невѣроятная давка, толкотня и драка, такъ какъ каждый хотѣлъ быть первымъ, чтобы обезпечить себѣ въ камерѣ мѣсто для спанья, зная, что, если это не удастся, то придется провести ночь на грязномъ полу, въ коридорѣ или даже подъ открытымъ небомъ. Многіе изъ тѣхъ, для которыхъ было все равно, гдѣ спать, завоевывали хорошее мѣсто лишь для того, чтобы затѣмъ продать его за нѣсколько копеекъ болѣе разборчивымъ товарищамъ.

Наконецъ, все затихло, и арестанты занялись приготовленіемъ ужина. Конвойные солдаты брали за чайникъ кипятку, въ среднемъ, 2 копейки. Арестанты, которые могли позволить себѣ эту роскошь, заваривали чай, другіе ѣли супъ изъ какой-то посудины или жевали черный хлѣбъ, рыбный пирогъ или холодное мясо. Если продавщицы приносятъ недостаточно провизіи, то ужинъ оказывается очень скуднымъ, такъ какъ тюремное вѣдомство не снабжаетъ арестантовъ въ пути пищей и не предпринимаетъ ровно никакихъ мѣръ для снабженія ихъ провизіей, довольствуясь лишь выдачею кормовыхъ денегъ и разрѣшеніемъ крестьянамъ и конвойнымъ солдатамъ продавать арестантамъ съѣстные припасы. Когда цѣна пищевыхъ продуктовъ растетъ, арестантъ не въ состояніи утолить свой голодъ на выдаваемыя ему деньги. Во время неурожая въ восточной Сибири ссыльные за 10 коп. едва могли купить себѣ 1½ фунта чернаго хлѣба на весь день. Конвойные офицеры горько жаловались на равнодушное отношеніе правительства

---

[1]) Извѣстный русскій писатель Максимовъ разсказываетъ, что въ одномъ изъ такихъ этаповъ въ западной Сибири было набито 512 человѣческихъ существъ („Сибирь и каторга“ С. Максимова, т. I, стран. 81, Петербургъ 1871 г.), а упомянутый выше М. И. Орфановъ сообщаетъ, что въ одномъ изъ восточно-сибирскихъ этаповъ (въ Верхне-Удинскѣ), предназначенномъ для 140 заключенныхъ, ихъ никогда не бывало меньше 500, а иногда даже 800.

къ лишеніямъ и страданіямъ арестантовъ и считали несправедливымъ и жестокимъ заставлять человѣка, на котораго отпускается въ день только $1^{1}/_{2}$ фунта чернаго хлѣба, въ сильные морозы совершать по 30 вер. въ день[1]).

Послѣ ужина, на дворѣ еще разъ была произведена перекличка; по четыремъ угламъ этапа и у воротъ были поставлены часовые; въ каждой камерѣ была зажжена сальная свѣча; большія, ничѣмъ не покрытыя, деревянныя параши были поставлены въ камерахъ и коридорахъ; наконецъ, арестантовъ заперли на ночь. Больше половины партіи улеглось на грязномъ полу безъ одѣялъ и подушекъ. До какой степени за ночь испортился воздухъ, можетъ составить понятіе только тотъ, кто присутствовалъ утромъ при открытіи дверей. Мнѣ кажется непостижимымъ, какъ человѣкъ при такихъ обстоятельствахъ можетъ все-таки дойти до карійскихъ рудниковъ. Первоначально я хотѣлъ испросить разрѣшеніе у знакомаго конвойнаго офицера провести ночь съ арестантами; но, подышавъ однажды утромъ воздухомъ, выходившимъ изъ открытыхъ дверей камеры, я отказался отъ подобнаго опыта.

Второй день пути арестантовъ, вышедшихъ изъ Томска 24-го августа, мало отличался отъ перваго. За торопливымъ и скуднымъ завтракомъ слѣдовала утренняя перекличка и выступленіе. Дневной переходъ опять прерывался приваломъ или вторымъ завтракомъ, а подъ вечеръ партія достигла перваго главнаго этапа, гдѣ мѣняется конвой и гдѣ партія должна была отдыхать въ теченіе сутокъ.

Главный этапъ отличается отъ полуэтапа только величиной и расположеніемъ зданій. Дворъ обширнѣе, но дома такъ же стары и грозятъ рухнуть; мѣста едва ли достаточно и для половины арестантовъ. Главные этапы я вкратцѣ охарактеризую, пользуясь словами генералъ-губернатора восточной Сибири, генерала Анучина, который, разумѣется, этапы не видѣлъ въ ихъ обыденномъ видѣ. Въ частномъ докладѣ, представленномъ правительству въ декабрѣ 1880 года адъютантомъ генерала Анучина и оставшемся подъ спудомъ (мнѣ удалось получить съ него копію), генералъ Анучинъ говоритъ: „По пути въ Иркутскъ я осмотрѣлъ значительное число мѣстъ заключенія, какъ въ городахъ, такъ и на этапахъ, и, къ своему прискорбію, вынужденъ заявить, что большинство изъ нихъ находится въ ужасномъ состояніи, особенно этапы. За рѣдкими исключеніями, они ветхи, а въ санитарномъ отношеніи оставляютъ желать очень многаго; это — источники заразы; зимою въ нихъ слишкомъ холодно, и они даютъ слишкомъ мало гарантій отъ побѣговъ“.

---

[1]) Это имѣло мѣсто въ Верхне-Удинскѣ, въ Забайкальи. По словамъ конвойныхъ офицеровъ, самый плохой сортъ чернаго хлѣба стоилъ 6—7 коп. фунтъ, между тѣмъ какъ арестанты получали только 10 коп. въ день. Такъ продолжалось въ теченіе всей осени 1885 г., а съ наступленіемъ зимы положеніе еще ухудшилось. Всѣ жалобы и представленія конвойныхъ офицеровъ оставались, насколько мнѣ это извѣстно, безъ результата, хотя по тюремному и пересыльному вѣдомству и существуетъ циркуляръ, предписывающій губернаторамъ въ періоды вздорожанія хлѣба увеличивать находящимся въ пути арестантамъ порціонныя деньги (циркуляръ 15 декабря 1880 г., за № 10887).

Я не представилъ этапы въ худшемъ свѣтѣ. Если даже послѣ того, какъ были приняты всѣ мѣры, чтобы представить этапы въ наилучшемъ, насколько позволяли обстоятельства, видѣ, они все же произвели на генерала Анучина такое впечатлѣніе, то можно себѣ представить, какими они показались мнѣ, когда я увидѣлъ ихъ въ естественномъ видѣ, въ будничной обстановкѣ. Однако, я долженъ прибавить, что характеристика генералъ-губернатора подходитъ не ко всѣмъ этапамъ; въ деревнѣ Итацкая, недалеко отъ Маріинска, напр., я нашелъ чистый и въ полномъ порядкѣ содержавшійся этапъ, и такихъ, пожалуй, наберется еще нѣсколько, но, въ большинствѣ случаевъ, генералъ-губернаторъ правъ.

„Ужасное состояніе" сибирскихъ пересыльныхъ тюремъ надо поставить, какъ мнѣ кажется, въ вину, главнымъ образомъ, продажности и неспособности сибирскихъ администраторовъ и роковымъ недостаткамъ бюрократическаго управленія. На эти именно этапы были ассигнованы громадныя суммы; но бо́льшая часть ихъ была раздѣлена между ворами-подрядчиками и взяточниками-чиновниками. Одинъ инспекторъ по пересыльной части, который долженъ быть хорошо знакомъ съ этими дѣлами, говорилъ, что если бы собрать всѣ деньги, отпущенныя на эти ветхія бараки, то, безъ преувеличенія, на протяженіи отъ Томска до Иркутска всѣ этапныя зданія можно было бы сдѣлать изъ чистаго серебра. Генералъ-губернаторъ Анучинъ въ томъ же докладѣ говоритъ: „на ремонтъ этихъ зданій израсходованы уже большія суммы, и еще недавно было отпущено 250.000 рублей на постройку новыхъ этаповъ въ Забайкальѣ. Но я позволю себѣ усумниться, чтобы при настоящемъ положеніи дѣлъ могли быть достигнуты какіе-нибудь существенно новые результаты. Слѣдуетъ опасаться, что новые этапы въ Забайкальѣ раздѣлятъ участь пересыльныхъ тюремъ Енисейска и Иркутска".

Опасенія генерала Анучина оправдались. Какъ инспекторъ по пересылкѣ, такъ и высшая администрація тюремнаго вѣдомства въ Петербургѣ должны были признать, что новые этапы въ Забайкальи „совершенно не удовлетворяютъ своему назначенію".

Ночь со вторника на среду арестанты нашей партіи провели на этапѣ Халдеево при тѣхъ же условіяхъ, какъ и предыдущую. Половина арестантовъ спала на полу, подъ нарами и въ проходахъ, всю ночь дышала воздухомъ, насыщеннымъ угольной кислотой и зловоніемъ непокрытыхъ парашъ. Среда была назначена для отдыха. Ссыльные весь день провели на тюремномъ дворѣ, ничего не дѣлая или читая надписи на стѣнахъ этапа. Нары и стѣны каждаго сибирскаго этапа испещрены множествомъ надписей, которыя ссыльные одной партіи предназначаютъ для товарищей слѣдующей за ними партіи. Здѣсь можно найти вѣсточки или поклоны друзьямъ; намеки и совѣты для бродягъ, замышляющихъ побѣгъ; имена умершихъ, счастливо убѣжавшихъ или пойманныхъ ссыльныхъ; разныя извѣстія изъ рудниковъ и пересыльныхъ тюремъ. Стѣны этапа являются для арестантовъ какъ бы газетой, содержащей, между прочимъ, правила, какъ вести себя въ ссылкѣ, открытыя письма, извѣстія о смерти,

условные значки для бродягъ, частныя извѣстія, — словомъ, все то что имѣетъ громадный интересъ для всѣхъ тѣхъ, кто „отправленъ правительствомъ попутешествовать“. Опытный арестантъ по прибытіи на этапъ первымъ дѣломъ осматриваетъ стѣны этапа и нерѣдко открываетъ здѣсь оставленное ему товарищемъ указаніе или предостереженіе. Г-нъ Галкинъ-Врасскій, начальникъ главнаго управленія по тюремному вѣдомству, въ послѣднее время понялъ важность и значеніе этихъ стѣнныхъ надписей и отдалъ приказъ, чтобы конвойные офицеры приняли мѣры къ ихъ полному уничтоженію. Будетъ ли этотъ приказъ имѣть желаемый успѣхъ? Арестанты всегда перехитрятъ тюремныхъ чиновниковъ и сумѣютъ найти для своихъ извѣщеній такое мѣсто, которое не придетъ въ голову конвойному офицеру, но сразу найдетъ опытный арестантъ.

Въ четвергъ утромъ конвойный офицеръ съ своими солдатами возвратился послѣ дневного отдыха въ Томскъ, а партія арестантовъ должна была продолжать свое путешествіе съ новымъ конвоемъ. Я охотно сопровождалъ бы партію еще въ теченіе недѣли, чтобы основательнѣе изучить этапную жизнь, но мнѣ надо было закончить еще кое-какія дѣла въ Томскѣ, и потому я долженъ былъ туда вернуться еще до смѣны конвоя.

Жизнь ссыльныхъ въ пути мѣсяцами идетъ съ тѣмъ же однообразіемъ. На солнцѣ и въ бурю, въ пыль и въ грязь, тихо подвигаются арестанты все дальше и дальше на востокъ; они переправляются на поромахъ черезъ сибирскія рѣки, взбираются подъ проливнымъ дождемъ на лѣсистыя горы, шлепаютъ по илу болотистыхъ равнинъ, спятъ каждую ночь въ зачумленномъ воздухѣ переполненнаго этапа и день за днемъ приближаются къ рудникамъ Забайкалья, — этому пугалищу арестантовъ.

VIII.

Жизнь на большомъ сибирскомъ трактѣ.

Наше обширное знакомство съ чиновниками, съ одной стороны, и съ политическими ссыльными, съ другой, ставило насъ иногда въ Томскѣ въ неловкое положеніе. Незадолго до нашего отъѣзда въ Иркутскъ, двое политическихъ, гг. Волховской и Чудновскій, сидѣли у насъ въ номерѣ въ „Европейской гостиницѣ“, когда лакей доложилъ о прибытіи его превосходительства дѣйствительнаго статскаго совѣтника Пѣтухова, временно исполнявшаго обязанности томскаго губернатора. У меня, какъ говорится, душа ушла въ пятки. Я не зналъ, какого рода отношенія существуютъ между сосланными революціонерами и губернаторомъ Пѣтуховымъ. Мы нѣсколько разъ посѣтили этого господина, ни словомъ не упоминая о нашемъ знакомствѣ съ политическими, да и вообще въ обществѣ томскихъ чиновниковъ всегда относились къ вопросу о политической ссылкѣ съ напускнымъ равнодушіемъ, чтобы гарантировать себя отъ подозрѣній и избѣгать

докучливыхъ разспросовъ. Меня привела въ сильное замѣшательство мысль, что самъ губернаторъ найдетъ въ нашей комнатѣ двухъ выдающихся политическихъ и даже застанетъ ихъ что-то пишущими за нашимъ столомъ. Едва я успѣлъ спросить Волховского и Чудновскаго, представить ли мнѣ ихъ губернатору, какъ онъ въ полной формѣ уже вошелъ въ комнату. По его лицу скользнула тѣнь непріятнаго удивленія, когда онъ съ одного взгляда понялъ положеніе; но пока онъ снималъ пальто и калоши, онъ уже овладѣлъ собой, и, когда онъ съ протянутой рукой подошелъ къ г. Фросту и ко мнѣ, на его лицѣ уже исчезъ всякій слѣдъ досады и неловкости. Онъ сердечно пожалъ руки обоимъ осужденнымъ на каторжныя работы политическимъ ссыльнымъ и завелъ такой разговоръ, въ которомъ и они могли принимать участіе, и велъ себя такъ вѣжливо и тактично, что мы, по прошествіи пяти минутъ, разговаривали какъ старые знакомые, собравшіеся въ клубѣ. Въ дѣйствительности мы представляли собою странное общество: сотрудникъ американской газеты, американскій художникъ, два политическихъ ссыльныхъ, которые ранѣе отбывали наказаніе въ одиночномъ заключеніи, въ кандалахъ и въ арестантскихъ курткахъ, и, наконецъ, высшій мѣстный представитель того самаго правительства, которое наложило эти наказанія на ссыльныхъ; и вотъ, на минуту отбросивъ всѣ офиціальности, мы мирно бесѣдовали другъ съ другомъ, оставаясь на почвѣ общественныхъ приличій. Я не знаю, доложилъ ли губернаторъ Пѣтуховъ министру внутреннихъ дѣлъ о нашемъ общеніи съ политическими преступниками, но предполагаю, что онъ этого не сдѣлалъ. Онъ показался мнѣ вѣрнымъ слугой престола, но въ то же время образованнымъ, со здравымъ смысломъ человѣкомъ, и хотя онъ, конечно, осуждалъ революціонное движеніе, но тѣмъ не менѣе признавалъ, что среди сосланныхъ революціонеровъ были образованные люди съ выдающимся характеромъ, которые естественнымъ образомъ должны были привлекать къ себѣ вниманіе иностранныхъ путешественниковъ.

Число политическихъ въ Томскѣ во время нашего тамъ пребыванія доходило, приблизительно, до 30, включая сюда 7—8 женщинъ. Нѣкоторые административно сосланные только недавно прибыли изъ Европейской Россіи; другіе были „поселенцы", т.-е. сосланные на поселеніе первоначально въ очень отдаленныя мѣста Сибири, но затѣмъ, по разстроенному здоровью, получившіе разрѣшеніе вернуться въ мѣста „не столь отдаленныя"; третьи, наконецъ, были оставшіеся въ живыхъ изъ числа знаменитыхъ „193", которые много лѣтъ томились въ казематахъ Петропавловской крѣпости, а затѣмъ были высланы въ степи западной Сибири.

Меня удивило, что среди административно сосланныхъ въ Томскѣ находились мужчины и женщины, вернувшіеся послѣ долголѣтняго пребыванія въ ссылкѣ изъ сѣверной Якутской области.

— Какъ могло случиться, — спросилъ я одного изъ нихъ, — что вы въ качествѣ административно сосланнаго были отправлены въ худшую мѣстность восточной Сибири? Я полагалъ, что въ Якутскую область ссылаютъ только самыхъ опасныхъ политическихъ преступ-

никовъ и самыхъ неисправимыхъ арестантовъ изъ рудниковъ Забайкалья.

— Нѣтъ, это не такъ, — отвѣтилъ онъ: — административно сосланнымъ первоначально назначаютъ мѣстомъ поселенія какой-либо пунктъ западной Сибири, но впослѣдствіи ихъ часто высылаютъ въ Якутскую область. Я самъ, побывавъ въ западной Сибири, былъ въ 1881 году переведенъ въ Якутскъ за то, что отказался присягнуть Александру III.

— Правительство, сославшее васъ за измѣну, требовало отъ васъ, чтобы вы приняли присягу въ вѣрноподданствѣ?

— Да, и такъ какъ я не хотѣлъ и не могъ присягать, я былъ сосланъ въ якутскій поселокъ, — такъ называемый „улусъ“.

Улусомъ называется поселокъ инородцевъ, состоящій изъ одной-двухъ покрытыхъ землей юртъ, расположенный въ дикой глуши на разстояніи сотенъ миль отъ ближайшаго русскаго поселка и болѣе 7.500 верстъ отъ Петербурга. Ссыльный, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, былъ сосланъ въ улусъ округа Амга, лежащій на 5° къ югу отъ сѣвернаго полярнаго круга, и достигъ мѣста своего назначенія въ декабрѣ среди арктической зимы. У меня подъ рукой списокъ 79 политическихъ, жившихъ въ 1882 году въ такихъ якутскихъ поселкахъ. Среди нихъ находились русскій беллетристъ Владимиръ Короленко, профессоръ Богдановичъ, читавшій лекціи по химіи, и г. Линовъ, много лѣтъ проведшій въ Соединенныхъ Штатахъ и взявшій съ собою въ ссылку документы своей натурализаціи въ Америкѣ. Далѣе, въ спискѣ отмѣчены 9 образованныхъ женщинъ, одинъ нѣмецъ и одинъ французъ. Послѣдніе, насколько мнѣ извѣстно, тщетно апеллировали къ своимъ правительствамъ.

— Но, — воскликнулъ я, — вѣдь, это было не только несправедливо, но прямо-таки глупо! Какъ можно было требовать отъ политическаго ссыльнаго присяги въ томъ, что онъ вѣрноподданный?

— Конечно, это безсмысленно, — отвѣтилъ мой собесѣдникъ, — но, однако, это такъ. Правительство не удовлетворилось даже только этимъ требованіемъ, но требовало отъ меня клятвы въ томъ, что я раскрою все, что мнѣ извѣстно о революціонномъ движеніи, или другими словами — выдамъ своихъ друзей. Это было бы для меня невозможно, даже если бы ссылка превратила меня въ вѣрноподданнаго.

Дальнѣйшіе разспросы познакомили меня съ совершенно новымъ для меня фактомъ, а именно, что при вступленіи на престолъ Александра III въ 1881 году всѣмъ административно сосланнымъ, проживавшимъ тогда въ западной Сибири, министромъ внутреннихъ дѣлъ было предложено принести присягу новому царю. Было противно здравому смыслу ожидать отъ людей, пострадавшихъ за измѣну Александру II, что они откажутся отъ своего прошлаго и принесутъ присягу въ вѣрности Александру III. Одно изъ двухъ: министръ внутреннихъ дѣлъ или питалъ эту надежду, или же притворялся, будто онъ вѣритъ этому, чтобы во второй разъ наказать людей, не замѣшанныхъ болѣе ни въ чемъ предосудительномъ. Если преступникъ, уже

несущій наказаніе въ видѣ ссылки, отказывается признать себя неправымъ, то это можетъ послужить основаніемъ лишь для того, чтобы продержать его въ ссылкѣ до конца ея срока, но ужъ никоимъ образомъ это не можетъ служить поводомъ втрое усиливать мѣру наказанія. Если министръ внутреннихъ дѣлъ не считалъ этихъ лицъ измѣнниками, то онъ не долженъ былъ отправлять ихъ въ ссылку. Если же ему было извѣстно, что они не были вѣрными подданными, то съ его стороны было жестокой несправедливостью поставить передъ ними альтернативу — или дать ложную присягу, или быть заживо погребенными въ ужасныхъ якутскихъ юртахъ. Десятки мужчинъ и женщинъ были высланы изъ западной Сибири въ азіатскую полярную пустыню только за то, что они не захотѣли сдѣлаться клятвопреступниками или доносчиками. Въ числѣ этихъ несчастныхъ былъ талантливый русскій писатель Владиміръ Короленко. Онъ уже три раза былъ въ ссылкѣ, изъ нихъ одинъ разъ по „ошибкѣ“ администраціи, — и вотъ онъ былъ отправленъ въ Якутскую область за отказъ выдать своихъ друзей и присягнуть Александру III.

Чтобы читатель не думалъ, что я преувеличиваю, называя сосланныхъ въ якутскій улусъ заживо погребенными, я опишу ихъ жизнь, какъ она изображается хорошо освѣдомленными безпристрастными русскими. Въ началѣ 1881 года, когда министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ либеральный Лорисъ-Меликовъ и печать въ Россіи пользовалась сравнительной свободой, извѣстный писатель С. А. Приклонскій, служившій одно время при олонецкомъ губернаторѣ, опубликовалъ въ либеральной, вскорѣ затѣмъ запрещенной газетѣ „Земство“, большую, тщательно составленную статью о ссылкѣ административнымъ порядкомъ. Въ этой статьѣ, лежащей передо мною, авторъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ жизнь политическихъ ссыльныхъ въ якутскихъ юртахъ:

„Въ Якутской области существуетъ родъ ссылки, который оказывается болѣе жестокимъ и варварскимъ, чѣмъ предполагаетъ русское общество, — именно, ссылка въ „улусы“. Административно сосланные распредѣляются по одиночкѣ по отдѣльнымъ, далеко отстоящимъ другъ отъ друга якутскимъ юртамъ. Въ одной изъ сибирскихъ газетъ недавно была помѣщена слѣдующая выдержка изъ частнаго письма, которая въ точности передаетъ ужасное положеніе образованнаго человѣка, заброшеннаго въ среду сѣверныхъ дикарей: „Казаки, которые сопровождали меня отъ города Якутска до мѣста моей ссылки, вскорѣ уѣхали обратно, и я остался одинъ среди якутовъ, ни слова не понимающихъ по-русски. Боясь отвѣтственности передъ властями въ случаѣ моего побѣга, они безпрестанно слѣдятъ за мной. Выхожу ли я изъ одинокой юрты, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и совершить прогулку, за мною уже слѣдитъ подозрительный якутъ. Беру ли я топоръ, чтобы срубить себѣ палку, какъ якутъ уже показываетъ мнѣ знаками оставить топоръ и вернуться въ юрту. Я повинуюсь и вижу передъ огнемъ въ избушкѣ якута, въ костюмѣ Адама, ищущаго вшей въ своей одеждѣ — умилительная картина! Якуты живутъ зимою подъ одной крышей со своимъ скотомъ. Экскременты скота и

людей, неописуемый безпорядокъ, грязь, гніющая солома, лохмотья, безчисленныя насѣкомыя въ постеляхъ, зачумленный воздухъ, невозможность услышать русское слово — всего этого поистинѣ достаточно, чтобы свести человѣка съ ума. Пищу якутовъ съ трудомъ можно взять въ ротъ: она приготовлена грязно, безъ соли, часто изъ испорченныхъ продуктовъ, и желудокъ, не привыкшій къ такой мерзости, выбрасываетъ ее обратно. Я долженъ ѣсть изъ общей чашки, у меня нѣтъ даже собственнаго платья. Вымыться какъ слѣдуетъ нѣтъ никакой возможности, и въ теченіе 8 зимнихъ мѣсяцевъ я такъ же грязенъ, какъ и якутъ. Ближайшій городъ — за 200 верстъ; слѣдовательно, мнѣ не попасть туда. Я провожу попеременно по шести недѣль въ разныхъ якутскихъ семействахъ. Ни книгъ, ни газетъ не попадаетъ въ руки; я рѣшительно ничего не могу узнать о томъ, что дѣлается на свѣтѣ".

Г-нъ Приклонскій, комментируя письмо, говоритъ, что худшаго наказанія никто не могъ бы выдумать; остается развѣ только привязать жертву къ хвосту дикой лошади и пустить ее въ степь или цѣпями прикрѣпить къ трупу и предоставить ее судьбѣ. Тяжело сознавать, что человѣческія существа, по одному административному произволу, безъ суда, подвергаются такимъ мученіямъ, такому варварскому наказанію, которое европейская цивилизація вычеркнула изъ уголовнаго кодекса даже для закоренѣлыхъ злодѣевъ, уличенныхъ судомъ въ самыхъ безчеловѣчныхъ преступленіяхъ! Газетный корреспондентъ прибавляетъ къ этому, что повсюду въ Якутской области обращеніе со ссыльными ничуть не лучше. Десять вновь прибывшихъ „административныхъ" были распредѣлены по якутскимъ юртамъ, и ожидалось еще прибытіе новыхъ ссыльныхъ.

Г-нъ Приклонскій, смѣлый и талантливый авторъ этой статьи, уже умеръ, и, слѣдовательно, я, безъ опасенія повредить ему, могу сообщить, что онъ самъ передалъ мнѣ копію своей статьи вмѣстѣ съ другими манускриптами, относящимися къ административной ссылкѣ. Это былъ человѣкъ съ благороднымъ характеромъ и необыкновенными способностями. Его „Очерки о самоуправленіи" (1884 г.), „Жизнь сѣверныхъ народовъ" и большое число работъ по вопросамъ мѣстнаго самоуправленія и положенія русскихъ крестьянъ, печатавшихся въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ „Недѣля", „Земство" и „Русская Мысль", создали ему въ Россіи литературное имя. Онъ не былъ революціонеромъ, и цитированная мною статья появилась не въ революціонной газетѣ, а въ „Земствѣ", неофиціальномъ органѣ русскихъ земскихъ собраній, издававшемся въ то время подъ редакціей извѣстнаго писателя и публициста В. Скалона. Я упоминаю объ этихъ фактахъ только для того, чтобы показать, что упорное нежеланіе русскаго правительства улучшить положеніе политическихъ ссыльныхъ въ Якутской области ничѣмъ не можетъ быть оправдываемо, тѣмъ болѣе, что на эту сторону дѣла его вниманіе обращалось такими лицами, которые могли ручаться въ правдивости изложеннаго, — гражданами, талантъ и заслуги которыхъ передъ родиной давали имъ право быть выслушанными. Такъ какъ министръ внутреннихъ дѣлъ

все еще продолжаетъ посылать образованныхъ людей въ якутскія юрты, то онъ этимъ заставляетъ цивилизованный міръ неизбѣжно прійти къ единственно возможному заключенію, что онъ вполнѣ сознательно и преднамѣренно, безъ суда и слѣдствія, отдаетъ людей въ жертву тѣмъ ужасамъ, которые описаны въ цитированномъ г. Приклонскимъ письмѣ.

Статья г. Приклонскаго подтверждается частными письмами, полученными мною отъ сосланныхъ въ улусы, единодушными заявленіями многихъ политическихъ, говорившихъ на основаніи личнаго опыта, и, наконецъ, моими собственными наблюденіями. Я самъ жилъ въ покрытыхъ землею якутскихъ юртахъ рядомъ со скотомъ и переносилъ часть лишеній, неизбѣжныхъ при жизни въ этихъ жалкихъ лачугахъ, и хорошо знаю, какъ ужасно, какъ тяжело для образованныхъ людей, въ особенности женщинъ, проводить мѣсяцы и годы въ такой обстановкѣ. Но чтобы быть близкимъ къ истинѣ, я долженъ сказать, что нѣкоторые административно сосланные, пользующіеся поддержкой родныхъ, покупаютъ или строятъ себѣ собственные дома и вообще ведутъ болѣе сносное существованіе. Русскій писатель Короленко жилъ въ собственномъ домѣ, и сосланные въ улусы политическіе, съ которыми я познакомился въ Томскѣ, разсказывали мнѣ, что они съ помощью друзей покупали, нанимали или строили въ якутскихъ поселкахъ, предназначенныхъ имъ для жительства, деревянныя избушки и такимъ образомъ избавлялись отъ грязи и безпорядка якутскихъ юртъ. Нѣкоторые могутъ даже имѣть нѣсколько книгъ и раза два въ году обмѣниваться съ родственниками письмами, проходящими, однако, черезъ полицейскую цензуру. Но несмотря на это, ихъ страданія и лишенія были еще очень велики. Г-нъ Линовъ, образованный человѣкъ, нѣсколько лѣтъ проведшій въ Соединенныхъ Штатахъ и хорошо говорившій по-англійски, разсказывалъ мнѣ, что онъ въ Якутской области по мѣсяцамъ принужденъ былъ обходиться безъ хлѣба, питаясь только мясомъ и рыбою. Его здоровье такъ пострадало, что въ маѣ 1886 года, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ я съ нимъ познакомился, онъ умеръ въ одной изъ восточно-сибирскихъ пересыльныхъ тюремъ. Что жизнь сосланныхъ въ улусы даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ почти невыносима, вытекаетъ уже изъ того, что несчастные во многихъ случаяхъ кончаютъ самоубійствомъ. Изъ 79 политическихъ, жившихъ въ ссылкѣ въ 1882 году въ Якутской области, до 1885 года лишило себя жизни 6 человѣкъ (я могъ бы назвать ихъ фамиліи). Сколько съ тѣхъ поръ послѣдовало ихъ примѣру, мнѣ неизвѣстно.

Меня нерѣдко удивляло то спокойствіе, съ которымъ политическіе въ Томскѣ иногда говорили о возмутительныхъ несправедливостяхъ и ужасныхъ страданіяхъ. Мужчины и женщины, которые были сосланы въ Якутскую область лишь за то, что отказались принести Александру III присягу въ вѣрноподданствѣ, и тамъ, въ этой полярной пустынѣ вынесли сверхчеловѣческія страданія, производили впечатлѣніе людей, едва ли сознающихъ, что надъ ними совершилось нѣчто необычайное. Правда, случалось, что на лицѣ ссыльнаго, раз-

сказывавшаго о самоубійствѣ жены, выступала краска гнѣва, и онъ судорожно сжималъ руки; или много испытавшая женщина, у которой на рукахъ замерзъ грудной ребенокъ, рыдая, не могла окончить своего грустнаго повѣствованія,—но въ общемъ страдальцы упоминали о своихъ страданіяхъ вполнѣ спокойно, какъ о чемъ-то неизбѣжномъ въ жизни. Нѣкій X., одинъ изъ политическихъ на Карѣ, показывалъ мнѣ однажды большую коллекцію фотографій своихъ друзей-революціонеровъ. Когда мнѣ бросалось въ глаза какое-нибудь лицо, замѣчательное своей красотой или какой-либо ясно выраженной чертой характера, я спрашивалъ, кто это.

— Это, —отвѣчалъ онъ — г-жа А.; она была народной учительницей и умерла три года тому назадъ въ кіевской тюрьмѣ отъ чахотки. Этотъ, съ густой бородой, г. Б., бывшій мировой судья; въ 1879 году онъ былъ повѣшенъ въ Петербургѣ. Дѣвушка съ худымъ лицомъ—г-жа Ц., одна изъ такъ называемыхъ пропагандистокъ; она сошла съ ума во время предварительнаго заключенія. Красивая молодая женщина съ крестомъ на рукавѣ—г-жа Д., во время послѣдней Русско-Турецкой войны бывшая въ полевыхъ лазаретахъ сестрой милосердія Краснаго Креста; она была присуждена къ двадцати годамъ каторжныхъ работъ и въ настоящее время находится въ карійскихъ рудникахъ. Дама рядомъ съ нею — г-жа К.; она изучала медицину на Бестужевскихъ курсахъ въ Петербургѣ и, послѣ двухлѣтняго одиночнаго заключенія въ крѣпости, перерѣзала себѣ кускомъ стекла горло.

Такъ просто и сухо разсказывалъ г. X. объ ужасныхъ трагедіяхъ своихъ друзей. Онъ не обнаруживалъ ни слѣда волненія, и, слушая его, можно было подумать, что къ самымъ обыденнымъ, понятнымъ явленіямъ слѣдуетъ отнести то, что самые близкіе, самые дорогіе для васъ люди присуждаются къ повѣшенію или къ каторжнымъ работамъ въ рудникахъ, что одиночное заключеніе доводитъ ихъ до потери разсудка, что они кладутъ предѣлъ своимъ мученіямъ, перерѣзывая себѣ осколкомъ стекла горло. Самообладаніе г. X нельзя было объяснять ни безчувственностью, ни недостаткомъ симпатіи; оно, скорѣе, было результатомъ того, что вся жизнь его прошла среди такихъ трагедій. Привыкаешь ко всему на свѣтѣ,—а русскіе революціонеры видѣли и перенесли столько несправедливостей и горя, что безъ всякаго волненія могутъ говорить о такихъ ужасахъ, одна мысль о которыхъ возмущала меня до глубины души.

Дважды въ своей жизни, — сказалъ мнѣ одинъ извѣстный русскій либералъ,—я вполнѣ ясно созналъ, что значитъ быть свободнымъ гражданиномъ. Въ первый разъ, когда я, возвращаясь изъ Соединенныхъ Штатовъ, сравнивалъ разницу въ обращеніи русскаго жандарма на нашей границѣ со мной и съ ѣхавшимъ со мною англичаниномъ. Во второй разъ, — сейчасъ, когда я видѣлъ, какое дѣйствіе производитъ на васъ разсказъ г. Б. Выраженіе вашего лица показывало, какимъ ужаснымъ и невѣроятнымъ показался вамъ этотъ разсказъ; на меня же онъ оказалъ впечатлѣніе не большее, чѣмъ извѣстіе о томъ, что на улицѣ кого-то переѣхали. Наблюдая за ва-

шей мимикой, я оцѣнивалъ факты съ вашей точки зрѣнія, и опять почувствовалъ въ глубинѣ души разницу между гражданиномъ свободной страны и русскимъ подданнымъ.

Положеніе политическихъ въ Томскѣ было лучше, чѣмъ въ другихъ осмотрѣнныхъ нами частяхъ Сибири. Князь Кропоткинъ жаловался мнѣ на нездоровый климатъ; но мнѣ онъ показался не хуже, чѣмъ въ сѣверной части новой Англіи. Образованная часть общества въ Томскѣ была настроена либерально; въ городѣ былъ хорошій книжный магазинъ, публичная библіотека, театръ, либеральная газета (если только она не подвергалась пріостановкѣ) и хорошо поставленныя школы; администрація была менѣе деспотична, чѣмъ въ Тобольской губерніи; политическіе могли безпрепятственно посѣщать другъ друга; большинство ихъ могло безъ полицейскаго вмѣшательства писать письма и получать ихъ, и мнѣ ихъ жизнь показалась въ общемъ довольно сносной. Въ виду этого слѣдуетъ искренно пожалѣть, что Томскъ, повидимому, больше не будетъ служить мѣстомъ ссылки политическихъ. Дѣло въ томъ, что недавно русское правительство рѣшилось, наконецъ, открыть въ выстроенномъ уже 4 года тому назадъ, большею частью на частныя средства, университетѣ въ Томскѣ медицинскій факультетъ. Такъ какъ правительство предпринимаетъ всякія мѣры предосторожности, чтобы студенты университетовъ не заразились „вредными для государственнаго порядка идеями“, то оно врядъ ли рѣшится собрать молодыхъ людей въ городѣ, гдѣ среди интеллигентной части населенія такъ много неблагонадежнаго элемента, каковы политическіе ссыльные. Тѣ изъ студентовъ, которые познакомились бы съ такими лицами, какъ Чудновскій или покойный князь Кропоткинъ, могли бы изъ ихъ судьбы вывести такія заключенія, которыя едва ли совмѣстимы съ вѣрноподданническими чувствами и во всякомъ случаѣ не совпадаютъ съ представленіями о нихъ правительства. Поэтому если министръ внутреннихъ дѣлъ, послѣ четырехлѣтнихъ колебаній, дѣйствительно, рѣшился на этотъ опасный опытъ и откроетъ университетъ, то, вѣроятно, онъ удалитъ ссыльныхъ изъ Томска.

Распростившись въ Томскѣ съ политическими, съ полковникомъ Ягодкинымъ и нѣсколькими офицерами, которые по отношенію къ намъ проявили особенную любезность и гостепріимство, и доставъ новую „подорожную“, г. Фростъ и я въ пятницу, 28-го августа, забрались въ нашъ старый тарантасъ и выѣхали на тройкѣ добрыхъ почтовыхъ лошадей въ Иркутскъ. Исп. д. губернатора Пѣтуховъ обѣщалъ намъ дать открытый листъ ко всѣмъ подчиненнымъ ему конвойнымъ офицерамъ съ предписаніемъ допускать насъ до осмотра этаповъ; но онъ или забылъ свое обѣщаніе, или раздумалъ, заставъ насъ въ обществѣ политическихъ; такимъ образомъ, теперь мы сами должны были хлопотать о разрѣшеніи осматривать этапы. На нашемъ пути до Ачинска, перваго восточно-сибирскаго города, не произошло ничего достопримѣчательнаго. Мѣстность была волнообразная, мѣстами прерывающаяся цѣпями холмовъ, частью покрытая лѣсомъ и мало населенная, частью плодородная и воздѣланная. Иногда

по цѣлымъ часамъ мы ѣхали чрезъ густой березовый, тополевый или хвойный лѣсъ, не позволявшій видѣть что-либо вдали; надъ нами виднѣлся только клочекъ неба, а впереди чернѣла вязкая дорога; затѣмъ, какъ бы для разнообразія, лѣсъ уступалъ свое мѣсто обширнымъ лугамъ или широкой низкой равнинѣ, дно и откосы которой были покрыты обработанными полями. Несмотря на осеннюю прохладную погоду, комары донимали попрежнему, и было еще много цвѣтовъ. Мѣста между почтовыми станціями Итацкая и Боготольская (приблизительно, въ разстояніи 80 верстъ отъ Ачинска) были самыми привлекательными и наилучше обработанными на всемъ пути. Плодородная волнообразная почва въ своемъ осеннемъ уборѣ, группы березъ и тополей на цвѣтущихъ лугахъ, колышащіяся поля пшеницы на солнечныхъ склонахъ холмовъ, разноцвѣтныя одежды жнецовъ и жницъ — все это было въ высшей степени живописно и давало благодарныя темы для кисти художника.

Деревни въ этой части Сибири были менѣе привлекательны. Онѣ состояли обыкновенно изъ двухъ рядовъ простыхъ деревянныхъ избъ, на двѣ-три версты тянувшихся вдоль грязной дороги безъ всякаго слѣда растительности. Единственною зеленью была вѣтка, отмѣчающая кабакъ. Эти питейныя заведенія, подъ самыми разнообразными названіями, являются источникомъ дохода для казны и разоренія для крестьянъ; они одни виновны въ запущенномъ, жалкомъ видѣ деревень, расположенныхъ вдоль большого сибирскаго тракта. Въ западной Сибири приходится 30, а въ восточной — даже 35 кабаковъ на одну школу. Въ странѣ, гдѣ возможность чему-нибудь научиться и соблазнъ напиться находятся въ такомъ соотношеніи, едва ли можно ожидать порядка, чистоты и благосостоянія.

Кладбища сибирскихъ поселковъ часто казались мнѣ болѣе достойными вниманія, чѣмъ сами поселки. Я припоминаю одно кладбище въ этой части нашего пути, на которомъ бо́льшая часть могилъ была отмѣчена черными крестами и окружена красными, зелеными, синими и желтыми оградами. На нѣкоторыхъ крестахъ были написаны буквы *I. H. S.*, на другихъ — бѣлой краской былъ изображенъ распятый Христосъ съ чрезвычайно длинными и тонкими ногами, занимавшими всю длину нижней части креста. Нельзя себѣ представить ничего болѣе похожаго на привидѣніе, чѣмъ эта длинная бѣлая фигура на черномъ фонѣ, обнесенная красной, бѣлой и синей оградой, но любовь къ яркимъ краскамъ не покидаетъ русскаго даже передъ лицомъ смерти. Ни въ одной части свѣта, ни у одного народа, я не видѣлъ на кладбищахъ столь яркихъ красокъ.

На всемъ протяженіи между Томскомъ и Ачинскомъ уборка хлѣба была въ полномъ разгарѣ, и во многихъ деревняхъ все населеніе, кромѣ старосты, было на полѣ. Въ одномъ поселкѣ мы замѣтили бѣлокураго мальчугана, лѣтъ пяти, платье котораго состояло изъ грязной грубой рубашонки; на шеѣ у него болтался большой колокольчикъ, какъ у коровы; онъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, весело грызъ бѣлую рѣпу и, завязнувъ по самыя колѣни въ болотѣ пустынной улицы, копошился въ грязи.

Вблизи другого поселка мирно пасущаяся лошадь съ цѣпями на ногахъ напомнила мнѣ о томъ, что мы находимся въ колоніи ссыльныхъ. Мнѣ было уже извѣстно, что русское правительство однажды приказало высѣчь и сослать въ Сибирь независимый протестующій церковный колоколъ[1]), который издалъ звукъ, когда его перевернули отверстіемъ вверхъ; но меня все же поразила мысль, что правительство ссылаетъ и заковываетъ даже „неблагонадежныхъ“ лошадей. Въ отвѣтъ на мои разспросы, почтосодержатель разъяснилъ мнѣ, что эта лошадь вовсе не оказалась „вредной для общественнаго порядка“ и что она стреножена лишь потому, что иначе охотно убѣгаетъ.

Между станціями Краснорѣчинская и Бѣлоярская, приблизительно въ 30 верстахъ къ западу отъ Ачинска, мы пересѣкли границу между Томской и Енисейской губерніями, обозначенную двумя кирпичными столбами съ соотвѣтствующими гербами. Начиная съ этого мѣста, плата съ лошади и версты поднялась съ $1^1/_2$ коп. до 3 коп., такъ что наши путевые расходы удвоились, а между тѣмъ ни скорость, ни способъ передвиженія ничуть не измѣнились. Вѣроятно причина увеличенія проѣздной платы заключается въ томъ, что, по объясненію правительства, на востокѣ цѣны на пищевые и кормовые продукты значительно выше, хотя этотъ фактъ въ то же время совершенно игнорируется правительствомъ по отношенію къ ссыльнымъ. Гдѣ бы то ни было, въ западной или восточной Сибири, сколько бы ни стоилъ фунтъ чернаго хлѣба, 2 или 7 коп., — вездѣ ссыльный получаетъ въ день ровно 10 коп. Въ западной Сибири онъ еще въ состояніи на эти деньги прокормить себя, но въ восточной Сибири, особенно въ Забайкальѣ, онъ вынужденъ голодать.

Во вторникъ, 1-го сентября, мы проѣхали черезъ Ачинскъ, и началась самая тяжелая и утомительная часть нашего пути. Характеръ страны вдругъ сдѣлался болѣе дикимъ и гористымъ. На протяженіи 90—100 верстъ дорога шла черезъ высокіе лѣсистые хребты, отдѣленные другъ отъ друга болотистыми оврагами; дождь лилъ безпрестанно, и лошади съ трудомъ втаскивали нашъ тяжелый тарантасъ на крутые холмы и вывозили его изъ липкой глинистой грязи. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ грунтъ былъ сравнительно твердый, тысячи тяжелыхъ возовъ выбили глубокія колеи, а неудачная попытка настилкой бревенъ улучшить дорогу только еще усилила тряску и толчки. Добрыхъ 300—400 разъ въ одну только первую ночь по выѣздѣ изъ Ачинска меня бросало въ тарантасѣ изъ стороны въ сторону и подбрасывало кверху. Когда мы въ среду утромъ послѣ 20 часовой ѣзды, во время которой мы, перемѣнивъ 4 раза лошадей, проѣхали только около 80 вер., достигли, наконецъ, Ибрюльской, — я отъ тряски, безсонныхъ ночей, холода и дурного питанія чувствовалъ себя отвратительно. Видъ г. Фроста меня очень безпокоилъ, но онъ не хотѣлъ оставаться на переполненной проѣзжими станціи, и мы, напившись чаю, тронулись по направленію къ Красноярску. Въ теченіе четырехъ дней мы питались

---

[1]) Знаменитый колоколъ изъ гор. Углича; онъ находится теперь въ Тобольскѣ.

почти только хлѣбомъ и чаемъ, такъ какъ за все это время только одинъ разъ намъ удалось получить на одной станціи мясо. Въ своей жизни я не видѣлъ никогда болѣе ужасной дороги, чѣмъ между Ачинскомъ и Красноярскомъ, и намъ доставило нѣкоторое удовлетвореніе, когда мы узнали, что вновь назначенный генералъ-губернаторъ восточной Сибири, генералъ Игнатьевъ, проѣзжавшій за нѣсколько дней до насъ по этой дорогѣ, былъ до того разгнѣванъ, что приказалъ немедленно арестовать подрядчика, взявшаго на себя содержаніе дороги въ порядкѣ. Это былъ, по крайней мѣрѣ, подходящій случай для проявленія деспотической власти.

Въ среду, 2-го сентября, вечеромъ мы прибыли въ Красноярскъ. Отъ Томска мы безъ перерыва въ 5 слишкомъ дней проѣхали 555 верстъ. Обильный ужинъ и здоровый сонъ въ маленькой гостиницѣ близъ почтовой станціи настолько подкрѣпили наши упавшія силы, что мы въ четвергъ, подъ вечеръ, могли навѣстить Льва Петровича Кузнецова, богатаго золотопромышленника, къ которому мы имѣли рекомендательное письмо изъ Петербурга. Мы и не предполагали, въ какую роскошную обстановку и въ какую пріятную гостепріимную семью мы попадемъ благодаря этому письму. Лакей, открывшій намъ дверь, повелъ насъ въ гостиную, самую красивую и съ наибольшимъ вкусомъ обставленную изъ всѣхъ гостиныхъ, которыя я видѣлъ въ Россіи. Она имѣла, по крайней мѣрѣ, 50 футовъ въ длину, 35 въ ширину и 25 въ вышину. Блестящій паркетъ былъ мѣстами покрытъ восточными коврами; на высокихъ окнахъ съ богатыми занавѣсками стояли пальмы, папоротники и цвѣтущія растенія; обширная комната казалась еще больше благодаря громаднымъ, во всю стѣну, зеркаламъ; въ чудномъ мраморномъ каминѣ весело горѣли дрова; картины знаменитыхъ русскихъ, французскихъ и англійскихъ художниковъ украшали стѣны; подлѣ великолѣпнаго рояля стояла рѣзная этажерка, заваленная нотами и книгами; роскошная мебель, старинный фарфоръ, рѣзныя вещи изъ слоновой кости и тысячи бездѣлушекъ дѣлали эту комнату особенно привлекательной и уютной. Едва мы успѣли оправиться отъ удивленія, какъ вошелъ худой блѣдный молодой человѣкъ съ черными волосами, отрекомендовался Иннокентіемъ Кузнецовымъ и правильнымъ англійскимъ языкомъ привѣтствовалъ насъ въ Красноярскѣ. Вскорѣ мы познакомились со всей семьей Кузнецовыхъ. Она состояла изъ трехъ братьевъ и двухъ сестеръ, которые, не успѣвъ еще обзавестись собственными семьями, жили всѣ вмѣстѣ въ этомъ роскошномъ домѣ. Г-нъ Кузнецовъ и его сестры бѣгло говорили по-англійски. Они изъѣздили всю Америку и, между прочимъ, жили въ Нью-Йоркѣ, Филадельфіи, Вашингтонѣ, Чикаго и другихъ городахъ. Г-нъ Кузнецовъ зналъ Соединенные Штаты лучше меня; онъ дважды пересѣкъ весь континентъ, охотился въ западныхъ преріяхъ на буйволовъ, встрѣчался съ генераломъ Шериданомъ, Буффало, Биллемъ, капитаномъ Джекомъ и другими извѣстными лицами, а также посѣтилъ даже самыя отдаленныя мѣста Геллоустнскаго парка и „Staked Plains".

Читатель едва ли можетъ себѣ представить, какъ пріятно было

намъ послѣ долгихъ скитаній по грязнымъ почтовымъ станціямъ и гостиницамъ, полнымъ насѣкомыми, попасть въ домъ Кузнецовыхъ, гдѣ насъ окружали цвѣты, книги, картины и гдѣ мы наслаждались музыкой и бесѣдовали съ интеллигентными людьми, которые, разумѣется, не разсказывали намъ мучительныхъ исторій о заключеніяхъ и ссылкахъ. Мы каждый день обѣдали въ семьѣ Кузнецовыхъ и находили тамъ очень много милыхъ и образованныхъ людей. Я особенно припоминаю г. Ивана Савенкова, директора школы въ Красноярскѣ, который только что вернулся изъ археологической экскурсіи по верхнему теченію Енисея и показывалъ намъ интересные рисунки и акварели съ доисторическихъ надписей, попадающихся въ большомъ количествѣ на „раскрашеныхъ скалахъ“ вдоль рѣки. Г-нъ Кузнецовъ раздѣлялъ интересъ г. Савенкова къ археологіи; у обоихъ были цѣнныя коллекціи предметовъ изъ кургановъ каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ разныхъ частяхъ губерніи.

Въ четвергъ, послѣ обѣда, мы отправились за 6 верстъ отъ города по лѣвому берегу рѣки навстрѣчу теченію, къ монастырю, куда жители Красноярска лѣтомъ часто ѣздятъ на пикники. Дорога, шедевръ инженернаго искусства мѣстныхъ монаховъ, была проложена по крутымъ скаламъ, окаймляющимъ Енисей, или шла вдоль крутыхъ горныхъ отвѣсовъ высоко надъ водою. Съ каждаго выступа открывался чудный видъ на величественную рѣку, которая здѣсь имѣетъ ширину болѣе версты и безостановочно несетъ свои воды черезъ эти живописныя горы къ безплоднымъ берегамъ Сѣвернаго полярнаго океана.

Наши новые друзья заманчивыми обѣщаніями старались склонить насъ къ болѣе продолжительному пребыванію въ Красноярскѣ, но приближалась уже осень, и намъ надо было спѣшить. Нелегко было отказаться отъ перспективы обѣщанныхъ намъ катаній по водѣ и археологическихъ экскурсій въ столь симпатичномъ обществѣ только для того, чтобы опять испытать всѣ знакомыя намъ тягости пути въ видѣ тряски, безсонныхъ ночей, холода и голода, — но намъ было необходимо еще до зимы достигнуть рудниковъ Забайкалья, отъ которыхъ насъ отдѣляло разстояніе въ 1800 верстъ.

Пятаго сентября, въ субботу, мы заказали почтовыхъ лошадей, запаслись хлѣбомъ, чаемъ и мелкими деньгами, уложили свои вещи въ старый забрызганный грязью тарантасъ, котораго мы уже стали бояться такъ, какъ нѣкогда преступники боялись пытки, переѣхали на поромѣ черезъ Енисей и продолжали путешествіе въ Иркутскъ. Погода была солнечная, но окраска падающихъ листьевъ уже напоминала объ осени. Тополи уже одѣлись въ красный цвѣтъ, и желтая листва березъ ярко выдѣлялась на темной зелени хвойныхъ деревьевъ. На поляхъ, въ долинѣ Енисея, и на склонахъ холмовъ подъ Красноярскомъ жали поспѣвшую пшеницу, связывали ее въ снопы и раскладывали ихъ длинными рядами. Три дня мы ѣхали безъ перерыва; въ среду утромъ, приблизительно въ 450 верстахъ отъ Иркутска, на станціи Камышенская, мы вынуждены были остановиться для починки тарантаса. Мы нашли деревенскаго кузнеца, который

въ маленькой кузницѣ, недалеко отъ почтовой станціи, съ помощью своей дочери, здоровенной восемнадцатилѣтней дѣвушки, былъ занятъ ковкой лошади. По принятымъ ими мѣрамъ предосторожности можно было подумать, что сибирскія лошади чрезвычайно дики и мало приручены, или же что сибирскіе кузнецы весьма неуклюжи. Бѣдное животное на двухъ пропущенныхъ подъ брюхомъ поясахъ висѣло въ воздухѣ такъ, что не могло коснуться земли; три ноги его были привязаны къ столбамъ, а храбрый кузнецъ подковывалъ единственную ногу, которою животное могло еще шевелить. Повидимому, сибирскія лошади всегда подковываются описаннымъ образомъ.

Пока производилась починка тарантаса, насъ нагнала московская почта. Въ Россіи почтовая корреспонденція и почтовыя посылки перевозятся въ Сибирь въ кожаныхъ мѣшкахъ, на телѣгахъ, въ сопровожденіи вооруженнаго почтальона; на каждой станціи лошади и повозки мѣняются. Насколько я знаю, вѣсъ посылокъ не ограниченъ (я самъ, напр., отправлялъ по почтѣ ящики въ 40 фунтовъ вѣсомъ), почему почтовый обозъ нерѣдко состоитъ изъ 12 телѣгъ. Иркутскъ, главный городъ восточной Сибири, каждый день получаетъ почту изъ Москвы, и три раза отправляетъ почту на западъ. Такъ какъ правительственная почта пользуется преимуществомъ передъ обыкновенными пассажирами, то послѣдніе должны иногда цѣлыми часами ждать на почтовыхъ станціяхъ, такъ какъ послѣднія лошади ушли съ почтой. Такая судьба постигла насъ въ Камышенской: насъ отправили дальше только около 2 часовъ пополудни. Отъ Камышенской до Иркутска мы ѣхали безпрерывно день и ночь; только изрѣдка мы останавливались, чтобы осмотрѣть этапъ или посмотрѣть на партію ссыльныхъ, медленно двигавшихся подъ проливнымъ дождемъ и при жалобномъ звонѣ цѣпей къ далекимъ рудникамъ Забайкалья. Нѣкоторымъ изъ этихъ партій понадобилось два мѣсяца, чтобы пройти путь, который мы сдѣлали въ 8 дней, и всѣ онѣ добрались до мѣста своего назначенія только глубокой зимой. Одного взгляда на изможденныя лица арестантовъ было достаточно, чтобы составить себѣ вѣрное представленіе о тѣхъ лишеніяхъ и страданіяхъ, которыя они уже перенесли.

Едва ли можно себѣ представить всѣ ужасы и униженія, съ которыми неразрывно связана жизнь арестантовъ въ пути. Между Томскомъ и Иркутскомъ я часто имѣлъ случай видѣть передвигающіяся и въ жару и въ дождь партіи арестантовъ; осматривать жалкіе этапы, въ которые они загоняются подобно скоту; видѣть тѣ лазареты, въ которыхъ они валяются по цѣлымъ недѣлямъ безъ помощи врача и безъ всякаго ухода, и бесѣдовать съ интеллигентными чиновниками тюремнаго вѣдомства, которые уже близко ознакомились со всѣми деталями ссылки. Въ результатѣ моихъ наблюденій я пришелъ къ выводу, что во всемъ культурномъ мірѣ нельзя найти ничего подобнаго тѣмъ страданіямъ, которыя влечетъ за собою практикующійся въ Россіи способъ пересылки арестантовъ. Небрежность, равнодушіе и продажность чиновниковъ много повинны во всѣхъ этихъ ужасахъ, но бо́льшая часть вины падаетъ на самую систему; радикально

могли бы помочь здѣсь только совершенная отмѣна ссылки и замѣна ея тюремнымъ заключеніемъ на всю жизнь или на извѣстный срокъ въ Европейской Россіи. Нетрудно понять, что 6000—8000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей не могутъ пройти пѣшкомъ 3000 верстъ по такой странѣ, какъ восточная Сибирь, безъ самыхъ ужасныхъ лишеній. Уже одно физическое утомленіе достаточно для того, чтобы разстроить здоровье, а если къ этому присоединить еще неудовлетворительность арестантскаго платья, недостаточное питаніе, зачумленный воздухъ переполненныхъ этаповъ, почти полное отсутствіе врачебной помощи, то, дѣйствительно, надо удивляться не огромному проценту смертности среди арестантовъ, а тому, что еще такъ много ихъ приходитъ живыми къ мѣсту назначенія.

Партіямъ, выходящимъ изъ Томска въ іюлѣ и августѣ, еще задолго до Иркутска приходится часть пути сдѣлать подъ пронизывающими осенними дождями или въ сильную стужу. Къ этому времени ссыльные еще не снабжены теплымъ платьемъ, и у большинства изъ нихъ единственной защитой отъ дождя, града и холоднаго вѣтра служатъ грубая полотняная рубаха, такіе же брюки и халаты изъ плохо сваляннаго сукна. Представьте себѣ такую партію въ дорогѣ между Ачинскомъ и Красноярскомъ при холодномъ сильномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ. Всѣ промокаютъ до костей, женщины съ грудными младенцами и больные лежатъ, дрожа отъ холода и сырости, на мокрой соломѣ въ маленькихъ неудобныхъ, ничѣмъ не защищенныхъ отъ непогоды телѣгахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грязь доходитъ до колѣнъ, и телѣги въ часъ проѣзжаютъ только по 3 версты. Обремененнымъ тяжелыми кандалами несчастнымъ пѣшеходамъ, несмотря на холодный воздухъ, становится жарко; бо́льшая часть ихъ уже потеряла или сняла свои „коты" и идетъ теперь, ступая босыми ногами по холодной, липкой грязи. Правительство выдаетъ арестантамъ лѣтомъ и осенью, — вѣроятно, изъ экономіи, — низкіе „коты" вмѣсто сапогъ. Эта сдѣланная изъ самаго дешеваго матеріала обувь должна по циркуляру служить 6 недѣль*), но въ дѣйствительности уже по истеченіи первой недѣли она оказывается никуда негодной.

Одинъ изъ высшихъ чиновниковъ пересыльнаго управленія разсказывалъ мнѣ, что часто ссыльные, оставляя Томскъ или Красноярскъ въ новыхъ „котахъ", уже на второй этапъ приходятъ босыми, т.-е. обувь не выдерживаетъ и двухъ дней. Даже если „коты" и хватятъ на установленный срокъ, то во всякомъ случаѣ они не впору тѣмъ ногамъ, которыя ихъ носятъ, не могутъ быть прикрѣплены къ ногамъ за отсутствіемъ ремней и такъ низки, что постоянно черпаютъ грязь и воду и увязаютъ въ грязи. По такимъ дорогамъ, какъ между Ачинскомъ и Красноярскомъ, многіе арестанты снимаютъ свои коты и вѣшаютъ ихъ на шею или совсѣмъ бросаютъ ихъ и цѣлыми днями идутъ босыми по грязи, температура которой едва превышаетъ точку замерзанія воды.

---

*) Циркуляръ Главнаго Тюремнаго Управленія за № 180.

Когда промокшая, усталая, голодная партія приближается къ одной изъ лежащихъ при дорогѣ маленькихъ деревень, староста (избранный арестантами посредникъ въ сношеніяхъ между ними и начальствомъ) проситъ разрѣшенія у конвойнаго офицера затянуть для полученія милостыни особую арестантскую пѣсню, такъ называемую „Милосердную". Разрѣшеніе дается; выбираются арестанты для сбора милостыни; всѣ арестанты снимаютъ свои сѣрыя шапки, медленно, еле влача ноги, какъ будто у нихъ почти уже истощились силы для дальнѣйшаго пути, входятъ въ деревню и затягиваютъ свой печальный призывъ къ состраданію.

Я никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвело на меня это пѣніе, когда я въ первый разъ услышалъ его. Однажды въ непривѣтливый, суровый осенній день мы сидѣли на грязной почтовой станціи и ждали лошадей. Вдругъ донесся до нашихъ ушей своеобразный, низкій дребезжащій звукъ, ни съ какими ранѣе слышанными мною звуками не сравнимый. Это была оригинальная смѣсь сквернаго свѣтскаго пѣнія съ церковными и похоронными пѣснопѣніями. Мы вышли на крыльцо и увидали около 100 закованныхъ арестантовъ съ обнаженными головами; окруженные солдатами, они медленно передвигались и пѣли свою „Милосердную". Они не старались пѣть согласно, и мелодіи пѣсни я не могъ разобрать. Казалось, что поющіе постоянно нарушаютъ основную, тягучую меланхолическую мелодію слегка переливающимися варіаціями ея. Въ общемъ это производило впечатлѣніе канона или хорового пѣнія сотни мужскихъ голосовъ, которые по очереди начинали одну и ту же грустную жалобную мелодію. Пѣсня была такого содержанія:

Сжальтесь надъ нами!
Вспомните объ усталыхъ путникахъ!
Не забудьте заключенныхъ!
Дайте хлѣба, помогите намъ!
Помогите бѣднымъ, нуждающимся!
Пожалѣйте насъ, батюшки!
Пожалѣйте насъ, матушки!
Христа ради, сжальтесь надъ заключенными!
За стѣнами и рѣшетками,
За замками и запорами
Томимся мы, несчастные!
Разлучили насъ съ отцомъ и матерью,
Разлучили насъ съ друзьями и родными,
Насъ, несчастныхъ заключенныхъ!
Сжальтесь надъ нами!

Какъ ни безыскусственно простъ и негармониченъ былъ этотъ призывъ къ состраданію, но я никогда въ своей жизни не слыхалъ ничего столь невыразимо грустнаго, ничего, что бы такъ угнетало: въ этой пѣснѣ вылилось все горе, вся тоска, все отчаяніе, которыя перенесли и выстрадали нѣсколько поколѣній человѣческихъ существъ на этапахъ, въ тюрьмахъ и въ рудникахъ.

Пока арестанты медленно шли среди избъ по болотистой улицѣ, къ воротамъ стали выходить дѣти и бабы и класть хлѣбъ, мясо и яйца въ мѣшки четырехъ обритыхъ арестантовъ, собирающихъ ми-

лостыню. Звонъ цѣпей и тоскливое пѣніе становилось все тише и слабѣе и, наконецъ, совсѣмъ затихли. Мы вернулись въ комнату, но на душѣ у меня было такъ тяжело, какъ будто жизненныя невзгоды сдѣлались внезапно болѣе тяжелыми и острыми.

При первой же остановкѣ собранное подаяніе дѣлится между арестантами, а затѣмъ слегка подкрѣпившись, они продолжаютъ дальнѣйшій путь. Позднимъ вечеромъ, усталые и промокшіе, они доходятъ до этапа, гдѣ послѣ ужина и переклички ихъ запираютъ въ душныя, невентилируемыя камеры. Большинство изъ нихъ дрожитъ отъ холода и сырости, не имѣя ни сухого платья, ни шерстяныхъ одѣялъ; чтобы хоть немного отогрѣться, приходится ложиться на голыя нары или прямо на полъ какъ можно ближе другъ къ другу. У нѣкоторыхъ въ сѣромъ мѣшкѣ, можетъ-быть, имѣется хоть какое-нибудь платье; но мѣшокъ, въ продолженіе 8—10 часовъ ничѣмъ не покрытый, былъ подъ проливнымъ дождемъ, и мокрымъ платьемъ нельзя воспользоваться. Еслибы правительство хоть немного заботилось о самыхъ элементарныхъ удобствахъ и здоровьѣ ссыльныхъ, то оно завело бы брезенты для багажа. Увеличивъ издержки по транспорту ссыльныхъ лишь на гроши, этотъ расходъ сохранилъ бы жизнь сотнямъ людей, которые, промокши до костей, послѣ перехода въ 30 верстъ, приходятъ на этапъ и не имѣютъ сухого платья для смѣны. Суммъ, расходуемыхъ на похороны несчастныхъ жертвъ такого порядка отъ крупа, плеврита и воспаленія легкихъ, было бы достаточно на пріобрѣтеніе брезента для каждой телѣги съ багажемъ — и все же этого не дѣлаютъ.

Если меня спросятъ: почему? — я могу только отвѣтить, что тѣ чиновники, которые признаютъ необходимость этой мѣры, не имѣютъ власти, а тѣ, которые имѣютъ власть, относятся ко всему равнодушно. Этотъ отвѣтъ мнѣ приходилось получать всякій разъ, какъ я спрашивалъ: „почему?“ — „почему же нѣтъ?“ А спрашивалъ я объ этомъ въ Сибири постоянно.

— Сколько разъ я уже предлагалъ, — говорилъ мнѣ однажды одинъ изъ высшихъ чиновниковъ пересыльнаго управленія, — перевозить арестантовъ лѣтомъ къ мѣсту назначенія вмѣсто того, чтобы заставлять ихъ въ теченіе круглаго года ходить пѣшкомъ! Я послѣ тщательныхъ вычисленій цифрами доказалъ, что перевозка ссыльныхъ въ телѣгахъ въ теченіе лѣта между Ачинскомъ и Иркутскомъ будетъ не только гуманнѣе, но и дешевле, и что, благодаря сбереженію времени, пищи и одежды, расходы на человѣка уменьшатся на 14 рублей.

— Почему не приняли во вниманіе вашего предложенія? — спросилъ я.

Вмѣсто отвѣта мой собесѣдникъ только пожалъ плечами.

— Я неоднократно протестовалъ, — говорилъ мнѣ другой чиновникъ, — противъ пріема отъ поставщиковъ завѣдомо несоотвѣтствовавшихъ образцамъ предметовъ, — но безрезультатно. Вмѣсто хорошей обуви доставляется такая, которая черезъ два дня превращается въ лохмотья, и ссыльные вынуждены итти босикомъ. Къ сожалѣнію, я безсиленъ сдѣлать что-нибудь, кромѣ доклада по начальству.

Находясь въ Иркутскѣ, я однажды посѣтилъ г. Петрова, занимавшаго тогда постъ иркутскаго губернатора, и засталъ у него полковника Загарина, инспектора пересыльнаго управленія восточной Сибири.

Полковникъ просилъ губернатора сравнить только что принятую губернскимъ правленіемъ обувь, предназначенную для ссыльныхъ, съ обувью, данной подрядчику въ качествѣ образца. Онъ протестовалъ противъ пріема такого плохого товара и настаивалъ на разслѣдованіи. Обманъ былъ очевиденъ, тысячи бѣдныхъ ссыльныхъ должны были страдать отъ его послѣдствій, такъ какъ эта обувь не выдержала бы и двухъ дней. Пять мѣсяцевъ спустя, по возвращеніи изъ Забайкалья, я спросилъ полковника Загарина, каковъ былъ результатъ его протеста.

— Никакого, — отвѣтилъ онъ.

— Неужели эта обувь дѣйствительно была роздана ссыльнымъ?

— Да,— отвѣтилъ онъ.

Я замолчалъ. Я могъ бы привести множество примѣровъ, какъ благодаря индифферентизму и взяточничеству офиціальныхъ лицъ жизнь ссыльныхъ въ пути становится прямо невыносимой. Но къ чему? Языкъ больничныхъ отчетовъ и цифръ смертности достаточно краснорѣчивъ. Сотни арестантовъ обоего пола и всякаго возраста заболѣваютъ въ пути и, послѣ того какъ ихъ трясли еще въ продолженіе 8—14 дней на ужасныхъ телѣгахъ, ихъ сдаютъ, наконецъ, въ одинъ изъ этапныхъ лазарстовъ между Ачинскомъ и Иркутскомъ, гдѣ ихъ ожидаютъ самыя невозможныя условія.

Жестоко везти заболѣвшаго воспаленіемъ легкихъ или тифомъ на открытой телѣгѣ безъ рессоръ и въ теченіе многихъ дней подвергать его всѣмъ перемѣнамъ погоды; но что же дѣлать конвойному офицеру при настоящемъ положеніи дѣлъ? Онъ не можетъ оставлять больныхъ безъ надзора въ пустомъ этапномъ помѣщеніи, такъ какъ и онъ и его солдаты должны сопровождать партію дальше. Такимъ образомъ у него не остается ничего иного, какъ везти несчастныхъ съ собою до одного изъ лазаретовъ, удаленныхъ обыкновенно другъ отъ друга на громадныя разстоянія.

Какъ часто на большомъ сибирскомъ трактѣ я былъ близокъ къ отчаянію отъ почти невыносимыхъ трудностей пути! но всякій разъ я вспоминалъ тогда о сотняхъ тяжело больныхъ женщинъ и мужчинъ, которымъ приходится переносить еще несравненно бо́льшія лишенія и страданія, имѣя къ тому же одну только надежду: достигнуть, наконецъ, зачумленнаго лазарета, чтобы тамъ умереть, по крайней мѣрѣ, подъ крышей, — такъ какъ у нихъ, судя по офиціальнымъ отчетамъ, очень мало шансовъ на выздоровленіе. Г-нъ Галкинъ-Врасскій, начальникъ тюремнаго и пересыльнаго управленія, въ офиціальномъ докладѣ министру внутреннихъ дѣлъ, такъ описываетъ состояніе лазаретовъ между Ачинскомъ и Иркутскомъ:

„До 1885 года еще не было приступлено къ сооруженію лазаретовъ для заболѣвающихъ въ пути ссыльныхъ, а равно не пріискивались врачи и фельдшера для подачи арестантамъ медицинской помощи въ пути. Согласно § 5 отдѣла 363 „Положенія о ссыльныхъ“,

гражданскіе и военные врачи обязаны осматривать больныхъ на этапахъ и заботиться объ организаціи для нихъ ухода. Гражданскихъ врачей вообще не имѣется въ деревняхъ вблизи этаповъ, а военные врачи находятся только на этапахъ Шерагульскомъ, Бирюзинскомъ и Тыретскомъ. На этихъ пунктахъ находятся военные лазареты съ 6 кроватями каждый для больныхъ солдатъ конвойной команды. Всѣ заболѣвшіе между Ачинскомъ и Иркутскомъ арестанты до 1885 года получали медицинскую помощь на этихъ трехъ этапахъ[1]), но не въ военныхъ лазаретахъ, а въ обыкновенныхъ камерахъ этапа. Здѣсь всѣ больные, безъ различія возраста, пола и болѣзни, находились въ одномъ и томъ же помѣщеніи, которое никоимъ образомъ не соотвѣтствовало своему назначенію. Здѣсь не было сидѣлокъ, необходимаго бѣлья, кроватей, постельныхъ принадлежностей, даже посуды для пищи"[2]).

При такихъ обстоятельствахъ для больныхъ мало надежды на выздоровленіе; смертность ссыльныхъ въ пути между Томскомъ и Иркутскомъ достигаетъ въ годъ 12—15%[3]).

Никого не удивитъ, конечно, что ссыльные въ промежуткѣ между двумя этапами пытаются иногда бѣжать отъ этой жизни, полной нужды и горя. Опытные бродяги обмѣниваются фамиліями съ тѣми ссыльными, которые скоро должны уже достигнуть мѣста своего назначенія. Время отъ времени 2—3 смѣлыхъ арестанта пытаются бѣжать на ура, прорываясь сквозь цѣпь солдатъ. Въ нихъ сейчасъ же стрѣляютъ и обыкновенно укладываютъ нѣсколькихъ. Если партія ссыльныхъ находится въ густомъ лѣсу, то солдаты принуждены стрѣлять наобумъ, и бѣглецы могутъ скрыться. Въ безопасномъ мѣстѣ они освобождаютъ себя отъ оковъ и въ то время, какъ партія, къ которой они принадлежали, медленно подвигается къ востоку, они примыкаютъ къ одному изъ отрядовъ большой арміи бродягъ, идущихъ на западъ съ цѣлью пробраться на Уралъ.

IX.

Жизнь административно сосланныхъ.

Въ главѣ „Ссылка административнымъ порядкомъ" я привелъ цѣлый рядъ фактовъ для иллюстраціи того, что въ Россіи называется „административной" ссылкой политическихъ преступниковъ; въ настоящей главѣ я опишу жизни политическихъ уже на мѣстахъ ихъ высылки.

---

[1]) Разстоянія между этими этапами слѣдующія: отъ Ачинска до Бирюзинской 528 верстъ, отъ Бирюзинской до Шерагульской 300 верстъ, отъ Шерагульской до Тыретской 135 верстъ, отъ Тыретской до Иркутска 210 версть. Партія ссыльныхъ, въ среднемъ, проходитъ въ недѣлю 120 верстъ.

[2]) Отчетъ г. Галкина-Врасскаго за 1885 годъ.

[3]) Въ 1883 г. между Томскомъ и Ачинскомъ за 21 день умерло 70 ссыльныхъ (отчетъ инспектора по пересыльному управленію, 1884 г., стран. 32—33).

Ссылка „неблагонадежныхъ“ русскихъ гражданъ по простому распоряженію, безъ суда и слѣдствія, получила широкое распространеніе въ Россіи только въ послѣдніе годы царствованія Александра II. Если такимъ образомъ избавлялись отъ безпокойныхъ людей и раньше, то только въ 1878—1879 годахъ, когда между полицейской властью и террористами возгорѣлась ожесточенная борьба, административная ссылка сдѣлалась явленіемъ совершенно обыденнымъ, и люди, извѣстные своими либеральными убѣжденіями или заподозрѣнные въ симпатіи къ революціонному движенію, стали десятками ссылаться въ Сибирь. Если при обыскѣ полиціей у молодого человѣка были найдены запрещенныя книги или номеръ „Вѣстника Народной Воли“, то этого было вполнѣ достаточно, чтобы сослать его. Если студентъ, желая поднять культурный уровень низшихъ слоевъ, открывалъ въ одномъ изъ предмѣстій Петербурга вечерніе классы для фабричныхъ рабочихъ, то онъ ссылался административнымъ порядкомъ въ Сибирь. Если позднимъ вечеромъ заставали собравшихся молодыхъ людей, то имена ихъ заносились въ списки „неблагонадежныхъ“; если же они уличались въ этомъ вторично, то правительство въ интересахъ общественнаго порядка считало необходимымъ предпринять болѣе энергичныя мѣры: оно арестовывало и высылало въ Сибирь, какъ заговорщиковъ, молодыхъ людей, которые собирались, быть можетъ, только для того, чтобы вмѣстѣ читать сочиненія Спенсера или Милля. Само собою понятно, что административнымъ порядкомъ ссылались друзья и родственники революціонеровъ, и еще задолго до убійства Александра II было арестовано и безъ судебнаго разбирательства, по одному приказу министра внутреннихъ дѣлъ, сослано въ Сибирь 600—800 молодыхъ людей изъ всѣхъ слоевъ общества. Къ концу 1880 года въ западной Сибири едва ли былъ городъ или значительное село, гдѣ не проживали бы административно сосланные, а въ Тарѣ, Тюкалинскѣ, Ишимѣ, Ялуторовскѣ, Семипалатинскѣ, Кокчетавѣ, Акмолинскѣ, Курганѣ, Сургутѣ, Усть-Каменогорскѣ, Омскѣ, Томскѣ и Березовѣ находились цѣлыя колоніи такихъ преступниковъ.

Въ то время не было еще законовъ, регулирующихъ отношенія администраціи къ этой категоріи ссыльныхъ. Административная ссылка была мѣрой, такъ сказать, внѣзаконной, актомъ, вполнѣ зависящимъ отъ личныхъ побужденій и единичной воли представителей высшей администраціи. Ссылали на годъ, на 10 лѣтъ, на всю жизнь; сосланному можно было назначить для жительства выжженную солнцемъ степь Иртыша или ледяную пустыню Якутской области; съ нимъ можно было обращаться какъ съ несовершеннолѣтнимъ, какъ съ поселенцемъ или арестантомъ, и, такъ какъ въ его рукахъ не было никакого санкціонированнаго закономъ права, то его положеніе было хуже, чѣмъ самаго закоренѣлаго преступника. Послѣдній, по крайней мѣрѣ, зналъ, на какой срокъ и за что онъ наказанъ; его отношеніе къ государству было точно опредѣлено закономъ, и законъ же ограждалъ его отъ дурного обращенія со стороны низшихъ сибирскихъ чиновниковъ. Административно сосланный не пользовался такой защитой; онъ стоялъ внѣ закона; его ссылка могла быть продолжена

только по одному желанію администраціи; онъ не имѣлъ точно опредѣленныхъ правъ ни въ качествѣ гражданина, ни въ качествѣ преступника и не былъ въ состояніи опредѣлить, не превысила ли въ примѣненіи къ нему мѣстная администрація предоставленныхъ ей полномочій. Единственнымъ ограниченіемъ произвола администраціи служили „секретныя“ предписанія, которыя она по временамъ получала отъ министра внутреннихъ дѣлъ; но и это ограниченіе было болѣе номинальное, чѣмъ дѣйствительное, такъ какъ циркуляры, касающіеся политическихъ, часто были настолько противорѣчивы или безсодержательны, что мѣстныя власти большею частью дѣйствовали наобумъ, какъ Богъ на душу положитъ. Естественнымъ слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ явились безпорядокъ, путаница и превышеніе власти. Въ одномъ городѣ ссыльные должны были каждый день являться въ полицію расписываться въ книгѣ и лично представляться исправнику; въ другомъ — они постоянно находились подъ унизительнымъ надзоромъ, который проникалъ даже въ спальни женщинъ-родственницъ политическихъ ссыльныхъ. Одинъ исправникъ разрѣшалъ имъ кое-что зарабатывать себѣ уроками или врачебной практикой, другой сажалъ въ тюрьму за то, что они давали уроки музыки или прописали дозу хины. Одинъ ссыльный, въ Усть-Каменогорскѣ, могъ отлучаться отъ города на 4—6 верстъ безъ разрѣшенія, въ то время какъ другой, въ Ишимѣ, былъ высланъ въ улусъ Якутской области за то, что ушелъ изъ города въ сосѣдній лѣсъ собирать ягоды. Всякія неправильности и недоразумѣнія, вызывавшія повсюду столкновенія между ссыльными и мѣстной администраціей, случались ежедневно.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ 1882 году Александръ III не издалъ законовъ, касающихся всѣхъ лицъ, живущихъ въ ссылкѣ или состоящихъ подъ полицейскимъ надзоромъ[1]). Я сдѣлаю краткое обозрѣніе этого положенія и на тщательно подобранныхъ примѣрахъ выясню ихъ вліяніе на жизнь административно сосланныхъ въ Сибири. Эти законы распадаются на 40 отдѣловъ и занимаютъ 5 страницъ убористой печати in octavo. Прежде всего бросается въ глаза, что въ этомъ положеніи, относящемся почти исключительно къ административно сосланнымъ, нигдѣ не упоминаются слова „ссылка“, „изгнаніе“ или „Сибирь“. Авторъ этихъ законовъ, повидимому, стыдился того, что они относятся къ женщинамъ и мужчинамъ, которыхъ отрываютъ отъ семьи и безъ судебнаго разбирательства ссылаютъ въ отдаленнѣйшія мѣста въ Сибири. Единственный намекъ на административную ссылку заключается въ словахъ:

„Лица, которымъ указано опредѣленное мѣсто жительства, вслѣдствіе этого становятся подъ надзоръ полиціи на все время своего тамъ пребыванія“. (Отдѣлъ 2-й).

Ничто въ этихъ безцвѣтныхъ словахъ не указываетъ на то, что „опредѣленное мѣсто жительства“, указанное нѣкоторымъ лицамъ, можетъ лежать за полярнымъ кругомъ въ 7000 верстахъ отъ Петер-

---

[1]) „Положеніе о политическомъ надзорѣ“, утвержденное 12 марта 1882 года

бурга; неопытный читатель можетъ заучить наизусть все „Положеніе“, — и все же ему не придетъ на мысль, что оно относится къ людямъ, безъ судебнаго разбирательства сосланнымъ къ монгольской границѣ или въ грязныя якутскія юрты вблизи сѣвернаго полюса. Составитель „Положенія“ на первомъ планѣ выставляетъ полицейскій надзоръ, а то, что онъ иносказательно называетъ „назначеніемъ опредѣленнаго мѣстожительства“, совершенно незамѣтно фигурируетъ на заднемъ планѣ.

Нравственное чувство проснулось бы, вѣроятно, у русскихъ, если бы законодатель далъ своимъ законамъ ихъ настоящее имя: „Положеніе о лицахъ, безъ судебнаго разбирательства сосланныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Сибирь“. Простыя, ничѣмъ не прикрытыя слова: „безъ судебнаго разбирательства сосланные въ Сибирь“ звучатъ непріятно, но сто́итъ только замѣнить ихъ словами: „лицамъ вреднымъ для общественнаго спокойствія можетъ быть указано административнымъ порядкомъ опредѣленное мѣсто жительства“ — и въ нихъ нѣтъ ничего такого, что могло бы оскорбить самую чувствительную душу.

Когда узнаешь, что русскій гражданинъ, не уличенный ни въ какомъ преступленіи, арестуется полиціей и по одному административному приказу ссылается на многіе годы въ сибирскую деревню, то вполнѣ естественно, что встаютъ вопросы: „на какую же жизнь обрекаютъ его? Какъ урегулировалъ законъ вопросъ объ его питаніи? Что ему разрѣшено и что запрещено? каково вообще обращеніе съ нимъ?“ На каждый изъ этихъ вопросовъ отвѣчаетъ „Положеніе о политическомъ надзорѣ“, и такъ какъ офиціальные отвѣты на подобные вопросы имѣютъ бо́льшій вѣсъ, чѣмъ отвѣты ссыльныхъ, то я вкратцѣ изложу это „Положеніе“, которое административно сосланные иногда въ шутку называютъ своей „конституціей“ или „биллемъ о правахъ“.

„Наибольшій срокъ, на который ссылаются подъ полицейскій надзоръ, не превышаетъ пяти лѣтъ“. (Отдѣлъ 3-й).

„Какъ только ссыльный достигъ мѣста своего назначенія, онъ долженъ отдать свой паспортъ и вмѣсто него получить другой документъ, въ который заносится его имя, званіе и прежнее мѣсто жительства съ указаніемъ назначеннаго ему мѣста жительства“. (Отдѣлъ 5-й).

„Въ случаѣ крайней нужды ссыльный можетъ получить разрѣшеніе на время отлучиться изъ мѣста своего жительства, если его поведеніе заслужило одобреніе полиціи; если онъ хочетъ выѣхать за предѣлы уѣзда, то соотвѣтственное разрѣшеніе выдается только губернаторомъ; оставить же предѣлы губерніи онъ можетъ только съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ“. (Отдѣлъ 8-й).

„Административно сосланный, получившій разрѣшеніе на отъѣздъ изъ мѣста своего жительства, долженъ получить паспортъ и точный маршрутъ пути, котораго онъ обязанъ придерживаться; онъ не долженъ дѣлать въ пути остановокъ; если онъ заболѣетъ или вообще не будетъ въ состояніи продолжать путь, онъ обязанъ тотчасъ же

извѣстить объ этомъ ближайшее начальство; вездѣ, во всякомъ городѣ, во всякой деревнѣ, ему вмѣняется въ обязанность являться въ полицію; если его поведеніе въ пути начинаетъ внушать подозрѣнія, онъ въ любое время и съ любого пункта, несмотря на разрѣшеніе, можетъ быть направленъ обратно въ мѣсто ссылки". (Отдѣлъ 9—16).

„Административно сосланные обязуются по первому приглашенію полиціи являться къ ней". (Отдѣлъ 16).

„Мѣстная полиція имѣетъ право во всякій часъ дня и ночи войти въ домъ или въ комнату административно сосланнаго, произвести обыскъ и конфисковать все, что бы тамъ ни было". (Отдѣлъ 19).

„Административно сосланные не имѣютъ права занимать должностей на государственной и общественной службѣ; должности писцовъ въ городскихъ или какихъ-либо другихъ учрежденіяхъ могутъ быть предоставляемы имъ только съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ". (Отдѣлъ 21).

„Административно сосланные могутъ быть учредителями, предсѣдателями или членами какого-либо частнаго общества лишь съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ". (Отдѣлы 32 и 33).

„Административно сосланнымъ воспрещается какъ всякаго рода педагогическая дѣятельность, такъ и преподаваніе искусствъ или ремеслъ; они не имѣютъ права читать публичныхъ лекцій, участвовать въ публичныхъ собраніяхъ научныхъ обществъ, принимать участіе въ театральныхъ представленіяхъ; вообще, они не должны заниматься какою бы то ни было общественною дѣятельностью. Имъ воспрещается дѣлаться собственниками фотографическаго или литографскаго заведенія, типографіи или библіотеки; равнымъ образомъ они не имѣютъ права ни въ одномъ изъ вышеуказанныхъ заведеній служить въ качествѣ надзирателя, писца или рабочаго. Они не имѣютъ права заниматься продажей книгъ или другихъ произведеній печати, содержать чайныя или питейныя заведенія или вообще продавать опьяняющіе напитки". (Отдѣлъ 24).

„Административно сосланные не должны быть принимаемы безъ спеціальнаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ въ казенныя, частныя или какія-либо другія учебныя заведенія". (Отдѣлъ 25).

„Административно сосланные не имѣютъ права выступать въ судахъ; въ качествѣ защитниковъ они могутъ выступать лишь въ случаяхъ, когда дѣло касается ихъ лично, ихъ родителей, женъ и дѣтей. Исполненіе обязанностей врачей, акушеровъ, аптекарей и химиковъ можетъ быть имъ предоставлено только съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ". (Отдѣлы 26 и 27).

„Всѣ законныя занятія, не упомянутыя въ настоящихъ правилахъ, должны быть доступны для административно сосланныхъ; но мѣстный губернаторъ можетъ по собственному усмотрѣнію запретить административно сосланному заниматься дѣломъ, которое по мѣстнымъ условіямъ могло бы дать ему возможность преслѣдовать незаконныя цѣли или вредить общественному порядку и спокойствію". (Отдѣлъ 28).

„Министръ внутреннихъ дѣлъ имѣетъ право не выдавать админи-

стративно сосланнымъ полученныхъ на ихъ имя писемъ и телеграммъ и ставить подъ контроль полиціи всю ихъ корреспонденцію, какъ исходящую отъ нихъ, такъ и адресованную имъ". (Отдѣлъ 29).

„Нарушеніе правилъ, изложенныхъ въ отдѣлахъ 1—29, наказуется тюремнымъ заключеніемъ на срокъ отъ 3 дней до одного мѣсяца. Сосланные административнымъ путемъ, которые покинутъ безъ разрѣшенія мѣсто своей ссылки, могутъ быть осуждены и наказаны согласно отдѣлу 63 Свода Законовъ, точно опредѣляющему юрисдикцію мировыхъ судей". (Отдѣлъ 32).

„Административно сосланные, не имѣющіе средствъ къ существованію для себя и для своей семьи, если она добровольно послѣдовала за ними въ мѣсто ссылки, получаютъ отъ правительства деньги на содержаніе. Ссыльные, не находящіе занятій вслѣдствіе дурного поведенія или лѣности, не пользуются этой поддержкой". (Отдѣлы 33—37).

„Административно сосланные и ихъ семьи, въ случаѣ болѣзни, пользуются врачебнымъ уходомъ въ мѣстныхъ больницахъ на казенный счетъ". (Отдѣлъ 38).

„Административно сосланные, не обладающіе достаточными средствами, чтобы, по истеченіи срока ссылки, на свой счетъ вернуться на родину, получаютъ на этотъ предметъ, согласно Высочайшему Указу отъ 10 января 1881 года, вспомоществованіе отъ правительства, если только министръ внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ этимъ лицамъ не рѣшаетъ принять особыхъ мѣръ". (Отдѣлъ 40).

Такова вкратцѣ „конституція" административно сосланныхъ. Двусмысленныя и неясныя выраженія текста: „лица, состоящія подъ полицейскимъ надзоромъ", „указаніе опредѣленнаго мѣста жительства" и „мѣстопребываніе" я повсюду замѣнилъ словами: „административно сосланные", „ссылка" и „мѣсто ссылки" и этимъ выставилъ правила въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Административно сосланные не квалифицируются въ русскомъ законодательствѣ, какъ изгнанники; законъ по отношенію къ нимъ пользуется вышеуказанными иносказательными терминами. Облегчится ли горе несчастной матери, когда законъ скажетъ, что ея сынъ не „сосланъ", но что ему только „указано опредѣленное мѣсто жительства" вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ погибли отъ голода и холода капитанъ Де-Лонгъ и матросы „Жанетты"?

Когда административно сосланный послѣ нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ этапнаго путешествія достигаетъ, наконецъ, города или деревни въ Сибири, которое „предназначено ему для жительства", его ведутъ въ полицейское управленіе, снабжаютъ видомъ на жительство и печатнымъ экземпляромъ „Положенія о политическомъ надзорѣ". Въ то же время ему сообщаютъ, что безъ разрѣшенія онъ не имѣетъ права отлучаться изъ мѣста своей ссылки, что его корреспонденція подвергается контролю, что въ опредѣленные сроки онъ лично долженъ являться къ высшему представителю мѣстной полиціи или что къ нему будетъ заходить чиновникъ, которому порученъ надзоръ за нимъ, такъ часто, какъ это будетъ признано нужнымъ. Первой заботой ссыльнаго является, конечно, отыскать себѣ кровъ, и вотъ, со своимъ видомъ на жительство и „Правилами", онъ пус-

кается въ поиски за квартирой. На выданномъ ему документѣ не отмѣчено, что онъ политическій ссыльный, но объ этомъ знаютъ уже всѣ въ деревнѣ, такъ какъ видѣли, какъ онъ подъ конвоемъ прибылъ въ деревню, и поэтому домовладѣльцы отказываются сдать ему квартиру въ своемъ домѣ: политическій ссыльный, по всей вѣроятности, опасный человѣкъ, а, сверхъ того, и днемъ и ночью къ нему можетъ притти съ визитомъ полиція. Между тѣмъ крестьянину неудобно ежедневно, а можетъ-быть, и нѣсколько разъ въ день подвергаться нашествіямъ подозрительныхъ полицейскихъ; опасается онъ и того, какъ бы ему не поручили слѣдить за каждымъ шагомъ опаснаго жильца и не стали во всякое время вызывать въ полицію для дачи соотвѣтственныхъ показаній. Принимая во вниманіе такія непріятныя перспективы, онъ считаетъ болѣе безопаснымъ не имѣть ничего общаго съ человѣкомъ, относительно котораго извѣстно только то, что онъ состоитъ подъ полицейскимъ надзоромъ. Когда усталый политическій переходитъ такимъ образомъ отъ дома къ дому и вездѣ видитъ себя окруженнымъ страхомъ и подозрѣніемъ, онъ начинаетъ понимать, почему поселенецъ называетъ свой видъ на жительство „волчьимъ паспортомъ".

Наконецъ, — можетъ-быть, съ помощью другого политическаго, ему удается снять скудно меблированную комнату; тогда онъ распаковываетъ свои вещи и старается осмотрѣться. Первый и важнѣйшій вопросъ — вопросъ о средствахъ къ существованію. На что жить? Онъ оставилъ жену и дѣтей безъ всякихъ средствъ въ Европейской Россіи; ихъ безпомощное положеніе доставляло ему много страданій, а теперь передъ нимъ встаетъ мучительный вопросъ, какъ обезпечить пропитаніемъ самого себя. Что ему дѣлать? Онъ внимательно прочитываетъ „Положеніе о политическомъ надзорѣ", и узнаетъ изъ отдѣла 33, что „не имѣющіе средствъ политическіе ссыльные" получаютъ отъ правительства „вспомоществованіе". Оно состоитъ, какъ онъ узнаетъ далѣе, изъ 6 рублей въ мѣсяцъ. Онъ наводитъ справки и видитъ, что этихъ денегъ совершенно недостаточно для самыхъ необходимыхъ потребностей. Такимъ образомъ онъ предоставленъ самому себѣ, и только трудъ можетъ дать ему необходимыя средства къ существованію. Конечно, въ отдаленной сибирской деревнѣ труднѣе, чѣмъ въ Петербургѣ и Москвѣ, найти себѣ занятіе, соотвѣтствующее его знаніямъ. Онъ и не мечтаетъ, конечно, о выгодномъ занятіи, о работѣ по сердцу; онъ согласенъ на всякій трудъ, лишь бы онъ давалъ возможность душѣ держаться въ тѣлѣ. Онъ съ университетскимъ образованіемъ; онъ знаетъ 3—4 языка; возможно, что онъ опытный врачъ, какъ докторъ Бѣлый въ Верхоянскѣ, или фотографъ, какъ г. Карелинъ въ Усть-Каменогорскѣ, или журналистъ, какъ г. Бѣлоконскій въ Минусинскѣ; у него красивый почеркъ, онъ знакомъ съ счетоводствомъ; онъ опытный педагогъ и прекрасный музыкантъ. Онъ думаетъ, что даже въ Сибири ему должно удаться заработывать въ день, по крайней мѣрѣ, 60 коп., на 18 рублей въ мѣсяцъ онъ могъ бы жить прилично и сравнительно комфортабельпо. Онъ опять беретъ въ руки „Положеніе" и видитъ, что ему подъ угрозой тю-

ремнаго наказанія запрещено заниматься дѣятельностью учителя, врача, химика, фотографа, литографа, библіотекаря, переписчика, издателя, композитора, литератора, газетнаго сотрудника, оратора, артиста, адвоката или книгопродавца; онъ не имѣетъ права занимать общественной должности. Что же остается для образованнаго человѣка? Всякое занятіе, къ которому онъ былъ подготовленъ своимъ воспитаніемъ, ему воспрещено. У него нѣтъ необходимой ловкости рукъ и навыка, чтобы работать въ качествѣ плотника, сапожника, каретника или кузнеца; у него нѣтъ капитала, чтобы сдѣлаться купцомъ или торговцемъ; заняться извозомъ онъ также не можетъ, такъ какъ не можетъ покинуть деревни, назначенной ему мѣстомъ жительства. Единственное, что ему остается, — это обработывать землю. „Положеніе о политическомъ надзорѣ“ не запрещаетъ ему разводить картофель, рѣпу и капусту, — такъ какъ нѣтъ опасности, что онъ заразитъ почву своими революціонными идеями — и онъ рѣшаетъ при помощи земледѣлія разрѣшить трудный жизненный вопросъ. Но вся земли вблизи деревни принадлежитъ крестьянскому обществу и уже распредѣлена между его членами. На разстояніи 4—5 верстъ отъ поселка онъ могъ бы найти свободную землю для обработки, но если онъ выйдетъ за границу селенія, то ему грозитъ опасность быть арестованнымъ. При такомъ безнадежномъ положеніи дѣлъ сосланному въ Сибирь и связанному по рукамъ и по ногамъ „Положеніемъ о политическомъ надзорѣ“ не остается другого выхода, какъ обратиться къ губернатору, генералъ-губернатору или министру внутреннихъ дѣлъ и вымаливать у нихъ, какъ милости, права работать изъ-за куска насущнаго хлѣба.

Въ 1883 году политическіе ссыльные въ Акмолинскѣ просили у генерала Колпаковскаго, генералъ-губернатора Степного края, разрѣшенія давать уроки музыки. Получая незначительное пособіе отъ правительства и ничтожное вознагражденіе за тѣ занятія, которыя не были воспрещены „Положеніемъ“, они не могли все таки сводить концы съ концами. Они могли давать уроки музыки и просили соотвѣтственнаго разрѣшенія. Это, кажется, очень скромная, естественная и разумная просьба. Рояль не представляетъ собою ничего „опаснаго или вреднаго для общественнаго порядка“, и можно было ожидать, что сибирскія дѣти не сдѣлались бы нигилистами, играя музыкальныя упражненія. Но генералъ-губернаторъ Колпаковскій либо пологалъ, что подавшіе прошеніе станутъ подкапываться подъ вѣрноподданническія чувства акмолинскихъ дѣтей, обучая ихъ революціоннымъ пѣснямъ, либо находилъ, что лишенія и нужда — наилучшіе друзья ссыльныхъ. Въ виду этого онъ отвѣтилъ, что преподаваніе запрещено „Положеніемъ о политическомъ надзорѣ“; если же административно сосланные въ Акмолинскѣ нуждаются въ работѣ для того, чтобы добывать себѣ пропитаніе, то они могутъ наниматься къ киргизамъ, которые платятъ своимъ работникамъ 15 — 20 копѣекъ ежедневно.

Приблизительно въ то же время политическіе ссыльные въ Усть-Каменогорскѣ ходатайствовали передъ губернаторомъ Колпаковскимъ

о разрѣшеніи занять для обработки клочокъ казенной земли. Они обязывались улучшить почву, платить аренду, какъ только соберутъ что-нибудь съ участка, и по истеченіи срока ссылки вернуть казнѣ безъ всякаго вознагражденія участокъ со всѣми сдѣланными ими улучшеніями. На это разумное и выгодное для казны предложеніе усть-каменогорскіе ссыльные получили отъ генералъ-губернатора такой же отвѣтъ, какъ и акмолинскіе, а именно, что они въ качествѣ поденщиковъ могутъ работать у казаковъ[1]).

„Положеніе о политическомъ надзорѣ“ не во всѣхъ частяхъ Сибири соблюдается съ одинаковой строгостью; воспрещеніе ссыльнымъ тѣхъ или другихъ занятій часто зависитъ отъ личнаго вкуса чиновниковъ. Покойный губернаторъ Семипалатинской области относился къ ссыльнымъ, бывшимъ въ его вѣдѣніи, гуманно и снисходительно, и не потому, что онъ симпатизировалъ ихъ идеямъ, а потому, что былъ джентльменъ и гуманный чиновникъ. Такой же похвалы заслуживаетъ и г. Пѣтуховъ, во время моего посѣщенія исполнявшій обязанности томскаго губернатора. Напротивъ, въ Тобольской губерніи съ административно сосланными всегда обращались жестоко, а иногда даже варварски. Въ апрѣлѣ 1888 года 19 политическихъ города Сургута[2]) въ жалобѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ протестовали противъ деспотической жестокости губернатора Тобольской губерніи г. Тройницкаго и указывали, что ихъ положеніе прямо невыносимо. Въ какомъ отчаянномъ положеніи находились эти ссыльные, видно изъ того, что для нѣкоторыхъ изъ нихъ срокъ ссылки почти истекъ; еще короткое время безмолвныхъ страданій — и они были бы свободны. Но и мѣра человѣческихъ страданій имѣетъ предѣлъ, и сургутскіе ссыльные, повидимому, достигли его. Короткая замѣтка въ сибирской газетѣ сообщаетъ о ихъ судьбѣ и исходѣ ихъ протеста. Въ ней говорится, что 19 „дерзкихъ“ политическихъ ссыльныхъ „удалены“ изъ города Сургута, и что губернаторъ г. Тройницкій выразилъ „офиціальную благодарность“ сургутскому исправнику и тобольскому полицеймейстеру за ревностное исполненіе обязанностей при этомъ „удаленіи“.

Въ какую отдаленную глушь Сибири были сосланы эти 19 несчастныхъ политическихъ за свое смѣлое намѣреніе тронуть сердце министра внутреннихъ дѣлъ графа Дмитрія Толстого, — мнѣ неизвѣстно.

---

[1]) Эти примѣры чиновничьяго равнодушія и жестокости сообщилъ мнѣ письменно политическій ссыльный Семипалатинской области, которому я вполнѣ довѣряю. Въ Омскѣ я не засталъ генерала Колпаковскаго, поэтому не имѣю собственнаго мнѣнія о немъ; но я познакомился съ губернаторомъ Акмолинской области, и онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, который былъ бы въ состояніи предложить генералъ-губернатору для подписи бумагу, подобную той, которую получили акмолинскіе ссыльные въ отвѣтъ на свое ходатайство о разрѣшеніи имъ давать уроки музыки. Въ восточной Сибири я имѣлъ случай наблюдать еще болѣе жестокія и болѣе невѣроятныя бюрократическія распоряженія.

[2]) Сургутъ—городъ съ 1300 жителей, на правомъ берегу Оби, въ Тобольской губерніи, приблизительно 5 градусами южнѣе сѣвернаго полярнаго круга. Онъ отстоитъ на 862 версты отъ Тобольска и на 3750 верстъ отъ Петербурга.

Существуетъ только немного „мѣстъ жительства“, которыя хуже Сургута. Первое изъ нихъ — Березовъ на Оби въ 4050 верстахъ Петербурга; второе — Туруханскъ, городъ изъ 32 домовъ со 181 жителемъ, близъ сѣвернаго полярнаго круга, и третье — столь прославленныя якутскія юрты въ Якутской области[1]).

Административно сосланнаго, находящагося въ вѣдѣніи такого губернатора, какъ Тройницкій, только крайняя нужда можетъ заставить ходатайствовать предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ объ облегченіи своего ужаснаго положенія. Собственныхъ средствъ онъ не имѣетъ; на 6 рублей въ мѣсяцъ, получаемыхъ имъ отъ казны, онъ существовать не можетъ, а осуществляемое губернаторомъ со всей строгостью „Положеніе о политическомъ надзорѣ“ абсолютно лишаетъ его возможности зарабатывать себѣ хлѣбъ насущный безъ того, чтобы не попасть въ тюрьму. При такихъ обстоятельствахъ политическій ссыльный, который можетъ быть врачомъ, сообщаетъ объ этихъ фактахъ министру внутреннихъ дѣлъ; онъ доводитъ до свѣдѣнія его превосходительства, что въ той мѣстности, которая назначена ему мѣстомъ жительства, нѣтъ врача, и проситъ разрѣшенія заниматься своей профессіей. Ссыльный живетъ, можетъ-быть, въ округѣ, гдѣ 20.000 жителей, разсѣянныхъ по цѣлымъ сотнямъ квадратныхъ верстъ, и гдѣ самымъ настоятельнымъ образомъ ощущается потребность во врачѣ[2]).

Слѣдовало бы ожидать, что просьба врача о разрѣшеніи заниматься врачебной практикой въ подобной мѣстности не только будетъ исполнена, но принята съ благодарностью. Какъ же относится министръ внутреннихъ дѣлъ къ подобному прошенію?

Въ 1883 году Медицинское общество въ Твери отправило докладную записку министру внутреннихъ дѣлъ, въ которой оно, въ виду крайней нужды во врачебной помощи въ Сибири, обращало вниманіе его превосходительства на большое число врачей и студентовъ-медиковъ, проживающихъ въ Сибири въ качествѣ сосланныхъ. Оно ходатайствовало предъ правительствомъ объ освобожденіи выше указанныхъ врачей и студентовъ отъ соблюденія параграфа 27 „Положенія о политическомъ надзорѣ“ и о разрѣшеніи имъ практики въ мѣстахъ ихъ ссылки. Что болѣе заслуживало вниманія, чѣмъ подобное предложеніе и притомъ

---

[1]) Въ эти мѣста ссылаютъ политическихъ, которые за все время пребыванія въ ссылкѣ въ Сибири провинились въ противодѣйствіи власти, т.-е., другими словами, тѣхъ, которые обращаются съ „дерзкими“ и „нахальными“ жалобами на плохое обращеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Въ секретномъ докладѣ генералъ-губернатора восточной Сибири за 1881 г. (копія его имѣется въ моихъ рукахъ) констатируется, что „число врачей въ странѣ совершенно недостаточно. Возможность получить врачебную помощь есть только въ городахъ; во всѣхъ остальныхъ населенныхъ пунктахъ врачей не имѣется, и населеніе, лишенное врачебной помощи, умираетъ отъ дифтерита и другихъ заразительныхъ болѣзней, весьма здѣсь распространенныхъ. Предупредительныхъ мѣръ противъ эпидемій скота нѣтъ и въ поминѣ. Большая часть скота погибаетъ ежегодно и тѣмъ причиняетъ населенію огромные убытки“. (Секретный и до сихъ поръ не опубликованный докладъ генералъ губернатора Анучина Государю „по строительному и медицинскому отдѣлу“).

изъ такого источника? Какъ же было принято это ходатайство? Медицинское общество въ Твери было закрыто, и два его члена, состоявшихъ на государственной службѣ въ мѣстномъ госпиталѣ, получили отставку.

Если такимъ образомъ наказываются министромъ внутреннихъ дѣлъ лица, предлагающія разрѣшить ссыльнымъ врачамъ практику, то можно себѣ представить, какимъ преслѣдованіямъ со стороны подчиненныхъ этому министру подвергаются сосланные врачи, дерзающіе заниматься практикою!

Въ 1880 году въ Харьковѣ жилъ молодой студентъ-медикъ Нифонтъ Долгополовъ; онъ только что кончилъ медицинскій факультетъ и собирался сдавать государственный экзаменъ, какъ случились одни изъ тѣхъ студенческихъ безпорядковъ, которые столь часты въ русскихъ университетахъ. Волненія были столь серьезны, что университетское начальство обратилось къ содѣйствію вооруженной силы; казаки очистили улицу. Г-нъ Долгополовъ не былъ ни революціонеромъ, ни даже „неблагонадежнымъ" и не принималъ никакого участія въ безпорядкахъ. Онъ былъ только случайнымъ уличнымъ зрителемъ, и когда казаки пустили въ ходъ свои нагайки, онъ, возмутившись, сказалъ стоявшему рядомъ съ нимъ чиновнику: „Развѣ вамъ не стыдно? Подло и преступно бить невинныхъ людей нагайками!" Чиновникъ обратилъ на него вниманіе полиціи; г. Долгополова арестовали и заключили въ тюрьму, какъ бунтовщика. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ безъ суда и слѣдствія административнымъ порядкомъ былъ сосланъ въ Курганъ въ западной Сибири. Въ мартѣ 1881 года онъ долженъ былъ принести присягу на вѣрноподданничество новому царю, Александру III; онъ отказался — и его сослали въ Тюкалинскъ. Исправникомъ этого города былъ Ильинъ, горячій, безсовѣстный, жестокій человѣкъ, съ которымъ у молодого медика вскорѣ вышли недоразумѣнія. Первое случилось изъ-за того, что г. Долгополовъ не въ точности соблюдалъ „Положеніе о политическомъ надзорѣ". Онъ былъ не только медикъ, но и человѣкъ великодушный и иногда былъ не въ состояніи уклониться отъ врачебной помощи. Онъ не искалъ практики и не видѣлъ въ ней источника дохода; но когда къ нему приходилъ крестьянинъ въ первоначальной стадіи тифа или кто-нибудь съ катарактомъ на глазу, то онъ давалъ соотвѣтственный совѣтъ или производилъ нужную операцію безъ всякаго вознагражденія, просто потому, что считалъ это своимъ нравственнымъ долгомъ. Исправникъ прослышалъ объ этомъ и, призвавъ къ себѣ молодого медика, въ оскорбительной формѣ обратилъ его вниманіе на отдѣлъ 27 „Положенія" и подъ угрозою тюремнаго наказанія запретилъ ему лечить больныхъ крестьянъ безвозмездно или за вознагражденіе. Долгополовъ долженъ былъ подчиниться и отказался съ тѣхъ поръ отъ врачебной практики; но его отношенія съ исправникомъ остались натянутыми. Осенью 1883 года сынъ тюкалинскаго городского головы, Балакина, богатаго и извѣстнаго купца, нечаянно прострѣлилъ своей матери ногу. Рана была опасная, и для удаленія пули требовалась серьезная операція.

Призванный къ больной городской врачъ, Гуль, нервный и робкій, остановилъ кровь, но отказался удалить пулю и совѣтовалъ г. Балакину призвать врача Долгополова, который, по его мнѣнію, былъ опытнымъ хирургомъ. Г-нъ Балакинъ спѣшитъ, конечно, къ молодому врачу и проситъ его произвести больной операцію.

— Я не имѣю права заниматься практикой, — отвѣчаетъ г. Долгополовъ.

— Но, — возражаетъ г. Балакинъ, — дѣло идетъ о человѣческой жизни.

— Очень жаль, — говоритъ врачъ, — но мои отношенія съ исправникомъ очень натянуты. Я уже однажды имѣлъ непріятность изъ-за врачебной практики, запрещаемой „Положеніемъ о политическомъ надзорѣ". Мнѣ подъ угрозою тюремнаго заключенія воспрещено при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ оказывать врачебную помощь.

— Вы были сосланы въ Сибирь за ваши гуманныя убѣжденія? — воскликнулъ въ отчаяніи г. Балакинъ, — неужели теперь у васъ не найдется мужества, чтобы помочь страдающей женщинѣ лишь потому, что вамъ угрожаетъ тюрьма?

— Если вы ставите вопросъ такъ, то я готовъ. Я сдѣлаю операцію, а тамъ будь, что будетъ!

Г-нъ Долгополовъ при осмотрѣ нашелъ, что г-жѣ Балакиной въ настоящій моментъ не угрожаетъ опасность, и посовѣтовалъ по телеграфу просить разрѣшенія у губернатора Лисогорскаго произвести операцію, которую отказывается сдѣлать мѣстный врачъ.

Часъ спустя, получился отвѣтъ, въ которомъ губернаторъ считалъ себя некомпетентнымъ разрѣшить этотъ вопросъ и совѣтовалъ городскому головѣ обратиться за разрѣшеніемъ въ медицинскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

— Вы видите, — сказалъ врачъ Долгополовъ, — какъ цѣнится вашимъ начальствомъ человѣческая жизнь.

Онъ произвелъ операцію, удалилъ пулю, перевязалъ артерію, и всякая опасность для г-жи Балакиной миновала. На слѣдующій день исправникъ Ильинъ арестовалъ молодого хирурга, заключилъ его въ тюрьму и возбудилъ противъ него судебное преслѣдованіе; дѣло Долгополова хранится въ архивѣ Тобольской губерніи и озаглавлено: „Удаленіе безъ соотвѣтственнаго разрѣшенія пули изъ ноги г-жи Балакиной, жены тюкалинскаго городского головы, административно сосланнымъ Нифонтомъ Долгополовымъ". Пока дѣло двигалось по инстанціямъ, врачъ Долгополовъ сидѣлъ въ грязной тюкалинской тюрьмѣ, гдѣ и заразился тифомъ[1]).

Случай съ г. Долгополовымъ возбудилъ, конечно, въ маленькомъ провинціальномъ городѣ всеобщій интересъ; когда онъ заболѣлъ, многіе ежедневно справлялись о немъ и приносили ему съѣстные

---

[1]) Санитарное состояніе тюкалинской тюрьмы въ 1884 году было таково, что 30% заключенныхъ находилось въ тюремной больницѣ (Отчетъ тюремнаго отдѣла за 1885 годъ.)

припасы и цвѣты. Эти выраженія сочувствія произвели впечатлѣніе даже на исправника, и онъ приказалъ освободить молодого врача и отправить его домой. Въ то же время онъ оффиціально доложилъ губернатору Лисогорскому, что находящійся нынѣ подъ судомъ, административно сосланный, Нифонтъ Долгополовъ оказываетъ очень опасное и вредное вліяніе на городское населеніе: послѣдніе приносятъ ему пищу и цвѣты и доводятъ свою симпатію къ нему до того, что не откажутся содѣйствовать ему въ побѣгѣ. Въ виду такого положенія дѣла исправникъ принужденъ снять съ себя всякую отвѣтственность и проситъ его превосходительство сдѣлать зависящее распоряженіе объ отправкѣ Долгополова въ Сургутъ или другое мѣсто губерніи, гдѣ бы надзоръ былъ болѣе дѣйствителенъ. Мудрый чиновникъ умолчалъ, конечно, о томъ, что Долгополовъ боленъ тифомъ, и губернаторъ, не зная объ этомъ, телеграфировалъ исправнику, чтобы онъ немедленно отправилъ Долгополова по этапу въ Сургутъ. Исправникъ сообщилъ офицеру конвойной команды приказъ губернатора и предложилъ ему привести его въ исполненіе. Но конвойный офицеръ отказался выполнить это порученіе, мотивируя свой отказъ строгимъ воспрещеніемъ принимать отъ мѣстной администраціи больныхъ ссыльныхъ: врачъ Долгополовъ опасно боленъ, возможно, что онъ въ пути умретъ, и тогда онъ (конвойный офицеръ) можетъ быть привлеченнымъ къ отвѣтственности за нарушеніе закона.

Но такъ какъ исправникъ рѣшился во что бы то ни стало освободиться отъ человѣка, котораго онъ ненавидѣлъ, то онъ велѣлъ нанять телѣгу, взялъ съ собою нѣсколько полицейскихъ въ качествѣ конвоя и отправился на квартиру больного врача. Г нъ Долгополовъ лежалъ въ постели и былъ такъ слабъ, что не могъ стоять. Его жена оказала противодѣйствіе и была связана по рукамъ и ногамъ, его же самого въ одномъ бѣльѣ на простынѣ потащили въ телѣгу. Все это случилось 24 октября 1883 г. Стояла холодная погода, и для Долгополова эта экспедиція, навѣрное, оказалась бы роковою, если бы какой-то сердобольный обыватель не набросилъ на него шубы. Больного повезли въ уѣздный городъ Ишимъ за 204 версты, гдѣ въ то время находилось 11 политическихъ ссыльныхъ и среди нихъ извѣстный русскій беллетристъ Мачтетъ. Многіе изъ нихъ знали лично врача Долгополова, и во всякомъ случаѣ всѣ слыхали о немъ; когда они увидали, въ какомъ онъ состояніи, они отправились къ ишимскому исправнику и объявили, что всѣ они, если понадобится, то даже силою будутъ противиться тому, чтобы молодого врача везли дальше. Они настояли на томъ, что мѣстный уѣздный врачъ осмотрѣлъ Долгополова, и исправникъ составилъ протоколъ по этому дѣлу и по телеграфу запросилъ тобольскаго губернатора Лисогорскаго, дѣйствительно ли онъ уполномочилъ тюкалинскаго исправника въ такое время года везти умирающаго человѣка въ одномъ бѣльѣ на телѣгѣ. Въ отвѣтъ на это губернаторъ приказалъ ишимскому исправнику помѣстить больного въ госпиталь и отмѣнилъ приказъ о ссылкѣ его въ Сургутъ. Послѣ этого въ Ишимѣ разсказывали, что

его превосходительство не упустилъ удобнаго случая содрать съ тюкалинскаго исправника 500 руб. за то, что послѣдній за нарушеніе закона, запрещающаго перевозить тяжело больныхъ арестованныхъ, не отданъ имъ подъ судъ. Можетъ-быть, этотъ фактъ и вымышленъ, но всѣмъ было извѣстно, что губернаторъ раздавалъ мѣста, которыми онъ распоряжался, тѣмъ изъ претендентовъ, которые больше давали, и охотно загребалъ деньги, которыя умышленно проигрывали ему въ карты кандидаты на мѣста[1]). Врачъ Долгополовъ до возстановленія своего здоровья остался въ госпиталѣ въ Ишимѣ, а затѣмъ былъ отправленъ къ мѣсту назначенія. Позже онъ попалъ въ Семипалатинскую область, гдѣ его положеніе значительно улучшилось, какъ я слышалъ, онъ въ настоящее время занимается антропологическими изслѣдованіями киргизовъ[2]).

Я съ такими подробностями останавливался на этомъ случаѣ потому, что онъ очень характеренъ и не только выставляетъ въ настоящемъ свѣтѣ русскій методъ обращенія съ „неблагонадежными", но и излагаетъ суть тѣхъ лишеній, противъ которыхъ въ апрѣлѣ 1888 г. протестовали сосланные въ Сургутъ въ своемъ заявленіи на имя министра внутреннихъ дѣлъ. Такъ, политическій ссыльный Левъ Ивановъ въ буквальномъ смыслѣ слова погибъ отъ бюрократической жестокости и равнодушія, а двое другихъ были приведены въ такой упадокъ физическихъ силъ, что ихъ неминуемо ждала скорая смерть. Такъ какъ затѣмъ этихъ больныхъ отправили въ Березовъ, то смерть, вѣроятно, уже избавила ихъ отъ всѣхъ страданій.

Когда административно сосланный разрѣшилъ нелегкую проблему, какъ найти средства къ существованію, онъ вполнѣ сознаетъ тѣ унизительныя ограниченія, съ которыми связанъ полицейскій надзоръ. Чиновники, которымъ поручается слѣдить за нимъ, часто люди съ преступнымъ прошлымъ. Зачастую уголовные преступники, сосланные въ Сибирь, по отбытіи срока наказанія, подъ ложными именами поступаютъ на государственную службу и становятся не только письмоводителями въ полицейскихъ учрежденіяхъ, но и во главѣ уѣздной полиціи. Инціалы фамилій и мѣста жительства, по крайней мѣрѣ, 20 такихъ преступниковъ въ полицейской формѣ были опубликованы въ либеральныхъ сибирскихъ газетахъ. Такимъ людямъ во многихъ частяхъ Сибири поручаются здоровье, честь и жизнь высокообразованныхъ политическихъ ссыльныхъ обоего пола; поэтому никого не должно

---

[1]) Во время моего пребыванія въ Сибири мнѣ приходилось слышать объ исправникахъ, противъ которыхъ было начато по 10 дѣлъ. Имъ, однако, удавалось — при помощи средства, которое лучше всего было извѣстно имъ и ихъ начальству, — оттягивать изъ года въ годъ разслѣдованіе начатыхъ дѣлъ. Я ничуть не сомнѣваюсь, что они и теперь еще сидятъ на своихъ мѣстахъ.

[2]) Точное и близкое къ истинѣ сообщеніе объ обращеніи съ г. Долгополовымъ тюкалинскаго исправника было помѣщено въ „Сибирской Газетѣ", а въ главныхъ чертахъ объ этомъ же сообщалось въ лондонскомъ „Times"(11 января 1884 г. подъ заглавіемъ „Россія"). Русскій цензоръ не разрѣшилъ „Сибирской Газетѣ" упомянуть, что жертвою подобнаго варварства былъ политическій ссыльный; въ виду этого и „Times'у" этотъ фактъ не былъ извѣстенъ. Истинная подкладка этого дѣла здѣсь опубликовывается впервые.

удивлять, если съ послѣдними часто поступаютъ варварски и оскорбляютъ ихъ. Я лично знаю въ Сибири полицейскихъ чиновниковъ, напр., минусинскаго исправника, съ которыми я не пожелалъ бы ночью встрѣтиться безъ револьвера. Даже въ такомъ, пользующемся сравнительно хорошимъ управленіемъ городѣ, какъ Томскъ, полиція запятнана самыми возмутительными насиліями. И здѣсь также сотнями арестуютъ невинныхъ гражданъ и бросаютъ въ тюрьмы, и здѣсь завѣдомые преступники-полицейскіе берутъ взятки, побуждаютъ къ клятвопреступленіямъ, примѣняютъ пытку и до смерти забиваютъ беременныхъ женщинъ. По офиціальнымъ „Томскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ“, недавно назначенному губернатору при его первомъ осмотрѣ городскихъ тюремъ было подано не менѣе 300 жалобъ на противозаконный арестъ. Изъ нихъ 200 оказались основательными, и лица, подавшія ихъ, были освобождены[1]).

Власть исправника и другихъ представителей полиціи въ незначительныхъ сибирскихъ городахъ и деревняхъ настолько неограничена, что она породила среди крестьянъ пословицу: „на небѣ Богъ, а въ Охотскѣ Кохъ“. Сколько такихъ „Коховъ“ находится въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири среди полицейскихъ чиновъ, вѣдомо одному только Богу, крестьянамъ и политическимъ ссыльнымъ. Способъ надзора за ссыльными, практикуемый этими чиновниками, различенъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Сибири; но до какихъ предѣловъ доходитъ этотъ надзоръ, показываетъ слѣдующая выдержка изъ письма одного изъ административно сосланныхъ, опубликованнаго въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ Московскаго юридическаго общества:

„Надзоръ надъ нами самый безобразный. Полицейскіе соперничаютъ другъ передъ другомъ въ искусствѣ слѣдить за нами. Нѣсколько разъ въ день они являются въ наши квартиры и проходятъ чрезъ всѣ комнаты, чтобы убѣдиться, что мы дома и никого у насъ нѣтъ. Они постоянно бродятъ мимо нашихъ домовъ, заглядываютъ въ окна и подслушиваютъ у дверей. На ночь они разставляютъ часовыхъ по угламъ улицъ, на которыхъ мы живемъ, и принуждаютъ нашихъ хозяевъ и сосѣдей наблюдать за каждымъ нашимъ шагомъ и доносить о всемъ замѣченномъ мѣстнымъ властямъ“[2]).

Молодая дама, жившая въ ссылкѣ въ маленькой деревнѣ восточной Сибири—Тункѣ, на монгольской границѣ, разсказывала мнѣ, что она нерѣдко по возвращеніи съ прогулки или отъ кого-нибудь изъ ссыльныхъ находила у себя полицейскаго, спящаго въ сапогахъ на ея кровати. Боязнь оскорбленій заставляла большинство сосланныхъ женщинъ селиться въ одномъ домѣ съ ссыльными мужчинами. Г-жа Дическуло жила въ одной половинѣ дома г. Лобановскаго,—въ Семипалатинскѣ; г-жа Брешковская снимала комнату рядомъ съ г. Самаринымъ,—въ Селенгинскѣ; во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ Сибири

---

[1]) „Полицейскіе законы въ Сибири“. „Восточное Обозрѣніе“ (Петербургъ, 13 октября 1883 г., № 41, стран. 1).

[2]) См. обзоръ „Положенія о политическомъ надзорѣ“ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ за декабрь 1882 г., томъ 14, № 12, стран. 561.

было то же самое — и это было неизбѣжно. Среди политическихъ ссыльныхъ встрѣчаются беззащитныя дѣвушки 16—20 лѣтъ, молодыя женщины, мужья которыхъ принуждены жить въ другихъ мѣстахъ или отбывать каторжныя работы въ рудникахъ. При системѣ, дающей любому бродягѣ въ полицейской формѣ право во всякій часъ дня и ночи входить въ комнаты женщинъ, онѣ не могутъ жить однѣ.

Не менѣе постояннаго докучнаго надзора, озлобляетъ и доводитъ до отчаянія контроль ихъ корреспонденціи. Ссыльный, корреспонденція котораго находится подъ надзоромъ, не можетъ даже написать своей женѣ, не предъявивъ письмо для прочтенія исправнику, отъ усмотрѣнія котораго зависитъ, послать ли письмо по адресу, уничтожить его, или же отправить министру внутреннихъ дѣлъ. Письма, прибывающія по почтѣ на имя ссыльнаго, передаются тому же чиновнику, который вскрываетъ ихъ, прочитываетъ, зачеркиваетъ, что ему кажется подозрительнымъ, и, наконецъ, если ему заблагоразсудится, передаетъ его адресату. Если же онъ желаетъ наказать или помучить ссыльнаго, который ему не по душѣ или кажется дерзкимъ, онъ задерживаетъ письма и оставляетъ подолгу несчастнаго безъ всякихъ извѣстій о женѣ и дѣтяхъ, которыя, быть можетъ, были оставлены ссыльнымъ въ крайней нуждѣ. Исправникъ въ Тарѣ (Тобольской губерніи) имѣлъ обыкновеніе прочитывать письма ссыльныхъ своимъ друзьямъ и спрашивать у нихъ совѣта относительно мѣстъ, которыя, по ихъ мнѣнію, слѣдовало бы вычеркнуть. Многіе ссыльные узнавали о пришедшихъ имъ письмахъ на улицѣ отъ людей, которымъ исправникъ ихъ показывалъ. Представьте себя, читатель, на мѣстѣ бѣднаго ссыльнаго — и вамъ станетъ яснымъ и понятнымъ, что́ онъ долженъ былъ чувствовать, узнавъ, что слова любви и нѣжности его жены, которая ему дороже жизни, были до него прочтены исправникомъ въ клубѣ своимъ собутыльникамъ. Даже если ссыльный, по счастливой случайности, узнаетъ, что на его имя пришло письмо, онъ все же часто не можетъ получить его. Иногда исправникъ, прочтя письмо своимъ друзьямъ, находитъ въ немъ наличность тайнаго шифрованнаго сообщенія и считаетъ полезнымъ не отдавать письма. Мнѣ приходилось видѣть письма ссыльныхъ, которыя были обработаны химическими реактивами или подвергнуты дѣйствію высокой температуры, въ виду того, что подозрительное начальство вообразило, что между строкъ находится сообщеніе невидимое, написанное симпатическими чернилами. Иногда ссыльные призываются въ полицію и здѣсь, на основаніи письма, котораго онъ никогда не видѣлъ и которое находится въ рукахъ полиціи, его подвергаютъ перекрестному огню допроса. Такимъ образомъ обращаются съ частной корреспонденціей человѣка, который никогда не былъ уличенъ въ преступленіи, никогда не состоялъ подъ судомъ и никогда не былъ лишенъ имъ гражданскихъ правъ.

Другимъ источникомъ отчаянія для административно сосланнаго служитъ ненормальное положеніе, въ которое онъ попадаетъ благодаря ссылкѣ безъ судебнаго приговора и „Положенію о политическомъ надзорѣ“. Онъ ни гражданинъ, пользующійся защитой закона,

ни преступникъ, лишенный по закону гражданскихъ правъ. Онъ долженъ исполнять всѣ обязанности гражданина и не имѣетъ правъ даже преступника. Онъ—игрушка въ рукахъ неотвѣтственной власти. Нижеслѣдующая докладная записка показываетъ, какъ оригинально съ точки зрѣнія закона положеніе человѣка, сосланнаго административнымъ путемъ. Она была подана въ 1881 г. въ высшую русскую апелляціонную инстанцію—Сенатъ, однимъ административно сосланнымъ. Авторъ ея, конечно, и не воображалъ этой бумагой улучшить свое положеніе или добиться гарантій какихъ-либо правъ. Онъ, наоборотъ, должно быть, былъ увѣренъ, что за дерзкое обращеніе къ Сенату ему придется пострадать. Дѣло въ томъ, что отъ него какъ разъ потребовали присяги новому царю, Александру III, и онъ облегчилъ свое сердце этой полусатирической петиціей. Лично этотъ ссыльный мнѣ незнакомъ; по понятнымъ причинамъ я не считаю возможнымъ сообщить, какимъ образомъ этотъ документъ попалъ въ мои руки. За достовѣрность его, какъ и отвѣта Сената, я ручаюсь.

Курганъ, Тобольской губерніи.
31 марта 1881 года.

„Въ Правительствующій Сенатъ.

„28 марта 1881 года я, нижеподписавшійся (административно сосланный), получилъ приглашеніе отъ полицейскихъ властей гор. Кургана явиться въ полицію и присягнуть на вѣрноподданничество нынѣ царствующему Императору Россійскому, Александру Александровичу. Это требованіе, кажется мнѣ, стоитъ въ противорѣчіи съ манифестомъ Государя отъ 1 марта 1881 года.

„Въ этомъ манифестѣ требованіе присяги отъ крестьянъ объяснялось тѣмъ, что они актомъ 19 февраля 1861 года были освобождены отъ крѣпостной зависимости и стали свободными гражданами, а потому должны подчиняться законамъ, обязательнымъ для всѣхъ свободныхъ граждан Россійской имперіи. Я чувствую глубокое уваженіе къ этимъ словамъ и считаю совершенно правильнымъ не только вышеуказанный выводъ, но и всѣ тѣ логическія слѣдствія, которыя вытекаютъ отсюда. Одно изъ нихъ состоитъ въ томъ, что если бы русскіе крестьяне (и другіе русскіе) не были свободными гражданами и не подчинялись общимъ для всѣхъ законамъ имперіи, то ихъ не привлекали бы къ принесенію присяги.

„Императорскій манифестъ отъ 1-го марта требуетъ присяги на вѣрноподданничество только отъ свободныхъ гражданъ, которые подвластны всѣмъ законамъ имперіи. Въ виду этого у меня возникаетъ вопросъ: „кто я? свободный ли я гражданинъ? „Мой отецъ былъ потомственный дворянинъ Русской имперіи, а моя мать была законная супруга моего отца. Согласно русскимъ законамъ, я долженъ наслѣдовать званіе отца, т.-е. права свободнаго гражданина. Гарантированныя закономъ свободному гражданину важнѣйшія права слѣдующія: во-первыхъ, право неприкосновенности личности (пока онъ не

совершилъ преступленія) и, во-вторыхъ, право нерасторжимости брака и право собственности. Но я лишенъ свободы, моя семейная жизнь расторгнута, мое имущество конфисковано III отдѣленіемъ[1]), и мнѣ запрещено заниматься тою законною дѣятельностью, которой до сихъ поръ я себя посвящалъ. Я не могу выйти за предѣлы города Кургана; отъ моей семьи меня отдѣляетъ 4.500 верстъ; я не могу написать письмо своей женѣ безъ того, чтобы не предъявить его для прочтенія чужому человѣку. Эти факты доказываютъ, что я не дворянинъ, не свободный гражданинъ. Развѣ я лишенъ всѣхъ гражданскихъ правъ и сосланъ въ Сибирь въ качествѣ поселенца? Просматривая законы, относящіеся къ поселенцамъ, лишеннымъ всѣхъ гражданскихъ правъ, я нахожу, что мое положеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ положенію, — съ однимъ только исключеніемъ. Поселенецъ можетъ надѣяться постепенно вернуть себѣ часть отнятыхъ у него правъ. Онъ со временемъ можетъ получить право свободнаго передвиженія въ предѣлахъ своей губерніи или даже по всей Сибири. Я же не могу питать такой надежды. Я сосланъ на неопредѣленное время въ городъ Курганъ. Отсюда ясно, что я не поселенецъ, и этотъ выводъ подтверждается еще и тѣмъ фактомъ, что ссылка на поселеніе можетъ быть опредѣлена въ качествѣ наказанія только судомъ за преступленіе. Кто же я такой? Если я не свободный человѣкъ, не преступникъ, то для меня не существуетъ русское гражданское право, — слѣдовательно, я иностранецъ. Свободный ли я иностранецъ? Нѣтъ, я не свободенъ. Если бы я былъ свободнымъ иностранцемъ, то я могъ бы покинуть Россію и, какъ честный и лойяльный гражданинъ, навѣрное, былъ бы принятъ во всякой цивилизованной странѣ. Но я лишенъ этого права; остается одно: я иностранецъ — военноплѣнный. Но къ какой же націи я принадлежу? Гдѣ мое отечество? Въ какую войну я былъ взятъ въ плѣнъ? Если заключенъ миръ, то почему меня не отправили на родину вмѣстѣ съ другими военноплѣнными? На всѣ эти вопросы я не нахожу отвѣта. Но положеніе военноплѣннаго невыносимо, и уже пять лѣтъ я нахожусь въ такомъ положеніи.

„Въ виду всего вышеизложеннаго честь имѣю просить Правительствующій Сенатъ признать меня русскимъ подданнымъ и объявить меня свободнымъ русскимъ гражданиномъ, состоящимъ подъ защитою закона. Если за мною будутъ признаны гражданскія права, то я готовъ исполнять свои гражданскія обязанности. Если же Правительствующій Сенатъ не желаетъ принять меня въ русское подданство, то пусть мнѣ будетъ разрѣшено покинуть Россійскую имперію, чтобы въ другомъ мѣстѣ искать себѣ отечества.

„Мнѣ кажется, что присяга на вѣрноподданничество возлагаетъ не только извѣстныя обязанности, но въ то же время даетъ извѣстныя права. Требованіе присяги, такимъ образомъ, равносильно призна-

[1]) Къ третьему отдѣленію канцеляріи Его Величества въ то время принадлежала полиція. Теперь она передана въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

нію моихъ гражданскихъ правъ. Развѣ это не такъ? Я жду отвѣта. Если Сенатъ — высшее судебное учрежденіе Россіи — мнѣ докажетъ, что я ошибаюсь, что я долженъ исполнять всѣ обязанности русскаго подданнаго, не пользуясь правами русскаго гражданина, тогда я долженъ буду подчиниться въ качествѣ военноплѣннаго.

Василій Сидоратскій".

Отвѣтъ Сената.

„По разсмотрѣніи вышеуказаннаго прошенія Сенатъ 4 іюня 1881 г. постановилъ:

„Такъ какъ прошеніе подано не на Высочайшее имя (т.-е. не на имя Государя Императора) и составлено не въ предписываемой закономъ формѣ (статья 205, часть 2, томъ X Свода Законовъ, изданіе 1876 года), то оно остается безъ послѣдствій и возвращается подателю (согласно статьѣ 225 той же части того же тома). Указъ Правительствующаго Сената по сему дѣлу будетъ препровожденъ въ Тобольское губернское правленіе.

Секретарь Н. Бруд... (остальное неразборчиво).
Помощникъ секретаря баронъ Буксгевденъ".

Я не знаю, какія послѣдствія имѣло для г. Сидоратскаго возвращеніе его прошенія, и живъ ли онъ; но надѣюсь, что онъ по сю или по ту сторону могилы нашелъ себѣ, наконецъ, отечество.

X.

Ссыльные въ Иркутскѣ.

Наше путешествіе изъ Томска въ столицу восточной Сибири было во многихъ отношеніяхъ труднѣе и утомительнѣе, чѣмъ путешествіе изъ Тюмени въ Алтайскія горы. Продолжительный дождь испортилъ дороги и мѣстами сдѣлалъ ихъ почти непроѣзжими. Тряска тяжелаго тарантаса вызывала у насъ сильныя головныя боли и не давала забыться сномъ; на почтовыхъ станціяхъ рѣдко можно было получать горячую питательную пищу. Мы не запаслись еще зимнимъ платьемъ и по ночамъ страдали отъ холода; наконецъ, насъ постоянно безпокоили насѣкомыя, пріобрѣтенныя нами на этапахъ и въ тюрьмахъ. Эти ужасныя твари были для насъ величайшей мукой, преслѣдовавшей насъ во все время путешествія. Холодъ, голодъ, безсонныя ночи и утомленіе я переносилъ терпѣливо, но невозможность отдѣлаться отъ блохъ, вшей и клоповъ вызывала во мнѣ чувство подавленности и угнетенія.

Старые этапы прямо кишѣли этой тварью, и, осмотрѣвъ этапъ, мы каждый разъ уносили въ своихъ платьяхъ цѣлыя коллекціи насѣкомыхъ. Они заползали въ наши одѣяла и подушки, въ обивку и

щели нашего тарантаса, и не было возможности ни уничтожить ихъ, ни какъ-нибудь защититься отъ нихъ. Напрасно бросивъ нѣсколько смѣнъ платья, я, наконецъ, отказался отъ надежды отдѣлаться во время путешествія отъ паразитовъ и поневолѣ покорился неизбѣжности. Почти четыре мѣсяца пришлось мнѣ страдать; когда я впервые переодѣвался послѣ девятидневной поѣздки изъ Красноярска въ Иркутскъ, все мое тѣло оказалось совершенно искусаннымъ, какъ бы пораженнымъ злокачественною сыпью. Извиняюсь передъ читателемъ за эти неэстетическія подробности, но я хотѣлъ выяснить, что̀ приходится выносить образованному человѣку во время этапной жизни и ссылки въ Сибирь.

Вѣроятно, нѣтъ возможности совершенно уничтожить паразитовъ въ старыхъ полуразрушенныхъ зданіяхъ, которыя населяются тысячами преступниковъ изъ самыхъ низшихъ классовъ общества. Но слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, чистить время отъ времени этапы и давать ссыльнымъ въ пересыльныхъ тюрьмахъ и въ пути возможность мыться и мѣнять бѣлье. Что̀ дѣлается въ этомъ отношеніи для ссыльныхъ, я изложу въ дальнѣйшемъ на основаніи офиціальныхъ данныхъ, добытыхъ мною въ Иркутскѣ вскорѣ по моемъ прибытіи.

Къ концу второй недѣли сентября погода прояснилась, и въ юго-восточной части горизонта, близъ южнаго конца Байкала на монгольской границѣ, мы замѣтили вдали покрытыя снѣгомъ вершины Тунки. Мы были, слѣдовательно, недалеко отъ Иркутска. Въ воскресенье утромъ, 13-го сентября, мы ѣхали вдоль быстрой Ангары по хорошей дорогѣ, черезъ обработанную мѣстность, культурный видъ которой доказывалъ близость рынка для сбыта. Около двухъ часовъ пополудни мы остановились на послѣдней почтовой станціи для смѣны лошадей и въ пріятномъ ожиданіи покоя, сна, свѣжаго бѣлья и писемъ съ родины вошли въ комнату для проѣзжающихъ, гдѣ прочли на стѣнѣ надпись съ знаменательными для насъ словами и цифрами: „Почтовая станція Боковская, разстояніе отъ Петербурга 5601 верста, разстояніе отъ Иркутска 13 верстъ“. Только тотъ, кто проѣхалъ въ Россіи 5601 версту и знаетъ, что отъ цѣли путешествія его отдѣляютъ всего только 13 верстъ, въ состояніи оцѣнить значеніе этихъ цифръ.

Какъ только намъ запрягли свѣжихъ лошадей, мы поѣхали вдоль Ангары, вверхъ по теченію, и внимательно слѣдили за тѣмъ, чтобы не упустить появленія золотыхъ куполовъ и бѣлыхъ стѣнъ иркутскаго собора. 18 лѣтъ прошло со дня моего посѣщенія этого города; за это время онъ былъ почти уничтоженъ пожаромъ и заново выстроенъ, и я опасался, что онъ съ зимы 1867 года много потерялъ въ красотѣ и своеобразіи. Въ пяти верстахъ отъ Иркутска мы проѣхали мимо Вознесенскаго монастыря, у главныхъ воротъ котораго толпилась масса грязныхъ, оборванныхъ паломниковъ съ длинными волосами, а еще дальше намъ попадались невооруженные солдаты, разносчики и всякаго рода проходимцы, которые провели воскресенье въ городѣ и теперь, подвыпивъ, возвращались въ сосѣднія деревни. Большое число кабаковъ при дорогѣ вполнѣ объясняло, хотя и не оправдывало, ихъ состояніе.

Мы переѣхали черезъ Ангару на паромѣ и вскорѣ очутились на улицахъ города, который сильно разочаровалъ меня. Позолоченные куполы, бѣлыя башни, обиліе зелени придаютъ городу восточный видъ, если смотрѣть на него съ противоположнаго берега рѣки; но при въѣздѣ въ самый городъ вскорѣ видишь себя именно въ русскомъ провинціальномъ городѣ, большомъ и зажиточномъ, но неправильно застроенномъ и мало привлекательномъ. Послѣ тщетной попытки устроиться въ новыхъ шикарныхъ гостиницахъ „Московскій дворъ“ и „Сибирская гостиница“, мы, наконецъ, отправились въ гостиницу гдѣ, какъ намъ расказывали, въ 1882 году, по пути къ устьямъ Лены, останавливались лейтенанты Гарберъ и Шейтце. Было уже поздно, когда мы достигли Иркутска, и мы такъ утомились, проѣхавъ тысячи миль, что, освѣжившись ванной, переодѣвшись и поужинавъ, мы легли спать. Въ понедѣльникъ мы послали свои паспорта въ полицію; г. Фростъ отправился на берегъ рѣки дѣлать эскизы, а я бродилъ по городу, чтобы, если удастся, отыскать одного политическаго ссыльнаго, къ которому у меня имѣлось рекомендательное письмо.

Иркутскъ лежитъ на правомъ или сѣверномъ берегу Ангары, приблизительно, въ 60 верстахъ отъ выхода ея изъ Байкала. Въ то время въ немъ насчитывалось 36000 жителей; это былъ, слѣдовательно, самый большой городъ Сибири. Въ городѣ имѣлись прекрасная газета[1]), публичная библіотека, Восточно-сибирскій отдѣлъ Русскаго географическаго общества, хорошій театръ, около 30 школъ; ежегодный торговый оборотъ города доходилъ до 11 милліоновъ рублей. Городъ еще не поправился совершенно отъ большого пожара, который въ іюлѣ 1879 года уничтожилъ до 4000 зданій, оставилъ безъ крова до 15000 человѣкъ и нанесъ около 20 милліоновъ рублей убытка. Во многихъ частяхъ города еще ясно были видны слѣды пожарища; тамъ, гдѣ этихъ слѣдовъ уже не было, дома были такіе новые и небольшіе, что получалось впечатлѣніе быстро растущаго пограничнаго поселка и центра горнаго округа, но не города, основаннаго еще въ 1652 году. На мой взглядъ, съ 1867 года онъ много потерялъ въ привлекательности и сталъ менѣе интереснымъ. Одной изъ достопримѣчательностей и, повидимому, самымъ старымъ, пощаженнымъ огнемъ зданіемъ является массивный пороховой складъ, расположенный въ нижней части города. Его крыша поросла травой, а вдоль стѣнъ шли лавки, гдѣ большую часть дня толпились буряты, монголы, казаки и крестьяне и гдѣ покупали и продавали всякую всячину, отъ тарантаса или телѣги до пары поношенныхъ сапогъ.

Въ теченіе 2—3 часовъ я гулялъ по городу, отдалъ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ и затѣмъ вернулся въ гостиницу. Лакей съ испуганнымъ видомъ попался мнѣ въ сѣняхъ и сообщилъ, что былъ здѣсь полицеймейстеръ и велѣлъ намъ передать, чтобы мы немедленно явились къ нему. Жизнь, повидимому, научила Ивана тому,

[1]) „Сибирь“, издаваемая М. В. Загоскинымъ. Послѣ продолжительной борьбы съ цензурою эта хорошая газета была закрыта.

что посѣщеніе чиновъ высшей полиціи, подобно появленію буревѣстника на морѣ, не предвѣщаетъ ничего добраго, и, не рѣшаясь спросить, онъ съ испугомъ смотрѣлъ на меня. Въ комнатѣ я нашелъ 2 карточки съ надписью на нихъ: „Христофоръ Ѳомичъ Маковскій, полицеймейстеръ въ Иркутскѣ".

Намъ было суждено близко познакомиться съ господиномъ, имя котораго связано съ одной изъ самыхъ ужасныхъ трагедій въ новѣйшей исторіи политической ссылки — голодовкой въ иркутской тюрьмѣ. Насколько я припоминалъ, въ нашемъ поведеніи со времени пріѣзда не было ничего такого, что могло бы вызвать подозрѣніе, и я терялся въ догадкахъ, почему мы такъ скоро получили приглашеніе явиться въ полицію. Я принялъ за правило какъ можно скорѣе повиноваться полиціи, и потому, 10 минутъ спустя, мы были уже на пути къ дому капитана Маковскаго. Не заставъ его, мы отдали свои карточки и поѣхали въ полицейское управленіе; но его не было и здѣсь, и намъ не осталось ничего другого, какъ вернуться въ гостиницу. Г-нъ Фростъ ушелъ продолжать свои эскизы. Полчаса спустя появился Иванъ съ еще болѣе перепуганнымъ лицомъ и съ карточкою полицеймейстера въ рукахъ. Это второе посѣщеніе въ теченіе двухъ часовъ меня не мало смутило, но я, конечно, приказалъ просить этого господина. Послышалось нѣсколько быстрыхъ шаговъ, бряцанье шпоръ — и предомною предсталъ въ полной парадной формѣ капитанъ Маковскій. Я былъ приготовленъ къ непріятной сценѣ, поднялся со стула и ожидалъ услышать отъ него сообщеніе о томъ, что мой паспортъ не въ порядкѣ, или вопросъ — съ какого времени и съ какой цѣлью я веду знакомство съ политическими ссыльными. Пусть себѣ читатель представитъ мое удивленіе, когда этотъ красивый офицеръ, среднихъ лѣтъ, съ привѣтливыми чертами лица, голубыми глазами, коротко остриженными волосами и съ густой каштановой бородой, подошелъ ко мнѣ, протянулъ мнѣ руки и, привѣтливо улыбаясь, произнесъ:

— Честь имѣю представиться: капитанъ Маковскій, мѣстный полицеймейстеръ. Я имѣю счастье знать васъ, такъ какъ читалъ вашу книгу. Всякій разъ, какъ въ Сибирь пріѣзжаетъ знаменитый путешественникъ, я считаю своимъ долгомъ посѣтить его и предложить ему свои услуги.

Я совершенно оцѣпенѣлъ отъ удивленія при такомъ неожиданномъ привѣтствіи и едва могъ отвѣтить. Мы, должно-быть, минутъ 10 говорили о дорогахъ, о погодѣ, о сибирскихъ впечатлѣніяхъ, объ измѣнившемся видѣ Иркутска; затѣмъ капитанъ Маковскій сказалъ:

— Насколько мнѣ извѣстно, вы интересуетесь, между прочимъ, также тюрьмами и ссылкой. Я думаю, что здѣшнюю городскую тюрьму вы найдете въ хорошемъ состояніи; я пришлю кого-нибудь сопровождать васъ при осмотрѣ, и не извѣщу заранѣе о вашемъ посѣщеніи тамошнее начальство, чтобы вы могли осмотрѣть тюрьму въ ея обыкновенномъ видѣ.

Этотъ человѣкъ мнѣ понравился: вотъ такой полицейскій чиновникъ долженъ бы быть въ каждомъ сибирскомъ городѣ, подумалъ я.

Когда рѣчь коснулась ссылки, капитанъ Маковскій согласился, что

это большая тягость для страны, и сама по себѣ представляетъ большое зло, но въ ближайшемъ будущемъ, повидимому, нѣтъ надежды на перемѣну положенія вещей.

— Главное затрудненіе — денежная сторона, — сказалъ онъ. — Уже обсуждался проектъ замѣны ссылки системой центральныхъ тюремъ въ самой Европейской Россіи, но сооруженіе 20 новыхъ большихъ тюремъ обошлось бы не менѣе, какъ въ 10 милліоновъ рублей, а финансовое положеніе страны не допускаетъ такого расхода.

Между тѣмъ вернулся г. Фростъ. Вскорѣ полицеймейстеръ распростился, пригласивъ насъ въ скоромъ времени заглянуть къ нему безъ всякихъ церемоній. Пока я не могъ себѣ составить мнѣнія о причинахъ, побудившихъ капитана Маковскаго такимъ образомъ отнестись къ намъ. Онъ казался олицетворенной любезностью,—однако, было что-то искусственное въ этой сіяющей улыбкѣ, что-то аффектированное въ почтительномъ обхожденіи, которое больше походило на дипломатію, чѣмъ на откровенность. Но развѣ я имѣлъ право требовать полной откровенности и прямоты отъ другихъ, когда самъ въ этомъ отношеніи былъ не безъ грѣха?

Въ среду мы отдали капитану Маковскому отвѣтный визитъ, а въ четвергъ послѣ обѣда онъ заѣхалъ за нами, чтобы сопровождать насъ въ тюрьмы.

Городская и пересыльная тюрьмы помѣщаются въ Иркутскѣ рядомъ, почти внѣ города, отъ котораго онѣ отдѣльны неглубокой рѣчкою Ушаловкой. Пересыльная тюрьма, которую мы по предложенію капитана Маковскаго посѣтили сперва, представляла большое ветхое зданіе, отличавшееся отъ этаповъ только своею величиною и распредѣленіемъ отдѣленій. По первому взгляду можно было заключить, что она содержалась очень скверно. Бревна во многихъ мѣстахъ совершенно сгнили; частоколъ, окружавшій дворъ, былъ ветхій и угрожалъ развалиться; въ каждомъ окнѣ недоставало нѣсколькихъ стеколъ, и отверстія были заткнуты лохмотьями и старыми рогожами. Когда капитанъ замѣтилъ, что все это не ускользнуло отъ моего вниманія, онъ сказалъ, что значительный ремонтъ не производится потому, что предполагается выстроить новую тюрьму [1]).

Когда мы вошли въ главный коридоръ, къ намъ навстрѣчу быстро подошелъ дежурный офицеръ, привѣтствовалъ инспектора, бывшаго также съ нами, и монотонно безъ остановки отрапортовалъ: „Честь имѣю доложить вашему высокородію, что сегодня, 5 сентября 1885 г., въ пересыльной тюрьмѣ все обстоитъ благополучно и что въ ней въ настоящее время содержится 271 арестантъ“. Инспекторъ кивнулъ головой, произнесъ: „хорошо“, и мы приступили къ осмотру. На мой взглядъ, тюрьма находилась въ чрезвычайно печальномъ и запущенномъ состояніи. Камеры ея отличались отъ томскихъ только тѣмъ, что онѣ были менѣе переполнены. Въ большинствѣ онѣ были довольны свѣтлы, отапливались четырехугольными русскими

---

[1]) Съ тѣхъ поръ прошло уже 3 года, но Иркутскъ все еще ждетъ своей новой пересыльной тюрьмы.

печами; все тѣ же нары служатъ единственною мебелью. Постельнаго бѣлья не было видно; мѣстами я замѣтилъ нѣсколько грязныхъ легкихъ шерстяныхъ одѣялъ, сшитыхъ, повидимому, самими арестантами изъ лоскутковъ. Въ каждой камерѣ было отъ двадцати до сорока заключенныхъ, и испорченный воздухъ доказывалъ, что вентиляція совершенно отсутствовала. Полы, по сибирскимъ понятіямъ, были не слишкомъ грязны, такъ какъ они,— слѣдуетъ думать, въ честь нашего посѣщенія,— были посыпаны бѣлымъ пескомъ. Мужчины, казалось, были повсюду отдѣлены отъ женщинъ и дѣтей; въ камерахъ послѣднихъ, не слишкомъ уже переполненныхъ, господствовала бо́льшая чистота.

Отсюда мы направились въ городскую тюрьму, состоявшую изъ большого двухъ-этажнаго, оштукатуреннаго кирпичнаго зданія. Она напоминала тюменскую пересыльную тюрьму; на большомъ дворѣ, превращенномъ въ нѣкоторое подобіе сада, были разсажены грядками цвѣты; дорожки были посыпаны галькой. Этотъ дворъ служилъ мѣстомъ прогулокъ для заключенныхъ. Тюрьма была выстроена въ 1861 году, она обошлась въ 62000 рублей и была предназначена для 450 заключенныхъ. Въ день нашего посѣщенія въ ней содержалось 743 человѣка, при чемъ инспекторъ заявилъ, что иногда она должна вмѣщать до 1500 человѣкъ. По словамъ С. С. Погова въ „Сибири“, въ камеры этой тюрьмы набиваютъ иногда до 2000 заключенныхъ. Въ этомъ случаѣ въ каждой изъ нихъ помѣщалось въ 4 раза больше людей, чѣмъ она должна была бы вмѣщать[1]).

Послѣдствія такого переполненія тюремъ я уже не разъ описывалъ. Воздухъ былъ менѣе зачумленъ, чѣмъ въ тюменской пересыльной тюрьмѣ, но все-таки очень дуренъ, и много арестантовъ обращались съ жалобами къ капитану Маковскому или ко мнѣ. Атмосфера въ переполненной, плохо вентилируемой больницѣ не поддается описанію; хотя мы посвятили ей только короткое время и быстро прошли чрезъ нее, у меня закружилась голова и сдѣлалось дурно.

Въ отчетѣ медицинскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ за 1884 годъ тюрьмы и тюремныя больницы Томска, Енисейска и Иркутска описываются слѣдующимъ образомъ: „Изъ отчетовъ медицинскаго правленія видно, что санитарное состояніе многихъ тюремъ, какъ въ губерніяхъ, такъ и цѣлыхъ районахъ, чрезвычайно неудовлетворительно. Большинство изъ нихъ слишкомъ малы для числа заключенныхъ. Во многихъ тюрьмахъ нѣтъ вентиляціи и отхожихъ мѣстъ; онѣ построены слишкомъ низко и поэтому сыры. Тюрьмы, менѣе всего отвѣчающія гигіэническимъ требованіямъ, расположены въ губерніяхъ: Енисейской, Иркутской и Томской и въ Забайкальѣ. Во многихъ тюремныхъ больницахъ недостаетъ самаго необходимаго, и онѣ слишкомъ малы, чтобы въ нихъ можно было помѣстить всѣхъ больныхъ. При многихъ тюрьмахъ нѣтъ врача, фельдшера и сидѣлокъ“.

---

[1]) „Заключенные Иркутской тюрьмы и ихъ содержаніе“ *С. С. Погова*, сборникъ газеты „Сибирь“, стран. 210, Иркутскъ 1876 года.

Далѣе, чтобы дать представленіе о санитарномъ состояніи тюремъ и больницъ при нихъ въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ за 1884 годъ, въ отчетѣ приведены слѣдующія данныя:

ГУБЕРНІИ.	Число тюремныхъ больныхъ.	Число кроватей.	Число больныхъ.	Число умершихъ	% смертности.
Енисейская	3	145	5176	168	3,2
Иркутская	2	115	1620	99	6,1
Тобольская	10	242	4648	303	6,5
Томская.	3	230	1514	259	16,4

Среди болѣзней здѣсь, какъ и въ остальныхъ сибирскихъ тюрьмахъ, преобладали тифъ, цынга, малокровіе, ревматизмъ и бронхитъ, т.-е. болѣзни, указывающія на неблагопріятное санитарное состояніе.

Изъ больницы мы отправились въ такъ называемыя „тайныя“ камеры, въ которыхъ арестанты сидятъ въ одиночномъ заключеніи. Полицеймейстеръ сообщилъ мнѣ, что онъ разрѣшитъ намъ говорить съ однимъ заключеннымъ тамъ политическимъ. Я уже часто слыхалъ о тюремной жизни русскихъ революціонеровъ, но мнѣ не приходилось видѣть ихъ въ одиночномъ заключеніи. Въ концѣ двора мы вошли въ обширныя сѣни. Капитанъ Маковскій въ сопровожденіи тюремщика пошелъ впередъ; передъ нами открылись двери, съ окошкомъ, задѣланнымъ рѣшеткою, запиравшіяся на замокъ, и мы вошли въ длинный узкій коридоръ; съ одной стороны былъ расположенъ рядъ камеръ, по коридору ходилъ вооруженный часовой. На тяжелыхъ деревянныхъ дверяхъ камеръ висѣли большіе замки; въ серединѣ каждой изъ нихъ находилось маленькое четырехугольное отверстіе, чрезъ которое заключенному подавалась пища и часовой могъ наблюдать за ними. Политическій преступникъ, котораго мы должны были посѣтить,—Фердинандъ Люстигъ, какъ сообщилъ мнѣ капитанъ Маковскій, бывшій армейскій офицеръ, былъ арестованъ въ мартѣ 1881 года, въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ убійства Александра II. Онъ, какъ революціонеръ, былъ осужденъ на четыре года каторги, срокъ которой кончился; теперь онъ былъ на пути въ восточную Сибирь, куда его отправляли на поселеніе.

Тюремщикъ отперъ дверь № 6, и мы вошли въ длинную, узкую, мрачную камеру, въ которой на маленькой деревянной кровати въ согнутомъ положеніи сидѣлъ красивый молодой человѣкъ, коротко остриженный, съ голубыми глазами и густой каштановой бородой. При нашемъ появленіи онъ быстро поднялся, какъ бы съ надеждой

на перемѣну судьбы, а капитанъ Маковскій произнесъ сердечнымъ, товарищескимъ тономъ:

— Здравствуйте, г. Люстигъ! Мы пришли, чтобы васъ немного развлечь. Эти господа — американскіе путешественники, осматривающіе тюрьму, и я думалъ, что вамъ, быть можетъ, доставитъ удовольствіе поговорить съ нами.

Выраженіе надежды, блеснувшее на минуту на лицѣ молодого человѣка, исчезло; нервно и смущенно, какъ будто не зная, что сказать послѣ долговременнаго одиночества, онъ протянулъ намъ руку. Мое положеніе также было непріятное, въ виду присутствія капитана, тюремщика и солдата. Если бы мы съ г. Люстигомъ были наединѣ, то мы, конечно, скоро поняли бы другъ друга, но въ данномъ случаѣ я не могъ сказать того, что было на сердцѣ; я сознавалъ, что я произвожу на заключеннаго впечатлѣніе любопытнаго туриста, который пожелалъ посмотрѣть на нигилиста въ тюрьмѣ, какъ смотрятъ на рѣдкихъ звѣрей въ зоологическомъ саду.

Камера имѣла приблизительно 20 футовъ длины, 6 футовъ ширины и 12 футовъ высоты. Она освѣщалась маленькимъ окошкомъ, снабженнымъ рѣшеткой, которое приходилось прямо противъ двери. Оно было такъ высоко продѣлано, что я не могъ достать его. Передъ окномъ, на разстояніи нѣсколько футовъ, возвышался частоколъ, который закрывалъ видъ не только на окрестности, но даже на небо, такъ что г. Люстигъ, глядя вверхъ чрезъ окно, едва ли могъ опредѣлить, ясная или пасмурная погода на дворѣ, зима или лѣто. Хотя стѣны и потолокъ были выбѣлены, камера все-таки была темна и, какъ мнѣ казалось, очень холодна. Маленькая деревянная кровать съ тонкимъ сѣрымъ шерстянымъ одѣяломъ и четырехугольный ящикъ съ сосудомъ для экскрементовъ — были единственной мебелью. Заключенный не долженъ былъ имѣть ни стула, ни стола, ни книгъ, ни письменныхъ принадлежностей; никакое впечатлѣніе изъ внѣшняго, такъ далекаго для него міра не проникало къ нему; ему нельзя было рѣшительно ничѣмъ заниматься, — онъ могъ только сидѣть на кровати въ полумракѣ и думать свою печальную думу. Я спросилъ его, какъ долго онъ въ камерѣ; онъ отвѣтилъ: „съ перваго іюня", — почти четыре мѣсяца. По словамъ Маковскаго, его держали здѣсь, такъ какъ вопросъ о дальнѣйшемъ мѣстѣ пребыванія еще не рѣшенъ. Никому не было извѣстно, когда этотъ вопросъ разрѣшится, да имъ никто и не интересовался, а между тѣмъ положеніе здѣсь было хуже, чѣмъ на каторгѣ. Меня сильно подмывало спросить о его жизни на карійскихъ рудникахъ, но я зналъ, что его отвѣтъ въ присутствіи г. Маковскаго не удовлетворитъ меня, поэтому я пожалъ ему руку, пожелалъ скораго освобожденія и удалился. Въ концѣ концовъ я не могъ согласиться съ полицеймейстеромъ, что иркутскія тюрьмы въ „хорошемъ состояніи"; но такъ какъ онъ не спрашивалъ моего мнѣнія, то я не сталъ его высказывать.

Нѣсколько дней прошло, прежде чѣмъ я опять увидѣлъ капитана Маковскаго. За это время осматривалъ тюрьмы графъ Игнатьевъ, вновь назначенный генералъ-губернаторъ восточной Сибири. На слѣ-

дующей недѣлѣ, во вторникъ, насъ опять посѣтилъ капитанъ Маковскій. Послѣ нѣсколькихъ обычныхъ любезностей, онъ спросилъ съ живостью:

— Пожалуйста, г. Кеннанъ, скажите мнѣ откровенно: какое впечатлѣніе произвели на васъ наши тюрьмы?

Я не скрылъ отъ него, что сибирскія тюрьмы въ общемъ производятъ на меня очень скверное впечатлѣніе; относительно же иркутскихъ тюремъ я сказалъ ему только то, что онѣ въ нѣсколько лучшемъ состояніи, чѣмъ въ Тюмени и Томскѣ.

— Я спрашиваю объ этомъ потому, что графъ и графиня Игнатьевы на дняхъ посѣтили тюрьмы и остались чрезвычайно недовольны. Графъ находитъ тюрьмы грязными и переполненными, воздухъ, по его словамъ, отвратительный, бѣлье арестантовъ грязно и грубо, вообще все въ очень неудовлетворительномъ состояніи. Я, конечно, самъ знаю, что воздухъ въ тюрьмахъ невозможный,— да и какъ ему быть чистымъ, если въ комнату величиною съ вашу сажаютъ 30 человѣкъ? Правда и то, что бѣлье арестантовъ дешевое и грубое, но денегъ, ассигнуемыхъ правительствомъ, не хватаетъ на болѣе тонкое и лучшее бѣлье. Если въ гостиницѣ платишь 2 рубля за обѣдъ, то можешь ожидать чего-нибудь хорошаго — но чего же можно требовать за 8 коп.? Бѣлье грязно!... Конечно, оно грязно, если правительство отпускаетъ на арестанта въ шесть мѣсяцевъ одну рубаху и только одинъ халатъ въ годъ. Въ этомъ платьѣ онъ живетъ и спитъ въ теченіе 24 часовъ въ день и 30 дней въ мѣсяцъ, снимая его только въ банѣ; разумѣется, оно будетъ грязно.

— Какъ же стирается бѣлье арестанта, если у него нѣтъ смѣны?— спросилъ я.— Оно вообще никогда не стирается, или онъ ходитъ голымъ, пока оно стирается и сохнетъ?

— Когда онъ въ банѣ, — отвѣтилъ капитанъ Маковскій, — онъ моется самъ и стираетъ бѣлье, насколько возможно, просушиваетъ его, а затѣмъ надѣваетъ.

Я упомянулъ о страданіяхъ ссыльныхъ, которые должны спать въ мокрыхъ платьяхъ послѣ дневного перехода подъ проливнымъ дождемъ, и прибавилъ, что меня ничуть не удивляетъ, что пересыльныя тюрьмы переполнены больными. Онъ согласился со мною.

— Жизнь арестанта въ пути ужасна. Насколько это зависитъ отъ меня, я дѣлаю для улучшенія тюрьмы все, что только возможно. Нигдѣ нѣтъ накопленія грязи, что же касается санитарнаго состоянія тюрьмы, оно, пожалуй, лучше, чѣмъ многихъ частныхъ домовъ въ городѣ.

Мнѣ было интересно и поучительно узнать, какъ мало капитанъ Маковскій сознавалъ недостатки иркутскихъ тюремъ. Повидимому, онъ такъ привыкъ къ существующему положенію дѣлъ, что считалъ его нормальнымъ, и совершенно не понималъ, почему генералъ-губернаторъ былъ недоволенъ состояніемъ и завѣдываніемъ тюремъ. Большую часть этого недовольства онъ объяснялъ вліяніемъ графини Игнатьевой, которую онъ описывалъ, какъ женщину сердечную, но неопытную и не понимающую, какихъ трудовъ стоило бы осуще-

ствленіе такого порядка, который ей былъ бы желателенъ въ тюрьмахъ.

— Графиня, — сказалъ я, — производитъ впечатлѣніе весьма наблюдательной, необыкновенно умной женщины. Одинъ изъ чиновниковъ тюремнаго вѣдомства., съ которымъ я вчера встрѣтился за обѣдомъ, разсказывалъ мнѣ, что она во время посѣщенія тюремъ потребовала подать ей для пробы арестантскій супъ. Инспекторъ принесъ ей на чистой тарелкѣ супу; но она подумала, что онъ спеціально приготовленъ для нея, и спросила, не осталось ли въ котлѣ еще немного. Дѣйствительно, въ котлѣ было немного супа, она попробовала его и сказала: „Меня радуетъ, что вымыли котелъ, это давно слѣдовало сдѣлать“. Эта дама знаетъ дѣло, и вы должны согласиться, что она чрезвычайно наблюдательна.

— Чрезвычайно наблюдательна! — воскликнулъ капитанъ Маковскій, — это вѣрно: — она сердечная и гуманная, но непрактичная женщина. Она думаетъ, что тюрьма для преступниковъ должна быть такъ же устроена, какъ институтъ для благородныхъ дѣвицъ. Вы такъ же, какъ и я, прекрасно знаете, что это невозможно.

Я выразилъ, что иркутскія тюрьмы нуждаются въ такихъ огромныхъ улучшеніяхъ, что какихъ бы нововведеній ни предпринимали, онѣ все же никогда не будутъ похожи на женскіе институты.

Здѣсь насъ прервали новые посѣтители, и капитанъ Маковскій удалился въ сильномъ волненіи.

При первомъ публичномъ пріемѣ графа Игнатьева присутствовали также г. Фростъ и я, какъ для того, чтобы ему представиться, такъ и въ надеждѣ говорить съ нимъ о ссылкѣ и о мѣстныхъ тюрьмахъ. Графъ Игнатьевъ былъ высокій плотный господинъ, лѣтъ 45, съ большой головой почти безъ всякой растительности и сонными чертами лица. Онъ принялъ насъ очень любезно, но официально, и тотчасъ же заговорилъ съ нами по-англійски, — медленно, но довольно правильно. При первомъ удобномъ случаѣ я навелъ разговоръ на ссылку и сообщилъ ему нѣкоторыя свои впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ тюменской и томской тюремъ. Онъ отвѣтилъ безъ околичностей, что ссылка признается имъ чрезвычайно вредной для интересовъ Сибири и что во многихъ отношеніяхъ она нуждается въ улучшеніяхъ. По его мнѣнію, уголовные преступники должны привлекаться къ полевымъ работамъ. Вообще въ Сибири всегда чувствуется недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, и ему непонятно, почему бы не пополнить этотъ недостатокъ арестантами. Система принудительнаго труда была бы для нихъ болѣе полезной, чѣмъ настоящій способъ осужденія ихъ на бездѣйствіе въ тюрьмахъ или же поселенія въ Сибири въ качествѣ колонистовъ, оставляя въ дальнѣйшемъ на произволъ судьбы. Далѣе онъ высказалъ, что намѣренъ въ этомъ направленіи сдѣлать опытъ, отпуская для начала на городскія работы около ста арестантовъ, и согласился со мной, что всѣ пересыльныя тюрьмы и этапы слишкомъ малы и въ очень плохомъ состояніи. Онъ сообщилъ мнѣ также, что предполагается отправлять арестантовъ изъ Томска въ Иркутскъ только лѣтомъ и притомъ на

лошадяхъ. Это, по его мнѣнію, сократило бы расходы правительства на зимнее платье и уменьшило бы страданія несчастныхъ[1]).

Въ время нашего разговора вошла графиня Игнатьева и передала своему супругу письмо. Насъ представили ей. Это была женщина средняго роста, лѣтъ 30, шатенка, съ сѣрыми глазами и нѣсколько холодными, но интеллигентными, чертами лица. Съ появленіемъ графини разговоръ перешелъ на другую тему, и намъ болѣе не представилось случая вернуться къ интересовавшимъ насъ вопросамъ.

Во время своего 12-дневнаго пребыванія въ Иркутскѣ мы завязали много пріятныхъ и интересныхъ знакомствъ; среди нихъ отмѣчу г. Адама Буковскаго, крупнаго восточно-сибирскаго горнопромышленника, который хорошо объяснялся по-англійски и привлекалъ насъ своимъ гостепріимствомъ; доктора Писарева, извѣстнаго врача, къ которому у насъ имѣлось рекомендательное письмо изъ Петербурга; г. Бутина, изъ Нерчинска, совершившаго большое путешествіе по Соединеннымъ Штатамъ, по взглядамъ и симпатіямъ полуамериканца; наконецъ, г. Загоскина, уважаемаго издателя „Сибири“.

21-го сентября, спустя слишкомъ недѣлю по нашемъ пріѣздѣ, мы встрѣтились съ нашимъ землякомъ, лейтенантомъ Шейтце; онъ направлялся въ Иркутскую губернію съ подарками отъ нашего правительства для лицъ, оказавшихъ помощь оставшимся въ живыхъ пассажирамъ „Жанетты“. Лейтенантъ Шейтце выѣхалъ изъ Америки много позже насъ; мы сердечно были рады встрѣтиться съ нимъ такъ далеко отъ родины, узнать отъ него нью-йоркскія и вашингтонскія новости и обмѣняться впечатлѣніями о Сибири.

Нѣсколько дней спустя послѣ разговора съ капитаномъ Маковскимъ объ иркутскихъ тюрьмахъ, я былъ у него на дому и старался навести разговоръ на тему о политическихъ ссыльныхъ. Онъ говорилъ очень злобно, почти презрительно о революціонерахъ и „нигилистахъ“ вообще и, казалось, считалъ ихъ дикими фанатиками, которые были врагами не только настоящаго правительства, но вообще какого бы то ни было образа правленія,— и потому ихъ слѣдуетъ укрощать, и чѣмъ энергичнѣе, тѣмъ лучше.

— Но есть среди политическихъ преступниковъ и такіе,— продолжалъ онъ,— которые вызываютъ во мнѣ большое состраданіе и сильнѣйшую симпатію; такъ, напримѣръ, молодые люди, которые никогда не совершили политическаго преступленія, но случайно состояли въ

---

[1]) Эти реформы горячо отстаивались еще въ 1882—83 году полковникомъ Загаринымъ, инспекторомъ пересыльнаго управленія восточной Сибири. Уже три года прошло со дня моего разговора съ генераломъ Игнатьевымъ, но до сихъ поръ по этому вопросу ничего не сдѣлано; ссыльные по прежнему идутъ пѣшкомъ изъ Томска въ Иркутскъ подъ проливнымъ дождемъ и въ снѣжную вьюгу, въ пыли и по грязи, въ знойный жаръ и жестокій морозъ. Должно-быть, проектированный великій Сибирскій путь долженъ служить оправданіемъ въ этомъ случаѣ: вѣроятно, думаютъ, что излишне вводить теперь перевозку ссыльныхъ на лошадяхъ, такъ какъ вскорѣ Сибирь будетъ имѣть свою желѣзную дорогу. Но пока она будетъ готова, пройдетъ еще 10 лѣтъ, и не одна тысяча человѣческихъ существъ, часто ни въ чемъ неповинныхъ женщинъ и дѣтей, не вынесутъ тягостей пѣшаго пути на протяженіи 1500 верстъ.

невинной перепискѣ съ настоящими революціонерами или были связаны съ ними узами дружбы. Они должны страдать только за то, что были въ дурномъ обществѣ. Затѣмъ люди, сосланные только за то, что изъ любезности взяли на сохраненіе рукописи и печатныя произведенія своихъ знакомыхъ, не зная ихъ содержанія. Если полиція находитъ въ нихъ революціонныя тенденціи, то услужливому другу не помогутъ увѣренія въ своемъ невѣдѣніи и невинности — его сошлютъ. Также лица, которыя дали революціонерамъ деньги, не зная назначенія, ссылаются въ Сибирь, хотя бы они никогда и не думали принимать участіе въ заговорѣ противъ правительства. Наконецъ, есть еще одинъ классъ юношей, лѣтъ 18—20, которые воодушевлены жаждой послужить на благо родинѣ. Они ясно сознаютъ недостатокъ нынѣшняго образа правленія, вѣрятъ въ возможность его улучшенія не революціоннымъ, но мирнымъ путемъ при помощи реформъ. Такихъ молодыхъ людей обыкновенно завлекаютъ въ тайныя общества революціонной организаціи; въ концѣ концовъ, они попадаются въ руки полиціи и ссылаются въ Сибирь, несмотря на то, что они хорошіе люди, преслѣдующіе только самыя лучшія и чистыя цѣли. Такихъ людей я отъ всего сердца сожалѣю.

Я цитировалъ слова г. Маковскаго, такъ какъ въ нихъ подтверждается то, что русское правительство ссылаетъ въ Сибирь не только цвѣтъ русской молодежи, но и множество такихъ лицъ, которыя никогда не совершили преступленія и даже не могутъ быть уличены въ намѣреніи совершить его. Для меня это было, конечно, не ново, но въ первый разъ я услыхалъ объ этомъ изъ устъ полицейскаго.

Въ Иркутскѣ мы застали немногихъ политическихъ ссыльныхъ, и намъ стоило нѣкотораго труда разыскать ихъ. Наконецъ, это намъ удалось безъ содѣйствія капитана Маковскаго, и хотя, какъ глава мѣстной полиціи, онъ долженъ былъ знать все, что дѣлается въ городѣ, онъ не предчувствовалъ даже, что я прямо изъ его дома отправлялся въ собраніе всѣхъ политическихъ города и просиживалъ у нихъ до глубокой ночи.

Самыми интересными политическими въ Иркутскѣ были г. Иванъ Чернявскій съ супругой, которые въ 1878 году были административнымъ порядкомъ сосланы въ Сибирь. Я близко познакомился съ ними и чувствовалъ къ нимъ, особенно къ г-жѣ Чернявской, глубокое уваженіе и искреннѣйшее состраданіе. Рѣдко женщины въ 35 лѣтъ даже въ Россіи имѣютъ за собой такое трагическое, полное испытаній прошлое, и еще рѣже найти такихъ, которыя послѣ столькихъ болѣзней, лишеній и несчастій сохраняли такое мужество и жизнерадостность. Въ началѣ 1878 года г. Чернявская, будучи 25 лѣтъ, была арестована въ Одессѣ и послѣ продолжительнаго заключенія сослана административнымъ порядкомъ въ Тобольскую губернію. По пути въ Сибирь ее на нѣсколько дней задержали въ Кіевѣ, и тамъ ей суждено было пережить убійство своего лучшаго друга. Молодой человѣкъ, англичанинъ по происхожденію, по имени Беверлей, котораго она знала съ дѣтства, былъ незадолго предъ тѣмъ арестованъ за проживаніе по чужому паспорту и революціонную пропаганду и находился въ то

время въ кіевской тюрьмѣ. Ночью, наканунѣ отъѣзда г-жи Чернявской въ Сибирь, Беверлей съ товарищемъ Избицкимъ пытались бѣжать изъ тюрьмы. Объ ихъ рѣшеніи какъ-то узнали, былъ приготовленъ отрядъ солдатъ, и, когда бѣглецы появились, ихъ встрѣтили ружейнымъ огнемъ. Смертельно раненый Беверлей былъ добитъ штыкомъ солдата. Также раненаго и избитаго Избицкаго понесли обратно въ тюрьму. Когда на слѣдующее утро г-жа Чернявская выходила съ партіей арестантовъ изъ тюрьмы, она должна была пройти мимо окровавленнаго, обезображеннаго трупа своего лучшаго друга, который лежалъ еще передъ окнами тюрьмы въ томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ.

— Собственное страданіе я могу переносить, — сказала она со вздохомъ, разсказывая мнѣ эту трагедію, — но не такія раздирающія душу страданія другихъ.

Излишне говорить о лишеніяхъ и испытаніяхъ этой высоко образованной женщины въ пути на этапахъ. Въ концѣ концовъ, они съ мужемъ достигли маленькаго города Тобольской губерніи, предназначеннаго имъ для жительства. У нихъ родился ребенокъ, и жили они сравнительно сносно. Въ мартѣ 1881 года, по вступленіи на престолъ Александра III, г. Чернявскаго пригласили присягнуть. Онъ отказался, и они были отправлены дальше на востокъ, въ Красноярскъ. Вторично отказъ повлекъ за собою ссылку въ Иркутскъ. Между тѣмъ началась зима, а они ѣхали въ открытой повозкѣ съ ребенкомъ 13 мѣсяцевъ. Несмотря на всѣ заботы и старанія г-жи Чернявской, ребенокъ застывалъ отъ холода; когда они достигли послѣдней станціи передъ Иркутскомъ, онъ умеръ. Это лишило мать разсудка; она качала мертваго ребенка на рукахъ, напѣвая ему колыбельную пѣсню, плакала, буйствовала, молилась и проклинала. Наконецъ, пріѣхавъ въ Иркутскъ, г. Чернявскій съ больной женой и мертвымъ ребенкомъ на рукахъ полчаса стоялъ на дворѣ пересыльной тюрьмы на морозѣ въ 30° и ждалъ, пока будутъ соблюдены всѣ формальности пріема. Г-жа Чернявская лежала въ тюремной больницѣ въ Иркутскѣ; когда она выздоровѣла, ихъ въ сопровожденіи жандарма отправили еще дальше на сѣверо-востокъ, за 3000 верстъ въ якутскій улусъ Батарусскій, расположенный въ дикой глуши, въ 250 верстахъ отъ ближайшаго города. Здѣсь они жили въ самой ужасной обстановкѣ, пока, наконецъ, въ 1884 году министръ внутреннихъ дѣлъ не разрѣшилъ имъ вернуться въ болѣе цивилизованную часть Сибири.

Когда я познакомился съ г-жой Чернявской, это была блѣдная, нѣжная, съ впалыми щеками женщина, здоровье которой было совершенно надломлено горемъ, тюрьмою и ссылкой. Она потеряла двоихъ дѣтей при такихъ условіяхъ, которыя дѣлали эти потери почти невыносимыми. Уже семь лѣтъ тысячи миль раздѣляли ее отъ родныхъ, и у нея осталось только одно — любовь мужа, тяжелую жизнь котораго она не могла только облегчить вслѣдствіе своего болѣзненнаго состоянія. Два мѣсяца она не переступала порога своего дома, и, когда я прощался съ ней, у меня поневолѣ явилось убѣжденіе, что ея полная страданій жизнь скоро прервется. Я жалѣлъ ее отъ всего сердца; ея автобіографія вызвала у меня, — должно-быть, впервые со времени

дѣтства,—невольныя слезы. Въ знакъ искренняго уваженія и симпатіи я предложилъ ей на память свою фотографію. Къ немалому моему изумленію, она грустно, но рѣшительно отклонила мой подарокъ.

— Много лѣтъ назадъ,—сказала она,—у меня была фотографія одного изъ моихъ покойныхъ дѣтей; это была единственная карточка моего любимца. Какъ-то ночью полиція производила у меня обыскъ и взяла всѣ письма и фотографіи. О карточкѣ моего сына я сказала, что это былъ единственный портретъ моего мальчика. Жандармскій офицеръ, руководившій обыскомъ, обѣщалъ на честное слово вернуть ее, но я никогда больше ея не видѣла. Тогда я поклялась, что русскому правительству больше не удастся оскорбить меня въ моихъ лучшихъ чувствахъ, и съ тѣхъ поръ я не храню ни одной карточки.

Я не знаю, жива ли еще г-жа Чернявская; если да, то я желалъ бы, чтобъ эти строки попали въ ея руки и сказали ей, что по ту сторону Великаго океана о ней вспоминаютъ съ любовью и привязанностью.

XI.

Русская полиція.

Едва ли найдется въ мірѣ страна, въ которой полиція пользовалась бы такой огромной властью, играла бы такую важную роль и такъ вмѣшивалась бы въ частную жизнь каждаго гражданина, какъ въ Россіи. Въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ власть находится въ рукахъ самого народа, сфера дѣятельности полиціи строго ограничена и въ большинствѣ случаевъ исчерпывается предупрежденіемъ и раскрытіемъ преступленій, а также наблюденіемъ за порядкомъ въ публичныхъ мѣстахъ. Въ Россіи же, гдѣ народъ устраненъ отъ участія въ управленіи и гдѣ его отношеніе къ власти равносильно зависимости несовершеннолѣтняго отъ своего опекуна, положеніе полиціи совершенно иное и несравненно болѣе важное. Русское правительство считаетъ своихъ подданныхъ не только неспособными оказывать вліяніе на политику и направленіе дѣлъ въ государствѣ, но даже отказываетъ имъ въ умѣньи устроить свою собственную личную жизнь. Русскій обыватель, съ своимъ ограниченнымъ разсудкомъ вѣрноподданнаго, почти съ момента появленія на свѣтъ Божій вплоть до того дня, когда могильная земля падаетъ на его усталую сѣдую голову, находится въ положеніи опекаемаго: его ведутъ, имъ управляютъ и руководятъ, ему не даютъ воли, его притѣсняютъ, охраняютъ, за нимъ наблюдаютъ и заставляютъ его дѣлать то, что кто-то другой считаетъ для него благомъ. Естественнымъ слѣдствіемъ такихъ патріархальныхъ представленій объ управленіи является сосредоточеніе всѣхъ административныхъ полномочій въ рукахъ нѣсколькихъ высшихъ чиновниковъ, съ одной стороны, и огромное зна-

ченіе во всѣхъ областяхъ жизни власти полиціи, съ другой. Дѣла, предоставленныя въ другихъ государствахъ усмотрѣнію одного или нѣсколькихъ гражданъ, въ Россіи разрѣшаются министромъ внутреннихъ дѣлъ при содѣйствіи полиціи. Русскій, если онъ намѣренъ издавать газету, долженъ исходатайствовать себѣ разрѣшеніе на это у министра внутреннихъ дѣлъ[1]).

Въ случаѣ, если онъ желаетъ открыть воскресную школу или какое-нибудь другое учебное заведеніе, будь это въ грязномъ закоулкѣ Петербурга или въ деревушкѣ на Камчаткѣ, онъ долженъ просить разрѣшенія у министра народнаго просвѣщенія[2]).

Если онъ желаетъ дать концертъ или поставить живыя картины въ пользу сиротскаго дома, онъ прежде всего долженъ получить разрѣшеніе ближайшаго мѣстнаго представителя министерства внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ представить свою программу на просмотръ и одобреніе цензора и, наконецъ, доходъ отъ устраиваемаго имъ вечера предоставить въ распоряженіе полиціи, которая или положитъ его въ свой карманъ, или выдастъ сиротскому дому,—смотря по тому, что заблагоразсудится[3]).

Кто хочетъ продавать газеты на улицахъ, тотъ обязанъ имѣть на это разрѣшеніе отъ полиціи и повѣсить на шею мѣдную бляху съ номеромъ величиной въ блюдечко; для открытія москательной лавки,

---

[1]) Г-нъ Иннокентій Кузнецовъ, одинъ изъ богатыхъ горнопромышленниковъ, съ которымъ мы познакомились въ Красноярскѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ добивается разрѣшенія издавать еженедѣльникъ. На всѣ свои ходатайства онъ получилъ отказъ, несмотря на то, что въ Сибири имѣется только 4 газеты, изъ которыхъ одна въ послѣднее время была пріостановлена на 8 мѣсяцевъ. Нѣсколько человѣкъ въ Нерчинскѣ въ восточной Сибири, уже послѣ моего пребыванія тамъ, тщетно пытались основать газету. Они располагаютъ необходимымъ капиталомъ и подходящими рабочими силами,—но не могутъ получить требующагося разрѣшенія. Издатель „Сибирской Газеты“ въ Томскѣ разсказывалъ мнѣ, что онъ неоднократно хлопоталъ о разрѣшеніи выпускать свое изданіе, вмѣсто одного раза, три раза въ недѣлю, но всякій разъ получалъ отрицательный отвѣтъ. Почему? Объ этомъ исторія умалчиваетъ.

[2]) Многія изъ ссыльныхъ дамъ, съ которыми я познакомился въ Сибири, впервые столкнулись съ властями по поводу того, что открыли безъ разрѣшенія школу или же учили нѣсколькихъ крестьянскихъ дѣтей въ частномъ домѣ.

[3]) Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ за августъ 1882 г. возлагаетъ на полицію контроль за всѣмъ, что предпринимается въ благотворительныхъ цѣляхъ. Въ силу этого циркуляра, концерты и прочія предпріятія, преслѣдующія благотворительныя цѣли, разрѣшаются только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы билеты продавались полицейскими или во всякомъ случаѣ подъ непосредственнымъ ихъ надзоромъ, а выручка поступала въ полицію для передачи по назначенію. Такое требованіе циркуляръ мотивируетъ тѣмъ, что злонамѣренныя лица, подъ видомъ благотворительности, устраивали концерты и вечера въ пользу политическихъ заключенныхъ, ссыльныхъ и революціонеровъ. Выдержка изъ приказа министра появилась въ „Восточномъ Обозрѣніи“(номеръ отъ 26 августа 1882 года, стран. 14). Даже ученыя общества, какъ географическія общества въ Иркутскѣ и Омскѣ, подвергаются болѣе или менѣе тягостному надзору. Они имѣютъ право, напр., избрать себѣ предсѣдателя, но онъ можетъ приступить къ исполненію своихъ обязанностей не ранѣе, чѣмъ его выборъ будетъ одобренъ и утвержденъ всемогущимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; ихъ труды до опубликованія должны быть представлены на цензуру губернатора.

типографіи, фотографіи или книжной торговли необходимо разрѣшеніе. Оно неизбѣжно фотографу даже въ томъ случаѣ, когда онъ переводитъ свое заведеніе въ другое мѣсто. Особое разрѣшеніе нужно также студенту, желающему въ публичной библіотекѣ читать такія „опасныя" книги, какъ „Основы геологіи" Ляйелля или „Соціальное равенство" Спенсера. Если вы врачъ, то вамъ нужно особое разрѣшеніе на право заниматься практикой; если вы не желаете ночью посѣщать больныхъ, то и на это вы должны просить разрѣшенія; если вы хотите пріобрѣсти право прописывать „опасныя" лѣкарства, то вы опять-таки обязаны ходатайствовать о разрѣшеніи,—въ противномъ случаѣ аптека не отпуститъ по вашему рецепту[1]).

Крестьянинъ, желающій на своемъ дворѣ выстроить для себя баню, долженъ имѣть разрѣшеніе. Кто вечеромъ при огнѣ намѣренъ молотить, проситъ разрѣшенія или подкупаетъ полицію. Кто отъ мѣста жительства хочетъ удалиться дальше 25 верстъ, нуждается въ разрѣшеніи. Иностранецъ безъ соотвѣтственнаго разрѣшенія не можетъ ни въѣхать въ предѣлы Русской имперіи, ни покинуть ихъ, ни пребывать въ нихъ долѣе 6 мѣсяцевъ и обязанъ извѣщать полицію о всякой перемѣнѣ мѣста жительства. Однимъ словомъ, въ Россіи нельзя ни жить, ни передвигаться, ни вообще существовать безъ разрѣшенія.

Полиція, имѣя во главѣ министра внутреннихъ дѣлъ, при помощи системы паспортовъ контролируетъ передвиженія всѣхъ жителей имперіи; она постоянно наблюдаетъ за тысячами подозрительныхъ, извѣщаетъ судъ о несостоятельныхъ, руководитъ продажей не выкупленныхъ изъ залога вещей, удостовѣряетъ личность получающихъ пенсіи и другихъ лицъ, наблюдаетъ за исправностью улицъ и мостовъ, слѣдитъ за театральными представленіями, концертами, афишами и уличными объявленіями, занимается статистикой, наблюдаетъ за соблюденіемъ санитарныхъ постановленій, производитъ обыски и аресты въ частныхъ домахъ, прочитываетъ письма подозрительныхъ лицъ, оказываетъ помощь пострадавшимъ на улицѣ, „ставитъ на видъ" членамъ церкви слишкомъ долгое уклоненіе отъ исповѣди и причастія и принуждаетъ къ исполненію тысячи самыхъ разнообразныхъ предписаній и постановленій, которыя должны содѣйствовать благу народа и безопасности государства. Законы, касающіеся полиціи, изложены болѣе чѣмъ въ 5000 статьяхъ Свода Законовъ, и можно безъ преувеличенія сказать, что въ деревняхъ, далеко отстоящихъ отъ центровъ умственной и просвѣтительной дѣятельности, вездѣсущая и всемогущая полиція предписываетъ всякому, какъ вести себя, и разы-

---

[1]) Аптекарямъ и дрогистамъ, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, доставляются полиціей полные списки всѣхъ врачей, имѣющихъ право прописывать „опасныя" лѣкарства, какъ, напр., анэстезирующія средства или яды. Разъ фамиліи врача въ этомъ спискѣ нѣтъ, аптекарю воспрещается отпускать средство, которое въ рукахъ какого-нибудь „террориста" могло бы послужить для противозаконныхъ цѣлей (см. „Восточное Обозрѣніе", № 27, отъ 30 іюня 1883 г., стран. 15).

грываетъ роль представителя божественнаго Провидѣнія,—правда, едва ли компетентнаго.

Чтобы читатель могъ составить себѣ понятіе о многообразіи дѣлъ, которыя русское правительство осуществляетъ черезъ посредство полиціи, я приведу заглавія и содержаніе нѣсколькихъ циркуляровъ, которые министръ внутреннихъ дѣлъ въ теченіе 1880—1884 годовъ разослалъ губернаторамъ разныхъ русскихъ губерній. Вотъ они:

1) Урегулированіе преподаванія закона Божія въ школахъ недуховнаго вѣдомства.

2) Мѣры противъ конокрадства.

3) О драмахъ, постановка которыхъ безусловно разрѣшается.

4) Запрещеніе продавать пилюли Шиманскаго.

5) О воспрещеніи крестьянамъ рубить молодыя березки для украшенія ими въ праздничные дни церквей и домовъ.

6) Указанія о способѣ цензурованія отчетовъ разнаго рода частныхъ обществъ и союзовъ.

7) Отмѣна ограниченія перевозки сала.

8) Объ особыхъ отмѣткахъ въ паспортахъ евреевъ, съ цѣлью установленія ихъ личностей.

9) Объ употребленіи больными и ранеными офицерами арміи минеральныхъ водъ.

10) Предписаніе продавать хлѣбъ по вѣсу, а не по мѣрѣ.

11) Установленіе, когда и при какихъ обстоятельствахъ полицейскіе и другіе чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ могутъ носить бѣлые чехлы на фуражкахъ.

12) По вопросу о томъ, кто въ Россіи имѣетъ право собирать деньги на святыя мѣста въ Палестинѣ.

13) Объ отмѣнѣ длинныхъ цѣпей, которыми въ пути сковываются вмѣстѣ по шести преступниковъ.

14) О печатаніи на папиросной бумагѣ.

15) Запрещеніе гласнымъ думы и земскихъ собраній высказывать мнѣнія и сужденія по вопросамъ, выходящимъ за предѣлы ихъ компетенціи.

16) Запрещеніе иновѣрцамъ переселяться въ Закавказье.

17) Правила постройки зданій въ деревняхъ.

18) Контроль и регулированіе перевозки костей.

19) Надзоръ за медицинскими объявленіями.

20) О школьныхъ книгахъ и принадлежностяхъ, не рекомендованныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ или духовнымъ вѣдомствомъ.

21) О цѣлесообразномъ методѣ измѣренія ногъ новобранцевъ.

22) О собраніяхъ учителей.

23) Правила исходатайствованія разрѣшеній на концерты, чтенія, театральныя представленія и другія публичныя развлеченія.

24) Объ обязательствѣ для владѣльцевъ типографій представлять въ полицію экземпляры всѣхъ напечатанныхъ въ ихъ типографіяхъ газетъ, журналовъ и календарей.

25) О продажѣ дурного хинина.

26) Правила цензуры прейскурантовъ, печатныхъ пригласительныхъ и визитныхъ карточекъ.

27) Объ устройствѣ отхожихъ мѣстъ.

28) О надзорѣ за печатями, штемпелями и бланками частныхъ лицъ и обществъ.

29) О собираніи подаяній на церкви.

30) Правила о продажѣ въ аптекахъ нѣкоторыхъ косметическихъ средствъ, какъ-то: мыла, крахмала, пудры, зубныхъ щетокъ и порошка отъ насѣкомыхъ.

Это только немногія изъ тысячъ распоряженій, предписаній и правилъ, относящихся къ компетенціи русской полиціи. Разумѣется, не всѣ они выполняются. Выше силъ не только отдѣльнаго лица, но и всего штата чиновниковъ принуждать къ исполненію такого множества запрещеній и ограниченій, но тѣмъ не менѣе они являются тормозомъ для всякаго частнаго предпріятія, для всякой свободной инициативы, для всякой человѣческой дѣятельности.

Американцы абсолютно не въ состояніи себѣ представить такихъ отношеній между правительствомъ и народомъ, какія установились въ Россіи. Представьте себѣ, напр., губернатора штата Нью-Йоркъ, который издалъ бы приказъ, чтобы всѣ граждане представили ему для просмотра всѣ печати, штемпеля и визитныя карточки,—или министра внутреннихъ дѣлъ, который разослалъ бы всѣмъ губернаторамъ циркуляръ съ правилами о продажѣ мыла, крахмала, пудры, зубныхъ щетокъ и порошка отъ насѣкомыхъ! Такое всемогущество правительства кажется американцу деспотическимъ, нераціональнымъ, глупымъ и непонятнымъ. Но русскій уже привыкъ ко всему этому; полиція въ Россіи, кромѣ изданія предписаній о продажѣ зубныхъ щетокъ и порошка отъ насѣкомыхъ, занимается еще и совершенно иными дѣлами. Въ моихъ рукахъ находится отчетъ одного полицейскаго чиновника, написанный на печатномъ бланкѣ, въ которомъ онъ докладываетъ своему начальству, что, согласно предписанію, полученному въ такой-то день, онъ былъ у такихъ-то лицъ (имена ихъ онъ приводитъ), и напомнилъ имъ объ ихъ обязанности быть у исповѣди и причастія подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ взысканія со стороны начальства. На первой страницѣ этого документа напечатано большими буквами: „По указу Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго“. Газета „Сибирь“ (въ номерѣ отъ 10 іюля 1883 года) сообщала, что полиція въ Иркутскѣ получила на-дняхъ приказъ приступить къ увѣщанію лицъ, уклоняющихся отъ исполненія религіозныхъ обязанностей, и принудить ихъ къ выполненію своего религіознаго долга. Тащить индифферентныхъ христіанъ при помощи полиціи къ алтарю великаго учителя мира — это нѣчто такое, подобнаго чему въ наши дни нельзя найти за предѣлами Россіи.

Цѣлью настоящей главы является желаніе дать краткій очеркъ организаціи института, на который возложено исполненіе такихъ необычайныхъ обязанностей, и на нѣсколькихъ примѣрахъ показать специфически русскій образъ правленія.

Русская полиція дѣлится на 4 большихъ разряда: во-первыхъ, сельская полиція, которую составляютъ назначенные правительствомъ

урядники и избранные крестьянами сотскіе и десятскіе; во-вторыхъ, обыкновенная городская полиція, функціи которой приблизительно совпадаютъ съ обязанностями соотвѣтственной полиціи за границей; въ-третьихъ, тайная и сыскная полиція; въ-четвертыхъ, жандармская полиція. Эта классификація не совсѣмъ точна, такъ какъ существуетъ 2—3 рода жандармовъ и, кромѣ того, тайная полиція строго отграничена отъ сыскной,—но для меня вполнѣ достаточно и этихъ четырехъ разрядовъ.

Тайная полиція и жандармерія до недавняго времени состояли въ вѣдомствѣ такъ называемаго „третьяго отдѣленія“ собственной Его Величества канцеляріи и составляли независимый отдѣлъ государственной полиціи, который занимался исключительно политическими преступленіями и политическими преступниками. Со времени же уничтоженія „третьяго отдѣленія“, вся полиція имперіи находится въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ. Никому не доступенъ статистическій матеріалъ о численности каждаго разряда русской полиціи, а приблизительный подсчетъ не имѣетъ значенія. По даннымъ хорошо освѣдомленной газеты „Голосъ“, расходъ на русскую полицію въ 1882 году достигалъ 12.000.000 руб. Если принять ежегодный окладъ полицейскаго въ среднемъ въ 300 рублей, то служащихъ по полиціи оказалось бы 40.000 человѣкъ; но слѣдуетъ предположить, что въ дѣйствительности число ихъ гораздо больше. Число избираемыхъ крестьянами сотскихъ и десятскихъ столь же неопредѣленно. „Правительственный Вѣстникъ“, въ номерѣ отъ 1 мая 1886 года, опубликовалъ полный списокъ всѣхъ городовъ, селъ и поселковъ въ Европейской Россіи, въ которыхъ ведется распивочная продажа спиртныхъ напитковъ; ихъ оказалось 268.928. На каждое поселеніе, въ которомъ продаются спиртные напитки, приходится, должно-быть, не менѣе двухъ полицейскихъ, что для вышеуказаннаго числа поселеній дало бы свыше полу-милліона полицейскихъ. Урядниковъ, назначенныхъ правительствомъ, насчитывается до 5—6 тысячъ. Они распредѣлены по „станамъ“, представляющимъ собою болѣе или менѣе значительныя части уѣздовъ и состоящимъ подъ начальствомъ „станового пристава“. Въ Сибири такая же организація, только становой приставъ называется „засѣдателемъ“, а станы гораздо больше. Урядники имѣютъ форму и вооружены шашками и револьверами. Сельская полиція получаетъ мизерное вознагражденіе; обыкновенный полицейскій получаетъ 100—200, а становой приставъ 400—600 рублей въ годъ. Конечно, очень трудно,—вѣрнѣе, почти невозможно,—при такомъ вознагражденіи найти честныхъ и годныхъ людей, и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого является то, что полицейскіе въ деревнѣ составляются изъ самыхъ дурныхъ элементовъ общества. Большею частью, они невѣжественны и глупы, а болѣе развитые обыкновенно не честны и пользуются безчисленными докучливыми распоряженіями министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ средствомъ выжиманія отъ крестьянъ денегъ. Такъ, напримѣръ, руководясь самыми лучшими намѣреніями, министръ приказываетъ въ теченіе лѣта, время отъ времени, покрывать соломенныя крыши на деревенскихъ избахъ раз-

веденной глиной, чтобы онѣ не такъ легко загорались отъ падающихъ на нихъ искръ. Полицейскій, на обязанности котораго лежитъ довести объ этомъ распоряженіи до свѣдѣнія крестьянъ, медлитъ съ этимъ до тѣхъ поръ, пока крестьяне не будутъ завалены работой, напримѣръ, до посѣва весною или до сбора хлѣбовъ лѣтомъ; тогда онъ созываетъ всѣхъ крестьянъ, прочитываетъ имъ приказъ министра и настаиваетъ на его немедленномъ исполненіи. Крестьяне, конечно, никакъ не могутъ бросить своихъ полевыхъ работъ, и спрашиваютъ станового, на какой суммѣ онъ помирился бы. Тотъ сначала отвѣчаетъ, что приказъ обязательно долженъ быть выполненъ и что онъ рискуетъ своей головой въ случаѣ снисходительнаго къ нимъ отношенія,—но, наконецъ, проникается состраданіемъ къ крестьянамъ и готовъ пожертвовать собой, лишь бы они не понесли убытковъ. Если каждый домовладѣлецъ уплатитъ ему по двугривенному, такъ что въ случаѣ его увольненія онъ не останется совсѣмъ безъ средствъ, то такъ и быть,—крестьяне могутъ обмазать свои крыши глиной послѣ посѣва или жатвы. Такъ въ дѣйствительности и происходитъ. Крестьяне возвращаются на поля, а становой направляется въ кабакъ, чтобы отпраздновать выгодную сдѣлку и кстати припомнить какой-нибудь залежавшійся приказъ министра внутреннихъ дѣлъ, при помощи котораго можно было бы опять наложить контрибуцію на крестьянъ, когда ему снова понадобятся деньги.

Но это, конечно, не единственный способъ, къ которому прибѣгаетъ полиція для поборовъ съ крестьянъ и которымъ она стѣсняетъ частную инициативу и пьетъ соки страны. Когда г. Фростъ и я проѣзжали черезъ Енисейскую губернію, имѣлъ мѣсто слѣдующій случай. Человѣкъ шесть крестьянъ сговорились нанять баржу, нагрузить ее собранной пшеницей въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ пудовъ и, спустившись внизъ по Енисею въ сѣверную часть губерніи, гдѣ не сѣютъ пшеницы, распродать ее тамъ непосредственно потребителямъ, чтобы самимъ воспользоваться прибылью, которою обыкновенно приходилось дѣлиться съ двумя-тремя посредниками. Планъ былъ хорошъ, и оказался бы выгоднымъ какъ для производителей, такъ и для потребителей. Но при своихъ расчетахъ они совершенно упустили изъ виду полицію. Почти въ каждой русской деревнѣ находится маленькій капиталистъ или ростовщикъ, нерѣдко еврей, который съ помощью продажнаго полицейскаго надуваетъ крестьянъ и на ихъ нуждѣ строитъ свое благополучіе. Этихъ людей крестьяне называютъ „кулаками". Въ деревнѣ, о которой идетъ рѣчь, тоже проживалъ такой эксплуататоръ. Услышавъ о предполагаемомъ предпріятіи крестьянъ, онъ сообщаетъ о немъ засѣдателю.

— А что, любезный Иванъ Николаевичъ, — говоритъ онъ, — если бы мы съ вами устроили себѣ изъ этой пшеницы дѣльце?

— Какимъ образомъ?—спрашиваетъ, насторожившись, полицейскій.

— А вотъ какъ, — объясняетъ кулакъ. — Эти крестьяне безъ разрѣшенія полиціи, которое должно быть отмѣчено на ихъ паспортахъ, не имѣютъ права отлучиться изъ своей деревни дальше 30 верстъ. По той или другой причинѣ, которую вы при вашей прозорливости

легко подыщете, вы не можете дать это разрѣшеніе. Положимъ, вышло новое распоряженіе, по которому подобное разрѣшеніе можетъ быть выдано только на опредѣленномъ бланкѣ, а бланковъ этихъ въ настоящее время еще нѣтъ; или же вы отправили паспорта этихъ крестьянъ въ губернскій городъ для возобновленія и они еще не присланы обратно. Въ такомъ случаѣ крестьяне, предпринявъ свое путешествіе, могли бы быть задержанными на первой стоянкѣ и лишены возможности ѣхать дальше. Имъ тогда не останется ничего другого, какъ продать хлѣбъ мнѣ по цѣнѣ, которую я назначу. Мы съ вами отправимъ ее внизъ по Енисею, продадимъ ее тамъ, а прибыль — пополамъ.

Этотъ планъ понравился засѣдателя и, послѣ тщательнаго установленія всѣхъ деталей, былъ осуществленъ во вредъ производителей и потребителей. Подобныя дѣла имѣютъ еще ту дурную сторону, что обезкураживаютъ крестьянъ. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, съ ранняго утра до поздняго вечера работать, если полиція мѣшаетъ выгодно продавать свои продукты и заставляетъ сбывать ихъ какому-то кулаку, живодеру и кровопійцѣ за безцѣнокъ? Такія сдѣлки съ полиціей производятся безпрестанно въ безконечныхъ варіаціяхъ повсемѣстно, особенно же въ Сибири, гдѣ полиція еще менѣе подлежитъ контролю, а бюрократія въ нравственномъ отношеніи стоитъ еще ниже, чѣмъ въ Европейской Россіи. Г-нъ Красинъ, милый исправникъ, — тотъ самый, который такъ любезно принялъ меня и г. Фроста въ Тюмени и разрѣшилъ намъ осмотръ мѣстной пересыльной тюрьмы, — теперь уже арестованъ, обвиненъ въ вымогательствѣ денегъ въ своемъ округѣ и высланъ въ восточную Сибирь. Крестьяне, приглашенные въ судъ въ качествѣ свидѣтелей, показали слѣдующее: „Каждый, — любой уѣздный чиновникъ, засѣдатель или исправникъ, кто бы то ни былъ и при какихъ бы то ни было случаяхъ, — тянетъ съ насъ деньги. Мы уже привыкли къ этому, и теперь бы не жаловались, если бы это дѣло не открылось безъ нашего содѣйствія[1]). Это свидѣтельское показаніе характерно для русскаго крестьянина, доказывая его безпомощность по отношенію къ бюрократіи. Онъ привыкъ къ притѣсненіямъ и лихоимству, — это всегда такъ было; онъ смотритъ на нихъ, какъ на наказаніе Божіе, борьба съ которымъ немыслима. Никому неизвѣстно, сколько денегъ отнимаютъ у бѣднаго крестьянина грабители въ полицейской формѣ; но эта сумма должна быть колоссальна. Исправникъ К-бергъ въ Енисейскѣ хвастался, что крестьяне его округа ежегодно доставляютъ ему 20.000 руб. дохода[2]).

Во время нашего путешествія мы познакомились въ одной маленькой деревушкѣ недалеко отъ Иркутска съ писаремъ, котораго я назову Ивановымъ. Послѣ того, какъ наши отношенія стали довольно интимными и мы однажды бесѣдовали о господствующей въ Сибири развращенности чиновниковъ, г. Ивановъ совершенно открыто сказалъ мнѣ:

---

[1]) „Сибирская Газета“, № 49, стран. 1477, Томскъ, 7 декабря 1886 г.

[2]) „Отечественныя Записки“ за май 1882 г., стран. 160.

— Я также беру деньги съ крестьянъ. Я прекрасно знаю, что это безчестно, но что же мнѣ дѣлать? На свое жалованье я никоимъ образомъ не могу прожить; мой непосредственный начальникъ, становой приставъ, беретъ взятки; его начальникъ, исправникъ, поступаетъ такъ же; губернаторъ тоже не составляетъ исключенія. Если бы я пожелалъ уклониться отъ пріема подношеній, то я или былъ бы арестованъ какъ тайный революціонеръ[1]), или уволенъ за желаніе быть человѣкомъ болѣе честнымъ, чѣмъ его превосходительство г. губернаторъ.

Нѣкоторые пріемы выжиманія денегъ, практикуемые сельской полиціей, чрезвычайно остроумны и оригинальны. Вскорѣ послѣ нашего прибытія въ Тюмень, засѣдатель этого уѣзда былъ извѣщенъ о томъ, что недалеко отъ деревни въ лѣсу найденъ трупъ, по всѣмъ даннымъ, убитаго человѣка. При такихъ обстоятельствахъ засѣдатель обязанъ сейчасъ же отправиться къ мѣсту происшествія, произвести предварительное разслѣдованіе, приказать принести покойника въ деревенскую покойницкую и ожидать прибытія уѣзднаго врача, который со своей стороны долженъ произвести вскрытіе трупа. Засѣдатель немедленно поѣхалъ въ деревню; уѣздному врачу, который находился на практикѣ, былъ оставленъ приказъ по возвращеніи немедленно ѣхать на мѣсто происшествія. Пріѣхавъ, полицейскій чиновникъ осматриваетъ трупъ и мѣстность и приказываетъ, не ожидая прибытія врача, перенести покойника въ деревню. Уже въ Тюмени онъ сообразилъ, какъ воспользоваться трупомъ для выжимки денегъ, хорошо зная, что въ деревнѣ нѣтъ покойницкой. Трупъ на носилкахъ изъ еловыхъ вѣтвей переносится къ дому самаго богатаго мѣстнаго крестьянина и кладется передъ его окнами. Засѣдатель сообщаетъ испуганному крестьянину, что онъ долженъ хранить у себя трупъ до тѣхъ поръ, пока уѣздный врачъ не выяснитъ причины его смерти.

— О, Господи! — восклицаетъ крестьянинъ, — да какъ же я могу хранить покойника въ теченіе 2—3 дней, когда послѣзавтра свадьба моей дочери?

Засѣдатель съ торжественно-важной миной увѣряетъ, что это ему очень непріятно, но долгъ — прежде всего. Случай можетъ повлечь за собой тяжелыя послѣдствія, и покойникъ, личность котораго неизвѣстна, долженъ оставаться въ вѣрномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока врачъ не выяснитъ причины смерти и не будетъ установлена личность покойнаго. Происшествіе можетъ оказаться весьма тягостнымъ для всего общества, и онъ лично долженъ быть благодаренъ, если отдѣлается только такимъ пустякомъ.

---

[1]) Послѣ неудачи такъ называемаго „хожденія въ народъ“, многіе образованные молодые люди, либералы и революціонеры, поступали подъ вымышленными фамиліями на мѣста писарей въ надеждѣ, что они будутъ въ состояніи такимъ образомъ разъяснить крестьянамъ ихъ законныя права и хоть немного защищать ихъ отъ кулаковъ, этихъ эксплуататоровъ и кровопійцъ. Эти добровольцы-писаря почти всѣ были раскрыты и арестованы, такъ какъ они выдавали себя отказомъ пить водку и принимать взятки. Г-нъ Ивановъ намекалъ на этотъ извѣстный мнѣ историческій фактъ.

Крестьянинъ въ отчаяніи. Онъ знаетъ, что полицейскій имѣетъ право, по закону, приказать внести трупъ въ его домъ; онъ знаетъ и то, что сопротивленіе распоряженіямъ полиціи можетъ повлечь за собою тюремное заключеніе въ теченіе многихъ мѣсяцевъ или даже каторжныя работы въ рудникахъ. Поэтому онъ умоляетъ засѣдателя не подвергать его такой ужасной непріятности и заявляетъ, что онъ предпочелъ бы заплатить 50 рублей, только бы не отсрочивать свадьбы дочери и не напугать присутствіемъ покойника въ домѣ своихъ дѣтей. А деньги и были именно то, чего жаждалъ засѣдатель. Онъ ухватился за слова крестьянина, призналъ, что подобное приключеніе накапунѣ свадьбы очень непріятно, и далъ ему понять, что если будетъ достаточно оцѣнена его уступчивость, онъ велитъ отнести трупъ въ другой домъ. Соглашеніе вскорѣ состоялось; крестьянинъ откупился 30 рублями, и засѣдатель велѣлъ нести тѣло убитаго къ дому другого богатаго домохозяина, разыгралъ тамъ такую же комедію, выжалъ еще 15—20 рублей и, собравъ такимъ образомъ по очереди дань со всѣхъ зажиточныхъ крестьянъ деревни, позднимъ вечеромъ велѣлъ помѣстить трупъ подъ старымъ пустымъ навѣсомъ.

Когда я по поводу этого случая бесѣдовалъ впослѣдствіи съ крестьянами въ другой части Сибири, я узналъ, что тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Мнѣ разсказывали, что одинъ и тотъ же трупъ, случалось, служилъ для вымогательства денегъ въ двухъ-трехъ деревняхъ,— а трупы вблизи деревень нерѣдки потому, что число бѣглыхъ преступниковъ, которые въ Сибири умираютъ, замерзаютъ или дѣлаются жертвами насильственной смерти, весьма значительно. Въ одной деревнѣ крестьяне мнѣ говорили, что они никогда не извѣщаютъ полицію, когда обнаружатъ трупъ, такъ какъ это имъ всегда стоитъ денегъ. Они или тайно хоронятъ его, или же ночью подкидываютъ въ ближайшую деревню. „Восточное Обозрѣніе" сообщаетъ, что однажды трупъ былъ помѣщенъ въ тюремную камеру, въ которой содержались заключенные, и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока арестованные не могли больше выносить сосѣдства мертвеца и взяткой не добились его удаленія [1]).

Не всѣ способы выжиманія денегъ, практикуемые полиціей, столь отвратительны, но многіе изъ нихъ не менѣе своеобразны. Мнѣ приходилось слышать, между прочимъ, о такомъ случаѣ. Одинъ засѣдатель во время уборки пшеницы отдалъ приказъ, чтобы на слѣдующій день къ двумъ часамъ 30—40 крестьянъ явились въ полицейское управленіе по очень важному дѣлу. Тѣ исполнили приказъ и, когда пришли на слѣдующій день къ засѣдателю, застали его сидящимъ въ полной формѣ за столомъ, на которомъ возвышались 4 большихъ тома Свода Законовъ. Онъ сообщилъ явившимся, что имъ получено предписаніе свыше ознакомить населеніе своего участка съ законами имперіи, и вотъ онъ созвалъ ихъ для того, чтобы прочесть имъ тѣ статьи законовъ, которыя долженъ знать каждый порядочный русскій. Затѣмъ онъ открываетъ свои толстые фоліанты и читаетъ въ

---

[1]) „Восточное Обозрѣніе", № 38, отъ 22 сентября 1883 года, стран. 12.

теченіе цѣлаго послѣобѣденнаго времени несчастнымъ крестьянамъ законы, въ которыхъ они ничего не понимаютъ, и отпускаетъ ихъ, наконецъ, съ приказаніемъ на слѣдующее утро опять предстать предъ нимъ. Вечеромъ этого же дня къ нему явилась депутація съ запросомъ, за какую сумму онъ освободитъ крестьянъ отъ дальнѣйшаго изученія права. Оказалось, что за двадцать копеекъ каждый сразу пріобрѣталъ степень доктора правъ.

Среди множества такъ называемыхъ „натуральныхъ повинностей" сибирскихъ крестьянъ слѣдуетъ отмѣтить дорожную повинность, какъ самую тяжелую и обременительную. Каждый крестьянинъ долженъ отбывать ее въ теченіе ряда рабочихъ дней, — и по всей Сибири ею пользуются, какъ средствомъ для выжиманія денегъ. Вмѣсто того, чтобы разрѣшить крестьянамъ деревни А. привести въ порядокъ дорогу вблизи ихъ мѣстожительства, лакомый до денегъ исправникъ посылаетъ ихъ на работу вблизи деревни В , которая отстоитъ отъ А. на 100—200 верстъ, тогда какъ жители деревни В. должны работать подъ деревней А. Крестьяне, на которыхъ обрушилась такая немилость начальства, покупаютъ себѣ право работать вблизи своей деревни. Если же исправнику не удается сорвать деньги такимъ способомъ, то онъ приказываетъ крестьянамъ не уходить съ мѣста работы раньше, чѣмъ онъ не осмотритъ произведенныхъ работъ лично. Иногда такимъ образомъ задерживаютъ сотни людей въ теченіе 1—2 недѣль въ какомъ-нибудь пунктѣ дороги, несмотря на то, что вся работа давно сдѣлана, — если только крестьяне заранѣе не купили себѣ разрѣшенія вернуться домой тотчасъ послѣ окончанія работъ. Все это дѣлается подъ прикрытіемъ закона, и крестьяне должны или мириться съ положеніемъ дѣла, или платить.

Политическіе ссыльные въ Сибири разсказывали намъ много удивительныхъ исторій о невѣжествѣ и ошибкахъ сельской полиціи въ отношеніи къ предполагаемымъ революціонерамъ. 4—5 лѣтъ тому назадъ, послѣ убійства жандармскаго офицера Судейкина террористомъ Дегаевымъ, фотографическія карточки убійцы были разосланы во всѣ полицейскія учрежденія имперіи. На оборотѣ карточки находилось печатное обѣщаніе награды въ 10.000 рублей тому, кто доставитъ убійцу, а на передней сторонѣ было 6 снимковъ Дегаева въ шапкѣ и безъ шапки, съ бородой и безъ бороды, съ усами и безъ нихъ. Одинъ полицейскій, пьяница и невѣжда, въ одной изъ деревень западной Сибири, въ руки котораго попала эта карточка, арестовалъ четырехъ невинныхъ путешественниковъ, болѣе или менѣе похожихъ на Дегаева, и заключилъ ихъ въ тюрьму; затѣмъ онъ хвастался въ пьяномъ видѣ въ кабакѣ и въ деревнѣ, что поймалъ уже четырехъ изъ этихъ проклятыхъ Дегаевыхъ, и будетъ ихъ держать въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока не арестуетъ и двухъ другихъ, чтобы затѣмъ всѣхъ шестерыхъ одновременно выдать высшимъ властямъ. Обѣщанныя 10.000 рублей отъ него не уйдутъ — и знакъ отличія его не минуетъ.

Другой такой же невѣжда-полицейскій арестовалъ одного ученаго, члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, который

отправился въ деревню, чтобы заняться своей любимой орнитологіей. Злополучный натуралистъ имѣлъ обыкновеніе каждый день заносить въ свою записную книжку названія птицъ, которыя попали въ его коллекцію, и прозорливый полицейскій во время просмотра ея почти на каждой страницѣ находилъ замѣчанія, казавшіяся ему подозрительными; напримѣръ, 13 іюня: „сегодня передъ обѣдомъ я застрѣлилъ красиваго кулика-вѣнценосца[1]); 17 іюня: „сегодня silvia hortensis“. „А ужъ не есть ли это указаніе на нигилистическія убійства?“ — и арестованный орнитологъ подъ сильнымъ конвоемъ былъ переданъ въ руки мѣстнаго исправника, въ виду того, что его записная книжка представляла неопровержимыя доказательства, что ея владѣлецъ — кровожадный террористъ: такъ, напр., не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что замѣтка о вѣнценосцѣ заключала опасный намекъ на августѣйшее царское семейство.

Почти каждый иностранецъ, пытавшійся тщательно изучить русскую жизнь, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ подвергался аресту со стороны сельской полиціи. Англійскій мореплаватель Виггинсъ просидѣлъ въ Сибири три дня въ заключеніи, пока не удостовѣрилъ свою личность[2]).

Меккензи Уоллесъ былъ арестованъ въ Европейской Россіи по подозрѣнію въ шпіонствѣ; англійскій миссіонеръ Ландсделль былъ задержанъ якобы за распространеніе революціонныхъ памфлетовъ; а г. Фростъ и я были арестованы за то, что три раза прошли мимо тюрьмы въ Перми.

Чины тайной полиціи и жандармы почти такъ же многочисленны, какъ представители сельской полиціи, но превосходятъ ихъ своею интеллигентностью и полномочіями. Вы встрѣчаете ихъ повсюду, преимущественно же въ городахъ. Публика знаетъ объ ихъ организаціи, количествѣ и образѣ дѣйствій развѣ только то, что они подчинены министру внутреннихъ дѣлъ и что дѣятельность ихъ сосредоточена по преимуществу на предупрежденіи и раскрытіи политическихъ преступленій. Функціи тайной полиціи и жандармеріи состоятъ, главнымъ образомъ, въ надзорѣ за лицами, подозрѣваемыми въ сочувствіи революціонному движенію, т.-е., говоря оффиціальнымъ языкомъ, за такъ называемыми „неблагонадежными“. Во время вступленія на престолъ Александра III, подъ полицейскимъ надзоромъ въ Европейской Россіи состояло 3000 человѣкъ, а въ Сибири, въ качествѣ политическихъ ссыльныхъ, пребывало 1500—2000 чел. Надо еще принять во вниманіе, что этимъ лицамъ было извѣстно ихъ нахожденіе подъ полицейскимъ надзоромъ; но есть еще значительное число лицъ обоего пола, которыя состоятъ подъ тайнымъ надзоромъ, даже и не подозрѣвая этого.

Въ Петербургѣ мнѣ удалось нелегальнымъ образомъ достать вопросный бланкъ, который полицейскій чиновникъ, обязанный надзирать

---

[1]) Кроншнепъ иначе — куликъ-вѣнценосецъ.

[2]) Этого факта я не нашелъ нигдѣ въ печати; мнѣ сообщилъ объ этомъ одинъ хорошо освѣдомленный политическій ссыльный въ Сибири.

за какимъ-нибудь лицомъ, долженъ ежемѣсячно заполнять. Вопросы касаются образа жизни и привычекъ состоящаго подъ надзоромъ. Вопросы эти слѣдующаго рода:

Департаменъ полиціи. Формуляръ № 2; долженъ быть ежемѣсячно заполняемъ и отсылаемъ по назначенію.

1. Имя, отчество и фамилія поднадзорнаго лица.

2. Гдѣ живетъ онъ или она? Слѣдуетъ указать часть города, губернію, уѣздъ, улицу, домъ, квартиру.

3. Сколько времени живетъ въ настоящемъ мѣстѣ? гдѣ проживалъ раньше?

4. Занимаетъ большую квартиру, или снимаетъ комнату въ квартирѣ или въ домѣ другого лица? Въ послѣднемъ случаѣ — кто квартирохозяинъ или домовладѣлецъ? Слѣдуетъ привести имя, званіе и свѣдѣнія о прошломъ.

5. Живетъ одинъ или съ кѣмъ-нибудь? Въ послѣднемъ случаѣ, съ кѣмъ именно?

6. Держитъ прислугу? Фамиліи прислуги. Если таковой нѣтъ, то кто убираетъ его комнату или квартиру? Что находится въ комнатахъ? Кто стираетъ бѣлье? Указать имя и мѣстожительство прачки[1]).

7. Когда и отъ кого получалъ письма, какъ обыкновенныя, такъ и денежныя?

8. Обѣдаетъ въ своей квартирѣ, или въ другомъ мѣстѣ?

9. Посѣщаетъ публичную библіотеку? Какую? Какія книги въ теченіе мѣсяца взяты?

10. Какъ проводитъ время дома?

11. Какія средства къ существованію? Если даетъ уроки, то у кого? Если занимаетъ мѣсто, то какое?

12. Гдѣ чиновникъ, которому порученъ надзоръ, видѣлъ поднадзорнаго впервые? Знаетъ ли онъ чиновника въ лицо?

13. Въ которомъ часу выходитъ изъ дому и когда возвращается?

14. Имѣетъ ли связь съ женщиной? Если это женщина, то имѣетъ ли любовника? Въ утвердительномъ случаѣ, — кто она или онъ? Гдѣ живетъ она или онъ? Гдѣ встрѣчаются?

15. Кто посѣтилъ поднадзорнаго въ теченіе мѣсяца? Въ какое время? (Если возможно, указать фамилію и мѣстожительство.)

16. Провелъ ли кто-нибудь ночь въ квартирѣ поднадзорнаго? Кто?

17. Кто можетъ быть свидѣтелемъ, что поднадзорный встрѣчался съ вышеупомянутыми лицами?

18. Играетъ ли въ карты?

19. Замѣченъ ли въ пьяномъ видѣ?

Этотъ бланкъ долженъ быть подписанъ надзирающимъ полицейскимъ чиномъ, утвержденъ подписью старшаго чиновника и затѣмъ отосланъ въ охранное отдѣленіе.

Непосвященный могъ бы вообразить, что подобный ежемѣсячный отчетъ даетъ возможность высшему полицейскому чиновнику написать

[1]) Запрещенныя закономъ вещи часто вносились въ квартиры революціонеровъ и выносились изъ нихъ въ связкахъ бѣлья женщинами, выдававшими себя за прачекъ.

съ большою точностью исторію состоящаго подъ надзоромъ,— но въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго. Подкопъ подъ Малой Садовой улицей въ Петербургѣ, гдѣ было около 80 фунтовъ динамита, былъ вырытъ двумя состоявшими подъ тайнымъ надзоромъ террористами, переодѣтыми торговцами сыромъ; подкопъ, наполненный динамитомъ, былъ снабженъ батареями, проволоками и бикфордовымъ шнуромъ. Ихъ лавка за 3 дня до убійства Александра II подвергалась обыску — и все-таки подкопъ остался необнаруженнымъ. Помоему, подвиги русской полиціи значительно преувеличены. Я самъ пріобрѣлъ большую опытность въ дѣлѣ надувательства полиціи и знаю 300 – 400 революціонеровъ, которые изъ года въ годъ перехитряли полицію. Въ каждомъ городѣ имперіи проживаютъ сотни революціонеровъ, которыхъ полиція не могла открыть; по всей странѣ ходятъ по рукамъ гектографированные и литографированные экземпляры запрещенной литературы, не исключая и настоящаго моего труда; можетъ-быть, нѣтъ ни одной тюрьмы въ Европейской Россіи или Сибири, кромѣ Шлиссельбурга, изъ которой заключеннымъ революціонерамъ не удавалось бы поддерживать письменныя сношенія съ друзьями, находящимися на свободѣ.

Хорошо освѣдомленный корреспондентъ „New-Iork Tribune“ выразился недавно о русской полиціи слѣдующимъ образомъ:

— Я не думаю, чтобы въ Россіи существовалъ какой-либо другой институтъ, о которомъ господствовали бы такія неправильныя представленія и который, въ особенности за границей, цѣнился бы такъ высоко. Во всей Европѣ не найдется полиціи, которая была бы такъ плохо организована, такъ мало освѣдомлена и такъ плоха, какъ именно русская полиція.

Это утвержденіе, можетъ-быть, нѣсколько смѣло, но по существу совершенно соотвѣтствуетъ истинѣ. Русская тайная полиція несравненно хуже, чѣмъ можно было бы заключить, судя по ея славѣ.

И какая же польза отъ подобной системы, отъ такой полиціи? Наблюдающему за положеніемъ дѣлъ въ Россіи съ американской точки зрѣнія поневолѣ приходитъ на мысль, что царь, самъ по себѣ благожелательный человѣкъ, проводилъ бы жизнь въ большемъ спокойствіи и съ большей пользой, если бы отказался отъ своей системы репрессій, уволилъ въ отставку деспотическаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Толстого*), распустилъ $^{5}/_{6}$ полицейскихъ и жандармовъ и привлекъ свой народъ къ участію въ управленіи. Положеніе дѣлъ отъ этого не можетъ сдѣлаться хуже, чѣмъ въ настоящій моментъ, а послѣдовательно проведенный либеральный образъ правленія могъ бы сдѣлать Россію страной такой же счастливой и богатой, какъ и могущественной.

---

*) Онъ умеръ въ 1889 году.

XII.

Поѣздка черезъ Забайкалье.

Во вторникъ, въ $8^{1}/_{2}$ час. вечера, мы вернулись съ поѣздки въ буддійскій монастырь, а около 11 часовъ въ Селенгинскѣ заказали почтовыхъ лошадей, чтобы отправиться за 90 верстъ въ городъ Кяхту на русско-монгольской границѣ. Мы должны были рано утромъ на другой день прибыть къ мѣсту назначенія, но въ Сибири, а особенно въ Забайкальѣ постоянно наталкиваешься на непредвидѣнныя препятствія и приключенія. Въ 6 верстахъ отъ Селенгинска, мы очутились передъ рѣкой, сообщеніе черезъ которую поддерживалось „карбасомъ", а онъ какъ разъ въ это время находился у противоположнаго берега. Намъ предстояло разбудить соннаго перевозчика, — и почти цѣлый часъ, съ короткими промежутками, мы кричали изо всѣхъ силъ то поодиночкѣ, то хоромъ: „Кар-б-а-съ!" „Кар-б-а-съ!" — въ отвѣтъ съ противоположныхъ скалъ раздавалось лишь слабое насмѣшливое эхо. Продрогшіе, усталые, потерявъ всякую надежду, мы собирались уже вернуться въ Селенгинскъ, какъ замѣтили, что въ тѣни противоположныхъ скалъ медленно вверхъ по теченію подвигаются темные контуры чего то, похожаго на лодку, — это и былъ страстно ожидаемый карбасъ. Полчаса спустя, мы ѣхали вдоль южнаго берега рѣки и около трехъ часовъ утра достигли почтовой станціи „Поворотная". Новое препятствіе! Здѣсь не оказалось лошадей. Почтовая станція была уже переполнена проѣзжими, спавшими вповалку на полу, и намъ не оставалось другого выбора, какъ найти себѣ свободное мѣстечко и послѣдовать общему примѣру; мы устроились подлѣ печки между двумя китайцами, съ одной стороны, и кучей оленьихъ роговъ — съ другой.

Въ продолженіе всей среды мы ѣхали въ южномъ направленіи по пустынной мѣстности, большею частью песчаной, покрытой сосновыми лѣсами или низкой плохой травой; мѣстами поднимались невысокіе поросшіе березой и лиственницей холмы. Отъ времени до времени намъ попадались то обозы одноконныхъ телѣгъ, шедшихъ съ грузомъ чая изъ Пекина черезъ Монголію, то верхами буряты въ шляпахъ, напоминающихъ сковороды, и въ длинныхъ коричневыхъ кафтанахъ. Въ общемъ казалось, что по этой дорогѣ поддерживалось незначительное движеніе, поселки попадались лишь изрѣдка. На всемъ пути въ 75 верстъ наше вниманіе привлекли только кучи камней на верхушкахъ холмовъ, которыя г. Фростъ окрестилъ „бурятскими кивотами". Во всей Сибири инородцы имѣютъ обыкновеніе на вершинахъ холмовъ и горъ приносить богамъ бурь очистительныя жертвы. На крайнемъ сѣверо востокѣ Сибири жертвы состоятъ обыкновенно изъ табаку, который бросается на землю передъ какой-нибудь замѣтной скалой. Въ Забайкальѣ буряты и монголы набрасываютъ кучи камней въ разныхъ мѣстахъ подлѣ дороги и вѣшаютъ на шестахъ и палкахъ, укрѣпленныхъ среди этихъ камней, маленькіе лоскутки платья.

Всякій проѣзжающій мимо такого священнаго мѣста долженъ выйти изъ экипажа или сойти съ лошади, оторвать лоскутокъ отъ своего кафтана или рубахи, прикрѣпить его къ одному изъ шестовъ и произнести молитву. Цѣлыя коллекціи тряпокъ и лоскутковъ всевозможныхъ матерій, цвѣтовъ и формъ развѣваются здѣсь по вѣтру. Разсуждая теоретически, можно было бы подумать, что подобныя коллекціи въ нѣкоторомъ отношеніи полезны, такъ какъ инородецъ, зная, какія платья носятъ его друзья, могъ бы итти по ихъ слѣдамъ отъ одного холма до другого, руководясь лоскутками, которые тѣ оторвали отъ своихъ рубахъ и панталонъ и пожертвовали могущественнымъ сибирскимъ богамъ бурь. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ иначе. Послѣ тщательнаго осмотра такихъ святынь мы пришли къ убѣжденію, что всякій бурятъ, отправляющійся въ дорогу, беретъ съ собою запасъ старыхъ тряпокъ, чтобы ими украшать шесты боговъ бурь, такъ какъ жалкія лохмотья, которыя мы видѣли между Селенгинскомъ и Кяхтой на священныхъ кучахъ камней, никоимъ образомъ не могли быть оторванными отъ платья.

Въ продолженіе всего дня чередовались мятели и дожди и было холодно. На почтовыхъ станціяхъ трудно было найти что-нибудь съѣдобное, и еще задолго до наступленія темноты мы чувствовали себя разбитыми и голодными и съ восхищеніемъ привѣтствовали свѣтъ въ окнахъ деревянныхъ домовъ Троицкосавска, въ 3 верстахъ къ сѣверу отъ границы Монголіи.

Три города, Троицкосавскъ, Кяхта и Маймачинъ, приблизительно, въ 150 верстахъ къ юго-востоку отъ Байкала, образуютъ почти одно непрерывное сплошное селеніе, которое переходитъ даже за монгольскую границу. Троицкосавскъ и Кяхта лежатъ къ сѣверу отъ границы, а Маймачинъ — къ югу отъ нея въ Монголіи; онъ отдѣляется отъ Кяхты нейтральной полосой въ 70—90 саженъ. Троицкосавскъ — самый большой изъ трехъ городовъ и въ административномъ отношеніи самый важный; Кяхта лежитъ ближе къ границѣ и пользуется большей извѣстностью.

Слѣдуя совѣту молодого купца, съ которымъ мы познакомились на пароходѣ во время переѣзда черезъ Байкалъ, мы проѣхали черезъ Троицкосавскъ прямо въ Кяхту, предполагая остановиться въ „домѣ Соколова“, который, по словамъ купца, представлялъ уютную хорошую гостиницу. Когда мы послѣ долгихъ поисковъ нашли, наконецъ, этотъ домъ, мы были не мало удивлены, такъ какъ онъ вовсе не походилъ на гостиницу. Онъ былъ расположенъ посреди большого, обнесеннаго стѣной, двора; во всѣхъ окнахъ было темно, а ворота, несмотря на то, что было сравнительно непоздно, были наглухо заперты. Послѣ продолжительнаго стука и громкихъ криковъ намъ удалось, наконецъ, разбудить служанку, которая сначала, очевидно, принимала насъ за подозрительныхъ людей. Лишь послѣ долгихъ разговоровъ намъ удалось убѣдить ее, что мы — мирные путешественники, ищущіе ночлега. Мы узнали отъ нея, что г. Соколовъ иногда принимаетъ проѣзжихъ, но только имѣющихъ къ нему рекомендательныя письма, а отнюдь не первыхъ попавшихся съ улицы, отно-

сительно которыхъ совершенно неизвѣстно, чего отъ нихъ можно ждать. По ея мнѣнію, намъ было бы лучше всего ѣхать обратно въ Троицкосавскъ. Такъ какъ мы не имѣли рекомендательныхъ писемъ и прислуга категорически отказалась не только отпереть ворота, но даже продолжать съ нами переговоры, то намъ не оставалось ничего другого, какъ послѣдовать ея совѣту. Мы опять взобрались въ нашъ тарантасъ, поѣхали обратно въ Троицкосавскъ и отыскали, наконецъ, ссыльнаго поляка Клембоцкаго, который содержалъ булочную и отдавалъ комнаты даже и такимъ проѣзжимъ, у которыхъ не было рекомендательныхъ писемъ. Такъ какъ пробило уже 10 часовъ, и мы не были увѣрены, удастся ли намъ найти гдѣ-либо лучшее помѣщеніе, то мы велѣли внести нашъ багажъ въ квартиру г. Клембоцкаго. Комнаты были неособенно привлекательны, съ деревянными некрашенными полами и бревенчатыми проконопаченными стѣнами. Еловый столъ, три такихъ же стула, узкая деревянная кроват составляли всю мебель; о постельномъ бѣльѣ долженъ былъ заботиться самъ проѣзжій. Послѣ скуднаго ужина, состоявшаго изъ чая и булокъ, мы протянули свои усталые члены на жесткомъ полу и разсчитывали подкрѣпиться сномъ, но, по обыкновенію, должны были большую часть ночи производить изслѣдованія въ узко ограниченной и чрезвычайно неинтересной области энтомологіи. Въ четвергъ, послѣ обѣда, мы наняли оригинальную сибирскую „долгушу“ и поѣхали въ Кяхту, гдѣ хотѣли посѣтить богатаго русскаго чаеторговца, къ которому у насъ имѣлись рекомендаціи отъ нашихъ иркутскихъ друзей.

Троицкосавскъ, Кяхта и Маймачинъ лежатъ въ низменной, довольно пустынной долинѣ на рѣчкѣ, впадающей въ Селенгу. Параллельные, голые, довольно крутые откосы закрываютъ видъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ южной, гдѣ глазъ поверхъ домовъ и сѣрыхъ деревянныхъ стѣнъ Маймачина покоится на далекихъ голубыхъ покрытыхъ туманомъ горахъ Монголіи. Кяхта сначала производитъ на пріѣзжаго впечатлѣніе большого богатаго села. Правда, въ Кяхтѣ больше красивыхъ двухъэтажныхъ деревянныхъ домовъ, чѣмъ въ большинствѣ восточно-сибирскихъ деревень, и одна-двѣ достойныхъ вниманія церкви въ византійско-русскомъ стилѣ съ бѣлыми стѣнами и раскрашенными или позолоченными куполами, но никто ни счелъ бы этого города важнѣйшимъ центромъ торговли восточной Сибири. Черезъ Кяхту провозятся въ Монголію и изъ Монголіи ежегодно русскіе и китайскіе товары на сумму отъ 20 до 30 милліоновъ рублей. Знаменитый, столь любимый въ Россіи, байховый чай доставляется изъ сѣвернаго Китая черезъ Монголію въ Кяхту; здѣсь онъ тщательно упаковывается, зашивается въ шкуры и затѣмъ направляется за 6000 верстъ въ Петербургъ, Москву, на большую ежегодную Нижегородскую ярмарку, откуда расходится уже по всей обширной имперіи. Черезъ Кяхту проходитъ также китайскій шелкъ, крепъ и большое количество прессованнаго или кирпичнаго чаю, который пьютъ болѣе бѣдные слои русскаго народа, буряты, киргизы и другіе инородцы. Въ Китай ввозятся преимущественно русскіе фабрикаты, рога оленей, хлопчатобумажныя матеріи, мѣха и благородные металлы въ видѣ русскихъ,

англійскихъ и американскихъ монетъ. Даже серебряные доллары Соединенныхъ Штатовъ находятъ доступъ черезъ Сибирь въ Небесную имперію. Въ рукахъ русскихъ купцовъ въ Кяхтѣ сосредоточены большія богатства; нѣкоторые, благодаря торговлѣ, преимущественно чаемъ, получаютъ ежегодный доходъ въ 150.000—300.000 рублей.

Г-нъ Лушниковъ занималъ уютный двухъэтажный домъ въ центрѣ города и принялъ насъ съ тѣмъ искреннимъ сердечнымъ гостепріимствомъ, которое отъ Берингова пролива до Балтійскаго моря составляетъ, повидимому, характерную черту всѣхъ русскихъ. Во время завтрака поданнаго вскорѣ послѣ нашего прибытія, мы разговорились о Кяхтѣ и Маймачинѣ, и г. Лушниковъ высказалъ мнѣніе, что оба эти города представляютъ мало достопримѣчательнаго для иностранныхъ путешественниковъ. Маймачинъ еще могъ бы представить нѣкоторый интересъ для того, кто никогда не видалъ монгольскаго или китайскаго города, но Кяхта едва ли чѣмъ-нибудь отличается отъ другихъ сибирскихъ городовъ.

Послѣ нѣкотораго перерыва онъ внезапно спросилъ, какъ будто его осѣнила хорошая мысль:

— Принимали ли вы когда-нибудь участіе въ китайскомъ обѣдѣ?

— Никогда, — отвѣтилъ я.

— Въ такомъ случаѣ я нашелъ нѣчто новое, съ чѣмъ слѣдуетъ васъ познакомить. Послѣзавтра въ Маймачинѣ я устрою для васъ китайскій обѣдъ. Я знаю китайскаго купца, у котораго есть хорошій товаръ, и если я за это короткое время врядъ ли угощу васъ обѣдомъ болѣе чѣмъ въ 40 блюдъ, то все же вы получите представленіе о томъ, что такое китайскій обѣдъ.

Мы поблагодарили и сказали, что послѣ нашего путешествія по Забайкалью, гдѣ мы рѣдко находили что-нибудь больше, чѣмъ чай и хлѣбъ, обѣдъ изъ сорока блюдъ удовлетворитъ какъ нашъ аппетитъ, такъ и наше любопытство.

Изъ дома г. Лушникова мы направились къ русскому офицеру пограничной стражи, г. Сулковскому, жившему невдалекѣ отъ дома г. Лушникова. Онъ принялъ насъ совсѣмъ по-товарищески, какъ будто мы были съ нимъ старыми друзьями. Въ этихъ удаленныхъ мѣстахъ намъ часто приходила на умъ мысль, что земля, собственно говоря, очень мала, такъ какъ вездѣ мы находили связи съ цивилизованнымъ міромъ и съ нашей собственной родиной. Въ домѣ г. Лушникова мы имѣли, напримѣръ, неожиданное удовольствіе бесѣдовать на англійскомъ языкѣ съ образованной дамой шотландкой, г-жой Гамильтонъ. Въ лицѣ г. Сулковскаго мы нашли человѣка, который былъ знакомъ со многими офицерами полярной экспедиціи „Жанетты", въ числѣ ихъ съ г. Даненговеромъ и Мельвиллемъ, видѣлъ пароходъ вспомогательной экспедиціи „Роджерсъ" во время его зимнихъ стоянокъ въ Беринговомъ проливѣ и познакомился съ капитаномъ Береемъ и корреспондентомъ „Геральда" г. Жильдеромъ.

Послѣ вторичнаго завтрака и пріятной бесѣды съ г. Сулковскимъ, г. Фростъ и я вернулись въ Троицкосавскъ. Остатокъ послѣобѣденнаго времени мы провели за осмотромъ базара, городского рынка и

своеобразныхъ китайскихъ и монгольскихъ лавокъ. Мы были не мало удивлены, найдя въ одной изъ нихъ старый подержанный экземпляръ журнала Диккенса „All the year round“. Какъ эта книга могла попасть сюда? Но если въ лавкахъ Троицкосавска представлена англійская періодическая литература, то не оставилъ ли здѣсь какой-нибудь американскій путешественникъ экземпляра какого-нибудь журнала изъ Соединенныхъ Штатовъ? Моя профессіональная и патріотическая гордость была оскорблена тѣмъ, что „All the year round“ на окраинахъ Монголіи пользуется бóльшимъ распространеніемъ, чѣмъ „Century Magazine“. Послѣ долгихъ тщетныхъ поисковъ я нашелъ въ лавчонкѣ одного темно-коричневаго монгола продуктъ американскаго духа, который отчасти удовлетворилъ мой патріотизмъ и служилъ явнымъ доказательствомъ того, что Новая Англія задаетъ темпъ, съ которымъ старается согласовать свои шаги все человѣчество. Это были старые испорченные часы изъ Провиденца въ Родъ-Исландіи. Насколько мнѣ было непріятно, что я не нашелъ на этомъ базарѣ классическихъ произведеній американской литературы, настолько же я былъ удовлетворенъ впослѣдствіи, когда въ еще болѣе отдаленной и дикой части Забайкалья мнѣ попались: „Жизнь на Миссисипи“ Марка Твэна и русскій переводъ „Счастья въ Roaring Camp“ Бретъ-Гарта.

Въ пятницу, 2-го октября, г. Фростъ и я опять посѣтили Кяхту и вмѣстѣ съ г. Сулковскимъ отправились съ визитомъ къ китайскому губернатору въ Маймачинъ. По срединѣ вышеуказанной нейтральной полосы между Кяхтой и Маймачиномъ проходитъ граница обоихъ большихъ государствъ. Кромѣ того, Маймачинъ отдѣленъ отъ Кяхты высокой дощатой стѣной и похожими на пагоды зданіями, которыя мѣшаютъ варварамъ заглядывать въ улицы. Едва ли можно себѣ представить болѣе внезапную и неожиданную перемѣну, чѣмъ та, которую даетъ переходъ въ нѣсколько сотъ шаговъ отъ Кяхты до Маймачина. Только что вы находились въ русскомъ провинціальномъ городкѣ съ его характерными лавками, деревянными домами, церквами съ куполами, солдатами, извозчиками и приглядѣвшимися вамъ лицами крестьянъ, — а чрезъ минуту, оставивъ за собой деревянную стѣну, защищающую входъ въ монгольскій городъ, вы оказываетесь, повидимому, въ самомъ центрѣ Китайской имперіи. Можно было бы вообразить себѣ, что волшебный коверъ изъ 1001 ночи перенесъ васъ за много тысячъ миль и что отъ Россіи васъ отдѣляетъ, по крайней мѣрѣ, цѣлый материкъ. По бокамъ узкихъ не мощенныхъ улицъ — сѣрыя одноэтажныя зданія; стѣны ихъ изъ глины и рѣзаной соломы не имѣютъ оконъ, крыши съ богатыми рѣзными украшеніями загнуты по угламъ кверху; неуклюжія, двухколесныя, запряженныя волами арбы, нагруженныя чайными цыбиками, въ сопровожденіи темно-коричневыхъ монголовъ, замѣняютъ русскія телѣги и лошадей; китайскіе торговцы въ шапкахъ, въ просторныхъ развѣвающихся по вѣтру платьяхъ и туфляхъ на бѣлыхъ подошвахъ появляются у воротъ дворовъ вмѣсто русскихъ купцовъ въ высокихъ сапогахъ, широкихъ жилетахъ и рубахахъ поверхъ брюкъ; то и дѣло попадаются обож-

женные солнцемъ дикіе всадники въ темно-оранжевыхъ платьяхъ, въ плоскихъ шляпахъ, прибывшіе въ городъ изъ далекихъ кочевій пустыни Гоби, можетъ-быть, въ сопровожденіи бѣднаго монгола изъ ближайшаго къ городу населеннаго пункта, возсѣдающаго на медленно идущемъ волѣ. Куда ни посмотришь, куда ни направишься, вездѣ вмѣсто Россіи — Китай, на каждомъ шагу видишь чуждыя необычайныя сцены.

Въ сопровожденіи русско-китайскаго переводчика мы пошли во дворецъ китайскаго губернатора, отличающійся отъ всѣхъ другихъ домовъ только тѣмъ, что передъ нимъ возвышались два столба съ позолоченными шарами наверху. Послѣ того, какъ г. Сулковскій представилъ насъ его превосходительству, губернаторъ угостилъ насъ чаемъ, сластями и „майгало", т.-е. китайской рисовой водкой. Мы обмѣнялись съ губернаторомъ чрезвычайно малозначительными вопросами и отвѣтами объ его и о нашемъ здоровьи, о личныхъ дѣлахъ и впечатлѣніяхъ, выпили 3—4 чашки майгало, съѣли нѣсколько засахаренныхъ фруктовъ и затѣмъ послѣдовали за его превосходительствомъ въ храмъ, такъ какъ насталъ часъ для молитвы; губернаторъ произносилъ обычныя молитвы передъ большимъ деревяннымъ изображеніемъ бога подъ аккомпанементъ рѣдкихъ ударовъ колокола, издававшаго низкіе, но далеко разносившіеся по воздуху звуки. Въ колоколъ ударяли, повидимому, только для того, чтобы извѣстить населеніе города, что его превосходительство исполняетъ свою религіозную повинность. Когда мы вернулись съ сановникомъ въ его домъ, г. Фростъ снялъ съ него портретъ, уловивъ моментъ, когда онъ, въ сознаніи своего величія, съ довольной физіономіей возсѣдалъ на тигровой шкурѣ въ губернаторскомъ креслѣ. Затѣмъ не имѣя больше поводовъ для дальнѣйшаго пребыванія у него, мы распростились и получили на прощанье орѣхи, сласти и засахаренные фрукты, которые мы не доѣли, въ изящной оберткѣ.

Остатокъ послѣобѣденнаго времени ушелъ у насъ въ тщательныхъ попыткахъ произвести фотографическіе снимки нѣкоторыхъ чуждыхъ для нашихъ глазъ типовъ и группъ, попадавшихся намъ на улицахъ Маймачина. 40—50 монголовъ, бурятъ и еще никѣмъ не описанныхъ инородцевъ изъ южныхъ степей окружили насъ на улицѣ; мы установили нашъ аппаратъ и направили его на одну часть живописной толпы. Какъ только г. Фростъ прикрылъ свою голову чернымъ сукномъ и открылъ крышку аппарата, какъ боязливые сыны неба исчезли такъ моментально, какъ будто мы дѣйствовали смертоноснымъ орудіемъ. Установки аппарата и появленія чернаго сукна было достаточно, чтобы очистить цѣлую улицу съ одного конца до другого, и мнѣ пришло на мысль, что фотографическій аппаратъ можно было бы рекомендовать китайскому губернатору для подавленія народныхъ возстаній. Пользуясь имъ, онъ скорѣе и вѣрнѣе достигъ бы своей цѣли, чѣмъ пустивъ въ ходъ цѣлую батарею горныхъ гаубицъ. Если не ошибаюсь, г. Фростъ въ этотъ день изъ живыхъ существъ не могъ снять никого, кромѣ монгольскихъ воловъ въ упряжи и 2—3 слѣпыхъ или хромыхъ нищихъ, которые не могли съ достаточной быстротой

спастись бѣгствомъ. Немного позже въ тотъ же день г. Фростъ на базарѣ въ Троицкосавскѣ едва не подвергся насилію со стороны черни за то, что попытался набросать карандашомъ эскизъ монгольскаго торгаша съ дикой наружностью; онъ съ неоконченной работой вынужденъ былъ какъ можно скорѣе итти домой. Здѣсь, какъ и вообще, намъ приходилось жалѣть, что при насъ не было ручной камеры: она могла бы оказать намъ хорошія услуги въ тѣхъ случаяхъ, когда большой аппаратъ вызывалъ страхъ и подозрѣнія.

Нашъ китайскій обѣдъ въ субботу пополудни въ Маймачинѣ представлялъ собою нѣчто новое и интересное. Онъ устраивался въ торговомъ помѣщеніи богатаго китайскаго купца; среди приглашенныхъ были 8 дамъ и мужчинъ изъ числа знакомыхъ Лушникова, г. Фростъ и я. Столъ былъ покрытъ бѣлой скатертью и по-европейски уставленъ тарелками, чашками, блюдечками, ножами, вилками и т. п.

Палочки изъ слоновой кости подавались только тѣмъ, кто желалъ этого, такъ что русскіе и американскіе гости пользовались ими только для пробы. Когда мы всѣ размѣстились за столомъ, насъ стали обносить бутылкой темнаго китайскаго уксусу, и каждый отливалъ себѣ немного его въ стоявшее рядомъ съ тарелкой блюдечко.

— Къ чему этотъ уксусъ? — спросилъ я г. Лушникова.

— А чтобы макать въ него кушанья, — отвѣтилъ онъ. — Китайцы въ Маймачинѣ ѣдятъ почти все съ уксусомъ. Это очень вкусно.

Такъ какъ я совершенно не зналъ, какія блюда намъ будутъ поданы, то я пока что не высказывалъ своего мнѣнія, считая за лучшее выжидать. Нѣсколько минутъ спустя было подано первое блюдо. Я не могу сказать, что оно представляло собою въ дѣйствительности; въ моей записной книжкѣ я по этому поводу нахожу замѣчаніе: „колючая морская трава или похожее на нее морское растеніе, имѣющее видъ жесткаго моха“. Вѣроятно, это кушанье было сварено, но я могу только установить, что оно было холодное и имѣло довольно непривлекательный видъ. Каждый изъ русскихъ гостей бралъ немного этого кушанья, обмакивалъ кусочки его въ темный уксусъ и проглатывалъ если не съ удовольствіемъ, то по крайней мѣрѣ съ геройской выдержкой. Что же оставалось дѣлать г. Фросту и мнѣ, какъ не слѣдовать общему примѣру? Слѣдующія 9 блюдъ записаны подъ рядъ въ моей записной книжкѣ слѣдующимъ образомъ:

1. Холодные кусочки говядины, окруженные ромбоидальнымъ, цвѣта янтаря, студнемъ.
2. Черные грибы неизвѣстнаго вида.
3. Салатъ изъ лука и тонко изрѣзанной зелени.
4. Лишаи съ березъ.
5. Тонкіе ломти свѣтлой колбасы сквернаго вида и неизвѣстнаго состава.
6. Маленькіе кубики, крендели и квадраты изъ свареныхъ яицъ, чѣмъ-то окрашенные и имѣвшіе такой видъ, какъ будто они были изъ замши.
7. Раковыя шейки, испеченныя до коричневаго цвѣта.
8. Длинные листья морской травы ярко-зеленой окраски.

9. Вьющіяся волокна какого-то морского растенія, имѣвшія видъ нарѣзанной капусты.

Я не могу утверждать, что эти краткія замѣтки съ научной точностью описываютъ тѣ кушанья, къ которымъ онѣ относятся. Я не знаю да и не могъ узнать, изъ чего состояло большинство блюдъ, поэтому я отмѣчалъ лишь впечатлѣніе, которое они на меня производили и давалъ имъ названія предметовъ, на которые они больше всего походили. Всѣ эти кушанья безъ исключенія подавались холодными и ѣли ихъ съ уксусомъ. На жаровнѣ подлѣ стола стоялъ неглубокій сосудъ съ горячей водой, въ которую были погружены 3—4 серебряныхъ кувшина съ безцвѣтной рисовой водкой или майгало. Послѣ каждаго блюда прислуживавшій намъ обходилъ столъ съ однимъ изъ этихъ сосудовъ и пополнялъ стоявшія передъ каждымъ изъ обѣдающихъ маленькія фарфоровыя чашки этой горячей жидкостью.

Я недавно слышалъ анекдотъ о невѣжественномъ восточно-сибирскомъ крестьянинѣ, который во время земляной работы натолкнулся, какъ онъ предполагалъ, на останки мамонта. Въ надеждѣ на награду онъ рѣшилъ доложить о своей необычайной находкѣ исправнику, а чтобы вызвать большее довѣріе къ своимъ словамъ, онъ попробовалъ мясо мамонта, разсчитывая сообщить исправнику, что мамонтъ настолько сохранился, что еще годенъ для ѣды. Было рѣшено разслѣдовать это дѣло; на мѣсто находки былъ командированъ членъ Иркутскаго Географическаго Общества, — и останки допотопнаго звѣря оказались попросту большими залежами оригинальнаго сибирскаго минерала „горная кожа“. Раздосадованный исправникъ, почувствовавшій, что онъ долженъ показаться иркутскому ученому смѣшнымъ и невѣжественнымъ человѣкомъ, велѣлъ позвать крестьянина и сказалъ ему въ сердцахъ:

— Что́, дуракъ, не разсказывалъ ли ты, что ѣлъ эту мерзость? Это вовсе не мамонтъ, а минералъ, т.-е. нѣчто такое, что находится въ горахъ.

— Я и въ самомъ дѣлѣ ѣлъ, баринъ, — утверждалъ крестьянинъ. Но, — прибавилъ онъ съ простодушной миной, — чего только не съѣшь съ масломъ?

Когда намъ въ Маймачинѣ подавали черные грибы, раковыя шейки, древесные лишаи и морскія травы, я вспомнилъ про этого мамонта и думалъ про себя: „чего только нельзя съѣсть съ уксусомъ и китайской водкой?“

Послѣ послѣдняго холоднаго блюда, посуда изъ-подъ кушаній была убрана, чашки были вновь наполнены уксусомъ, и затѣмъ послѣдовали горячія кушанья въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Вареные пирожки изъ тѣста съ начинкой изъ мелко-рубленной телятины. Г-нъ Фростъ утверждалъ, въ силу непонятнаго для меня дара прозрѣнія, что содержимое пирожковъ было изъ мяса молодыхъ щенковъ, и упорно отказывался свести съ ними болѣе близкое знакомство даже съ помощью уксуса въ качествѣ приправы. Я укорялъ его за его излишнюю боязливость и увѣрялъ, что такія ни на чемъ неосновашныя подозрѣнія совершенно недостойны такъ много путе-

шествовавшаго изслѣдователя, который къ тому же прожилъ раньше уже въ Сибири цѣлыхъ три года.

Если бы я зналъ, что насъ еще ожидаетъ, я конечно, счелъ бы болѣе благоразумнымъ такъ не высказываться.

2. Жареныя клецки изъ мелко изрубленнаго мяса.

3. Маленькіе мясные пироги.

4. Вареная птица въ густомъ бѣломъ соусѣ съ большими виноградными улитками. При видѣ этого блюда я долженъ былъ сложить оружіе. Улитки, будучи сварены, сдѣлались совершенно черными и, какъ двѣ капли воды, были похожи на вареныхъ червей. Хотя я, надѣясь укрѣпить свою волю и принудить себя попробовать этотъ деликатесъ, и осушилъ двѣ чашки горячей рисовой водки, все же и мой разсудокъ, и моя сила воли должны были уступить чувству отвращенія.

5. Какое-то сало въ видѣ мягкихъ бѣловатыхъ прозрачныхъ кусочковъ.

6. Жареный молочный поросенокъ.

Это, несомнѣнно, было самое удовлетворительное блюдо изъ всего обѣда. Уплетая его, я вспомнилъ о хорошо извѣстномъ сочиненіи Шарля Ламба, въ которомъ разсказывается, какимъ образомъ китайцы научились искусству жарить молодыхъ поросятъ, и я рѣшилъ въ случаѣ нужды также поджечь домъ, чтобы добиться удовольствія наслаждаться жаренымъ поросенкомъ.

7. Маленькіе кусочки баранины, изжаренные на вертелѣ прямо на огнѣ.

8. Курица въ видѣ длинныхъ тонкихъ волоконъ въ бульонѣ.

9. Свареный рисъ.

10. Оригинальныя твердыя древесныя губки или лишаи въ коричневомъ соусѣ.

11. Тонкія, прозрачныя, очень гладкія макароны, свареныя въ китайскомъ самоварѣ.

12. Пѣтушиныя головы съ частями шеекъ и, наконецъ,

13—19 Разные сорта суповъ, которые были поданы въ одно время. Этимъ и закончился собственно обѣдъ. Со стола все было убрано, были унесены также сосуды съ уксусомъ и водкой, и на столѣ появились орѣхи, всевозможныя сласти, чудный цвѣточный чай и французское шампанское. Угощеніе продолжалось въ теченіе трехъ часовъ, и за это время каждый изъ обѣдавшихъ, по крайней мѣрѣ, перепробовалъ 30—40 блюдъ, опорожнивъ при этомъ 1—3 блюдечка китайскаго уксуса, выпилъ 15—25 чашекъ горячей рисовой водки, надушенной розовой водой, и въ концѣ обѣда запивалъ китайскія печенія бокалами шампанскаго за здоровье гостепріимнаго хозяина.

Надо отнести къ чудесамъ, что мы безъ посторонней помощи могли добраться до нашихъ извозчиковъ и до слѣдующаго утра не умерли отъ остраго желудочнаго заболѣванія.

Мое любопытство по отношенію къ китайскому обѣду было вполнѣ удовлетворено. Если китайцы ежедневно угощаютъ себя такими обѣдами, то меня удивляетъ, какъ эта раса давно уже не вымерла. Такой обѣдъ въ позднюю осень долженъ былъ бы, на мой взглядъ,

дать человѣку, который не умеръ бы отъ несваренія желудка, возможность, подобно медвѣдю въ берлогѣ, погрузиться въ зимнюю спячку до ближайшей весны.

Когда я поздно послѣ обѣда возвращался изъ дома китайскаго купца, я и не предчувствовалъ, что это было послѣднее мое развлеченіе и что я не увижу больше стариннаго монгольскаго города. Въ воскресенье утромъ у меня появился сильный ознобъ, за которымъ вскорѣ послѣдовала сильнѣйшая лихорадка, сопровождавшаяся страшной головной болью, ломотой, кашлемъ, слабостью и общимъ нервнымъ недомоганіемъ. Это было начало серьозной болѣзни, продолжавшейся 14 дней, а совершенно я оправился только по истеченіи трехъ мѣсяцевъ. Съ момента появленія болѣзни началась самая тагостная и невыносимая часть моего путешествія по Сибири. До сихъ поръ я обладалъ, по крайней мѣрѣ, въ достаточной мѣрѣ физическими силами, чтобы мало-мальски выносить тѣ неизбѣжныя лишенія, съ которыми сопряжены жизнь и путешествіе по такой странѣ; теперь же меня поддерживали только сила воли, хининъ и возбужденіе. Излишне описывать страданія, вызванныя болѣзнью, которая должна была протекать при такой жалкой обстановкѣ, какъ въ комнатѣ рядомъ съ булочной Клембоцкаго въ пограничномъ городѣ Троицкосавскѣ. Въ моей записной книжкѣ нѣтъ никакихъ замѣтокъ объ этихъ тяжелыхъ дняхъ моей жизни въ Сибири, но письмо, отправленное мною въ то время на родину, описываетъ мое положеніе въ слѣдующихъ словахъ: „лежать дома больнымъ въ хорошей постели съ чистымъ бѣльемъ и пользоваться хорошимъ уходомъ — съ этимъ можно еще помириться; но совершенно другое дѣло — валяться подобно собакѣ на жесткомъ полу, не быть въ состояніи сбросить съ себя платье и во время лихорадочныхъ пароксизмовъ доходить до бѣшенства отъ паразитовъ“. Кромѣ овчины и грязнаго шерстяного одѣяла, я не имѣлъ ничего больше, и хотя я пробовалъ ложиться то на жесткую кровать, то на полъ, то на столъ, но нигдѣ нельзя было найти спасенія отъ блохъ и клоповъ. Сначала я лѣчилъ себя самъ, прибѣгая къ своей дорожной аптекѣ; когда же я узналъ, что въ городѣ практикуетъ русскій врачъ, я послалъ за нимъ. Онъ прописалъ сильныя дозы хинина, которыя, наконецъ, одолѣли лихорадку, такъ что, 12 дней спустя, я могъ подняться на ноги, хотя, конечно, чувствовалъ себя еще очень слабымъ.

Во время своей болѣзни въ булочной Клембоцкаго мнѣ впервые стало ясно, что вынужденъ переносить политическій ссыльный, заболѣвшій въ пути на одномъ изъ этаповъ; а вѣдь, сверхъ того, что мнѣ приходилось выносить, онъ обреченъ еще на дурное питаніе, на вдыханіе испорченнаго воздуха, на лежаніе со скованными ногами на жесткой голой деревянной нарѣ. Г-нъ Чарушинъ, политическій, съ которымъ я познакомился въ Нерчинскѣ, даже во время тифа въ тяжелой формѣ не былъ освобожденъ отъ цѣпей.

15-го октября г. Фростъ и я выѣхали изъ Троицкосавска въ Селенгинскъ. Утромъ я чувствовалъ слабость и головокруженіе и опасался новаго приступа болѣзни, но мнѣ казалось, что тряска въ телѣгѣ на свѣжемъ воздухѣ не могла бы оказаться для меня болѣе вредной,

чѣмъ пребываніе въ комнатѣ, кишащей насѣкомыми, въ которой я пробылъ столько времени,—и рѣшился, какъ только у меня будетъ достаточно силъ, сѣсть въ экипажъ и попытаться ѣхать. Мы сдѣлали въ тотъ день 90 верстъ, переночевали на почтовой станціи „Поворотная“ и раннимъ утромъ слѣдующаго дня пріѣхали въ Селенгинскъ. Въ этомъ ничтожномъ бурятскомъ поселкѣ находилось трое интересныхъ политическихъ, съ которыми я жалалъ переговорить, и мы провели здѣсь цѣлый день. Эти лица были: Константинъ Самаринъ, молодой студентъ изъ Екатеринбурга; г. Кардашевъ, грузинъ съ Кавказа, и г-жа Брешковская, высокообразованная молодая дама изъ Кіева. Г-нъ Кардашевъ и г-жа Брешковская отбыли назначенный имъ срокъ наказанія въ Карійскихъ рудникахъ, и я хотѣлъ отъ нихъ узнать, кякъ намъ лучше всего попасть въ этотъ горный округъ и съ какими чиновниками намъ придется тамъ имѣть дѣло.

Г-нъ Самаринъ, котораго я навѣстилъ первымъ, былъ молодой красивый человѣкъ, лѣтъ 24—25, средняго роста, съ спокойными изысканными манерами, съ честными ласковыми, довѣрчивыми глазами. Исторія его жизни даетъ поучительный примѣръ полнаго неуваженія къ правамъ личности, которое характеризуетъ отношеніе русскаго правительства къ людямъ, съ извѣстнымъ основаніемъ или безъ всякаго основанія показавшимся ему политически неблагонадежными.

Въ бытность студентомъ, г. Самаринъ былъ арестованъ якобы за политическое преступленіе и лишь послѣ трехлѣтняго пребыванія въ казематѣ Трубецкого равелина въ Петропавловской крѣпости предсталъ передъ судомъ. Ему предъявили обвиненіе въ такомъ ничтожномъ проступкѣ, что судъ приговорилъ его всего къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы. Держать человѣка до приговора три года въ казематѣ въ одиночномъ заключеніи и приговорить его затѣмъ къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы—уже само по себѣ чрезвычайно странное явленіе, но объ этомъ я не буду распространяться. Г-нъ Самаринъ, безспорно, имѣлъ право по истеченіи двухъ мѣсяцевъ заключенія быть выпущеннымъ на свободу, такъ какъ онъ отбылъ наказаніе, къ которому былъ приговоренъ судомъ послѣ предшествовавшаго приговору разслѣдованія дѣла. Правительство же, вмѣсто того, чтобы освободить его, сослало его административнымъ путемъ въ Баргузинъ въ Забайкалье, за 6000 верстъ къ востоку отъ Петербурга. Лѣтомъ 1881 года онъ съ тремя другими политическими, въ томъ числѣ съ г-жой Брешковской, совершилъ неудачный побѣгъ въ направленіи къ Тихому океану, гдѣ они разсчитывали попасть на американское судно. Послѣ побѣга г. Самарина сослали въ одинъ изъ улусовъ Якутской области, гдѣ съ нимъ познакомились члены американской экспедиціи, снаряженной для выручки оставшихся въ живыхъ съ сѣверно-полярнаго парохода „Жанетты“. Въ 1882 или въ 1883 году ему былъ назначенъ мѣстомъ жительства Селенгинскъ, а осень 1884 года, когда, наконецъ, истекъ срокъ его ссылки, застала его въ восточно-сибирской деревнѣ въ разстояніи 4500 верстъ отъ родины и безъ всякихъ средствъ на возвращеніе въ Европейскую Россію. Правительство не заботится о возвращеніи на родину политическихъ ссыльныхъ, отправленныхъ имъ

въ Сибирь, если только они не пожелаютъ присоединиться къ какой-либо возвращающейся домой партіи отбывшихъ наказаніе преступниковъ. Такъ какъ эти партіи идутъ безъ офиціальнаго маршрута и часто принуждены подолгу ожидать свободной конвойной команды, то онѣ подвигаются впередъ крайне медленно. Полковникъ Загаринъ, инспекторъ пересыльнаго управленія Восточной Сибири, разсказывалъ мнѣ, что такія возвращающіяся на родину партіи тратятъ иногда 300 дней на то, чтобы пройти 1500 верстъ между Иркутскомъ и Томскомъ. Очень немногіе политическіе ссыльные соглашаются въ теченіе цѣлаго года добровольно подвергать себя мученіямъ въ зачумленныхъ, кишащихъ паразитами этапахъ даже изъ-за возвращенія на родину, и, если не могутъ заработать себѣ необходимой на дорогу суммы или не имѣютъ родныхъ, которые могли бы имъ прислать денегъ, они предпочитаютъ оставаться въ Сибири. Я облегчилъ одному ссыльному возможность вернуться на родину тѣмъ, что купилъ у него за 100 рублей гербарій сибирскихъ растеній. Я охотно оказалъ бы такую услугу и г. Самарину; но онъ уже больше года былъ занятъ составленіемъ каталога офиціальныхъ документовъ въ архивѣ Селенгинска за 130 лѣтъ и надѣялся, что губернаторъ дастъ ему за эту работу такое вознагражденіе, котораго хватитъ на обратную поѣздку на свой счетъ въ Европейскую Россію. Корреспонденція политическихъ ссыльныхъ въ Селенгинскѣ подвергается полицейскому контролю, т.-е. всѣ письма прочитываются и подлежатъ цензурѣ исправника. Когда истекъ срокъ ссылки г. Самарина, онъ сталъ de jure и de facto свободнымъ человѣкомъ. Онъ ходатайствовалъ передъ губернаторомъ освободить его корреспонденцію отъ контроля полиціи. Губернаторъ предоставилъ разрѣшеніе этого вопроса исправнику, а тотъ разрѣшилъ его въ отрицательномъ смыслѣ; такимъ образомъ, хотя для г. Самарина и кончился срокъ ссылки, и законъ вернулъ ему всѣ права свободнаго гражданина, онъ тѣмъ не менѣе еще въ теченіе цѣлаго года не могъ ни писать писемъ, ни получать ихъ безъ того, чтобы они не были прочитаны и одобрены полиціей. Пусть читатель поставитъ себя на мѣсто человѣка, съ которымъ обращаются такъ гнусно, — онъ пойметъ тогда, что такое нахальное, циничное, унизительное отношеніе къ правамъ личности можетъ довести гордаго человѣка до отчаянія.

Во время нашего разговора съ г. Самаринымъ въ комнату вошла г-жа Брешковская. Я представился ей. Это была дама лѣтъ 35 съ энергичнымъ умнымъ, но некрасивымъ лицомъ, съ свободными манерами и, какъ мнѣ казалось, съ искреннимъ великодушіемъ и способностью тепло относиться къ ближнимъ. На ея лицѣ были слѣды большихъ страданій, а ея густые черные вьющіеся волосы, обрѣзанные въ тюрьмѣ при рудникахъ, уже кой-гдѣ серебрились, но ни несчастья, ни ссылка, ни каторжныя работы не были въ состояніи сломить ея смѣлый ясный умъ или поколебать ея взгляды на честь и долгъ. Она, какъ я вскорѣ убѣдился, получила прекрасное воспитаніе въ родной школѣ и въ Цюрихѣ, говорила по-французски, по-нѣмецки и по-англійски, обладала большой музыкальностью и вообще

во всѣхъ отношеніяхъ производила на меня впечатлѣніе привлекательной и интересной женщины. Дважды ее ссылали въ карійскіе рудники, — во второй разъ за попытку бѣжать изъ деревни Баргузина въ Забайкальѣ, — и когда вторично истекъ срокъ ея наказанія, ее сослали въ это жалкое, забытое Богомъ бурятское гнѣздо Селенгинскъ, гдѣ она находилась подъ особымъ надзоромъ мѣстнаго высшаго полицейскаго чиновника. На разстояніи 150 верстъ во всѣхъ направленіяхъ отъ Селенгинска, насколько я знаю, не было другой образованной женщины; она получала на свое содержаніе отъ правительства еженедѣльно 2 рубля 50 коп.; ея корреспонденція подвергалась полицейской цензурѣ; она навсегда была оторвана отъ семьи и друзей, а въ будущемъ ее ожидали, повидимому, только нѣсколько лѣтъ жизни, полной лишеній и невзгодъ, и, наконецъ, заброшенная могила на одинокомъ кладбищѣ на берегу Селенги и простой деревянный крестъ, на которомъ никогда не остановится участливый взглядъ. Непоколебимое мужество, съ которымъ эта несчастная женщина смотрѣла въ глаза своему печальному будущему, и твердая вѣра въ окончательную побѣду свободы въ своемъ отечествѣ были такъ же трогательны, какъ и героичны. На прощаніе она сказала мнѣ:

— Мы умремъ въ ссылкѣ, и наши дѣти и внуки раздѣлятъ, должнобыть, нашу судьбу, но эти жертвы не напрасны!

Съ этого дня я больше не видѣлъ г-жи Брешковской и не слышалъ о ней. Она окончательно исчезла изъ моей жизни, какъ будто умерла. Но я не могу вспоминать ея послѣднихъ словъ безъ того, чтобы не сознаться, что именно эта женщина научила меня, что̀ такое мужество, сила духа и геройское самопожертвованіе. Разговоры съ такими политическими ссыльными — а я видѣлъ ихъ много въ Забайкальѣ — оказывали на меня болѣе благотворное дѣйствіе, чѣмъ всѣ медицинскія снадобья. Какими ничтожными казались мнѣ моя болѣзнь и слабость, всѣ лишенія нашей тогдашней жизни въ сравненіи съ страданіями, которыя переносились съ такимъ геройскимъ мужествомъ изъ-за принциповъ во имя порабощеннаго народа.

Въ 4 часа въ пятницу пополудни, 16-го октября, мы покинули Селенгинскъ и, въ 24 часа проѣхавъ 155 верстъ, прибыли въ уѣздный городъ Верхнеудинскъ. Было, особенно по ночамъ, очень холодно, а тряска безрессорной повозки была для меня, еще не оправившагося отъ послѣдствій перенесенной сильной лихорадки, непріятнѣе обыкновеннаго; свѣжій воздухъ однако производилъ на меня оживляющее дѣйствіе, и я чувствовалъ себя во всякомъ случаѣ не хуже, чѣмъ при нашемъ отъѣздѣ изъ Троицкосавска, хотя за двое сутокъ мы проѣхали уже 255 верстъ. Въ Верхнеудинскѣ были двѣ тюрьмы, которыя мнѣ хотѣлось осмотрѣть. Въ воскресенье, утромъ такъ рано, какъ только было можно, я представился исправнику въ качествѣ американскаго путешественника, показалъ ему свои открытые листы, и мы условились встрѣтиться около полудня въ старой тюрьмѣ.

Зданіе, служащее одновременно мѣстной и пересыльной тюрьмой, а также мѣстомъ предварительнаго заключенія, оказалось старымъ, грозящимъ рухнуть домомъ, стоящимъ на правомъ берегу Селенги

въ $1^1/_2$ верстахъ отъ города. Тюрьма существенно не отличалась отъ деревянныхъ этаповъ стараго сибирскаго типа, за исключеніемъ развѣ того, что была выше ихъ и во всякой камерѣ было по галлереѣ, служившей вторымъ этажомъ, на которую вела крутая лѣстница. Это приспособленіе, устроенное, должно-быть, сравнительно недавно, служило для того, чтобы выгодать больше мѣста для наръ. Тюрьму, очевидно, до нашего прибытія почистили; половина арестантовъ находилась на дворѣ; всѣ двери и окна были открыты, чтобы впустить свѣжій воздухъ; о полахъ въ коридорахъ и камерахъ нельзя было сказать, чтобы они были слишкомъ грязными. Тюрьма, выстроенная первоначально на 170 человѣкъ, содержала ихъ во время нашего посѣщенія 250, и исправникъ на мой вопросъ долженъ былъ сознаться, что поздней осенью и зимой въ ней часто заключалось до 700 арестантовъ. Несчастные тогда располагались въ невѣроятной тѣснотѣ на полу, подъ нарами, въ сѣняхъ и даже на дворѣ. Что же должно было дѣлаться въ тюрьмѣ, когда на ночь загоняли 700 несчастныхъ въ помѣщеніе, предназначенное для 170, въ особенности зимою, когда окна не могутъ быть открыты изъ опасенія, чтобы не замерзли лежащіе вблизи нихъ? Такой ужасъ не поддается никакому описанію! М. И. Орфановъ, русскій чиновникъ, до насъ въ теченіе ряда лѣтъ видѣвшій въ извѣстные промежутки эту тюрьму, описываетъ ее въ своей книгѣ, прошедшей въ Москвѣ всѣ стадіи цензуры, слѣдующимъ образомъ:

„Первый острогъ въ Забайкальѣ находится въ Верхнеудинскѣ. Онъ построенъ за городомъ на высокомъ крутомъ берегу Селенги. Съ берега, отстоящаго отъ острога на 5—6 саженъ сбрасывается вся тюремная грязь и всякіе отбросы, такъ что первое, что васъ поражаетъ, когда вы къ нему приближаетесь,— это невыносимая вонь. Тюрьма представляетъ собою чрезвычайно старое двухъэтажное, деревянное зданіе для 140 заключенныхъ*).

„Во время моего пребыванія въ Сибири я часто имѣлъ случай посѣщать ее; *въ ней никогда не находилось менѣе 500 заключенныхъ, а иногда даже больше 800***).

„Я помню одинъ осмотръ этого острога, во время котораго я сопровождалъ губернатора Забайкальской области. Дѣло происходило зимой. Рано утромъ губернаторъ отправился въ тюрьму, такъ что внѣшняя дверь, ведущая въ сѣни, отпиралась впервые послѣ ночи въ его присутствіи. Вонь, вырвавшаяся ему навстрѣчу, была такъ велика, что его буквально отбросило назадъ, хотя онъ, несомнѣнно, охотно желалъ бы скрыть отъ арестантовъ, что съ ними обращаются хуже, чѣмъ со скотомъ. Губернаторъ приказалъ открыть противоположную дверь и вошелъ въ тюрьму только послѣ того, какъ сильный сквозной воздухъ освѣжилъ помѣщеніе. Первымъ предметомъ, который бросился ему въ глаза въ углу въ коридорѣ, была пере-

---

*) Исправникъ говорилъ для 170; меньшая цифра, должно-быть, болѣе походитъ на истину.

**) Курсивъ принадлежитъ г. Орфанову.

полненная „параша“*) съ переливавшимся черезъ края содержимымъ; здѣсь же капала съ потолка жидкость изъ такой же параши верхняго этажа. Въ этомъ углу спало на полу 6 мужчинъ. Губернаторъ остолбенѣлъ отъ ужаса.

— „Какъ могутъ люди,— воскликнулъ онъ,— спать на этомъ мокромъ загаженномъ полу въ такой отвратительной обстановкѣ?

„Онъ накинулся на смотрителя и на тюремныхъ служащихъ, но, разумѣется, ничего не могъ измѣнить въ тюрьмѣ“.

Нѣсколько критиковъ моей книги высказывали мнѣніе, что при описаніи сибирскихъ тюремъ и этаповъ я слишкомъ сгущаю краски, но я вѣдь не сообщалъ ничего худшаго, чѣмъ то, что читатель могъ прочесть въ вышеприведенной цитатѣ, взятой изъ книги, авторомъ которой является русскій чиновникъ и которая вышла въ Москвѣ, несмотря на всѣ стѣсненія цензуры**).

Черезъ эту тюрьму въ Верхнеудинскѣ проходитъ ежегодно много образованныхъ лицъ обоего пола, ссылаемыхъ за политическіе проступки въ Забайкалье; г-жа Брешковская побывала въ ней 4 раза на пути въ карійскіе рудники и обратно. Мнѣ пріятно сообщить, что старый острогъ въ Верхнеудинскѣ вскорѣ не будетъ болѣе служить мѣстомъ заключенія. Уже издалека мы видѣли только что законченную новую большую пересыльную тюрьму, и исправникъ сказалъ намъ, что она будетъ открыта, какъ только будетъ прикомандирована къ ней въ потребномъ числѣ охрана.

Осмотрѣвъ старый острогъ, мы съ исправникомъ отправились во вновь выстроенную тюрьму. Это было большое четырехъ-этажное каменное оштукатуренное зданіе, съ двумя большими флигелями, обширнымъ дворомъ и особымъ зданіемъ для политическихъ заключенныхъ и конвойной команды. Камеры были всѣ большія, свѣтлыя съ хорошими вентиляторами; кромѣ нижняго этажа, изъ всѣхъ трехъ большихъ оконъ каждой камеры открывался видъ на окрестности тюрьмы. Коридоры были шириною отъ 12 до 15 футовъ; каменныя лѣстницы были снабжены желѣзными перилами; даже одиночныя камеры были просторны. Приспособленія для отопленія, вентиляціи и поддержанія чистоты казались мнѣ соотвѣтствующими всѣмъ гигіэническимъ требованіямъ. Тюрьма обошлась въ 200.000 рублей и была предназначена для 440 заключенныхъ. Я сообщилъ исправнику, что я вполнѣ удовлетворенъ новой тюрьмой, и прибавилъ, что во всей имперіи я не видѣлъ такой хорошей тюрьмы.

— Да,— сказалъ онъ,— пока она не переполнена, въ ней будетъ сносно. Но если мы въ старую тюрьму должны были помѣщать до 700 заключенныхъ, то въ эту насъ заставятъ, должно-быть, принимать до 3000, и тогда начнется старая исторія.

Я не знаю, оправдались ли опасенія исправника; но въ то время эта новая тюрьма была, дѣйствительно, самой лучшей изъ всѣхъ ви-

*) Такъ въ русскихъ тюрьмахъ называется кадка для экскрементовъ.

**) „Въ дали“ М. П. Орфанова стран. 220—222, Москва, Кушнеревъ и К°, 1883 года.

дѣнныхъ мною въ Россіи, исключая Петербурга, и намъ доставило удовольствіе имѣть, наконецъ, передъ глазами явное доказательство того, что русское правительство не относится къ страданіямъ ссыльныхъ съ абсолютнымъ равнодушіемъ.

Въ понедѣльникъ, 19-го октября, мы выѣхали изъ Верхнеудинска съ тѣмъ, чтобы отправиться въ Читу, главный городъ Забайкальской области, отстоящій отъ Верхнеудинска на 450 верстъ. Погода болѣе напоминала зиму, чѣмъ до сихъ поръ, но снѣгъ еще не выпалъ; небо было ясное, и только ночью насъ донималъ холодъ. Дорога сначала шла вверхъ по низменной, неплодородной и неинтересной долинѣ Уды между двумя почти параллельными рядами холмовъ. Деревья были обнажены; цвѣтовъ, кромѣ изрѣдка попадавшагося тронутаго морозомъ одуванчика, уже не было; зима, очевидно, быстро приближалась. Мы ѣхали день и ночь и останавливались по временамъ только для того, чтобы осмотрѣть буддійскій монастырь или этапъ.

Правительство за послѣднее время израсходовало 300.000—400.000 р. на сооруженіе новыхъ этаповъ въ Забайкальѣ. Эти зданія довольно малы и не вызываютъ похвалъ со стороны чиновниковъ тюремнаго вѣдомства; намъ же они показались большимъ улучшеніемъ сравнительно съ этапами между Томскомъ и Иркутскомъ.

Въ четвергъ, 22-го октября, верстъ за 75 передъ Читой, у почтовой станціи Домноклушевская, мы перевалили черезъ довольно высокій горный хребетъ. Спускаясь по восточному его склону, мы достигли одного изъ притоковъ Амура. Такимъ образомъ, мы пересѣкли водораздѣлъ между бассейнами рѣкъ, впадающихъ въ Сѣверный ледовитый и въ Великій океаны, и чувствовали себя ближе къ Америкѣ, когда думали о разстояніи, отдѣлявшемъ насъ отъ нея въ восточномъ, а не въ западномъ направленіи. Въ деревенскихъ лавочкахъ продавались вывезенные изъ Калифорніи американскіе товары, и, когда я увидѣлъ американскую оловянную посуду, фонари и т. п, а на баночкахъ съ консервированными персиками и томатами англійскіе этикеты, то мнѣ стало казаться, что съ какого-нибудь холма мы увидимъ Санъ-Франциско и Золотыя ворота.

Въ полдень, продрогшіе, усталые и голодные, мы пріѣхали въ Читу и остановились въ гостиницѣ „Петербургъ“, которою завѣдывалъ одинъ ссыльный полякъ. Чита, главный городъ Забайкальской области и резиденція губернатора, имѣетъ видъ большого провинціальнаго города съ далеко другъ отъ друга построенными домами; въ немъ до 4000 жителей. Въ Читѣ имѣются общественная библіотека, большое зданіе, сдаваемое подъ театръ, и довольно хорошія школы; въ административномъ и экономическомъ отношеніи это, вѣроятно, самый важный городъ Восточной Сибири,— ея главный городъ. Мы интересовались Читой потому, что въ исторіи политической ссылки онъ игралъ выдающуюся роль. Сюда было сослано въ теченіе 1825—1828 годовъ большинство молодыхъ дворянъ, которые при вступленіи на престолъ императора Николая въ декабрѣ 1825 года тщетно пытались свергнуть автократическій образъ правленія и установить конституціонную монархію. Два деревянныхъ дома, въ которыхъ жили

декабристы, сохранились и до настоящаго времени; въ одномъ изъ нихъ столярная мастерская, которая въ настоящее время служитъ мѣстомъ собраній для политическихъ ссыльныхъ, раздѣлившихъ судьбу декабристовъ за вѣрность тѣмъ же принципамъ.

Въ составъ колоніи ссыльныхъ въ Читѣ во время нашего тамъ пребыванія входили самые интересные люди изъ тѣхъ, съ которыми мы познакомились въ Забайкальѣ. Мы передали имъ рекомендательныя письма отъ ихъ товарищей по несчастью изъ другихъ мѣстъ Сибири; они приняли насъ съ теплымъ сердечнымъ гостепріимствомъ и съ полнымъ довѣріемъ; нѣсколько долгихъ зимнихъ вечеровъ провели мы въ ихъ обществѣ въ верхнемъ помѣщеніи стараго дома декабристовъ, бесѣдуя о революціонномъ движеніи въ Россіи, о Петропавловской крѣпости, харьковской центральной тюрьмѣ и карійскихъ рудникахъ. Эти вечера относятся къ самымъ пріятнымъ воспоминаніямъ нашей жизни въ Восточной Сибири. Въ дальнѣйшемъ при описаніи нашего вторичнаго пребыванія въ Читѣ послѣ возвращенія изъ карійскихъ рудниковъ я познакомлю читателя съ біографіями и характерами этихъ политическихъ ссыльныхъ, съ которыми мы въ верхнемъ помѣщеніи столярной мастерской проводили въ теченіе двухъ недѣль всѣ вечера и бо́льшую часть ночей.

Такъ какъ губернаторъ Читы былъ въ отсутствіи, то мы не могли получить офиціальнаго разрѣшенія на посѣщеніе тюремъ и рудниковъ на Карѣ; но адъютантъ губернатора, у котораго я былъ съ визитомъ, повидимому, ничего не имѣлъ противъ того, чтобы мы уже на мѣстѣ на Карѣ попытались добиться нужнаго намъ разрѣшенія. Онъ обѣщалъ телеграфировать начальнику карійскихъ тюремъ и снабдилъ меня своей визитной карточкой въ качествѣ рекомендаціи. Мнѣ казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобы одна только визитная карточка открыла намъ ворота грозныхъ карійскихъ тюремъ, — но это было все, чего я могъ добиться, и вотъ, 24-го октября, мы предприняли наше путешествіе въ знаменитыя копи, отъ которыхъ насъ отдѣляло теперь только 450 верстъ.

XIII.

Карійскіе рудники.

Въ далекой глуши Забайкалья, въ разстояніи почти 7500 верстъ отъ Петербурга и 1500 верстъ отъ береговъ Тихаго океана, въ угрюмой одинокой долинѣ между двумя отрогами Яблоноваго хребта разбросаны кой-гдѣ тюрьмы, золотые пріиски и поселенія арестантовъ,—все то, что въ совокупности такъ хорошо извѣстно въ Россіи подъ именемъ Карійскихъ рудниковъ. Если въ газетахъ напечатано, что осужденному на смертную казнь нигилисту наказаніе замѣнено каторжными работами въ рудникахъ, то это значитъ, что осужденный ссылается въ Карійскіе рудники.

Я приступаю теперь къ разсказу о нашемъ пребываніи на Карѣ поздней осенью и ранней зимой 1885 года и къ описанію, по возможности ближе къ истинѣ, состоянія тамошнихъ тюремъ и жизни политическихъ ссыльныхъ. Не имѣя возможности со всѣми деталями остановиться на Карійскихъ рудникахъ, я нарисую въ общихъ чертахъ картину поселенія арестантовъ въ Восточной Сибири и дамъ читателю понятіе о томъ, что въ Россіи разумѣютъ подъ каторгой или каторжными работами.

Карійскіе рудники отстоятъ отъ Читы, главнаго города Забайкальской области, приблизительно, на разстояніи 450 верстъ, изъ которыхъ 300 верстъ путешественникъ проѣзжаетъ по довольно сносной почтовой дорогѣ, идущей сначала по долинѣ рѣки Ингоды, а затѣмъ по сѣверному или лѣвому берегу Шилки, главнаго притока Амура. Почтовая дорога кончается въ маленькомъ городѣ Срѣтенскѣ, гдѣ Шилка становится судоходной; начиная съ этого пункта, сообщеніе съ карійской колоніей ссыльныхъ поддерживается лѣтомъ на лодкахъ, а зимою на саняхъ по льду рѣки. Осенью ко времени замерзанія рѣки и весною въ половодье Карійскіе рудники въ теченіе цѣлыхъ недѣль буквально отрѣзаны отъ всего остального міра, потому что доступъ въ это время къ нимъ открытъ только по трудно проходимой, опасной береговой тропинкѣ, идущей параллельно рѣкѣ черезъ рядъ крутыхъ, большею частью лѣсистыхъ, горныхъ хребтовъ. Мы надѣялись достигнуть Срѣтенска еще во-время для того, чтобы можно было на лодкѣ поѣхать внизъ по Шилкѣ, и, покидая въ субботу 24-го октября Читу, были, повидимому, въ правѣ разсчитывать на это. Но внезапно схолодѣло, пошелъ снѣгъ, и когда мы въ среду утромъ вышли изъ нашей телѣги на сѣверномъ берегу Шилки противъ Срѣтенска, наступила уже суровая зима. Термометръ показывалъ —14° R., наши шубы и лошади покрылись инеемъ, а быстрая Шилка была покрыта такими громадными льдинами, что черезъ нее съ трудомъ можно было переправиться. Большой открытый паромъ на нашихъ глазахъ дѣлалъ опасную попытку пройти со стороны Срѣтенска на нашу сторону, а вблизи насъ нѣсколько продрогшихъ крестьянъ, столпясь на берегу вокругъ небольшого костра, наблюдали за нимъ, надѣясь, въ случаѣ удачной переправы парома, уговорить паромщика свести ихъ въ Срѣтенскъ. Послѣ того какъ г. Фростъ и я добрыхъ 15 минутъ наблюдали за борьбой парома со льдомъ, мы пришли къ заключенію, что, даже если бы паромщикъ оказался достаточно смѣлымъ, все же было бы безусловно рискованно на такомъ ненадежномъ паромѣ ѣхать на другую сторону быстрой, покрытой большими льдинами рѣки, имѣвшей въ ширину до $^3/_4$ версты. Въ виду этого мы зашли въ первый попавшійся домикъ; хозяинъ его — молодой крестьянинъ Зябликовъ — предложилъ намъ у себя ночевать, если мы не побрезгуемъ лечь прямо на полу вмѣстѣ со всей его семьей. Мы слишкомъ устали и озябли, для того чтобы разбирать; къ тому же мы уже настолько привыкли спать на полу, что были бы удивлены, если бы намъ предложили болѣе удобный ночлегъ. Нашъ багажъ былъ внесенъ въ домъ Зябликова, и черезъ полчаса мы уже сидѣли за чаемъ въ

первой послѣ Нерчинска приличной комнатѣ. Мы толковали о томъ, какъ намъ въ такое время года добраться до Кары и возможно ли путешествіе черезъ горы. Поѣздка внизъ по рѣкѣ была немыслима въ виду большого ледохода, а ждать двѣ-три недѣли — у насъ не было ни времени, ни желанія; достигнуть цѣли оставалось только верхомъ черезъ горы. Зябликовъ говорилъ намъ, что на этой сторонѣ рѣки имѣются годныя для такой поѣздки лошади, но такъ какъ владѣлецъ ихъ жилъ въ Срѣтенскѣ, то мы только тамъ могли нанять ихъ; въ Срѣтенскѣ же можно было достать сѣдла и подыскать проводника. При настоящемъ положеніи дѣла было весьма опаснымъ предпріятіемъ переправиться черезъ Шилку, но Зябликовъ вызвался доставить насъ на противоположный берегъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ. Въ четвергъ утромъ мы вынесли легкую лодку Зябликова на берегъ, чтобы испытать наше счастье. Погода немного улучшилась, но было еще очень холодно. На рѣкѣ былъ полный ледоходъ, а у берега набило льдинъ, образовавшихъ собою сплошную кайму, шириною въ 20—25 саженъ, которая чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ становилась тоньше. По этой предательской поверхности мы осторожно тащили лодку, готовые впрыгнуть въ нее, если ледъ не выдержитъ. Въ 2—3 саженяхъ отъ открытой воды ледъ треснулъ подъ нами съ оглушительнымъ шумомъ, Зябликовъ возбужденно крикнулъ: „въ лодку, въ лодку!“ Пока мы вскакивали въ нее, она наклонилась сначала въ одну, потомъ въ другую сторону, но, къ счастью, не опрокинулась, и минуту спустя наша хрупкая ладья неслась внизъ по рѣкѣ въ круговоротѣ льдинъ, которыя мы старались, по возможности, отталкивать веслами и шестами. Двое мужчинъ взялись за весла, а Зябликовъ, сидя на рулѣ, ловко лавировалъ среди льдинъ. Теченіемъ насъ отнесло почти на версту внизъ по рѣкѣ; когда мы достигли противоположнаго берега, высадиться на тонкомъ обманчивомъ ледяномъ покровѣ оказалось гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ раньше самый спускъ лодки. Въ то время какъ мы при помощи шестовъ пытались удержаться возлѣ прочныхъ ледяныхъ массъ, я ежеминутно ожидалъ, что наша лодка будетъ раздавлена или опрокинута тяжелыми ледяными глыбами; въ концѣ концовъ намъ удалось проникнуть довольно далеко въ самую ледяную кайму. Зябликовъ вскочилъ на небольшое возвышеніе и укрѣпилъ лодку; я же, послѣдовавъ его примѣру, сдѣлалъ неудачный прыжокъ и очутился въ водѣ до самаго пояса. Такъ какъ эта неожиданная ванна при холодной погодѣ могла бы повлечь за собою серьозныя послѣдствія, то выскочивъ на берегъ, я предоставилъ Зябликову и его товарищамъ вытащить лодку на сушу, а самъ опрометью бросился по направленію къ городу и укрылся въ первой попавшейся лавкѣ. Обсушившись и согрѣвшись, я телеграфировалъ секретарю при посольствѣ Соединенныхъ Штатовъ въ Петербургѣ г. Вурцъ, извѣщая его о мѣстѣ нашего пребыванія. Затѣмъ я сторговался съ хозяиномъ лошадей, условившись съ нимъ, что онъ довезетъ насъ по направленію къ Карѣ до первой крестьянской избы, нанялъ стараго проводника, по имени Никифора, досталъ сѣдла и еще кое-что необходимое, а подъ вечеръ

благополучно совершилъ вторичный опасный переѣздъ черезъ рѣку къ дому Зябликова.

Въ пятницу, чѣмъ свѣтъ, мы осѣдлали лошадей, чтобы начать путешествіе въ рудники. Весь нашъ багажъ состоялъ изъ одѣялъ, записныхъ книжекъ, съѣстныхъ припасовъ, фотографическаго аппарата и дюжины пластинокъ. Стало значительно теплѣе, термометръ показывалъ —6° R., но небо было сѣрое и погода ненадежная, — началась небольшая метель, и когда мы достигли вершины перваго высокаго хребта и передъ нами открылась дикая, одинокая горная мѣстность, по которой намъ лежалъ путь, я на минуту упалъ духомъ. Слабость послѣ болѣзни, которую я перенесъ въ Троицкосавскѣ, еще не прошла, а между тѣмъ уже началась зима, и я боялся, что у меня не хватитъ силъ проѣхать верхомъ 120 верстъ по опасной тропинкѣ. Кромѣ того, для такой поѣздки у насъ нехватало подходящаго снаряженія. Такъ какъ мы надѣялись достигнуть Кары въ лодкѣ, то не запаслись теплыми спальными мѣшками; наши полушубки совсѣмъ не защищали колѣнъ; мы не имѣли мѣховыхъ шапокъ, а наши валенки были такъ широки, что не входили въ стремена, и это заставляло насъ или ѣхать безъ валенокъ или же отказаться отъ стремянъ. Къ счастью, горная тропинка вначалѣ была довольно сносной, а погода неособенно холодной, такъ что за день мы безъ особаго труда проѣхали 30 верстъ. Ночь мы провели въ небольшой деревушкѣ Ломы на берегу Шилки, спали въ избѣ на полу вмѣстѣ со взрослыми и дѣтьми, и въ субботу утромъ послѣ завтрака, состоявшаго изъ чая, чернаго хлѣба и холоднаго рыбнаго пирога, опять тронулись въ путь на новыхъ лошадяхъ и съ другимъ проводникомъ. За ночь стало холодно и ясно, и термометръ показывалъ —17° R, когда мы усѣлись въ сѣдла. Лошади были покрыты инеемъ, ноздри ихъ обледянѣли, и онѣ, повидимому, такъ же нетерпѣливо порывались впередъ, какъ и мы. Послѣ Ломы началась тяжелая часть пути. Дорога то извивалась среди дикихъ остроконечныхъ горъ, сворачивая по временамъ на сѣверъ, чтобы обойти пропасти и ущелья, то поднималась зигзагами по крутымъ откосамъ преграждавшихъ нашъ путь огромныхъ хребтовъ; иногда она проходила по узкому выступу скалы высоко надъ темными, покрытыми льдомъ водами Шилки, гдѣ, въ случаѣ паденія лошади, нашему сибирскому путешествію былъ бы положенъ преждевременный конецъ. Надо признать за особое счастье, что во время этой поѣздки на Кару съ нами не случилось непріятнаго приключенія.

Наши лошади не были хорошо подкованы, а тропинка, среди замерзшихъ ручейковъ и горныхъ рѣчекъ, была во многихъ мѣстахъ покрыта льдомъ, поверхъ котораго лежалъ тонкій слой снѣга, такъ что при крутыхъ опасныхъ спускахъ, даже послѣ тщательнаго осмотра, было невозможно опредѣлить, будутъ ли лошади въ состояніи удержаться. Въ теченіе всей субботы и воскресенья мы, большею частью, шли пѣшкомъ отчасти потому, что сидѣть на сѣдлѣ при такомъ морозѣ было невозможно, отчасти не надѣясь на лошадей на скользкой тропинкѣ. Трехдневная верховая ѣзда, ходьба пѣшкомъ и мытарства

по крутымъ горамъ при температурѣ отъ —14° до —20° R истощили мои послѣднія силы, и, когда въ воскресенье поздно вечеромъ мы достигли деревни Шилкино, мой слабый пульсъ показывалъ крайнюю степень утомленія. Къ счастью, самая трудная часть пути была уже пройдена. До Усть-Кары, самаго южнаго поселенія арестантовъ, оставалось только еще 15—18 верстъ; дорога между этими двумя пунктами не представляла особыхъ трудностей, и въ полдень понедѣльника мы сошли съ нашихъ усталыхъ лошадей въ большомъ селѣ у устья рѣки Кары. Продрогшіе и окоченѣвшіе, мы вошли въ избу знакомаго нашему проводнику крестьянина и улеглись кто на чемъ попало.

Карійскіе рудники, составляющіе частное владѣніе Государя Императора и разрабатываемые въ его пользу, состоятъ изъ золотыхъ пріисковъ, которые, съ неправильными промежутками, расположены вдоль небольшой быстрой рѣчки Кары. Послѣдняя беретъ свое начало на водораздѣлѣ Яблоноваго хребта, протекаетъ 60—75 верстъ въ юго-восточномъ направленіи и между Срѣтенскомъ и устьемъ Аргуни впадаетъ въ Шилку. Слово „Кара", по-татарски обозначающее „черный", первоначально употреблялось, какъ названіе этой рѣчки, теперь уже распространено на всѣ тюрьмы, рудники и поселенія ссыльныхъ, расположенные въ долинѣ Кары. Эти тюрьмы, рудники и поселенія имѣютъ, впрочемъ, еще особыя названія; они, въ направленіи съ юга на сѣверъ, расположены въ такомъ порядкѣ: Усть-Кара, нижняя тюрьма, политическая тюрьма и нижній золотой пріискъ; Средняя Кара; Верхняя Кара, верхняя или амурская тюрьма. Управленіе всѣмъ Карійскимъ округомъ сосредоточено въ нижнемъ пріискѣ, гдѣ живетъ начальникъ тюремъ для обыкновенныхъ преступниковъ и гдѣ находятся поселенія ссыльныхъ изъ 200—300 человѣкъ и одна-двѣ роты солдатъ. Этотъ пунктъ, на мой взглядъ, былъ болѣе всего удобенъ для насъ въ качествѣ постояннаго мѣстопребыванія какъ потому, что здѣсь жилъ начальникъ тюремъ, безъ разрѣшенія котораго мы не могли ничего предпринять, такъ и потому, что отсюда было всего лишь 1½ версты до политической тюрьмы, которая насъ, разумѣется, особенно интересовала. Въ виду этого мы оставили нашихъ лошадей и проводника въ Усть-Карѣ, а сами, пообѣдавъ и немного отдохнувъ, отправились къ нижнему пріиску. Дорога поднималась по лѣвому берегу Кары, по нешировой долинѣ, ограниченной низкими холмами съ молодыми лиственницами и соснами. Дно долины было покрыто большими кучами песку и гальки, которыя много лѣтъ тому назадъ въ поискахъ за золотомъ были вскопаны и промыты.

Какъ разъ въ сумерки мы достигли нижняго золотого пріиска, большой, широко раскинутой деревни съ низкими мазанками, длинными деревянными казармами, офицерскими домами, крытыми желѣзомъ, съ огороженными дворами и почернѣвшей ветхой тюрьмой типа восточно-сибирскихъ тюремъ. Казенныя зданія стояли съ нѣкоторой правильностью на большихъ площадяхъ или вдоль очень широкихъ улицъ и въ общемъ придавали центру деревни важный, приличный видъ, бывшій въ рѣзкомъ противорѣчіи съ полуразрушенными бара-

ками и избами поселенцевъ, выстроенными изъ неотесаннаго дерева. Избы эти были разбросаны въ безпорядкѣ по окраинамъ селенія или вдоль дороги въ Усть-Кару. Въ одномъ мѣстѣ на площади, гдѣ находились тюрьма и казармы, человѣкъ 40—50 арестантовъ, въ длинныхъ, сѣрыхъ халатахъ съ желтыми лоскутами на спинѣ, работали надъ новой постройкой. Они были окружены цѣпью казаковъ, одѣтыхъ въ тулупы, валенки и мѣховыя шапки; опершись на берданки, казаки неподвижно наблюдали за работавшими арестантами. На нѣкоторомъ разстояніи горѣлъ костеръ, надъ которымъ висѣлъ чайникъ; нѣсколько свободныхъ казаковъ окружало его, поставивъ возлѣ въ козлы свои ружья. Арестанты, неохотно работавшіе на пустынной покрытой снѣгомъ площади, и наблюдавшіе за ними казаки съ ружьями съ примкнутыми къ нимъ штыками, представляли въ сумракѣ холоднаго мрачнаго осенняго вечера печальную, удручающую картину.

Прежде всего мы поѣхали къ дому начальника тюремъ, чтобы разузнать, гдѣ намъ можно было бы остановиться на ночь. Полковникъ Потуловъ, высокій, представительный господинъ лѣтъ пятидесяти, принялъ насъ сердечно и сообщилъ, что исполняющій обязанности губернатора въ Читѣ извѣстилъ его по телеграфу о нашемъ прибытіи на Кару; онъ, однако, въ настоящее время не ожидалъ насъ въ виду того, что Шилка стала уже несудоходной. Г-ну Потулову казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобы пріѣзжіе изъ другихъ мѣстъ въ это время года рѣшились на опасную и тяжелую поѣздку черезъ горы. Онъ выразилъ свое удовольствіе по поводу нашего пріѣзда и заявилъ, что его домъ къ нашимъ услугамъ. Я отвѣтилъ ему, что мы вовсе не намѣревались стѣснять его и только просимъ указать намъ мѣсто для ночевки. Онъ добродушно улыбнулся, увѣряя насъ, что на Карѣ нѣтъ гостиницъ, кромѣ тѣхъ, которыя правительство содержитъ для грабителей, фальшивомонетчиковъ и убійцъ, и просилъ насъ принять его предложеніе и устроиться у него, какъ дома. Это мало соотвѣтствовало нашимъ намѣреніямъ и планамъ. Мы надѣялись найти себѣ помѣщеніе, гдѣ бы мы не находились постоянно подъ надзоромъ оффиціальныхъ лицъ; какимъ образомъ мы могли бы тайно познакомиться съ политическими ссыльными, если бы согласились сдѣлаться гостями начальника тюремъ? Но такъ какъ намъ не оставалось другого выбора, мы приняли приглашеніе полковника Потулова и черезъ десять минутъ уютно устроились въ большомъ, прекрасно обставленномъ домѣ и любовались большими зеркалами, роялью, мягкими коврами и удобными креслами, такъ давно уже не служившими намъ.

Въ то время въ карійскихъ тюрьмахъ и поселеніяхъ находилось до 1800 осужденныхъ на каторгу арестантовъ*). Половина ихъ находилась въ строгомъ заключеніи, остальные жили въ баракахъ или избушкахъ внѣ стѣнъ тюрьмы.

---

*) Согласно годичному отчету главнаго тюремнаго управленія, число арестантовъ въ карійскихъ тюрьмахъ и поселеніяхъ къ 1 января 1886 года — почти

Все время пребыванія арестанта въ карійскихъ рудникахъ распадается на два періода. Въ теченіе перваго онъ находится подъ строгимъ надзоромъ, — это, такъ сказать, „время испытанія". Если его поведеніе удостоивается одобренія тюремнаго начальства, то къ концу этого срока онъ освобождается отъ строгаго надзора и вступаетъ въ такъ называемую „вольную команду". Онъ попрежнему остается арестантомъ, осужденнымъ на каторгу, получаетъ свою ежедневную порцію изъ тюрьмы, не имѣетъ права переступить границъ поселенія безъ надлежащаго разрѣшенія, но зато можетъ поселиться вмѣстѣ съ другими исправившимися преступниками въ арестантскихъ баракахъ или жить со своей семьей въ собственной хатѣ; кромѣ того, онъ можетъ въ свободные часы работать для себя и пользуется нѣкоторой степенью свободы. Къ концу второго, такъ называемаго исправительнаго періода, онъ ссылается на пожизненное поселеніе въ какую-либо мѣстность Восточной Сибири.

Въ мое время имѣлось въ Карійскомъ тюремномъ округѣ семь тюремъ, которыя были расположены на протяженіи 30 верстъ вдоль р. Кары. Въ постепенныхъ поискахъ за золотомъ, настолько удалились вверхъ по теченію отъ нижняго пріиска и тюремъ Усть-Кары, что заключенные съ цѣпями на ногахъ никоимъ образомъ не могли два раза въ день дойти до пріисковъ, и потому поневолѣ бездѣйствовали. Непосредственный надзоръ за тюрьмами обыкновенныхъ преступниковъ находился въ вѣдѣніи смотрителей, подчиненныхъ полковнику Потулову; сторожевую службу отбывали казаки Карійскаго батальона, число которыхъ равнялось, приблизительно, 1000 человѣкъ. Обѣ политическія тюрьмы, — одна на нижнемъ пріискѣ для мужчинъ, другая въ Усть-Карѣ для женщинъ, — были подчинены надзору не полковника Потулова, а жандармскаго капитана Николина, прикомандированнаго сюда изъ Петербурга, въ распоряженіи котораго находилась тщательно подобранная тюремная стража изъ ста-сорока жандармовъ. Политическія тюрьмы тоже имѣли свою вольную команду, состоявшую въ то время изъ 12—15 лицъ обоего пола, которыя уже отбыли срокъ предварительнаго испытанія и жили близъ нижняго пріиска въ собственныхъ избахъ. Все это было намъ извѣстно еще до прибытія на Кару, и согласно съ этимъ мы намѣтили свои дальнѣйшіе планы.

Прежде всего мы хотѣли побывать въ тюрьмахъ обыкновенныхъ преступниковъ и увидѣть арестантовъ за работой въ рудникахъ, далѣе познакомиться съ политическими ссыльными вольной команды и, наконецъ, навѣстить политическія тюрьмы, чтобы, если даже намъ не удалось говорить съ заключенными революціонерами, то, по крайней мѣрѣ, хотя бы узнать, какъ они живутъ. Въ удачѣ перваго плана

черезъ два мѣсяца послѣ нашего пребыванія на Карѣ — доходило до 2507. Въ это число входило, однако, отъ 600 до 800 женщинъ и дѣтей, добровольно послѣдовавшихъ за своими мужьями и отцами (см. отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1886 годъ, стран. 46 и 47. Петербургъ. Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, изд. 1888 г).

я нисколько не сомнѣвался; относительно второго я былъ уже менѣе увѣренъ; а на третій у меня было мало надежды, хотя я во всякомъ случаѣ рѣшился сдѣлать все возможное, чтобы добиться цѣли. Мнѣ было совершенно неизвѣстно, какія распоряженія относительно насъ получилъ полковникъ Потуловъ; съ нами онъ обращался очень сердечно, не предлагалъ намъ щекотливыхъ вопросовъ и, когда, день спустя послѣ нашего прибытія, я просилъ у него разрѣшенія посѣтить тюрьмы и рудники, онъ позволилъ намъ это, ни минуты не колеблясь и не выказывая ни малѣйшаго признака удивленія. Онъ немедленно приказалъ подать лошадей и увѣрялъ насъ, что ему доставитъ большое удовольствіе проводить насъ.

Я не намѣренъ давать здѣсь подробное описаніе всѣхъ тюремъ, которыя намъ пришлось видѣть на Карѣ, и опишу только тѣ двѣ изъ нихъ, которыя показались мнѣ наиболѣе типичными, — самую худшую и самую лучшую.

Усть-Карійская тюрьма, которая въ санитарномъ отношеніи и по своему переполненію является самой негодной изъ всѣхъ тюремъ Карійской долины, лежитъ на ея окраинѣ, въ низменной болотистой мѣстности близъ впаденія Кары въ Шилку. Она была выстроена около 50 лѣтъ назадъ, когда правительство приступило къ разработкѣ золотыхъ розсыпей на Карѣ при помощи арестантовъ. Когда подходишь къ тюрьмѣ съ южной стороны, она производитъ впечатлѣніе длиннаго, низкаго каретнаго сарая, выстроеннаго изъ обтесанныхъ, но не выкрашенныхъ бревенъ, почернѣвшихъ отъ непогоды и времени. Вмѣстѣ съ огороженнымъ дворомъ она образуетъ почти правильный четыреугольникъ; двѣ изъ сторонъ его, имѣющихъ въ длину до 100 футовъ, представляютъ тюремныя зданія, а двѣ другія — частоколъ изъ толстыхъ, сверху заостренныхъ бревенъ, вышиною въ 25 футовъ. Когда мы подошли къ воротамъ, вооруженный казакъ, стоявшій подлѣ нихъ, выскочилъ изъ будки, взялъ ружье на караулъ и крикнулъ: „Старшій!“ — такъ обыкновенно призываютъ дежурнаго офицера. Казачій унтеръ-офицеръ подбѣжалъ съ громадной связкой ключей, отперъ висячій замокъ на калиткѣ въ большихъ деревянныхъ воротахъ и впустилъ насъ во дворъ тюрьмы. Три-четыре арестанта съ остриженными наполовину головами поспѣшно перебѣжали черезъ дворъ и скрылись въ зданіи тюрьмы. Мы поднялись по нѣсколькимъ ступенямъ, покрытымъ толстымъ слоемъ грязи и льда, и вошли чрезъ тяжелую деревянную дверь въ длинный, узкій, очень темный коридоръ съ неровнымъ мокрымъ и скользкимъ поломъ; воздухъ хотя и теплый, но сырой, былъ наполненъ ѣдкимъ, неподдающимся описанію запахомъ, — столь характернымъ для сибирскихъ тюремъ. Тотъ, кому хотя бы только разъ пришлось дышать имъ, не забудетъ его никогда, и всетаки онъ такъ мало похожъ на всѣ дурные запахи въ мірѣ, что я затрудняюсь, съ чѣмъ бы сравнить. Если читатель представитъ себѣ воздухъ подвала, каждый атомъ котораго столько разъ проходилъ чрезъ человѣческія легкія, что въ концѣ концовъ сталъ совершенно насыщеннымъ угольной кислотой, воздухъ, испорченный еще ѣдкими аммiачными испареніями долго немытаго человѣ-

ческаго тѣла, запахомъ сырого гніющаго дерева и вонью человѣческихъ экскрементовъ, — то и тогда онъ получитъ только приблизительное представленіе о запахѣ, свойственномъ сибирскимъ тюрьмамъ. Кто не привыкъ къ этому ужасному воздуху съ его болѣзнетворными микроорганизмами, для того онъ, безусловно, невыносимъ. Когда мы, войдя въ коридоръ и осторожно переступая по мокрому, скользкому, грязному полу, въ первый разъ вдохнули въ себя этотъ воздухъ, полковникъ Потуловъ, съ чувствомъ омерзѣнія и тошноты, обратился ко мнѣ съ возгласомъ: „Отвратительная тюрьма!"

Шедшій передъ нами казачій унтеръ-офицеръ открылъ тяжелую деревянную дверь первой камеры и крикнулъ: „смирно!" — какъ принято въ тюрьмѣ призывать къ тишинѣ арестантовъ какой-либо камеры, передъ входомъ въ нее офицера.

Мы очутились въ камерѣ, имѣвшей въ длину 24 фута, въ ширину 22 фута и въ высоту 8 футовъ; въ ней находилось 29 арестантовъ. Воздухъ въ ней былъ еще хуже, чѣмъ въ коридорѣ, такъ что со мной сдѣлалось дурно. Помѣщеніе освѣщалось двумя квадратными, снабженными прочной рѣшеткой, окнами, которыя были плотно вставлены и не могли открываться; нигдѣ не было видно приспособленій для вентиляціи. Даже каменная печь, нагрѣвавшая камеру, имѣла топку въ коридорѣ. Бревенчатыя стѣны камеры, нѣкогда выбѣленныя, а теперь почернѣвшія и покрытыя грязью, во многихъ мѣстахъ были запачканы кровью раздавленныхъ клоповъ. Деревянный полъ, — правда, недавно выметенный, — былъ покрытъ толстой корой притоптанной грязи. Вдоль трехъ стѣнъ были расположены нары, шириною около 6 футовъ, на которыхъ, вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія, арестанты спали близко прижавшись другъ къ другу, головою къ стѣнѣ, а ногами къ срединѣ камеры. Они не имѣли ни подушекъ, ни одѣялъ и должны были на ночь ложиться на голыя нары нераздѣтыми, прикрываясь, вмѣсто одѣялъ, своими сѣрыми халатами. Другой мебели, кромѣ наръ, печки и большой параши, въ камерѣ не было. Когда дверь на ночь запиралась, на каждаго изъ 29 заключенныхъ въ теченіе 8—10 часовъ приходилось 5 кубическихъ футовъ воздуха. Нигдѣ я не могъ замѣтить ни одной щели, чрезъ которую ночью могъ бы проникать свѣжій воздухъ.

Въ первой камерѣ мы пробыли только 2—3 минуты. Если не ошибаюсь, я первымъ вышелъ изъ камеры, — и сейчасъ еще живо припоминаю, съ какимъ чувствомъ облегченія я вдохнулъ въ себя воздухъ коридора. При входѣ въ тюрьму, этотъ самый воздухъ показался мнѣ отвратительнымъ, но онъ былъ все-таки настолько лучше воздуха переполненной камеры, что сравнительно съ послѣднимъ казался свѣжимъ и чистымъ. Мы поспѣшно осмотрѣли остальныя 7 камеръ тюрьмы, которыя всѣ были похожи на первую, незначительно отличаясь отъ нея только величиною, формой и числомъ заключенныхъ. Воздухъ былъ вездѣ одинъ и тотъ же, и результаты его можно было видѣть въ тюремной больницѣ, гдѣ среди болѣзней преобладали цынга, тифъ, малокровіе и чахотка. Никто на Карѣ и не думалъ скрывать того, что причину этихъ болѣзней надо искать въ гряз-

ныхъ переполненныхъ камерахъ, въ которыхъ заставляютъ жить арестантовъ.

— Круглый годъ свирѣпствуетъ здѣсь цынга,— говорилъ мнѣ тюремный врачъ.— Вы были въ тюрьмахъ и сами можете судить о санитарномъ состояніи ихъ. Такая грязь и переполненіе, естественно, должны вызывать заболѣванія. Въ настоящій моментъ въ госпиталѣ находится 140 больныхъ, а весною ихъ число зачастую доходитъ до 250*).

Большая часть этихъ случаевъ заболѣваній приходится на заключенныхъ въ тюрьмахъ числомъ менѣе 1000, но въ больничныхъ отчетахъ отмѣчены далеко не всѣ больные изъ числа поселенцевъ на Карѣ. Много арестантовъ вольной команды лежатъ больными въ своихъ собственныхъ избахъ, и даже въ тюремныхъ камерахъ насчитываются десятками больные, состояніе которыхъ признано не настолько еще тяжелымъ, чтобы ихъ слѣдовало помѣстить въ госпиталѣ, и безъ нихъ уже, быть можетъ, переполненный: случается, что арестантъ въ первой стадіи цынги въ теченіе 14 дней остается въ тюрьмѣ и своимъ присутствіемъ заражаетъ воздухъ, которымъ принуждены дышать его товарищи.

Осмотрѣвъ всѣ камеры мужской тюрьмы, мы, наконецъ, вышли опять на чистый, холодный, прекрасный воздухъ, прошли дворъ и чрезъ другія ворота въ частоколѣ попали въ женскую тюрьму,— такое же, но меньшее деревянное зданіе, заключавшее въ себѣ 2 большія, соединенныя другъ съ другомъ, камеры. Эти помѣщенія хорошо освѣщались и отапливались, были выше камеръ мужской тюрьмы, и въ нихъ приходилось на каждаго человѣка въ 2 раза больше воздуха; въ гигіэническомъ отношеніи эти камеры едва ли были лучше. Вслѣдствіе плохо устроенныхъ отхожихъ мѣстъ воздухъ былъ до такой степени зловонный, что съ трудомъ можно было дышать имъ. Полъ былъ въ невозможномъ состояніи; въ полусгнившихъ доскахъ его были большія темныя щели, куда женщины, повидимому, сливали помои. Я нагнулся надъ однимъ изъ этихъ отверстій, но ничего не

---

*) Когда въ 1857 году извѣстный Разгильдяевъ взялся добывать въ карійскихъ копяхъ 100 пудовъ золота въ годъ, въ карійскихъ тюрьмахъ болѣе 1000 арестантовъ заболѣло и умерло отъ цынги, тифа и переутомленія. Это было въ царствованіе Александра II Освободителя, и слѣдовало бы ожидать, что такіе ужасы и такая смертность въ его собственныхъ рудникахъ, если бы ему было объ этомъ доложено, должны были бы привлечь его вниманіе и заставить его употребить хотя бы ничтожную часть золота, купленнаго цѣною человѣческихъ жизней, на улучшеніе такой убійственной системы наказанія. Но ничего подобнаго не случилось. Десять лѣтъ прошло, а въ карійскихъ копяхъ, по словамъ Максимова, „господствовалъ все тотъ же порядокъ вещей, стояли все тѣ же тюрьмы, свирѣпствовала все та же цынга“, (см. „Сибирь и каторга“ С. Максимова, томъ I, стран. 102. Петербургъ, изд. 1871 г.). Съ 1885 г., когда мы посѣтили копи, прошло еще почти 20 лѣтъ, а слова отчета о состояніи тюремъ оставались все тѣ же: „здѣсь свирѣпствуетъ цынга въ теченіе цѣлаго года“.

Въ тюремныхъ госпиталяхъ и лазаретахъ Кары въ 1886 году было зарегистровано 4208 случаевъ заболѣваній, что, въ среднемъ, за день составляетъ 117 случаевъ (см. отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1886 годъ, страницы 46 и 47).

могъ разглядѣть въ темнотѣ, — меня только еще болѣе поразила вонь отъ разлагающихся органическихъ веществъ и сырость, несшіяся изъ этихъ щелей, — до того ужасная, что я не рѣшился во второй разъ дышать этими міазмами. Также и въ женской тюрьмѣ не находилось другой мебели, кромѣ наръ, не имѣвшихъ постельнаго бѣлья. Ни въ одной камерѣ я не замѣтилъ ни подушки, ни одѣяла. Въ этихъ камерахъ содержалось 48 дѣвушекъ и женщинъ; у 6—7 изъ послѣднихъ на рукахъ были блѣдныя, болѣзненныя, грудныя дѣти.

Во время осмотра тюремъ несчастные арестанты то и дѣло обращались къ полковнику Потулову съ жалобами или просьбами. Одинъ изъ мужчинъ по пути, въ пьяномъ видѣ, обмѣнялся съ товарищемъ фамиліями и долженъ былъ вслѣдствіе этого отбывать каторжныя работы вмѣсто того, чтобы жить гдѣ-либо въ качествѣ поселенца; онъ просилъ принять во вниманіе его дѣло. Другой утверждалъ, что его слѣдуетъ перевести въ вольную каманду, такъ какъ срокъ его тюремнаго заключенія уже давно истекъ. Трое заявили, что они въ теченіе двухъ мѣсяцевъ находятся въ тюрьмѣ и не знаютъ, за какую вину они содержатся. Много арестантовъ обращалось ко мнѣ, принимая меня за инспектора, командированнаго для ревизіи карійскихъ тюремъ. Чтобы избавить отъ непріятностей полковника Потулова и предупредить возможность наказанія недовольныхъ, я всякій разъ спѣшилъ заявить, что не въ нашей власти сдѣлать что-либо для нихъ, что мы — обыкновенные путешественники, посѣтившіе Кару изъ-за любопытства. Жалобы и ужасное состояніе тюремъ, повидимому, испортили настроеніе г. Потулову; онъ становился все молчаливѣе, но не дѣлалъ попытки что-либо объяснить, защитить или оправдать; ни тогда, ни впослѣдствіи онъ не спрашивалъ меня о томъ впечатлѣніи, которое произвели на меня тюрьмы въ Усть-Карѣ. Ему было слишкомъ хорошо извѣстно, какое впечатлѣніе онѣ должны были произвести.

На другомъ, также обнесенномъ частоколомъ дворѣ, рядомъ съ тѣмъ, который мы уже прошли, находилась женская политическая тюрьма, но полковникъ Потуловъ не могъ показать ее намъ безъ разрѣшенія жандармскаго капитана Николина. На основаніи справокъ, наведенныхъ мною объ этой тюрьмѣ впослѣдствіи, я могъ вывести заключеніе, что она чище и менѣе переполнена, чѣмъ тюрьмы уголовныхъ преступниковъ, но ничѣмъ не отличается отъ нихъ въ отношеніи удобствъ и санитарнаго состоянія.

Во вторникъ днемъ мы осмотрѣли тюрьму Средней Кары, — пожалуй, самую лучшую въ Карійскомъ округѣ. Отъ нижняго пріиска до нея было около 5 верстъ; дорога шла по правому берегу Кары, по однообразной долинѣ, покрытой снѣгомъ, въ которой то здѣсь, то тамъ виднѣлись полуразвалившіяся избушки вольной команды. Болѣе жалкаго жилища, чѣмъ эти лачуги, нельзя себѣ и представить: нѣкоторыя изъ нихъ — скорѣе собачьи конуры, сколоченныя изъ валежника и досокъ. Прямо-таки непонятно, какимъ образомъ люди могутъ пережить въ этихъ ямахъ суровую сибирскую зиму.

Введеніемъ вольной команды при карійскихъ тюрьмахъ преслѣдовалась цѣль содѣйствовать исправленію арестантовъ, обѣщая имъ въ

награду за хорошее поведеніе освобожденіе изъ тюрьмы и улучшеніе ихъ положенія. Мнѣ кажется, однако, что эта цѣль не приводитъ къ желаемымъ результатамъ. Вольная команда гораздо больше деморализуетъ, чѣмъ исправляетъ арестантовъ, въ гораздо большей степени содѣйствуетъ пьянству и преступности, чѣмъ искореняетъ ихъ, даже дѣйствительно исправляющимся преступникамъ не даетъ должной увѣренности въ улучшеніи ихъ положенія и, наконецъ, является причиной того, что каждыя десять лѣтъ отсюда бѣжитъ въ общемъ 3000—4000 самыхъ отчаянныхъ уголовныхъ преступниковъ, отъ которыхъ впослѣдствіи приходится страдать мирному населенію Сибири. Разрѣшеніе женамъ и дѣтямъ арестантовъ сопровождать своихъ мужей и родителей въ Сибирь и ихъ часто одинокая и беззащитная жизнь въ вольной командѣ влечетъ за собою безнравственность. Такія женщины и дѣти содержатся или, по крайней мѣрѣ, поддерживаются правительствомъ въ надеждѣ, что они впослѣдствіи, создавая семейную обстановку, будутъ оказывать благотворное вліяніе на преступныхъ мужей или отцовъ; но результатъ этого попеченія рѣдко соотвѣтствуетъ ожиданіямъ. Большинство женщинъ и дѣвушекъ ведутъ въ поселеніяхъ легкомысленную, безнравственную жизнь, даже если бы онѣ и остались неиспорченными въ 200—300 переполненныхъ этапахъ и тюрьмахъ. Вполнѣ понятно, что арестантъ вольной команды мало заинтересованъ въ томъ, чтобы исправиться или устроиться со своей семьей по-домашнему, разъ онъ знаетъ, что черезъ сравнительно короткое время онъ будетъ отправленъ въ какую-либо другую мѣстность Сибири и лишится всѣхъ матеріальныхъ результатовъ, добытыхъ тяжелымъ и самоотверженнымъ трудомъ. Поэтому во время своего пребыванія въ вольной командѣ онъ старается какъ можно меньше работать, предаваясь тѣмъ больше порокамъ. Сотни, если не тысячи, арестантовъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ перечисленія въ вольную команду только потому, что тогда имъ представится удобный случай для бѣгства. Каждое лѣто, какъ только погода становится достаточно теплой для жизни подъ открытымъ небомъ, часть вольной команды убѣгаетъ въ лѣса,— и по направленію къ Байкалу льется тогда непрерывный потокъ бѣглецовъ. Этому стремленію на родину даетъ сигналъ кукушка; бѣжать, на языкѣ преступника, значитъ „исполнить приказаніе генерала Кукушки". Ежегодно болѣе 300 арестантовъ вольной команды пристаютъ къ арміи „генерала Кукушки", и по всей Сибири число бѣглыхъ ссыльныхъ и преступниковъ, послѣдовавшихъ призыву этого популярнаго офицера, превышаетъ 30.000 человѣкъ. Много изъ карійскихъ арестантовъ, которые раннимъ лѣтомъ „исполнили приказъ генерала Кукушки", въ ближайшую зиму возвращаются опять въ копи подъ другимъ именемъ и въ цѣпяхъ; но цѣлыхъ три мѣсяца они наслаждались свободою и дышали свѣжимъ вольнымъ воздухомъ лѣсовъ, горъ и степей. У многихъ арестантовъ страсть бродяжить по непроходимымъ лѣсамъ и обширнымъ равнинамъ восточной Сибири переходитъ въ настоящую манію. Надежда на полную удачу бѣгства ничтожна; они знаютъ, что цѣлыми мѣсяцами будутъ жить какъ затравленные звѣри, питаться ягодами и

кореньями, спать на холодной и нерѣдко мокрой землѣ, переносить безчисленныя лишенія и невыразимую нужду, почти на каждомъ шагу смотрѣть въ глаза смерти,— и все-таки весною, чуть только въ первый разъ раздался крикъ кукушки, ими овладѣваетъ неутолимая, страстная тоска по вольной, полной приключеній жизни бродяги.

— У меня однажды былъ въ качествѣ слуги арестантъ,— разсказывалъ мнѣ одинъ изъ чиновниковъ на Карѣ,— который принадлежалъ къ неисправимымъ бѣглецамъ; отъ времени до времени онъ убѣгалъ просто потому, что его влекла жизнь бродяги. Ему всякій разъ приходилось переносить ужасныя лишенія, безъ всякой надежды убѣжать за предѣлы Сибири. Рано или поздно, его всегда опять приводили въ цѣпяхъ обратно и строго наказывали, но ничего не могло отучить его отъ обычнаго бѣгства. Наконецъ, когда онъ состарѣлся и посѣдѣлъ, онъ однажды весеннимъ утромъ явился ко мнѣ — онъ жилъ тогда въ вольной командѣ — и сказалъ: „Баринъ, я просилъ бы васъ приказать запереть меня“.— „Запереть?“ воскликнулъ я, „за что же? въ чемъ ты провинился?“— „Рѣшительно ни въ чемъ, но вы вѣдь знаете, что я бродяга. Я убѣгалъ безчисленное число разъ, и теперь сдѣлаю тоже самое, если меня не запрутъ. Я ужъ старъ и не могу, какъ раньше, жить въ лѣсу, но когда зоветъ „генералъ Кукушка“, я не могу противостоять. Прикажите поэтому запереть меня, чтобы я не могъ убѣжать“. Я исполнилъ его желаніе,— продолжалъ чиновникъ,— и держалъ его большую часть лѣта въ тюрьмѣ. Когда его опять освободили, то жажда бродячей жизни его покинула, и онъ сталъ спокойнымъ и довольнымъ“.

Въ этомъ разсказѣ бѣднаго, стараго бродяги было что-то трогательное. Подобно тому, какъ Одиссей приказалъ привязать себя къ мачтѣ, чтобы противостоять соблазну сиренъ, такъ старый бродяга просилъ заключить его въ тюрьму, чтобы не слышать крика кукушки, который былъ такъ тѣсно связанъ въ его представленіи со счастьемъ и свободой.

Читатель, быть можетъ, удивляется, что арестанты могутъ убѣгать изъ поселенія, охраняемаго тысячью казаковъ, но, если принять во вниманіе всѣ обстоятельства, въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго. Жилища арестантовъ вольной команды не охраняются, поселеніе не окружено военной цѣпью,— и такимъ образомъ нѣтъ никакихъ препятствій для совершенія побѣга: арестантъ, рѣшившійся на это, беретъ мѣшокъ съ провіантомъ, составившимся изъ сбереженій отъ ежедневныхъ порцій, привязываетъ къ поясу чайникъ и, подъ защитой темной ночи, бѣжитъ въ дѣвственный лѣсъ, со всѣхъ сторонъ обступившій поселеніе. Къ этому надо прибавить тотъ извѣстный фактъ, что много тюремныхъ чиновниковъ смотрятъ на побѣгъ арестантовъ сквозь пальцы, такъ какъ они могутъ извлекать изъ этого себѣ пользу. Они просто умалчиваютъ о бѣжавшихъ арестантахъ и по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ продолжаютъ принимать назначаемыя для нихъ платья и порціи, которыя и продаютъ евреямъ-торговцамъ. Часто именно эти самые торговцы являются поставщиками тюремъ и продаютъ правительству по высокой цѣнѣ муку и платья,

украденныя правительственными чиновниками. Для безсовѣстнаго начальника тюрьмы всякій умершій или бѣжавшій арестантъ является источникомъ обильнаго дохода до тѣхъ поръ, пока его смерть или бѣгство могутъ быть скрыты и имена ихъ не вычеркнуты изъ списка заключенныхъ. При такихъ обстоятельствахъ едва ли можно ожидать энергичныхъ мѣръ противъ побѣговъ или для поимки уже бѣжавшихъ.

Тюрьма Средней Кары, расположенная въ поселеніи того же имени,— одноэтажное деревянное зданіе средней величины, длинной стороной прилегающее къ улицѣ, а съ другой — окруженное высокимъ частоколомъ, внутри котораго находится почти квадратный дворъ. По своему виду и обстановкѣ она мало отличалась отъ тюрьмы въ Усть-Карѣ, но въ санитарномъ отношеніи была лучше и представляла, повидимому, сравнительно новую постройку. Такъ какъ во время нашего пребыванія здѣсь почти всѣ заключенные въ этой тюрьмѣ были на работѣ въ верхнемъ пріискѣ, то я не могъ установить, переполнена ли она по ночамъ, или нѣтъ. Полковникъ Потуловъ, на мой вопросъ, отвѣтилъ, что число заключенныхъ здѣсь доходитъ до 107. Нѣсколько находившихся въ тюрьмѣ арестантовъ были по болѣзни освобождены на время отъ тяжелой работы или же остались здѣсь для домашнихъ работъ (стряпни и чистки помѣщенія). Атмосфера въ камерахъ была удушливая, но показалась мнѣ несравненно лучше и чище, чѣмъ въ тюрьмѣ Усть-Кары; этимъ воздухомъ можно было, по крайней мѣрѣ, дышать безъ отвращенія. Для уменьшенія характернаго для сибирскихъ тюремъ запаха, на стѣнахъ, повыше наръ, были прикрѣплены свѣжія еловыя вѣтви. Въ нѣкоторыхъ камерахъ между такими вѣтвями я замѣтилъ таблицы, дюймовъ 20 длины и 12 ширины, на которыхъ крупными буквами были напечатаны изреченія изъ Новаго Завѣта; напримѣръ „Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы“. Откуда взялись эти таблицы, мнѣ неизвѣстно, но мнѣ казалось, что мрачныя стѣны острога и праздничное вѣчно зеленое убранство, голыя, кишащія паразитами нары и обѣщаніе позаботиться о труждающихся и обремененныхъ находились другъ съ другомъ въ рѣзкомъ противорѣчіи. Громаднымъ благодѣяніемъ для арестантовъ, при ихъ тяжелой работѣ, явился бы сносный физическій покой; это видно было и изъ попытокъ арестантовъ самимъ устроить себѣ мягкое ложе: нѣкоторые сдѣлали себѣ на жесткихъ нарахъ подобіе тонкихъ матрацовъ изъ груды тряпокъ и лоскутьевъ сукна, вырѣзанныхъ ими изъ полъ своихъ сѣрыхъ халатовъ. Эти незатѣйливые матрацы были такъ тонки, что едва ли оказывали большое облегченіе. Мнѣ кажется жестокимъ, что русское правительство для своихъ арестантовъ жалѣетъ даже соломы. Цивилизованные люди предоставляютъ эту роскошь даже собакамъ, а русское правительство заставляетъ людей не только работать въ рудникахъ 10—12 часовъ, но и спать послѣ этой изнурительной работы на голыхъ доскахъ и, какъ бы желая утѣшить ихъ въ нуждѣ, навѣшиваетъ на грязныя стѣны острога обѣщанія Іисуса Христа: „Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы“.

Г-нъ Фростъ и я осмотрѣли самымъ тщательнымъ образомъ десять тюремъ въ Забайкальѣ, и ни въ одной изъ нихъ, за исключенiемъ новой центральной тюрьмы въ Верхнеудинскѣ, не нашли ни матраца, ни подушки, ни одѣяла. Вездѣ заключенные спятъ въ своихъ сѣрыхъ халатахъ на жесткихъ, деревянныхъ нарахъ; почти вездѣ ихъ одолѣваютъ паразиты, и они принуждены дышать испорченнымъ, почти лишеннымъ кислорода воздухомъ. Того, кто считаетъ, что я преувеличиваю, я отсылаю къ описанiю тюрьмы нижняго прiиска въ сочиненiи Максимова „Сибирь и каторга“ (томъ I, стран. 100—103), къ описанiю старой тюрьмы въ Верхнеудинскѣ у Орфанова, на общiя указанiя этого писателя о восточно-сибирскихъ тюрьмахъ и тюремномъ управленiи во второй части его книги*).

Я не первый уже критикую эти тюремные недостатки: они и раньше, и притомъ въ Россiи и русскимъ писателямъ, служили предметомъ обсужденiя. Яостанавливаюсь на нихъ и повторяю ихъ не потому, что это мнѣ нравится, но потому, что эти вопiющiе недостатки слѣдуетъ неустанно подчеркивать до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, русскому правительству не заблагоразсудится принять надлежащiя мѣры для искорененiя этого зла.

Покончивъ съ осмотромъ камеръ тюрьмы Средней Кары, мы посѣтили ея кухню. Каторжники на Карѣ получаютъ ежедневно 3 фунта чернаго хлѣба, около 1/4 фунта (включая сюда кости) мяса и небольшое количество ячменя, изъ которыхъ варится обыкновенно похлебка, и немного кирпичнаго чаю. При случаѣ они достаютъ себѣ также картофель или зелень, но такую роскошь они могутъ позволить себѣ только за деньги, или полученныя ими за сверхурочную работу, или сбереженныя. Пища по количеству показалась мнѣ достаточной, но слишкомъ однообразной, къ тому же было мало растительной пищи. Я попробовалъ хлѣбъ; онъ походилъ на обычный крестьянскiй, но былъ сырой, тяжелый и плохо испеченный. Мясо, которое не разъ при мнѣ раздавалось арестантамъ, послѣ того какъ оно было сварено и разрѣзано на отдѣльныя порцiи, имѣло неаппетитный видъ: оно напоминало куски жира, которые употребляются для фабрикацiи мыла. Время ежедневной ѣды арестантовъ распредѣлено слѣдующимъ образомъ: утромъ, послѣ переклички, каторжники завтракаютъ въ своихъ камерахъ, т.-е. пьютъ кирпичный чай и ѣдятъ черный хлѣбъ. Затѣмъ большинство изъ нихъ, отправляясь пѣшкомъ на прiиски, беретъ съ собою хлѣбъ и чай для второго завтрака, который они съѣдаютъ у костра подъ открытымъ небомъ при всякой погодѣ, иногда въ сильнѣйшiя зимнiя бури. Подъ вечеръ арестанты пѣшкомъ возвращаются въ свои камеры и, сидя на нарахъ, обѣдаютъ: горячiй супъ, мясо, хлѣбъ и иногда еще немного чаю. Послѣ вечерней переклички ихъ запираютъ на ночь; единственнымъ приготовленiемъ къ ночному от-

*) „Сибирь и каторга“ С. Максимова. Петербургъ, А. Треншель, 1871 г. „Афаръ“ М. И. Орфанова. Москва, Кушнеревъ и К°, 1883 г. Г-нъ Орфановъ пишетъ, напр. (и притомъ курсивомъ), что въ теченiе его девятилѣтней службы въ Сибири онъ „никогда не видалъ тюрьмы, въ которой не было бы двойного числа заключенныхъ противъ того, какое она могла бы вмѣщать“ (стран. 233).

дыху является установка въ камерахъ парашъ; нѣкоторые разстилаютъ свои тонкія подстилки или кладутъ подъ голову вмѣсто подушки какое-либо платье. Одежда каторжниковъ состоитъ или, вѣрнѣе, по закону должна состоять изъ грубой, холщевой рубахи, холщевыхъ подштанниковъ, выдаваемыхъ на 6 мѣсяцевъ, шапки, толстыхъ штановъ и сѣраго халата, выдаваемыхъ имъ разъ въ годъ; далѣе выдаются: полушубокъ на два года; пара „бродней" или легкихъ сапогъ на $3^1/_2$ мѣсяца — зимою и пара „котовъ" на 22 дня — лѣтомъ. О качествѣ пищи и одежды каторжниковъ можно составить себѣ представленіе по тому, что содержаніе арестанта въ рудникахъ, по словамъ полковника Потулова, обходится правительству около 100 рублей въ годъ или въ среднемъ 28 копеекъ въ день.

Осмотрѣвъ тюрьму Средней Кары такъ подробно, какъ только позволили время и обстоятельства, мы поѣхали вверхъ по долинѣ, вышли изъ экипажа близъ поселенія Верхней Кары и направились по направленію къ рѣкѣ къ пріиску.

Золотоносный песокъ карійской долины лежитъ на глубинѣ 10—12 футовъ, подъ слоемъ глины, гальки или камней. Работа каторжниковъ состоитъ въ удаленіи верхняго слоя и доставкѣ золотоноснаго песку къ золотопромывальной машинѣ, гдѣ его смѣшиваютъ съ водою въ большой желѣзной воронкѣ. Отсюда песокъ вмѣстѣ съ водою выпускается въ рядъ плоскихъ наклонныхъ желобовъ, гдѣ „черный песокъ" и частицы золота осаждаются на дно, поперечныя же перекладины въ желобѣ мѣшаютъ имъ спуститься внизъ.

Первый осмотрѣнный нами пріискъ при скудномъ освѣщеніи зимняго дня произвелъ на насъ грустное впечатлѣніе. 30—40 каторжниковъ, окруженные цѣпью казаковъ, работали въ песчаной ямѣ, дно которой, повидимому, нѣкогда было русломъ рѣки. Одни ломами разбивали твердый слой глины и гальки, другіе накладывали лопатами разрыхленную массу въ носилки, третьи уносили ихъ за 70—95 саженъ и тамъ опоражнивали. Машины стояли, и вся работа сосредоточивалась на вскрываніи верхняго слоя земли,— такъ называемыхъ торфовъ. Почти всѣ каторжники, съ цѣпями на ногахъ, работали неохотно, какъ будто они устали и ожидали ночи. Тишина прерывалась только стукомъ ломовъ, изрѣдка короткимъ, рѣзкимъ окрикомъ надзирателя или звономъ цѣпей, когда арестанты попарно несли носилки. Разговоровъ не было, голоса раздавались только на нѣкоторомъ разстояніи, гдѣ нѣсколько солдатъ пытались развести огонь, чтобы заварить себѣ чаю и обогрѣться. Въ теченіе 15 минутъ мы слѣдили за работой, а затѣмъ, продрогшіе и удрученные грустнымъ зрѣлищемъ, вернулись въ нижній пріискъ. Въ карійскихъ рудникахъ зимою работаютъ съ 7 час. утра до 5 час. вечера, лѣтомъ съ 5 час. утра до 7 час. вечера. Значительная часть этого времени уходитъ на дорогу изъ тюремъ къ пріискамъ и обратно въ тюрьмы, гдѣ арестанты ночуютъ. Эти копи приносятъ въ годъ около 11 пудовъ золота, которое все идетъ въ пользу Императора. Дѣйствительная добыча золота въ копяхъ значительнѣе; дѣло въ томъ, что много арестантовъ вольной команды тайно добываютъ золото и продаютъ его торговцамъ, которые, въ

свою очередь, контрабандой перевозятъ его за китайскую границу. Владѣть „золотымъ пшеномъ“, какъ называютъ золото арестанты, считается въ Сибири проступкомъ, подлежащимъ наказанію. Но выгоды тайной торговли золотомъ такъ велики, что много мелкихъ спекуляторовъ рѣшаются покупать золото у арестантовъ, которые утверждаютъ, что „золото — Божье добро“, и отсюда выводятъ заключеніе, что имѣютъ право добывать его для себя, если только они ухитрятся сдѣлать это безъ слишкомъ большого риска быть уличенными и понести наказаніе.

Полковникъ Потуловъ оцѣниваетъ расходы на содержаніе карійскихъ поселеній въ 500.000 рублей въ годъ. Участвуетъ ли въ покрытіи — этого расхода и притомъ какою суммою Императоръ, который единолично пользуется плодами труда каторжниковъ, я не могъ узнать. Всѣ его золотые пріиски Восточной Сибири, такъ называемые кабинетскіе, доставляютъ ему въ годъ около 100 пудовъ чистаго золота.

XIV.

Вольная команда карійскихъ рудниковъ.

Во время нашего пребыванія на карійскихъ рудникахъ мы больше всего интересовались жизнью политическихъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ. Уголовныхъ, осужденныхъ на каторгу преступниковъ, какъ-то: убійцъ, фальшивомонетчиковъ и грабителей, мы могли видѣть и видѣли во многихъ другихъ мѣстахъ, но политическихъ арестантовъ*) можно было встрѣтить только въ тюрьмахъ и поселеніяхъ Кары, и именно здѣсь слѣдовало наблюдать ихъ жизнь. Для достиженія нашей цѣли мы должны были побывать въ обѣихъ политическихъ тюрьмахъ и имѣть возможность свободно вращаться въ небольшомъ обществѣ государственныхъ преступниковъ, окончившихъ срокъ испытанія и жившихъ подъ надзоромъ въ вольной командѣ. Мы знали, что насъ ожидаетъ масса препятствій, но теперь уже не были тѣми неопытными туристами, которые полагали, что имъ слѣдуетъ считаться съ рекомендательными письмами и оффиціальными разрѣшеніями. Мы въ теченіе полугода находились на обученіи въ той школѣ, въ которой сами политическіе учатся проницательности; мы прекрасно изучили тактику подозрительныхъ полицейскихъ чиновъ и жандармовъ и получили много полезныхъ указаній отъ политическихъ ссыльныхъ въ другихъ частяхъ Сибири,— почему же намъ было сомнѣваться въ успѣхѣ нашихъ начинаній?

---

*) Я употребляю здѣсь это слово съ нѣкоторой оговоркой для обозначенія политическихъ каторжниковъ или политическихъ преступниковъ, приговоренныхъ къ каторгѣ. Политическіе преступники находятся, конечно, и въ другихъ частяхъ Сибири, но всѣ политическіе, отбывающіе каторгу, находятся въ карійскихъ тюрьмахъ и поселеніяхъ.

Мнѣ показалось самымъ лучшимъ завязать прежде всего какъ можно больше дружескихъ связей, чтобы выяснить себѣ общественныя и офиціальныя отношенія на Карѣ, не проявлять ни малѣйшаго интереса къ политическимъ преступникамъ, тщательно слѣдить за всѣмъ окружающимъ — и ждать: можетъ быть, намъ со-временемъ улыбнется счастье, а слишкомъ опрометчивые шаги могли бы оказаться для насъ роковыми. Мы пока осматривали тюрьмы обыкновенныхъ преступниковъ и золотые пріиски, бесѣдовали съ чиновниками, которые насъ посѣщали, и старались быть пріятными полковнику Потулову и его красивой женѣ и изучать положеніе дѣла. Вскорѣ я пришелъ къ убѣжденію, что просить разрѣшеніе посѣтить политическихъ вольной команды — совершенно безполезно и что познакомиться съ ними будетъ возможно только тайнымъ образомъ. Большинство ихъ я зналъ по имени и званію. У меня было рекомендательное письмо къ одной изъ этихъ ссыльныхъ — г-жѣ Натальѣ Армфельдтъ, а ея друзья снабдили меня также планомъ нижняго пріиска, на которомъ была отмѣчена избушка, гдѣ она жила со своей матерью. Но какимъ образомъ я могъ бы навѣстить ее и тайно поговорить съ ней въ небольшомъ поселеніи, наполненномъ казаками и жандармами, гдѣ за каждымъ пріѣзжимъ такъ тщательно слѣдятъ и такъ глазѣютъ на него по улицамъ, какъ будто бы онъ былъ однимъ изъ всесильныхъ міра сего? Но и это бы еще не бѣда. Вскорѣ мнѣ бросилось въ глаза, что полковникъ Потуловъ ни на минуту не покидаетъ насъ. Съ момента нашего пріѣзда онъ оставилъ всѣ свои служебныя обязанности и посвятилъ себя исключительно намъ. Если мы оставались весь день дома, то и онъ былъ съ нами. Если мы уходили, то онъ провожалъ насъ. Замѣтивъ, что я поглядываю на свою шляпу и пальто, онъ немедленно спрашивалъ меня: „Куда вы идете?“ Получивъ отвѣтъ, что я намѣренъ прогуляться, онъ говорилъ мнѣ: „Подождите минуточку, я пойду съ вами“. Что же оставалось дѣлать? Повидимому, онъ желалъ, чтобы мы не видали нѣкоторыхъ вещей на Карѣ и чтобы намъ не представилось случая для безконтрольныхъ наблюденій. Я вполнѣ понималъ его положеніе старшаго чиновника, и мнѣ не хотѣлось причинить ему неудовольствіе или непріятность; но я предпринялъ изслѣдованіе истиннаго положенія дѣлъ на Карѣ и, для достиженія этой цѣли, рѣшилъ пустить въ ходъ всѣ средства, которыя не противорѣчатъ чести и приличію. То обстоятельство, что мы были въ качествѣ гостей у полковника Потулова, налагало на насъ извѣстную обязанность и дѣлало наше положеніе, съ точки зрѣнія общественныхъ приличій, еще болѣе щекотливымъ и труднымъ. Обмануть человѣка, гостепріимствомъ котораго мы пользуемся, или же скрывать отъ него наши настоящія намѣренія казалось намъ неблагодарнымъ и нетактичнымъ, и все-таки у насъ не оставалось другого выхода. Мы могли надѣяться на успѣхъ, только сохраняя втайнѣ наши планы. Если бы мы сообщили полковнику Потулову, что мы желаемъ видѣть политическихъ арестантовъ вольной команды, чтобы непосредственно отъ нихъ получить свѣдѣнія объ ихъ жизни и обращеніи съ ними, то онъ, по всей вѣроятности,

не одобрилъ бы нашего намѣренія, и мы, въ качествѣ его гостей, уже никоимъ образомъ не могли бы нарушить ясно выраженнаго имъ желанія. Въ теченіе нѣсколькихъ дней я думалъ надъ этимъ вопросомъ и въ концѣ концовъ рѣшилъ попытаться отыскать политическихъ арестантовъ прежде, чѣмъ полковникъ Потуловъ могъ бы такъ или иначе помѣшать мнѣ въ этомъ,— конечно, взявъ всю отвѣтственность на себя и дѣйствуя въ этомъ направленіи такимъ образомъ, чтобы на нашего гостепріимнаго хозяина не пало и тѣни подозрѣнія въ тайномъ содѣйствіи. Почему мы должны были считать себя связанными обязательствами, которыя налагало на насъ случайное гостепріимство, если воспользоваться послѣднимъ мы были, такъ сказать, вынуждены? Какъ только я пришелъ къ этому рѣшенію, я сталъ искать удобный случай для выполненія своего намѣренія; но я вскорѣ оказался опутаннымъ цѣлою сѣтью обстоятельствъ и личныхъ обязательствъ, что весьма затрудняло положеніе дѣла. На второй день по нашемъ прибытіи насъ посѣтилъ начальникъ политическихъ тюремъ, жандармскій капитанъ Николинъ. Онъ слышалъ о насъ и хотѣлъ узнать, кто мы такіе и что насъ привело сюда, въ эту страшную колонію арестантовъ. Первое впечатлѣніе, произведенное на меня г. Николинымъ, было весьма неблагопріятное, и меня поразило, съ какой презрительной, почти оскорбительной холодностью принялъ его полковникъ Потуловъ. Повидимому, между этими двумя офицерами были враждебныя отношенія, но меня удивляло что капитанъ Николинъ добровольно сносилъ такое невѣжливое обращеніе, которое большинству показалось бы равносильнымъ пощечинѣ. Но русскіе жандармскіе офицеры могутъ много сносить, лишь бы только добиться цѣли. Капитанъ Николинъ хотѣлъ познакомиться съ американскими путешественниками и, несмотря на холодный пріемъ, былъ веселъ и привѣтливъ, какъ майское утро. Мнѣ казалось подходящей военной хитростью въ данный моментъ обращаться съ нимъ какъ можно радушнѣе, стараясь не раздражать при этомъ полковника Потулова. Я хотѣлъ не только усыпить его бдительность, но попытаться заслужить довѣріе съ его стороны. „Должно льстить,—думалъ я,— даже жандармскому офицеру, что путешественники-иностранцы по отношенію къ нему предупредительны и радушны, когда его только что явно оскорбилъ свой же человѣкъ. Онъ могъ бы ожидать, что мы, въ качествѣ гостей полковника Потулова, послѣдуемъ его примѣру. Если же мы этого не сдѣлаемъ, то Николинъ высоко оцѣнитъ нашу вѣжливость, нашъ здравый смыслъ и наше умѣніе узнавать людей“. Мнѣ никогда не приходилось усомниться въ правильности этого заключенія. Николинъ, повидимому, былъ польщенъ неожиданными доказательствами нашего интереса и уваженія къ нему и, пожимая мнѣ на прощанье руку, выразилъ надежду на скорое свиданіе. Въ присутствіи полковника Потулова онъ не рѣшился пригласить насъ, а мы избѣгали заговорить съ нимъ о нашемъ будущемъ посѣщеніи его, какъ только мы освободимся отъ постояннаго бдительнаго надзора нашего хозяина. Тактъ и благоразуміе не позволили полковнику Потулову какъ-либо отозваться о Николинѣ, когда тотъ удалился; но

изъ позднѣйшихъ разговоровъ съ другими офицерами я узналъ, что отношенія между этими господами были самыя натянутыя и что Николина всѣ мѣстные чиновники презирали и ненавидѣли, какъ шпіона и доносчика.

— Обо всемъ, что бы здѣсь ни случилось, онъ посылаетъ подробныя сообщенія въ Петербургъ, — говорилъ мнѣ одинъ изъ чиновниковъ. — Для меня это безразлично, я не боюсь его. Въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ мы имѣли здѣсь, въ качествѣ начальниковъ политическихъ тюремъ, 4—5 жандармскихъ офицеровъ, и онъ самый противный изъ всѣхъ.

То, что я узналъ о Николинѣ и его отношеніяхъ къ Потулову, еще больше осложняло наше положеніе. Въ случаѣ, если бы мнѣ удалось познакомиться съ политическими вольной команды, то объ этомъ, внѣ всякаго сомнѣнія, стало бы извѣстно Николину, какъ равно узналъ бы онъ, вѣроятно, и о томъ, что я привезъ имъ письма. Онъ не медля сообщилъ бы объ этихъ фактахъ въ Петербургъ и воспользовался бы ими, какъ обвинительнымъ матеріаломъ противъ своего врага Потулова, — и я такимъ образомъ сдѣлался бы предателемъ того человѣка, гостепріимствомъ котораго я пользовался. Но это еще не все. Капитанъ Николинъ былъ, по слухамъ, завзятымъ врагомъ „вольной команды" и неоднократно настаивалъ на ея уничтоженіи. Мое посѣщеніе политическихъ могло послужить для него вѣскимъ доказательствомъ того, что вольная команда представляетъ собою опасное новшество. Онъ могъ писать или телеграфировать министру внутреннихъ дѣлъ: „Насколько мнѣ извѣстно, стремленія правительства направлены къ тому, чтобы самые опасные государственные преступники были совершенно изолированы и даже со своими родственниками имѣли сообщеніе только при посредствѣ жандармовъ. Я лишенъ возможности исполнять это требованіе, если политическимъ арестантамъ разрѣшается жить внѣ тюремъ, гдѣ ихъ могутъ посѣщать пріѣзжіе. Все чаще наѣзжаютъ въ Сибирь путешественники, для которыхъ не исключена возможность посѣтить и Кару. Если офицеры, какъ полковникъ Потуловъ, содѣйствуютъ знакомству пріѣзжихъ съ политическими арестантами, то правительство должно или отмѣнить вольную команду, вновь заключивъ ея членовъ въ тюрьму, или отказаться отъ намѣренія лишить ихъ возможности сообщаться съ посторонними".

Не трудно было предвидѣть послѣдствія подобнаго рода сообщеній. Однимъ только тайнымъ посѣщеніемъ я могъ навлечь несчастіе на всю вольную команду и сдѣлаться причиной того, что она въ полномъ составѣ будетъ принуждена съ цѣпями на рукахъ и ногахъ вернуться въ тюрьму. Для меня была невыносима мысль о томъ, что, вмѣсто облегченія, мой поступокъ повлекъ бы за собою новые ужасы для этихъ несчастныхъ людей; я провелъ безсонную ночь, все время размышляя по этому поводу. Наконецъ, я рѣшилъ остановиться на ранѣе принятомъ планѣ и познакомиться съ политическими арестантами, не смотря ни на какія послѣдствія, какъ только мнѣ удастся избѣжать неустаннаго надзора полковника Потулова.

Я уже пять дней жилъ на Карѣ, но ни разу не пришлось мнѣ выйти изъ дому безъ сопровожденія, безъ надзора. На шестой день полковникъ Потуловъ вынужденъ былъ отправиться въ Усть-Кару, чтобы присутствовать при разслѣдованіи причинъ пожара, которымъ недавно былъ уничтоженъ большой казенный складъ муки*).

Въ разговорахъ со мной онъ совершенно не касался щекотливой темы о политическихъ арестантахъ и, убѣжденный, повидимому, въ томъ, что можетъ насъ покинуть безъ всякаго колебанія, онъ, прощаясь, съ улыбкой поручалъ насъ попеченію своей супруги. Не прошло и часа послѣ его отъѣзда, какъ я вырвалъ карманъ изъ своей широкой шубы и помѣстилъ между подкладкой и верхомъ нѣсколько небольшихъ подарковъ, которые я обѣщалъ передать политическимъ арестантамъ на Карѣ; переложилъ затѣмъ въ одинъ изъ кармановъ письма къ нимъ, которыя я до сихъ поръ носилъ съ собою въ поясѣ, а также планъ поселенія, и направился къ политической тюрьмѣ. Было около двухъ часовъ пополудни. Полковникъ Потуловъ хотѣлъ вернуться домой на слѣдующій вечеръ, такъ что въ моемъ распоряженіи было болѣе 24 часовъ безъ надзора. Мой планъ состоялъ въ томъ, чтобы навѣстить капитана Николина, войти съ нимъ въ дружескія отношенія и постараться разсѣять въ немъ всякое подозрѣніе относительно насъ, а съ наступленіемъ ночи, прямо изъ его дома, отправиться въ избушку г-жи Армфельдтъ, политической изъ Кіева, къ которой я имѣлъ рекомендательное письмо. Посѣщеніе капитана Николина преслѣдовало двоякую цѣль. Во-первыхъ, мнѣ казалось несомнѣннымъ, что онъ зналъ объ отсутствіи полковника Потулова, и я думалъ, что должно польстить даже жандармскому офицеру, если я немедленно воспользуюсь своей свободой для того, чтобы навѣстить его, несмотря на враждебныя къ нему отношенія со стороны полковника. Во-вторыхъ, я разсчитывалъ, что покажется не такъ подозрительнымъ, если я пойду въ избу одного изъ политическихъ арестантовъ изъ дома ихъ начальника, а не изъ своей временной квартиры. Въ первомъ случаѣ всякій, случайно увидавшій меня, долженъ

---

*) Исторія этого мучного склада является прекраснымъ доказательствомъ испорченности и деморализаціи, характерныхъ для русской бюрократической системы во всей Россіи, особенно же въ Сибири. Зданіе ко времени пожара должно было вмѣщать въ себѣ запасъ въ 20.000 пудовъ муки для нуждъ арестантовъ на Карѣ. Во время осмотра мѣста пожара оказалось, что 20—30 пудовъ муки частнаго лица, временно помѣщенной въ этомъ зданіи, пострадало только отчасти, такъ что три четверти всего количества были еще годны для употребленія,— а отъ 20.000 пудовъ казеннаго запаса не осталось ни слѣда, и разслѣдованіе показало, что они были кѣмъ-то украдены, а зданіе затѣмъ подожжено, чтобы скрыть воровство. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ нашего отъѣзда съ Кары, когда разслѣдованіе этого дѣла еще продолжалось, домъ полковника Потулова, гдѣ хранились всѣ относящіеся къ этому дѣлу документы, столь же таинственно сдѣлался жертвой пламени. Цензура никогда не допустила опубликованія результатовъ разслѣдованія по этимъ дѣламъ въ сибирскихъ газетахъ, и я не знаю, былъ ли кто-нибудь уличенъ въ этомъ двойномъ преступленіи. Въ большинствѣ случаевъ, отношенія виновныхъ къ высшему начальству таковы, что признается необходимымъ скрыть правду и предать все забвенію. Повидимому, это имѣло мѣсто и здѣсь.

былъ предположить, что я дѣйствую такъ съ вѣдома и разрѣшенія начальника политическихъ тюремъ; во всякомъ случаѣ явная смѣлость лучше и быстрѣе должна была вести къ цѣли, чѣмъ скрытая нерѣшительность.

Капитанъ Николинъ былъ старый, опытный жандармскій офицеръ, самаго хитраго и безсовѣстнаго типа. Онъ началъ свою карьеру подъ начальствомъ генерала Муравьева-Вѣшателя въ Польшѣ, и уже 30 лѣтъ состоялъ на службѣ. Это былъ человѣкъ лѣтъ 50—55, невысокаго роста, съ приземистой фигурой, плѣшивый, съ сѣдой бородой, тонкими, плотно сжатыми, — я хотѣлъ бы сказать, жестокими губами, непроницаемымъ лицомъ и холодными сѣрыми глазами. Онъ обладалъ изящными, вѣжливыми манерами настоящаго жандармскаго офицера, но неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное имъ на меня при нашей первой встрѣчѣ, еще усилилось при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ. Я засталъ его въ обыкновенной, будничной формѣ; онъ, по возможности, старался придать своимъ жесткимъ чертамъ лица ласковый видъ и привѣтствовалъ меня, какъ только могъ, — сердечно; но этимъ холоднымъ, лукавымъ глазамъ совершенно не былъ свойственъ взглядъ правдивой, теплой задушевности; я чувствовалъ, что вся его внѣшность не что иное, какъ маска, что этотъ человѣкъ умѣетъ скрывать свои настоящія чувства. Насколько мнѣ удалось раскусить его характеръ, его единственной слабой стороной было сознаніе огромной важности и отвѣтственности своего положенія, — основанное на томъ, что онъ, обыкновенный жандармскій капитанъ, былъ въ Петербургѣ избранъ стоять во главѣ этихъ важныхъ тюремъ въ Сибири, не подчиняясь никакому мѣстному контролю, и къ тому же имѣлъ необычную привилегію сообщаться прямо съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, — честь, отъ которой уже недалеко и до еще большей чести — имѣть право непосредственнаго доклада царю. Я старался угодить этому самомнѣнію, извинился, что не явился къ нему раньше, и далъ понять, что въ этомъ помѣшали мнѣ нѣкоторыя извѣстныя ему обстоятельства. Онъ вѣжливо поклонился, увѣрилъ меня, что вполнѣ понимаетъ ихъ, и попросилъ оказать ему честь — выпить съ нимъ чаю. Денщикъ внесъ кипящій самоваръ, налилъ намъ чашки этого оживляющаго, но не возбуждающаго напитка; мы закурили, усѣлись въ удобныя кресла и стали толковать. Я разсказывалъ, какъ можно болѣе оживленно и пикантно о нашихъ приключеніяхъ въ Сибири; во время разсказа далъ ему понять, что я — членъ американскаго географическаго общества, упомянулъ о своей прежней дѣятельности на службѣ русско-американскаго телеграфнаго общества, описывалъ свои путешествія на собакахъ и жизнь въ палаткахъ съ казаками и сообщилъ ему подробно о своей аудіенціи у г. Влангалли, секретаря министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, чтобы показать ему, что я прибылъ въ Сибирь не тайкомъ, а съ согласія петербургскихъ властей. Онъ слушалъ меня, повидимому, съ удовольствіемъ, и я далъ волю своему краснорѣчію, такъ что онъ узналъ исторію всей моей жизни вплоть до послѣдняго момента. Если я что-либо пропускалъ, то это случалось по забывчивости или потому, что онъ объ этомъ меня не

спрашивалъ. Между прочимъ, онъ спросилъ меня, опишу ли я свое сибирское путешествіе, на что я далъ утвердительный отвѣтъ, пояснивъ, что я состою сотрудникомъ американскаго журнала „Century-Magazine“, и кстати, добавивъ, что я уже раньше написалъ нѣсколько работъ о Сибири. Это его, повидимому, заинтересовало; тогда я познакомилъ его съ американскими журналами вообще и „Century-Magazine“ въ частности, пригласилъ его навѣстить насъ и посмотрѣть на эскизы г. Фроста, сообщилъ ему, какую сумму „Century-Magazine“ намѣренъ ассигновать на иллюстраціи къ описанію нашего путешествія, и выразилъ сожалѣніе, что незнаніе имъ англійскаго языка не дастъ ему возможности прочитать мою работу. Онъ высказалъ предположеніе, что она, можетъ-быть, будетъ переведена. Я отвѣтилъ, что это вполнѣ возможно, такъ какъ моя первая книга о Сибири была дважды переведена на русскій языкъ, но что его, во всякомъ случаѣ, должны интересовать наши иллюстраціи. Я уже хорошо не помню теперь что я еще наговорилъ ему, но думаю, что за всю свою жизнь я никогда и никому изъ смертныхъ не разсказывалъ столько о себѣ и своихъ дѣлахъ, сколько насказалъ этому жандармскому офицеру.

Моя откровенность и довѣрчивость произвели, наконецъ, желаемое дѣйствіе. Онъ сталъ непринужденнѣе, сердечнѣе, налилъ мнѣ третью, четвертую чашку чаю, спросилъ меня, не желаю ли я рому, и затѣмъ, убѣдившись, что я умѣю не только откровенно разсказывать, но такъ же внимательно слушать, сталъ сообщать мнѣ свѣдѣнія о себѣ. Онъ описалъ мнѣ организацію жандармеріи, разсказалъ о томъ, какую школу надо пройти, чтобы стать хорошимъ жандармскимъ офицеромъ, сообщилъ изъ собственной жизни, какъ часто и при какихъ обстоятельствахъ онъ получалъ повышенія по службѣ, какіе ордена онъ уже имѣетъ, сколько еще лѣтъ ему придется служить для того, чтобы выйти въ отставку съ пенсіей, и хвастался, что во всей Сибири онъ — единственный офицеръ съ такимъ чиномъ, имѣющій право непосредственно сообщаться съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, рѣчь зашла о ссылкѣ и уголовныхъ преступникахъ; къ немалому моему удивленію, онъ рѣзко осуждалъ этапы и пересыльныя тюрьмы, добавивъ, что жизнь обыкновенныхъ арестантовъ въ пути ужасна, а ссылка преступниковъ въ Сибирь не только гибельна для ссылаемыхъ, но вредитъ также интересамъ страны. Здѣсь разговоръ неожиданно принялъ совсѣмъ другой оборотъ; я сначала не зналъ, какъ отнестись къ этому: не разыгриваетъ-ли онъ филантропа? — нѣчто въ родѣ Говарда въ формѣ жандарма — не хочетъ ли онъ заманить меня, чтобы узнать у меня свѣдѣнія по этому вопросу и выпытать мое мнѣніе? Я рѣшилъ продолжать разговоръ съ нимъ на эту тему, не выдавая ему, насколько я посвященъ въ эти дѣла, но въ то же время особенно подчеркивая тѣ немногія, хорошія тюрьмы, которыя я видѣлъ. Я высказывалъ сожалѣніе по поводу переполненія и плохого санитарнаго состоянія тюремъ и этаповъ и указалъ на новую центральную тюрьму въ Верхнеудинскѣ, какъ на доказательство того, что правительство, строя новыя зданія, намѣрено ввести

лучшіе порядки. Далѣе капитанъ Николинъ самъ навелъ разговоръ на политическихъ арестантовъ на Карѣ. Онъ увѣрялъ меня, что ихъ положеніе гораздо лучше, а жизнь уютнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Они живутъ въ большихъ, хорошо освѣщаемыхъ, помѣщеніяхъ, не должны работать, имѣютъ въ своемъ распоряженіи хорошую библіотеку, могутъ получать деньги отъ своихъ друзей и, по истеченіи срока испытанія, выходятъ изъ тюрьмы и могутъ селиться въ собственныхъ домахъ и обрабатывать для себя небольшіе огороды. Я высказывалъ удивленіе въ виду такого изложенія дѣла и спросилъ его:

— Дѣйствительно ли, политическіе арестанты не должны работать въ рудникахъ?

— Работать! — воскликнулъ онъ. — Ничего подобнаго, увѣряю васъ. У нихъ только и дѣла, что сидѣть въ большихъ уютныхъ, хорошо освѣщаемыхъ помѣщеніяхъ и читать или заниматься науками.

— Могутъ ли они имѣть переписку со своими друзьями и родственниками въ Европейской Россіи? — разспрашивалъ я его дальше.

— Разумѣется, — отвѣтилъ онъ. — Пріѣхавъ сюда, я обратилъ особое вниманіе на то, чтобы имъ не препятствовали переписываться съ друзьями и родственниками. Я, конечно, прочитываю ихъ письма или чаще открытки, но они во всякомъ случаѣ могутъ писать, сколько имъ угодно.

— Мы въ Америкѣ, — сказалъ я въ свою очередь, — всегда думали, что государственные преступники въ Сибири, нерѣдко даже прикованные къ тачкѣ, должны работать въ подземныхъ рудникахъ, и что вся жизнь ихъ проходитъ въ безпрестанной борьбѣ съ лишеніями и нуждою.

Капитанъ Николинъ взглянулъ на меня съ равнодушной улыбкой и сказалъ, что раньше и онъ также думалъ объ этомъ, но потомъ, подобно мнѣ, былъ пораженъ, узнавъ настоящее положеніе дѣла.

— Да, — сказалъ онъ, — если бы вы взглянули въ настоящую минуту въ одну изъ камеръ политической тюрьмы, то увидали бы заключенныхъ, сидящихъ за большимъ столомъ и занятыхъ или чтеніемъ, или письмомъ, какъ будто бы они находятся въ какой-нибудь библіотекѣ.

Я замѣтилъ, что это было бы очень пріятнымъ и интереснымъ зрѣлищемъ и благодарной темой для моей работы, и спросилъ его, не имѣетъ ли онъ что-либо противъ разрѣшенія заглянуть мнѣ въ камеры.

— Я не уполномоченъ, — отвѣтилъ онъ, колеблясь, — разрѣшить кому бы то ни было осмотръ политической тюрьмы; но я могу показать вамъ нѣсколько книгъ изъ библіотеки — даже англійскихъ.

Онъ позвалъ солдата и послалъ его въ тюрьму съ приказомъ принести оттуда какія-нибудь англійскія книги или журналы. Солдатъ скоро вернулся съ томомъ стихотвореній Шелли и номеромъ „Punch“. Капитанъ Николинъ торжественно подалъ мнѣ ихъ въ доказательство того, что политическіе арестанты имѣютъ библіотеку, которая снабжается даже англійскими журналами.

— Недавно, — продолжалъ онъ, — они устраивали даже спектакль въ одной изъ камеръ и нѣкоторое время издавали для своего развлеченія рукописную газету.

Затѣмъ онъ принесъ свои книги, желая показать мнѣ, сколько денегъ политическіе арестанты получили въ теченіе текущаго года отъ своихъ родственниковъ. Сумма равнялась 6044 рублямъ[1]).

— Могутъ ли заключенные свободно распоряжаться этими деньгами? — спросилъ я.

— Да. Они на руки ихъ не получаютъ, но могутъ располагать этими деньгами и покупать на нихъ все, что не запрещено тюремными правилами.

Всѣ эти новости я встрѣчалъ съ видомъ пріятнаго удивленія и пришелъ почти въ восхищеніе, когда гуманный, человѣколюбивый жандармскій офицеръ разрисовывалъ предо мной трогательную картину счастливыхъ государственныхъ преступниковъ, которые въ полномъ довольствѣ живутъ вмѣстѣ въ большихъ свѣтлыхъ комнатахъ, изучаютъ въ хорошо подобранной библіотекѣ англійскую литературу, въ качествѣ легкаго чтенія берутъ въ руки одинъ изъ номеровъ „Punch“, разъ въ недѣлю для своего же пользованія издаютъ газету и отъ времени до времени устраиваютъ театральныя представленія, чтобы дать вылиться избытку своей энергіи! Минуту спустя, я былъ, однако, огорченъ и возмущенъ, что эти, пользующіеся такимъ великолѣпнымъ обращеніемъ, арестанты оказывались совершенно недостойными милостей благожелательнаго отеческаго правительства и за такую большую доброту платили имъ черной неблагодарностью и измѣной.

— Вы не можете себѣ представить, г. Кеннанъ, — сказалъ капитанъ Николинъ, — какъ они безсовѣстны, какою они обладаютъ преступной ловкостью хранить запрещенныя вещи и контрабандой отправлять и получать письма. Что бы вы, напримѣръ, сдѣлали, если бы вамъ пришлось какъ можно тщательнѣе обыскать политическаго арестанта?

Я отвѣтилъ, что раздѣлъ бы его и старательно обыскалъ всю его одежду.

— Это все? — спросилъ онъ съ удивленіемъ.

Я отвѣтилъ, что не могу въ настоящій моментъ припомнить другого способа производить обыскъ.

---

[1]) По возвращеніи въ Иркутскъ, я имѣлъ случай познакомиться съ чиновникомъ контрольной палаты, которому были доступны всѣ отчеты карійскихъ тюремъ. Я попросилъ его справиться, сколько денегъ было прислано на имя политическихъ арестантовъ на Карѣ отъ ихъ родственниковъ въ теченіе первыхъ 10 мѣсяцевъ 1885 года. Онъ сообщилъ мнѣ, что они въ среднемъ получили въ мѣсяцъ 75 копеекъ на человѣка, что за все время составитъ около 750 рублей. Капитанъ Николинъ, какъ оказалось, предъявилъ мнѣ фальшивые документы, чтобы убѣдить меня, что политическіе располагаютъ, сверхъ казеннаго содержанія, еще суммою около 6000—7000 рублей въ годъ и живутъ такимъ образомъ сравнительно роскошно. Я убѣжденъ, что подсчетъ контрольныхъ чиновниковъ въ Иркутскѣ вѣренъ, что политическіе заключенные на Карѣ въ дѣйствительности получили только 750 рублей. Въ другомъ мѣстѣ я укажу, почему эта сумма не была больше. Если распредѣлить эту сумму, полученную за 10 мѣсяцевъ между 100 арестантами, то на каждаго въ день придется только $2^1/_2$ копейки.

— Осмотрѣли бы вы у него въ ушахъ?

— Нѣтъ, — сказалъ я, — объ этомъ я не подумалъ бы.

— Заглянули бы вы къ нему въ ротъ?

Я отрицалъ и это.

— Поискали бы въ дуплѣ зуба?

Я категорически заявилъ, что мнѣ никогда бы не пришло на умъ искать письма въ дуплѣ зуба.

— Ну, вотъ, — воскликнулъ онъ съ торжествомъ, — я у арестованныхъ доставалъ изъ уха и рта мелко написанную шелковую бумагу, а однажды нашелъ даже дозу смертельнаго яда въ дуплѣ зуба, покрытаго воскомъ. О, — воскликнулъ онъ, потирая себѣ руки, — они очень хитры, но я хитрѣе ихъ!

Меня бросило въ холодный потъ, когда я вдругъ вспомнилъ о вещахъ, скрытыхъ въ моей шубѣ. Между сукномъ и подкладкой находились двѣ китайскія чашки, карманное зеркальце и небольшая красная щетка изъ перьевъ, которыя мнѣ были переданы сосланной дамой, живущей въ одной изъ деревень близъ Иркутска, для г-жи Армфельдтъ на память отъ сердечно преданной подруги. Я оставилъ свою шубу въ прихожей; можетъ-быть, подозрительный офицеръ, находившій письма въ ушахъ и ядъ въ дуплѣ зуба, уже отдалъ приказъ обыскать ее. Какъ бы я сумѣлъ объяснить присутствіе этихъ вещей, спрятанныхъ между подкладкой и верхомъ? Мое положеніе было довольно непріятное; какъ только открывалась дверь, я думалъ, что вотъ-вотъ увижу казака съ красной щеточкой въ рукѣ. Но предполагаемой катастрофы не случилось, а Николинъ продолжалъ свои сообщенія о политическихъ арестантахъ и ихъ жизни на Карѣ. Многое изъ того, что онъ мнѣ разсказывалъ, соотвѣтствовало истинѣ; но правда была такъ изуродована, что я былъ бы введенъ въ полное заблужденіе, если бы былъ тѣмъ невѣжественнымъ и наивнымъ туристомъ, за котораго онъ меня принималъ. Для какого-либо третьяго лица, понявшаго наше положеніе и хорошо знавшаго насъ обоихъ, комедія, которую мы разыгрывали, была бы, вѣроятно, полна интереса. Я зналъ политическую тюрьму почти такъ же подробно и точно, какъ капитанъ Николинъ, имѣлъ при себѣ въ поясѣ старательно вычерченный планъ ея, владѣлъ спискомъ всѣхъ заключенныхъ, могъ бы подробно описать видъ и положеніе любого предмета въ каждой изъ камеръ. Я въ точности зналъ, какую пищу получали политическіе арестанты, какъ они были одѣты, какъ проводили свое время. Ммѣ было извѣстно, что четверо изъ нихъ раньше были прикованы къ тачкѣ и что нѣсколько человѣкъ сошло съ ума; однимъ словомъ, я могъ бы разсказать ему исторію тюрьмы въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ во всѣхъ подробностяхъ и опровергнуть всякое его утвержденіе. Несмотря на это, я долженъ былъ сидѣть и слушать его болтовню, симулировать чувства, которыхъ у меня вовсе не было, разыгрывать роль благодушнаго, наивнаго, легкомысленнаго туриста, которому нечего скрывать, который не въ состояніи даже молчать о событіяхъ изъ своей частной жизни и котораго привело въ удивленіе и восхищеніе то обстоятельство, что политическіе арестанты, вмѣсто того,

чтобы работать прикованными къ тачкамъ въ сырыхъ, подземныхъ рудникахъ, встрѣчаютъ со стороны своего гуманнаго филантропа-начальника сердечное вниманіе и доброе къ себѣ отношеніе.

Мнѣ неизвѣстно, какое впечатлѣніе въ теченіе нашего долгаго разговора я произвелъ на капитана Николина, но я имѣю всѣ основанія предполагать, что мнѣ удалось провести самаго хитраго, самаго пронырливаго и самаго безсовѣстнаго жандармскаго офицера всей Восточной Сибири. Можетъ-быть, это и не такъ; но если бы онъ, въ свою очередь, вздумалъ вообразить себѣ, что провелъ меня, то онъ порядочно ошибается. Съ нравственной точки зрѣнія я не могу извинить своего поведенія по отношенію къ этому господину, но я вѣдь все поставилъ на карту, и моимъ единственнымъ средствомъ самозащиты была дипломатическая изворотливость. Въ моемъ багажѣ и при мнѣ находились революціонныя произведенія, планы тюремъ, копіи бумагъ изъ государственныхъ архивовъ самаго разнообразнаго содержанія, письма къ политическимъ арестантамъ и отъ нихъ и, кромѣ того десять-пятнадцать записныхъ книжекъ, которыя послужили бы тяжелой уликой не только противъ нѣсколькихъ десятковъ ссыльныхъ во всѣхъ частяхъ Сибири, но и противъ многихъ безстрашныхъ и честныхъ чиновниковъ, довѣрившихся мнѣ и давшихъ мнѣ полезныя и интересныя указанія. Если бы я навлекъ на себя подозрѣніе администраціи и мои вещи подверглись обыску, то это могло бы стать не только роковымъ для меня и всѣхъ этихъ людей, но погибъ бы и весь мною собранный матеріалъ, который послужилъ бы въ такомъ случаѣ для совершенно иныхъ цѣлей, чѣмъ я предполагалъ. Въ виду моего критическаго положенія и въ виду того, что отъ моей безопасности зависѣли судьба и благополучіе многихъ жизней, я отъ души желаю, чтобы мои маневры съ капитаномъ Николинымъ не были мнѣ поставлены въ вину.

Только вечеромъ мы распрощались, взаимно увѣряя другъ друга въ глубокомъ уваженіи, и я тотчасъ же направился къ избѣ г-жи Армфельдтъ, стоявшей на полпути между политической тюрьмой и домомъ полковника Потулова на окраинѣ нижняго пріиска. Мои нервы были страшно напряжены: я чувствовалъ себя очень возбужденнымъ, но ожидалъ вѣрнаго успѣха и былъ готовъ на все.

Г-жа Армфельдтъ, исторія которой мнѣ была уже хорошо знакома, была дочерью выдающагося русскаго генерала и сестрою г-жи Федченко, жены извѣстнаго русскаго ученаго и путешественника-изслѣдователя. Семья Армфельдтъ принадлежала къ богатой аристократіи; какъ она сама, такъ и ея мать были въ дружбѣ или по крайней мѣрѣ были хорошо знакомы съ знаменитымъ русскимъ писателемъ, графомъ Л. Н. Толстымъ. Г-жа Армфельдтъ говорила по-французски, по-нѣмецки и по-англійски, рисовала, писала красками и была въ высшей степени образованной и воспитанной женщиной*).

---

*) Я жалѣю, что не могу сообщить болѣе точныхъ данныхъ о жизни г-жи Армфельдтъ. Одинъ русскій революціонеръ, котораго я просилъ дать мнѣ подробныя свѣдѣнія о ней, писалъ мнѣ слѣдующее: „Я лично былъ знакомъ съ

11 февраля 1879 года она была арестована въ Кіевѣ на одномъ тайномъ революціонномъ собраніи. Полиція нагрянула къ собравшимся поздно вечеромъ; мужчины оказали вооруженное сопротивленіе, встрѣтивъ полицейскихъ и жандармовъ выстрѣлами. Во время борьбы были убиты одинъ жандармъ и двое революціонеровъ, кромѣ того, нѣсколько человѣкъ съ обѣихъ сторонъ было ранено. Въ концѣ концовъ всѣ присутствующіе были арестованы и посажены въ тюрьму, и г-жа Армфельдтъ, какъ членъ революціонной партіи, къ тому же присутствовавшая при вооруженномъ сопротивленіи полиціи (хотя въ немъ она лично и не принимала активнаго участія), была приговорена къ 14 годамъ и 10 мѣсяцамъ каторжныхъ работъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и къ пожизненной ссылкѣ въ Сибирь. Ко времени нашего посѣщенія Кары, она отбыла время тюремнаго заключенія и жила въ вольной командѣ съ своей матерью,—дамой за 60 лѣтъ, добровольно прибывшей въ Сибирь, чтобы раздѣлить участь своей дочери.

Солнце уже зашло, и сумерки быстро сгущались, когда я дошелъ до маленькой выбѣленной избушки, которую я, по описанію, считалъ принадлежавшей г-жѣ Армфельдтъ. Я постучался въ тяжелую деревянную дверь, которая, минуту спустя, была отворена молодой женщиной.

— Здѣсь живетъ г-жа Армфельдтъ?—спросилъ я.

— Да, это я сама,—послышалось въ отвѣтъ.

— Я—Георгій Кеннанъ, американскій путешественникъ. Я прибылъ въ Сибирь, чтобы изучить здѣсь систему ссылки. Я познакомился со многими изъ вашихъ друзей и имѣю для передачи вамъ рекомендательное письмо отъ г-жи N.

Съ минуту она смотрѣла на меня молча, пораженная и не вѣря своимъ глазамъ. Наконецъ, она опомнилась и попросила меня войти. Я послѣдовалъ за ней чрезъ маленькія, темныя сѣни въ жалкую, футовъ 10 длиною и 8 шириною, комнату, лишенную пола, съ грубо сколоченнымъ, деревяннымъ потолкомъ и обитыми досками стѣнами, которыя были плохо выбѣлены и имѣли два небольшихъ, четырехугольныхъ окна. Мебель состояла изъ непокрытаго еловаго стола, трехъ такихъ же стульевъ и узкой кровати съ грубымъ, шерстянымъ

г-жою Армфельдтъ и могъ себѣ составить мнѣніе объ ея характерѣ; біографическихъ свѣдѣній о ней я не могу сообщить: подобныя вещи такъ мало интересуютъ насъ, когда мы находимся „на работѣ", что мы едва обращаемъ на нихъ вниманіе. Я знаю только, что ея отецъ—генералъ, а ея сестра, довольно извѣстная писательница на научномъ поприщѣ, замужемъ за русскимъ ученымъ путешественникомъ Федченко, который недавно погибъ въ горахъ Швейцаріи. Наталья Армфельдтъ не принадлежала къ выдающимся личностямъ, какъ Перовская, Бардина и другія. Она принадлежала къ скромному разряду труженицъ, въ которыхъ вполнѣ обнаруживаются прекрасныя, высокія качества русскихъ революціонеровъ,—полная преданность дѣлу и абсолютное самоотверженіе. Эти обыкновенныя доблести дѣлаются великими и превращаются въ мощную двигательную силу, если онѣ вполнѣ чисты. Вы, должно-быть, встрѣчали въ Сибири много ссыльныхъ такого типа. Доказательствомъ этого является для меня трогательная симпатія, обнаруживающаяся во всемъ, что вы о нихъ пишете".

сѣрымъ одѣяломъ. По обѣ стороны дверей находились полки, на которыхъ стояли кухонныя принадлежности: тарелки, чашки, ножи, вилки и чайникъ. Въ комнатѣ рѣшительно ничего больше не было, кромѣ корзины и дешеваго русскаго сундука подъ кроватью. Все здѣсь было чрезвычайно чисто, но производило впечатлѣніе страшной бѣдности. Я снялъ свою тяжелую шубу и хотѣлъ было передать г-жѣ Армфельдтъ бывшее со мной письмо, какъ она неожиданно схватила меня за руку и воскликнула:

— Постойте, не дѣлайте этого! Обождите, пока я закрою ставни и запру дверь.

Дрожащими руками она зажгла свѣчку, выбѣжала, закрыла ставни, заперла дверь и, вернувшись, сказала мнѣ:

— Вы не привыкли къ атмосферѣ постоянныхъ заботъ и страха, въ которой намъ приходится жить. Вѣдь кто-нибудь чрезъ окно могъ бы увидать, какъ вы передаете мнѣ письмо.

Затѣмъ она взяла письмо и разсматривала его не вскрывая, съ выраженіемъ особаго удивленія и ошеломленности, которое не покидало ея лица съ момента моего появленія.

— Какъ вы сюда попали?— проговорила она, наконецъ.

Я отвѣтилъ, что прибылъ изъ Срѣтенска верхомъ черезъ горы.

— Но какъ вы получили разрѣшеніе прійти сюда?

— У меня нѣтъ никакого разрѣшенія, — отвѣтилъ я.— Никто не знаетъ, что я здѣсь. Уже недѣля, какъ я на Карѣ, и только сегодня мнѣ представился случай безъ надзора добраться до вашихъ дверей.

Затѣмъ я разсказалъ ей, что я прибылъ въ Сибирь для изученія жизни политическихъ ссыльныхъ, и вкратцѣ изложилъ ей свое путешествіе. Она смотрѣла на меня какъ человѣкъ, который не можетъ прійти въ себя отъ поразившей его неожиданности. Наконецъ, она сказала, въ первый разъ говоря по-англійски:

— Простите, что я такъ смотрю на васъ, но я будто во снѣ. Я такъ взволнована, такъ изумлена, что едва сознаю то, что говорю вамъ и что дѣлаю. Вы — первый посторонній чоловѣкъ, котораго я вижу за все время моей ссылки, и ваше внезапное появленіе здѣсь и притомъ въ моемъ домѣ — такое необычайное событіе въ моей жизни, что я совершенно поражена этимъ. Такъ приблизительно долженъ былъ себя чувствовать Ливингстонъ, когда его нашелъ Стенли въ центральной Африкѣ... Что навело васъ на удивительную мысль отправиться въ Сибирь и изучать ссылку?

Я отвѣчалъ на ея вопросъ также по-англійски, когда изъ-за печки послышался слабый, надломленный голосъ, спрашивающій по-русски: „Кто тамъ, Наташа? Съ кѣмъ ты говоришь?“

— Это, мама, американскій путешественникъ, который даже здѣсь на Карѣ сумѣлъ отыскать насъ.

Г-жа Армфельдтъ, спавшая за печкой и разбуженная нашимъ разговоромъ, вышла, чтобы поздороваться со мной. Это была исхудавшая, сгорбленная старушка лѣтъ 60, съ мягкими сѣдыми волосами, кроткимъ изможденнымъ лицомъ, носившимъ слѣды тяжелыхъ страданій и заботъ. Подъ ея припухшими глазами были черные круги

послѣ долгихъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ въ слезахъ. Я почувствовалъ къ ней глубокую симпатію и состраданіе; никогда я еще не видалъ такого грустнаго, безнадежнаго, скорбнаго человѣческаго лица.

Я пробылъ у нихъ съ полчаса и обѣщалъ позже вечеромъ зайти опять; m-elle Армфельдъ сказала мнѣ, что я увижу тогда всѣхъ политическихъ вольной команды. Находясь въ сильномъ нервномъ возбужденіи, я поспѣшилъ домой, гдѣ меня ожидали съ обѣдомъ. Г-жа Потулова отъ времени до времени бросала на меня любопытные взгляды, какъ бы желая узнать, гдѣ я пропадалъ до обѣда; но, повидимому, она не могла отважиться на вопросъ и тѣмъ избавила меня отъ отвѣта, который еще увеличилъ бы сознаніе моей вины передъ моими гостепріимными хозяевами.

Въ семь часовъ я вернулся къ г-жѣ Армфельдтъ, гдѣ засталъ политическаго ссыльнаго Куртѣева и блѣдную, нѣжную молодую женщину, которая мнѣ была представлена, какъ г-жа Голенкина. По фамиліи она была уже мнѣ знакома, какъ одна изъ тѣхъ революціонерокъ которыя за участіе въ заговорѣ противъ петербургскаго полицемейстера, генерала Мезенцева, были сосланы въ Карійскіе рудники. Но я, какъ это уже часто случалось, былъ удивленъ тѣмъ, что она такъ молода, нѣжна и добродушна. Женщины, которыя въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ принимали активное участіе въ ужасныхъ трагедіяхъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ, проявили выносливость и непоколебимую стойкость характера, рѣдкую даже въ мужчинахъ; эти женщины — нѣжныя дѣвушки, 18—25 лѣтъ, которыхъ я принялъ бы за учительницъ въ воскресной школѣ или скромныхъ ученицъ женскаго учебнаго заведенія.

Постепенно въ избушкѣ m-elle Армфельдтъ собрались всѣ политическіе вольной команды. Всякій разъ раздавался слабый стукъ въ ставни, m-elle Армфельдтъ осторожно подходила къ дверямъ, спрашивала, кто тамъ, и, если это былъ одинъ изъ ея товарищей по несчастью, то открывала двери и впускала его. Маленькая, плохо освѣщенная избушка, тяжелое молчаніе, полное страха и боязни, таинственный стукъ въ ставни, затѣмъ тихій, но оживленный разговоръ, группа блѣдныхъ мужчинъ и женщинъ, смотрѣвшихъ на меня съ такимъ удивленіемъ, съ такимъ интересомъ, какъ будто я воскресъ изъ мертвыхъ, — все это производило на меня впечатлѣніе фантастическаго сна. Ничто изъ окружавшаго меня не напоминало о будничномъ мірѣ — тамъ гдѣ-то вдали, и, когда ссыльные начали разсказывать мнѣ ужасныя исторіи о жестокостяхъ, страданіяхъ, сумасшествіяхъ и самоубійствахъ въ рудникахъ, тогда мнѣ казалось, что я прошелъ чрезъ тѣ темныя ворота, надъ которыми Данте читалъ грозное предостереженіе: „Всѣ вы, входящіе сюда, оставьте свои надежды“.

Около девяти часовъ, когда я досталъ свою записную книжку и сталъ въ нее записывать, раздался громкій стукъ въ ставни. Г-жа Голенкина шепотомъ произнесла: „Это жандармы! не пускай ихъ. Скажи имъ, кто здѣсь, можетъ-быть, они этимъ удовлетворятся“.

Всѣ молчали, и мнѣ казалось, что я слышу стукъ своего сердца въ то время, какъ m-elle Армфельдтъ подошла къ двери и говорила жандармамъ съ холоднымъ самообладаніемъ: „Мы всѣ здѣсь, моя мать, я, Куртѣевъ, г-жа Голенкина и...“ — остальныя имена я не разслышалъ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, жандармы, повидимому, удалились, m-elle Армфельдтъ заперла дверь и сказала, войдя опять въ комнату, со спокойной улыбкой:

— Они удовлетворились моимъ отвѣтомъ — и не настаивали на томъ, чтобы войти къ намъ.

Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, она прибавила по-англійски:

— Жандармы посѣщаютъ насъ три раза въ день, чтобы посмотрѣть, чѣмъ мы заняты, и убѣдиться, что мы еще не бѣжали. Но ихъ посѣщеніе теперь — одна только формальность; они не всегда входятъ въ домъ.

Прерванный разговоръ вскорѣ возобновился; болѣе двухъ часовъ я слушалъ всевозможныя описанія жизни политическихъ въ тюрьмѣ, въ пути, въ рудникахъ и старался удовлетворить всѣ волновавшіе политическихъ вопросы относительно успѣха революціоннаго движенія въ Россіи. Во время разговора одинъ человѣкъ, который до сихъ поръ не былъ мною замѣченъ и не былъ мнѣ представленъ, привлекъ мое вниманіе. Ему на видъ казалось лѣтъ 30, онъ имѣлъ блѣдное, безжизненное лицо и большіе выпуклые голубые глаза. Онъ сидѣлъ на низкой скамейкѣ, какъ разъ противъ меня, опершись локтями въ колѣни, а руками въ подбородокъ, и пристально смотрѣлъ на меня безсмысленнымъ взглядомъ. Во время первой паузы въ разговорѣ онъ внезапно произнесъ беззвучнымъ, тягучимъ тономъ:

— Мы — имѣемъ — здѣсь — свое — собственное — кладбище. — Хотите — вы — посмотрѣть — его?

Тонъ рѣчи и содержаніе его неожиданнаго вопроса такъ поразили меня, что я съ минуту не нашелся, что ему отвѣтить; затѣмъ у меня блеснула мысль, что это — ненормальный. Подобно тому, какъ De-Quincey казалось, что стукъ въ ворота, раздавшійся послѣ убійства Макбета, усиливаетъ вызванныя трагедіей душевныя волненія и увеличиваетъ ужасъ всего происшедшаго, такъ эти странныя, безсвязныя слова, напоминая о сумасшествіи и смерти, дѣлали для меня прослушанную исторію человѣческаго горя и нужды еще ужаснѣе, еще болѣе нестерпимою, и еще усилили мое волненіе, въ то время, какъ я слышалъ и видѣлъ эту великую трагедію каторжныхъ работъ.

Только послѣ полуночи я разстался съ политическими и поспѣшилъ домой; но даже холодный, ночной воздухъ не могъ охладить клокотавшую во мнѣ кровь. Всѣ уже улеглись, кромѣ г. Фроста, съ нетерпѣніемъ ожидавшаго моего возвращенія. Я бросился на диванъ въ своей комнатѣ и пробовалъ заснуть, но все то, что я видѣлъ и слышалъ за этотъ памятный день, преслѣдовало меня и не давало сомкнуть глазъ. Только подъ утро я, наконецъ, заснулъ.

XV.

Государственные преступники въ карійскихъ рудникахъ

На другое утро я посѣтилъ г-жу Армфельдтъ, въ сопровожденіи г. Фроста; вечеромъ ждали возвращенія полковника Потулова съ Усть-Кары, и я зналъ, что тогда моему свободному выходу изъ дому будетъ положенъ конецъ. Для меня поэтому было важно какъ можно лучше использовать оставшіеся еще въ моемъ распоряженіи 12—14 часовъ свободы. Нельзя было предположить, чтобы мѣстная администрація могла долго не знать о моемъ пребываніи въ средѣ политическихъ ссыльныхъ: рано или поздно это должно было обнаружиться, и я желалъ только получить какъ можно больше нужныхъ мнѣ свѣдѣній прежде, чѣмъ на моемъ пути возникнутъ неизбѣжныя препятствія. Конечно, было весьма рискованно посѣтить дома вольной команды днемъ, но намъ нельзя было терять свободнаго времени, и я обѣщалъ m-elle Армфельдтъ рано утромъ явиться къ ней, если только какія-либо непредвидѣнныя обстоятельства не помѣшаютъ мнѣ въ этомъ.

Черезъ 15—20 минутъ быстраго хода мы были уже на мѣстѣ, и m-elle Армфельдтъ открыла намъ дверь. При яркомъ дневномъ свѣтѣ яснаго холоднаго зимняго утра небольшая избушка съ плохо выбѣленными деревянными стѣнами и лишенными занавѣсокъ окнами имѣла еще болѣе печальный видъ, чѣмъ наканунѣ. Бѣдная обстановка комнаты какъ будто еще усиливалась стоявшимъ по серединѣ ея большимъ мольбертомъ, на которомъ находилась писанная красками картина безъ рамы. На мой взглядъ, между такими сочетаніями, какъ искусство и каторга, роскошь и крайняя бѣдность, было такое противорѣчіе, что я, поздоровавшись съ m-elle Армфельдтъ, не удержался, чтобы не посмотрѣть вопросительно сначала на картину, а затѣмъ на нее. Она поняла меня, повернула мольбертъ къ свѣту и сказала:

— Я попробовала нарисовать портретъ своей матери. Ради другихъ своихъ дѣтей она хочетъ въ этомъ году вернуться въ Россію. Конечно, я ея никогда больше не увижу: она слишкомъ стара и слаба для того, чтобы еще разъ предпринять путешествіе въ Восточную Сибирь,— и вотъ я хочу имѣть хоть что-нибудь, что напоминало бы мнѣ ея лицо, когда судьба разлучитъ насъ. Я знаю, что это неважная картина, мнѣ неловко показывать ее вамъ, но я хочу попросить у васъ совѣта. У меня слишкомъ мало красокъ, а другихъ я не могу достать себѣ, но, можетъ-быть, г. Фростъ будетъ добръ научить меня, какъ использовать свой скудный матеріалъ.

Молча, съ чувствомъ глубокаго сочувствія и сострадания, я разсматривалъ скверную, прямо-таки ужасную картину. Нельзя было отрицать сходства съ оригиналомъ,—даже видны были проблески художественнаго таланта; но полотно было самое грубое и неподходящее, краски были простыя и жесткія; при первомъ взглядѣ видно

было, что художница боролась съ непреодолимыми трудностями, вызванными ограниченностью ея средствъ. Жаль было видѣть, какія усилія употребляла дочь, чтобы имѣть портретъ любимой матери, съ которой ей вскорѣ предстояло разстаться,—но еще тяжелѣе было представить себѣ, что не пройдетъ и года, какъ дочь останется въ ссылкѣ одна и съ единственнымъ утѣшеніемъ — этой безжизненной, молчаливой картиной. Недостатки портрета прямо бросались въ глаза, но я не могъ заставить себя критиковать это созданіе любви, возникшее при такихъ трудностяхъ и такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Я предоставилъ г. Фросту заняться кистями и красками m-elle Армфельдтъ, а самъ обратился къ ея матери съ вопросомъ, какъ она въ ея лѣта рѣшилась предпринять такое ужасное путешествіе изъ Петербурга въ карійскіе рудники.

— Я не могла иначе,—сказала она просто.— Одному Богу извѣстно, что должны были здѣсь выносить эти несчастные люди. Наташу солдаты били прикладами, другіе добровольно умирали отъ голодной смерти. Въ Петербургѣ до меня доходили неопредѣленные, волновавшіе меня слухи,—и вотъ я пріѣхала сюда, чтобы видѣть все собственными глазами. Мысль, что Наташа живетъ одна среди такихъ ужасовъ, была для меня невыносима.

— Когда же все это происходило?—спросилъ я.

— Въ 1882 и 1883 годахъ,—отвѣчала она. Въ маѣ 1882 года бѣжало восемь заключенныхъ, послѣ чего жизнь политическихъ арестантовъ стала такой невыносимой, что они объявили, наконецъ, голодовку и въ теченіе 13 дней не принимали пищи.

Между тѣмъ въ комнату вошли Викторъ Гастюринъ, г-жа Голенкина и двое-трое другихъ политическихъ; г-жа Армфельдтъ принесла самоваръ, налила всѣмъ намъ чаю, и разговоръ сдѣлался общимъ.

Я бы желалъ дать читателю такое живое, подробное описаніе жизни арестантовъ въ карійскихъ тюрьмахъ, какое мнѣ самому за эти дни пришлось услышать въ домѣ г-жи Армфельдтъ. Но пока я долженъ ограничиться разсказомъ о своемъ пребываніи на Карѣ и о собственныхъ наблюденіяхъ и набросать въ дальнѣйшемъ краткій очеркъ жизни политическихъ арестантовъ въ Карійскомъ округѣ въ теченіе 1880—1885 годовъ.

Подъ вечеръ 7-го ноября, ровно черезъ 24 часа послѣ своего перваго посѣщенія, я зашелъ въ послѣдній разъ въ семью Армфельдтъ. Я зналъ, что никогда больше не увижу этихъ несчастныхъ, и онѣ знали, что имъ представился послѣдній случай говорить съ тѣмъ, кто возвращается въ цивилизованный міръ и встрѣтится съ ихъ родственниками и друзьями,—и это послѣднее наше свиданіе было глубоко трогательно. Я обѣщалъ имъ быть у графа Льва Толстого и описать ему ихъ жизнь и положеніе*), далъ имъ свой адресъ, чтобы

[1]) Я сдержалъ свое обѣщаніе и разсказалъ графу Толстому объ ужасномъ положеніи семьи Армфельдтъ; но онъ не захотѣлъ и слушать о страданіяхъ политическихъ въ Восточной Сибири, не пожелалъ прочесть письмо, которое я нарочно для него захватилъ съ собой, и категорически заявилъ, что хотя онъ и чувствуетъ состраданіе ко многимъ изъ политическихъ, но все-таки не

онѣ могли писать мнѣ, если имъ когда-либо представится такая возможность, и взялъ отъ нихъ письма къ ихъ родственникамъ въ Европейскую Россію.

Нѣкоторые читатели, можетъ-быть, подумаютъ, что я подвергалъ себя излишней и совершенно неоправдываемой обстоятельствами опасности, соглашаясь быть посредникомъ по передачѣ писемъ политическихъ арестантовъ въ Сибири, такъ какъ это дѣяніе считается преступленіемъ и, будь оно открыто, могло повлечь за собою нашъ арестъ, конфискацію нашихъ бумагъ и, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, высылку за предѣлы Россійской имперіи. Я вполнѣ сознавалъ грозившую мнѣ опасность и все-таки не могъ отказываться принимать письма для передачи ихъ по назначенію. Положимъ, дорогой читатель, ты — политическій арестантъ въ рудникахъ, оставившій въ Европейской Россіи жену или мать, которымъ ты, въ теченіе многихъ лѣтъ, не могъ дать о себѣ ни единой вѣсточки, и я, американскій путешественникъ, прихожу къ тебѣ и прошу тебя довѣриться мнѣ и разсказать мнѣ все, при чемъ ты рискуешь за это быть опять закованнымъ въ цѣпи и брошеннымъ въ тюрьму. Ты исполняешь мою просьбу, а я, несмотря на это, отказываюсь доставить твоей матери или твоей женѣ письмо, въ которое ты вложилъ всю свою душу, которое ты облилъ горячими слезами. Я думаю, ты назвалъ бы меня трусомъ или счелъ бы меня очень жестокимъ человѣкомъ. Я не могъ иначе поступать. Если ссыльные рѣшались писать письма, то я рѣшался доставить ихъ по назначенію. Иногда я самъ предлагалъ свои услуги, хотя прекрасно сознавалъ, что, благодаря этому, подвергаю себя сильному безпокойству и значительному риску.

Съ наступленіемъ темноты я распрощался съ г-жой Армфельдтъ, ея матерью и другими членами вольной команды и обѣщалъ, если удастся, еще разъ зайти къ нимъ, но не скрылъ отъ нихъ, что это мнѣ кажется почти невѣроятнымъ. Полковникъ Потуловъ вернулся только около полуночи, такъ что я встрѣтился съ нимъ только на слѣдующее утро за завтракомъ. Онъ поздоровался со мной вѣжливо, но оффиціально, даже не протянувъ своей руки, и я тотчасъ же почувствовалъ перемѣну въ его обращеніи со мной. За завтракомъ онъ не произнесъ ни слова и имѣлъ разстроенный видъ. Нѣчто подобное я ожидалъ и приготовился къ этому. Къ полковнику Потулову я чувствовалъ искреннее уваженіе, такъ какъ до сихъ поръ онъ относился къ намъ превосходно. Я вполнѣ понималъ, что поставилъ его въ неловкое положеніе, и потому, желая открыто и честно высказаться передъ нимъ, я первый прервалъ молчаніе и разсказалъ ему, что во

можетъ и не хочетъ помочь имъ и отнюдь не симпатизируетъ ихъ образу дѣйствій. Они, по его словамъ, совершили насиліе и должны поэтому страдать отъ насилія. Въ Москвѣ мнѣ разсказывали, что г-жа Успенская, жена одного изъ политическихъ на Карѣ, просила графа Толстого присоединить свою лепту къ деньгамъ, предназначаемымъ для облегченія положенія политическихъ въ рудникахъ, и получила отказъ. Графъ, повидимому, не хотѣлъ даже прійти на помощь людямъ, образа дѣйствій которыхъ онъ не одобрялъ.

время его отсутствія познакомился съ политическими арестантами вольной команды.

— Да, — отвѣтилъ онъ, не глядя на меня, — я слышалъ объ этомъ. Я считаю своимъ долгомъ, — продолжалъ онъ послѣ нѣкоторой паузы, — заявить вамъ, что вы поступили, по меньшей мѣрѣ, очень неосторожно.

— Почему? — спросилъ я.

— Потому, — отвѣчалъ онъ, — что посторонніе, которые тайно знакомятся съ политическими арестантами, навлекаютъ на себя подозрѣніе правительства. Это запрещено, и вамъ предстоятъ изъ-за этого серьозныя недоразумѣнія.

— Но, — возразилъ я, — мнѣ, вѣдь, никто не говорилъ, что это запрещено. Какъ я, иностранецъ, могъ знать, что не имѣю права говорить съ людьми, находящимися на свободѣ, съ которыми я каждый день могъ встрѣтиться на улицѣ? Члены вольной команды не содержатся въ тюрьмѣ, они говорятъ со всякимъ, почему же мнѣ и не говорить бы съ ними?

— Я получилъ телеграмму, — произнесъ онъ серьозно, — отъ губернатора Барабаша (губернатора Забайкальской области, въ которой расположены карійскіе рудники), въ которой онъ проситъ принять къ свѣдѣнію, что посѣщеніе политической тюрьмы вамъ ке должно разрѣшаться, — отсюда ясно, что губернаторъ желаетъ также, чтобы вы не встрѣчались съ политическими арестантами.

— Но вы мнѣ этого не сообщили. Если бы я зналъ содержаніе телеграммы, то я былъ бы вынужденъ руководиться ею, но я не помню, чтобы вы хотя бы намекали мнѣ о томъ, что мнѣ нельзя посѣтить политическихъ вольной команды.

— Я и не подозрѣвалъ, что у васъ были такіе планы, — возразилъ онъ. — Вы никогда не говорили объ этомъ. Впрочемъ, это дѣло капитана Николина: за политическихъ отвѣчаетъ онъ. Я съ своей стороны могу васъ только предостеречь. Увѣряю васъ, что вы поступаете очень безтактно и подвергаете себя большой опасности.

Я откровенно объяснилъ полковнику Потулову, почему ничего не сообщалъ ему о своемъ намѣреніи и воспользовался его отсутствіемъ для приведенія его въ исполненіе. Я сообщилъ ему, что хотѣлъ избѣжать вмѣшательства и избавить его отъ подозрѣнія въ соучастіи.

— Никто не можетъ обвинить васъ въ томъ, что вы были какимъ бы то ни было образомъ причастны къ этой исторіи. Вы отсутствовали, и ясно, какъ божій день, что я, для выполненія своего плана, ждалъ именно этого случая.

Мои объясненія, повидимому, нѣсколько примирили его, и постепенно онъ началъ входить въ свой прежній сердечный тонъ, но еще разъ предостерегъ меня, что продолженіе знакомства съ политическими много повредитъ мнѣ.

Черезъ часъ послѣ завтрака явился капитанъ Николинъ и пожелалъ переговорить съ полковникомъ Потуловымъ по дѣлу; они вдвоемъ пробыли болѣе получаса въ кабинетѣ полковника. Я въ это

время находился въ другой части дома и приводилъ въ порядокъ свои записки, г. Фростъ рисовалъ тушью портреты съ дѣтей полковника въ гостиной, находившейся рядомъ съ кабинетомъ. Когда капитанъ Николинъ удалился, ко мнѣ зашелъ г. Фростъ и шепотомъ сообщилъ мнѣ, что онъ слышалъ часть разговора между капитаномъ и полковникомъ и что онъ не сулитъ намъ ничего добраго. Рѣчь шла о моемъ знакомствѣ съ политическими арестантами; капитанъ Николинъ настаивалъ на необходимости осмотра нашихъ бумагъ и записныхъ книжекъ, между тѣмъ какъ полковникъ Потуловъ старался защитить насъ и убѣдить жандармскаго офицера, что было бы лучше избѣжать скандала, который, несомнѣнно, былъ бы вызванъ обыскомъ нашего имущества. Разговоръ кончился замѣчаніемъ Николина, что если обыскъ не будетъ произведенъ на Карѣ, то это непремѣнно случится въ другомъ мѣстѣ. Г-нъ Фростъ былъ очень взволнованъ, да и я чувствовалъ себя не лучше. Обыскъ, по крайней мѣрѣ, въ домѣ Потулова казался мнѣ невѣроятнымъ, но я боялся, что полковникъ Потуловъ при первой возможности скажетъ мнѣ:

— Георгій Ивановичъ! капитанъ Николинъ знаетъ о вашихъ сношеніяхъ съ политическими арестантами, знаетъ, что вы провели съ ними большую часть ночи, и имѣетъ основаніе предполагать, что у васъ есть отъ нихъ письма къ ихъ роднымъ и друзьямъ. Сегодня утромъ онъ заявилъ, что считаетъ необходимымъ произвести у васъ обыскъ. Но такъ какъ вы—мои гости, то я, конечно, заступился за васъ, и мнѣ удалось отстоять васъ; при такихъ обстоятельствахъ я вынужденъ взять съ васъ честное слово, что у васъ нѣтъ подобныхъ писемъ.

Въ этомъ случаѣ я долженъ былъ бы говорить неправду человѣку, гостемъ котораго я былъ, или же предать людей, довѣрившихся мнѣ и пользовавшихся моей искренней симпатіей. То и другое дѣло невыносимо, было немыслимо — и все-таки я долженъ былъ рѣшиться на что-нибудь немедленно, пока еще не поздно. Опасность была не за горами. Я зналъ, что въ случаѣ открытія писемъ, бывшихъ при мнѣ, m-elle Армфельдтъ и всѣ остальные ихъ авторы будутъ опять заключены въ тюрьму, что бѣдная старая г-жа Армфельдтъ останется въ своей избушкѣ одна съ новымъ горемъ и, наконецъ, что это открытіе поведетъ за собою обыскъ всѣхъ моихъ бумагъ и послужитъ причиной тяжелыхъ несчастій для многихъ ссыльныхъ и чиновниковъ въ другихъ частяхъ Сибири, давшихъ мнѣ основанный на документахъ матеріалъ. Отъ заботы и нерѣшительности я находился какъ бы въ лихорадочномъ состояніи и старался, по возможности, избѣгать полковника Потулова, не давая ему случая говорить со мной наединѣ; отговорившись головной болью, я рано легъ въ постель и провелъ безсонную ночь, стараясь прійти къ какому-нибудь рѣшенію. Наконецъ, когда уже стало свѣтать, я рѣшился уничтожить письма. Я, конечно, не могъ просить на это разрѣшенія авторовъ, но былъ увѣренъ, что, въ виду такого положенія дѣла, они одобрили бы мой поступокъ. Было жестоко уничтожить письма, съ которыми у этихъ несчастныхъ людей было связано столько надеждъ — письма, которыя

для многихъ отцовъ, матерей, сестеръ и братьевъ въ Россіи имѣли громадную цѣнность, — но иначе поступить было нельзя.

Теперь предстояло рѣшить: какъ же уничтожить письма? Послѣ обнаруженія моихъ тайныхъ свиданій съ политическими арестантами, я, внѣ сомнѣнія, подвергался еще большему надзору, чѣмъ прежде. Моя комната не имѣла дверей и была отдѣлена отъ одной изъ комнатъ дома и отъ передней драпировками. Большое окно безъ занавѣски, находившееся почти въ уровень съ землею, давало возможность заглядывать въ него вооруженнымъ часовымъ, день и ночь стоявшимъ у входа. Если бы я разорвалъ письма на мелкіе клочки, то ихъ нужно было бы опять собрать; если бы я сжегъ ихъ, то запахъ гари выдалъ бы меня, и къ тому же при томъ или иномъ занятіи меня могъ застать полковникъ Потуловъ, часто входившій ко мнѣ безъ предупрежденія. Черезъ полчаса послѣ того, какъ я всталъ, вошелъ денщикъ и затопилъ большую кафельную печь. Тогда пришло мнѣ въ голову выждать благопріятнаго момента, когда не будетъ видно часового, а полковникъ Потуловъ заговоритъ съ г. Фростомъ, — и незамѣтно бросить письма въ огонь. Заглянувъ сначала въ переднюю, чтобы удостовѣриться, что съ этой стороны мнѣ не угрожаетъ опасности, я осторожно открылъ желѣзную дверь печки и, убѣдившись, что часового невидать, бросилъ письма въ огонь. Черезъ пять минутъ отъ нихъ не осталось и слѣда. Затѣмъ я вычистилъ много именъ въ своихъ записныхъ книжкахъ, часть ихъ записалъ шифромъ и вообше, какъ можно тщательнѣе, готовился къ обыску.

Когда я вспоминаю теперь пережитое мною на Карѣ, два факта тяжелымъ камнемъ ложатся мнѣ на душу, — и дорого бы я далъ, чтобы ихъ не было. Первый — сожженіе писемъ. Я больше не видалъ политическихъ ссыльныхъ на Карѣ, и мнѣ не представилось случая объяснить имъ, какія обстоятельства побудили меня поступить такимъ образомъ; а сейчасъ мои объясненія для многихъ изъ нихъ уже слишкомъ запоздали. Не прошло и года со времени моей встрѣчи съ г-жой Н. Армфельдтъ, какъ она умерла отъ чахотки, и письма ея, мною уничтоженныя, были, можетъ-быть, послѣдними, которыя ей пришлось писать. Въ концѣ концовъ, вѣдь никто не взялъ съ меня честнаго слова, никто не произвелъ у меня обыска, и я могъ бы доставить по назначенію и эти письма, какъ впослѣдствіи ничто мнѣ не помѣшало сдѣлать это со многими другими письмами.

Вторымъ несчастнымъ обстоятельствомъ за время моего пребыванія на Карѣ является то, что я упустилъ навѣстить доктора Эдуарда Веймара, одного изъ самыхъ выдающихся политическихъ арестантовъ вольной команды, который въ то время лежалъ больнымъ въ послѣдней стадіи чахотки. Это былъ врачъ изъ богатой, аристократической семьи, лѣтъ 35; до своей ссылки онъ жилъ въ большомъ домѣ на Невскомъ проспектѣ, близъ Адмиралтейской площади, въ Петербургѣ и одно время былъ близко знакомъ съ великой княгиней Маріей Θеодоровной. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. онъ стоялъ во главѣ ея лазарета, получилъ орденъ Анны за отличіе по службѣ во время похода и три или четыре Георгіевскихъ креста

за храбрость на полѣ сраженія; генералъ Гурко, съ которымъ онъ сдѣлалъ переходъ черезъ Балканы, цѣнилъ его очень высоко. На основаніи самыхъ ничтожныхъ, несущественныхъ уликъ, онъ былъ осужденъ, какъ революціонеръ, и, послѣ года одиночнаго заключенія въ казематахъ Петропавловской крѣпости, былъ сосланъ въ карійскіе рудники. По поводу его процесса лондонская „Times“ въ передовой статьѣ выразилась слѣдующимъ образомъ:

„Нашъ петербургскій корреспондентъ въ телеграммѣ, которую мы опубликовываемъ въ сегодняшнемъ номерѣ, сообщаетъ намъ приговоры, произнесенные вчера надъ арестованными членами нигилистическаго сообщества. Западнымъ наблюдателямъ эти такъ называемые государственные процессы кажутся позорной пародіей правосудія. Судебное разбирательство этого дѣла даетъ яркое доказательство того, что при помощи военнаго положенія управлять можетъ всякій. Военный судъ имѣетъ то преимущество, что наказываетъ строго и быстро, но правосудіе русскихъ военныхъ судовъ жестоко благодаря своей медлительности, совершенно нелогично въ своемъ методѣ и невѣроятно сурово въ своихъ приговорахъ...

„Среди подсудимыхъ, которые вчера были осуждены, находился докторъ Веймаръ, человѣкъ, которымъ его отечество имѣло бы всѣ основанія гордиться. Это во всѣхъ отношеніяхъ истинный джентльменъ. Въ качествѣ врача, онъ отдалъ все свое время, всѣ свои знанія на служеніе страдающему человѣчеству. Онъ имѣетъ (или вѣрнѣе имѣлъ до вчерашняго дня, такъ какъ сегодня онъ только каторжникъ въ рудникахъ, гдѣ стережетъ его вѣрная и близкая смерть) много русскихъ и румынскихъ орденовъ и медаль за турецкую кампанію. Онъ находился при войскахъ, которыя подъ начальствомъ Гурко совершили извѣстное дѣло — переходъ черезъ Балканы. Обвиненія противъ этого человѣка, способъ, какимъ дѣло было раздуто и искажено, показались бы преувеличенными даже въ самой вольной комедіи. Если только можно вѣрить отчетамъ объ этомъ процессѣ, то даже въ „Mr. Justice Hategood“ Буніана и „Grippeminaud“ Раблэ капризы несправедливости не проявлялись въ такихъ размѣрахъ...

„Были вызваны свидѣтели, которые должны были давать показанія относительно доктора Веймара, — и всѣ они высказались объ его нравственности и храбрости во время войны въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Это противорѣчило обвинительному акту. Если обвиненія противъ доктора Веймара соотвѣтствовали истинѣ, то было ясно, что выдающійся, стоящій выше всѣхъ похвалъ гражданинъ такъ отчаявался въ положеніи своего отечества, что вступилъ въ заговоръ съ такими злодѣями, какъ Соловьевъ, и помогалъ другимъ такимъ же убійцамъ. Можно было ожидать, что со стороны обвиненія на судъ были вызваны свидѣтели, чтобы очернить характеръ обвиняемаго или доказать, по крайней мѣрѣ, что воздаваемая ему похвала не соотвѣтствуетъ заслугамъ. Но ничего подобнаго не случилось. Обвинитель сказалъ: „господа, я могъ бы выставить цѣлый рядъ свидѣтелей, которые показали бы совершенно противоположное. Но, къ несчастью, они всѣ отсутствуютъ“. Для военнаго суда слово предсѣдателя-гене-

рала послужило руководствомъ... Никакой другой случай не могъ бы бросить болѣе яркій свѣтъ на ужасное состояніе русскаго общества и русскаго правосудія. Одно изъ двухъ, или деспотизмъ довелъ достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ и выдающагося гражданина до тайной измѣны, или доктору Веймару было предъявлено завѣдомо фальшивое обвиненіе и онъ понесъ несправедливое наказаніе. Какъ бы то ни было, этотъ процессъ, если отчеты о немъ достовѣрны,— скандаленъ даже для военнаго суда".

Великая княгиня Марія Өеодоровна, лазаретомъ которой завѣдывалъ докторъ Веймаръ во время русско-турецкой войны, лично очень интересовалась его участью и была увѣрена въ его невиновности,— но и она не могла спасти его. Когда въ 1881 году она сдѣлалась императрицей, она отправила полковника Норда въ карійскіе рудники, чтобы предложить доктору Веймару свободу, если онъ дастъ честное слово, что не будетъ предпринимать ничего противъ правительства. Докторъ Веймаръ отвѣтилъ, что не можетъ связать себя честнымъ словомъ, пока ему неизвѣстно положеніе дѣлъ въ Россіи при новомъ царѣ (Александрѣ III). Если правительство разрѣшитъ ему вернуться въ Петербургъ на честное слово или подъ конвоемъ, чтобы ему на мѣстѣ можно было составить себѣ понятіе о настоящемъ положеніи Россіи, то въ этомъ случаѣ онъ будетъ въ состояніи дать окончательный отвѣтъ на ея предложеніе; но онъ не можетъ связать себя до тѣхъ поръ, пока не увидитъ, какъ теперь управляется Россія. Полковникъ Нордъ имѣлъ много свиданій съ нимъ и всячески старался заставить доктора Веймара измѣнить свое рѣшеніе. Но все было тщетно.

Когда г. Фростъ и я прибыли въ карійскіе рудники, докторъ Веймаръ былъ выпущенъ изъ тюрьмы, но лежалъ въ послѣдней стадіи чахотки, развившейся подъ вліяніемъ невозможнаго состоянія сибирскихъ тюремъ. Въ ту ночь, которую я проводилъ въ домѣ г-жи Армфельдтъ, политическіе арестанты хотѣли проводить меня къ нему, но, по ихъ словамъ, онъ былъ уже такъ слабъ, что едва могъ говорить и каждую минуту можно было ожидать его смерти. Послѣ того впечатлѣнія, которое произвело мое внезапное появленіе на г-жу Армфельдтъ и другихъ политическихъ, я не рѣшился взволновать умирающаго человѣка своимъ посѣщеніемъ среди ночи. Впослѣдствіи мнѣ приходилось искренно и горько жалѣть объ этомъ. Докторъ Веймаръ умеръ спустя короткое время, а черезъ 6 мѣсяцевъ, когда я находился въ Петербургѣ на обратномъ пути изъ Сибири, меня навѣстила интеллигентная, интересная молодая дама, съ которой онъ былъ обрученъ передъ своей ссылкой. Она слышала, что я находился на Карѣ, когда ея обрученный былъ при смерти, и пришла ко мнѣ въ надеждѣ, что я привезъ ей письмо или, по крайней мѣрѣ, послѣдній привѣтъ отъ него. Въ ноябрѣ прошлаго года, когда она готовилась къ путешествію за 6000 верстъ, чтобы на Карѣ обвѣнчаться съ докторомъ Веймаромъ, капитанъ Николинъ кратко извѣстилъ ее о его смерти. Хотя съ тѣхъ поръ прошло уже полгода, но больше она не получала

никакихъ вѣстей съ Кары. Ни докторъ Веймаръ на смертномъ одрѣ, ни друзья его послѣ его смерти не получили разрѣшенія написать ей, я былъ ея послѣдней надеждой. Читатель можетъ себѣ представить, какъ тяжело мнѣ было сказать ей, что я имѣлъ возможность видѣть д-ра Веймара и привезти ей послѣднія вѣсти отъ умирающаго, но я не навѣстилъ его. Не мало печальнаго и грустнаго пережилъ я за время своего путешествія по Россіи, но необходимость сказать ей это была для меня, кажется, самымъ печальнымъ, самымъ тяжелымъ долгомъ, когда-либо ниспосланнымъ мнѣ судьбой.

Я провелъ еще одинъ вечеръ съ этой дамой въ ея домѣ. Она разсказывала мнѣ исторію героической, полной самоотверженности жизни доктора Веймара, читала мнѣ письма, которыя онъ присылалъ ей съ театра войны изъ Болгаріи, и, наконецъ, заливаясь слезами, показала мнѣ самую драгоцѣнную и святую для нея реликвію, которая у нея осталась отъ него, — ручную работу, которую онъ сдѣлалъ въ своей камерѣ на Карѣ и которую ему удалось тайно доставить ей, на память о себѣ.

Это была полоска грубаго холста, употребляемаго для арестантскихъ рубахъ, около 3 дюймовъ въ ширину и 15 футовъ длины, на которой самой грубой и дешевой цвѣтной пряжей были со вкусомъ вышиты разныя геометрическія фигуры.

— О чемъ только не думалъ онъ, сидя надъ этой работой! — сказала она, заливаясь слезами.

Послѣ нашего послѣдняго посѣщенія г-жи Армфельдтъ, мы еще пять дней пробыли на Карѣ, но постоянный надзоръ не далъ намъ возможности предпринять еще что-либо. Теперь я приступаю къ систематическому изложенію того, что мнѣ удалось узнать на мѣстѣ, и посвящу эту и слѣдующую главы болѣе или менѣе полному изложенію длинной и ужасной исторіи карійскихъ поселеній*).

---

*) Все, что сообщается на слѣдующихъ страницахъ, тщательно провѣрено съ истиной; большинство данныхъ основано на неоспоримыхъ офиціальныхъ источникахъ. Можетъ-быть, въ ту или иную подробность и вкралась незначительная ошибка, но въ доказательство правдивости главныхъ сторонъ моихъ данныхъ, только короткимъ очеркомъ которыхъ является моя работа, могутъ быть предъявлены свидѣтельства и показанія, которыя признаны были бы дѣйствительными даже русскимъ судомъ. Факты, касающіеся полковника Кононовича и его отношеній къ карійскимъ тюрьмамъ и рудникамъ, сообщены мнѣ отчасти политическими арестантами, отчасти и чиновниками на Карѣ, въ Читѣ, Иркутскѣ и Петербургѣ. Письмо, въ которомъ Кононовичъ отказывается отъ мѣста начальника Карійскаго округа, хранится въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, и всѣ подробности его отставки извѣстны не только политическимъ арестантамъ, но и многимъ чиновникамъ, съ которыми я имѣлъ случай разговаривать. Я жалѣю, что осторожность и нѣкоторыя другія обстоятельства не позволяютъ мнѣ указывать источники. Впечатлѣніе отъ моихъ разсказовъ было бы гораздо сильнѣе, если бы, ссылаясь на источники своихъ сообщеній я могъ доказать, что обязанъ своими свѣдѣніями по этому вопросу вполнѣ компетентнымъ лицамъ, положеніе которыхъ служитъ достаточнымъ ручательствомъ въ ихъ безпристрастности.

Въ небольшомъ числѣ государственныхъ преступниковъ русское правительство стало отправлять въ карійскіе рудники еще въ 1873 году, но только съ 1879 года это вошло въ обычай. Большинство приговоренныхъ къ каторгѣ политическихъ до 1879 года отбывали свой срокъ наказанія или въ одиночномъ заключеніи, или въ отдѣленіи для каторжныхъ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ, или, наконецъ, въ центральной исправительной тюрьмѣ въ Харьковѣ. Когда же революціонное движеніе стало развиваться, дѣлалось все сильнѣе и опаснѣе, и тюрьмы Европейской Россіи стали переполняться политическими преступниками, министръ внутреннихъ дѣлъ началъ отправлять наиболѣе опасныхъ, приговоренныхъ къ каторгѣ государственныхъ преступниковъ въ карійскіе рудники, гдѣ они помѣщались въ зданіяхъ, первоначально предназначенныхъ для обыкновенныхъ преступниковъ*).

Въ декабрѣ 1880 года въ карійскихъ тюрьмахъ находилось около 50 политическихъ арестантовъ, между тѣмъ какъ 9 человѣкъ, кончившихъ срокъ испытанія, жили внѣ тюрьмы въ маленькихъ избушкахъ. Большинство заключенныхъ мужчинъ должны были работать вмѣстѣ съ обыкновенными преступниками на пріискахъ, но такъ какъ рабочіе часы не были слишкомъ продолжительны, то они считали для себя удовольствіемъ выбраться изъ душной, отравленной атмосферы тюремныхъ камеръ и въ теченіе 6—8 часовъ въ день работать на солнцѣ и свѣжемъ воздухѣ.

Во главѣ карійскихъ поселеній стоялъ тогда полковникъ Кононовичъ, высокообразованный, гуманный и симпатичный человѣкъ, о которомъ и теперь еще государственные преступники Восточной Сибири вспоминаютъ съ благодарностью и уваженіемъ. Онъ не былъ революціонеромъ и не сочувствовалъ революціи, но признавалъ фактъ, что среди политическихъ арестантовъ было много образованныхъ, благородныхъ людей, которыхъ неправедливость и произволъ довели до отчаянія. Онъ признавалъ, что ими руководила самоотверженная любовь къ родинѣ, хотя и не сочувствовалъ ихъ образу дѣйствія. Въ виду этого онъ относился къ нимъ съ добротой и снисходительностью и каждому изъ нихъ облегчалъ, по мѣрѣ возможности, тягости тюремной жизни. Въ то время въ карійскихъ тюрьмахъ находилось нѣсколько государственныхъ преступниковъ, которые, по приказу жандармскаго офицера, въ качествѣ дисциплинарнаго наказанія были прикованы къ тачкѣ**).

---

*) Въ то время политической особой тюрьмы еще не было, и государственные преступники распредѣлялись по острогамъ вмѣстѣ съ обыкновенными преступниками, гдѣ они занимали такъ называемыя „секретныя камеры", предназначенныя для одиночнаго заключенія. Спустя нѣкоторое время ихъ стали помѣщать въ одиноко стоящее, старое зданіе на Средней Карѣ, гдѣ они жили всѣ вмѣстѣ въ одной большой камерѣ. Подобно обыкновеннымъ преступникамъ, они должны были каждый день работать на золотыхъ пріискахъ; по истеченіи срока испытанія они выпускались изъ тюрьмы и зачислялись въ вольную каманду.

**) Это наказаніе еще до настоящаго времени допустимо закономъ и примѣняется по отношенію къ арестантамъ, приговореннымъ къ пожизненной каторгѣ

Для полковника Кононовича была невыносима мысль о томъ, что люди высокообразованные, сильные волей подвергаются такимъ унизительнымъ, позорнымъ наказаніямъ и, не имѣя возможности безъ соотвѣтственнаго разрѣшенія изъ Петербурга, избавить отъ нихъ политическихъ, онъ все-таки отдалъ распоряженіе убирать тачки во время его посѣщенія тюрьмы, чтобы ему, по крайней мѣрѣ, не приходилось это видѣть. Гуманность и сочувствіе къ страданіямъ другихъ, вызвавшія это распоряженіе, прекрасно характеризуютъ отношенія полковника Кононовича къ политическимъ арестантамъ; пока ему не препятствовали въ этомъ, онъ обращался съ ними благосклонно и снисходительно, находя, что ихъ жизнь и безъ того тяжела. Однако, къ концу 1880 года министръ внутреннихъ дѣлъ издалъ цѣлый рядъ предписаній, клонившихся, повидимому, къ тому, чтобы ограничить привилегіи арестованныхъ государственныхъ преступниковъ и усилить ихъ наказанія. Прежде всего имъ запретили всякую переписку со своими близкими. Это ничѣмъ не оправдываемое запрещеніе было ужаснымъ лишеніемъ для арестантовъ, оставившихъ въ Европейской Россіи женъ, дѣтей, отцовъ или матерей. Далѣе имъ было запрещено работать на пріискахъ, и такимъ образомъ они лишились единственной возможности видѣть внѣшній міръ, дышать свѣжимъ, чистымъ воздухомъ и поддерживать свои силы физическимъ трудомъ. Наконецъ, въ серединѣ декабря 1880 года былъ изданъ приказъ уничтожить вольную команду, перевести опять всѣхъ членовъ ея въ тюрьму, остричь имъ полголовы и заковать ихъ опять въ кандалы*).

Полковникъ Кононовичъ считалъ этотъ приказъ совершенно лишнимъ и безчеловѣчно строгимъ и всячески старался добиться его отмѣны или, по крайней мѣрѣ, смягченія. Его старанія остались безплодными, и 28 декабря онъ созвалъ членовъ вольной команды,

---

Арестантъ при помощи цѣпи, соединенной съ ножными кандалами, приковывается къ небольшой тачкѣ. Эта цѣпь настолько длинна, что даетъ ему возможность свободно передвигаться, но ни внѣ тюрьмы, ни въ своей камерѣ онъ не можетъ сдѣлать ни шагу безъ того, чтобы не толкать передъ собою тачку. Даже ночью онъ остается прикованнымъ къ ней. Такъ наказаны было на Карѣ четверо политическихъ: Попко, Березникъ, Фомичевъ и Щедринъ. Послѣдній только въ 1884 году былъ избавленъ отъ тачки. Подвергались ли съ тѣхъ поръ этому унизительному наказанію другіе, не знаю.

*) Всѣ эти предписанія исходили отъ либеральнаго министра Лорисъ-Меликова, и я никогда не былъ въ состояніи добиться объясненія противорѣчія между его отношеніемъ къ либераламъ и обращеніемъ съ осужденными государственными преступниками. Одни изъ чиновниковъ, которыхъ я разспрашивалъ объ этомъ, не колеблясь, отвѣчали, что министръ хотѣлъ ухудшить положеніе политическихъ арестантовъ; другіе полагали, что онъ былъ недостаточно освѣдомленъ въ этомъ вопросѣ и дѣйствовалъ, руководясь тѣмъ мнѣніемъ, что политическіе его времени заслуживаютъ не больше симпатіи, чѣмъ декабристы 1825 года. Декабристы де, несмотря на то, что были знатные дворяне, понесли жестокое наказаніе, а потому и нынѣшніе нигилисты не заслуживаютъ лучшаго. Много политическихъ ссыльныхъ, съ которыми я встрѣтился въ Сибири, считали симпатичныя отношенія Лорисъ-Меликова къ либеральнымъ партіямъ реформъ неискренними и притворными; на мой взглядъ, въ дѣлѣ ссыльныхъ онъ, лично не вдаваясь въ него, исполнялъ только чужую волю.

прочелъ имъ послѣднее распоряженіе, не скрылъ отъ нихъ, что онъ сдѣлалъ все возможное для его измѣненія, но что его усилія были напрасны; онъ на собственный рискъ даетъ имъ еще три дня свободы для устройства домашнихъ дѣлъ. Утромъ 1 января 1881 года они должны явиться въ тюрьму. Это сообщеніе для всѣхъ членовъ вольной команды было ужаснымъ ударомъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ они жили сравнительно на свободѣ въ своихъ собственныхъ избахъ, нѣкоторые съ женами и дѣтьми, прибывшими сюда за 7000 верстъ. Послѣ короткаго, всего трехдневнаго срока ихъ опять разлучатъ со своими семьями и въ оковахъ опять бросятъ въ тюрьму. Одни должны были оставить женъ и дѣтей въ карійскомъ поселеніи, другіе были такъ слабы, такъ болѣзненны, что въ строгомъ заключеніи ихъ ожидалъ близкій конецъ; всѣ они съ ужасомъ и содроганіемъ думали о кандалахъ, зачумленномъ воздухѣ, паразитахъ и другихъ лишеніяхъ тюремной жизни.

Въ вольной командѣ жилъ тогда молодой, 33 лѣтъ, юристъ Евгеній Семеновскій. Это былъ сынъ извѣстнаго врача въ Кіевѣ, человѣкъ съ благороднымъ характеромъ и выдающимися способностями. Ко времени своего ареста онъ былъ въ Петербургѣ присяжнымъ повѣреннымъ; сослали же его въ каторгу за то, что онъ имѣлъ какія-то отношенія къ революціонной газетѣ „Впередъ“. Послѣ 4—5 лѣтъ пребыванія въ карійскихъ рудникахъ его здоровье было такъ разстроено, что онъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы и переведенъ въ вольную команду. На послѣднемъ собраніи политическихъ арестантовъ и ихъ женъ вечеромъ, наканунѣ новаго года, Семеновскій былъ въ очень подавленномъ настроеніи и простился со своими товарищами чрезвычайно сердечно, находясь въ какомъ-то особомъ возбужденіи. Около 2 часовъ ночи г. Чарушинъ, политическій арестантъ, въ избѣ котораго жилъ Семеновскій, былъ разбуженъ выстрѣломъ изъ ружья. Онъ поспѣшилъ въ комнату Семеновскаго и нашелъ его съ простреленной головой. Несчастный дышалъ еще, но больше не приходилъ въ сознаніе и, часъ спустя, кончилъ свой тяжелый жизненный путь. На столѣ лежало письмо, адресованное отцу, и записка на имя Чарушина, въ которой онъ просилъ его, по возможности, отправить письмо по адресу. Вотъ это письмо:

Канунъ новаго года 1880—1881.

„Дорогой отецъ! Только что я вернулся отъ своихъ товарищей, съ которыми я провожалъ старый годъ. Новый годъ начинается для насъ при очень грустныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ. Ты получилъ, должно-быть, письмо отъ жены одного изъ моихъ товарищей, которую я просилъ сообщить тебѣ, что намъ запрещено писать письма — даже своимъ родителямъ. Уже это запрещеніе было безсмысленно и безчеловѣчно, но насъ ожидало нѣчто еще худшее, о чемъ я еще ничего не зналъ, когда писалъ то письмо. Дней 10 спустя намъ сообщили, что всѣ мы должны опять вернуться въ тюрьму и быть снова закованными въ цѣпи. Насъ здѣсь 9 человѣкъ: Шишко, Чарушинъ, Квятковскій, Успенскій, Союзовъ, Богдановъ, Терентьевъ,

Тевдулъ и я; всѣ мы прожили 2 года сравнительно на свободѣ. Когда Лорисъ-Меликовъ запретилъ намъ всякую переписку, мы уже предвидѣли, что въ дальнѣйшемъ насъ не ожидаетъ ничего добраго; это распоряженіе было намекомъ на то, что насъ не оставятъ въ покоѣ. Завтра мы должны вернуться въ тюрьму. Не будь къ намъ довѣрія со стороны полковника Кононовича, мы были бы арестованы и заключены въ тюрьму немедленно по полученіи приказа. Но онъ далъ намъ еще нѣсколько дней сроку, чтобы покончить со своими дѣлами. Мы использовали послѣдній разъ свою свободу для того, чтобы сообща проводить старый годъ и встрѣтить новый. Но я хочу воспользоваться свободой еще для другой цѣли. Не будетъ ли это измѣной по отношенію къ довѣрію полковника Кононовича!? пусть такъ, но я все-таки долженъ привести въ исполненіе свое намѣреніе.

„Можетъ-быть, читающій слова „они возвращаются въ тюрьму", приметъ насъ за барановъ, которые покорно подставляютъ свои шеи подъ ножъ мясника; но такое сравненіе было бы громадной ошибкой. Бѣгство было бы единственнымъ средствомъ избѣжать такого положенія, какъ наше, — но какъ и куда могли бы мы бѣжать при температурѣ — 35° и безъ всякихъ приготовленій? Почему мы не дѣлали ихъ, ты знаешь, если получилъ мое письмо отъ послѣдняго августа.

„Я лично рѣшился въ случаѣ, если приказъ о возвращеніи въ тюрьму придетъ весною, сдѣлать попытку бѣжать, такъ какъ въ такое время года была бы, по крайней мѣрѣ, надежда на успѣхъ, и я могъ бы заранѣе сдѣлать необходимыя приготовленія. Но судьба рѣшила иное. Я чувствую, что мои физическія силы убываютъ съ каждымъ днемъ, знаю также, что моя слабость вскорѣ повліяетъ на мои умственныя силы, что мнѣ угрожаетъ сдѣлаться полнымъ идіотомъ — все это, пока я живу внѣ тюрьмы. Что же будетъ со мною въ тюрьмѣ? Единственной надеждой, заставлявшей меня еще дорожить жизнью, было вернуться когда-либо въ Россію и получить возможность служить великому и справедливому дѣлу, которому я посвятилъ себя; но какимъ образомъ можетъ быть полезенъ этому дѣлу человѣкъ, умственныя и физическія силы котораго надломлены? Если я лишенъ надежды послужить свободѣ, то что же остается мнѣ еще? Личное самооправданіе. Но прежде чѣмъ настанетъ моментъ полнаго удовлетворенія, они десять разъ могутъ подвергнуть меня пыткѣ. Въ виду этого я пришелъ къ заключенію, что моя жизнь не имѣетъ больше ни цѣли, ни смысла, что я имѣю, наконецъ, право положить конецъ страданіямъ, которыя безполезны и безцѣльны. Я уже давно усталъ и изнемогъ; только мысль о родинѣ до сихъ поръ удерживала меня отъ самоубійства. Я знаю, что я тебѣ, дорогой отецъ, и тебѣ, дорогой Саша*), какъ и всѣмъ, которые любятъ меня, причиню ужасное горе; но развѣ ваша любовь недостаточно велика для того, чтобы простить самоубійство человѣку, котораго измучили до послѣдней степени? Поймите же, что въ теченіе этихъ послѣднихъ годовъ меня буквально замучили до смерти. Ради всего, что дорого вамъ, заклинаю васъ

---

*) Саша — братъ Семеновскаго.

простить меня! Вы знаете, что мои послѣднія мысли были о васъ, что я жилъ бы и дальше, если бы на это хватало моихъ силъ, жилъ хотя бы только для того, чтобы не причинить вамъ этого горя, — но мои силы истощились. Сумасшествіе или смерть — это единственное, изъ чего мнѣ осталось выбирать; а въ такомъ случаѣ смерть — самое лучшее.

„Прощай навсегда, дорогой, добрый отецъ и другъ! Прощайте, Саша и ты, мой младшій братъ, котораго я едва зналъ! Знайте, что лучше умереть даже такъ, какъ я умираю, чѣмъ жить безчестно и безъ убѣжденій.

„Еще разъ прощайте! Не поминайте лихомъ вашего сына и брата, который даже въ несчастіи находитъ утѣшеніе“.

Евгеній.

Прахъ Евгенія Семеновскаго покоится на кладбищѣ политическихъ преступниковъ Восточной Сибири на одинокомъ холмѣ, носящемъ названіе „Арестантской головы“. Простой деревянный крестъ, стоящій на его могилѣ, скоро развалится, и никто не будетъ знать, гдѣ мѣсто упокоенія человѣка, блестящіе таланты котораго, высокая нравственность и сознаніе долга передъ родиной могли бы сдѣлать изъ него неоцѣнимаго работника на службѣ свободѣ и гуманности.

Полковникъ Кононовичъ былъ, конечно, потрясенъ самоубійствомъ Семеновскаго, но это было только началомъ длиннаго ряда трагическихъ происшествій, явившихся послѣдствіями строгихъ мѣръ правительства противъ политическихъ.

Вскорѣ послѣ самоубійства Семеновскаго отравился г. Родинъ, также политическій арестантъ, выпивъ раствора фосфоровыхъ спичекъ въ стаканѣ воды. Г-нъ Успенскій повѣсился въ банѣ, и г-жа Ковалевская, сестра извѣстнаго русскаго политико-эконома, В. Воронцова[1]), сошла съ ума; она безпрестанно кричала, разбила окна своей камеры и до того буйствовала, что должны были надѣть на нее смирительную рубаху.

Полковникъ Кононовичъ такъ былъ пораженъ этими доказательствами человѣческихъ страданій, что рѣшилъ уйти съ мѣста начальника Карійскаго округа, каковы бы ни были послѣдствія этого шага. Онъ написалъ генералъ-губернатору Восточной Сибири и министру внутреннихъ дѣлъ откровенное и смѣлое письмо, въ которомъ назвалъ новыя распоряженія относительно политическихъ арестантовъ не только чрезвычайно безтактными, но прямо-таки жестокими, и добавилъ, что если съ политическими слѣдуетъ обращаться въ духѣ новыхъ правилъ, то пусть уже лучше пришлютъ на Кару палача. Онъ—не палачъ и не можетъ рѣшиться на исполненіе приказовъ, противорѣчащихъ всѣмъ его чувствамъ и убѣжденіямъ; въ виду этого онъ проситъ отставки. Послѣдняя была принята; лѣтомъ 1881 года полковникъ Кононовичъ покинулъ карійскіе рудники и, спустя нѣко-

---

[1]) *В. Воронцовъ*, — авторъ „Судебъ капитализма въ Россіи“ и большого числа статей по политической экономіи въ журналахъ: „Вѣстникъ Европы“, „Отечественныя Записки“ и „Русская Мысль“.

торое время, отправился въ Петербургъ. По пути въ Иркутскъ онъ былъ принятъ генералъ-губернаторомъ Анучинымъ, который, между прочимъ, замѣтилъ съ холодной презрительностью:

— Человѣкъ вашихъ взглядовъ, полковникъ Кононовичъ, конечно, негоденъ въ начальники карійскихъ тюремъ и рудниковъ; я сомнѣваюсь, годится ли онъ вообще для государственной службы.

— Хорошо,—отвѣтилъ Кононовичъ,—я выйду въ полную отставку.

Скоро, по прибытіи въ Петербургъ, полковникъ Кононовичъ былъ на аудіенціи у г. Дурново[1]), секретаря министерства внутреннихъ дѣлъ, которому онъ въ разговорѣ сказалъ слѣдующее:

— Я никогда не нарушалъ закона, всегда настаивалъ на его исполненіи и всегда поддерживалъ необходимую дисциплину. Если вы хотите соблюдать порядокъ среди политическихъ арестантовъ на Карѣ и заставить ихъ уважать правительство, то должны посылать туда людей моихъ убѣжденій. Что я не преслѣдую какихъ-либо собственныхъ цѣлей, видно уже изъ того факта, что мое поведеніе было опасно для меня самого. Вы получили, должно-быть, много обвиненій противъ меня со стороны другихъ чиновниковъ. Но я не боюсь ни обвиненій, ни вражды — я боюсь только своей собственной совѣсти; противъ нея я никогда не буду поступать. Распоряженія правительства сдѣлали для меня невозможнымъ служить ему въ качествѣ начальника карійскихъ тюремъ по совѣсти, и я подалъ въ отставку. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ я буду поступать такимъ же образомъ.

Дальнѣйшая исторія карійскихъ поселеній, которую я изложу въ слѣдующей главѣ, должно-быть, не разъ напоминала г. Дурново объ этихъ смѣлыхъ, откровенныхъ словахъ.

Къ сожалѣнію, я только о немногихъ сибирскихъ тюрьмахъ могу сообщить благопріятное и только о немногихъ сибирскихъ чиновникахъ могу отозваться съ похвалой, почему мнѣ доставляетъ особое удовольствіе сообщить здѣсь, что о полковникѣ Кононовичѣ я слышалъ почти только хорошее. Среди политическихъ арестантовъ, честныхъ чиновниковъ и безукоризненныхъ гражданъ господствовало о немъ только одно мнѣніе, какъ о гуманномъ, симпатичномъ, сердечномъ человѣкѣ и неустрашимомъ, интеллигентномъ, во всѣхъ отношеніяхъ честномъ чиновникѣ. Почти всѣ улучшенія, введенныя въ карійскихъ поселеніяхъ въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ, принадлежатъ тому времени, когда начальникомъ на Карѣ былъ полковникъ Кононовичъ. Въ виду этого должно искренно жалѣть, что онъ буквально былъ изгнанъ изъ Сибири самыми низкими и продажными чиновниками. Они называли его „слабымъ", „сентиментальнымъ", „соціалистомъ", симпатизировавшимъ убѣжденіямъ политическихъ арестантовъ. Нерчинскій исправникъ въ городскомъ клубѣ публично хвастался тѣмъ, что онъ де уже позаботится о томъ, чтобы полковникъ Кононовичъ, съ желтымъ лоскутомъ на спинѣ, былъ сосланъ въ Якутскую область. Съ какой готовностью даже высокопоставленные чиновники сибирской администраціи пользовались ничтожными обвиненіями про-

---

[1]) Впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ.

тивъ него, видно изъ слѣдующаго анекдота. Въ послѣдній годъ пребыванія полковника Кононовича на Карѣ туда былъ доставленъ очень молодой политическій преступникъ, нѣкто Бибиковъ. Продолжительныя страданія въ пути такъ озлобили молодого человѣка, что онъ напоминалъ пойманнаго волка. Онъ считалъ, повидимому, всѣхъ своими врагами, смотрѣлъ на всякаго чиновника такъ, какъ будто ожидалъ отъ него удара,—ожидалъ хотя и со страхомъ, но все-таки готовый дорого отдать свою жизнь. Полковникъ Кононовичъ принялъ его радушно и вѣжливо, послалъ ему чрезъ жену одного изъ политическихъ чистое бѣлье, заботился о его физическихъ потребностяхъ и увѣрялъ его, что никто его не обидитъ и не оскорбитъ. Молодой арестантъ не мало былъ удивленъ такимъ пріемомъ, и въ письмѣ, которое онъ впослѣдствіи отправилъ одному изъ своихъ друзей въ Европейской Россіи, писалъ: „я доволенъ, что, благодаря знакомству съ полковникомъ Кононовичемъ, я пришелъ къ убѣжденію, что русскій полковникъ не есть обязательно дикій звѣрь". Это письмо въ Россіи попало въ руки полиціи, затѣмъ министромъ внутреннихъ дѣлъ было отправлено губернатору Забайкальской области, генералу Ильяшевичу, а этимъ послѣднимъ — Кононовичу съ предложеніемъ дать по поводу него свои объясненія. Это письмо считали, повидимому, вещественнымъ доказательствомъ того, что отношенія карійскаго начальника къ политическимъ арестантамъ дружественны и внушаютъ подозрѣніе. Кононовичъ попросту игнорировалъ это дѣло. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда онъ по дѣламъ находился въ Читѣ, губернаторъ Ильяшевичъ спросилъ его, получилъ ли онъ его письмо.

— Конечно, — отвѣтилъ Кононовичъ, — но какой же отвѣтъ или какое объясненіе вы ждали на него? Можетъ-быть, мнѣ слѣдовало бы извиниться въ томъ, что меня кто-то принялъ за человѣческое существо, а не за дикаго звѣря?

Такой взглядъ на это дѣло смутилъ губернатора; онъ высказалъ предположеніе, что его секретарь, должно-быть, не совсѣмъ ясно изложилъ ему дѣло и прекратилъ разговоръ на эту тему.

Послѣ того, какъ полковникъ Кононовичъ оставилъ свое мѣсто на Карѣ, онъ былъ назначенъ командиромъ забайкальскихъ казаковъ въ Нерчинскѣ. Тамъ онъ вскорѣ замѣтилъ, что нѣсколько офицеровъ въ компаніи съ исправникомъ освобождали призванныхъ на военную службу за взятки въ 200—300 руб. Онъ рѣшилъ привлечь къ отвѣтственности этихъ продажныхъ чиновниковъ; но они имѣли вліятельныхъ друзей въ Иркутскѣ и въ свою очередь выставили противъ него обвиненіе, составили слѣдственную комиссію изъ своихъ же сообщниковъ, и еще бы немного — и имъ удалось бы отправить полковника съ желтымъ лоскутомъ на спинѣ въ Якутскъ, какъ объ этомъ хвастался исправникъ. Къ счастью, Кононовичъ имѣлъ связи въ Петербургѣ. Онъ телеграфировалъ своимъ друзьямъ и министру внутреннихъ дѣлъ и добился, наконецъ, того, что была назначена новая комиссія, исправникъ и его сообщники были заключены въ тюрьму и на основаніи письменныхъ доказательствъ уличены въ преступленіи. Тогда эти господа въ холодную, зимнюю ночь подгово-

рили поджечь его домъ, и онъ едва не сгорѣлъ въ немъ со всей своей семьей. Онъ спасся въ одной рубахѣ и поспѣшилъ, когда жена и дѣти его были въ безопасности, обратно въ горящій домъ, чтобы спасти относящіяся къ процессу бумаги. Но дымъ и пламя помѣшали ему это сдѣлать; большинство его доказательствъ сгорѣло. Тогда онъ стряхнулъ съ своихъ ногъ прахъ Сибири и отправился въ Петербургъ. Онъ не хотѣлъ больше оставаться въ странѣ, гдѣ честный человѣкъ не можетъ исполнить свой долгъ, не рискуя быть заживо сожженнымъ. Въ Петербургѣ онъ получилъ мѣсто представителя забайкальскихъ казаковъ въ генеральномъ штабѣ, а лѣтомъ 1888 года былъ произведенъ въ генералы и назначенъ начальникомъ самой большой и самой важной колоніи ссыльно-поселенцевъ въ Сибири, на островѣ Сахалинъ. Это назначеніе дѣлаетъ честь русскому правительству и, подобно постройкѣ новой тюрьмы въ Верхнеудинскѣ, служитъ доказательствомъ того, что правительство все-таки не совсѣмъ равнодушно относится къ страданіямъ сибирскихъ ссыльныхъ и арестантовъ. Пока во главѣ тюремъ и рудниковъ Сахалина стоитъ генералъ Кононовичъ, есть всѣ основанія предполагать, что они управляются разумно, справедливо и гуманно.

Почти послѣднимъ по времени улучшеніемъ, сдѣланнымъ Кононовичемъ на Карѣ, является постройка новой политической тюрьмы на нижнемъ пріискѣ. Капитанъ Николинъ не хотѣлъ разрѣшить мнѣ осмотръ этого зданія. По своему наружному виду оно мало отличается отъ обыкновенныхъ остроговъ, но, какъ говорятъ, свѣтлѣе, обширнѣе и во всѣхъ отношеніяхъ лучше приспособлено для жилья. Кромѣ лазарета, въ этой тюрьмѣ находятся 4 камеры; каждая изъ нихъ имѣетъ 3 окна, большой столъ, кафельную печь и нары, приблизительно, на 25 человѣкъ. Кровати имѣются только въ лазаретѣ, заключенные же имѣютъ только тѣ принадлежности для спанья, которыя они пріобрѣтаютъ на собственныя деньги. Первоначально зданіе было загорожено не со всѣхъ сторонъ, и арестанты изъ своихъ оконъ могли видѣть долину Кары. Генералъ-губернаторъ Анучинъ, во время одного изъ своихъ рѣдкихъ посѣщеній Кары, не одобрилъ этого, замѣтивъ цинично, что „тюрьма — не дворецъ“, и приказалъ окружить все зданіе частоколомъ изъ высокихъ толстыхъ бревенъ, чтобы всякій видъ на окрестности тюрьмы былъ закрытъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ приказѣ нельзя усмотрѣть ничего иного, какъ прямое намѣреніе жестокаго чиновника сдѣлать жизнь политическихъ арестантовъ какъ можно болѣе тяжелой и невыносимой. Каждый безъ исключенія острогъ на Карѣ имѣетъ окна, изъ которыхъ видны поселенія или долина рѣки; каждый убійца или фальшивомонетчикъ на Карѣ можетъ изъ своей камеры видѣть хотя бы клочокъ внѣшняго міра. Политическіе же арестанты, по мнѣнію генералъ-губернатора, не заслуживаютъ того, чтобы жить „во дворцѣ“, изъ котораго имъ открывался бы видъ на зеленыя деревья, на игру солнечныхъ лучей въ водѣ и пурпурное сіяніе далекихъ холмовъ при восходѣ и закатѣ солнца. Они совершенно отрѣзаны отъ внѣшняго міра; свѣжій, оживляющій воздухъ не долженъ проникать сквозь ихъ закрытыя, снаб-

женныя рѣшеткой, окна; видъ человѣческаго существа, не носящаго формы тюремнаго надзирателя или жандарма, не долженъ развлекать ихъ печальныхъ, тоскующихъ глазъ. Я часто желалъ, чтобы его превосходительство господинъ генералъ-губернаторъ Анучинъ, хотя бы въ теченіе одного только года, былъ заключенъ въ политическую тюрьму на Карѣ; чтобы онъ въ теченіе 365 дней видѣлъ только почернѣвшія бревна высокаго забора; въ теченіе 365 ночей спалъ на голыхъ, кишащихъ насѣкомыми нарахъ; 52 недѣли, каждый день и каждую ночь дышалъ спертымъ, насыщеннымъ вонью отъ непокрытыхъ парашъ, воздухомъ. Тогда бы онъ могъ понять дѣйствительное значеніе брошенныхъ имъ словъ „тюрьма — не дворецъ".

XVI.

Исторія политической тюрьмы на Карѣ.

Когда въ 1881 году полковникъ Кононовичъ покинулъ постъ начальника Карійскаго округа, его мѣсто занялъ полковникъ Потуловъ, который уже раньше принадлежалъ къ тюремной администраціи нерчинскихъ серебряныхъ копей. Вскорѣ по прибытіи Потулова, всѣ политическіе арестанты, — а ихъ тогда было около 100 человѣкъ, — были переведены въ новую тюрьму, выстроенную при полковникѣ Кононовичѣ въ нижнемъ пріискѣ, и заключены въ четырехъ большихъ камерахъ, приблизительно, по 25 человѣкъ въ каждой. Ихъ жизнь, какъ она описывается въ письмахъ[1]), тайно отправленныхъ нѣкоторыми изъ нихъ своимъ друзьямъ, была тяжела и безнадежна, но ее, пожалуй, нельзя назвать невыносимой. Они могли ежедневно гулять по двору, получать небольшія суммы денегъ отъ своихъ друзей, имѣли нѣкоторый выборъ книгъ, купленныхъ ими на свои деньги или присланныхъ изъ Европейской Россіи, и могли разнообразить свою монотонную жизнь, работая въ кузницѣ или въ столярной мастерской. Санитарныя условія, въ которыхъ они жили, были въ высшей степени сомнительны; одни были день и ночь закованы по рукамъ и ногамъ; двое или трое изъ нихъ были прикованы къ тачкѣ; тѣ, которые еще владѣли своими умственными способностями, должны были постоянно слушать болтовню и бредни своихъ сошедшихъ съ ума товарищей; ихъ однообразная жизнь не прерывалась больше работой на пріискахъ. Ихъ лишили привилегіи, по отбытіи срока испытанія, быть переведенными въ вольную команду и запретили всякую переписку со своими родственниками. Весь ихъ міръ былъ ограниченъ высокимъ деревяннымъ частоколомъ тюрьмы. Даже самый зачерствѣ-

---

[1]) Въ моемъ распоряженіи имѣется нѣсколько такихъ писемъ, и много данныхъ, сообщаемыхъ мною далѣе, заимствованы именно изъ нихъ. Хотя они и должны считаться партійными показаніями, но они, вѣдь, не были разсчитаны на то, чтобы возбудить общественную симпатію или повліять на общественное мнѣніе, такъ какъ авторы не могли предполагать, что когда-либо будутъ опубликованы.

лый сибирскій чиновникъ долженъ признать, что ихъ жизнь невѣроятно тяжела. Въ мартѣ 1882 года генералъ-губернаторъ Анучинъ отправилъ секретный докладъ государю о положеніи дѣлъ въ Восточной Сибири, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ о политическихъ арестантахъ на Карѣ слѣдующее: „оканчивая эту часть своего доклада (о тюрьмахъ и ссылкѣ), я позволю себѣ еще обратить вниманіе Вашего Императорскаго Величества на государственныхъ преступниковъ, нынѣ проживающихъ въ Восточной Сибири. Къ 1-му января 1882 года ихъ здѣсь было всего 430 человѣкъ, а именно:

А. Сосланные въ Сибирь по судебному приговору и въ настоящее время находящіеся:

1) на каторжныхъ работахъ.	123
2) на поселеніи	49
3) въ назначенныхъ имъ мѣстахъ жительства.	41
Б. Сосланные административнымъ порядкомъ	
1) въ назначенныхъ имъ мѣстахъ жительства.	217
Итого.	430[1]).

„Всѣ относящіеся къ разряду каторжниковъ государственные преступники въ Карійскомъ округѣ охраняются ротой забайкальскихъ казаковъ въ 200 человѣкъ. Невозможно допускать совмѣстную работу этихъ преступниковъ съ обыкновенными арестантами на золотыхъ пріискахъ[2]). Очень трудно дать имъ такую же работу отдѣльно отъ другихъ, такъ какъ не имѣется подходящихъ мѣстъ для работы и нужнаго для этого конвоя, къ тому же они физически неспособны для тяжелаго труда. Если прибавить къ этому, что у насъ не примѣняется непродуктивный трудъ, какъ это обычно практикуется въ другихъ странахъ для того лишь, чтобы принудить заключенныхъ къ тяжелымъ изнурительнымъ работамъ, то изъ всего сказаннаго ясно, что для этого разряда преступниковъ не имѣется каторжныхъ работъ, и имѣющаяся администрація, которая должна слѣдить за ними и отвѣтственна за всякія попытки къ бѣгству, принуждена ограничиваться тѣмъ, чтобы держать такихъ государственныхъ преступниковъ въ тюрьмѣ подъ строгимъ надзоромъ и только при случаѣ допускать ихъ къ работамъ на тюремномъ дворѣ или въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нимъ. Подобный трудъ не носитъ однако характера каторжныхъ работъ, а служитъ только для поддержанія здоровья заключенныхъ. Впрочемъ, освобожденіе отъ тяжелой работы не является

[1]) Заслуживаетъ вниманія офиціально признанный генералъ-губернаторомъ фактъ, что изъ 430 ссыльныхъ въ Восточную Сибирь политическихъ 217 человѣкъ, т.-е. больше половины, сосланы безъ суда, даже безъ тѣни судебнаго разслѣдованія. Этотъ офиціально подтверждаемый фактъ я рекомендую тщательно взвѣсить защитникамъ русско-американскаго договора о выдачѣ преступниковъ.

[2]) Генералъ-губернаторъ не указываетъ, почему это невозможно, и не пытается объяснить тотъ фактъ, что при полковникѣ Кононовичѣ политическіе всегда работали на пріискахъ, при чемъ въ то же время не наблюдалось ни одной попытки къ бѣгству и вообще никакихъ дурныхъ послѣдствій.

улучшеніемъ участи государственныхъ преступниковъ. Напротивъ, полная изолированность и необходимость постоянно ограничиваться только своимъ узкимъ кругомъ лицъ дѣлаетъ ихъ жизнь невыносимой.

„...Среди нихъ было нѣсколько случаевъ самоубійства, и въ теченіе нѣсколькихъ дней одинъ изъ нихъ, Позенъ, сошелъ съ ума. Нѣсколько другихъ находятся въ состояніи, граничащемъ съ сумасшествіемъ. Я снесся съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, чтобы всѣ душевно больные были помѣщены, по возможности, въ наемныхъ помѣщеніяхъ въ Читѣ[1]), такъ какъ въ Сибири домовъ для умалишенныхъ нѣтъ, а находящіеся въ Европейской Россіи дома переполнены[2])".

Слѣдуетъ подчеркнуть тотъ фактъ, что жизнь политическихъ арестантовъ, которую генералъ-губернаторъ Анучинъ называетъ „невыносимой", стала такой вслѣдствіе преднамѣренныхъ дѣйствій правительства. Самъ Анучинъ велѣлъ передъ окнами тюрьмы воздвигнуть высокій заборъ, который совершенно отрѣзалъ заключенныхъ отъ внѣшняго міра и превратилъ ихъ помѣщеніе въ большой ящикъ; въ то же время министръ внутреннихъ дѣлъ безъ всякаго повода уничтожилъ вольную команду и предписалъ совершенно отдѣлить политическихъ, — послѣдствіемъ чего были самоубійства и сумасшествія, о чемъ генералъ-губернаторъ, повидимому, жалѣетъ. При полковникѣ Кононовичѣ положеніе государственныхъ преступниковъ на Карѣ не было „невыносимымъ", оно стало такимъ только благодаря приказамъ, имѣвшимъ своимъ послѣдствіемъ отставку полковника.

Едва ли можно было ожидать, чтобы молодые энергичные люди спокойно примирились съ положеніемъ, которое офиціально было признано невыносимымъ и которое болѣе слабыхъ заключенныхъ доводило до сумасшествія и самоубійства. Въ апрѣлѣ 1882 года, т.-е. когда еще не прошло и года послѣ отставки полковника Кононовича и приблизительно мѣсяцъ спустя послѣ всеподданнѣйшаго доклада Ану-

---

[1]) Ко времени нашего посѣщенія Кары, три съ половиной года спустя, это обѣщаніе еще не было исполнено. Душевнобольные политическіе жили все въ тѣхъ же камерахъ со своими здоровыми товарищами и своимъ присутствіемъ еще увеличивали ихъ и безъ того тяжелое положеніе. Въ восточно-сибирскихъ тюрьмахъ вообще мало предпринималось для отдѣленія сошедшихъ съ ума арестантовъ и ухода за ними. Не разъ, при посѣщеніи переполненныхъ тюремъ Забайкалья, мы были испуганы сумасшедшими, которые неожиданно бросались къ намъ съ дикими криками или истеричнымъ смѣхомъ. Причины этого можно отчасти найти въ докладѣ генералъ-губернатора. Во всей странѣ не имѣется дома для умалишенныхъ, да къ тому же и удобнѣе и дешевле, если о душевнобольномъ заботятся его же товарищи, чѣмъ опредѣлять такихъ больныхъ и держать для нихъ особаго сторожа. На образованныхъ политическихъ заключенныхъ, боящихся сумасшествія больше всего на свѣтѣ, чрезвычайно удручающимъ образомъ дѣйствуетъ въ лицѣ несчастнаго больного постоянное напоминаніе судьбы, которая, быть можетъ, ожидаетъ впослѣдствіи и ихъ.

[2]) Всеподаннѣйшій докладъ Александру III генералъ-губернатора Анучина, (глава V, отдѣлъ 3 подъ заглавіемъ: „Ссылка, каторжныя работы и тюремное дѣло"). Копія этого доклада находится въ моихъ рукахъ, и я предполагаю впослѣдствіи опубликовать его in extenso. На оригиналѣ государь собственноручно начерталъ многозначащія слова: „Грустная, но не новая картина".

чина, нѣсколько наиболѣе смѣлыхъ и неустрашимыхъ государственныхъ преступниковъ на Карѣ сдѣлали попытку бѣжать, устроивъ подкопъ подъ тюремной стѣной. Хотя о существованіи ямы, вырытой въ одной изъ камеръ подъ поломъ, и не узнали, но продолженіе работы все-таки пришлось бросить, такъ какъ вслѣдствіе болотистой почвы, на которой стояло зданіе, яма наполнилась водой. Тогда одинъ изъ арестованныхъ предложилъ спрятаться днемъ въ мастерской на дворѣ, гдѣ имъ иногда разрѣшали работать, и съ крыши ея подъ покровомъ ночи перелѣзть черезъ заборъ. Самымъ существеннымъ препятствіемъ являлась вечерняя перекличка. Каждый вечеръ послѣ ужина заключенные во всѣхъ камерахъ пересчитывались, и спрятавшіеся въ мастерской были бы открыты прежде, чѣмъ они успѣли бы ночью совершить побѣгъ. Тутъ должны были помочь чучела, сдѣланныя изъ тряпокъ. Не было принято будить тѣхъ арестантовъ, которые во время вечерней переклички уже спали. Дежурный считалъ спавшихъ заключенныхъ, не мѣшая имъ, и такъ какъ онъ производилъ подсчетъ, стоя въ дверяхъ, то нельзя было предположить, чтобы онъ въ плохо освѣщенной камерѣ могъ разглядѣть, что это были чучела, а не люди, повернувшіеся лицомъ къ стѣнѣ. Въ случаѣ удачи этой хитрости, бѣглецы хотѣли по долинѣ Амура добраться до Тихаго океана и тамъ сѣсть на какое-нибудь американское судно. Остававшіеся въ тюрьмѣ должны были при каждой перекличкѣ класть чучела на нары, чтобы побѣгъ какъ можно дольше оставался незамѣченнымъ и бѣглецы успѣли достигнуть морского берега прежде, чѣмъ будетъ поднята тревога и приняты мѣры къ ихъ преслѣдованію. Въ одинъ изъ апрѣльскихъ дней подъ вечеръ, когда всѣ приготовленія были закончены, двое политическихъ, Мышкинъ и Хрущовъ, спрятались въ тюремной мастерской, а на ихъ мѣстахъ на нарахъ лежали два чучела въ арестантскомъ одѣяніи. Дежурный надзиратель не замѣтилъ ничего подозрительнаго, и ночью Мышкинъ и Хрущовъ вышли изъ своего убѣжища, взлѣзли на крышу, не замѣченные часовымъ перебрались черезъ частоколъ и безъ всякихъ препятствій достигли лѣса. Нѣсколько дней спустя, такимъ же образомъ убѣжало двое другихъ заключенныхъ, а черезъ 14 дней тюремные надзиратели утромъ и вечеромъ пересчитывали уже цѣлыхъ шесть чучелъ, и шесть бѣглецовъ были въ пути къ берегамъ Тихаго океана. Въ теченіе 3-й недѣли число этихъ безгласныхъ и неподвижныхъ заключенныхъ поднялось до 8, бѣжало 4 пары арестантовъ. По несчастной случайности, одинъ изъ послѣдней пары, соскакивая съ частокола, упалъ въ ровъ, наполненный водою, и плескомъ воды привлекъ вниманіе ближайшаго часового, который тотчасъ же выстрѣлилъ и поднялъ тревогу. Не прошло и 10 минутъ, какъ вся тюрьма была на ногахъ. Послѣ тщательной переклички всѣхъ заключенныхъ выяснилось, что исчезло 8 человѣкъ. За нѣсколько дней до этого г. Галкинъ-Врасскій, начальникъ главнаго тюремнаго управленія, и генералъ Ильяшевичъ, губернаторъ Забайкальской области, производили ревизію карійскихъ тюремъ и теперь, когда обнаружилось бѣгство арестантовъ, находились на обратномъ пути въ Читу. Получивъ извѣщеніе объ этомъ отъ пол-

ковника Потулова, они поспѣшили назадъ въ нижній пріискъ и лично руководили организацiей самаго энергичнаго преслѣдованія бѣглецовъ. Во всѣ русскія гавани Тихаго океана, во всѣ поселки вдоль Амура были посланы телеграммы, всѣмъ полицейскимъ чиновникамъ Восточной Сибири были отправлены краткія свѣдѣнія о личности бѣжавшихъ и ихъ фотографіи; были изданы приказы задерживать всѣхъ незнакомыхъ или подозрительныхъ лицъ, и партіи инородцевъ, изъ-за обѣщанныхъ имъ въ случаѣ поимки кого-либо изъ бѣжавшихъ большихъ наградъ, рыскали во всѣхъ направленіяхъ по лѣсамъ Забайкалья. Противъ такихъ обширныхъ и упорныхъ преслѣдованій были, конечно, совершенно безсильны люди, которые, вслѣдствіе продолжительнаго заключенія, были физически ослаблены и изнурены, которые не знали мѣстности и не могли пользоваться ни проводниками, ни картами, ни компасомъ. Двое изъ нихъ, Мышкинъ и Хрущовъ, сдѣлали уже болѣе 1000 миль и достигли Владивостока, — но въ концѣ концовъ всѣ они съ цѣпями на рукахъ и ногахъ были доставлены обратно на Кару[1]).

Между тѣмъ тюремное начальство дѣлало приготовленія къ тому, чтобы „проучить политическихъ арестантовъ“[2]) и „возстановить порядокъ въ тюрьмѣ“.

Этого думали достигнуть, лишивъ ихъ всѣхъ привилегій, которыми они до сихъ поръ пользовались, отнявъ у нихъ книги, деньги, бѣлье, спальныя принадлежности и все то, что правительство разрѣшаетъ обыкновеннымъ преступникамъ, распредѣливъ ихъ небольшими группами между обыкновенными преступниками въ Усть-Карѣ, Средней и Верхней Карѣ и переведя ихъ на „карцерное положеніе“[3]).

Ильяшевичъ и Галкинъ-Врасскій, ожидавшіе, вѣроятно, протеста или сопротивленія въ случаѣ примѣненія этихъ мѣръ, или, по крайней мѣрѣ, показывавшіе, что они ждутъ этого, стянули въ нижній пріискъ шесть сотенъ казаковъ. Въ теченіе 10 дней ничего не предпринимается, повидимому, въ расчетѣ усыпить бдительность арестантовъ; и вотъ, неожиданно, ночью отдается приказъ къ нападенію на тюрьму. Это возмутительное нападеніе вооруженной силы на спящихъ беззащитныхъ арестованныхъ извѣстно въ исторіи политической тюрьмы на Карѣ подъ именемъ „погрома 11 мая“. 300—400 каза-

---

[1]) Вотъ фамиліи всѣхъ политическихъ, совершившихъ этотъ неудачный побѣгъ: Мышкинъ, Хрущовъ, Баломезъ, Левченко, Юрковскій, Диковскій, Крыжановскій и Минаковъ.

[2]) Это выраженіе употребилъ полковникъ Потуловъ, разсказывая мнѣ о событіяхъ, послѣдовавшихъ за побѣгомъ. Много политическихъ на Карѣ того мнѣнія, что тюремное начальство намѣренно старалось вызвать ихъ на бунтъ, во-первыхъ, для того, чтобы имѣть поводъ примѣнить къ нимъ тѣлесное наказаніе, и, во-вторыхъ, чтобы искусственно вызванный тюремный бунтъ отвлекъ вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ отъ халатности чиновниковъ, не предупредившихъ побѣга.

[3]) Арестованный, состоящій на карцерномъ положеніи, лишается всѣхъ своихъ денегъ, книгъ, табаку и всѣхъ другихъ льготъ, не имѣетъ права гулять по двору и какимъ бы то ни было образомъ сноситься съ внѣшнимъ міромъ; его пища состоитъ изъ чернаго хлѣба и воды, и только изрѣдка онъ получаетъ ячменную похлебку, извѣстную среди политическихъ подъ именемъ „баланды“.

ковъ, подъ командой подполковника Руденко, съ примкнутыми штыками безшумно входятъ въ тюремный дворъ, проникаютъ въ корридоръ, одновременно во всѣхъ четырехъ камерахъ нападаютъ на ошеломленныхъ политическихъ, грубо обыскиваютъ ихъ, отнимаютъ лично имъ принадлежащее имущество, срываютъ съ нихъ платья и волокутъ ихъ на дворъ. Всѣ протесты пострадавшихъ встрѣчаются издѣвательствами и руганью и, когда нѣкоторые изъ самыхъ возбужденныхъ политическихъ, возмущенные дерзкимъ нападеніемъ, вооружаются досками, поспѣшно срывая ихъ съ наръ, и стараются защититься ими, казаки безжалостно, до безчувствія бьютъ ихъ прикладами ружей. Больше всѣхъ пострадали Волошенко, Родіоновъ, Кобылянскій, Бобоховъ и Орловъ. Мнѣ кажется излишнимъ подробное описаніе этого варварскаго насилія, я не хочу сдѣлать его, можетъ-быть, хуже, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ; для моихъ цѣлей достаточно констатировать все описанное и добавить еще, что утромъ 11 мая 1882 г. избитые, окровавленные политическіе арестанты, лишенные всего своего имущества, сапогъ и бѣлья, купленныхъ на собственныя деньги, пѣшкомъ и безъ завтрака тремя партіями, были отправлены къ острогамъ Усть-Кары, Верхней и Средней Кары. Каждую партію сопровождалъ конвой изъ 50—100 казаковъ, которымъ генералъ Ильяшевичъ особенно рекомендовалъ не жалѣть прикладовъ. Арестанты, шедшіе въ Усть-Кару, среди которыхъ находился одинъ прикованный къ тачкѣ, просили по пути разрѣшенія отдохнуть немного, такъ какъ имъ предстояло пройти 15 верстъ, а они въ тотъ день еще ничего не ѣли и не пили. Солдаты конвоя отказали имъ въ этомъ и штыками гнали ихъ впередъ. Тогда тѣ изъ арестантовъ, которые не имѣли цѣпей на рукахъ, стали бросать въ солдатъ камнями. Возгорѣлась неравная борьба; оказывавшихъ сопротивленіе били прикладами, не имѣвшимъ наручныхъ цѣпей руки привязали на спину. Избитые, усталые, истомленные голодомъ и жаждой, они подъ вечеръ достигли Усть-Кары и послѣ новаго, тщательнаго обыска были по двое заключены въ грязныя, „секретныя камеры“[1]) острога, гдѣ въ

[1]) „Секретныя камеры“ въ сибирскихъ тюрьмахъ предназначены для одиночнаго заключенія лицъ, совершившихъ убійство или другое тяжелое преступленіе. Эти камеры обыкновенно не показывались намъ во время осмотра тюремъ, но полковникъ Маковскій позволилъ мнѣ осмотрѣть „секретныя камеры“ иркутской тюрьмы. Въ нихъ не было ни кроватей, ни наръ, вообще ничего, кромѣ парашъ. Арестованные должны были безъ какихъ бы то ни было спальныхъ принадлежностей спать на голомъ каменномъ полу, а днемъ сидѣть на немъ или стоять. Въ иркутской тюрьмѣ я видѣлъ въ такихъ камерахъ людей, дѣла которыхъ еще не разбирались судомъ. Если бы я имѣлъ власть вызвать въ качествѣ свидѣтелей младшихъ тюремныхъ чиновъ петербургскаго „Дома предварительнаго заключенія“, то я даже передъ русскимъ судомъ былъ бы въ состояніи доказать, что и въ этой тюрьмѣ, находящейся въ столицѣ имперіи, имѣлись карцеры, въ которыхъ не было даже парашъ и полъ которыхъ былъ покрытъ экскрементами. Конечно, объ этомъ ничего не знали гг. Галкинъ-Врасскій и Коковцевъ, — высшіе чиновники тюремнаго управленія, тѣмъ не менѣе это фактъ, такъ какъ нельзя предположить, чтобы политическіе арестанты, съ одной стороны, и сами тюремные служащіе, съ другой, ввели меня въ заблужденіе. Политическій преступникъ Дическуло послѣ бунта въ „Домѣ предвари-

полномъ изнеможенiи бросились на холодный и сырой полъ и были довольны, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что этотъ ужасный день кончился.

Партiямъ, отправленнымъ въ амурскую тюрьму и въ острогъ Средней Кары, пришлось испытать то же самое съ тѣмъ только отличiемъ, что они не подверглись побоямъ со стороны конвоя. Такъ г. Галкинъ-Врасскiй и губернаторъ Ильяшевичъ подавили „бунтъ", который могла бы устроить сотня спящихъ арестантовъ, при своемъ пробужденiи, дали „главарямъ" дѣйствительный и необходимый „урокъ" и доказали министру внутреннихъ дѣлъ, съ какой энергiей, съ какимъ успѣхомъ его подчиненные сумѣли побѣдить надвигавшуюся грозную опасность — спящихъ людей! Среди политическихъ былъ опять возстановленъ „порядокъ" — это былъ „порядокъ, одно время господствовавшiй въ Варшавѣ".

Въ теченiе двухъ мѣсяцевъ политическiе арестанты жили въ строгомъ заключенiи въ камерахъ исправительныхъ тюремъ, почти не видя другъ друга и не зная, что происходитъ вокругъ. Испорченный воздухъ, скверное, недостаточное питанiе и полное отсутствiе движенiя оказали самое вредное влiянiе на ихъ здоровье: среди нихъ появилась цынга, и, по истеченiи мѣсяца, нѣсколько человѣкъ (среди нихъ Тихоновъ и Жуковскiй) были на краю могилы[1]), а многiе такъ ослабѣли, что, не будучи въ состоянiи держаться на ногахъ, не могли встать при перекличкѣ. Въ теченiе всего этого времени деньги, принадлежавшiя этимъ несчастнымъ, находились на рукахъ тюремнаго начальства, но оно не хотѣло разрѣшить употребить ихъ на бѣлье, постельныя принадлежности и питательную пищу, въ чемъ больные такъ нуждались. Полковникъ Халтуринъ — жестокiй жандармскiй офицеръ изъ Иркутска, смѣнившiй полковника Потулова въ начальствѣ надъ политическими, разрѣшилъ выдать арестованнымъ спальныя принадлежности только тогда, когда цынга грозила принять эпидемическiй характеръ.

Въ женской тюрьмѣ въ Усть-Карѣ положенiе было не лучше. Женщины не имѣли, конечно, ничего общаго ни съ побѣгомъ, ни съ провоцированнымъ „бунтомъ", тѣмъ не менѣе и онѣ должны были страдать отъ ихъ послѣдствiй. Новый начальникъ полковникъ Халтуринъ настаивалъ на строгой, безъ всякихъ исключенiй, дисциплинѣ и считалъ вошедшее въ обычай ношенiе женщинами своихъ платьевъ, вмѣсто арестантскихъ, сентиментальной поблажкой, продиктованной

тельнаго заключенiя", вызваннаго тѣлеснымъ наказанiемъ Боголюбова, былъ брошенъ въ одну изъ такихъ камеръ. Мнѣ не удалось заглянуть въ „секретныя камеры" карiйскихъ тюремъ, но нѣтъ основанiя думать, что онѣ въ лучшемъ состоянiи, чѣмъ тѣ, которыя я видѣлъ и уже описалъ. Я не стремлюсь къ тому, чтобы читатель пришелъ къ ложному выводу, что всѣ камеры или даже только „секретныя камеры" въ русскихъ тюрьмахъ въ такомъ ужасномъ состоянiи, или что высшiе чиновники тюремнаго вѣдомства во всѣхъ случаяхъ отвѣтственны за господствующiе въ нихъ порядки, — я преслѣдую только одну цѣль: показать, при какихъ условiяхъ вынуждены иногда жить въ русскихъ тюрьмахъ образованные политическiе преступники.

[1]) Тихоновъ вскорѣ затѣмъ умеръ.

глупой и ничѣмъ не оправдываемой слабостью. Въ виду этого онъ приказалъ отнять у женщинъ ихъ собственныя платья и заставить ихъ надѣть арестантскую одежду. Нѣкоторыя больныя заключенныя были не въ состояніи переодѣться; другія, не ожидая, что ихъ силой заставятъ сдѣлать это, отказывались повиноваться — и тюремные надзиратели употребили по отношенію къ нимъ насиліе. Сцена, которая тогда разыгралась, была такова, что подъ вліяніемъ ея г-жа Лешернъ покушалась на самоубійство.

На нижнемъ пріискѣ жило нѣсколько женщинъ, добровольно прибывшихъ на Кару, чтобы быть поблизости своихъ мужей. До побѣга и погрома эти женщины одинъ—два раза въ недѣлю могли видѣться съ мужьями и получали отъ нихъ небольшое денежное пособіе на прожитіе. Когда среди политическихъ былъ возстановленъ порядокъ и они находились въ строгомъ заключеніи, должны были прекратиться и свиданія супруговъ; но такъ какъ деньги находились въ рукахъ тюремнаго начальства, то несчастныя женщины и дѣти оказались въ ужасающей нуждѣ и чуть не умерли отъ голода. Вѣра Рогачева, жена поручика Димитрія Рогачева, молодого осужденнаго на каторгу артиллерійскаго офицера, оказалась въ столь безвыходномъ положеніи и дошла до такого отчаянія, что въ концѣ концовъ застрѣлилась.

6 іюля 1882 года восемь политическихъ арестантовъ, которыхъ правительство, повидимому, считало особенно опасными, были отправлены въ цѣпяхъ съ Кары въ Петербургъ для того, чтобы навсегда исчезнуть въ мѣшкахъ Шлиссельбургской крѣпости[1]).

Нѣсколько дней спустя, приблизительно въ серединѣ іюля, всѣ остальные государственные преступники были переведены обратно въ политическую тюрьму на нижнемъ пріискѣ, гдѣ имъ отвели для каждыхъ 7—8 человѣкъ гораздо меньшія камеры, которыя получились отъ того, что каждую большую камеру раздѣлили на три. Почти вся камера была занята нарами, въ проходѣ между ними и стѣной нельзя было вдвоемъ стоять рядомъ; для движенія, слѣдовательно, абсолютно не было мѣста, такъ что для несчастныхъ, лишенныхъ возможности чѣмънибудь заниматься, не оставалось ничего другого, какъ сидѣть или лежать на своихъ нарахъ. Чтобы еще увеличить ихъ ужасное положеніе, въ этихъ небольшихъ камерахъ были поставлены параши, которыя до такой степени портили воздухъ, что (я пользуюсь выраженіемъ одного изъ этихъ несчастныхъ въ письмѣ ко мнѣ) „вонь доводила просто до сумасшествія“. Единственнымъ отвѣтомъ на всѣ ихъ просьбы и протесты была угроза Халтурина — подвергнуть ихъ тѣлесному наказанію, если они не будутъ держать себя смирно. Чтобы напугать ихъ, Халтуринъ прислалъ даже врача, которому было поручено осмотрѣть одного изъ больныхъ, съ цѣлью опредѣлить, достаточно ли у

[1]) Эти опасные преступники были гг. Геллисъ, Волошенко, Буцынскій, Павелъ Орловъ, Малавскій, Поповъ, Щедринъ и Кобылянскій. О ихъ дальнѣйшей судьбѣ ничего неизвѣстно. Г-жа Геллисъ, съ которой я познакомился въ Забайкальѣ, разсказывала мнѣ, что ей не разрѣшили даже проститься съ мужемъ, и она больше никогда ничего о немъ не слышала и даже не знаетъ, живъ ли онъ.

него еще физическихъ силъ, чтобы безъ опасности для жизни вынести тѣлесное наказаніе. Несчастные страдальцы рѣшили прибѣгнуть къ послѣднему, отчаянному протесту противъ жестокаго обращенія съ ними, извѣстному въ русскихъ тюрьмахъ подъ именемъ „голодовки“. Они послали сказать полковнику Халтурину, что жизнь имъ сдѣлали столь невыносимой, что они предпочитаютъ смерть такому существованію и будутъ отказываться отъ всякой пищи до тѣхъ поръ, пока не умрутъ или пока не заставятъ обращаться съ ними по-человѣчески. На это заявленіе не было обращено ни малѣйшаго вниманія, — и съ этого момента они болѣе не трогали пищи, которую имъ приносили въ камеры. Проходилъ день за днемъ, и спокойствіе смерти царило надъ тюрьмой. Голодающіе арестанты, слишкомъ слабые и апатичные для того, чтобы говорить другъ съ другомъ, молча и неподвижно, словно мертвые, рядами лежали на нарахъ; единственными раздававшимися въ тюрьмѣ звуками были шаги часовыхъ и безсвязный лепетъ сумасшедшихъ. На пятый день голодовки полковникъ Халтуринъ, убѣдившись, наконецъ, что имѣетъ дѣло съ серьезной голодовкой, явился въ тюрьму и спросилъ арестантовъ, при какихъ условіяхъ они откажутся отъ своего протеста. Они отвѣтили, что будутъ воздерживаться отъ всякой пищи до тѣхъ поръ, пока не будутъ удалены изъ камеръ параши, и не будутъ разрѣшены имъ книги, ежедневныя прогулки на свѣжемъ воздухѣ и расходованіе собственныхъ денегъ на улучшеніе или замѣну пищи и платья, отпускаемыхъ имъ правительствомъ; кромѣ того, Халтуринъ долженъ былъ дать торжественное обѣщаніе, что тѣлесныя наказанія по отношенію къ нимъ не будутъ примѣняться. Жандармскій офицеръ увѣрялъ ихъ, что болтовня о тѣлесномъ наказаніи одинъ только вздоръ, что никогда серьезно не думали примѣнить къ нимъ кнутъ и что, въ случаѣ отказа отъ голодовки, онъ посмотритъ, что можно сдѣлать для улучшенія ихъ матеріальнаго положенія. Такъ какъ арестанты не могли добиться вполнѣ опредѣленнаго согласія на ихъ требованія, то они продолжали голодовку. На десятый день положеніе дѣлъ стало тревожнымъ. Всѣ голодающіе были истощены до крайности, нѣкоторые изъ нихъ были близки къ смерти. Графъ Дмитрій Толстой, министръ внутреннихъ дѣлъ, которому сообщили объ этомъ тюремномъ происшествіи, телеграфировалъ Халтурину тщательно наблюдать за состояніемъ голодающихъ и немедленно извѣщать его о всякой перемѣнѣ въ ихъ положеніи[1]).

---

[1]) Для меня всегда было непонятно, почему правительство, такъ жестоко обращающееся съ заключенными, не рѣшается дать имъ спокойно умереть и такимъ образомъ избавиться отъ нихъ. Власти, наоборотъ, всегда выказывали сильное безпокойство въ случаѣ ихъ голодовки и, наконецъ, уступали ихъ требованіямъ всякій разъ, когда голодающіе политическіе заключенные имѣли достаточно стойкости и силъ, чтобы преждевременно не отказаться отъ своего протеста. Это одно изъ многихъ противорѣчій въ русской системѣ наказаній. Русское правительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ кажется очень чувствительнымъ, въ другихъ — его поступками руководитъ, повидимому, грубое равнодушіе. Оно рисуется своею гуманностью, проявившеюся въ томъ, что оно отмѣнило смертную казнь въ уголовномъ судопроизводствѣ,—и въ то же время при

И вотъ разъ въ день проходилъ по камерамъ фельдшеръ, ощупывалъ пульсъ и наблюдалъ температуру голодающихъ. На 13-й день голодовки — впервые въ продолженіе двухъ слишкомъ мѣсяцевъ — полковникъ Халтуринъ велѣлъ сообщить женамъ политическихъ въ нижнемъ пріискѣ, что онѣ могутъ навѣстить своихъ мужей, если онѣ намѣрены уговорить ихъ принимать пищу. Онѣ, конечно, охотно согласились на это, и ихъ впустили въ тюрьму. Въ то же время и самъ Халтуринъ отправился къ умирающимъ и честнымъ словомъ увѣрялъ ихъ, что онъ сдѣлаетъ все зависящее отъ него, чтобы исполнить ихъ требованія, если только они откажутся отъ голодовки. Настойчивыя просьбы несчастныхъ, измученныхъ женъ и обѣщанія начальника тюрьмы оказали, наконецъ, свое дѣйствіе на политическихъ и поколебали ихъ рѣшеніе, — и на 13-й день первая и упорная забастовка въ политической тюрьмѣ на Карѣ окончилась.

Во время этихъ происшествій молодая замужняя женщина лѣтъ 24, приговоренная за политическую пропаганду въ Одессѣ къ каторжнымъ работамъ, кончила свой срокъ наказанія и ссылалась теперь на поселеніе въ южную часть Забайкалья въ маленькій поселокъ Акша, на монгольской границѣ. Она, была свидѣтельницей той грубости и жестокости, съ которыми было связано возстановленіе „порядка" Потуловымъ и Руденко, видѣла, какъ ружейными прикладами „проучили" политическихъ арестантовъ, сама испытала то чувство стыда и обиды и тѣ ужасныя лишенія, которыя довели г-жу Лешернъ и г-жу Рогачеву до самоубійства; причины и исторія продолжительной, отчаянной голодовки, которая только кончилась, были ей вполнѣ извѣстны, — и, возмущенная до глубины души, она рѣшила, жертвуя собственной молодой жизнью, убить забайкальскаго губернатора, генерала Ильяшевича, и обратить такимъ образомъ вниманіе всего общества на жестокости, которыя имѣли мѣсто на Карѣ отъ его имени и отчасти по его приказу. Она знала, что, если она выполнитъ свое намѣреніе, спасеніе немыслимо, она знала, что отдаетъ свою жизнь и жизнь своего будущаго ребенка (она была беременна), — но все, что она видѣла и пережила на Карѣ, потрясло и возмутило ее до такой степени, что она рѣшилась пойти на убійство и самой поплатиться за это смертью, надѣясь, что ея поступокъ и дальнѣйшее судебное разбирательство обнаружатъ тѣ несправедливости и насилія, которыя претерпѣла она и ея товарищи. Вскорѣ по прибытіи въ Акшу, когда

помощи военныхъ судовъ постоянно предаетъ смертной казни гражданскихъ лицъ. Оно отмѣнило кнутъ, но продолжаетъ бить плетью, сто ударовъ которой, по свидѣтельству одного русскаго офицера, влекутъ за собою смерть. Оно не рѣшается дать политическимъ спокойно умереть добровольной голодной смертью,—и заставляетъ ихъ медленно погибать въ мѣшкахъ Шлиссельбургской крѣпости. На практичный американскій взглядъ было бы безопаснѣе и гуманнѣе вывести всѣхъ политическихъ арестантовъ на тюремный дворъ и разстрѣлять всѣхъ вмѣстѣ, чѣмъ продолжительными мученіями въ строгомъ заключеніи медленно доводить ихъ до смерти. Смертная казнь на основаніи ускореннаго судопроизводства далеко не такъ озлобляла и возмущала бы человѣчество, какъ самоубійства, голодовки и другія доказательства страданій и лишеній, которымъ подвержены политическіе въ тюрьмахъ и рудникахъ.

она располагала достаточной суммой для покрытія путевыхъ расходовъ, она купила у обыкновеннаго преступника-поселенца маленькій револьверъ, отлучилась изъ мѣста своего поселенія, наняла по пути у крестьянъ лошадей и поспѣшила въ Читу, мѣсто пребываніе губернатора. Такъ какъ въ этой части свѣта не принято, чтобы молодыя интеллигентныя женщины ѣздили въ одиночку, то вскорѣ среди крестьянъ она стала вызывать къ себѣ большой интересъ и любопытство, и недалеко отъ цѣли своего путешествія была арестована однимъ изъ представителей сельской полиціи. Она уговорила его свезти ее въ Читу и выдать ее исправнику, лично ей хорошо извѣстному. Послѣднему она заявила, что уѣхала изъ пункта, предназначеннаго ей для поселенія, не съ цѣлью побѣга, а чтобы получить аудіенцію у губернатора. Послѣ нѣкотораго колебанія исправникъ провелъ ее въ домъ губернатора, оставилъ въ пріемной и направился къ Ильяшевичу съ докладомъ.

— Обыскали ли вы ее? — спросилъ подозрительный губернаторъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ исправникъ, — я объ этомъ и не подумалъ.

— Ну, ничего, — сказалъ Ильяшевичъ. — Что она мнѣ можетъ сдѣлать?

Онъ вышелъ въ пріемную, гдѣ г-жа Кутитонская ждала его съ револьверомъ, скрытымъ подъ платкомъ. Когда онъ подошелъ къ ней, она выстрѣлила въ него со словами:

— Это за 11-е мая[1])!

Хотя пуля прошла чрезъ легкое, на рана была несмертельна. Ильяшевичъ упалъ и былъ унесенъ прибѣжавшими на выстрѣлъ служащими, въ то время какъ исправникъ обезоружилъ г-жу Кутитонскую и подъ усиленнымъ конвоемъ отправилъ ее въ читинскую тюрьму. Ее заперли въ холодную, грязную, „секретную камеру", которую областной архитекторъ въ Забайкальѣ изобразилъ мнѣ, какъ „едва достаточную, чтобы лежать, и слишкомъ низкою, чтобы стоять". Она содержалась въ „строгомъ заключеніи" и цѣлыхъ три мѣсяца лежала на голомъ полу. Когда Кутитонская заболѣла и просила дать ей хотя бы соломы, полицейскій чиновникъ отвѣтилъ ей, что „для нея соломы не полагается". Если бы обыкновенные преступники, содержавшіеся въ этой же тюрьмѣ, тайкомъ не давали ей ѣсть, она, вѣроятно, умерла бы еще раньше, чѣмъ было бы приступлено къ судебному разслѣдованію ея дѣла. Послѣ того какъ она въ теченіе трехъ мѣсяцевъ влачила такое жалкое существованіе, военный судъ приговорилъ ее къ повѣшенію. Цѣлый мѣсяцъ она ожидала приведенія въ исполненіе приговора и въ долгія безсонныя ночи обдумывала, сообщить ли ей властямъ о своемъ состояніи. Она знала, что ея заявленіе, какъ принято, повлечетъ за собою отсрочку казни и, можетъ-быть, замѣну смертнаго приговора другимъ наказаніемъ; съ другой стороны, она ничего больше не ждала отъ жизни и, если бы была казнена при такихъ условіяхъ, то ея беременность, которая

[1]) День погрома политической тюрьмы на Карѣ.

стала бы извѣстной послѣ ея смерти, еще усилила бы возмущеніе событіями, предшествовавшими этой новой катастрофѣ. Этотъ фактъ еще болѣе способствовалъ бы распространенію свѣдѣній о подробностяхъ всего происшедшаго, и всѣ честно и гуманно мыслящіе люди проникли бы еще болѣе глубокой и непримиримой ненавистью къ правительству. Больше всего мучила ее мысль стать убійцей собственнаго ребенка и незнаніе того, будетъ ли и какъ долго жить ребенокъ послѣ ея смерти. Несмотря на эти мучительныя сомнѣнія, она рѣшила сохранить тайну и не препятствовать приведенію въ исполненіе приговора. Въ началѣ января 1883 года правительство помиловало ее, не узнавъ, однако, объ ея состояніи, и замѣнило ей казнь пожизненной каторгой[1]); съ возвращавшейся партіей арестантовъ ее отправили въ Иркутскъ. Несмотря на жестокую стужу, она не получила ни шубы, ни валенокъ, и погибла бы въ пути отъ холода, если бы обыкновенные преступники не пожалѣли ея и не снабдили теплыми вещами, лишивъ себя самихъ, можетъ-быть, необходимаго. Прибывъ въ Иркуткъ, она была въ такомъ состояніи, что ее пришлось вынести изъ саней. Вслѣдствіе продолжительныхъ физическихъ и душевныхъ страданій она въ иркутской тюрьмѣ вскорѣ родила мертваго ребенка. Когда мы въ 1886 году покидали Сибирь, она была еще въ живыхъ. Извѣстіе объ ея смерти — вотъ все, что мнѣ удалось съ тѣхъ поръ узнать о ней.

Одно лицо, давшее мнѣ свѣдѣнія о г-жѣ Кутитонской, знало ее еще тогда, когда она была счастливой, беззаботной школьницей въ Одессѣ; въ то время никто и не предполагалъ, что она, въ продолженіе десяти лѣтъ, превратится въ женщину такой необычайной энергіи, такого мужества, такого самообладанія и силы воли. Таковы плоды деспотизма и одиночнаго заключенія.

Изложеніе событій, вызвавшихъ покушеніе на убійство Ильяшевича, основывается на разговорахъ, которые я имѣлъ съ участниками этихъ событій — политическими арестантами, и на трехъ различныхъ, независимыхъ другъ отъ друга, письменныхъ описаніяхъ бѣгства, погрома и голодовки. Покушеніе на убійство и жизнь Кутитонской въ тюрьмѣ описаны мною по письмамъ, писаннымъ ею изъ Иркутска. Что же касается ея мыслей и намѣреній въ то время, когда она въ Читѣ ожидала приведенія въ исполненіе приговора, то знаніемъ ихъ я обязанъ разсказамъ одной ссыльной дамы, которая въ иркутской тюрьмѣ часто вела съ нею продолжительные разговоры и впослѣдствіи познакомилась со мною. Вся эта исторія въ своихъ главныхъ чертахъ извѣстна политическимъ ссыльнымъ по всей Сибири; она была мнѣ разсказана, по крайней мѣрѣ, въ шести отдаленныхъ другъ

---

[1]) Изъ достовѣрнаго источника я узналъ, что эта замѣна наказанія произошла по иниціативѣ губернатора Ильяшевича, жизни котораго угрожала г-жа Кутитонская. Почувствовалъ ли онъ состраданіе къ ней, совѣсть ли подсказала ему этотъ поступокъ — я не знаю; можетъ-быть, онъ попросту хотѣлъ разыграть роль великодушнаго, чтобы вызвать тѣмъ предположеніе о преувеличенности сообщеній объ его жестокости на Карѣ, и ослабить вліяніе этихъ сообщеній на общественное мнѣніе.

отъ друга мѣстахъ. Всѣ мои старанія узнать объ этомъ дѣлѣ что-либо со стороны администраціи были тщетны. Чиновники, которыхъ я разспрашивалъ по этому поводу, — за немногими исключеніями, — или высказывали такое явное нежеланіе говорить на эту тему, что я былъ вынужденъ заводить другой разговоръ, или дѣлали самыя грубыя попытки ввести меня въ заблужденіе. Молодой врачъ иркутской тюрьмы, котораго я спросилъ о г-жѣ Кутитонской, былъ такъ перепуганъ моимъ вопросомъ, что постарался поскорѣе отдѣлаться отъ меня и даже не счелъ возможнымъ отвѣтить мнѣ на визитъ. Исправникъ Нерчинскаго завода, который доставилъ обратно на Кару нѣкоторыхъ изъ бѣжавшихъ политическихъ, охарактеризовалъ политическихъ арестантовъ, какъ „ловкихъ мошенниковъ“, не заслуживающихъ ни состраданія, ни уваженія.

— Большинство изъ нихъ, — сказалъ онъ, — поповскія дѣти или исключенные семинаристы.

Подполковникъ Новиковъ, бывшій въ теченіе трехъ лѣтъ, а можетъ-быть, и больше, командиромъ казачьяго батальона на Карѣ, увѣрялъ меня, что политическіе арестанты попросту „мальчишки“, не имѣющіе ни опредѣленныхъ цѣлей, ни убѣжденій; что среди 150 ссыльныхъ, которыхъ онъ зналъ на Карѣ, найдется, можетъ-быть, 3 или 4 человѣка, получившихъ порядочное образованіе; что же касается покушенія г-жи Кутитонской на жизнь губернатора Ильяшевича, то это „безсмысленная фантазія“, такъ какъ „она сама не знала, зачѣмъ такъ поступала“. Внимательный читатель пойметъ, что для меня не представлялъ особаго труда выборъ между безсмысленными, ни на чемъ не основанными, утвержденіями чиновниковъ и ясными, связными, устанавливающими всѣ подробности разсказами политическихъ арестантовъ. Если исторія политической тюрьмы на Карѣ, какъ я ее излагалъ, страдаетъ односторонностью, то причина этого только въ томъ, что другая сторона отказывалась дать мнѣ по этому вопросу какія-либо данныя или была слишкомъ невѣжественна, чтобы сумѣть придать своему изложенію дѣла хотя бы немного правдоподобности.

Чтобы показать, насколько далеки были отъ истины утвержденія чиновниковъ относительно характера политическихъ арестантовъ, я сообщу теперь краткія біографическія свѣдѣнія о трехъ-четырехъ изъ нихъ, принимавшихъ активное участіе въ только что описанныхъ событіяхъ на Карѣ или впослѣдствіи заключеныхъ тамъ въ тюрьмѣ для политическихъ.

Одна изъ самыхъ способныхъ и выдающихся изъ нихъ — Анна Павловна Корба, дочь русскаго дворянина Павла Мейнгарда; она родилась въ Тверской губерніи, близъ Москвы, въ 1849 году. Подъ руководствомъ своей матери, образованной религіозной женщины, она получила хорошее воспитаніе. 18—19 лѣтъ она вышла замужъ за живущаго постоянно въ Россіи швейцарца Виктора Корба. Ея красота и талантъ обратили на нее вниманіе всего общества; ея супругъ былъ богатъ и гордился блестящими успѣхами жены въ обществѣ, и одно время она была исключительно свѣтской дамой. Такая жизнь,

однако, не могла надолго удовлетворить ея яснаго ума и серьезнаго характера, — и въ 1869 году, едва достигнувъ 20 лѣтъ, она рѣшилась измѣнить свою жизнь. Въ то время въ Петербургѣ открылось высшее женское учебное заведеніе для дочерей дворянъ, и г-жа Корба тотчасъ же поступила туда съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи дополнить свое образованіе въ Цюрихѣ и Парижѣ. Въ 1870 году мужъ ея раззорился, и она была вынуждена оставить надежды на продолженіе своихъ занятій въ заграничныхъ университетахъ; вскорѣ послѣ этого она съ своимъ мужемъ переѣхали въ губернскій городъ Минскъ, гдѣ онъ нашелъ себѣ занятіе. Здѣсь она начала свою общественную дѣятельность, учредивъ общество содѣйствія народному образованію и вспомоществованія нуждающимся студентамъ, предсѣдательницей котораго она и состояла. Русско-турецкая война въ 1877 году открыла ея отзывчивости новое поле полезной дѣятельности. Сначала она ухаживала за ранеными солдатами, которые доставлялись изъ Болгаріи въ минскій госпиталь, а затѣмъ поступила сестрой милосердія Краснаго Креста въ одинъ изъ полевыхъ лазаретовъ по ту сторону Дуная. Видѣвшій картины Верещагина можетъ составить себѣ понятіе о томъ, что она пережила и выстрадала на театрѣ войны. Все это произвело на нее неизгладимое впечатлѣніе. Ею овладѣла глубокая любовь къ русскому крестьянину и поклоненіе передъ тѣмъ, кто несетъ всю тяжесть русскаго государства на своихъ усталыхъ плечахъ и котораго даже въ то время, когда онъ проливаетъ кровь за свою родину, обманываютъ, грабятъ и гнетутъ. Она рѣшила остатокъ своей жизни посвятить воспитанію и развитію этого угнетеннаго народа. По окончаніи войны она вернулась въ Россію, но вскорѣ заболѣла тифомъ, которымъ заразилась еще въ одномъ изъ переполненныхъ госпиталей. Поправившись послѣ тяжелой и опасной болѣзни, она могла, наконецъ, приняться за великое дѣло, ставшее теперь цѣлью ея жизни, — но на каждомъ шагу своей дѣятельности она наталкивалась на препятствія со стороны полиціи и бюрократіи, въ интересахъ которыхъ было неизмѣнное сохраненіе существующихъ порядковъ. Постепенно она пришла къ убѣжденію, что для улучшенія положенія народа прежде всего необходимо измѣнить существующій государственный строй. Вскорѣ она вступила въ партію „Народной Воли“ и въ теченіе 1879—1882 годовъ принимала активное участіе во всѣхъ попыткахъ свергнуть самодержавное правительство и добиться конституціоннаго образа правленія. 5 іюня 1882 г. она была арестована, заключена въ Петропавловскую крѣпость, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, какъ террористка, предстала передъ судомъ. Когда къ концу судебнаго разбирательства ее спросили, имѣетъ ли она что-либо сказать въ свою защиту, она произнесла слѣдующее:

— Я не признаю себя виновной, хотя и заявляю, что принадлежу къ революціонной партіи — партіи „Народной Воли“, — вѣрю въ ея программу и раздѣляю ея взгляды. Что касается организаціи, которая желала бы прійти къ цѣли исключительно путемъ кровопролитія, то такая мнѣ неизвѣстна, и я сомнѣваюсь въ ея существованіи. Воз-

можно, что такая партія образуется со временемъ, когда революціонное движеніе сильно разовьется, но я во всякомъ случаѣ, если только останусь жива, не буду принадлежать къ ней. Если партія „Народной Воли" переходитъ къ политикѣ террора, то не изъ сочувствія терроризму, а потому, что только путемъ террора она можетъ достигнуть цѣлей, которыя указываются ей историческимъ ходомъ развитія русской жизни.

Это грустныя роковыя слова, которыя предвѣщаютъ въ будущемъ ужасныя несчастія.

— Господа судьи! Вы знаете основные законы Россійской имперіи, знаете, что никто не имѣетъ права ходатайствовать о какой бы то ни было перемѣнѣ существующаго государственнаго строя или хотя бы только думать объ этомъ. Даже подача коллективныхъ петицій на Высочайшее ими запрещена, — а вѣдь страна растетъ и развивается; условія соціальной жизни съ каждымъ днемъ становятся сложнѣе, и близокъ моментъ, когда русскій народъ сброситъ съ себя связывающія его узы.

Предсѣдатель, прерывая ее: „Это вашъ личный взглядъ".

Г-жа Корба продолжаетъ:

— Историческая задача партіи „Народной Воли" состоитъ въ томъ, чтобы ослабить эти узы и добиться для Россіи независимости и свободы. Выборъ средствъ для достиженія этихъ цѣлей зависитъ отъ правительства. Мы не стоимъ упорно за терроризмъ. Рука, поднятая для нанесенія смертельнаго удара, спокойно опустится, какъ только правительство поведетъ другую политику. Наша партія обладаетъ достаточнымъ патріотическимъ самопожертвованіемъ для того, чтобы не мстить за свои кровавыя раны. Но если она не хочетъ измѣнить себѣ и русскому народу, она не можетъ сложить оружія прежде, чѣмъ завоюетъ народу свободы и благоденствія. Въ доказательство того, что цѣли нашей партіи вполнѣ мирныя, я прошу васъ прочитать письмо, которое вскорѣ послѣ 1 марта 1881 г. было отправлено Александру III. Вы увидите изъ него, что мы желаемъ только реформъ, но реформъ искреннихъ, полныхъ и жизненныхъ.

Слова г-жи Корба не смягчили сердца ея судей; да этого она, конечно, и не ожидала. Она была признана виновной, приговорена къ 20 годамъ каторжныхъ работъ и лишенію всѣхъ правъ состоянія, а по истеченіи этого срока, къ пожизненному поселенію въ Сибири. По послѣднимъ полученнымъ мною изъ карійскихъ рудниковъ извѣстіямъ, она еще жива, но такъ слаба, что, по всей вѣроятности, она вскорѣ сдѣлается жертвой лишеній, вызываемыхъ жизнью въ тюремномъ заключеніи.

Среди политическихъ заключенныхъ мужчинъ, жизнь которыхъ меня особенно интересовала, былъ Ипполитъ Мышкинъ. Въ 1863 году былъ въ Петербургѣ арестованъ, какъ революціонеръ, и сосланъ въ Сибирь извѣстный писатель и политико-экономъ Чернышевскій, знаменитый романъ котораго „Что дѣлать?" недавно былъ переведенъ на англійскій языкъ. Сначала онъ содержался въ Александровской центральной тюрьмѣ подъ Иркутскомъ, а затѣмъ ему назначили мѣ-

стомъ жительства городокъ Вилюйскъ Якутской области, гдѣ онъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, состоялъ подъ строгимъ надзоромъ полиціи. Когда въ 1870 году возникло новое революціонное движеніе въ Россіи, мечтой всѣхъ молодыхъ русскихъ революціонеровъ было освободить Чернышевскаго, дать ему возможность бѣжать изъ Россіи, чтобы онъ въ другомъ мѣстѣ безпрепятственно могъ продолжать свою дѣятельность. Нѣсколько попытокъ освободить его не удались, и, наконецъ, отъ этого плана, какъ невыполнимаго, отказались. Тогда въ 1875 году одинъ студентъ технологическаго петербургскаго института, Ипполитъ Мышкинъ, задумалъ отправиться въ Сибирь подъ видомъ жандармскаго капитана, и явиться къ вилюйскому исправнику въ качествѣ лица, уполномоченнаго перевести ссыльнаго Чернышевскаго въ Петербургъ для заключенія его въ Шлиссельбургскую крѣпость. Въ то время часто случалось, что опасныхъ политическихъ ссыльныхъ переводили изъ Сибири въ крѣпости, находящіяся въ Европейской Россіи. Мышкинъ вѣрилъ въ успѣхъ своего предпріятія; онъ отправился въ Иркутскъ, жилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, добился пріема въ жандармерію и въ короткое время такъ выдвинулся, что пріобрѣлъ всеобщее довѣріе и получилъ чинъ унтеръ-офицера. Прослуживъ нѣкоторое время, онъ досталъ себѣ необходимые бланки, написалъ на нихъ полномочіе, согласно которому ему, жандарскому офицеру, поручается доставить ссыльнаго Чернышевскаго въ Петербургъ, обзавелся полной формой жандармскаго капитана и отказался затѣмъ отъ службы подъ тѣмъ предлогомъ, что полученныя имъ извѣстія заставляютъ его вернуться въ Европейскую Россію. Когда все было подготовлено, онъ отправился въ Вилюйскъ. Мышкинъ прекрасно годился для своей роли, обладалъ большимъ краснорѣчіемъ, видной наружностью и съ уваженіемъ былъ принятъ вилюйскимъ исправникомъ. Но Мышкинъ все-таки кое-что упустилъ изъ виду, и, благодаря этому, всему его плану суждено было рухнуть. Онъ не позаботился взять съ собою конвой. Въ Сибири не принято, чтобы состоящіе на дѣйствительной службѣ офицеры ѣздили безъ нижнихъ чиновъ, а въ данномъ случаѣ это тѣмъ болѣе бросалось въ глаза, что ему предстояло взять подъ свою опеку и отвѣтственность важнаго политическаго преступника. Это обстоятельство возбудило подозрѣніе исправника, и чѣмъ больше онъ думалъ объ этомъ дѣлѣ, тѣмъ подозрительнѣе оно ему казалось. За завтракомъ слѣдующаго дня онъ сообщилъ Мышкину, что безъ разрѣшенія своего прямого начальника, губернатора Черняева въ Якутскѣ, онъ не можетъ выдать ему такого важнаго ссыльнаго, какъ Чернышевскій; въ виду этого онъ намѣренъ отправить курьера съ бумагами Мышкина къ губернатору и поступить затѣмъ согласно его рѣшенію.

— Хорошо, — отвѣтилъ Мышкинъ хладнокровно, — я не думалъ, что, несмотря на ясный приказъ высшихъ полицейскихъ властей, необходимо еще согласіе губернатора; но разъ это такъ, то я самъ отправлюсь за разрѣшеніемъ.

Исправникъ предложилъ ему взять съ собою двухъ казаковъ, отказаться отъ которыхъ ему было невозможно, между тѣмъ имъ было

строго приказано не упускать его изъ виду. По отъѣздѣ Мышкина, исправникъ изложилъ въ письмѣ на имя губернатора свои опасенія и послалъ съ этимъ письмомъ третьяго казака, которому приказалъ постараться прибыть въ Якутскъ раньше Мышкина. По пути курьеръ нагналъ своихъ товарищей, и изъ разговора казаковъ Мышкинъ узналъ, что онъ везетъ письмо исправника къ губернатору. Тогда онъ понялъ, что его дѣло проиграно, и при первомъ же возможности бѣжалъ въ лѣсъ. Казаки преслѣдовали его, онъ ранилъ одного изъ нихъ изъ револьвера и скрылся. Въ теченіе недѣли бродилъ онъ по непроходимымъ чащамъ на берегахъ Лены, но, наконецъ, былъ захваченъ едва живымъ отъ холода, голода и утомленія; послѣ пребыванія въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Иркутской тюрьмѣ, онъ былъ доставленъ въ Петропавловскую крѣпость въ Петербургѣ. Безъ малаго 3 года ждалъ онъ суда въ прочныхъ казематахъ Трубецкого бастіона. Все, что я знаю объ этомъ періодѣ жизни Мышкина, я слышалъ отъ ссыльнаго въ Сибири, камера котораго находилась рядомъ съ камерой Мышкина. Этотъ ссыльный разсказывалъ мнѣ, что у Мышкина бывали часто буйные припадки, вслѣдствіе лихорадки, сильнаго возбужденія или продолжительнаго одиночнаго заключенія; онъ часто слышалъ его крики, когда на него надѣвали смирительную рубашку или привязывали его къ кровати.

Въ октябрѣ 1878 года Мышкинъ, наконецъ, въ числѣ „193“ предсталъ передъ судомъ. Всѣ обвиняемые требовали гласнаго суда и собственныхъ стенографовъ. Въ обоихъ требованіяхъ имъ было отказано, и тогда большинство политическихъ отказалось имѣть защитниковъ. Когда въ концѣ процесса спросили Мышкина, имѣетъ ли онъ еще что-либо заявить, онъ произнесъ пламенную рѣчь, въ которой порицалъ недопущеніе гласности, увѣрялъ, что никто не хотѣлъ и не ожидалъ оправданія: они думали, что имѣютъ право разсчитывать на гласный судъ и на опубликованіе своего дѣла. Какъ только Мышкинъ сталъ нападать на правительство, предсѣдатель прервалъ его; когда же онъ настаивалъ на своемъ правѣ быть выслушаннымъ, жандармы получили приказъ вывести его. Его послѣднія слова были: „Это судилище хуже дома терпимости: въ послѣднемъ продается только тѣло, а здѣсь позорятъ честь, правосудіе и законъ“. За свое главное преступленіе и за оскорбленіе суда Мышкинъ былъ приговоренъ къ 10-ти годамъ каторжныхъ работъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія; вскорѣ онъ былъ переведенъ въ харьковскую центральную исправительную тюрьму. Даже для самаго бѣглаго описанія страданій политическихъ арестантовъ въ этой тюрьмѣ потребовалось бы слишкомъ много мѣста и времени, чѣмъ я, къ сожалѣнію, не располагаю. Исторія этой тюрьмы описана однимъ изъ этихъ несчастныхъ и тайно напечатана въ Россіи подъ характернымъ заглавіемъ: „Послѣднія слова надъ гробомъ Александра II“. Я надѣюсь впослѣдствіи опубликовать этотъ документъ на англійскомъ языкѣ, а теперь скажу только, что мнѣ извѣстны имена шести мужчинъ, которые сошли съ ума за то короткое время, когда въ этой тюрьмѣ содержались политическіе преступники. Мышкина заперли въ небольшую камеру въ нижнемъ этажѣ,

которую до него занималъ одинъ изъ самыхъ выдающихся политическихъ — князь Цицiановъ. Мужественный и энергичный Мышкинъ вскорѣ сталъ придумывать планъ бѣгства, и не прошло еще года со дня заключенiя его въ тюрьму, какъ имъ уже былъ вырытъ голыми руками и небольшой доской подкопъ подъ тюремной стѣной, при чемъ землю онъ помѣщалъ подъ поломъ своей камеры. Его предшественникъ князь Цицiановъ, человѣкъ очень образованный, имѣлъ нѣсколько большихъ картъ, которыя были заброшены на печкѣ, какъ ненужный хламъ. Мышкинъ отодралъ бумагу отъ холста, на который были наклеены карты, и сшилъ себѣ изъ него рубаху и брюки, чтобы надѣть ихъ во время побѣга. Всѣ приготовленiя были сдѣланы и онъ ждалъ только благопрiятнаго случая, чтобы бѣжать, какъ однажды въ необычный часъ къ нему явился надзиратель. Мышкинъ какъ разъ въ это время былъ въ своемъ тоннелѣ, а на его кровати лежало чучело. Надзиратель узналъ обманъ, поднялъ тревогу, подземный ходъ былъ открытъ, и Мышкинъ вытащенъ оттуда, какъ крыса изъ норы. Ему дали другую камеру, изъ которой бѣжать было немыслимо. Дойдя черезъ нѣсколько мѣсяцевъ чуть не до сумасшествiя, онъ рѣшаетъ совершить что-нибудь такое, за что бы его разстрѣляли. Онъ испросилъ себѣ разрѣшенiе быть въ воскресенье на богослуженiи въ тюремной церкви, — здѣсь онъ подкрался къ начальнику тюрьмы и въ тотъ моментъ, когда онъ прикладывался къ кресту, далъ ему пощечину. При обычныхъ обстоятельствахъ онъ за этотъ поступокъ былъ бы разстрѣлянъ; но какъ разъ въ то время необыкновенно большое число смертей и душевныхъ заболѣванiй среди политическихъ обратило вниманiе министра внутреннихъ дѣлъ на центральную тюрьму въ Харьковѣ, и туда былъ командированъ профессоръ Доброславинъ изъ Петербурга для разслѣдованiя ея санитарнаго состоянiя. Онъ доложилъ, что тюрьма настолько непригодна для пребыванiя въ ней человѣческихъ существъ, что не должно удивляться случаямъ смерти и сумасшествiй, и рекомендовалъ, по крайней мѣрѣ, политическихъ помѣстить въ другомъ мѣстѣ. Благодаря такому отзыву о состоянiи харьковской тюрьмы, вывели заключенiе, что Мышкинъ ударилъ начальника тюрьмы въ припадкѣ умопомѣшательства — и дѣло замяли. Вскорѣ онъ со всѣми своими политическими товарищами по несчастiю былъ сосланъ въ карiйскiе рудники. По пути туда одинъ изъ нихъ — Левъ Дмоховскiй умеръ въ Иркутскѣ. Всѣмъ имъ было разрѣшено присутствовать въ тюремной церкви на панихидѣ, и Мышкинъ счелъ долгомъ произнести надгробное слово надъ умершимъ товарищемъ. Онъ сказалъ о высокихъ нравственныхъ качествахъ покойнаго, сказалъ, что это была свѣтлая, гуманная личность, прочиталъ одно изъ стихотворенiй либеральнаго поэта Некрасова и добавилъ: „на почвѣ, удобренной кровью такихъ борцовъ, какъ ты, дорогой товарищъ, расцвѣтетъ дерево русской свободы“. Тогда полицейскiй чиновникъ приказалъ Мышкину замолчать и отвести его въ камеру. За эту революцiонную рѣчь въ святомъ храмѣ и при святыхъ иконахъ онъ былъ приговоренъ еще къ 15 годамъ каторги. Нѣкоторые изъ товарищей Мышкина говорили мнѣ, что это былъ природный ораторъ, но только

два раза въ жизни онъ воспользовался своимъ талантомъ: въ первый разъ это стоило ему 10 лѣтъ каторги, во второй разъ — 15 лѣтъ. Мышкинъ самъ говорилъ на Карѣ, что изъ всей своей жизни онъ жалѣетъ только о томъ, что произнесъ рѣчь надъ гробомъ товарища Дмоховскаго въ Иркутскѣ: общество ея не слыхало, никакой пользы она не принесла, удовлетворила только его тогдашнее душевное настроеніе, а между тѣмъ такъ увеличила срокъ его наказанія, что, если онъ и доживетъ до конца его, то будетъ уже слишкомъ старъ для того, чтобы послужить дѣлу русской свободы.

Мышкинъ былъ одинъ изъ первыхъ изъ 8 арестантовъ, бѣжавшихъ въ апрѣлѣ 1882 года изъ политической тюрьмы на Карѣ, и былъ пойманъ, какъ много разъ уже упоминалось выше, во Владивостокѣ. Въ 1883 году онъ вмѣстѣ съ другими опасными политическими былъ перевезенъ въ Петербургъ и заключенъ въ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ въ 1885 году былъ разстрѣлянъ за то, что ударилъ тюремнаго врача.

Въ январѣ 1882 года, приблизительно за три мѣсяца до побѣга 8 политическихъ арестантовъ изъ карійской тюрьмы, бѣжали 2 замужнія женщины, ссылавшіяся на Кару, — г-жа Ковальская и г-жа Богомолецъ изъ иркутской тюрьмы. Онѣ были задержаны еще въ городѣ, возвращены въ тюрьму и подвергнуты обычному обыску. Эти обыски производятся всегда мужчинами, старающимися при этомъ обыкновенно хоть соблюдать приличія. На этотъ разъ руководилъ обыскомъ, бывшій въ то время въ тюрьмѣ адъютантъ генералъ-губернатора, полковникъ Соловьевъ, человѣкъ съ дурной репутаціей; онъ не только обругалъ женщинъ, но велѣлъ совершенно раздѣть ихъ въ его присутствіи. Затѣмъ онъ имѣлъ нахальство хвастаться своимъ геройствомъ въ камерѣ мужчинъ, политическихъ арестантовъ, и сдѣлать презрительное замѣчаніе: „красота вашихъ политическихъ женщинъ не ахти какая важная“. Среди арестантовъ въ этой камерѣ находился учитель Щедринъ; до глубины души возмущенный подлымъ хвастовствомъ и издѣвательствомъ, онъ бросился на полковника, называлъ его презрѣннымъ лгуномъ и подлецомъ и ударилъ его по лицу. За это оскорбленіе офицера и неудачный побѣгъ изъ карійской тюрьмы (въ числѣ 8) онъ вскорѣ, по прибытіи туда, былъ прикованъ къ тачкѣ. Въ іюлѣ 1882 года онъ вмѣстѣ съ другими „опасными“ политическими началъ свое путешествіе въ Петербургъ или, вѣрнѣе, въ Шлиссельбургъ. Даже во время пути онъ остался прикованнымъ къ своей тачкѣ, но такъ какъ дороги были въ плохомъ состояніи и постоянные удары тачки по ногамъ порядочно изранили его, то, въ концѣ концовъ, его освободили отъ этого орудія пытки и привязали тачку позади телѣги. Подполковникъ Винокуровъ, инспекторъ по пересыльной части Западной Сибири, разсказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ Щедрина вмѣстѣ съ его тачкой на телѣгѣ въ Тобольской губерніи.

Послѣ голодовки лѣтомъ 1882 года жизнь заключенныхъ въ политической тюрьмѣ на Карѣ стала болѣе сносной. Они опять могли имѣть книги, деньги и теплыя платья и въ теченіе двухъ часовъ ежедневно гулять по тюремному двору. Но санитарное состояніе

тюрьмы было плохое, больнымъ удѣляли мало вниманія, и смертность была очень велика[1]).

За время съ отставки полковника Кононовича въ 1881 году и до назначенія капитана Николина, начальникъ политической тюрьмы на Карѣ мѣнялся 7 разъ[2]), и тюремный режимъ вполнѣ зависѣлъ отъ капризовъ лица, стоявшаго во главѣ ея. То заключеннымъ разрѣшалось имѣть книги и деньги, дѣлать ежедневныя прогулки и писать своимъ роднымъ, то нѣтъ. Перегородки, устроенныя въ 1882 году для раздѣленія большихъ камеръ на меньшія, были удалены въ 1884 г.; отмѣненная въ 1881 г. вольная команда была снова возстановлена въ 1885 году. Каждымъ новымъ офицеромъ отмѣнялись всѣ постановленія его предшественниковъ, и произволъ офиціальныхъ лицъ сталъ на мѣсто закона. Самымъ лучшимъ начальникомъ, по свидѣтельству заключенныхъ, былъ Бурлей. Халтуринъ былъ грубъ и жестокъ, Шубинъ — безхарактерный человѣкъ, а Минаевъ не только пьяница, но и воръ, который уничтожилъ сотни писемъ и растратилъ 1900 рублей, присланныхъ арестованнымъ ихъ родственниками и друзьями изъ Европейской Россіи. Всѣ эти офицеры принадлежали къ иркутской жандармеріи. 16-го января 1884 года политическая тюрьма на Карѣ была подчинена непосредственно департаменту полиціи министерства внутреннихъ дѣлъ, и въ началѣ 1885 г. былъ изъ Петербурга командированъ капитанъ Николинъ, который сдѣлался начальникомъ этой тюрьмы.

Каждое слово, сказанное полковникомъ Кононовичемъ секретарю министерства внутреннихъ дѣлъ Дурново въ 1881 году относительно управленія политической тюрьмой на Карѣ, оправдалось ходомъ событій. Правительство вынудило подать въ отставку честнаго и гуманнаго человѣка, посылало другъ за другомъ на его мѣсто съ полдюжины неспособныхъ и жестокихъ людей, — и неизбѣжныя послѣдствія оказались на лицо: трагедія за трагедіей, безобразіе за безобразіемъ. Пока правительство, какъ это я выясню въ дальнѣйшемъ, идетъ все по тому же пути, оно, конечно, и не можетъ ожидать другихъ результатовъ. Оно сѣетъ вѣтеръ, и въ не столь отдаленномъ будущемъ пожнетъ бурю.

12-го ноября г. Фростъ и я съ облегченнымъ сердцемъ отправились въ обратный путь. Когда мы выѣзжали съ полковникомъ Потуловымъ изъ жалкаго поселенія, такъ называемаго нижняго пріиска,

---

[1]) Я не могъ достать полнаго списка политическихъ арестантовъ, которые въ теченіе 1879—1886 годовъ въ карійской политической тюрьмѣ умерли, кончили самоубійствомъ или сошли съ ума; мнѣ извѣстны только слѣдующіе случаи: 1) умерли отъ болѣзней (кромѣ 1 случая, всѣ отъ чахотки): Ишутиновъ, Кривошеинъ, Жуковъ, Попко, m-me Лисовская, Тихоновъ, Рогачевъ, докторъ Веймаръ, г-жа Армфельдтъ и г-жа Кутитонская. 2) Кончили самоубійствомъ: Семеновскій (застрѣлился), Родинъ (отравился), Успенскій (повѣсился). 3) Сошли съ ума: Матвѣевичъ, Зубковскій, Позенъ и г-жа Ковальская. (Послѣдняя потомъ выздоровѣла.) Во время нашего пребыванія на Карѣ изъ 11 женщинъ политической тюрьмы 8 были больны.

[2]) Кононовичъ, Потуловъ, Халтуринъ, Бурлей, Шубинъ, Минаевъ, Бурлей (вторично) и Николинъ.

насъ узнали двое политическихъ арестантовъ въ длинныхъ сѣрыхъ халатахъ. Они шли на разстояніи 70—100 саж. отъ дороги, направляясь къ политической тюрьмѣ; когда мы проѣзжали мимо нихъ, они остановились, сняли свои шапки и низко поклонились. Это было ихъ послѣднее, нѣмое „прости" путешественникамъ, которые выказали по отношенію къ нимъ симпатію и состраданіе. Въ то же время это было и мое прощаніе съ карійскими рудниками.

Ночь провели мы въ домѣ тюремнаго смотрителя въ Усть-Карѣ при впаденіи Кары въ Шилку; на другое утро мы сѣли на лошадей, чтобы верхомъ черезъ горы отправиться въ Срѣтенскъ. Когда все было готово къ отъѣзду, полковникъ Потуловъ откупорилъ бутылку бѣлаго крымскаго вина, налилъ 3 стакана и чокнулся съ нами со словами: „желаю вамъ счастливаго возвращенія въ Америку". Мы опорожнили стаканы въ надеждѣ, что его пожеланія исполнятся, поблагодарили его за любезныя отношенія къ намъ и гостепріимство, обѣщали телеграфировать ему о прибытіи въ Срѣтенскъ — и поскакали по направленію къ горамъ.

Мѣстность вдоль Шилки близъ Кары не населена; на нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки живутъ въ юртахъ полудикіе кочевники, такъ называемые „орочоны". Они признаютъ русскую власть, платятъ подати и считаются христіанами, но русскіе поселки посѣщаютъ рѣдко и только для того, чтобы вымѣнять свои мѣха на ножи, котлы и табакъ.

Во время двухдневнаго переѣзда черезъ дикія, лѣсистыя горы, окаймляющія Шилку, мы сильно страдали отъ голода, холода и утомленія. На третій день мы прибыли въ деревню Боты, гдѣ должны были отдать своихъ лошадей. Большинство населенія здѣсь мы застали за молотьбой хлѣба на льду. Крестьяне обрадовались, увидѣвъ насъ: они уже опасались, что съ нами случилось какое-нибудь несчастіе. Пережитыя на Карѣ волненія и тягость поѣздки черезъ горы въ сильный морозъ такъ изнурили меня, что я едва могъ сидѣть на сѣдлѣ. Къ счастію, Шилка, начиная съ деревни Боты, уже замерзла, и мы могли продолжать свое путешествіе въ саняхъ по льду рѣки. 16 ноября, поздно ночью, мы, усталые, голодные и окоченѣвшіе отъ холода, прибыли въ Срѣтенскъ, и въ небольшой избѣ молодого крестьянина Зябликова, гдѣ мы оставили большую часть своего багажа, нашли убѣжище, ѣду и покой.

XVII.

Въ серебряныхъ копяхъ Восточной Сибири.

Прибывъ, на обратномъ пути изъ карійскихъ рудниковъ, въ Срѣтенскъ, г. Фростъ и я были настолько утомлены, что нуждались въ абсолютномъ покоѣ. Волненія, лишенія всякаго рода и недостаточное питаніе при продолжительномъ и сильномъ морозѣ до такой степени истощили меня, что я безъ утомленія не могъ пройти и 100 шаговъ

лли одѣть свою шубу. При такой слабости было бы рискованно предпринять, да еще въ безрессорной телѣгѣ, далекое (въ 900 верстъ) путешествіе по дикой, мало населенной мѣстности, гдѣ расположены были нерчинскіе серебряные рудники. Въ виду этого мы три дня отдыхали въ избушкѣ молодого крестьянина Зябликова на берегу рѣки Шилки, ѣли какъ можно больше питательнаго, больше спали и подкрѣпили свои силы хининомъ и сноснымъ экстрактомъ Либиха.

Почувствовавъ себя бодрѣе, я въ воскресенье утромъ пѣшкомъ отправился по льду рѣки въ Срѣтенскъ и навѣстилъ мѣстнаго засѣдателя, чтобы при его содѣйствіи достать себѣ лошадей. Въ большей части Нерчинскаго округа серебряныхъ рудниковъ правильныхъ почтовыхъ сообщеній нѣтъ, но губернаторъ Забайкальской области уполномочилъ насъ при наймѣ лошадей по телеграфу обращаться къ содѣйствію полиціи; кромѣ того, полковникъ Потуловъ снабдилъ меня рекомендательными письмами почти ко всѣмъ мѣстнымъ полицейскимъ властямъ. Засѣдатель принялъ меня вѣжливо и сейчасъ же сталъ хлопотать о лошадяхъ, но сообщилъ мнѣ непріятную вѣсть, что на всемъ протяженіи между Срѣтенскомъ и горными рудниками свирѣпствуетъ эпидемія оспы и что слѣдуетъ избѣгать ночлеговъ въ крестьянскихъ избахъ и вообще даже лучше не входить въ нихъ. Путешествіе въ серебряные рудники и безъ того было связано со множествомъ лишеній; но невозможность, при температурѣ ниже —15° R., найти себѣ убѣжище и пищу, не рискуя при этомъ заразиться опасной болѣзнью, была прямо ужасна. У меня было большое желаніе поѣхать прямо на Нерчинскъ и уже оттуда попасть въ горный округъ, но это очень удлиняло путь; такъ какъ г. Фростъ не боялся заразиться, то я все-таки рѣшилъ остановиться на своемъ первоначальномъ планѣ. Въ воскресенье послѣ обѣда мы уложили багажъ на небольшую, низкую телѣгу, привязали сзади мѣшокъ съ хлѣбомъ, чтобы не сидѣть на немъ, и на парѣ лошадей, съ апатичнымъ ямщикомъ въ ободранномъ армякѣ, тронулись въ путь по направленію къ Александровскому заводу и Алгачинскому руднику.

Серебряныя копи Нерчинска не расположены, какъ можно было бы предполагать, близъ самаго города, но раскинуты на пространствѣ 2300 квадратныхъ верстъ въ дикой, угрюмой гористой мѣстности, извѣстной подъ названіемъ Нерчинскаго горнаго округа. На югѣ этотъ округъ граничитъ съ Монголіей и занимаетъ большую часть треугольника, образуемаго Шилкой и Аргунью до соединенія ихъ въ Амуръ. Присутствіе серебряныхъ и свинцовыхъ рудъ было извѣстно уже доисторическимъ племенамъ Сибири, и первые русскіе изслѣдователи этой страны нашли слѣды примитивнаго способа разработки рудъ близъ Аргуни. Въ 1700 году греческіе горные инженеры, бывшіе на русской службѣ, основали недалеко отъ монгольской границы Нерчинскій заводъ, и не прошло еще и 100 лѣтъ, какъ уже въ 20 разныхъ мѣстахъ между Шилкой и Аргунью были вырыты шахты и построены 8 заводовъ съ доменными печами для выплавки рудъ. Въ этихъ рудникахъ работали сначала крестьяне, которыхъ перевели изъ другихъ частей Сибири и заставили поселиться здѣсь въ виду нужды

въ рабочей силѣ, но въ 1722 году ихъ замѣнили арестанты, доставляемые сюда изъ Европейской Россіи. Съ тѣхъ поръ рудники разрабатывались отчасти крестьянами, отчасти уголовными преступниками, приговоренными къ каторгѣ. Въ Нерчинскій горный округъ не ссылались политическіе арестанты, исключая поляковъ и нѣсколькихъ декабристовъ. Послѣ неудачнаго возстанія 1863 года[1]) туда были переведены тысячи польскихъ повстанцевъ, но затѣмъ политическихъ преступниковъ принято было ссылать въ карійскіе рудники.

Нашею ближайшею цѣлью былъ Александровскій заводъ, расположенный, приблизительно, въ 200 верстахъ къ юго-западу отъ Срѣтенска. Самый заводъ, которому этотъ поселокъ обязанъ своимъ именемъ и значеніемъ, стоитъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ, и ему грозитъ близкое разрушеніе, но поселокъ того же имени, гдѣ находится небольшая тюрьма, еще сохранился. Такъ какъ мы предполагали осмотрѣть ее и Александровскій заводъ былъ къ тому же удобный пунктъ, откуда легко можно было бы посѣтить знаменитые нѣкогда, теперь покинутые Акатуйскіе рудники, то здѣсь мы и рѣшили остановиться. Погода была холодная, небо было покрыто тучами, и дулъ холодный сѣверо-восточный вѣтеръ. Холмы, между которыми мы проѣзжали, были покрыты тонкимъ слоемъ снѣга, но дорога была суха и безснѣжна, и мы вскорѣ оказались въ облакѣ пыли, которая поднималась при ѣздѣ. Проѣхавъ 30 верстъ, мы такъ промерзли, устали и проголодались, что жаждали покоя и мечтали объ ѣдѣ, но поселокъ, въ которомъ мы мѣняли лошадей, былъ какъ бы покинутъ, и казалось, что здѣсь свирѣпствовала эта ужасная эпидемія — оспа; въ виду этого мы не рѣшились слѣзть съ телѣги: голодъ и холодъ все-таки можно было предпочесть оспѣ. Нашъ ямщикъ постарался успокоить насъ, заявляя, что болѣзнь эта вовсе ужъ не такъ опасна, но г. Фростъ высказалъ предположеніе, что съ нею дѣло обстоитъ, должно-быть, такъ же, какъ съ сибирскими насѣкомыми, которыхъ мѣстные жители считаютъ пустякомъ, въ то время какъ проѣзжихъ они доводятъ чуть ли не до смерти. Когда мы прибыли въ слѣдующую деревню Капунъ, уже темнѣло, термометръ опустился почти до —14° R., и я такъ озябъ, что едва могъ шевелить своими окоченѣвшими членами.

— Я не въ состояніи этого больше выносить, — сказалъ я г. Фросту. — Дѣйствительно заманчивая альтернатива: оспа или замерзаніе! Я постучусь въ дверь этой избы и спрошу, есть ли здѣсь эта проклятая болѣзнь; если нѣтъ, то я войду, чтобы обогрѣться и хоть чего-нибудь поѣсть.

Я постучался, и блѣдная, изможденная женщина открыла мнѣ дверь.

---

[1]) По даннымъ Максимова, которому были доступны офиціальные источники, число сосланныхъ въ Сибирь въ теченіе 1863—1866 годовъ поляковъ доходило до 18.623. Изъ нихъ 8199, включая сюда 4252 дворянина, были сосланы въ Восточную Сибирь и 7109 человѣкъ были приговорены къ каторгѣ, которую они отбывали большею частью въ нерчинскихъ серебряныхъ рудникахъ. (Максимовъ, „Сибирь и каторга", томъ III, стран. 80 и 81. Петербургъ. А. Траншель 1871 г.)

— Будьте любезны сказать мнѣ, боленъ ли кто-нибудь въ этой избѣ оспой?—спросилъ я.

— Да,—послышалось въ отвѣтъ.

Я поспѣшилъ выйти, вернулся къ телѣгѣ и сообщилъ г. Фросту, что мы находимся между Сциллой и Харибдой и что мѣшокъ съ хлѣбомъ—наше единственное спасеніе. Новое несчастіе! Хлѣбъ промерзъ и сдѣлался твердымъ, какъ камень, а кромѣ того, покрылся пылью и пескомъ, поднятыми колесами нашей телѣги и проникшими сквозь мѣшокъ. Я далъ г. Фросту одинъ хлѣбъ, себѣ взялъ другой, и такимъ образомъ мы просидѣли въ полумракѣ три четверти часа, дрожа отъ холода, и грызли мерзлый хлѣбъ въ ожиданіи новыхъ лошадей.

Чтобы какъ-нибудь защитить мѣшокъ съ хлѣбомъ отъ мороза и пыли, я предложилъ сѣсть на него. Такъ мы и поступили, но вмѣсто одной непріятности получили новое неудобство.

Наконецъ, привели лошадей, и послѣ продолжительной, чрезвычайно непріятной ѣзды въ трескучій морозъ мы въ 9 часовъ вечера достигли почтовой станціи Шелапугино на почтовой дорогѣ между Нерчинскомъ и Нерчинскимъ заводомъ. Я чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ продолжать въ этотъ день наше ужасное путешествіе, и такъ какъ содержатель станціи увѣрилъ насъ, что у него не было еще ни одного случая оспы, мы перетащили свой багажъ въ домъ, напились чаю и, какъ обыкновенно, улеглись на своихъ шубахъ на полу въ комнатѣ для проѣзжающихъ. Подкрѣпившись хорошимъ сномъ и завтракомъ, состоявшимъ изъ чаю, свѣжаго хлѣба и масла, мы со свѣжими силами выѣхали въ понедѣльникъ утромъ. Дорога весь день шла среди голыхъ холмовъ по неглубокимъ долинамъ. Небо было ясно, солнце весело свѣтило, но термометръ показывалъ — 21° R., наши лошади покрылись инеемъ, тряска повозки не давала намъ возможности плотно завернуться въ шубы, и мы сильно страдали отъ холода. Около половины седьмого вечера мы сдѣлали остановку, чтобы напиться чаю, въ деревнѣ, названіе которой — Каввикутчигазамурская — содержало, повидимому, больше буквъ, чѣмъ было въ деревнѣ жителей. Здѣсь мы встрѣтились съ молодымъ техникомъ изъ Петербурга, который былъ командированъ въ рудники для того, чтобы научить арестантовъ употребленію динамита; теперь онъ находился на обратномъ пути. Онъ описалъ намъ въ очень мрачныхъ краскахъ жизнь на серебряныхъ рудникахъ. Тюрьмы онъ назвалъ „самыми худшими во всемъ государствѣ“, а чиновниковъ — „жестокими и никуда негодными“.

— Съ арестантами,—сказалъ онъ,—обращаются скверно, ихъ бьетъ всякій за любой пустякъ, заставляютъ работать даже больныхъ и часто убиваютъ при взрывахъ породъ, такъ какъ руководители работъ по невѣжеству и небрежности неосторожно обращаются со взрывчатыми веществами.

Объ администраціи рудниковъ онъ отзывался съ такой злобой, какъ будто бы у него были враждебныя отношенія съ ними на личной почвѣ; вслѣдствіе этого я счелъ нужнымъ отнестить пока къ его сообщеніямъ скептически. Правъ ли я былъ, поступая такъ, покажетъ читателю сравненіе съ моими собственными наблюденіями.

Во вторникъ около полуночи мы доѣхали до деревни Макарово, въ 170 верстахъ отъ Срѣтенска, и провели ночь въ „земской квартирѣ“, — деревянномъ домѣ, обитаемомъ крестьянской семьей, гдѣ имѣютъ право останавливаться проѣзжающіе чиновники. Сейчасъ же послѣ чаю мы собрались спать; г. Фростъ легъ на полу, а я — на лавкѣ подъ окномъ. Въ комнатѣ сильно пахло отъ стѣнъ смолой, и было такъ жарко и душно, что я долго не могъ сомкнуть глазъ. Едва только мнѣ удалось заснуть, какъ меня разбудило громкое пѣніе пѣтуха, раздавшееся гдѣ-то совсѣмъ рядомъ. Меня заинтересовало, гдѣ это запѣлъ пѣтухъ: оказалось, что свободное пространство подъ моей лавкой, съ помощью досокъ, было превращено въ курятникъ. Большой пѣтухъ, разсчитывая, навѣрное, что скоро будетъ свѣтать, просунулъ свою голову чрезъ планки и буквально заоралъ мнѣ въ самое ухо. Хорошій домашній сторожъ не хотѣлъ успокоиться; съ короткими промежутками онъ въ теченіе цѣлой ночи продолжалъ распѣвать, такъ что я, устроившись на полу въ противоположномъ углу комнаты, все-таки почти не спалъ. Мнѣ приходилось въ Сибири ночевать подъ одной крышей съ жеребятами, собаками, рогатымъ скотомъ и овцами, а теперь я убѣдился, что бодрствующій пѣтухъ въ небольшой комнатѣ ночью мѣшаетъ больше, чѣмъ цѣлый Ноевъ ковчегъ четвероногихъ животныхъ.

Во вторникъ утромъ около 10 часовъ мы прибыли въ Александровскій заводъ, — въ жалкую сибирскую деревню, состоящую изъ 200—300 душъ и расположенную среди необработанной степи, съ ветхимъ мостомъ на переднемъ планѣ и низкими голыми, покрытыми снѣгомъ горами вдали. Тюрьма, въ которую повелъ начальникъ ея, г. Фоминъ, оказалась домомъ для инвалидовъ, гдѣ помѣщались неспособные къ работѣ и престарѣлые арестанты изъ другихъ частей Нерчинскаго горнаго округа. Въ главномъ зданіи, одноэтажной деревянной избѣ, содержалось тогда 137 арестантовъ. Оно стояло уже полстолѣтія и въ санитарномъ отношеніи, какъ и слѣдовало ожидать, оставляло желать многаго. Полы были грязны, воздухъ тяжелый и испорченный, а въ коридорахъ несло вонью изъ отхожихъ мѣстъ и переполненныхъ парашъ. Въ двухъ камерахъ я замѣтилъ душевно больныхъ среди здоровыхъ заключенныхъ. Больница при тюрьмѣ мала, но не была переполнена, содержалась, повидимому, въ чистотѣ и была въ сносномъ состояніи. Грубое, холщевое постельное бѣлье было грязно, но больничный надзиратель увѣрялъ насъ, что онъ тутъ ни при чемъ, такъ какъ казна скупится на бѣлье. Онъ, казалось, не мало обрадовался, когда я сказалъ ему, что его небольшая больница, на мой взглядъ, содержится чище и лучше другихъ во всей Забайкальской области.

Послѣ осмотра тюрьмы мы вернулись въ уютный домъ г. Фомина, гдѣ застали исправника Нерчинскаго завода, высокаго, коренастаго, красиваго мужчину лѣтъ 40, который объѣзжалъ свой округъ. Онъ былъ очень разговорчивъ и общителенъ, говорилъ откровенно о нерчинскихъ рудникахъ и назвалъ эксплуатацію ихъ правительствомъ „неумѣлой, полной недостатковъ и расточительной“. На его взглядъ,

было бы гораздо лучше для страны, если бы весь этотъ горный округъ былъ переданъ въ руки частныхъ предпринимателей. Среди правительственныхъ инженеровъ имѣется много продажныхъ и неспособныхъ людей, и потому доходъ отъ рудниковъ слишкомъ незначителенъ. Для характеристики господствующихъ здѣсь порядковъ онъ разсказалъ мнѣ о двухъ золотыхъ пріискахъ, расположенныхъ въ его округѣ, которые были изслѣдованы инженерами, командированными кабинетомъ Его Величества[1]), признаны ими не имѣющими цѣнности и потому были проданы частнымъ лицамъ, которымъ они принесли 600 пудовъ чистаго золота. Исправникъ, прямо не сказавъ мнѣ это, все-таки далъ понять, что инженеры дѣйствовали заодно съ покупателями этихъ золотыхъ пріисковъ и получили отъ нихъ свою долю выручки. Для меня это внѣ всякаго сомнѣнія. Государя постоянно обманываютъ и обкрадываютъ чиновники, которымъ онъ ввѣряетъ завѣдываніе своимъ сибирскимъ имуществомъ.

Послѣ хорошаго обѣда, состоявшаго изъ супа, рыбы, жареной тетерки, овощей и компота, водки и трехъ сортовъ вина, которое г. Фоминъ выставилъ въ честь своихъ гостей, исправникъ, начальникъ тюрьмы, г. Фростъ и я поѣхали въ отстоящій на 18 верстъ Акатуйскій рудникъ. Онъ давно уже былъ оставленъ правительствомъ и наполнился водою, но я хотѣлъ познакомиться съ положеніемъ этого рудника, какъ потому, что прежде онъ былъ самымъ страшнымъ мѣстомъ ссылки во всей Сибири, такъ и потому, что правительство, много лѣтъ назадъ, собиралось перевести туда всѣхъ политическихъ арестантовъ изъ карійскихъ рудниковъ.

Дорога сначала на протяженіи 9—12 верстъ шла по однообразной степи вплоть до подножія горной цѣпи холмовъ, а затѣмъ по ровной долинѣ, окаймленной голыми холмами до 1000 футовъ высоты, склоны которыхъ, покрытые снѣгомъ, скрывали видъ во всѣ стороны. Долина становилась все уже, и, наконецъ, въ 2—3 верстахъ за деревушкой Акатуй, превратилась въ неописуемо угрюмый оврагъ, въ которомъ единственнымъ признакомъ жизни были корявые, лишенные листьевъ кустарники, мѣстами прерывавшіе однообразный снѣжный покровъ холмовъ. Мнѣ казалось, что я еще никогда въ жизни не видалъ такого одинокаго, печальнаго, пустыннаго клочка земли. Можно было вообразить себя среди ледяныхъ горъ Гренландіи близъ сѣвернаго полюса.

— Вотъ и старая политическая тюрьма,— сказалъ исправникъ, когда мы остановились передъ страннымъ, полуразрушеннымъ деревяннымъ домомъ, посрединѣ котораго находились высокія, сводчатыя ворота. По обѣимъ сторонамъ этого мрачнаго, нѣкогда выбѣленнаго

---

[1]) Почти всѣ рудники въ этой части Забайкалья составляютъ частное имущество государя и извѣстны подъ именемъ „кабинетскихъ рудниковъ“. Какимъ образомъ государь сдѣлался ихъ собственникомъ, я не знаю. Одинъ, извѣстный мнѣ, образованный русскій началъ работу, которую онъ предполагалъ опубликовать за границей, подъ заглавіемъ: „Происхожденіе богатства дома Романовыхъ“, но, еще до окончанія своихъ изслѣдованій по этому вопросу, былъ сосланъ въ Сибирь.

зданія, въ 20—25 саж. отъ него, находились 2 каменныя ветхія тюрьмы, обѣ въ полномъ запустѣніи, одна даже безъ крыши. Повидимому, эти тюрьмы раньше были окружены заборомъ, а деревянный домъ съ воротами служилъ помѣщеніемъ для стражи, и здѣсь же былъ входъ въ тюремный дворъ, но заборъ уже давно исчезъ, рѣшетки были вынуты изъ оконъ, и при поверхностномъ взглядѣ на эти развалины едва ли можно было угадать, для чего онѣ служили въ свое время. Я слѣзъ съ телѣги и вошелъ въ тюрьму, расположенную по правую руку отъ сторожки, въ надеждѣ найти гдѣ-нибудь на стѣнѣ надпись какого-либо одинокаго, несчастнаго заключеннаго или желѣзное кольцо, къ которому привязывался буйный арестантъ. Но всѣ желѣзныя части въ ней, которыя могли быть на что-нибудь употреблены, уже исчезли; полы сгнили; штукатурка облупилась, и не осталось ничего, что могло бы разсказать невѣдомую исторію этой грустной тюрьмы или свидѣтельствовать о жестокостяхъ и трагедіяхъ, которыя явились причиной такой печальной извѣстности Акатуя. Тюрьма по лѣвую руку отъ сторожки сохранилась гораздо лучше, и ее, несомнѣнно, стоило бы тщательно осмотрѣть, но окна были плотно закрыты, на тяжелыхъ, деревянныхъ дверяхъ висѣли замки, и г. Фоминъ сказалъ, что не знаетъ, гдѣ находятся ключи и какъ намъ можно попасть внутрь. Входъ въ Акатуйскій рудникъ находился на высотѣ 500—600 футовъ надъ дномъ долины въ холмѣ; въ наступившихъ тѣмъ временемъ сумеркахъ мы могли замѣтить небольшой сарай подлѣ отверстія шахты. Если бы непозднее время, я предложилъ бы ближе осмотрѣть шахту, но темнота быстро сгущалась, былъ сильный морозъ и, такъ какъ исправникъ и начальникъ тюрьмы желали вернуться на заводъ, я долженъ былъ удовлетвориться поверхностнымъ осмотромъ ближайшихъ окрестностей тюрьмы. Здѣсь отбывалъ каторгу и умеръ Лунинъ, одинъ изъ декабристовъ 1825 года, здѣсь же по сосѣдству съ тюрьмой покоится много польскихъ патріотовъ, сосланныхъ послѣ возстанія 1863 года. Я, къ сожалѣнію, не могъ отыскать и слѣда ихъ могилъ. Русское правительство далеко отъ того, чтобы сохранить для потомства память о политическихъ преступникахъ, которыхъ оно замучило до смерти въ сибирскихъ тюрьмахъ, и надъ останками большинства изъ нихъ нѣтъ даже могильной насыпи. Уже по моемъ возвращеніи изъ Сибири, въ угрюмой Акатуйской долинѣ выстроена новая тюрьма, куда предполагается перевести всѣхъ политическихъ арестантовъ съ Кары. Правительство намѣревается выкачать воду изъ заброшеннаго рудника и заставить политическихъ работать въ сырыхъ и мрачныхъ шахтахъ. Конечно, это было бы большимъ ухудшеніемъ ихъ положенія,—ибо если и найдется въ Сибири болѣе одинокій, грустный и заброшенный уголокъ земли, чѣмъ Кара, то это снѣжная, Акатуйская долина.

Поздно вечеромъ мы вернулись въ Александровскій заводъ, а на слѣдующее утро около полудня, послѣ пріятнаго сна и прекраснаго завтрака, выѣхали по направленію къ Алгачинскому руднику, до котораго было около 35 верстъ. Мѣстность, по которой мы проѣзжали,

была утомительно однообразна; одинъ рядъ голыхъ, низкихъ, куполообразныхъ холмовъ слѣдовалъ за другимъ, какъ волны въ океанѣ; нигдѣ ни слѣда жизни, ни растительности, только множество стоговъ сѣна стояло въ долинахъ. Съ вершины послѣдняго, лежавшаго на нашемъ пути холма вся мѣстность, которую можно было окинуть взоромъ, верстъ на 45, имѣла видъ безграничнаго моря, внезапно замерзшаго среди сильнаго урагана. Далеко внизу въ снѣжной долинѣ, между двумя такими громадными валами, мы открыли небольшую группу деревянныхъ зданій,— это и была, какъ намъ объяснилъ ямщикъ, деревня *Алгачи*. Насколько хваталъ глазъ, нельзя было замѣтить ни одного темнаго предмета, который прервалъ бы однообразную бѣлизну застывшихъ ледяныхъ горъ взбушевавшагося океана; сама деревушка производила впечатлѣніе поленницы дровъ, застрявшей въ глубинѣ волны въ тотъ моментъ, когда водная поверхность внезапно обледенѣла. Мы спустились по крутому склону горы по каменистой, шедшей зигзагами дорогѣ, въѣхали въ длинную, грязную улицу между двумя рядами избъ, встрѣтили нѣсколько стадъ, которыхъ гнали съ водопоя мальчики въ полушубкахъ, и, наконецъ, окруженные большой толпой любопытныхъ, остановились передъ земской квартирой, гдѣ предполагали провести ночь. Было уже 5 часовъ — т.-е. слишкомъ поздно для осмотра тюрьмы или рудника, и потому мы перенесли свой багажъ въ домъ и, давъ хозяевамъ объясненія о нашей личности, стали готовиться къ ужину. Наши запасы были незатѣйливы, но хозяйка подала кипящій самоваръ, молока и масла; г. Фростъ торжественно досталъ банку калифорнскихъ персиковъ, которые онъ купилъ въ Срѣтенскѣ „для особаго случая"; кромѣ того, воткнувъ на палку кусокъ нашего мерзлаго, засыпаннаго пескомъ хлѣба, мы разогрѣли его на открытомъ огнѣ русской печки. Ужинъ мы съѣли съ такимъ аппетитомъ, что г. Фростъ даже позабылъ, что не мѣшало бы поѣсть также и бѣлыхъ сухарей, — и около 9 часовъ, обогрѣвшись, довольные и счастливые, мы улеглись на полу.

Въ среду утромъ, послѣ завтрака, мы были съ визитомъ у горнаго инженера Нестерова и начальника тюрьмы, подполковника Зальдштейна. Г-нъ Нестеровъ принялъ насъ чрезвычайно гостепріимно, настоялъ на томъ, чтобы мы еще разъ позавтракали съ нимъ, и безпрестанно наполнялъ наши стаканы водкой, крымскимъ виномъ и бостонскимъ лимонадомъ. Подполковникъ Зальдштейнъ, занимавшій большой уютный домъ со множествомъ цвѣтущихъ растеній, также принудилъ насъ выпить съ нимъ бутылку вина и позавтракать въ третій разъ, такъ что пробило уже часъ, когда мы, наконецъ, направились къ тюрьмѣ и руднику. Подполковникъ Зальдштейнъ, по происхожденію финляндецъ, говорилъ по-русски съ нѣмецкимъ акцентомъ; онъ говорилъ обо всемъ съ большой откровенностью и не безъ юмора и казался мнѣ честнымъ и исполнительнымъ человѣкомъ.

— Я боюсь,— сказалъ онъ, когда мы проѣзжали по улицѣ поселка,— что наша тюрьма окажется худшей изъ всѣхъ, которыя вы видѣли: она очень стара и въ плохомъ состояніи, а для улучшенія ея мало что могу сдѣлать: отъ насъ слишкомъ далеко до Петербурга.

Я замѣтилъ, что здѣшняя тюрьма врядъ ли можетъ быть хуже, чѣмъ острогъ въ Усть-Карѣ, и что я за время своего путешествія убѣдился въ нѣкоторой трудности проведенія тюремныхъ реформъ. Онъ ничего не отвѣтилъ, покачалъ головой, какъ бы говоря, что осмотръ тюрьмы въ Алгачахъ значительно обогатитъ мои свѣдѣнія и впечатлѣнія отъ сибирскихъ тюремъ. Вскорѣ мы подъѣхали къ высокому деревянному забору. Насъ встрѣтилъ часовой, взявшій на караулъ; дежурный офицеръ ввелъ насъ въ обширный дворъ, по срединѣ котораго находилась тюрьма. Это было длинное, низкое, четырехугольное деревянное зданіе съ деревянной же крышей, съ небольшой пристройкой, служившей сѣнями, съ дверью на одномъ концѣ и длиннымъ рядомъ оконъ съ крѣпкими рѣшетками. Весь домъ производилъ впечатлѣніе, что вотъ-вотъ онъ рухнетъ. Одна длинная сторона его такъ опустилась, что, по крайней мѣрѣ, на 2 фута отклонилась отъ вертикальной линіи, и навѣрное, упала бы, если бы подъ нее во всю длину не были подставлены толстыя бревна. Всѣ стѣны много времени тому назадъ были оштукатурены и выбѣлены, теперь же большіе куски штукатурки отбились, и это придавало зданію еще болѣе жалкій видъ. Подполковникъ Зальдштейнъ не могъ сказать, сколько лѣтъ этой постройкѣ, но предполагалъ, что она стоитъ уже съ 1817 года, т.-е. со времени, когда была начата разработка рудника. Мы вошли въ темный, зловонный коридоръ, шедшій во всю длину зданія. По правую руку отъ входа находилась аптека, а за нею большая камера, служившая лазаретомъ. Въ послѣднемъ было 8—10 низкихъ кроватей, постельное бѣлье на которыхъ было грязно и мѣстами запачкано кровью. Здѣсь лежало нѣсколько больныхъ или раненыхъ арестантовъ; лица ихъ были такъ блѣдны и измождены, что больные казались не отъ міра сего. Больничный надзиратель говорилъ мнѣ, что нѣкоторые изъ нихъ пострадали при взрывѣ динамита въ рудникѣ. Воздухъ въ лазаретѣ былъ такъ невыносимо-тяжелъ, что я почувствовалъ облегченіе, когда послѣ бѣглаго осмотра вышелъ опять въ коридоръ. Первая изъ осмотрѣнныхъ нами камеръ имѣла площадь въ 22 квадр. фута и 7—8 футовъ высоты; въ ней было 2 окна, большая кирпичная печь и нары вдоль трехъ стѣнъ. Вентиляціи не было и слѣда; воздухъ былъ такой же, какъ и въ самыхъ скверныхъ камерахъ въ Усть-Карѣ; я старался какъ можно меньше дышать имъ. Едва я вошелъ въ камеру, какъ мнѣ бросилась въ глаза широкая, грязно-красноватая полоса, которая въ видѣ карниза тянулась надъ нарами по нѣкогда выбѣленной стѣнѣ. Подполковникъ Зальдштейнъ, замѣтивъ мой взглядъ, сказалъ со свойственнымъ ему не то юморомъ, не то цинизмомъ, что это арестанты пытались выкрасить свои стѣны въ красный цвѣтъ.

При ближайшемъ осмотрѣ оказалось, что красная полоса состояла изъ множества маленькихъ кровяныхъ пятенъ и еще оставшихся на стѣнѣ клоповъ, которыхъ давили ночью измученные ими арестанты, лежа на нарахъ, насколько хватали у нихъ руки. Въ теченіе сколькихъ лѣтъ это продолжалось, сколько тысячъ арестантовъ принимали участіе въ этой попыткѣ „выкрасить стѣны въ красный цвѣтъ“, я

не могу сказать, но я знаю, что мнѣ приходилось достаточно страдать отъ паразитовъ, чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе этой красной полосы.

Излишне описывать въ отдѣльности другія камеры этой мрачной тюрьмы; отличаясь только размѣрами, онѣ во всемъ остальномъ походили на первую. Всѣ камеры были переполнены, всѣ кишѣли паразитами, и воздухъ во всѣхъ нихъ былъ одинаково испорченъ. Ко времени нашего посѣщенія въ тюрьмѣ содержалось 169 арестантовъ,— почти вдвое больше сравнительно съ числомъ, на которое было разсчитано помѣщеніе.

При первомъ случаѣ я сказалъ подполковнику Зальдшейну:

— Я не понимаю, какъ только вы миритесь съ подобной тюрьмой. У васъ здѣсь 169 арестантовъ, изъ которыхъ maximum 40—50 человѣкъ работаютъ на рудникахъ; всѣ остальные валяются въ этихъ отвратительныхъ камерахъ безъ всякаго дѣла. Почему бы вамъ не заставить ихъ рубить поблизости лѣсъ, доставлять бревна въ деревню и выстроить изъ нихъ новую лучшую тюрьму? Они охотно бы сдѣлали это, расходъ былъ бы невеликъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вы имѣли бы здѣсь зданіе, которое годилось бы для человѣческаго жилья.

— Милостивый государь[1], — отвѣтилъ онъ, я — не могу посылать арестантовъ въ лѣсъ безъ особаго приказа. Если бы нѣкоторые изъ нихъ бѣжали, — что болѣе, чѣмъ вѣроятно, то мнѣ пришлось бы отвѣчать за это, и я, навѣрное, лишился бы своего мѣста. Я ничего не могу предпринять безъ разрѣшенія тюремнаго управленія въ Петербургѣ; а оно прекрасно освѣдомлено о состояніи тюрьмы, такъ какъ я ежегодно посылаю рапортъ объ ея положеніи. Лѣтъ пять тому назадъ, послѣ настойчиваго напоминанія съ моей стороны о скорѣйшемъ разрѣшеніи этого вопроса, я получилъ предписаніе войти въ сношеніе съ окружнымъ архитекторомъ и составить планъ новой тюрьмы и смѣту по ея постройкѣ. Это было исполнено; но вы, вѣдь, знаете судьбу такихъ дѣлъ. Письма отсюда въ Петербургъ идутъ 2—3 мѣсяца. Когда наши планы и смѣты доходятъ, наконецъ, до Петербурга, они поступаютъ въ главное тюремное управленіе. Тамъ, вмѣстѣ съ сотнями документовъ изъ множества тюремъ всѣхъ частей обширной имперіи, они должны ждать очереди. Они лежатъ тамъ, можетъ-быть, мѣсяцами, пока, наконецъ, ихъ читаютъ, разбираютъ и дѣлаютъ то или иное постановленіе. Если требуется значительная сумма, тогда они доходятъ до министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ или же откладываются до составленія бюджета на слѣдующій годъ. Во всякомъ случаѣ проходитъ, по крайней мѣрѣ, годъ, пока будетъ принято окончательное рѣшеніе. Гдѣ-либо, съ какой-нибудь стороны ходатайства обязательно встрѣчаютъ препятствіе по отношенію или плановъ или требуемой суммы,— и тогда документы возвращаются къ намъ для тѣхъ или другихъ измѣненій по указаніямъ какого-то чиновника, ко-

[1]) Если не самыя слова, то во всякомъ случаѣ смыслъ сказаннаго подполковникомъ переданъ мною въ точности.

торый мало освѣдомленъ о здѣшнихъ нуждахъ и дѣлахъ.. Мы вводимъ измѣненія согласно указаніямъ нашего начальства, затѣмъ вторично посылаемъ бумаги въ Петербургъ. Между тѣмъ личный составъ тюремнаго управленія уже измѣнился. Новые чиновники поступили на мѣста старыхъ, появились новые взгляды на тюрьмы и тюремную реформу, и планы, а также смѣты, которые удовлетворили бы высшихъ служащихъ 1880 года, кажутся недостаточными и неполными въ глазахъ служащихъ 1882 года. По истеченіи 16—18 мѣсяцевъ бумаги опять возвращаются къ намъ для просмотра или измѣненій. И такъ продолжается изъ года въ годъ. Начиная съ 1880 года, планы и смѣты новой тюрьмы въ Алгачахъ путешествуютъ въ Петербургъ и обратно. Въ настоящее время они въ третій разъ находятся въ столицѣ. Что же подѣлать съ этимъ? Даже въ томъ случаѣ, когда получено разрѣшеніе на постройку, дѣло только медленно подвигается впередъ. Уже 10 лѣтъ, какъ приступлено къ постройкѣ новой тюрьмы въ Горномъ Зерентуѣ,— но до сихъ поръ не возведена даже крыша, не говоря уже о полахъ и обо всемъ остальномъ.

— Но,— сказалъ я.— вѣдь это совершенно лишняя и безтолковая процедура; подобное веденіе дѣла лишено всякаго смысла. Къ чему въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ переписываться съ халатными чиновниками въ Петербургѣ о дѣлѣ, которое въ 24 часа можетъ разрѣшить мѣстный губернаторъ или даже исправникъ? Во всей Восточной Сибири я видѣлъ жалкія, полусгнившія, полуразрушенныя деревянныя тюрьмы, а въ этихъ самыхъ тюрьмахъ сидитъ безъ всякаго дѣла большое число здоровыхъ арестантовъ. Страна богата строевымъ лѣсомъ, работа ничего не стоила бы; всякій русскій крестьянинъ можетъ построить себѣ избу — почему же вы не заставляете своихъ ничѣмъ незанятыхъ арестантовъ выстроить себѣ тюрьмы?

— Войска недостаточно для того, чтобы охранять арестантовъ въ лѣсахъ,— отвѣтилъ начальникъ тюрьмы: — они бы убѣжали.

— Это не основаніе,—возразилъ я.—Администрація безъ труда могла бы во время рубки лѣса усилить конвой. Пусть, наконецъ, нѣсколько арестантовъ убѣгутъ! На мой взглядъ, было бы лучше дать убѣжать половинѣ заключенныхъ, чѣмъ запирать ихъ безъ работы въ такую тюрьму!

Начальникъ тюрьмы, вмѣсто отвѣта, пожалъ плечами по русскому обычаю, и разговоръ на эту тему прекратился. Я не имѣлъ основанія измѣнить свое мнѣніе объ алгачинской тюрьмѣ. Для цивилизованнаго государства позорно даже самыхъ отъявленныхъ преступниковъ заставлять жить въ подобной обстановкѣ, и ничѣмъ нельзя извинить небрежность, равнодушіе и неспособность, которыя администрація проявляла по отношенію ко всѣмъ этимъ явнымъ недостаткамъ.

Поблагодаривъ подполковника Зальдштейна, мы простились съ нимъ и отправились вмѣстѣ съ г. Нестеровымъ къ руднику, расположенному, приблизительно въ $1^1/_2$ верстахъ отъ деревни у сѣвернаго склона одной изъ цѣпей холмовъ, образующихъ долину. День былъ ясный и пріятный, но довольно морозный. Земля вездѣ была покрыта снѣгомъ.

На разстояніи 100—200 саж. отъ деревни наше вниманіе обратили на себя нѣсколько черныхъ предметовъ на бѣломъ откосѣ одного изъ холмовъ.

— Право, я думаю,— сказалъ тщательно разглядывавшій ихъ г. Фростъ,— что это верблюды.

— Верблюды!— воскликнулъ я съ удивленіемъ.— Верблюды въ нерчинскомъ горномъ округѣ! Это была бы неслыханная вещь! Какъ могли бы они жить въ такомъ климатѣ?

Когда мы подошли ближе, всякое сомнѣніе исчезло: дѣйствительно, это были верблюды. Кому они принадлежали, какъ попали сюда, куда направлялись, я не могу сказать, но странное дѣло видѣть этихъ большихъ, двугорбыхъ, бактрійскихъ верблюдовъ на фонѣ этого пустыннаго, скучнаго сѣвернаго ландшафта, объѣдавшихъ торчавшую изъ-подъ снѣга скудную и тронутую морозомъ травку!

Если бы мы ожидали встрѣтить у Алгачинскаго рудника зданія, паровыя машины, краны и толчеи американскаго рудника, то насъ постигло бы полное разочарованіе. Все оборудованіе рудника состояло изъ порохового склада, погреба, въ которомъ хранился динамитъ, двухъ-трехъ бараковъ, небольшого деревяннаго зданія для инструментовъ, служившаго одновременно кузницей и помѣщеніемъ для разбивки и сортировки рудъ, и сторожки. Въ мастерской 6 арестантовъ, въ томъ числѣ 2—3 женщины, разбивали руду при помощи короткихъ молотковъ и сортировали ее, надзиратель точилъ буравъ на старомъ стертомъ точильномъ камнѣ, да 3—4 солдата сидѣли безъ дѣла на низкой скамьѣ, надъ которой на стѣнѣ висѣли ихъ берданки. Все вмѣстѣ представляло собою такую ничтожную эксплуатацію горныхъ богатствъ, какой мнѣ никогда еще не приходилось видѣть.

Г-нъ Нестеровъ не пожелалъ сопровождать насъ въ рудникъ и поручилъ одному арестанту показать намъ всѣ достопримѣчательности, а самъ тѣмъ временемъ хотѣлъ устроить кое-какія дѣла и ожидать нашего возращенія. Проводникъ далъ каждому изъ насъ по сальной свѣчкѣ, обернутой бумагой, взялъ такую же свѣчу съ собою, сунулъ за пазуху своей шубы штукъ 6 динамитныхъ патроновъ такимъ образомъ, что ихъ длинные зажигательные концы торчали наружу, и объявилъ, что онъ готовъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ вышли изъ мастерской, поднялись, приблизительно, саженъ на 50 въ гору и затѣмъ, чрезъ узкую деревянную дверь, вошли въ низкую, горизонтальную галлерею, бока которой поддерживались деревянными подпорками, а на днѣ въ безпорядкѣ лежали доски. Мы зажгли свѣчи и въ согнутомъ положеніи ощупью продолжали итти впередъ. Нашъ проводникъ иногда спотыкался, и я боялся, что онъ упадетъ, его свѣча при этомъ коснется шнуровъ динамитныхъ патроновъ, и тогда всѣ мы взлетимъ на воздухъ. Въ 150 шагахъ отъ входа находилось черное ничѣмъ не прикрытое отверстіе главной шахты, изъ котораго виднѣлись концы старой лѣстницы. Съ ловкостью и быстротой нашъ проводникъ спустился внизъ и, предостерегая насъ, крикнулъ, чтобы мы спускались осторожно, такъ какъ нехватаетъ нѣсколькихъ ступенекъ; кромѣ того, онъ предупреждалъ насъ, что лѣстницы прикрѣплены другъ къ другу

своими боковыми сторонами, такъ что, дойдя до конца одной, слѣдуетъ сдѣлать большой шагъ въ сторону, чтобы попасть на верхній конецъ другой. Но это пугало насъ не въ такой степени, какъ динамитные патроны. Я видѣлъ передъ собою, какъ будто привидѣнія, фигуры подъ кровавыми простынями въ тюремномъ лазаретѣ, и всякій разъ, какъ я смотрѣлъ въ глубину на проводника съ мерцавшей передъ шнурами свѣчкой, я представлялъ себя лежащимъ на одной изъ грязныхъ тюремныхъ кроватей въ ожиданіи операціи, если уже не-мертвымъ.

Въ то время, какъ мы спускались въ глубь рудника, и на лѣстницахъ, и на скользкихъ, неровныхъ, доскахъ, сталъ все усиливаться своеобразный, непріятный запахъ, который слѣдовало приписать недавно бывшему взрыву въ одной изъ боковыхъ галлерей. Наши свѣчи горѣли синимъ пламенемъ и, наконецъ, совершенно потухли; спички тоже не хотѣли горѣть, и мы въ полной темнотѣ держались на ненадежной лѣстницѣ надъ бездонной пропастью, ожидая, долго ли еще мы сможемъ дышать воздухомъ, въ которомъ гасло всякое пламя. Мы не ощущали одышки, такъ что опасность задохнуться была не особенно велика; но, повидимому, въ воздухѣ было чрезвычайно мало кислорода. Мы почувствовали немалое облегченіе, когда, истративъ множество спичекъ, ощупью спустились по 2—3 лѣстницамъ и, наконецъ, цѣлыми и невредимыми, добрались до отверстія галлереи, гдѣ наши свѣчи опять начали горѣть. Въ этой галлереѣ мы прошли саженъ 50, перелѣзая время отъ времени черезъ кучи сверкающей руды, которую арестанты на носикахъ переносили до подъемной шахты. Температура въ рудникѣ вездѣ была ниже точки замерзанія, ледяные кристаллы по стѣнамъ и на потолкѣ блестѣли, какъ тысячи драгоцѣнныхъ камней. Пройдя по цѣлому лабиринту низкихъ узкихъ ходовъ, мы дошли до другой шахты и, по безчисленнымъ, никуда негоднымъ, покрытымъ льдомъ лѣстницамъ, спустились въ самую глубокую часть рудника. Здѣсь работало человѣкъ 6—8 каторжниковъ; ихъ инструменты и приспособленія самые примитивные по устройству, вызвали бы презрительную улыбку на лицѣ горнорабочаго Невады. Воздухъ здѣсь содержалъ очень мало кислорода и, кромѣ того, благодаря взрывамъ былъ еще больше испорченъ, такъ что наши свѣчи постоянно гасли. Для возобновленія воздуха не было сдѣлано никакихъ приспособленій. Единственнымъ вентиляціоннымъ аппаратомъ былъ круглый, плоскій желѣзный вѣеръ (вѣтряный барабанъ), который одинъ арестантъ приводилъ въ движеніе при помощи неуклюжей рукоятки. Эта машина производила большой шумъ; но, такъ какъ не было каналовъ, по которымъ удалялся бы дурной воздухъ и притекалъ свѣжій, то она была безполезна. Она приводила только вокругъ себя въ движеніе нечистый воздухъ, и арестантъ съ такимъ же успѣхомъ могъ бы вертѣть точильный камень.

Мы въ нѣсколькихъ пунктахъ осмотрѣли серебряныя жилы, собрали образцы породъ, наблюдали нѣкоторое время за работой арестантовъ, одѣтыхъ въ овчинные тулупы, вернулись затѣмъ въ главную шахту и по 30—40 лѣстницамъ вылѣзли опять наружу.

По пустыннымъ холмамъ дулъ пронизывающій, сѣверный вѣтеръ, и группа изъ 12—16 дрожащихъ отъ холода арестантовъ, окончившихъ свою урочную работу, стояла подлѣ мастерской и просила г. Нестерова разрѣшенья вернуться въ тюрьму, гдѣ она могла бы, по крайней мѣрѣ обогрѣться. Онъ грубо отвѣтилъ, что сортировка еще не кончена и они должны ждать. И вотъ, эти бѣдняги, съ утра ничего не ѣвшіе, стояли въ теченіе 1½ часа подъ открытымъ небомъ при леденящемъ вѣтрѣ, на снѣгу, пока сортировщики не кончили своей работы. Такая жестокость и равнодушіе со стороны горнаго инженера подтвердили отзывъ молодого петербургскаго техника.

Г. Нестеровъ былъ такъ раздраженъ вполнѣ разумной просьбой полузамерзшихъ арестантовъ, какъ будто въ ней была какая-то дерзость и нарушеніе дисциплины.

Мы нѣкоторое время присутствовали при разбиваніи и сортировкѣ руды въ мастерской, а затѣмъ поѣхали въ Покровскій рудникъ, который находился въ 6 верстахъ отсюда, къ сѣверо-западу, на боковой сторонѣ другого такого же голаго горнаго хребта. Трудно представить себѣ болѣе пустынное и печальное мѣсто, чѣмъ тѣ нѣсколько верстъ, которыя отдѣляли одинъ рудникъ отъ другого. Нигдѣ ни дерева, ни куста; волнообразныя, покрытыя снѣгомъ горы, напоминали своими очертаніями взволнованное бурей безбрежное море. Зданія у входа въ рудникъ состояли изъ дома, занятаго мастерской, подобной Алгачинской, склада, нѣсколькихъ избушекъ, гдѣ жили арестанты вольной команды, и двухъ небольшихъ тюремъ, изъ которыхъ одна была, очевидно, новая. На вершинѣ скалистой горы надъ зданіями находились двѣ сторожевыхъ будки и въ нихъ стояли на часахъ двое вооруженныхъ солдатъ. Г. Фростъ, который усталъ и не имѣлъ больше охоты осматривать рудники, сѣлъ на снѣгу и занялся эскизами, насколько это позволяли ему толстыя перчатки на рукахъ, а г. Нестеровъ и я, въ сопровожденіи арестанта, спустились въ главную шахту. Покровскій рудникъ отличался отъ Алгачинскаго, главнымъ образомъ, меньшими размѣрами и меньшей глубиной. Воздухъ въ немъ былъ сырой и сравнительно теплый; вода капала съ потолковъ галлереи и мѣстами скоплялась въ небольшія лужи; лѣстницы въ главной шахтѣ были скользки отъ липкой грязи. Почему здѣсь таяло, а въ 6 верстахъ отсюда въ Алгачинскомъ рудникѣ мерзло, я не могъ понять, и г. Нестеровъ также не сумѣлъ дать мнѣ удовлетворительнаго объясненія. Въ Алгачинскомъ рудникѣ галлереи почти на всемъ протяженіи были покрыты ледяными кристаллами; въ Покровскомъ рудникѣ льда совершенно не было; въ шахтахъ и галлереяхъ капало отъ сырости; воздухъ здѣсь былъ чистый, и наши свѣчи вездѣ горѣли ярко. Нѣсколько мужчинъ, при помощи каната и примитивнаго ворота доставляли на поверхность въ небольшихъ ведрахъ руду. Я лазилъ по скользкимъ лѣстницамъ, пока весь не испачкался, ходилъ въ согнутомъ положеніи, пока не заболѣла у меня спина, — а затѣмъ, усталые и обливаясь потомъ, мы вернулись въ мастерскую. Арестантъ, сопровождавшій насъ, потушилъ свою сальную свѣчу и положилъ ее съ тлѣющимъ фитилемъ въ небольшой

деревянный ящикъ, въ которомъ, между прочимъ, находились и динамитные патроны. Хотя я по природѣ не боязливъ и не нервенъ, но на этотъ разъ я не устоялъ и предпочелъ удалиться изъ мастерской. Когда по моимъ расчетамъ фитиль догорѣлъ, не вызвавъ все-таки взрыва, я вернулся, вымылъ свои грязныя руки въ корытѣ подъ точильнымъ камнемъ, посмотрѣлъ эскизы г. Фроста и предложилъ г. Нестерову цѣлый рядъ вопросовъ относительно рудниковъ.

Серебряныя жилы въ Алгачинскомъ и Покровскомъ рудникахъ имѣютъ въ толщину отъ 12 дюймовъ до 6 футовъ. Блестящая руда состоитъ изъ серебра и свинца въ отношеніи 1 : 100, съ большей или меньшей примѣсью такъ называемой цинковой обманки. Такъ какъ послѣдняя гораздо труднѣе плавится, чѣмъ свинецъ, то въ доменныхъ печахъ она затрудняетъ работу, вслѣдствіе чего руду разбиваютъ на небольшіе куски и болѣе богатую цинкомъ отдѣляютъ. Разбиваніе и сортировка производится болѣе слабыми каторжниками и считается самой легкой работой на каторгѣ. Она напоминаетъ собою разбиваніе камней тяжелымъ молотомъ съ короткой рукояткой при мощеніи улицъ и шоссе. Алгачинскій и Покровскій рудники, самые богатые въ округѣ, ежегодно даютъ 25000 пудовъ руды, изъ которой послѣ выплавки получается около 40 пудовъ серебра стоимостью до 40000 рублей и около 4000 тысячъ пудовъ свинца. Послѣдній, по неимѣнію сбыта изъ-за дороговизны перевозки, буквально, не цѣнится ни во что; у Кутомарскаго завода, гдѣ въ теченіе многихъ лѣтъ плавятся руды этихъ рудниковъ, мы видѣли не менѣе 125000 пудовъ свинца. Среднее число работающихъ въ обоихъ рудникахъ арестантовъ равняется 220; каждый изъ нихъ за годъ вырабатываетъ 3600 фун. руды, слѣдовательно, около 10 фун. за день. Эти цифры ясно показываютъ, какъ небрежна и неудовлетворительна эксплуатація рудниковъ. До начала 1885 г. арестантовъ отправляли на работу ежедневно, исключая только двунадесятыхъ праздниковъ; теперь имъ даютъ два свободныхъ дня въ мѣсяцъ: по 1-мъ и 15-мъ числамъ. Они получаютъ опредѣленный урокъ, который здоровый человѣкъ можетъ отработать въ 8—10 часовъ. Что касается качества и количества пищи и платья, то они тѣ же, что и въ Карійскихъ рудникахъ, и содержаніе каждаго изъ арестантовъ обходится правительству въ 80 руб. въ годъ или 22 коп. въ день.

Нерчинскіе рудники, какъ мѣста наказанія преступниковъ, показались мнѣ не такими страшными, какъ ихъ часто описываютъ. Конечно, нельзя считать пріятной работу въ теченіе 8—10 часовъ въ день въ сырыхъ или обледенѣлыхъ галлереяхъ на глубинѣ 300 футовъ подъ землею; но даже такой трудъ, по-моему, менѣе вреденъ для здоровья, чѣмъ безпрерывное пребываніе въ грязной, переполненной и зловонной тюрьмѣ. Правда, рудники плохо вентилируются, и газы, выдѣляющіеся при взрывахъ, вредны, но здѣсь нѣтъ смертельныхъ испареній вредныхъ рудъ, какъ зинноберъ, которыя могли бы скверно отозваться на здоровьѣ работающихъ, и опытъ показалъ, что смертность среди арестантовъ, регулярно и изо дня въ день работающихъ въ рудникахъ, не больше, чѣмъ среди тѣхъ, которые въ полной бездѣя-

тельности безпрестанно дышатъ испорченнымъ воздухомъ тюремныхъ камеръ. Если бы мнѣ пришлось выбирать между полнымъ бездѣльемъ въ одной изъ такихъ тюремъ, какъ въ Алгачахъ или на Усть-Карѣ, и регулярной, ежедневной работой въ рудникахъ, то я безъ колебанія остановился бы на послѣдней. Насколько я могъ узнать изъ разспросовъ арестантовъ, никогда никого не заставили проводить день и ночь въ рудникѣ, и я думаю, что подобные разсказы, время отъ времени появляющіеся въ печати, — чистѣйшій вымыселъ. Возможно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ работы производились день и ночь, но въ этомъ случаѣ арестанты дѣлились на двѣ смѣны, и никогда однихъ и тѣхъ же лицъ не принуждали въ теченіе 24 часовъ оставаться въ рудникѣ. Въ настоящее время ночью уже не работаютъ, и всѣ арестанты возвращаются въ тюрьму еще до наступленія темноты или въ началѣ сумерокъ въ короткіе, зимніе дни. Жизнь арестантовъ въ нерчинскихъ рудникахъ не изъ легкихъ. Я съ трудомъ могу представить себѣ болѣе ужасное и безнадежное существованіе, чѣмъ то, на которое осужденъ человѣкъ, весь день работающій въ сырыхъ, грязныхъ галлереяхъ Покровскаго рудника, а ночь проводящій въ отвратительной, кишащей насѣкомыми тюрьмѣ, подобной алгачинской. Такой жизни не позавидовала бы выгнанная со двора собака; но и она все-таки не ужасное существованіе вымышленнаго арестанта Гренвилля Муррея, который день и ночь живетъ подъ землею, спитъ въ выемкѣ скалы, въ ужасной нуждѣ работаетъ подъ кнутомъ жестокаго надзирателя и медленно отравляется ртутными испареніями. Такія вещи производятъ эффектъ въ драмѣ, разсчитанной на сенсацію, но онѣ не соотвѣтствуютъ истинѣ. Самое скверное въ жизни сибирскаго арестанта — не каторжная работа въ рудникахъ, а состояніе тюремъ.

Когда г. Фростъ, г. Нестеровъ и я возвращались изъ Покровскаго рудника въ Алгачи, становилось уже темно, и въ деревнѣ дѣвушки поили коровъ, доставая воду въ свои обледенѣлыя ведра изъ ручейка близъ земской квартиры. Мы поѣхали къ дому г. Нестерова, гдѣ пообѣдали, провели еще нѣсколько часовъ за бесѣдой, а остатокъ вечера были заняты приведеніемъ въ порядокъ своихъ записокъ и отдѣлкой эскизовъ.

Въ пятницу утромъ, 20-го ноября, мы простились съ Нестеровымъ и подполковникомъ Зальдштейномъ и, взявъ съ собою свѣжіе запасы, сѣли въ маленькую, неудобную телѣгу, запряженную парой лошадей, и поѣхали по направленію къ поселку Кадая съ рудникомъ того же названія, отстоящему въ 135 верстахъ отъ Алгачей. Попрежнему было очень холодно; дорога шла мимо тѣхъ же скучныхъ, однообразныхъ, покрытыхъ снѣгомъ холмовъ, и въ теченіе двухъ дней мы не видѣли и не слышали ничего интереснаго. Въ пятницу, около половины двѣнадцатаго ночи, усталые, голодные и окоченѣвшіе мы достигли деревни Доно, въ 70 верстахъ отъ Алгачей; въ субботу, послѣ обѣда мы были въ Кутомарскомъ заводѣ, гдѣ пробыли нѣсколько часовъ, чтобы осмотрѣть плавильный заводъ, а въ воскресенье, рано утромъ, сильно продрогши и проголодавшись въ теченіе цѣлой ночи, проведенной въ дорогѣ, пріѣхали въ жалкую, одинокую деревушку

при рудникѣ Кадая, остановились на земской квартирѣ и, напившись чаю и обогрѣвшись, улеглись немедленно спать,—г. Фростъ на русской печкѣ, а я на полу.

Около 10 часовъ утра, отдохнувъ и спѣшно, но не сытно подкрѣпившись только чаемъ и хлѣбомъ, мы вышли на широкую, безлюдную, покрытую снѣгомъ улицу: г. Фростъ хотѣлъ заняться эскизами, а я пошелъ искать уставщика или высшаго чиновника этого рудника.

Кадаинскій рудникъ — одинъ изъ самыхъ старыхъ и обширныхъ серебряныхъ рудниковъ бъ Нерчинскомъ округѣ — расположенъ въ боковой сторонѣ высокой, крутой горы съ округленной верхушкой, приблизительно, въ 140 саженяхъ отъ поселка и на 200—300 футовъ выше его. Онъ разрабатывается уже больше столѣтія и прежде давалъ большое количество серебра, но наиболѣе богатыя жилы уже истощились, и, по количеству добываемаго здѣсь серебра, онъ теперь далеко уступаетъ Покровскому и Алгачинскому рудникамъ.

Уставщикъ, котораго я засталъ за работой въ деревянномъ зданіи близъ рудника, былъ, повидимому, интеллигентный, образованный сибирскій крестьянинъ; онъ встрѣтилъ меня привѣтливо, хотя и съ нѣкоторымъ удивленіемъ, прочиталъ мои открытые листы, заявилъ, что охотно покажетъ мнѣ все, что я пожелаю осмотрѣть, и черезъ 10 минутъ мы уже направлялись къ руднику. Въ мастерской, выстроенной надъ входомъ въ главную шахту, я надѣлъ арестантскій халатъ, который, какъ я вскорѣ убѣдился, былъ полонъ насѣкомыхъ,— уставщикъ такъ же одѣлся въ длинный, обрызганный грязью халатъ, надѣлъ старую форменную фуражку и пару толстыхъ кожаныхъ рукавицъ, и, взявъ съ собою сальныя свѣчи, мы стали спускаться въ шахту. Сойдя 10—12 лѣстницъ, мы на глубинѣ 120 футовъ очутились въ большой камерѣ, въ которой сходились 3—4 горизонтальныя галлереи; эти галлереи были гораздо выше и шире, чѣмъ всѣ видѣнныя мною въ Покровскомъ и Алгачинскомъ рудникахъ. Полъ галлереи на 3—4 дюйма былъ покрытъ водою, повсюду на стѣнахъ выступала сырость. На глубинѣ 200 футовъ была новая площадка, откуда мы вошли въ очень высокую и широкую галлерею, шедшую въ самый центръ горы. Въ этой части рудника недавно производились взрывы, и, пока мы подвигались впередъ по галлереѣ, наполненной пороховымъ дымомъ, я, кромѣ слабаго миганія свѣчей уставщика, рѣшительно ничего не могъ видѣть. Слѣдуя за этой путеводной звѣздой, я пробирался въ темнотѣ по неровному полу, часто спотыкаясь о камни или попадая въ лужу; не разъ мнѣ казалось, что я проваливаюсь въ старую заброшенную шахту. Въ одномъ мѣстѣ мы проходили мимо большой пещеры, изъ которой, по словамъ уставщика, въ серединѣ XVIII столѣтія было добыто огромное количество руды. Оставшіяся здѣсь подпорки такъ почернѣли, что ихъ съ трудомъ можно было принять за дерево, и такъ сгнили, что кусочки ея легко растирались между пальцами. Уставщикъ считалъ эту часть рудника очень опасной и говорилъ, что итти дальше рискованно. Въ томъ мѣстѣ, откуда мы повернули обратно, видны было неправильныя пещеры и ходы, шедшіе во всѣхъ направленіяхъ, одни вверхъ, другіе горизон-

тально, а третьи внизъ въ темную пропасть. Повидимому, повсюду искали и добывали руду, но удаляли ее самымъ дешевымъ и быстрымъ способомъ, не устраивая при этомъ никакихъ приспособленій для безопасности работающихъ. Я никогда еще не бывалъ въ рудникѣ, имѣвшемъ такой опасный видъ.

Изъ этихъ большихъ пещеръ временъ Екатерины II мы стали спускаться въ самую глубокую часть рудника, сходя шахтой, прорубленную въ каменной массѣ подъ угломъ въ 45° и лишенной лѣстницъ. Мы держались за тяжелую, заржавленную цѣпь, прикрѣпленной при помощи крючьевъ къ одной изъ сторонъ шахты, и медленно двигались впередъ, до лодыжекъ въ водѣ, стекавшей подъ нашими ногами въ глубину. Въ самой глубокой части, которой мы, наконецъ, достигли, арестанты при помощи динамита прокладывали новую галлерею. Поднимаясь по вертикальнымъ, скользкимъ лѣстницамъ другой шахты, имѣвшимъ въ общемъ протяженіи 300—400 футовъ, мы опять вышли на поверхность и, когда я, весь мокрый, грязный и задыхаясь, ступилъ съ послѣдней ступенки лѣстницы на полъ въ мастерской, мои силы были до того истощены, что я едва могъ стоять на ногахъ.

XVIII.

Приключенія въ Восточной Сибири.

Осмотрѣвъ Кадаинскій рудникъ и жалкую, полуразрушенную деревянную тюрьму, мы по безконечно длинному ряду голыхъ, покрытыхъ снѣгомъ горныхъ хребтовъ направились въ копи Горнаго Зерентуя, расположенныя въ обширной безлѣсной долинѣ, въ 60 верстахъ къ сѣверу отъ Кадая и въ 45 верстахъ отъ монгольской границы. Мы достигли мѣста нашего назначенія поздней ночью, разбудили хозяевъ земской квартиры, обогрѣлись чаемъ и, по обыкновенію, расположились для сна па голомъ, кишащемъ насѣкомыми полу. Въ понедѣльникъ утромъ мы навѣстили начальника тюрьмы, капитана Демидова; по нашей просьбѣ, намъ сейчасъ же показали тюрьму. Она состояла изъ двухъ старыхъ, деревянныхъ зданій обыкновеннаго восточно-сибирскаго типа; въ ней не оказалось ничего новаго или интереснаго. Въ обоихъ зданіяхъ содержалось 180 арестантовъ; приблизительно столько же кончили уже срокъ испытанія и жили въ вольной командѣ. На нѣкоторомъ разстояніи находилось новое трехъэтажное, еще не законченное каменное зданіе, въ которомъ работа, повидимому, была совершенно пріостановлена. Эта постройка велась уже въ теченіе 10 лѣтъ, но, въ виду нечестнаго, небрежнаго и халатнаго веденія тюремныхъ дѣлъ, мнѣ казалось болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, что до окончанія всѣхъ работъ пройдетъ еще добрыхъ 5—6 лѣтъ. При насъ зданіе все еще было безъ крыши. Между тѣмъ 180 ничѣмъ незанятыхъ арестантовъ медленно отравлялись невозможнымъ воздухомъ

переполненныхъ камеръ ветхихъ деревянныхъ зданій, которыя должны были быть замѣнены новымъ зданіемъ[1]).

Американцу трудно понять халатность, отсутствіе предпріимчивости и энергіи, которыя во всемъ проявляются въ Нерчинскомъ горномъ округѣ. Вся эксплуатація серебряныхъ рудъ—вялая и неудовлетворительная; сотни приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ арестантовъ лежатъ цѣлыми мѣсяцами безъ дѣла въ грязныхъ переполненыхъ камерахъ; планы и смѣты новыхъ построекъ цѣлыми годами

[1]) Въ слѣдующую весну, по возвращеніи въ Петербургъ, во время разговора съ г. Галкинымъ-Врасскимъ, управляющимъ тюремнымъ вѣдомствомъ, я рѣшился обратить его вниманіе на состояніе тюремъ въ Нерчинскомъ горномъ округѣ и въ особенности на незаконченную тюрьму въ Горномъ Зерентуѣ. Онъ согласился, что нужда въ тюрьмахъ сознавалась еще въ 1872 году и что въ 1874 году былъ назначенъ особый строительный комитетъ, который долженъ былъ завѣдывать этимъ дѣломъ и составлять планы. Когда онъ (Галкинъ-Врасскій) въ 1881 году, т.-е. 7 лѣтъ спустя, былъ въ Сибири съ цѣлью ревизіи тюремнаго дѣла, онъ выяснилъ, что этотъ комитетъ израсходовалъ 74318 руб. на постройку двухъ деревянныхъ зданій и на производство нѣсколькихъ ремонтныхъ работъ, а 61090 рублей члены комитета положили себѣ въ карманъ въ видѣ жалованья, командировочныхъ, прогонныхъ и т. п., — не представивъ въ главное тюремное управленіе ни одного плана или смѣты. (Объ этихъ фактахъ сообщается въ годичномъ отчетѣ главнаго тюремнаго управленія за 1882 годъ, стран. 72—73).

— Какія послѣдствія повлекло это за собою? — спросилъ я.

— Я рекомендовалъ, — отвѣтилъ онъ, — упразднить строительный комитетъ.

— Было это исполнено?

— Да.

— Въ Нерчинскомъ горномъ округѣ я не видѣлъ ничего, на что комитетомъ, якобы, было истрачено 74000 рублей, — сказалъ я, — кромѣ небольшого, деревяннаго дома въ Покровскомъ рудникѣ; пришлось мнѣ видѣть также незаконченную тюрьму въ Горномъ Зерентуѣ. Почему ея постройка продолжается уже 10 лѣтъ?

— Отчасти это объясняется тѣмъ, — отвѣтилъ онъ, — что планъ тюрьмы нѣсколько разъ измѣнялся. Первоначально зданіе не должно было строиться изъ кирпича. Точная раскладка показала, что каменная тюрьма для 300 арестантовъ въ Нерчинскомъ горномъ округѣ обошлась бы въ 160000 рублей, въ то время какъ деревянное зданіе для того же числа арестантовъ можетъ быть выстроено за 52000. Каменное зданіе въ отношеніи своей долговѣчности не имѣетъ преимущества передъ деревяннымъ, такъ какъ, когда истощаются рудники, при которыхъ находятся тюрьмы, то ихъ оставляютъ. Постройка тюрьмы въ Горномъ Зерентуѣ уже слишкомъ далеко подвинулась, чтобы можно было прекратить ее въ то время, когда я сдѣлался управляющимъ тюремнымъ вѣдомствомъ.

Ни г. Галкинъ-Врасскій, ни его секретарь г. Коковцовъ не дали мнѣ удовлетворительныхъ объясненій относительно задержекъ, ошибокъ и вообще неудовлетворительнаго управленія тюремными дѣлами, характерныхъ для горныхъ округовъ въ Забайкальѣ. Они увѣряли, что дѣлаютъ все, отъ нихъ зависящее, чтобы создать лучшіе порядки, но большинство недочетовъ остались имъ по наслѣдству отъ ихъ предшественниковъ, тогда какъ они сами еще не успѣли провести полную и тщательную реформу. Возможно, что я недостаточно оцѣнивалъ тѣ препятствія, съ которыми имъ приходилось бороться, но мнѣ казалось, что большинство недочетовъ всей системы ссылки вообще, а въ частности тюремнаго дѣла, являлось слѣдствіемъ халатности и неспособности чиновниковъ и сложной, тяжеловѣсной, бюрократической системы, отъ которой зависитъ разрѣшеніе всѣхъ общественныхъ нуждъ.

путешествуютъ изъ рудниковъ въ Петербургъ и обратно, а когда, наконецъ, разрѣшеніе на постройку получается, тогда, какъ въ Горномъ Зерентуѣ, работа безъ всякой уважительной причины затягивается на 10 лѣтъ и больше. Однажды я сказалъ горному инженеру на Кутомарскомъ заводѣ:

— Почему вы не позаботитесь о подходящихъ желѣзныхъ машинахъ, не снабжаете своихъ рабочихъ усовершенствованными новыми инструментами, почему вы не устанавливаете паровой насосъ, подъемную машину, не устраиваете приспособленій для вентиляцій и вообще не ведете дѣло правильнымъ образомъ?

— А знаете ли вы, — отвѣтилъ онъ, — во что обходится здѣсь желѣзо? Мы должны доставлять его сюда съ Петровскаго завода, т.-е. за 600 верстъ, — а въ этомъ случаѣ пудъ желѣза стоитъ $5^1/_2$ рублей. На пріобрѣтеніе желѣзныхъ машинъ у насъ нехватаетъ средствъ, отпускаемыхъ казною.

— Развѣ нѣтъ желѣзной руды здѣсь поблизости? — спросилъ я.

— Руда-то есть, — отвѣтилъ онъ, — но она еще никѣмъ не разрабатывалась.

— Почему же вы этого не дѣлаете и не поставите нѣсколько доменныхъ печей, чтобы получить такимъ образомъ желѣзо, въ которомъ вы здѣсь такъ нуждаетесь? Больше половины вашихъ арестантовъ ничѣмъ не занято, — почему бы вамъ не воспользоваться этой рабочей силой?

— Мы не можемъ приступить къ разработкѣ и выплавкѣ желѣзныхъ рудъ безъ соотвѣтственнаго разрѣшенія изъ Петербурга.

— Почему вы не хлопочете объ этомъ передъ своимъ начальствомъ? Что могло бы помѣшать приступить къ такой необходимой и полезной работѣ? Настоящее же веденіе дѣла никому не можетъ принести пользы.

Вмѣсто отвѣта онъ пожалъ только плечами. Я понялъ это такъ, что онъ этого самъ не знаетъ или что это его не касается.

Послѣ осмотра тюремъ Горнаго Зерентуя мы въ экипажѣ капитана Демидова поѣхали къ Савинскому руднику, расположенному въ $1^1/_2$ верстахъ отъ поселка на пустынномъ, покрытомъ снѣгомъ склонѣ горы. Зданія у входа въ главную шахту были такими же невзрачными, какъ и вездѣ въ Нерчинскомъ округѣ, но въ одномъ изъ нихъ была небольшая паровая машина, — первая и единственная, видѣнная мною въ Забайкальѣ. Пока г. Фростъ рисовалъ зданія и угрюмый сѣверный ландшафтъ, я осмотрѣлъ рудникъ, но, признаться, не стоило труда лазить по обледенѣлымъ лѣстницамъ. Шахта была не глубже 100 футовъ, воздухъ въ ней былъ сырой и холодный; ходы были такъ низки, что я нигдѣ не могъ стоять прямо, потолокъ и стѣны были покрыты ледяной корой. Только 35 арестантовъ было занято въ рудникѣ переноскою руды въ небольшихъ корзинахъ къ подъемной шахтѣ. Здѣсь руду ссыпали въ четырехугольныя деревянныя кадки, каждая изъ которыхъ вмѣщала около 60 пудовъ, и при помощи стараго, безобразнаго деревяннаго ворота втаскивали наполненныя кадки наверхъ, — каждый разъ только по одной. Едва ли

родцы, которые 300 лѣтъ тому назадъ разрабатывали эти серебряные рудники, пользовались болѣе примитивными орудіями производства, чѣмъ тѣ, которыя были здѣсь. Я еще никогда не встрѣчалъ приспособленій такой первобытной простоты.

— Почему вы не ставите больше людей на работу? — сказалъ я уставщику, который сопровождалъ меня по руднику. — Я какъ разъ изъ тюрьмы, гдѣ я видѣлъ, по крайней мѣрѣ, 150 ничѣмъ незанятыхъ каторжниковъ.

— Въ галлереяхъ хватаетъ мѣста только для 35—40 человѣкъ, — спокойно отвѣтилъ онъ.

— Но, вѣдь, возможно расширить рудникъ: 50—100 новыхъ работниковъ могли бы при помощи усиленной выемки земли и взрыванія породъ освободить себѣ достаточно мѣста. Если есть налицо руда, то почему бы не расширить эксплуатацію и не увеличить добычу? Вамъ слѣдовало бы расширить и сдѣлать выше ходы, положить рельсы, улучшить подъемныя приспособленія, пользоваться лошадиной силой и вести все дѣло въ большихъ размѣрахъ.

Я такъ и не дождался отвѣта отъ уставщика: онъ только посмотрѣлъ на меня съ такимъ удивленіемъ, какъ будто считалъ мои слова невыполнимымъ бредомъ сумасшедшаго.

Число каторжниковъ въ Нерчинскомъ горномъ округѣ со времени нашего посѣщенія доходило, приблизительно, до 952 человѣкъ, которые были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: на Александровскомъ заводѣ — 188 человѣкъ, въ Алгачинскомъ рудникѣ — 150, въ Покровскомъ рудникѣ — 70, въ Кадаинскомъ и Смирновскомъ рудникахъ — 184, въ Савинскомъ рудникѣ и въ копяхъ Горнаго Зерентуя — 360 человѣкъ. Должно-быть, только одна треть — и во всякомъ случаѣ не больше половины — этихъ людей употреблялась для работъ. Всѣ остальные проводили время въ вынужденной праздности, хотя работы вездѣ было въ изобиліи.

Въ объясненіе такого положенія дѣлъ мнѣ приходилось выслушивать слѣдующее: во-первыхъ, нѣтъ мѣста въ рудникахъ; во-вторыхъ, конвой недостаточенъ для охраненія большихъ партій арестантовъ въ дорогѣ и во время работъ въ лѣсахъ; въ-третьихъ, дороже строить тюрьмы при помощи каторжниковъ и подъ надзоромъ чиновниковъ, чѣмъ сдавать постройку ихъ подрядчикамъ[1]), и, въ-четвертыхъ,

---

[1]) Это объясненіе основано на общеизвѣстномъ фактѣ неспособности и нечестности мѣстныхъ чиновниковъ, которымъ пришлось бы ввѣрить руководство работами. Мнѣ извѣстно нѣсколько случаевъ, за вѣрность которыхъ я могу ручаться, когда сибирская администрація растратила всю сумму, ассигнованную на постройку правительственнаго зданія, и докладывала высшему начальству въ Петербургѣ, что зданіе закончено и служитъ своему назначенію, въ то время какъ на самомъ дѣлѣ не было даже закладки. Такой случай — съ Укирскимъ этапомъ — описывается въ корреспонденціи изъ Верхнеудинска въ петербургскомъ „Восточномъ Обозрѣніи“, № 2 (отъ 12-го января 1884 г.). Одинъ извѣстный фотографъ въ Сибири показывалъ мнѣ фотографію новаго казеннаго зданія, которую онъ снялъ по заказу изъ Петербурга и предполагалъ отправить теперь туда высшимъ властямъ въ доказательство того, что постройка, которая была разрѣшена и на которую были отпущены деньги, дѣйствительно, существуетъ и выполнена согласно планамъ.

нельзя поручать арестантамъ предложенную мною работу безъ соотвѣтственнаго разрѣшенія изъ Петербурга.

По-моему, ни одно изъ этихъ объясненій не выдерживаетъ критики. Американецъ, снабженный необходимыми полномочіями и имѣющій въ своемъ распоряженіи 20000—30000 рублей, меньше, чѣмъ въ два года, построилъ бы для всѣхъ 950 арестантовъ, содержащихся въ Нерчинскомъ горномъ округѣ, новую тюрьму при каждомъ рудникѣ и по истеченіи 5 лѣтъ удвоилъ бы, если бы не учетверилъ доходъ съ копей, не требуя ни одного лишняго рубля съ казны. Къ этому убѣжденію я пришелъ на мѣстѣ, послѣ тщательнаго изученія способа эксплуатаціи копей мѣстными чиновниками.

Савинскій рудникъ былъ послѣдній, осмотрѣнный нами въ Восточной Сибири. Въ понедѣльникъ утромъ 23-го ноября мы выѣхали въ Нерчинскій заводъ, большое село въ 15 верстахъ отъ Горнаго Зерентуя, а во вторникъ утромъ мы тронулись въ обратный путь къ Шилкѣ и къ отстоящему на 300 верстъ городу Нерчинску. Опускаю описаніе этого длиннаго, утомительнаго и скучнаго путешествія. Мѣстность, по которой мы проѣзжали, представляла собою холмистую пустыню, едва покрытую снѣгомъ; термометръ постоянно колебался между 15 и —25° R.

Дороги, по большей части, были неровныя и промерзшія. Телѣги и тарантасы, на которыхъ намъ приходилось ѣхать, были самые скверные и неудобные во всей Восточной Сибири, а холодъ, голодъ, тряска и недостатокъ сна приводили насъ въ глубокое отчаяніе, и мы готовы были отказаться отъ всѣхъ земныхъ благъ за теплую ванну, хорошій обѣдъ и двѣнадцать часовъ непрерывнаго сна въ теплой, чистой постели.

Въ четвергъ около четырехъ часовъ утра, спустя слишкомъ 40 часовъ по отъѣздѣ изъ Нерчинскаго Завода, мы достигли почтовой станціи Бянкинской на берегу Шилки и, перегрузивъ багажъ изъ колесной повозки въ сани, продолжали путь по льду при температурѣ —23° R. Въ теченіе нѣсколькихъ дней мы питались плохо, и я старался поддерживать температуру тѣла при помощи трехъ тяжелыхъ овчинныхъ шубъ, укрывавшихъ меня съ ногъ до головы и превратившихъ меня въ странствующій шерстяной тюкъ, изъ котораго торчала голова въ мѣховой шапкѣ, а изъ-подъ шапки выглядывало грязное, небритое, посинѣвшее отъ мороза, лицо. Несмотря на всѣ свои шубы, я промерзъ до костей, а г. Фростъ, который одѣлъ только одну изъ двухъ бывшихъ у него шубъ, страдалъ отъ холода еще больше. Вечеромъ мы добрались до Нерчинска; оказалось, что на улицахъ города нѣтъ снѣга, и такъ какъ наши голодные, слабые кони не могли тащить сани по голой землѣ, то мы вылѣзли изъ нихъ и брели, какъ замерзшія, сѣверныя муміи, за жалкими дрогами.

Въ Нерчинскѣ, послѣ цѣлаго мѣсяца, мы опять остановились въ гостиницѣ; но въ отношеніи чистоты и ютности она во многомъ уступала земскимъ квартирамъ, въ которыхъ мы жили въ горномъ округѣ. Это была рѣшительно самая скверная гостиница во всей Сибири. Сѣни, раздѣлявшія одноэтажный деревянный домъ на двѣ половины,

были темны и грязны и имѣли по стѣнамъ полки, такъ что одновременно служили и кладовой. Комната, которую намъ отвели, была пустая и холодная, а затхлый воздухъ въ ней имѣлъ запахъ свѣтильнаго газа; обои на стѣнахъ были изодраны въ клочки; желтая, грязная краска отставала отъ оконныхъ рамъ и подоконниковъ, съ которыхъ пыль, очевидно, никогда не стиралась; полъ не только былъ грязенъ, но мѣстами даже провалился, со множествомъ дыръ, которыя прогрызли крысы; мокрицы бѣгали по скатерти, разостланной на единственномъ столѣ въ комнатѣ, вся она была въ пятнахъ, и съ нея не стряхнули даже крошекъ; не было ни кровати, на которой усталый путешественникъ могъ бы растянуться, ни зеркала, которое удовлетворяло бы его потребности посмотрѣть на свое посинѣвшее лицо. Вся прислуга состояла изъ одного подростка-парня въ высокихъ сапогахъ, въ красной кумачевой рубашкѣ; зеленовато-желтый мѣдный тазъ, который онъ принесъ намъ для умыванія лица и рукъ, служилъ обыкновенно для совершенно другихъ, менѣе благородныхъ цѣлей и никогда еще не испыталъ на себѣ чести быть вычищеннымъ. Какъ ни привыкли мы уже къ грязи, неопрятности и неудобствамъ, все же теперь, голодные, усталые и продрогшіе, мы пришли въ ужасъ при видѣ этого запущеннаго, отталкивающаго дома, — но это была единственная гостиница въ городѣ, и другого выбора намъ не оставалось. Хозяинъ ея былъ ссыльный полякъ Климентовичъ; я думалъ тогда, что если г. Климентовичъ содержалъ свою гостиницу въ Польшѣ въ такомъ же великолѣпномъ состояніи, какъ въ Нерчинскѣ, то уже это одно въ интересахъ путешествующаго человѣчества оправдываетъ его ссылку административнымъ путемъ въ отдаленную часть Сибири, независимо отъ его политическихъ взглядовъ. Послѣ завтрака, состоявшаго изъ чая, кислаго ржаного хлѣба и жирныхъ оладьевъ, мы, пользуясь небольшимъ зеркаломъ, добытымъ гдѣ-то нашимъ хозяиномъ, справили кое-какъ свой туалетъ и вышли осмотрѣть городъ и отдать нѣсколько рекомендательныхъ писемъ.

Нерчинскъ, имѣющій 4000 жителей, лежитъ на лѣвомъ берегу Нерчи въ 3—4 верстахъ отъ впаденія ея въ Шилку и приблизительно въ 7000 верстахъ къ востоку отъ Петербурга. Въ культурномъ и матеріальномъ отношеніи этотъ городъ стоялъ, повидимому, выше другихъ городовъ такого же размѣра въ Восточной Сибири. Здѣсь находятся: банкъ, двѣ-три школы, больница на 20 кроватей, библіотека, музей, общественный садъ съ фонтаномъ, 50—60 магазиновъ и лавокъ. Нерчинскъ торгуетъ мѣхами и привозимыми изъ Европейской Россіи мануфактурными товарами на 2.000.000 рублей ежегодно. Прежде всего приковываетъ къ себѣ вниманіе пріѣзжаго дворецъ богатаго горнопромышленника Бутина, который оставляетъ въ тѣни не только всѣ дома въ Сибири, но и большинство домовъ въ столицѣ имперіи. Братья Бутины въ то время находились въ финансовомъ затрудненіи и ихъ домомъ завѣдывалъ управляющій; но рекомендательное письмо младшаго члена фирмы открыло мнѣ двери этого дивнаго дворца. Послѣ хижины Климентовича мнѣ все казалось, что я заколдованъ, и, когда въ великолѣпной большой залѣ я увидѣлъ всю

свою фигуру въ самомъ большомъ зеркалѣ[1]) въ мірѣ, меня такъ и подмывало протереть себѣ глаза, чтобы убѣдиться, — что не сонъ ли это. Кто могъ бы ожидать въ глуши Восточной Сибири, почти за 7500 верстъ отъ Петербурга, найти шикарный домъ съ паркетнымъ поломъ, шелковыми занавѣсками, дорогими обоями, съ раскрашенными стеклами въ окнахъ, великолѣпными канделябрами, мягкими восточными коврами, бѣлой и позолоченной, обитой атласомъ мебелью, старинными фламандскими картинами, мраморными статуэтками, семейными портретами кисти извѣстнаго художника Маковскаго и большимъ зимнимъ садомъ, полнымъ пальмъ, лимонныхъ деревьевъ и рѣдкихъ тропическихъ орхидей. Въ богатыхъ европейскихъ городахъ привыкаешь къ такой роскоши, но здѣсь, въ пустынныхъ долинахъ Забайкалья, покрытыхъ снѣгомъ, за 4500 верстъ отъ европейской границы, она не мало удивляетъ и поражаетъ путешественника, не ожидающаго встрѣтить здѣсь что-либо подобное. Къ тому же домъ этотъ, уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ остававшійся необитаемымъ, мы видѣли не во всемъ его великолѣпіи, — и все-таки мнѣ казалось, что я рѣдко видалъ обстановку, которая при всемъ своемъ богатствѣ свидѣтельствовала бы о такомъ изысканномъ вкусѣ. Самая большая комната въ домѣ, бальная зала, была длиною около 65 футовъ и шириною около 45 футовъ; на полукруглой галлереѣ, къ которой вела красивая лѣстница, находился оркестріонъ величиною съ церковный органъ, который игралъ 60—70 мелодій и заводился во время вечеровъ, даваемыхъ семьею Бутиныхъ. Библіотека содержала большой выборъ книгъ, газетъ и журналовъ на четырехъ языкахъ; тутъ же находилась большая коллекція сибирскихъ минераловъ и рудъ. Вблизи этого дома находились торговыя помѣщенія, гдѣ сосредоточивались обширная торговля и управленіе грандіозными предпріятіями, благодаря которымъ семья Бутиныхъ пріобрѣла свое богатство. На ихъ золотыхъ розсыпяхъ, чугуннолитейныхъ и водочныхъ заводахъ и судостроительныхъ верфяхъ были заняты сотни людей.

Послѣ обѣда мы навѣстили гг. Чарушина и Кумецова, двухъ политическихъ ссыльныхъ, которые, по отбытіи срока наказанія въ рудникахъ, были сосланы на поселеніе въ Нерчинскъ, гдѣ они жили со своими семьями довольно уютно. Оба были интеллигентные, образованные люди и пріятные собесѣдники, и во время своего трехдневнаго пребыванія въ городѣ мы провели съ ними не одинъ пріятный часъ. На Карѣ ихъ жизнь была тяжелая, но въ Нерчинскѣ съ ними обращались вѣжливо и внимательно и даже разрѣшили имъ заниматься педагогической дѣятельностью и фотографіей, что по закону запрещено политическимъ преступникамъ. Ихъ корреспонденція состояла еще подъ надзоромъ, но ихъ не охраняла и не изводила постоянно

---

[1]) Это огромное зеркало было куплено г. Бутинымъ въ 1878 году на парижской выставкѣ и считалось тогда самымъ большимъ въ мірѣ. Его везли моремъ чуть не вокругъ свѣта до восточно-сибирскаго порта Николаевска, а затѣмъ на особо выстроенной баржѣ по Амуру и Шилкѣ доставили въ Нерчинскъ. Въ залѣ господина Бутина зеркало было совершенно на мѣстѣ и прекрасно гармонировало со всей прочей обстановкой.

полиція, какъ это бываетъ съ политическими во многихъ другихъ мѣстахъ Сибири. Мнѣ ихъ жизнь показалась одинокой и трудной, но все же сносной. Г. Чарушинъ до своей ссылки провелъ $4^1/_2$ года въ одиночномъ заключеніи и $2^1/_2$ года въ крѣпкихъ равелинахъ Петропавловской крѣпости. Онъ обвинялся въ революціонной пропагандѣ среди фабричнаго населенія на одной изъ окраинъ Петербурга. Когда, наконецъ, въ 1878 году онъ былъ сосланъ въ Сибирь въ Карійскіе рудники, за нимъ добровольно послѣдовала его жена; она одиноко жила на нижнемъ пріискѣ въ жалкой избушкѣ; по окончаніи срока испытанія, г. Чарушинъ поселился съ нею. Онъ былъ въ числѣ 9 политическихъ арестантовъ вольной команды, которые 1-го января 1881 года были по приказу Лорисъ-Меликова опять заключены въ тюрьму, и въ его домѣ въ ночь подъ новый годъ застрѣлился Евгеній Семеновскій.

Въ воскресенье утромъ, 29 ноября, мы покинули Нерчинскъ, съ искреннимъ сожалѣніемъ разставаясь съ гг. Чарушиными, которыхъ мы сердечно полюбили и уважали за ихъ доброту и прекрасный характеръ, и въ саняхъ отправились въ Читу — главный городъ Забайкальской области.

Обледенѣлыя ноздри нашихъ покрытыхъ инеемъ лошадей, рѣзкій хрустъ снѣга подъ полозьями, голубой оттѣнокъ далекихъ горъ и высокіе, тонкіе, неподвижные столбы дыма надъ трубами домовъ были доказательствомъ чрезвычайно низкой температуры, и я нисколько не удивился, когда термометръ показалъ — 26° R. Ночью морозъ былъ такъ силенъ, что мы страшно мерзли отъ одной станціи до другой. При каждой остановкѣ, пока мѣняли лошадей, мы выпивали 3-4 стакана горячаго чая, но во время долгихъ часовъ съ полуночи до утра, когда нельзя было достать ничего теплаго, мы чувствовали себя особенно утомленными и слабыми и сильно страдали. Изъ-за лошадей нигдѣ не было задержекъ вплоть до деревни Турино-Поворотная въ 75 верстахъ отъ Читы, куда мы прибыли подъ вечеръ и гдѣ все населеніе оказалось перепившимся. По улицѣ деревни взадъ и впередъ, съ дикимъ крикомъ и пѣніемъ разъѣзжали въ саняхъ парни; дѣвушки въ цвѣтныхъ платьяхъ разгуливали повсюду, слегка покачиваясь, обнявшись и распѣвая веселыя пѣсни; почтовая станція была полна возбужденными людьми, повидимому, прибывшими изъ окрестностей на какой-то праздникъ и теперь возвращавшимися домой; нигдѣ нельзя было найти ни содержателя почтовой станціи, ни ямщика, а староста, приземистый толстый старикъ, былъ такъ пьянъ, что даже съ помощью палки едва держался на ногахъ. Тщетно старались мы разузнать причину этого, повидимому, огульнаго опьяненія: не было ни одного настолько трезваго человѣка, кто бы могъ объяснить, что здѣсь случилось. Изъ возбужденныхъ несвязныхъ разговоровъ пошатывающихся путешественниковъ на почтовой станціи я могъ разобрать только то, что даже сельскій священникъ былъ такъ пьянъ, что наиболѣе трезвый изъ его прихожанъ долженъ былъ отвезти его въ саняхъ домой. Разъ содержатель почтовой станціи, староста, священникъ, ямщики и всѣ сельскіе обыватели такъ подгуляли, то намъ

оставалось, повидимому, мало надежды получить лошадей: никто, казалось, не былъ достаточно трезвымъ, чтобы отличить лошадь отъ сѣдла. Мы перенесли въ переполненное помѣщеніе почтовой станціи свой багажъ и сѣли въ уголокъ, чтобы, занимаясь изученіемъ опьяненнаго человѣчества, выждать дальнѣйшаго хода дѣлъ. Всѣ въ домѣ были пьяны, кромѣ насъ самихъ и грудного ребенка, котораго держала на рукахъ одна женщина. Отецъ этого ребенка, красивый, молодой офицеръ въ полной формѣ, неувѣренными шагами ходилъ по комнатѣ, повидимому, озабоченный тѣмъ, чтобы снести свои вещи въ одно мѣсто и быть такимъ образомъ наготовѣ къ отъѣзду; но что въ одномъ мѣстѣ онъ бралъ въ руки, то ронялъ въ другомъ, а въ промежуткѣ онъ обмѣнивался со своими также затуманенными товарищами отрывочными замѣчаніями о минувшемъ праздникѣ. Наконецъ, его осѣнила, повидимому, счастливая мысль: онъ, пошатываясь, забрелъ въ одинъ уголъ комнаты, гдѣ у стѣны стояла его шашка, торжественно передалъ ее своей также подгулявшей супругѣ съ просьбой отнести ее въ сани. Ея голова была еще достаточно свѣжа, чтобы отвѣтить, что у нея, вѣдь, ребенокъ на рукахъ, — такъ пусть онъ самъ отнесетъ ее. Тогда онъ торжественно прижалъ свое оружіе къ груди и нѣжно поглядывая на шашку, увѣрялъ, что это — его первая невѣста и что по этой причинѣ онъ самъ отнесетъ ее въ сани. Но черезъ минуту онъ уже уронилъ ее и, безъ вмѣшательства второй невѣсты, навѣрное, забылъ бы первую.

Около 8 часовъ мнѣ, наконецъ, удалось поймать старосту и, пустивъ въ ходъ нѣсколько очень энергичныхъ выраженій, отрезвить его настолько, чтобы онъ понялъ, что ему придется плохо, если мы не получимъ сейчасъ же лошадей. Пока я изливалъ на него потоки своего краснорѣчія, онъ записалъ меня, наконецъ, въ станціонную книгу такимъ манеромъ: „г. Кеннанъ и его спутникъ изъ Сосѣднихъ Штатовъ“[1]), затѣмъ онъ вышелъ на крыльцо и крикнулъ изо всѣхъ силъ: „Андрей! Николай! Лошадей! Да поживѣй!“ Единственнымъ отвѣтомъ на это былъ раздавшійся на улицѣ дикій гамъ пьяныхъ уѣзжающихъ сѣдоковъ. Съ комичной миной безпомощности и отчаянія онъ простеръ руки къ небу и воскликнулъ плаксивымъ тономъ: „Они всѣ пьяны! Это просто наказаніе Божіе!“

Около 9 часовъ шумъ и гамъ въ деревнѣ стали понемногу утихать; содержатель почтовой станціи, который подъ вліяніемъ выпитаго въ изобиліи вина принялъ теперь видъ строгаго начальника въ сознаніи своего достоинства внезапно появился въ комнатѣ и спросилъ грознымъ тономъ, гдѣ ямщики, и что значатъ всѣ эти безобразія. Молодой офицеръ, опьяненіе котораго находилось теперь въ стадіи нѣжности, перецѣловалъ всѣхъ женщинъ въ комнатѣ, истово перекрестился и побрелъ къ санямъ, въ сопровожденіи жены, которая несла ребенка и шашку. Два пьяныхъ священника въ длинныхъ ря-

---

[1]) Русскія слова: „сосѣдній“ и „соединенный“ имѣютъ между собою нѣкоторое сходство и бѣдный пьяный староста, должно-быть, никогда не слыхалъ, что существуетъ страна, которая называется „Соединенными Штатами“.

сахъ и высокихъ шляпахъ, напоминающихъ цилиндры, но безъ полей, съ чернымъ крепомъ, вышли передъ крыльцомъ изъ экипажа, протянули молодому офицеру и его товарищамъ руки, которыя тѣ почтительно поцѣловали, и усѣлись въ почтовыя сани, на которыхъ правилъ крестьянинъ, едва сидя на козлахъ. Въ концѣ концовъ, когда мы потеряли уже всякую надежду когда-либо уѣхать отсюда, появился дѣйствительно трезвый человѣкъ въ изодранномъ тулупѣ и дѣловымъ тономъ сообщилъ содержателю почтовой станціи, что лошади для насъ готовы. Пьяный, раздраженный хозяинъ, желавшій однако въ чемъ-нибудь проявить свое достоинство и авторитетъ, засыпалъ несчастнаго ямщика руганью и наложилъ на него, наконецъ, штрафъ въ 50 копеекъ — за то ли, что онъ одинъ былъ здѣсь трезвый, или за то, что запрягъ лошадей, — этого я ужъ не знаю. Мы перетащили въ сани свои вещи и съ удовольствіемъ оставили этотъ сумасшедшій поселокъ. Когда послѣдніе звуки шума и гама остались позади, я сказалъ ямщику:

— Что такое случилось въ вашей деревнѣ? Все населеніе, кажется, перепилось.

— Сегодня у насъ освятили новую церковь, — отвѣтилъ онъ серьезно.

— Освятили церковь? — воскликнулъ я, не вѣря своимъ ушамъ отъ удивленія. — Развѣ такимъ образомъ освящаютъ церкви?

— Не знаю, — отвѣтилъ онъ. — Иногда пьютъ. Послѣ молебна было гулянье, и нѣкоторые, должно-быть, при этомъ выпили лишнее.

— Нѣкоторые, — повторилъ я. — Вы хотите, должно-быть, сказать, — всѣ. Вы — единственный трезвый человѣкъ, котораго мнѣ удалось встрѣтить въ деревнѣ. Какъ это случилось, что и вы не подгуляли?

— Я не христіанинъ, — отвѣтилъ онъ спокойно, — я бурятъ[1]).

Какъ христіанинъ, хотя и не членъ святой православной церкви, я замолчалъ при этой невольной и мѣткой ироніи, заключавшейся въ словахъ ямщика.

Единственный трезвый человѣкъ въ селѣ изъ 300—400 жителей былъ — язычникъ, а его христіанскій начальникъ наказалъ на 50 копеекъ за то, что онъ не напился, подобно остальнымъ добрымъ обывателямъ, и тѣмъ не проявилъ своего уваженія ко вновь освященному храму и не выказалъ, какъ высоко онъ цѣнитъ благодѣтельное вліяніе святой православной церкви!

1-го декабря, во вторникъ, около 10 часовъ утра, мы въѣхали въ Читу и остановились въ гостиницѣ Бядчинскаго „Владивостокъ“, — одноэтажномъ, небольшомъ деревянномъ домѣ. Въ Читѣ находилась, какъ я уже упомянулъ раньше, довольно многочисленная колонія интересныхъ политическихъ ссыльныхъ. Мы познакомились съ ними еще во время своего перваго пребыванія въ этомъ городѣ; такъ какъ мы тогда очень спѣшили, чтобы достигнуть карійскихъ рудниковъ до наступленія зимы, то посвятили имъ очень мало времени, рѣшивъ

[1]) Буряты, сибирскіе инородцы, почти всѣ буддисты.

на обратномъ пути пробыть здѣсь недѣли двѣ. Большинство этихъ ссыльныхъ кончили срокъ каторги въ рудникахъ и считались правительствомъ особо опасными преступниками. Въ виду этихъ обстоятельствъ и чрезвычайной бдительности по отношенію къ намъ администраціи, чему мы были обязаны своему пребыванію на Карѣ, мнѣ казалось необходимымъ теперь быть особенно осторожнымъ, и я рѣшилъ поддерживать съ мѣстными властями самыя лучшія отношенія. Было почти несомнѣнно, что капитанъ Николинъ, начальникъ политическихъ тюремъ на Карѣ, довелъ до свѣдѣнія исполняющаго обязанности губернатора въ Читѣ о нашемъ тайномъ знакомствѣ съ политическими вольной команды, и что вслѣдствіе этого за нами слѣдили. Прежде всего я былъ у полковника Свѣчина, временно замѣнявшаго губернатора Барабаша, разсказалъ ему довольно подробно о нашемъ пребываніи на Карѣ, — умалчивая, конечно, о политическихъ, — и изложилъ ему вкратцѣ наши дальнѣйшіе планы. Онъ былъ очень любезенъ и вѣжливъ, не задавалъ мнѣ щекотливыхъ вопросовъ, и когда я, почтительно простившись съ нимъ, уходилъ изъ его пріемной, то чувствовалъ себя совершенно успокоеннымъ. Одно изъ двухъ: или онъ не былъ освѣдомленъ о дѣйствительныхъ размѣрахъ нашего знакомства съ политическими ввѣренной ему области, или не придавалъ значенія нашему общенію съ ними.

Нѣсколько дней спустя послѣ нашего прибытія, богатый купецъ Немировъ, съ которымъ я случайно познакомился, пригласилъ насъ на спектакль, который давали любители съ благотворительной цѣлью. Мы приняли приглашеніе, надѣясь при этомъ завязать полезныя знакомства и желая какъ можно чаще показываться въ „благонадежномъ“ обществѣ. Въ антрактахъ удачнаго представленія, когда мы гуляли въ фойе, насъ представили многимъ гражданскимъ и военнымъ лицамъ; временный губернаторъ поздоровался съ нами весьма любезно, и мы обращали на себя всеобщее вниманіе, какъ „знатные американцы“, которые близко знакомы съ высшей мѣстной администраціей. Никому, — думали мы, — и на умъ не придетъ, что эти „знатные иностранцы“ находились въ Читѣ съ исключительной цѣлью ближе познакомиться съ политическими арестантами — нигилистами и террористами.

Среди офицеровъ, которымъ меня представили во время антрактовъ, былъ полковникъ Новиковъ, который въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей въ полной формѣ разгуливалъ въ фойе. Услышавъ мою фамилію, онъ внимательно посмотрѣлъ на меня и прямо сказалъ:

— Вы, говорятъ, были въ карійскихъ рудникахъ?

— Да, — отвѣтилъ я, удивившись этому неожиданному вопросу и чувствуя себя несовсѣмъ ловко, — я прибылъ въ Читу прямо оттуда.

— Что вы тамъ хорошаго видѣли? — спросилъ онъ, пристально разглядывая меня.

Хотя я и затруднялся, что ему отвѣтить, но, считая полезнымъ отзываться о чиновникахъ, насколько это не противорѣчитъ моей совѣсти, съ хорошей стороны, отвѣтилъ безъ колебанія, что познакомился тамъ съ хорошимъ человѣкомъ — полковникомъ Потуловымъ,

— Гм, гм, — пробормоталъ презрительно полковникъ, — онъ, должно-быть, показалъ вамъ все въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ?

— Тамъ имѣется не мало такихъ вещей, которыхъ нельзя показать въ благопріятномъ свѣтѣ, — возразилъ я, чувствуя себя часъ отъ часу не легче, но рѣшившись взять быка за рога.

— Были вы въ тюрьмахъ?

— Да, — сказалъ я, — мы посѣтили большинство карійскихъ тюремъ.

— Показали ли вамъ „голую команду“?

— Нѣтъ, я не знаю, что вы подразумѣваете подъ этимъ названіемъ.

— Я говорю о камерѣ, полной неодѣтыхъ арестантовъ. Когда я впервые осматривалъ тюрьмы на Карѣ, я попалъ въ камеру, въ которой сидѣло 25 совершенно голыхъ арестантовъ. Эта компанія и называется голой командой.

— Что это значитъ? — спросилъ я.

— Не знаю, — отвѣтилъ офицеръ, пожимая плечами. — У нихъ просто не было платья[1]). Показалъ ли вамъ вашъ этотъ хорошій человѣкъ камеры для одиночнаго заключенія въ тюрьмѣ Средней Кары.

— Нѣтъ. А что это за камеры?

— О, ничего особаго, — произнесъ полковникъ, какъ будто равнодушно, — онѣ только слишкомъ низки для того, чтобы стоять и недостаточно длинны, чтобы лежать. Вы, очевидно, видѣли только то, что вамъ нашли возможнымъ показать. Если бы я былъ тамъ, то вы видѣли бы вещи такими, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ, а не такъ какъ показывалъ ихъ вамъ вашъ любезный хозяинъ.

Я былъ совершенно смущенъ и пораженъ. Былъ ли полковникъ Новиковъ искрененъ или онъ ставилъ мнѣ ловушку, чтобы узнать, какого я мнѣнія относительно карійскихъ тюремъ и ихъ администраціи? Я не рѣшался отвѣтить, боясь выдать себя. Но онъ, не ожидая, отвѣта, продолжалъ:

— Въ теченіе $3^1/_2$ лѣтъ я былъ командиромъ казачьей сотни на Карѣ и, когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я получилъ, наконецъ, другое назначеніе, я такъ обрадовался, что отслужилъ по этому случаю молебенъ.

— Взгляните на мою бороду, — сказалъ онъ вдругъ, послѣ нѣкоторой паузы. — Она почти совершенно сѣдая; это слѣды того человѣческаго горя, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ пришлось быть на Карѣ. Когда я прибылъ туда, у меня не было еще ни одного сѣдого волоса. Сколько лѣтъ вы мнѣ дадите?

Я отвѣтилъ, что могу дать ему лѣтъ 55.

---

[1]) Впослѣдствіи я узналъ, что „голая команда“ состоитъ изъ арестантовъ, продавшихъ свое казенное платье, чтобы имѣть деньги для игры и пьянства. Въ наказаніе ихъ всѣхъ вмѣстѣ запирали въ большую камеру и отбирали у нихъ всякую одежду. Конечно, арестанты не могли безъ содѣйствія тюремныхъ чиновъ продать свои платья и получить за нихъ водки. Голая команда такимъ образомъ скорѣе служила доказательствомъ подкупности служащихъ, чѣмъ жестокости тюремнаго начальства. Полковникъ Новиковъ, повидимому, былъ склоненъ убѣдить меня въ обратномъ.

— Мнѣ только 45 лѣтъ, — отвѣтилъ онъ печально, — и когда я отправился на Кару, я выглядѣлъ не старше васъ.

Онъ замолчалъ, какъ бы погружаясь въ мрачныя воспоминанія. Я спросилъ его, на какое горе онъ намекаетъ.

— Горе всякаго рода, — отвѣтилъ онъ: — съ несчастными арестантами обращаются тамъ жестоко, ихъ сѣкутъ розгами и плетью, ихъ заваливаютъ работой и держатъ въ черномъ тѣлѣ, чѣмъ пользуются тюремные служащіе, обогащаясь на ихъ счетъ. Я приведу вамъ только одинъ примѣръ, чтобы охарактеризовать страданія и несправедливость, которыя имъ приходится выносить. Во время моего пребыванія на Карѣ жена одного изъ тюремныхъ смотрителей открыла, что ея любовникъ, арестантъ вольной команды, завелъ связь со служившей у нея красивой ссыльной дѣвушкой. Внѣ себя отъ ревности, она выставила своему мужу, смотрителю, это дѣло въ такомъ свѣтѣ, что тотъ приказалъ высѣчь дѣвушку. Она получила 150 ударовъ палкой по голому тѣлу и, когда она пожаловалась завѣдующему на жестокое обращеніе съ ней, ей отсчитали еще 90 ударовъ плетью, а всего такимъ образомъ 240 ударовъ, — я присутствовалъ при этомъ и слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ наказанія. Вы думаете, это было пріятно? У меня на головѣ не много волосъ, но и тѣ становились дыбомъ отъ ужасныхъ сценъ, при которыхъ я долженъ былъ присутствовать въ этихъ проклятыхъ рудникахъ. Чтобы тамъ жить, надо имѣть желѣзные нервы[1]).

Пусть читатель не подумаетъ, что эти поразительныя странныя сообщенія сдѣланы были мнѣ секретно, въ углу залы. Мы ходили по фойе среди массы публики вмѣстѣ съ нѣсколькими другими офицерами, и полковникъ Новиковъ говорилъ такъ возбужденно и громко, что не только эти офицеры, но и всякій прислушивавшійся къ нашему разговору могъ понять, о чемъ онъ говорилъ. Должно казаться страннымъ, что казачій полковникъ давалъ пріѣзжему иностранцу такіе нелестные отзывы о русскомъ институтѣ наказанія, но такая откровенность поражала меня уже не впервые. Въ тотъ же самый вечеръ мнѣ представился еще одинъ офицеръ и сталъ разспрашивать меня о нашемъ пребываніи на Карѣ. Пять минутъ спустя, онъ предложилъ мнѣ тотъ же самый вопросъ, что и полковникъ Новиковъ, именно — видѣли ли мы секретныя камеры въ тюрьмѣ средней Кары? Получивъ на этотъ отрицательный отвѣтъ, онъ также описалъ

---

[1]) Я думаю, что слова полковника Новикова переданы здѣсь въ точности. Они производили на меня, конечно, сильное впечатлѣніе и я записалъ ихъ тотчасъ же по возвращеніи изъ театра. Многое слѣдуетъ, пожалуй, отнести и на личную почву: отношенія Новикова къ другимъ офицерамъ на Карѣ, а особенно къ полковнику Потулову были, повидимому, враждебныя. Онъ, вѣроятно, кое-что преувеличивалъ и выставлялъ въ самомъ дурномъ свѣтѣ то, за что они въ самомъ дѣлѣ отвѣтственны. Все же сообщенное мною представляетъ большой интересъ, такъ какъ выражаетъ мнѣніе старшаго офицера, который лучше, чѣмъ кто-либо другой, былъ въ состояніи узнать истинное положеніе дѣлъ на Карѣ. Полковникъ Новиковъ былъ, впрочемъ, тотъ самый офицеръ, который говорилъ мнѣ, что гонялъ бы политическихъ преступниковъ сквозь строй.

размѣръ этихъ камеръ, прибавивъ еще, что въ этой ужасной обстановкѣ часто заставляютъ сидѣть политическихъ преступниковъ. Г-жа Россикова, по его словамъ, томилась въ этомъ мѣшкѣ, пока тюремный врачъ не заявилъ, что она при смерти.

Этотъ офицеръ пригласилъ меня навѣстить его, сказавъ, что, если я интересуюсь тюрьмами и ссылкой, то онъ можетъ предоставить мнѣ драгоцѣнный матеріалъ. Я не могу назвать ни чина, ни имени этого человѣка, но могу, не нарушая его довѣрія ко мнѣ, сообщить, что я, дѣйствительно, былъ у него и ему обязанъ знакомствомъ со многими фактами, изложенными въ предыдущихъ четырехъ главахъ. Онъ подтвердилъ почти все то, что сообщили мнѣ политическіе арестанты на Карѣ, далъ мнѣ описаніе покушенія на губернатора Ильяшевича, которое ни въ чемъ существенно не отличалось отъ разсказа самой г-жи Кутитонской, и разрѣшилъ мнѣ воспользоваться многими чрезвычайно интересными и цѣнными офиціальными документами. Не думаю, чтобы онъ при этомъ преслѣдовалъ иную цѣль, кромѣ констатированія истины.

Во время нашего почти двухнедѣльнаго пребыванія въ Читѣ я цѣлые дни проводилъ въ обществѣ „благонадежныхъ“ гражданъ и чиновниковъ, чтобы усыпить бдительность администраціи, а ночь посвящалъ почти исключительно политическимъ ссыльнымъ. Мы встрѣчались съ ними въ ихъ столярной мастерской въ большомъ двухъэтажномъ домѣ, въ которомъ жили раньше декабристы 1825 г. Около 9 часовъ вечера, въ обширной комнатѣ надъ мастерской, ежедневно собиралось 10—15 политическихъ; мы двое приходили туда большею частью немного позже: Фанни Моренисъ, умная и очень красивая дѣвушка лѣтъ 20-ти, играла роль хозяйки; г-жа Поллисъ разливала чай и около половны десятаго мы всѣ уже сидѣли за большимъ столомъ, курили, пили чай, разсказывали другъ другу свои приключенія и бесѣдовали на разныя соціальныя и политическія темы. Нѣсколькихъ ссыльныхъ обоего пола въ Читѣ слѣдуетъ отнести къ самымъ способнымъ, образованнымъ и симпатичнымъ людямъ, которыхъ мы встрѣтили въ Восточной Сибири, и я часто вспоминаю съ чувствомъ радости и печали о часахъ, проведенныхъ нами въ ихъ средѣ. Не всегда мы были въ угнетенномъ и грустномъ настроеніи, не всегда наше вниманіе было обращено на темную сторону русской жизни. Г. Лазаревъ или Валуевъ иногда подъ аккомпанементъ старой гитары пѣли мелодичные русскіе романсы; иногда мы двое съ воодушевленіемъ, хотя и не слишкомъ гладко, пѣли „Bingo“ „The Bull-dog“, „Salomon Levi“ или какую-нибудь другую веселую студенческую пѣсню. Иногда мы хоромъ пѣли русскую марсельезу, такъ называемую революціонную и запрещенную пѣсню: „Есть на Волгѣ утесъ“ или воинственную пѣсню „John Brown“.

Рано или поздно, мы всегда возвращались къ той темѣ, которая намъ была ближе всего—къ положенію Россіи, революціонному движенію въ ней и жизни политическихъ въ тюрьмѣ, пути и рудникахъ. Здѣсь я услышалъ многое изъ того, что уже разсказано въ предыдущихъ главахъ; здѣсь же я впервые узналъ ужасную исторію харь-

ковской тюрьмы и разсказъ объ отчаянной голодовкѣ въ иркутской тюрьмѣ четырехъ женщинъ: г-жъ Ковальской, Россиковой, Богомолецъ и Кутитонской. Болѣе ужасныхъ, болѣе трогательныхъ исторій я не читалъ, никогда не представлялъ себѣ; каждую ночь я возвращался къ себѣ въ гостиницу въ сильномъ волненіи, которое не давало мнѣ ни заснуть, ни думать о чемъ-нибудь другомъ. По цѣлымъ часамъ лежалъ я на полу и вновь переживалъ тѣ сцены и событія, которыя были описаны мнѣ съ такой потрясающей, жизненной правдой. Нѣчто совершенно иное — читать разсказы о страданіяхъ, несправедливости и жестокости, переданныя мною въ этихъ главахъ; или самому слышать эти разсказы изъ другихъ устъ тѣхъ самыхъ людей, которые принимали въ этихъ трагедіяхъ активное участіе и сами были въ мрачной долинѣ тѣней смерти. Если при такихъ разсказахъ мои глаза наполнялись слезами и сжимались кулаки въ дикомъ, но нѣмомъ и безсильномъ гнѣвѣ, то я не стыжусь этого, — не разъ въ Сибири только одни слезы могли доставить мнѣ громадное облегченіе. Гораздо труднѣе было переносить эти постоянныя, душевныя волненія, чѣмъ физическія страданія, которыми такъ богато было наше путешествіе по Восточной Сибири. Холодъ, голодъ, тряска и утомленіе можно переносить съ нѣкоторымъ философскимъ юморомъ, но продолжительное соучастіе въ чужихъ страданіяхъ переутомляетъ нервы и лишаетъ жизнерадостности. Кромѣ того мы были въ постоянномъ страхѣ предъ арестомъ и обыскомъ. Мы еще не были убѣждены въ томъ, что за нами слѣдятъ, но въ гостиницѣ рядомъ съ нами жили четверо офицеровъ, въ томъ числѣ жандармскіе капитанъ и полковникъ, и, по словамъ г. Фроста, онъ не разъ слышалъ черезъ тонкую стѣну, какъ эти господа разговаривали между собою о цѣли нашего путешествія въ Сибирь и обсуждали вопросъ, какимъ образомъ можно было бы завладѣть нашими бумагами или, по крайней мѣрѣ, просмотрѣть ихъ. На второй недѣлѣ нашего пребыванія въ Читѣ я однажды около 2 часовъ ночи возвращался домой отъ политическихъ. Улицы небольшого провинціальнаго города какъ бы вымерли; во всѣхъ окнахъ гостиницы было темно; меня впустилъ заспанный парень; г. Фростъ мирно спалъ на деревянной скамьѣ въ нашей комнатѣ, и во всемъ домѣ царила полная тишина. Комната, гдѣ жили офицеры, была отдѣлена отъ нашей тонкой перегородкой, въ которой была дверь. Подъ этой дверью находилась щель въ 3—4 дюйма, и она, какъ и вообще вся тонкая стѣна способствовала тому, что малѣйшій звукъ, всякое движеніе въ одной комнатѣ были слышны въ другой. Взволнованный ужаснымъ разсказомъ объ убійствѣ политическаго Сомова въ одесской тюрьмѣ, который мнѣ только что передали ссыльные, я не могъ заснуть. Я зажегъ свѣчу, легъ на полъ лицомъ къ стѣнѣ и сталъ читать, чтобы отвлечься отъ своихъ мыслей. Было слышно только тихое, мѣрное дыханіе г. Фроста. Вдругъ полная тишина нарушилась громкимъ выстрѣломъ изъ револьвера, раздавшимся по ту сторону перегородки. Удивленный и испуганный, я оперся на локоть и прислушался. Все было по прежнему тихо, только со стѣны, въ которую попала пуля, спадала шту-

катурка. Г-нъ Фростъ, разбуженный выстрѣломъ, приподнялся и спросилъ:

— Что это?

— Кто-то сейчасъ выстрѣлилъ изъ револьвера въ эту стѣну, — отвѣтилъ я, какъ можно тише.

— Который часъ?

— Около половины третьяго; держите себя покойно и слушайте.

Двѣ минуты мы прислушивались съ напряженнымъ вниманіемъ, не слыша ни звука. Полная тишина опять воцарилась во всемъ домѣ, а между тѣмъ я зналъ, что въ комнатѣ, гдѣ раздался выстрѣлъ, находилось четверо офицеровъ. Не застрѣлился ли кто нибудь изъ нихъ? — Вотъ первая мысль, которая пришла мнѣ въ голову, — но почему же никто изъ нихъ не поднимается и не зажигаетъ свѣчи? Выстрѣлъ былъ такой громкій, что онъ долженъ былъ быть слышенъ во всемъ домѣ и поэтому послѣдовавшая за нимъ тишина была еще подозрительнѣе и таинственнѣе, чѣмъ самый выстрѣлъ.

— Не спросить ли намъ у нихъ, что случилось? — произнесъ шепотомъ г. Фростъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я такъ же тихо, — лучше оставимъ это. Мы, вѣдь, невредимы.

Я боялся быть запутаннымъ въ какое-нибудь таинственное дѣло или трагедію: это дало бы полиціи поводъ узнать насъ и произвести у насъ обыскъ или вызвать насъ въ качествѣ свидѣтелей. Мнѣ казалось самымъ лучшимъ пребывать „тише воды, ниже травы", какъ говоритъ русская пословица, и ждать дальнѣйшаго. Что́ бы ни значилъ этотъ выстрѣлъ, насъ это не касалось, разъ только онъ не былъ направленъ противъ насъ — но это казалось прямо невѣроятнымъ.

Если черезъ 3 минуты я услышалъ въ комнатѣ офицеровъ звукъ, — какъ будто курокъ револьвера былъ взведенъ и опять спущенъ, а затѣмъ шепотъ. Одинъ офицеръ тихимъ голосомъ спрашивалъ другого, сколько у него еще имѣется патроновъ. Отвѣтъ нельзя было разобрать. Затѣмъ послѣдовало опять перешептываніе, наконецъ, водворилось молчаніе. Въ теченіе всей ночи въ комнатѣ офицеровъ не раздавалось болѣе ни звука. Почему былъ произведенъ этотъ выстрѣлъ въ нашу стѣну въ третьемъ часу ночи изъ совершенно темной комнаты, мы и до сихъ поръ не знаемъ. Мое личное мнѣніе таково, что кто-то пожелалъ пошутить надъ нами и, если бы на слѣдующій день со мною заговорили объ этомъ случаѣ, я отвѣтилъ бы, что револьверные выстрѣлы ночью въ американскихъ гостиницахъ столь обычное явленіе, что на нихъ не обращаютъ никакого вниманія, — и насъ поразило, де, только то, что на слѣдующее утро мы нигдѣ въ домѣ не видѣли трупа.

Открыла ли полиція во время нашего пребыванія въ Читѣ наши ежедневныя встрѣчи съ политическими, я не знаю, но что это случилось, по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи, я заключаю изъ того факта, что единственное письмо, которое я послѣ получилъ, оттуда — совершенно невиннаго характера сообщеніе купца Немирова, — было вскрыто.

До нашего прибытія въ Читу я носилъ всѣ самые важные и компрометирующіе бумаги и документы при себѣ въ кожаномъ поясѣ; но, наконецъ, онъ сдѣлался такимъ объемистымъ и тяжелымъ, что ихъ слѣдовало бы переложить въ другое мѣсто, и въ виду возможности, если не вѣроятности обыска, я рѣшилъ скрыть ихъ. Большую часть ихъ я помѣстилъ въ промежуткѣ между двойными стѣнками деревяннаго ящика, который я спеціально устроилъ себѣ для этой цѣли и который для отвода глазъ служилъ для храненія чайной посуды. Такой ящикъ я могъ на каждой станціи свободно выносить изъ саней въ комнату для проѣзжихъ и держать его всегда на виду, не опасаясь подозрѣнія полиціи или жадности воровъ. У всѣхъ путешественниковъ имѣлись такіе ящики. Остальные документы и нѣсколько писемъ ссыльныхъ поляковъ къ ихъ родственникамъ въ Европейской Россіи я помѣстилъ въ крышки книгъ. Такъ какъ мы вообще имѣли съ собою очень мало багажа, то я не взялъ съ собою книгъ; но ссыльные въ Читѣ снабдили меня англійскимъ экземпляромъ „David Copperfield“, толстымъ русскимъ журналомъ, содержавшимъ статью о ссылкѣ, и старымъ томомъ логариѳмовъ. „David Copperfield“ и логариѳмы ужъ навѣрное не могли возбудить подозрѣнія въ случаѣ обыска нашего багажа, а статья о ссылкѣ должна была спасти русскій журналъ. Наконецъ, одно очень важное письмо я скрылъ въ портретѣ одного изъ декабристовъ 1825 года между полотномъ и небольшой дощечкой, на которую оно было натянуто. Этотъ портретъ былъ найденъ въ Читѣ въ одномъ изъ домовъ декабристовъ, а такъ какъ я собиралъ интересныя и рѣдкія вещи, то и это не могло казаться подозрительнымъ. Мнѣ казалось, что мои бумаги были прекрасно скрыты; полиція могла бы найти у меня что-либо, только переломавъ или перервавъ сначала всѣ мои вещи.

9-го декабря, въ среду, вечеромъ мы въ послѣдній разъ пропѣли вмѣстѣ съ политическими ссыльными въ Читѣ прекрасную печальную пѣсню русскихъ революціонеровъ: „Есть на Волгѣ утесъ“, распредѣлили между ними всѣ свои драгоцѣнности на память о насъ, а затѣмъ съ искреннимъ и глубокимъ сожалѣніемъ разстались съ ними навсегда. Спустя 12 часовъ, мы уже катили по направленію къ Иркутску, главному городу Восточной Сибири. Пять сутокъ мы ѣхали на западъ, дѣлая въ часъ 12 верстъ и останавливаясь только на станціяхъ для смѣны лошадей; все время мы сильно страдали отъ холода, голода и безсонныхъ ночей. Байкалъ еще не замерзъ, но пароходство уже стало, и мы должны были воспользоваться живописной, гористой дорогой вдоль южной части озера. 14-го декабря въ понедѣльникъ, вечеромъ, когда до цѣли оставалось только 75—90 верстъ, насъ задержали на станціи, такъ какъ не оказалось свободныхъ лошадей. Отрѣзанные почти въ теченіе 3 мѣсяцевъ отъ всякаго сообщенія съ цивилизованнымъ міромъ, мы уже 10 недѣль не читали газетъ, не получали писемъ и горѣли нетерпѣніемъ достигнуть Иркутска. Въ виду этого мы наняли крестьянина отвезти насъ съ багажомъ въ розвальняхъ до ближайшей станціи, — и не предчувствуя, какимъ мученіямъ подвергаемъ себя. Былъ нестерпимый морозъ, дорога пере-

сѣкала рядъ высокихъ, лѣсистыхъ, горныхъ хребтовъ; истощенныя крестьянскія лошади послѣ первыхъ 4 верстъ не хотѣли больше тащить насъ подъ гору — и мы должны были бо́льшую часть пути, при температурѣ — 23° R., сдѣлать пѣшкомъ. Полумертвые, мы только въ 2 часа утра добрались, наконецъ, до слѣдующей станціи. На скользкихъ склонахъ послѣднихъ холмовъ я падалъ, по крайней мѣрѣ, разъ 20 отъ слабости и утомленія. Во вторникъ 15-го декабря мы, достигнувъ Иркутска, поѣхали прямо на почту, а оттуда въ „Московскую гостиницу" и, не умывшись, не переодѣвшись и ничего не поѣвъ, прежде всего набросились на письма съ родины (ихъ было отъ 40 до 50), — всѣ они были 2½—6-мѣсячной давности.

Хотя термометръ уже показывалъ иногда отъ —27 до 30° R., Ангара въ серединѣ своего теченія еще не замерзла, а такъ какъ мостовъ здѣсь не было, а паромы уже стали, то мы не могли переправиться. Цѣлыхъ 3 недѣли мы съ нетерпѣніемъ ожидали, когда быстрая рѣка покроется льдомъ; наконецъ, мы рѣшили проѣхать вдоль праваго юго-восточнаго берега ея около 150 верстъ по направленію къ Сѣверному ледовитому океану, гдѣ, по словамъ крестьянъ, рѣка уже стала. Продавъ свой старый тарантасъ и купивъ на эти деньги сани, мы въ пятницу, 8-го января, на тройкѣ почтовыхъ лошадей тронулись въ путь къ ледяному мосту черезъ Ангару.

По пути, приблизительно, въ 60 верстахъ къ сѣверу отъ Иркутска, на правомъ берегу Ангары мы осмотрѣли Александровскую центральную тюрьму, которая считалась тогда одной изъ самыхъ лучшихъ и большихъ, но первоначально она была выстроена для водочнаго завода и нѣкоторое время служила этой цѣли. Въ 1874 году зданіе было превращено въ тюрьму, и съ тѣхъ поръ въ ней постоянно содержалось около 1000 арестантовъ, даже каторжныхъ. Такъ какъ исполняющій обязанности иркутскаго губернатора г. Петровъ аттестовалъ мнѣ ее, какъ „образцовую тюрьму", а я до сихъ поръ не видалъ еще ни одной сибирской тюрьмы, которая могла бы претендовать на такое названіе, то меня особенно интересовало посмотрѣть ее.

Послѣ пріятной восьмичасовой поѣздки, мы въ пятницу, около половины десятаго вечера, прибыли въ поселокъ при Александровской тюрьмѣ, остановились на почтовой станціи и, обогрѣвшись чаемъ, легли спать, — по обыкновенію, на полу.

Въ субботу утромъ мы отправились къ дому начальника тюрьмы г. Сипягина, который былъ уже предувѣдомленъ о нашемъ прибытіи властями изъ Иркутска, чтобы попросить у него разрѣшеніе осмотрѣть учрежденіе, находящееся подъ его вѣдѣніемъ. Г-нъ Сипягинъ, пріятный, интеллигентный, образованный офицеръ 35—40 лѣтъ, принялъ насъ весьма радушно, настоялъ на томъ, чтобы мы позавтракали съ нимъ, и, подкрѣпивъ свои силы чаемъ, бутербродами, прекрасными котлетами съ жаренымъ картофелемъ, мы вмѣстѣ съ нимъ отправились въ тюрьму.

Александровская центральная тюрьма представляетъ собою большое, двухъэтажное, каменное зданіе съ желѣзной крышей, стоящее

среди обширнаго двора, который окруженъ высокой каменной стѣной съ контрфорсами. Зданіе несимметрично, но ея наибольшая длина равна, приблизительно, 300 футамъ, а наибольшая ширина 100 футамъ. Въ ней находится 75 общихъ камеръ, 10 камеръ для одиночнаго заключенія и 5 секретныхъ камеръ, предназначенныхъ для изолированія особенно важныхъ и опасныхъ преступниковъ. Въ то время здѣсь находилось 992 арестанта, между тѣмъ какъ 900 человѣкъ, отбывшихъ срокъ испытанія, жили въ вольной командѣ внѣ тюремныхъ стѣнъ. Прежде всего насъ повели на мельницу. Она занимала нѣсколько большихъ, сводчатыхъ помѣщеній въ первомъ этажѣ; здѣсь 75—100 арестантовъ мололи для нуждъ тюрьмы рожь. Воздухъ былъ свѣжій и хорошій, и работа не слишкомъ тяжелая; мужчины, вертѣвшіе колѣнчатыя ручки неуклюжихъ машинъ, смѣнялись другими, какъ только чувствовали себя утомленными. Начальникъ тюрьмы сообщилъ мнѣ, что молоть муку—единственная тяжелая работа, которую должны совершать заключенные въ тюрьмѣ и то только въ теченіе 3—4 часовъ въ день. Съ мельницы мы отправились въ камеры, занимавшія большую часть зданія и содержавшія отъ 15 до 75 человѣкъ каждая. Онѣ сильно отличались другъ отъ друга своими размѣрами и формою, но всѣ были достаточно велики для заключенныхъ въ нихъ арестантовъ; полы и нары были на рѣдкость чисты; воздухъ былъ безукоризненный, и только недостатокъ постельнаго бѣлья заслуживалъ порицанія. Во всѣхъ камерахъ находились приспособленія для вентиляцій, но нѣкоторыя изъ нихъ самими арестантами были заткнуты тряпьемъ и платьемъ. Коридоры, куда выходили камеры, были высокіе, широкіе и довольно свѣтлые, а воздухъ въ нихъ по своей чистотѣ едва отличался отъ наружнаго. Изъ камеръ мы отправились въ кухни, гдѣ каждый день готовилось болѣе, чѣмъ на 1000 человѣкъ. И здѣсь я не могъ открыть ничего, что стояло бы въ противорѣчіи съ чистотой и порядкомъ, господствовавшими повсюду. Я попробовалъ арестантскаго хлѣба и супа, то и другое было довольно вкусно. Г-нъ Сипягинъ сообщилъ мнѣ, что ежедневный пай состоитъ изъ 3 фунтовъ ржаного хлѣба, 1/2 мяса и 18 золотниковъ ячменя; картофель и зелень дается только въ исключительныхъ случаяхъ. Казеннаго чаю и сахару не полагается, но арестантъ можетъ покупать себѣ это на свои деньги. Когда мы вышли изъ кухонь, начальникъ тюрьмы спросилъ, не желаемъ ли мы посмотрѣть классную комнату. Я, конечно, выразилъ согласіе, такъ какъ еще не видалъ и не подозрѣвалъ, что нѣчто подобное существуетъ въ Россіи. Г-нъ Сипягинъ улыбнулся и повелъ насъ въ чистую, свѣтлую комнату во второмъ этажѣ, которую сами арестанты обставили простыми школьными лавками, а тюремное начальство завело для классной комнаты большой глобусъ и доску и украсило стѣны ея картами Сибири и Палестины и дешевыми литографированными картинами. Учениковъ въ классѣ мы не застали, г. Сипягинъ увѣрялъ меня, что арестанты часто собираются здѣсь, чтобы читать, писать, пѣть или слушать проповѣди священника. Не достаетъ только книгъ. У нихъ, по его словамъ, имѣется здѣсь нѣ-

сколько брошюръ и Новый Завѣтъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, которые оставилъ имъ священникъ Лансдель*); теперь слѣдовало бы еще обзавестись учебными книгами и библіотекой. Затѣмъ мы отправились въ мастерскія, гдѣ работало человѣкъ 25—30 арестантовъ столяровъ, портныхъ, сапожниковъ; воздухъ былъ полонъ пріятнымъ запахомъ русской кожи и стружекъ свѣжаго еловаго дерева. Начальникъ тюрьмы объяснилъ мнѣ, что арестанты могутъ заниматься какимъ угодно трудомъ и получаютъ $^2/_3$ заработка. По поступленіи денегъ за работу въ контору тюрьмы, одна треть ихъ выдается арестантамъ на руки или хранится у начальства, которое и выдаетъ имъ деньги по мѣрѣ надобности; одну треть они получаютъ по отбытіи срока наказанія, а послѣдняя треть поступаетъ въ пользу казны. Побывавъ еще въ госпиталѣ, который имѣлъ только 42 больныхъ, былъ чистъ, въ полномъ порядкѣ и хорошо вентилировался, мы вернулись въ домъ г. Сипягина. Начальникъ тюрьмы былъ, повидимому, очень доволенъ, когда я прямо заявилъ ему, что тюрьма, находящаяся въ его вѣдѣніи, во много разъ лучше всѣхъ 15 тюремъ, которыя я осмотрѣлъ въ Восточной Сибири, и что, благодаря его личной иниціативѣ, сдѣлано все, что только было можно сдѣлать по мѣстнымъ условіямъ. Это не была „образцовая тюрьма“ вообще, — но она, несомнѣнно, могла служить образцомъ для всей Сибири.

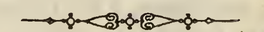
Въ воскресенье поздно вечеромъ г. Сипягинъ, капитанъ Маковскій, тюремный врачъ, г. Фростъ и я еще разъ отправились въ тюрьму, чтобы получить представленіе о томъ, каково состояніе тюрьмы послѣ того, какъ заключенные улеглись спать. Арестанты лежали рядами на нарахъ безъ подушекъ или другихъ спальныхъ принадлежностей, и, когда мы вошли, они испуганно вскочили, какъ будто опасаясь, что кого-нибудь изъ нихъ поведутъ на казнь; но они не произнесли ни слова, и мы со своей стороны молча прошли черезъ 6—7 камеръ. Во всѣхъ нихъ находились параши, и воздухъ былъ значительно хуже, чѣмъ днемъ, но все же не такъ плохъ, какъ въ другихъ осмотрѣнныхъ нами тюрьмахъ. Въ общемъ Александровская тюрьма дѣлала честь своему начальнику г. Сипягину и являлась нѣкоторымъ плюсомъ для русскаго тюремнаго управленія. Я съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ подчеркиваю это, что вообще мало видѣлъ въ русскихъ тюрьмахъ достойнаго похвалы.

Въ понедѣльникъ утромъ мы продолжали свое путешествіе, поблагодаривъ г. Сипягина и его милую интеллигентную супругу за любезность и гостепріимство и сердечно простившись съ ними.

Дорога, которая тянулась по самому берегу рѣки у подножія высокихъ крутыхъ холмовъ, окаймляющихъ Ангару съ востока, была, вслѣдствіе затора льда, затоплена, и мы только очень медленно подвигались впередъ поверхъ большихъ льдинъ или по крутому склону холмовъ. Берегъ сталъ, наконецъ, до того покатымъ и узкимъ, что

*) Это оказалось единственнымъ мѣстомъ во всей Сибири, гдѣ я нашелъ нѣсколько экземпляровъ книгъ и брошюръ, которыя въ значительномъ числѣ г. Лансдель роздалъ въ Сибири.

наши лошади не могли больше устоять на немъ, и мы должны были спуститься на тонкій, обманчивый ледяной покровъ рѣки. Когда мы за деревней Олонъ ѣхали быстрой рысью, ледъ вдругъ подался подъ нами, раздался страшный трескъ — и лошади, сани и все, что было въ нихъ, оказалось въ водѣ бурной Ангары. Къ счастью, ширина нашихъ саней не дала имъ тотчасъ же пойти ко дну, и благодаря не покинувшему насъ присутствію духа и ловкости намъ удалось вовремя выскочить на поверхность льда. Мы перерѣзали ремни упряжки, вытащили изъ воды одну лошадь за другой, подняли сани при помощи новыхъ лошадей и вернулись въ Олонъ, чтобы исправить поврежденія. По совѣту крестьянъ мы рѣшили отказаться отъ поѣздки по рѣкѣ, такъ какъ настали уже сумерки, и если бы мы еще разъ провалились сквозь ледъ, то въ темнотѣ и вдали отъ всякой помощи это могло бы имѣть очень дурныя послѣдствія. Поздно вечеромъ, соблазнившись обѣщанными нами 15 рублями (т.-е. въ пять разъ больше обычной платы), одинъ красивый молодой крестьянинъ вызвался довезти насъ по кружной дорогѣ черезъ горы въ ближайшую деревню ниже по рѣкѣ. Такъ какъ снѣгъ былъ не очень глубокъ, то онъ надѣялся пробраться, и въ половинѣ одиннадцатаго мы выѣхали. Въ теченіе всего нашего путешествія по Восточной Сибири мы не проводили болѣе ужасной ночи. Около полуночи поднялась пурга, при морозѣ въ 15—20°; мы въ темнотѣ сбились съ дороги, опрокинулись; въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ мы бродили по глубокому снѣгу, поднимали и тащили тяжелыя, громоздкія сани, пока не выбились совершенно изъ силъ и едва-едва не замерзли. Около 4 часовъ утра я почувствовалъ колющую боль въ правомъ легкомъ, и не прошло получаса, какъ я уже не могъ больше стоять на ногахъ. Предоставивъ г. Фросту и ямщику бороться съ метелью и справляться съ измученными лошадьми, я, весь дрожа, влѣзъ въ лежащія на одномъ боку сани, прикрылся своими шубами и потерялъ сознаніе. О всѣмъ, что случилось затѣмъ до слѣдующаго утра, я не имѣю представленія. На разсвѣтѣ меня разбудилъ лай собакъ, я выглянулъ изъ саней, и къ великой своей радости замѣтилъ дымъ, поднимавшійся изъ 3—4 избушекъ. Это была деревня Пашка. Обогрѣвшись и подкрѣпившись чаемъ, мы опять тронулись въ путь, миновали поселокъ Каменку и подъ вечеръ переѣхали черезъ Ангару по ея ледяному мосту. Ночь мы провели на уютной, почтовой станціи, уже на большомъ Сибирскомъ трактѣ.



Оглавленіе.

